

ЗНАМЕНИТЫХ

ЗАГАДОК ДРЕВНЕГО МИРА

Annotation

Похоже, что человечество достигло такого уровня развития, что может ответить на любой вопрос, волновавший умы древних людей. То, что раньше не поддавалось никакому объяснению и считалось чудом, сегодня понятно даже дошкольнику. Но все же остались в истории вопросы без ответов. Вернее, ответы есть, но они диаметрально противоположны, и каждый из специалистов, мнением которых вы поинтересуетесь, выскажет свою точку зрения – на его взгляд, единственно верную. Так был Всемирный потоп или его не было? Существовала ли Атлантида? Была ли на самом деле Троянская война или это миф? Вопросы, вопросы, вопросы...

В этой книге авторы пытаются разобраться в этих вопросах, проследить за ходом проводившихся исследований, проанализировать дошедшие до нас письменные свидетельства тех или иных событий.

А может, это и хорошо, что в истории остаются загадки? Ведь всегда найдется тот, кто захочет их разгадать...

-
- [Анна Ермановская](#)
 - [Когда?](#)
 - [Вперед к деградации?](#)
 - [Торжество камня](#)
 - [Иерихон и Чатал-гуюк](#)
 - [Трипольские «Иерихоны»](#)
 - [Первая в Европе](#)
 - [Книга Книг](#)
 - [Всемирный потоп?](#)
 - [Спасительный ковчег](#)
 - [Существовала ли Атлантида?](#)
 - [Мировой столп Вавилона](#)
 - [Царственные «близнецы»](#)
 - [Царь-библиотекарь и его воины](#)
 - [Последний пир Валтасара](#)
 - [В поисках вечной жизни](#)
 - [Секреты египетских мумий](#)

- [Пирамиды без мистики](#)
 - [Дочь Амона](#)
 - [«Казни египетские»](#)
 - [Юноша-фараон](#)
 - [Разгадка иероглифов](#)
 - [Вечное наследие «наиковарнейшего народа»](#)
 - [Пути Моисея](#)
 - [Соломон в сиянии славы](#)
 - [А была ли царица?](#)
 - [Копи царя Соломона](#)
 - [Великодушные хетты](#)
 - [Страна слонов](#)
 - [Начало Китая](#)
 - [Лабиринт](#)
 - [Свет из Гипербореи](#)
 - [Великий труженик Геракл](#)
 - [Век героев](#)
 - [Гомеровские вопросы](#)
 - [Спартанский социализм](#)
 - [Сокровища царя Атея](#)
 - [Тайны царской гробницы](#)
 - [Смерть завоевателя](#)
 - [Политическая мимикрия этрусков](#)
 - [Одиночество на троне](#)
 - [Факелы Нерона](#)
 - [Одиссеи древних мореплавателей](#)
 - [Под какой звездой родился Иисус?](#)
 - [«Странствия» Иисуса Христа](#)
 - [Возвращение Иуды](#)
 - [Было или будет?](#)
 - [Духи земли](#)
 - [Священные числа](#)
 - [Заклятые друзья](#)
 - [Несчастливый «царек»](#)
 - [Литература](#)
-

Анна Ермановская

50 знаменитых загадок древнего мира

Когда?

Мы считаем дни и недели и то вздыхаем, как медленно тянется время, то удивляемся, как быстро оно несется. Молодые торопят жизнь, а старики жалуются на то, как быстро она пролетела. И все мы смотрим на календарь, который висит на стене или лежит в записной книжке. Календарь хоть и молчит, но управляет нашей жизнью – недаром мы и дня не можем прожить, чтобы на него не взглянуть. Может быть, правы те мыслители, которые считают календарь самым важным изобретением человечества.

Конечно, слова «календарь», «век», «эра» у нас на слуху постоянно, что здесь может быть загадочного. Но осознаем ли мы, какой путь проделало человечество, пытаюсь определиться с системой отсчета своего существования?

Человек существует в нескольких циклах. Мы ложимся спать и встаем в соответствии с заходом и восходом солнца – это биологическая необходимость, биологический ритм. Но если человека спрятать глубоко под землю, в пещеру и отнять у него календарь и часы, то постепенно он перейдет на 40-часовой ритм, то есть будет двадцать часов спать и двадцать часов бодрствовать. Это подтверждает, что у каждого человека есть внутренние биологические

часы. Причем часы, по которым мы живем из-за смены дня и ночи, не совсем совпадают с теми, что есть внутри нас.

Календарь – очень сложная система. Составление первых календарей заняло тысячелетия и основывалось на многолетних наблюдениях и осознании природных циклов, поэтому, вероятно, первые календари появились у земледельческих народов.

Одна из древнейших легенд о смене сезонов (их называют календарными мифами) родилась в Месопотамии. Был у царицы небес и «хозяйки полей» Иштар возлюбленный Таммуз – «истинное дитя», так называли бога растений. Благоденствовал вечно юный бог в зимние дожди и весной, но томительный летний зной обрекал Таммуза на нестерпимые муки. И каждый год в месяце сивану (май-июнь) умирал страдалец, нисходя в подземное царство злобной Эрешкигаль и ее мужа Нергала – бога войны, болезней и смерти.

Никто по своей воле – ни люди, ни боги – не смели проникнуть в обитель вечного мрака и тлена, откуда нет возврата. Но скорбящая Иштар нарушила запрет и пригрозила привратнику, охраняющему вход в преисподнюю: «Открой немедленно ворота, иначе я сокрошу замки и запоры, выпущу на волю всех ваших узников – мертвецов, и станет на земле больше покойников, чем живых людей».

Услышала об этом Эрешкигаль и в безумной ярости призвала бога чумы Намтара, чтобы он заточил незваную гостью в темницу, отдав на растерзание шести десяткам болезней, поражающим сердце и печень, руки и ноги, глаза и уши. Пока несчастная богиня плодородия, горюя о возлюбленном, томилась в подземном плену, великой скорбью был объят осиротевший мир: желтели и сохли травы, не было ни колоса, ни цветка на бесплодной земле, не щебетали птицы, угасала любовь и замирала жизнь...

Тогда совет богов приказал выпустить из преисподней Иштар, но она потребовала, чтобы вместе с ней вернулся из подземного плена и ее возлюбленный. Скрежеща зубами от бессильной злобы, Эрешкигаль исполнила волю богов.

И тогда воскрес из мертвых юный Таммуз. Он возвратился на опустошенную землю, покрыл ее пестрым ковром трав и цветов; начали колоситься хлеба, цвести сады и наливаться янтарным соком виноградные гроздья.

И каждый год это процесс умирания-воскресения повторялся.

В своих молитвах об урожае шумеры называли Таммуза Адон – господин бог, господь. Адонисом величали своего бога растительности и народы Финикии и Сирии, а царицу небес именовали Астартой. Этим богам поклонялись почти во всех странах Средиземноморья.

Близ сирийского города Библа, в глубоком ущелье притаилось святилище Астарты. Здесь перед началом весны девушки, украшенные венками из анемонов, «роз Адониса», под заунывные мелодии флейт, лютен и арф оплакивали смерть юного бога. Потом под пронзительные звуки труб и грохот барабанов пели и плясали, возвещая праздничный день воскресения Адониса.

Из Финикии эта поэтическая сказка перекочевала на остров Кипр, а оттуда – в Грецию. Адонис стал любимцем Афродиты, сначала покровительницы плодородия, потом всепокоряющей богини любви и красоты. Красавец Адонис погиб на охоте, но по просьбе Афродиты всемогущий царь богов Зевс воскресил его и приказал властителю преисподней Аиду ежегодно отпускать Адониса к Афродите. И когда возвращается воскресший Адонис на землю, наступает весенний расцвет природы.

Каждый год разыскивает свою дочь Персефону безутешная мать Деметра. Зевс отдал девушку в жены своему брату Аиду, хозяину подземного мира. В горе Деметра, богиня плодородия, забыла о своих обязанностях, и мир чуть не погиб. Только возвращение Персефоны спасло его. Но ежегодно она, теперь уже царица подземного мира, должна возвращаться к мужу. И каждый год страдает Деметра, а вместе с ней скорбит природа.

У фригийцев ежегодно умирал Аттис, и его воскрешала мать богов Кибела. У египтян Исида помогала оживить убитого Осириса. Что ж, разными были имена и события, но сущность верований и обрядов почти не менялась.

Первые календари почти у всех древних народов были лунными: фаза Луны хорошо видна, и всегда можно сказать, начинается месяц или идет к концу. Но лунный календарь сложен. Легче узнавать время по звездам: некоторые из них, ярко сияющие в зимние месяцы, скрываются летом. Созвездие Орион, например, ежегодно не видно в южных странах два месяца – в это время оно восходит после Солнца. Когда Орион впервые появлялся перед утренней зарей, жители тропических стран знали: пора приступать к севу.

В Древнем Китае близость весны предвещал Небесный Ковш, как называют там Большую Медведицу: ручка этого созвездия при заходе Солнца «смотрела» на восток. Когда она в это же время суток была обращена к югу, значит, недалеко лето; к осени ручка ковша направлена на запад, а когда она повернется на север, готовься к зиме.

У древних греков были свои сигнальные звезды – Плеяды. Их легко заметить в созвездии Тельца. Вот что писал об этих звездах греческий поэт Гесиод:

Лишь на восток начнут восходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай, а начнут заходить – за посев принимайся.
На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба
Звезды-Плеяды.
Потом же становятся видимы глазу
Снова в то время, как люди серпы точить начинают.

Однако лунный календарь оказался очень неудобным для земледельцев: лунный месяц составляли 29,5 суток, поэтому количество дней в месяце чередовалось – то 29, то 30, а год составляли 354 дня. Причиной этого было несоответствие лунного года астрономическому. Постепенно накапливалась погрешность, и даже при строгом следовании календарю начало Нового года, а значит, и земледельческих работ, перемещалось по сезонам.

Древнейший солнечный календарь появился в Египте, вероятно, в IV тысячелетии до н. э. Хорошо известно, какую роль в жизни Древнего Египта играли регулярные разливы Нила. Было замечено совпадение начала разлива Нила с появлением на небосклоне перед восходом солнца звезды Сириус (по-гречески Сотис) в дни летнего солнцестояния. Эту звезду из созвездия Большого Пса можно было видеть на востоке в течение нескольких минут до восхода солнца. Продолжительность солнечного года составляла 365 солнечных суток. В нем было 12 месяцев, по 30 суток в каждом. Плюс еще 5 дополнительных дней, посвященных покаянию и памяти умерших сородичей. Но и этот календарь был небезупречным. Новый год постоянно перемещался, поэтому такой календарь называли блуждающим.

Современный международный календарь является солнечным. Лунный же календарь до настоящего времени употребляется в ряде мусульманских стран, также его использует христианская церковь при вычислении дня Пасхи.

Люди много раз пытались усовершенствовать календарь. Например, в некоторых странах были календари лунно-солнечные: в Древней Греции, Китае, Древнем Риме. В 26 г. до н. э. был реформирован египетский календарь. В результате реформы Эвергета он стал постоянным и состоял из 12 месяцев по 30 суток и 5 суток добавочных, причем каждые 4 года добавляли не 5, а 6 суток. Начинался этот год 11 сентября.

Риму мы обязаны самим понятием «календарь». Календы – первый день нового месяца. Календариумом называлась долговая книга, а платить проценты по долгам в Древнем Риме было принято в первый день месяца.

В Древнем Риме с VII в. до н. э. использовался лунно-солнечный календарь, в котором было 355 дней, делившихся на 12 месяцев. Суеверные римляне боялись четных чисел, поэтому каждый месяц состоял из 29 или 31 дня. Новый год начинался 1 марта.

Неточность календаря приходилось компенсировать: раз в два года вводили дополнительный месяц – марцедоний (от латинского слова «марцес» – плата), равный первоначально 20 суткам. В этом месяце должны были оканчиваться все денежные расчеты прошедшего года. Однако несоответствие римского и астрономического годов этой мерой ликвидировать не удалось. Поэтому марцедоний стали вводить два раза в четыре года. Используя свое право вводить в календарь дополнительные дни и месяцы, римские жрецы-понтифики (жреческая коллегия) настолько запутали календарь, что в I в. до н. э. назрела настоятельная необходимость в его реформе. После многих попыток в Древнем Риме было решено принять за основу астрономический год и разделить его на двенадцать месяцев.

Эта реформа, одно из величайших достижений человечества, связана с именем знаменитого римского полководца Юлия Цезаря. Реформированный календарь в его честь стал называться юлианским. Для создания нового календаря был приглашен александрийский астроном Созиген. Перед реформаторами стояла все та же задача: максимально приблизить римский год к астрономическому и благодаря

этому поддерживать постоянное соответствие определенных дней календаря одним и тем же временам года. А Цезарь выбрал самый приятный месяц в году и назвал его июлем. Обессмертив таким образом собственное имя, он пошел на заседание сената, где его убили неблагодарные заговорщики.

В Древнем Риме кроме календ специальные названия имели пятые числа каждого короткого (30 дней) месяца или седьмые длинного (31 день) – ноны и тринадцатые короткого или пятнадцатые длинного месяца – иды.

Началом года стали считать 1 января, так как в этот день приступали к исполнению своих обязанностей консулы и другие римские магистраты. Впоследствии были изменены названия некоторых месяцев: в 44 г. до н. э. квинтилис (пятый месяц) в честь Юлия Цезаря стал называться июлем, в 8 г. до н. э. секстилис (шестой месяц) – августом в честь императора Октавиана Августа. В связи с изменением начала года потеряли смысл порядковые названия некоторых месяцев, например десятый месяц («децембер» – декабрь) стал двенадцатым.

Новый юлианский календарь приобрел следующий вид: 1-й месяц – январь («януариус») получил название в честь двуликого бога Януса; второй – февраль («февруариус»), месяц очищения; третий – март («мартиус») назван в честь бога войны Марса; четвертый – апрель («априлис»), вероятно, получил название от слова «априкус» – согреваемый солнцем; пятый – май («майус») назван в честь богини Майи; шестой – июнь («юниус») – в честь богини Юноны; седьмой – июль («юлиус») – в честь Юлия Цезаря, восьмой – август («аугустус») назван в честь императора Августа; а у девятого, десятого, одиннадцатого и двенадцатого месяца названия остались прежними: сентябрь («септембер» – седьмой), октябрь («октобер» – восьмой), ноябрь («новембер» – девятый), декабрь («децембер» – десятый), хотя это теперь не соответствовало действительности.

Юлианский календарь был точнее предыдущих. Если египетский год опережал астрономический на одни сутки каждые четыре года, то юлианский отставал от него на одни сутки через каждые 128 лет.

В 325 г. первый Вселенский Никейский собор постановил считать этот календарь обязательным для всех христианских стран.

Юлианский календарь лежит в основе календарной системы, которой сегодня пользуются большинство стран мира.

Но постепенно календарь все же стал расходиться с действительностью. Пора уже собираться на праздник, а календарь показывает, что до него еще трудиться и трудиться. А священникам пришлось совсем туго: весеннее равноденствие (21 марта) в конце XVI в. приходилось уже на 11 марта, а это грозило в будущем, при условии сохранения равноденствия 21 марта, перемещением главного праздника христианской церкви – Пасхи – с весны на лето. По церковным же правилам Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния, приходящегося на период между 21 марта и 18 апреля. Опять возникла необходимость в реформе календаря. Календарь оброс поправками, как днище старого корабля ракушками.

Наконец под давлением ученых и священников Папа Римский Григорий XIII в 1582 г. созвал специалистов, которые высчитали, каковы накопившиеся погрешности, и определили, что нужно сделать, чтобы от них избавиться в будущем.

Автором проекта реформы был итальянский ученый – врач, математик и астроном Алоизий Лилио. Реформа призвана была решить две основные задачи: во-первых, ликвидировать накопившуюся разницу в 10 суток между календарным и астрономическим годами, во-вторых, максимально приблизить календарный год к астрономическому, чтобы в будущем разница между ними не была столь ощутимой.

Первая задача была решена административным порядком: специальной папской буллой предписывалось 5 октября 1582 г. считать 15 октября – десять дней пришлось выкинуть, как будто их и не было – так велика оказалась погрешность. Таким образом, весеннее равноденствие возвращалось на 21 марта.

Вторая задача решилась путем сокращения числа високосных годов, чтобы уменьшить среднюю продолжительность года юлианского календаря. Каждые 400 лет из календаря выбрасывались 3 високосных года, а именно те, которыми заканчивались столетия, при условии что первые две цифры обозначения года не делятся без остатка на четыре. Таким образом, 1600 г. оставался в новом календаре

високосным, а 1700, 1800 и 1900 гг. становились простыми, так как 17, 18 и 19 не делятся без остатка на четыре.

21 марта 1582 года в христианских странах был официально введен новый календарь. Папа скромно назвал его григорианским.

Новый григорианский календарь был гораздо совершеннее юлианского. Каждый год теперь отставал от астрономического всего на 26 секунд, а расхождение между ними в одни сутки накапливалось через 3323 года.

Григорианский календарь сначала был введен в Италии, Франции, Испании, Португалии и в Южных Нидерландах, затем в Польше, Австрии, католических землях Германии и в ряде других европейских стран. Но далеко не все страны приняли новый календарь. Англия перешла на него только в 1752 г. А в тех государствах, где господствовала православная христианская церковь, еще долгое время пользовались юлианским календарем. Например, в Болгарии новый календарь был введен только в 1916 г., в Сербии – в 1919-м. И в России сопротивление церкви не давало возможности принять григорианский календарь. Здесь он был введен только в 1918 г. К этому времени разница между юлианским и григорианским календарями достигла уже 13 суток, поэтому в 1918 г. был издан указ, который предписывал считать следующий за 31 января день не 1-м, а 14 февраля. Поэтому наша церковь отмечает Рождество 7 января, тогда как весь остальной христианский мир – 25 декабря. А «старый» Новый год у нас приходится на 13 января. Кстати, никто у нас не расстраивается из-за упрямства православной церкви: все-таки у нас праздников вдвое больше, чем в Европе.

Кроме России такое положение дел сохраняется только в Греции. Там перешли на григорианский календарь еще позже – в 1924 г. В Греции тоже существуют две системы отсчета праздников – гражданская и церковная.

Но когда мы говорим о летосчислении, то все время имеем в виду систему, принятую в христианском мире. Именно в нем отсчет ведется от «Рождества Христова», то есть от того дня, в который две тысячи лет назад родился Иисус Христос. Дата эта условная, поскольку даже самые убежденные богословы сегодня признают, что ранние христиане ошиблись и убавили Спасителю три или четыре года. На самом деле он родился в 3-м или 4 г. до нашей эры.

Мусульмане, а их на Земле сегодня не меньше миллиарда человек, скажут, что третье тысячелетие начнется в первый день месяца рамазан 2623 г., потому что именно в этот день в 622 г. пророк мусульман Магомет отправился из Мекки в Медину.

В 1789 г. во Франции произошла революция, которую принято называть Великой. Революционеры отменили старую систему летоисчисления и стали писать повсюду «первый год Республики», «второй год Республики» и так далее. Даже месяцы переименовали на революционный лад.

Во всех этих случаях мы имеем дело с эрой (от латинского слова «аега» – исходное число) – так называется исходный момент (точка) летосчисления. Возможно, что этот термин берет начало от первых четырех букв латинской фразы «ab exordio regni Augusti» – от начала царствования Августа. Такая эра – Августа – существовала одно время в Александрии.

В исходной точке отсчета времени нуждается любая календарная система. Отправной точкой летосчисления могло быть любое важное событие. В зависимости от того, что это было за событие, различают астрономические, политические и религиозные эры. К первым, например, относится эра Кали в Индии. Счет времени по этой эре велся от 18 февраля 3102 г. до н. э., когда было зафиксировано особое взаимоположение некоторых планет. К политическим эрам относятся те, исходной точкой которых служат даты основания городов, вступления на престол различных правителей. Религиозные эры имеют отправным моментом религиозные события: рождение Иисуса Христа, смерть Будды, переселение Мухаммеда из Мекки в Медину.

Современной международной эрой считается эра от Рождества Христова (в литературе она обозначается: до Р. Х., после Р. Х., или до, после нашей, или новой, эры). Она была провозглашена в 525 г. римским монахом, папским архивариусом Дионисием Малым, скифом по происхождению. При составлении пасхалий Дионисий высчитал год рождения Христа – 754 г. от основания Рима или 284 г. до начала эры Диоклетиана. В VI в. эта эра распространилась в Западной Европе, а к XIX в. – во всех христианских странах. В России она была введена Петром I с 1 января 1700 года.

Конечно, любая эра, а их известно около двухсот, условна. Причем для правильного отсчета времени достоверность события, от которого

ведется отсчет, безразлична. Но, отправляясь в путешествие по векам и странам, мы принимаем наиболее известную и знакомую нам систему отсчета годов и месяцев.

Вперед к деградации?

С происхождением человека связано немало тайн. Когда это случилось? Как это произошло? И где ж это произошло? Существует два основных объяснения происхождения человека.

Объяснение первое – религиозное. Любая религия утверждает, что человек был создан богами или Богом. Из глины, камня, воды – вариантов множество. Но все они отрицают одно – эволюцию.

Объяснение второе – научное, или эволюционное. Ученые полагают, что человек произошел от предков, подобных обезьянам, в ходе длительной, в миллионы лет, эволюции в результате естественного отбора.

Каждая религия отсчитывает древность человеческого рода по своим законам. По христианской догме, это случилось примерно семь с половиной тысяч лет назад. Наука же утверждает, что наши предки могут называться людьми последние тридцать-сорок тысяч лет. С этого времени археологи находят погребения таких же, как мы, людей,

которых называют кроманьонцами: если вы поставите рядом кроманьонца и современного человека, то различить их будет достаточно сложно.

Еще в XVIII в. все ученые полагали, что ни люди, ни животные на Земле не изменялись. Сравнительно недавно, полторы сотни лет назад, великий ученый Чарлз Дарвин создал теорию естественного отбора. Он показал, что животные изменяются, чтобы лучше приспособиться к климату или другим условиям жизни. Мало того, Дарвин предположил, что человек произошел от обезьяны. Конечно, это не значит, что люди произошли от одной из тех обезьян, которые живут сегодня, – у человека и обезьяны был какой-то общий предок. Его называли «недостающим звеном».

В конце XIX в. один из последователей Чарлза Дарвина, голландский врач Дюбуа, работавший на острове Ява, нашел там часть черепа неизвестного существа, мозг которого был развит более, чем у любой обезьяны, зубы были скорее человеческими, а не обезьяньими и ходил он, скорее всего, на двух ногах. Свою находку Дюбуа назвал питекантропом, то есть обезьяночеловеком. Но все равно должен был быть кто-то еще раньше!

О том, как был сделан самый первый шаг по пути превращения обезьяны в человека, рассказали раскопки в Африке, где особенно важные и интересные открытия сделали археологи из семьи Лики. Там были найдены первые австралопитеки, или южные обезьяны. Они были невелики размером, могли передвигаться на задних лапах, пользоваться на охоте палками и камнями и даже умели изготавливать самые примитивные орудия из камня. Еще на шаг ближе к человеку был «хомо хабилис» – «человек умелый».

Сегодня считается, что возраст обезьянолюдей из Африки более чем три миллиона лет. Именно тогда и началась эволюция человека. Первобытные же люди – именно люди, а не обезьянолюди – появились, конечно, позже, их возраст насчитывает сотни тысяч лет. Места их обитания не ограничиваются Африкой. Например, в Китае существовал синантроп, то есть китайский человек. Он умел изготавливать каменные орудия и охотиться на крупных животных. Кости похожих первобытных людей найдены и в Европе, и в Сибири, и в Палестине, их не было только в Америке.

Жизнь на Земле изменил ледниковый период. К счастью для первобытных людей, они уже научились одеваться в шкуры, поддерживать в пещерах огонь и охотиться на крупных зверей. Постепенно первобытные люди, которых принято называть неандертальцами (по названию немецкой деревни Неандерталь, возле которой были впервые найдены кости этих людей), распространились по всему миру. Тем более что помогал им в этом, как ни странно, ледник. Вобрав в себя огромное количество воды, он понизил уровень морей, и человек смог посуху идти от острова к острову, от земли к земле.

Неандертальцы были людьми невысокого роста, коренастыми, сутулыми, у них имелись большие надбровные дуги, низкий лоб и челюсть почти без подбородка, но в то же время объем мозга неандертальцев не уступал нашему. Они хоронили своих умерших родственников. Ни одно животное не понимает, что такое смерть, только человек способен это осознать. Ни одно животное не догадается спрятать тело своего умершего сородича в земле. А это означает также, что у неандертальцев начала зарождаться религия и представление об ином мире.

До недавнего времени ученые полагали, что современные люди произошли от неандертальцев. И даже когда в учебниках рисовали предков человека, то последним в этом ряду стоял именно неандерталец. Но оказалось, что неандертальцы жили по соседству с кроманьонцами. Так называют наших прямых предков (по месту первых находок у французской деревни Кро Маньон). Считается, что они появились примерно пятьдесят тысяч лет назад, когда главной расой или породой людей были неандертальцы. До конца тайна появления кроманьонцев еще не разгадана. Исследования продолжаются.

Современные методы позволяют по-новому взглянуть на давно известные находки. Еще в 1954 г. при раскопках палеолитического памятника Маркина Гора (Костёнки XIV, его возраст насчитывает около 32 тысяч лет) близ села Костёнки на реке Дон (Воронежская обл.) археолог Александр Рогачев обнаружил прекрасно сохранившийся скелет мужчины в неглубокой овальной могиле. Скелет человека с Маркиной Горы был исследован российскими учеными. Они установили, что захороненному было 20–25 лет, его

рост был невысоким – около 160 см. По строению тела и внешнему облику он принципиально уже ничем не отличался от современных людей: слепки внутренних полостей черепа и его строение свидетельствуют о том, что мозг древнего человека по своим анатомическим характеристикам идентичен мозгу наших современников. Особенности строения скелета позволили воссоздать некоторые черты образа жизни первых людей. Они были достаточно гармонично развиты. Их руки уже были способны выполнять самые различные, в том числе весьма сложные, действия. По всей видимости, они ходили и бегали. Во внешности человека палеолита Русской равнины преобладали европеоидные признаки, хотя некоторые черты характерны и для тропических групп – очень узкая черепная коробка, низкое и узкое лицо, резкий прогнатизм (выступление лица вперед), очень широкий нос.

Судя по скорченному положению скелета и следам красной краски на костях, тело умершего было спеленуто или связано и засыпано охрой. Никаких вещей в могиле не оказалось, но в культурном слое, с которым связано погребение, были найдены орудия ранней поры позднего палеолита: пластины, скребки, резцы, а также кости животных (в основном диких лошадей). По сохранившимся на останках рядом костных бус и песцовых зубов ученым удалось реконструировать одежду древних людей. Костюм выглядел как глухая одежда арктического типа, состоявшая из кожаной (замшевой) или меховой рубашки типа малицы, которая надевалась через голову, длинных кожаных штанов и сшитой с ними кожаной обуви типа мокасинов. Головной убор представлял собой шапку, расшитую песцовыми зубами.

Последние исследования находки почти 60-летней давности проводились в знаменитом лейпцигском Институте антропологической эволюции Макса Планка. Особенность только что законченных работ ученых состояла в том, чтобы получить из костей скелета древнейшую ДНК и расшифровать ее. При этом одна из главных задач заключалась в том, чтобы отделить древнейшую ДНК от следов ДНК людей, которые работали со скелетом с Маркиной Горы последние десятки лет.

Как оказалось, обнаруженный под Воронежем древний человек относится по своему генетическому коду к так называемой

гаплогруппе U2, которая очень редка среди современного населения Земли, хотя в Европе она представлена более шире, нежели в других частях мира. Согласно новейшим исследованиям, около 30 тысяч лет назад в Европу пришла новая волна переселенцев, относящихся к другой гаплогруппе – H. Именно эта группа сейчас и составляет основную часть населения современной Европы. Ученые из России и Германии пришли к выводу, что человек современного европеоидного типа возник к 50– 40-му тысячелетию до н. э. и изначально обитал исключительно в пределах Русской равнины и только потом расселился по территории всей Европы. Сейчас комплекс «Костёнки» под Воронежем признан мировыми археологами самым древним местом обитания человека современного типа, европеоида.

А что случилось с неандертальцами? Самые поздние находки неандертальцев показывают, что они словно перестали развиваться. Мозг неандертальцев, хоть и большой, был устроен примитивнее нашего, поэтому мы учились успешней. А это означает, что неандертальцы не могли перестроиться, приспособиться, придумать новые способы жизни, когда изменились условия их существования. Недаром самые поздние представители этого племени и ниже ростом, и примитивнее, чем неандертальцы периода расцвета. Более того, расшифрованный генетический код неандертальцев показал, что генетически современные люди и неандертальцы различаются настолько, что можно утверждать: они имели общего предка, но примерно 600 тысяч лет назад их пути разошлись. Неандертальцы – это боковая, тупиковая ветвь эволюции.

Примерно тридцать пять тысяч лет назад неандертальцы исчезли с лица Земли. И в пещерах или на стоянках, где они еще недавно обитали, уже жили кроманьонцы. Так человек победил в забеге на миллионы лет и возглавил царство живых существ на земле. Но, как известно, ничего – и победа, в том числе – не дается даром. А может быть, это и не победа вовсе?

Прошло больше 250 лет, с тех пор как Карл Линней отнес человека к классу млекопитающих, отряду приматов. С тех пор неоднократно предпринимались попытки обособить человека в особый отряд, класс или даже царство. Тщетно! Напротив, появлялись все новые факты, свидетельствующие о наших прочных родственных связях с высшими обезьянами. Скажем, в структуре белков,

нуклеиновых кислот, генетического кода ДНК. Наиболее принципиальное отличие человека – большой объем головного мозга относительно размера тела. Благодаря многочисленным извилинам и бороздам площадь коры человеческого мозга (считающейся основнымместищем разума) еще разительней отличается от обезьяньего. Это и служит для ученых основанием ставить людей на самую вершину биологической эволюции. У нас наивысший показатель так называемой цефализации (от греческого «кефале» – голова). Мы – самые головастые, самые мозговитые, самые разумные. Правда, с таким же успехом слон мог бы похвастаться рекордным размером носа, махайродус (саблезубый тигр) – клыков, тиранозавр – челюстей. Хотя тотчас слышишь: да ведь мозг, разум – нечто особенное, замечательное. Ведь, судя по всему, мамонты вымерли из-за гипертрофированных бивней, махайродусы – из-за непомерных клыков, звероящеры – по причине гигантизма и так далее. А развитый мозг позволил человеку господствовать в биосфере, покорить всех других животных, выйти в космос, овладеть атомной энергией и даже создать искусственный интеллект!

Французский палеонтолог и теолог Тейяр де Шарден полагал, что цефализация «придает дереву жизни рельефность, физиономию, порыв». Действительно, за последние полмиллиарда лет, как свидетельствуют опять же неопровержимые факты геологии, у разных групп позвоночных шло увеличение черепа, мозговитости. Однако бесспорными лидерами в этой миллионнолетней гонке за разумом были наши предки. Доказательства – на слоях-страницах горных пород, каменной летописи планеты, которую Шеллинг и Ломоносов называли «священным евангелием от Природы». Чем моложе слой – тем более цефализованные формы в нем присутствуют. Итак, кровное и генетическое родство человека с высшими обезьянами и цефализация подтверждаются данными науки; нам неизвестно ни одного факта, этому противоречащего. Человек сотворен – и не очень быстро – в лоне биосферы. А дальше начинаются проблемы и головоломки.

Избыточно крупный и сложный мозг приносит много страданий. Из них самое безнадежное связано с осознанием неизбежности смерти. Ни у каких животных нет таких многообразных и отвратительных извращений, антиобщественных проявлений, злобы и

ненависти к себе подобным (даже к себе самому!), как у человека. Практически все технические достижения людей приносят вред большинству членов общества и прочим обитателям Земли. Что может быть нелепее такого самоубийственного разума?! Непонятны и механизмы, движущие силы цефализации. Именно самые цефализованные – для своего времени – формы вымирали быстрее других. Все наши непосредственные предки, превосходящие других приматов размерами мозга, вымерли напрочь. То же – наши дальние цефализованные родственники: гигантопитеки, мегантропы, имевшие колоссальные размеры. Даже для них избыточный мозг оказался губителен.

Никакие математические подсчеты не подтверждают гипотезы о том, что усложнение организма, в частности мозга, могло происходить путем естественного отбора случайных отклонений (мутаций) от некоей «нормы». Нет нужды приводить примеры таких вычислений, где приходится оперировать цифрами, превышающими во много раз число всех атомов во Вселенной. Известный индийский астрофизик Викрамасингхе после подобных математических упражнений пришел к выводу: «Скорее ураган, пронесшийся по кладбищу старых самолетов, соберет новехонький суперлайнер из кусков лома, чем в результате случайных процессов возникнет из своих компонентов жизнь».

Но и это еще не все. По уровню цефализации человеку не уступают дельфин и даже представители беспозвоночных со смешным названием «головоногие» (цефалоподы). Эти моллюски более 200 миллионов лет назад стали бесспорными рекордсменами цефализации. Но вовремя остановились в своем «прогрессивном» развитии, что позволило им дожить до нашей эпохи.

Не является ли гипертрофированный мозг человека свидетельством скорого вымирания данного вида? Зародыши обезьян и даже их дети обнаруживают большее сходство с человеком, чем взрослые особи. Но в дальнейшем обезьяны отстают и приобретают ярко выраженные «звериные» черты. Словно природа советует им: осадь назад, а то хуже будет! Советская исследовательница Н. Лодыгина-Котс воспитывала одновременно собственного ребенка и дитя шимпанзе. Оказалось, что в первый год интеллект обезьянки развивается быстрее. Затем, осваивая речь, маленький человечек

получает явные преимущества в умении общаться, мыслить, решать различные задачи. Обезьяна приобретает примерно столько знаний и мозга, сколько требуется для ее нормальной жизни. Можно ли сказать это и о человеке? Согласно данным палеонтологии, средний объем головного мозга и коэффициент цефализации (отношение веса мозга к весу тела) ускоренно возрастали до неандертальцев, вымерших около 35 тысячелетий назад. А затем эти показатели пошли на убыль. И еще – биологи подсчитали, что у человека 15 органов, представляющих шаг вперед от обезьян – не только в строении мозга, но и ног, таза, лица, гортани. 17 органов находятся в упадке или неполно выполняют свои физиологические функции (некоторые мышцы ног, 11-я и 12-я пары ребер, слепая кишка и т. д.). А 107 рудиментарных органов бесполезны (копчик, ушные мускулы и пр.).

Так что же преобладает в эволюции человека: прогрессивное развитие или деградация? Насколько известно, нет ни одного факта самопроизвольного зарождения и устойчивого развития в направлении от простого к сложному. Можно спросить: а как же прогресс техники, промышленности? Ответ: он осуществляется благодаря целенаправленным усилиям людей, их разумной трудовой деятельности. За счет чего? За счет природных ресурсов, изъятие которых ведет к деградации биосферы. Последнее утверждение не голословно. Подсчеты затрат энергии и материалов показывают, что человечество не менее чем на 95 % разрушает, «разъедает» окружающую природную среду, а из оставшейся доли не более 1 % можно отнести к преобразованиям в лучшую сторону, к творениям, сопоставимым с красотой и совершенством естественных объектов.

Безусловно, эти цифры приблизительны. Но они если и будут уточняться, то, скорее всего, в неблагоприятную ДЛЯ нашего человеческого самолюбия сторону. За последние десятилетия невиданными темпами вымирают многие виды животных и растений. За время своего недолгого царствования на планете современный «человек разумный» истребил сотни видов крупных позвоночных. Опустынивание, деградация ландшафтов, общий кризис биосферы – такова непомерная цена цефализации человека. Так что же это такое: прогресс или регресс?

И в самом деле, в теории происхождения человека очень много неясного, довольно стройно эта теория выглядит только в школьных

учебниках. Вот некоторые не-объясненные пока факты.

За последнее время ученым удалось добыть новые доказательства того, что наши родственные связи с высшими обезьянами, а также обнаруженными ископаемыми видами рода *Номо* сильно преувеличены.

Группа японских ученых завершила сравнительные исследования генетических особенностей человека и 5 видов высших обезьян (гориллы, карликового и настоящего шимпанзе, орангутанга, гиббона). Согласно этой методике, степень родства видов определяется по сходству закодированных на молекулярном уровне признаков. Исследователи учитывали и среднюю скорость, с которой происходят те или иные генетические изменения. Это позволило высчитать время, потребовавшееся на реализацию этих изменений.

В результате выяснилось, что, согласно показаниям этих, можно сказать, молекулярно-генетических часов, от общего предкового ствола высших обезьян гориллы отделились примерно 7–8 миллионов лет назад. Чуть позже обособились другие из исследованных видов. Для человека этот показатель составляет $4,7 \pm 0,5$ миллиона лет. Если основываться на этих данных, то вполне можно ожидать новых находок предков современного человека в геологических отложениях более древних, чем те, к которым относятся знаменитые африканские находки в Олдувайском ущелье. Более того, не исключено, что потребует пересмотра гипотеза об африканском очаге появления «перво-человека».

Короче, наше – общечеловеческое – родословное древо оказывается все более и более древним. В начале нашего века, согласно научным данным, на сотворение человека из примитивных обезьяноподобных форм отводилось примерно 0,5 миллиона лет. Теперь эта цифра увеличилась в десять раз.

Неожиданности преподносят порой и традиционные методы антропологических исследований. Конечно, они не столь эффективны и современны, как молекулярно-генетический анализ, однако... Недавно американские антропологи Р. Хейс, Р. Денненхофер и Т. Щасны обнаружили на теле современной, в остальном совершенно нормальной 82-летней женщины четыре рудиментарные мышцы, не свойственные ни человеку, ни высшим обезьянам, но типичные для остальных, считающихся более примитивными, приматов. Что бы это

означало? Не отделилась ли эволюционная ветвь человека еще раньше, чем считают большинство специалистов? Не было ли нашим прапращуrom существо, сочетающее признаки и высших, и низших обезьян? С общебиологических позиций такой вариант вполне вероятен.

Наконец, сенсационная недавняя находка останков древнего человека в пещере Альтамура близ итальянского города Бари. По мнению итальянского ученого В. Песче-Дельфино, это был человек ростом 160–165 см, череп которого можно считать переходным от архантропов к неандертальцам. Подобные люди обитали в Европе более 250 тысячелетий назад. Не эти ли незнакомцы вытеснили в конце концов неандертальцев и явились нашими непосредственными предками? На этот вопрос пока нет ответа. И еще: следует иметь в виду, что хотя все известные ископаемые гоминиды и родственны нам, но не могут однозначно считаться нашими предками. Скорее всего, они вымерли еще во времена неандертальцев или даже раньше.

Согласно научным воззрениям, цветковые растения появились на Земле 100 миллионов лет назад. А в Венесуэле нашли пыльцу цветов в отложениях возрастом в 2 миллиарда лет. Наука комментариев не дает. В 1852 г. в штате Массачусетс взрывали скальные породы древностью 600 миллионов лет и на глубине 4,5 м нашли металлический сосуд удивительной красоты и изящества, украшенный тонкой резьбой. А в те времена, как принято думать, на Земле не было еще не только людей, но и позвоночных.

Как считает наука, человек современный (наш прямой предок) появился на Земле лишь 400–500 веков назад. И вдруг в Африке откапывают останки человека на 700 веков старше. А потом в Калифорнии – на четыре с половиной тысячи веков старше! Получается, что самые древние человеки прямостоящие и самые близкие к нам человеки очень разумные жили-были как бы параллельно, а вовсе не совершенствовались постепенно? Наука сделала вид, что ничего не произошло.

Антрополога Г. Река, нашедшего подобный же казус (скелет человека современного в более древних отложениях, чем «полагалось») еще в 1913 г., обвиняли в небрежности, фальсификации, невежестве. До того затравили, что он перестал упоминать о своей находке. А когда через 60 лет исследователь Р. Протч предложил

уточнить возраст скелета современными радиоизотопными методами, выяснилось, что «неудобный» скелет просто исчез. Не из сарая – из запасников Мюнхенского музея. Из Бразильского музея пропал череп, найденный канадским антропологом А. Брайаном, он тоже не укладывался в общепринятую в науке схему того, как появились в Новом свете люди. Принято думать, что Америку заселили всего 30 тысяч лет назад пришельцы из Азии. А череп Брайана принадлежал обитателю Америки полуторамиллионной давности.

Наши предшественники по виду – неандертальцы – вымерли, согласно науке, 35 тысяч лет назад, теснимые из Европы человеком разумным – это было задолго до применения железа. Поэтому сообщения о найденных в захоронении железной кольчуге, железных наконечниках копий и рядом – черепе неандертальца ученые сочли шуткой. А над большим собранием фактов в пользу того, что неандерталец существовал еще и в XX веке, обнаруженным англичанкой М. Шекли, просто смеялись.

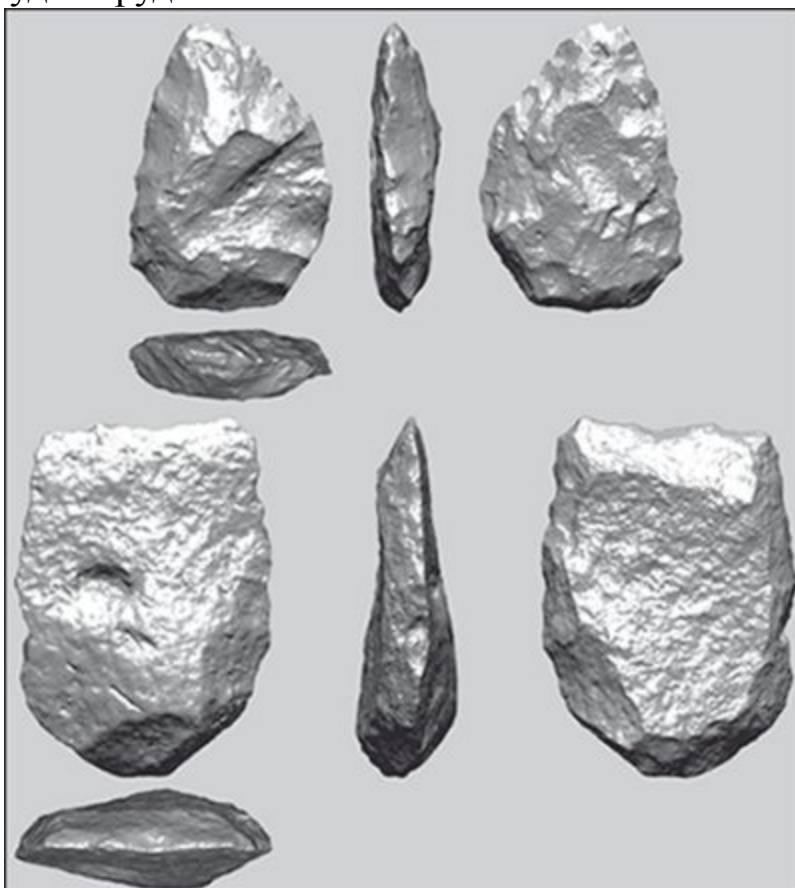
Ископаемая челюсть, найденная в Грузии, оказалась самой древней находкой останков предков современного человека, которые когда-либо обнаруживались за пределами африканского континента. Возраст нижней челюсти с зубами, принадлежащей *Homo erectus* (человек прямоходящий), составляет от 1,6 до 1,8 млн лет. Ученые из Грузинской АН считают доказанным, что этот вид покинул африканский континент почти на миллион лет раньше, чем предполагалось прежде. Профессор Калифорнийского университета Генри Макгенри полагает, что находка в Грузии – великое открытие, опровергающее многие прежние представления. Оно означает, что *Homo erectus*, выйдя за пределы Африки, перепробовал много сфер обитания в умеренных климатических зонах. И, следовательно, его останки, обнаруженные на острове Ява в XIX в. и в Китае в 1930-е гг., могли принадлежать выходцам из Азии (Грузии?), а вовсе не из Африки.

А в заключение надо упомянуть об одной важнейшей особенности всех наук о природе, включая эволюционную антропологию. Говоря одним словом, это – незнание. По самым скромным подсчетам, на Земле существует в десятки раз больше видов животных, чем учтено и описано учеными (орнитологи ежегодно открывают в среднем три вида птиц, а энтомологи – примерно столько

же видов насекомых в неделю). Понятно, что находки ископаемых остатков в слоях горных пород еще более фрагментарны и изобилуют пробелами.

Торжество камня

Камень по праву стал символом самого древнего и самого длительного отрезка человеческой истории. Каменный век в 99 раз длиннее, чем вся последующая история человечества. Для нас слова «каменный век» означают не только беспросветную даль времен, но и отсталость, дикость, варварство – все, что противопоставляется цивилизации. При этом в упоении своей технологической оснащённостью мы забываем, что именно жившим в каменном веке людям обязаны тем, что превратилось в сложные машины, облегчающие нашу жизнь. Огонь, колесо, лук, стрелы, копье, гарпун, лодка, посуда, одежда – список можно продолжить. И конечно, каменные орудия труда.

Казалось бы, чего проще – нашел камень и используй его на всю катушку. Но на самом деле процесс не только изготовления, но и

отбора сырья для орудий труда был очень трудоемким и, кроме того, требовал знаний. Восстановить многовековой процесс накопления знаний и умений позволяет экспериментальная археология.

Производственный процесс мог начаться лишь при наличии подходящего сырья. Что же использовалось? Привычный ответ звучит так: кремень. И неудивительно, потому что в школьных учебниках так написано. Для многих из нас «каменная индустрия» ассоциируется с кремнем. Но кремень и аналогичные горные породы, отличающиеся большой твердостью и одновременно способностью легко раскалываться с раковистым изломом, начали искать лишь позднепалеолитические каменотесы. Они отбивали от одного камня десятки длинных пластин или же, наоборот, мелких пластинок (микролитов) либо виртуозно моделировали ударным раскалыванием тонкие длинные наконечники, которые могли бы украсить любую художественную коллекцию.

Самые грубые орудия – рубила – можно было изготавливать из любой более или менее твердой и выносливой горной породы. Поэтому неудивительно, что на более древних стоянках находят очень пеструю «компанию» горных пород и минералов – кварцы, кварциты, базальты, диабазы, андезиты, порфириды, граниты, кальциты, доломиты, кварцевые песчаники, кремни, роговики, амфиболиты, зеленые сланцы, обсидианы, которые из разных районов были принесены в одно место речными потоками, морскими приливами либо ледниковыми языками. Для древних охотников здесь был большой выбор. Но совершенное ручное рубило можно было изготовить не так быстро и далеко не из любого камня. Самые лучшие ручные рубила получались из колющихся пород – кремня, роговика, обсидиана. Кремневое ручное рубило весом около 700 г современный экспериментатор после длительных опытов научился делать за полчаса.

Настоящими мастерами каменотесного искусства были позднепалеолитические охотники. Они опытным путем в совершенстве познали и раскрыли основные физические и технические свойства различных видов камня и умели их не только оптимально использовать, но и приумножать. Для экспериментаторов это были тяжкие минуты, когда они попытались (в большинстве случаев – безрезультатно) скопировать длинные клинки или плоские

наконечники, форма которых напоминает лавровые или ивовые листья, при том что они были вооружены данными, которые им сообщили микроскопы, минералогические, химические и спектральные анализы и измерения прочности на растяжение и сжатие.

У древних мастеров никаких приборов не было, они учитывали внешние признаки камня – цвет, блеск, зернистость, излом, массу, прочность, твердость – и умели отличать основные типы качественного сырья от бесконечного ряда непригодных горных пород и минералов. С безошибочной точностью находили они породы, отличающиеся твердостью, прочностью и одновременно способностью к раскалыванию. Об этих породах мы знаем сегодня, что они образованы веществом и называем их силикатами: роговики, кремни, радиоляриты. Они существуют в виде включений и пластов в карбонатных и меловых формациях либо в рыхлых отложениях – в руслах рек и ледниковых моренах. Об их свойствах свидетельствуют, например, данные о прочности на сжатие. Так, один кубический сантиметр гранита выдерживает нагрузку от 600 до 2600 кг, песчаника – от 300 до 700, кварцита – от 1200 до 2400, амфиболита – до 2700, роговика – от 2000 до 3000 кг, а некоторые качественные породы роговика и кремня – даже до 8000 кг. Орудия и оружие из такого сырья почти не уступают стальным. Больше всего подходили палеолитическим каменотесам кремни, но из силикатов именно они менее всего распространены в природе.

Наиболее обширные месторождения кремня встречаются в горных породах самого верхнего мелового отдела. Они тянутся главным образом в прибрежных областях от Северо-Западной Франции через Голландию, Данию и далее на север. Там они подвергались воздействию морского приобья, мороза, выветриванию. Качество кремня страдало, так как он лишался необходимого количества воды. Из такого сырья лишь с большим трудом можно изготавливать длинные пластины. Наверное, позднепалеолитические каменотесы добывали хотя бы часть кремня и качественных роговиков в местах исконных залежей. Но как это происходило, если места залежей удалены иногда на сотни и тысячи километров? Вероятно, они время от времени предпринимали экспедиции за сырьем, как это до сих пор делают аборигены Новой Гвинеи. Могли они заполучить его и, так сказать, мимоходом – при передвижениях по обширной охотничьей

территории либо посредством меновой торговли, которую организовали люди, жившие поблизости от источников сырья и обрабатывавшие его в количестве, превышающем их собственные нужды.

На многие «каменные» вопросы, оставленные нам позднепалеолитическими охотниками, экспериментаторам в конце концов удалось ответить, хотя этому ответу предшествовали длительные исследования. На все, кроме одного, но весьма существенного! Даже многолетние исследования и опыты оказались тщетными, когда экспериментаторы пытались имитировать откалывание методом давления при изготовлении тонких кремневых, роговиковых или обсидиановых наконечников копий и стрел длиной от нескольких сантиметров до нескольких дециметров. Многие из ученых все-таки признали свое поражение, и лишь несколько человек упорно продолжали эксперименты, добравшись до середины пути. Полностью же тайну удалось разгадать лишь американскому археологу Дону Кребтри, который этой проблеме посвятил всю жизнь. «Соль» ее состояла в том, что кремль или обсидиан перед откалыванием необходимо было подвергнуть тепловой обработке. Итак, методы старых каменотесов наконец-то перестали быть тайной (мало того, сегодня американские студенты-археологи обучаются им в университетах на специальных курсах).

Не везде в распоряжении позднепалеолитических каменотесов были кремль, добротный роговик или обсидиан. И поэтому те, кто обращался к иным сортам камней, оставили нам свидетельства своего мастерства в другом

материальном оформлении. Кроме того, их изделия – доказательство немалых, говоря современным языком, минералогических знаний. Например, когда археологи внимательно осмотрели все орудия из пещеры Житного в Моравском карсте, оставленные охотниками на северных оленей, они, к великому своему удивлению, обнаружили, что десятая часть их изготовлена не из простых серых, черных и коричневых кремней и роговиков, а из прекрасных прозрачных хрустальных отщепов и пластинок, которые, несомненно, были отбиты от крупных кристаллов. А поскольку такие в Моравском карсте встречаются редко, один минералог высказал предположение, что хрустальное сырье происходит из Австрийских

Альп. Что побудило охотников на оленей использовать этот красивый и редкий камень, мы, вероятно, уже никогда не узнаем, но зато благодаря эксперименту ученые реконструировали их минералогические знания.

Горный хрусталь – минерал более твердый, чем роговики или кремень, но зато более хрупкий. В отличие от силикатов, горный хрусталь меньше страдает от недостатка влаги. Однако положительные результаты достигаются только ударами вдоль определенных кристаллографических направлений. Другие удары превращают кристалл в грудку бесполезных обломков. У кристаллов высокого качества можно даже при слабом ударе вдоль нужного направления получить тонкие, почти плоские отщепы. Поперечный удар в середину кристалла также приводит к его разбиванию. Так вот, каменотесы из пещеры Житного действовали строго в соответствии с этими основными минералогическими правилами. Сколько поколений экспериментировало для того, чтобы накопить нужные знания?

Неолит принес новые типы каменных орудий – топоры и тесла, изготавливавшиеся главным образом шлифованием и сверлением из горных пород, отличающихся твердостью, вязкостью, истираемостью и небольшой изнашиваемостью. Чаще всего речь шла о зеленых сланцах различных вариантов – нефрите, серпентините, порфирите и других горных пород. Европейские каменотесы неолита очень любили зеленые сланцы, свойства которых в некоторых отношениях приближаются к металлу. Кое-где, например на севере Европы, земледельцы, правда, использовали также кремневые топоры, но те были более хрупкими и при рубке леса быстрее ломались. Кроме того, твердый кремень не поддавался сверлению доступными тогда способами, и его приходилось вставлять в расщеп деревянной рукоятки. Такой захват был менее надежным и крепким, нежели у топорика, вставлявшегося в просверленное отверстие топора из зеленого сланца.

Шлифованные орудия древние земледельцы использовали для деревообрабатывающих и деревообделочных работ: для рубки леса, уборки подроста, строительства жилищ и различных конструкций и для производства самых разнообразных деревянных предметов. В 1972 г. археологи-экспериментаторы попытались подробнее изучить производственные промыслы с применением шлифованных орудий.

Опирались они при этом на «каменную инструкцию», оставленную на неолитической стоянке в Брно-Голасках (Чехия) тамошними производителями. Она состояла из сырья, начатых и завершённых изделий.

Предварительно заготовке была придана необходимая форма. Шлифовка – процесс весьма длительный, и поэтому нужно максимально устранить ненужную массу. Вес заготовки после обработки снижался с 325 до 115 г. При этом отскакивало около 350 обломков и чешуек. За час брусок из песчаника отделял от заготовки слой в 8—10 мм. Топор был отшлифован за несколько десятков минут. Потом топор терли о кожу, и он приобретал матовый чёрный блеск, столь характерный и привычный у доисторических оригиналов. Применяя описанную технологию, экспериментаторы изготовили несколько непросверлённых топоров и одно колодкообразное рубило (тесло). Время, необходимое на изготовление, колебалось в зависимости от размеров и формы орудия от трёх до девяти часов.

При изготовлении сверлёных орудий нужно было добавить ещё одну операцию, которая в доисторические времена осуществлялась с применением полого деревянного или костяного либо сплошного деревянного или каменного сверла, вращаемого обеими руками либо луком. В качестве сверла использовался стержень из чёрной сирени, из которого был удален сердечник. Одной рукой при помощи лука вращалось сверло, а другой камнем определенной формы его прижимали. Зерна влажного кварцевого песка вдавливались в сверло и образовывали эффективное режущее острие. За час отверстие углублялось приблизительно на три миллиметра.

На шлифовку топоров неолитического типа из мягких горных пород требовалось от 90 до 150 минут. С нефрита, отличающегося колоссальной твердостью, экспериментатор за час шлифовки при огромном физическом напряжении снимал только двадцать граммов массы. За двадцать дней четыре экспериментатора изготовили серию нефритовых топоров, тесел, долот и ножей. Самые мелкие предметы были весом около 50 г, самые большие (топоры) – до 2 кг. На изготовление крупных орудий уходило по 30–35 часов, мелких – 5—10 часов.

В энеолите мастерство шлифовальщиков камня достигло кульминации. Некоторые топоры-молоты с граненым телом,

колпаковидной тыльной частью и веерообразно расходящимся лезвием являются подлинно художественными изделиями – некими каменными скульптурами. Они, видимо, не предназначались для практического употребления, а служили, скорее всего, знаками власти либо предметами культа. Эти предметы до сих пор не отважился скопировать ни один экспериментатор. Ясно, что за такую задачу может взяться лишь опытный каменотес или скульптор, который не пожалеет ни времени, ни труда.

Наступил конец энеолита и вместе с ним конец долгой эры трудовых и ратных орудий из колотого и шлифованного камня. Не следует, конечно, это представлять так, будто словно по приказу все жители доисторической Европы собрали вдруг в кучу свои каменные изделия, отнесли их в музей, а дома их уже поджидали новенькие, блестящие металлические инструменты. Наоборот – вопреки археологическому календарю, по которому уже давно на дворе была эпоха бронзы, люди еще продолжали использовать каменные орудия и в мирном, и в ратном труде. Нового материала было мало, а кое-где он вообще появился довольно поздно.

Конечно, изготовление рубил и топоров – занятие хотя и важное, но уж очень прозаичное. В древности делали не менее важные культовые предметы, причем использовали для этого тоже камни, но очень красивые.

Особое место среди нежных опалов, строгих халцедонов и загадочных агатов занимает камень, само имя которого вызывает ощущение девственной чистоты и прохлады. Этот камень – хрусталь. «Кристаллос» на греческом означает «лед» («хрусталь» – русифицированная форма этого греческого слова). Плиний Старший почти две тысячи лет назад писал об этом камне: «Его, конечно, находят не иначе, как в таких местах, где зимний снег особенно сильно застывает; и это, несомненно, лед». Даже такой знаток камней, как Марбод Реннский (XII в.), верил тому, что говорили греки и римляне, и заявлял: «Чистый кристалл – это лед, отвердевший за многие годы».

Это представление до XVII в. даже не пытались ставить под сомнение. В средневековых лапидариях он фигурирует все еще как окаменевший лед. Заблуждение развеял физик Роберт Бойль. Измерив удельный вес хрусталя и льда, он пришел к заключению, что это разные вещества. Однако название камня осталось, закрепившись за

прозрачными бесцветными кристаллами. А непрозрачные, молочно-белые или серые разновидности стали называть кварцем. Кристаллы хрусталя достигают иногда огромных размеров. На острове Мадагаскар добывают настоящиеobelisks – длиной до семи метров. А в Швейцарских Альпах был найден экземпляр весом около 800 кг. Замечательны и маленькие – не более пяти миллиметров – хрусталики, которые по месту их первой находки в Карпатах называли «мармарошскими диамантами» (бриллиантами). Затем их стали находить и в других местах, так появились аласонские, арканзасские, корнуэльские, крымские и другие диаманты. Эти безупречные по форме пирамидки ярко искрятся на солнце; они настолько красивы, что их вставляют в ювелирные изделия без предварительной огранки.

Благодаря своей лучезарной чистоте и чрезвычайной твердости горный хрусталь с древнейших времен ценился как художественный материал. Из горного хрусталя изготавливали линзы и магические шары. Линзами жрецы зажигали «божественный огонь» на храмовых жертвенниках. В глубокой древности жрецы Тибета, пропуская через хрустальные шары солнечный свет, фокусировали лучи и прижигали раны, которые удивительно быстро затягивались: хрусталь, в отличие от стекла, пропускает ультрафиолетовые лучи, которые благотворно действуют на заживление ран. Сейчас кварцевые лампы нашли применение в медицине.

Считается, что хрусталь является счастливым камнем для женщин, помогает в любви и избавляет от дурных сновидений (не обусловлено ли это чистотой и прозрачностью камня?). У древних греков и римлян хрусталь был символом скромности, целомудрия и чистоты. Фигурки, выточенные из него, служили амулетом, помогавшим и от многих несчастий. Как амулет его носят на цепочке в кармане. Ограненный хрусталь, вставленный в перстень, по поверьям, дает владельцу ясность помыслов и избавляет от неприятных ситуаций. Считается также, что он укрепляет память и вносит ясность в отношения своего владельца с окружающими людьми.

Искусные гадатели читают в его кристаллах или хорошо выточенных шарах картины прошлого и будущего. Для этого шар закрепляют в темной комнате так, чтобы на него падал луч света, наполняя его сиянием, и длительное время смотрят на шар, не мигая и концентрируя волю на желании увидеть искомый предмет. Иногда

укрепляют хрустальный шарик (или бусинку) на шелковой нити и, держа ее в руках, приказывают ему качаться, мысленно задавая шарикую вопрос.

Очевидно, для подобных же предсказаний в Древней Америке служил череп, изготовленный из очень чистого кристалла хрусталя. Исследователи индейских цивилизаций долгое время считали, что легенда о «голове смерти» не имеет реальных оснований. Но в 1927 г. в Британском Гондурасе археолог-любитель Митчел-Хеджес откопал в куче мусора в одном из храмов древнего города майя Лубаантуне череп, сделанный из кристаллического кварца-хрусталя, весом около пяти килограммов. Он сверкал и просвечивал насквозь; нижняя челюсть, закрепленная в полированных гнездах, колебалась от малейшего прикосновения, и «голова смерти» казалась живой, говорящей... Когда перед ним ставили свечу, глазницы начинали сверкать. А если перед этой «говорящей» головой размещали различные предметы, то при определенных его поворотах их отражения появлялись в глубине черепа. Вокруг находки разгорелись споры. Чем больше ее изучали, тем более вероятной казалась мысль, что это и есть легендарная «мертвая голова».

О черепе дали заключение минералоги и кристаллографы – заключение довольно раздраженное: «Проклятая штукавина просто не должна существовать на свете. Те, кто ее высекал, не имели ни малейшего представления о кристаллографии и совершенно игнорировали оси симметрии. Она неминуемо должна была разлететься при обработке». Действительно, с какой бы осторожностью ни раскалывать кварц, при обработке он будет дробиться.

Искусствовед Дорланд, изучавший череп, оставил такую запись: «Можно себе представить, какой эффект создавал висящий в полутьме над алтарем череп со сверкающими глазницами,двигающий челюстью и изрекающий повеление богов. Тем более что в нем можно увидеть любые предметы реальной действительности: лица людей, горы, зверей – плоды собственного воображения в переливчатой игре туманных пятен. Я сам наблюдал эффект, который оказывает этот череп из кварца на впечатлительных людей. У одних учащается дыхание и пульс, другие испытывают жажду или ощущают различные

запахи, некоторые даже засыпают. Жрецы, которые пользовались им, могли действительно прослыть всемогущими...»

Исследователи пришли к выводу, что поверхность камня полировали какой-то специальной пастой. Это потребовало очень много времени, напряженного труда, возможно, не одного поколения мастеров.

Время вообще было для наших предков категорией второстепенной. Жизнь после смерти не кончалась, она продолжалась. Время не имело ни начала, ни конца. Поэтому они могли без какого бы то ни было чувства горечи месяцами и годами терпеливо сокрушать каменными кувалдами скальный массив, чтобы вырубить угодные богу многотонные монолиты и скульптуры, либо с тем же пренебрежением к бегу времени вырезать из каменной пластинки и шлифовать бусинки размером с булавочную головку.

Нам, людям XXI столетия, для которых секундная стрелка неумолимо отсчитывает часы и дни жизни и измеряет выработку и производительность, кажется непонятным, что когда-то существовали люди, десятилетиями возводившие Стоунхендж, пирамиды в Египте, Чичен-Ице и во многих других местах. Или вытесывали и поднимали огромные скульптуры – без всякой очевидной, на наш поверхностный взгляд, практической цели. Бессмысленное разбазаривание времени, скажем мы. Но нет, эти постройки и огромные скульптуры были в доисторическом и древнем миропонимании полны большого практического смысла. Сверхъестественные силы, боги и небесные светила решающим образом предопределяли земную и посмертную жизнь людей. Поэтому при помощи этих колоссальных построек и скульптур они стремились войти в контакт с богами на небе. Одновременно они накапливали поразительные астрономические знания, которые использовали для определения сроков сельскохозяйственных работ. Американский астроном Джеральд Хокинс, один из основоположников новой отрасли науки – археоастрономии, или астроархеологии, рассчитал орбиты Солнца и Луны для различных периодов далекого прошлого. Затем в Египте и Перу он обнаружил, что расположение некоторых составных частей строительных комплексов, которые могли быть связаны с наблюдением астрономических явлений, соответствовало его расчетам.

Иерихон и Чатал-гуюк

Среди вопросов, которые задавали себе историки и археологи, весьма важным был такой: когда люди поняли, что им выгоднее и удобнее жить в городе, под защитой каменных стен, в безопасности от врагов?

Скорее всего, это случилось тогда, когда люди перешли от каменных орудий к металлическим. Новые орудия труда позволили им получить урожай, которого было достаточно не только для того, чтобы прокормить себя и свою семью, но еще и оставалось вдоволь, чтобы обменять на что-нибудь. Но как только появилась возможность произвести больше, чем нужно самому себе, появились и те, кто хотел бы присвоить себе то, что есть у соседа. Теперь было что похищать и что защищать.

Но защититься от нападения в отдельно стоящем доме или в деревушке, состоящей из нескольких домов, невозможно. Так появились большие поселки, вокруг которых люди начали возводить

стены. Постепенно в этих поселках начало селиться все больше ремесленников, торговцев, жрецов, то есть народа, не связанного с земледельческими работами. В городе стал жить и вождь племени или нескольких племен. Он строил себе башню и обещал защищать город, конечно, не безвозмездно. Так возникли первые города.

Но где и когда это случилось?

Традиционно первыми городами в истории современной цивилизации считались города Древнего Египта и Двуречья, в низовьях Тигра и Евфрата. Ведь именно там расцвели величайшие государства древности. В Египте и в Двуречье мы сразу же сталкиваемся с развитой цивилизацией. Даже в самых ранних слоях египетских и шумерских раскопок встречаются грамотно построенные дома и храмы, посуда там обожженная, разнообразная... После открытий английских археологов на древность стали «претендовать» города другого района – долины Инда, то есть Индии. Считалось, что эти города были покорены и разрушены воинственными ариями, ворвавшимися в Индию в середине II тысячелетия до нашей эры. Судя по всему, их построили за много столетий до нашествия ариев.

Вероятно, египтяне и шумеры научились строить города, возводить стены, большие здания. Но когда и у кого? Археологи стали искать первые крупные поселения – не деревушки охотников, не общие дома племени, а те поселения, из которых потом выросли города.

Последний ледник отступил десять тысяч лет назад, мир стал почти таким же, как сегодня. Только Сахара и Двуречье были более влажными и плодородными, чем сейчас. В Сахаре, например, водились слоны и бегемоты, там было немало поселений каменного века, следы которых остались в современной безводной пустыне. Жители Сахары разводили мелкий скот и вынуждены были перемещаться за своими стадами, когда те истребляли подножный корм. Так, в течение VI–III тысячелетий до н. э. племена из Сахары расселялись по Северной Африке и Ближнему Востоку (египтяне вполне могут быть потомками обитателей Сахары).

В 1955 г. английский археолог Барбара Кенъон отыскала следы города Иерихона. О нем немало говорится в Библии. Там его еще называют «городом пальм», лежащим на берегу реки Иордан. Израильтяне решили его завоевать, для чего сначала послали

лазутчиков. Царь Иерихона прознал, что в городе появились вражеские шпионы, и велел Раав-блуднице, у которой остановились эти злодеи, немедленно выдать их ему для допроса. Получив требование царя, Раав предложила лазутчикам бежать – спустила их на веревке с крепостной стены, и они, проплутав три дня по горам, вернулись к израильскому вождю Иисусу Навину и выложили ему все секреты Иерихона.

Навин узнал о крепостных укреплениях Иерихона что-то такое, что заставило его отказаться от штурма или осады. Выбранная полководцем тактика не имеет аналогов в мировой истории. Справив пасху, Иисус заставил все мужское население Израиля пройти обряд обрезания, который не применялся со времен исхода. После этого израильтяне на протяжении шести дней ходили на безопасном для жизни расстоянии вокруг стен Иерихона. Шествие возглавляли воины, за ними шли мужчины и обреченно дули в дудки и трубы, следом жрецы несли ковчег, а замыкали эту процессию старики, женщины и дети. Всего 4 миллиона человек, все зловеще молчали, воздух оглашали только вой и свист дудок. Осажденные с большим удивлением наблюдали столь странный способ осады, подозревая, что происходящее имело магический смысл, но не сдавались на милость богоизбранного народа. На седьмой день Иисус Навин (в нарушение завета отдыхать на седьмой день) решился на штурм. Израильтяне обошли стены шесть раз, сохраняя гробовое молчание. А на седьмом круге они дружно и громко возопили. Стены не выдержали криков и воплей – и рухнули. Израильтяне ворвались в город и перебили всех жителей до единого, даже животных. Пощажена была только блудница Раав, которая пустила переночевать израильских лазутчиков. Сам город был выжжен дотла...

Навин был так сердит на несчастный Иерихон, что проклял всех, кто посмеет этот город восстановить. Правда, потом, по истечении веков, Иерихон все же был восстановлен, но уже не имел самостоятельности – в нем располагалось уникальное в мировой истории учебное заведение – училище пророков.

Некоторые видят в «оружии» Иисуса Навина остаток чудесного древнего знания, известного тогда, но забытого нами. А может быть, стены Иерихона были такими ветхими, что в городе приказывали громко не разговаривать и не петь песен – из опасения, что стены

рухнут? Раав рассказала об этом лазутчикам, и Иисус просто использовал подсказку? Правда, по мнению многих ученых, разрушение города Иерихона – результат землетрясения. Если бы на него действовала любая внешняя сила – например оружие, городские стены упали бы внутрь. Но и ограда Иерихона, и все здания рухнули в одном, южном направлении. А это похоже на действие сильного подземного толчка с эпицентром на севере. Выводы сейсмологов подтверждаются еще и тем, что «отец городов» стоял в районе Мертвого моря, близ реки Иордан, где по сей день достаточно беспокойная геологическая «погода». Недаром же все города этого края разрушались и восстанавливались неоднократно (последнее землетрясение возле Иерихона произошло 11 июля 1927 года).

По мере того как археологи углублялись в культурные слои Иерихона, обнаружилось, что они уходят вглубь по крайней мере на восемь тысяч лет. Иерихон оказался значительно старше, чем самые древние постройки в Египте и Двуречье.

В Иерихоне, причем в его древнейших слоях, были обнаружены толстые крепостные стены и даже массивная крепостная башня. Площадь Иерихона превышала десять гектаров, и в нем в тесноте, но в безопасности обитало до пяти тысяч человек. Это и по нынешним меркам город, а по тогдашним – просто гигант.

Дома внутри города были обнесены стенами, образующими дворы. В центре города стояли дома, в которых жили вожди или жрецы. Население города занималось, скорее всего, торговлей солью, добытой в Мертвом море. Древний Иерихон, вероятно, является «родоначальником» традиции обезглавливать покойников перед похоронами. Может быть, это связывалось с культом Луны и символизировало надежды на возрождение. Во всяком случае, головы хранились (или хоронились) отдельно от тела. Древность Иерихона, подтвержденная современными способами измерения возраста материалов, была так велика, что в нее трудно было поверить, и многие не верили.

Вскоре очередная находка удостоверяла древность городских культур. В Турции, в местности Анатолия, в 1961 г. археологи отыскивали город Чатал-Гуюк. Уже после первого сезона раскопок стало ясно, что найден город не менее древний, чем Иерихон. А когда археологи сняли с холма, где стоял когда-то город, десять метров

культурных напластований, то обнаружили еще более старые следы седьмого тысячелетия до нашей эры.

Чатал-Гуюк достался археологам в лучшем состоянии, чем Иерихон, и о его строениях и обитателях известно куда больше, чем о иерихонцах. В самых древних слоях города обнаружили немало зерна, костей коз, свиней и овец, а также собак. Кроме того, там были кости диких зверей, на которых охотились жители Чатал-Гуюка, рыболовные крючки, рыбы кости и чешуя, что говорит о рыболовстве, а также сосуды со следами меда. Город постепенно, шаг за шагом отделялся от сельской местности. В его жителях числились и землепашцы, и охотники, и пчеловоды, но в то же время там жили разные ремесленники, торговцы, жрецы и племенная знать.

В Чатал-Гуюке культурные слои остались нетронутыми позднейшими застройками или пахотой. Снимая слой за слоем, археологи могли медленно уходить в глубь времен. И вскоре в Турции было сделано очень важное открытие: ученые нашли самые древние хорошо вылепленные глиняные сосуды, обожженные на огне. А это была настоящая революция в истории человечества. Эти сосуды стали покрывать глазурью и даже орнаментом. Но гончарного круга жители первого города еще не знали.

Почему это так важно? Дело в том, что глиняные сосуды, найденные в Египте, даже самые древние, сделаны уже очень тщательно, на гончарном круге. Явно за ними стоит древняя традиция, школа и умение. Но первые классы этой школы человечество прошло в Иерихоне и Чатал-Гуюке.

Каким же был самый первый город? Кирпичная стена высотой в четыре метра окружала несколько дворов, в которых насчитывалось примерно сорок домов. У домов не было дверей и окон в нашем понимании. Хозяева попадали в них, поднявшись по приставной деревянной лестнице на плоскую крышу, а затем пройдя по крыше до дыры – дымохода. Под этой дырой на полу находился домашний очаг, то есть костер, окруженный камнями. Спустившись, житель дома попадал в общее помещение – это была и гостиная, и кухня. Оттуда он мог пробраться к себе в спальню – от «гостиной» в эти клетушки вели узкие лазы, сквозь которые пролезали только на четвереньках. На полу центральных комнат обнаружили следы шерстяных ковров, а стены

были расписаны узорами, которые очень напоминают орнамент на современных восточных коврах.

Но самое удивительное заключалось в том, что в этом небольшом городе исследователи отыскиали по крайней мере три храма. В нашем понимании они не очень похожи на храмы, но это явно шаг вперед по сравнению с каменным алтарем на холме или кольцом камней. Эти храмы затерялись среди домиков, и снаружи их трудно отличить от жилых помещений. Но внутри каждого храма находилась довольно большая комната, в которой могло собраться достаточно много людей, стены ее были расписаны грубым орнаментом и даже картинками, в которых можно угадать богинь, быков, баранов, лучников. Но еще интереснее оказались другие находки, сделанные в этих храмах. В углу одного из них стоял каменный ящик, набитый человеческими костями, и там же нашлись четыре кинжала из кремня. Ученые сходятся во мнении, что здесь приносили человеческие жертвы. И наконец, в этих первых храмах найдены многочисленные фигурки из глины и мрамора – в основном это бородатые боги, толстые богини и даже один мальчик с леопардом. Но что совсем удивительно – на стене одного из храмов красной краской намазан крест. Пока краска еще не высохла, в нее добавили истолченного в порошок хрусталя. И когда в храме горел костер или глиняные светильники, крест начинал сверкать и переливаться.

В последние годы отыскиались и другие древние города. Впрочем, так бывает почти всегда – стоит археологам найти первый предмет или город, как подобные находки происходят и в других местах. А это значит, что история человечества становится длиннее и богаче.

В конце XX столетия на северо-востоке Сирии на территории небольшой деревеньки Хамукар были обнаружены развалины древнего города. Мало кто осознал тогда значение этого события – с ростом технической оснащенности археологи все чаще делают значительные находки. Но позднее ряд специалистов пришел к выводу, что руинам, скрывавшимся под двухметровым слоем грунта, уже шесть тысяч лет! Это значит, что они на много столетий старше, чем первые города Шумера – Урук, Ур или Лагаш.

О том, что это был именно город, а не поселение, свидетельствуют и мощные стены, и огромные печи для обжига керамики, а уникальные печати, которыми пользовались горожане,

вообще не имеют аналогов в мире. Хамукар (город назвали по имени деревушки, рядом с которой его нашли) занимал площадь более 200 га – настоящий мегаполис для древнего мира! Ни шумерская, ни египетская цивилизации не создали столь крупных городов, а гигант Вавилон возник намного позднее...

Первые раскопки в этих местах проводились еще в двадцатых годах прошлого века, когда археологи искали столицу исчезнувшего государства Митанни. Столицу так и не нашли, работы несколько раз надолго прерывали. К поискам города подключились даже специалисты НАСА: сделанные со спутника фотоснимки позволили «нащупать» городскую стену... Метр за метром пробивались ученые к находке; раскопки велись в трех зонах и на нескольких уровнях, что дало возможность изучить город в различные периоды его существования. Когда начала встречаться керамика, датируемая 3200 г. до н. э., а культурный слой все не иссякал, археологи поняли, что находятся на пороге уникального открытия. Дальше пошли горшки, сделанные на гончарном круге (огромная редкость для столь глубокого прошлого!); маленькие изящные сосуды со стенками не толще скорлупы страусинового яйца, статуэтки с большими спиралеобразными глазами и много обломков керамики... В самом нижнем слое стали попадаться черепки возрастом ни много ни мало в шесть тысяч лет.

Ученые так и не смогли отождествить эту культуру, родившуюся в тесном взаимодействии народов Сирии и Месопотамии, ни с одной из знакомых; поэтому и назвали ее просто культурой древних народов Ирака. Наиболее ценной находкой оказались 15 печатей с тщательно прорисованными изображениями леопарда, собаки, зайца, медведя, льва, рыбы, птицы и других животных. Все они были найдены в одной яме, предположительно могильной. Печати в древности были основным «удостоверением» сохранности товаров. Если глиняный оттиск стоял, например, на сосуде, вмещавшем определенную меру зерна, можно было не взвешивать это зерно заново... Кроме этого, печати стали одним из залогов появления письменности – ведь и она возникла из пиктограмм, т. е. рисунков, позже превратившихся в символы, а затем в иероглифы и буквы. Интересны и другие находки: предметы обихода, украшения и элементы одежды. Модницы древнейшего мегаполиса, например, носили бусы из камня, кости,

фаянса, ракушек, причем бусинки были такого маленького размера, что могли нашиваться на одежду, как бисер.

Важной частью города являлась городская стена высотой более трех метров и толщиной в четыре метра. Стена – ровесница Хамукара, т. к. остатки керамики под ней относятся к середине IV тысячелетия до н. э. Парадоксально, но факт: первые города и государства возникли еще до появления письменности, которую считают необходимой предпосылкой рождения цивилизации. Как же удавалось тогда фиксировать законы, подсчитывать товары, передавать приказы войскам? А ведь армии в то время уже были организованными и сильными – иначе против кого было бы возводить в Хамукаре столь мощную стену?..

Подлинные названия государства, города и народа, населявшего Хамукар неизвестны. Этническую принадлежность хамукарцев также очень трудно определить, хотя археологический материал дает основание причислять их к ранним этносам северной Сирии. Предметы, найденные здесь, вызывают больше вопросов, чем дают ответов...

Кого изображают глиняные фигурки с огромными глазами и куполообразными головами? Богов? Царей? Жителей города? Что заставило людей тесниться в мегаполисе, когда можно было спокойно разместиться в небольших поселках, без особых проблем со снабжением и соблюдением санитарии? Почему при толщине стены в четыре метра ее высота составляла чуть больше трех? Неужели жители больше боялись стенобитных орудий, чем осадных лестниц? А может быть, это вообще была не крепостная, а водонапорная стена или ярус террасы? Для чего были предназначены просторные емкости кухонных печей? Еды из них хватило бы для нескольких сотен человек! Может быть, в этих «духовках» выпекался хлеб, а возможно, бродило... первое в мире пиво.

...Работа археологов в этом регионе была остановлена из-за иракской войны. От ракет не защитят даже стены Хамукара.

Трипольские «Иерихоны»

Не все, возможно, знают, что еще в далеком прошлом, около десяти тысяч лет назад, произошла одна из крупнейших в истории всемирных, эпохальных революций. Она коснулась всех сторон жизни – социальной, производственной, духовной. Но документов о ней не осталось – нигде в мире люди еще не знали письменности.

Это была революция неолитическая, что в переводе с греческого языка означает «новокаменная». Именно тогда люди, сотни тысяч лет охотившиеся на диких животных, впервые начали их одомашнивать; после бесконечных веков собирания съедобных растений их стали культивировать, разводить возле своих жилищ... О тех временах Редьярд Киплинг написал замечательную сказку про кошку, «которая гуляла сама по себе», а потом стала верным другом человеческой семьи.

Тогда же, в неолите, человек придумал первый в своей истории искусственный материал – керамику. Горшки, сделанные из глины с примесью толченых раковин и растений, содействовали резкому изменению диеты. В рационе появились сложные блюда, молочные продукты...

Колыбелями неолитической революции стали Западная Азия и Северо-Восточная Африка. Оттуда новые способы хозяйствования быстро распространились по всему Средиземноморью вместе с племенами, подчас переселявшимися на огромные расстояния. Тогда и древнее население нынешней Украины, поначалу в Поднестровье и Побужье, освоило мотыжное земледелие, скотоводство. А спустя недолгое время в библейской «обетованной земле», Палестине, выросли каменные стены старейшего из земных городов, Иерихона. Одним из главных последствий неолитической революции оказалось начальное освоение металла. Человек открыл и начал обрабатывать медь.

Случилось это также в Западной Азии, на территории современной Турции, в исторической области Анатолия. Здесь люди впервые начали собирать медные самородки и выковывать из них топоры, теса, шилья и многое другое. «Металлическая революция» развернулась во всю силу около семи тысяч лет назад. Новое изобретение начало свой победный путь по миру, обозначив рубеж халколита, или энеолита, а по-русски – медно-каменного века.

Почему – медно-каменного? Разве металл не вытеснил другие материалы? Разумеется, нет. Медь оказалась удобной

в обращении, ковкой, годной для переплавки, но... излишне мягкой. Даже намного позднее, через тысячи лет, когда медную эпоху сменила бронзовая и люди научились делать твердые сплавы, примешивая к меди мышьяк или олово, даже тогда каменные орудия не вышли из обихода. Наоборот, в эпоху освоения металлов техника обработки камня стала наиболее совершенной! Появились подлинные шедевры: шлифованные, с выпуклыми орнаментами, топоры, скипетры и булавы неведомых вождей. Да и обычные орудия и инструменты – наконечники стрел и копий, лезвия серпов и др. – стали изящными, тщательно отделанными. В пору расцвета медно-каменной цивилизации началась эра самых ранних переселений народов. Эти переселения затронули и наши края. Некий загадочный пришлый народ, осев в Поднепровье, пять тысяч лет назад возвел здесь поразительные «Иерихоны», города трипольской археологической культуры. Правда, стены их строились не из камня, а из глины и дерева. На территории Киевщины и Черкасщины археологи открыли остатки высоких, двух-, а возможно, и трехэтажных домов,

выстроенных впритык один к другому и расположенных концентрическими кругами или овалами. Эти поселения, именуемые протогородами, занимали не меньшую площадь, чем современные крупные села или райцентры: Доброводы – 250 га, Майданецкое – 270, Чичиркозовка – 300, Тальянки – 450 га (трипольские «мегаполисы» названы так же, как ближайшие к ним населенные пункты).

Что же за люди их основали? Откуда взялись в наших краях эти таинственные древние умельцы? Как и чем они жили?.. Еще не зная гигантских протогородов, эти вопросы по поводу открытой им новой культуры задавал себе свыше ста лет тому назад замечательный киевский археолог Викентий Хвойка. К югу от Киева, близ села Триполье, он раскопал остатки сгоревших сооружений, в основе которых лежали мощные глиняные площадки. Там, среди обломков рухнувших стен с отпечатками деревянных конструкций, лежали сотни образцов керамики причудливых форм, сосудов, расписанных затейливыми узорами. Были там и произведения искусства, например, статуэтки женщин с могучими бедрами, восседавших на крохотных креслах, были каменные, костяные, изредка медные орудия труда, оружие.

Первооткрыватель решил, что найденные им площадки – погребальные. И вправду, среди находок попадались человеческие кости. Но новые поколения ученых доказали: глиняные «полы» принадлежали большим домам, в которых изредка совершались захоронения. Возможно, под полом хранили останки священных жертв...

Образ трипольской культуры, ее багряный глиняный колорит, ее затейливые спиральные орнаменты – все это уникально, как любое самостоятельное археологическое явление. Но, вместе с тем, Триполье имеет немалое сходство с современными ему культурами других стран. Ведь в эпоху энеолита на громадных просторах Западной Азии и Южной Европы, от Анатолии до Балкан и Карпат, обитали люди, делавшие пусть не совсем такую же, но похожую расписную керамику. Эти племена тоже ваяли статуэтки людей и зверей, подобные трипольским. Разукрашенная керамическая посуда встречается даже в энеолитических слоях Китая, определяя облик так называемой культуры Яньпао. Правда, там эту посуду лепили древние монголоиды.

Появлению великанов-протогородов предшествовал так называемый «период раннего Триполья», начавшийся около 4000 г. до н. э. Как же выросли эти «мегаполисы»?..

Образ жизни людей тогда был отмечен целым рядом новшеств, поистине революционных прорывов. От бродяжничества и собирательства люди переходили к длительной оседлости. Они впервые основывали долговременные поселения, строили крепкие жилища, начинали использовать энергию одомашненных животных. В быту появились первые повозки, еще массивные и неуклюжие, но уже снабженные величайшим человеческим изобретением – колесами. При раскопках трипольских памятников находят глиняные модельки «возов» с колесиками, рядом с глиняными же макетами домов в один или два этажа, порой с крошечными печами, предметами мебели и утвари...

Теперь, имея тягловую силу – быков, запряженных в повозки, люди могли преодолевать большие расстояния в поисках лучших мест. Им нужны были тучные почвы для мотыжного земледелия, пастбища для скота. В поисках своей «обетованной земли» эти племена не останавливались перед тем, чтобы преодолевать горные хребты и форсировать большие реки. Они медленно, но верно покоряли обширные пространства Восточноевропейской равнины, богатые черноземными степями и плодородными поймами рек. Предки трипольцев не слишком углублялись в леса – там еще жили племена неолита.

Будущие «градостроители» пришли на земли нынешней Украины из-за реки Прут, из-за Карпатских гор. Их родина – Нижнее Подунавье, территория современной Румынии. Там культуру, во всем аналогичную трипольской, называют Кукутени; она возникла несколько раньше, чем самое древнее «Триполье», или «Триполье А». Кукутенцы еще не знали коней. Их повозки, волокуши и сани передвигались только с помощью «бычьих сил».

Древнейшие трипольцы поначалу заселили только край между Карпатами и Южным Бугом, вероятно, поглотив и растворив в себе местное население неолитической буго-днестровской культуры. Раннетрипольские поселки, такие как Лука-Врублевецкая на Днестре, Гайворон и Сабатиновка на Южном Буге, еще небольшие. Их площадь не превышает одного – полутора гектаров. Дома одноэтажные, с

глиняными стенами и двускатными крышами, углубленные в землю или построенные на ее поверхности. Однако уже тогда появились круговые «улицы». Зачем? Из религиозных, культовых соображений? Для защиты от возможных врагов? Для неизвестных нам общественных или хозяйственных нужд? Пока это остается тайной...

Мотыжная «агротехника» была достаточно примитивной. Участки земли быстро истощались, а население росло быстрее, чем в эпоху странствий. Трипольцы были вынуждены расселяться – уходить в поисках новых угодий к верховьям Днестра и на Поднепровье. Наступало иное время, известное археологам как «Триполье В». В условиях растущего многолюдья наряду с малыми поселками стали возникать и более крупные, от четырех до десяти гектаров. Например, поселение у села Владимировки занимало 60 га. Дома строились все еще одноэтажные, но уже более просторные, многокомнатные, для больших семей. Круглая планировка селений стала общепринятой. Очевидно, в пору переселений трипольцам начали угрожать враги и некоторые новые «города» были окружены валами и рвами. «Трипольцы В» уже лепили и обжигали красивую расписную посуду, на ней были орнаменты из желобков, заполненных органическими красками. Но эта керамика еще не достигала совершенства более поздней. До расцвета культуры, как и до сооружения «мегаполисов», оставалась почти тысяча лет...

Возможно, «трипольцы А» знали не только каменные серпы и мотыги, но и примитивную соху – рало. У «трипольцев В» находим и сохи, и мастерские гончаров со специальными двухъярусными горнами для обжига посуды. Вероятно, они уже обрабатывали медь способом холодной или горячейковки. Но настоящая металлургия – литейные мастерские – появилась лишь на этапе трипольского «Возрождения», в эпоху «Триполья С I» (начало III тысячелетия до н. э.). Например, у села Карбуны в Молдавии был найден великолепный клад той поры, в котором насчитывалось 444 медных предмета! «Высокое Триполье» использовало уже и сплавы меди с серебром.

Очевидно, вся жизнь трипольцев проходила в строгих и сложных ритуалах. Каждый дом был храмом, где стояли алтари со статуэтками крутобедрых богинь, предшественниц Великой Матери античного мира. Надо полагать, что и маленькие глиняные животные служили не детскими игрушками, а идолами. Особенно много лепили изображений

быков и коров. Быки есть и на рисунках, украшающих сосуды, рядом с символами земли и небесных светил. Сильное, выносливое животное, решительно изменившее быт трипольцев, поразило их воображение и оттого «попало в боги» (вспоминаются египетский священный бык Апис и Минотавр на Крите).

Земля питала и тела трипольцев, и их полудетскую фантазию. Любой, самый сложный орнамент на их сосудах сводится к символам культа плодородия: прямым и косым черточкам падающего дождя, хороводу солнц и лун – календарю пахаря и жнеца; к расчерченной сетке борозд, к извивам священных змей, которые, как и в иных ранних цивилизациях, вплоть до китайской, воплощали животворную стихию воды. Сама форма горшков достаточно многозначна: их плавно расширяющаяся округлость вполне подобна животу и бедрам дородных трипольских богинь, на бока посуды наклеены женские груди с сосками.

Найдены и общественные святилища, «храмы». Так, в южнобугском поселении Сабатиновка II исследовано здание с жертвенником, с женскими статуэтками на тронах в виде быков, с креслом для жреца или, скорее, жрицы (культ плодородия больше выделяет женское начало). В образном мировосприятии трипольцев оплодотворение женщины равнялось посеву на поле, богиня отождествлялась с кормилицей-нивой. Недаром к глине для статуэток примешивали зерна злаков. Женщина в пору энеолита, вероятно, возглавляла семью и дом, родство считалось по материнской линии.

Вполне возможно, что тогда в наших краях происходил один из первых демографических взрывов. Археологам известны остатки тысяч больших и малых поселений той поры на просторах от Румынии до Центральной Украины. Населенных пунктов было, пожалуй, больше, чем теперь, а плотность населения немногим уступала нынешней. Ясно, что трипольцы стояли на пороге создания своеобразной и сильной городской цивилизации. Ничего удивительного в этом нет. Ведь современниками развитого Триполья были великие цивилизации Ближнего Востока, древнейшие государства планеты: Шумер и Египет, сложившиеся именно в энеолите на благодатных почвах Междуречья и Нильской долины.

Огромную область трипольской культуры, конечно, нельзя считать государством или группой государств. Между Дунаем и

Днепром археологи выделяют ряд зон, отличающихся по многим признакам, но нигде нет письменности, обычной для этапа цивилизации; нет столь же присущего государствам патриархата, культа мужчины – царя и бога. Ранние державы Востока были военизированными. Трипольское же общество выглядит довольно мирным. И религия его, судя по всему, была миролюбивой, с культом женственности, природы и красоты.

Одной из главных загадок «городского Триполья» является отсутствие кладбищ. Известны только отдельные погребения под полами жилых домов или в ямах на территории поселков, вероятно, необычного, ритуального характера. Они не дают той статистики смертей, которая всегда присуща любым населенным пунктам.

Однажды при раскопках был обнаружен громадный сосуд для сожжения тел умерших. Не от него ли тянется ниточка к раскрытию загадки? Возможно, трипольцы сжигали своих покойников, но пепел не закапывали, а рассеивали по земле. Огонь, безусловно, был для них священен. Почитание огня хорошо видно и в узорах на керамике, и главное – в судьбе протогородов. По заключению специалистов, все «мегаполисы» выгорали, но не во время вражеских нашествий и не от досадных случайностей, а намеренно! Уходя, обитатели сами сжигали свой дом со всем скарбом...

А уходили трипольцы достаточно регулярно. Приблизительно каждые пятьдесят лет они покидали селение, оставив в домах некоторую часть утвари – возможно, в качестве жертвы богам или духам. Принося в жертву сжигаемый город, они одновременно пеплом удобряли землю, пытались возместить Великой Матери ущерб, нанесенный за полсотни лет костяными копалками – ралами. А потом откочевывали подальше, на свежие пахотные грунты и пастбища, и там возводили новый «протогород». Почему? Трипольское общество «поедало» само себя, истощая пахотные земли и луга для пастбищ. За Днепр они по каким-то причинам не выдвинулись (сильные враги?). В конце концов природная среда вокруг «мегаполисов» была безнадежно разрушена. И великолепный этап «Триполья С I», высокого «Возрождения», эра колоссов-протогородов бесславно закончились, перейдя в период медленного угасания, в печальную эпоху «Триполья С II».

Поздние трипольцы, обитавшие около 2500 г. до н. э., в чем-то возродили традиции своих далеких предков, живших за пятнадцать веков до них. Они снова строят небольшие поселки с тесными углубленными жилищами. А при селениях появляются обычные кладбища. Иногда умерших хоронили в могилах, иногда – сжигали и сохраняли прах в урнах. Правда, надо отдать справедливость этим скромным потомкам великих предков: они уже учились выплавлять бронзу. Заканчивался халколит-энеолит, неотвратимо наступала эпоха бронзы. И все же блеск и слава былого исчезли окончательно. Теперь у трипольцев появились сильные, недоброжелательные соседи. Из Азии в южные степи Причерноморья пришли кочевники, оставившие археологам свои погребения в ямах под курганами. Их называют представителями ямной культуры. Воинственные пастухи вытеснили мирных земледельцев. Трипольцам оставалось только уйти в небытие, почти пятитысячелетнее, пока не вонзились в грунт лопаты экспедиции Хвойки.

К какому же этносу относились, на каком языке говорили эти таинственные люди, создавшие працивилизацию, прожившую полторы тысячи лет?! Единого мнения нет.

Иногда высказываются самые невероятные предположения. Одни доказывают, что трипольцы создали дивное теократическое государство, где правили вдохновляемые свыше жрецы-волхвы; посланцы этой сказочной страны принесли другим народам, куда более отсталым, письменность, религию и ремесла. Другие объявляют непонятные древнейшие знаки – петроглифы на скалах юга Украины трипольской клинописью, которая, конечно же, породила письмо Шумера и вообще всю цивилизацию Междуречья. Третьи убеждены, что участок, где стоит село Триполье, возле которого впервые было найдено поселение этой культуры, был первой на земле сушей, поднявшейся из океана, родиной людей-богов, просветивших затем весь свет, от Европы до Мезоамерики. И, конечно, все эти «фантасты» сходятся на том, что люди эти, обладавшие невероятными способностями, были прямыми этническими предками украинцев.

Но ничто не ново под луной. Полторы тысячи лет назад историк Йордан писал о необычайно древнем и волшебном происхождении своих сородичей, готов; Гальфрид Монмутский (XII ст.) вывел родословную бриттов из Трои, а их общим предком сделал самого

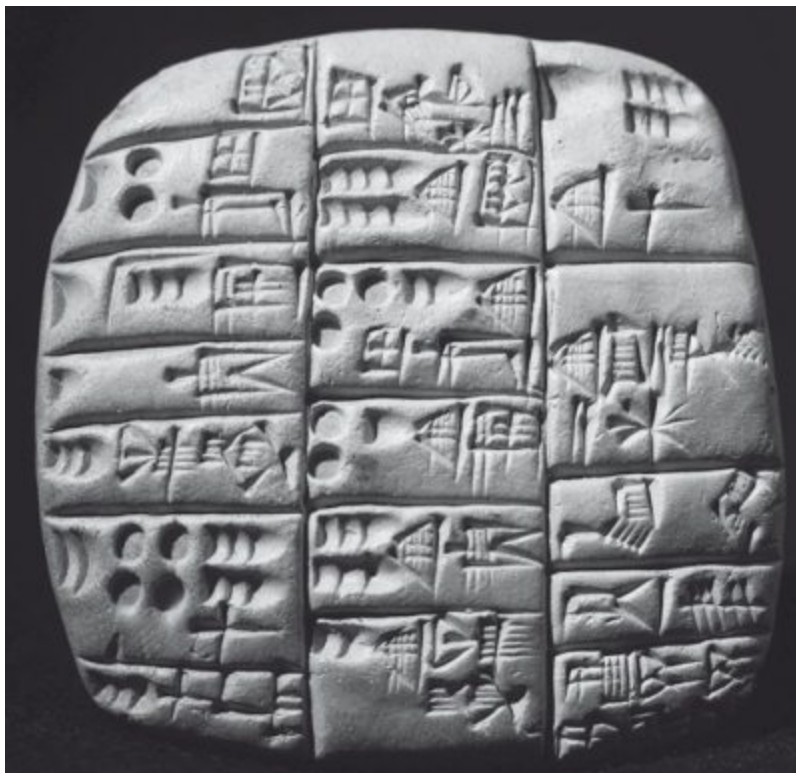
царевича Энея. Каждый народ проходил этап мифического самоутверждения, приписывая себе необычайную древность и мудрых пращуров со сверхъестественными свойствами. Видимо, настал наш черед.

Большинство исследователей полагает, что трипольские просторы были заселены выходцами из Средиземноморья – вероятно, ранними индоевропейцами.

Реконструкции внешности трипольцев, сделанные по черепам из позднего захоронения, показали, что некоторые мужчины принадлежали к средиземноморскому типу, а женщины – к восточноевропейскому. А еще находят в гигантской области распространения «Триполья» явных кавказцев, «арменоидов». Их потомков, будущих обитателей Балкано-Дунайского региона, десятки веков спустя назовут фракийцами, иллирийцами, даками. Великие человеческие общности, такие как трипольская и более поздняя индоевропейская, складывались не на основе родства этнического, а благодаря близости уклада, обычаев, образа жизни разных племен. Но это уже исторические времена.

Первая в Европе

Месопотамия – так в древности называли земли, расположенные между Тигром и Евфратом. Сегодня это территория Иракской республики и здесь повсюду слышна арабская речь. А две тысячи лет назад здесь говорили по-арамейски. Еще две тысячи лет назад, то есть за две тысячи лет до нашей эры, в Двуречье господствовала речь аккадцев. А если мы углубимся во тьму времен еще дальше, то обнаружим, что около пяти тысячелетий назад тут говорили по-шумерски. И не только говорили, но и писали. До нас дошло большое число «глиняных книг» – обожженных глиняных табличек, покрытых письменными знаками.

Итальянский путешественник Пьетро делла Валле попал на Ближний Восток более трехсот лет назад и написал о тех местах одну из первых достоверных и научных книг. В книге он привел изображения странной надписи, виденной им в Персии. На глиняной табличке было изображено что-то вроде гвоздиков или клинышков.

Эта надпись не имела ничего общего с известными к тому времени алфавитами. Со временем клинописные тексты стали попадать в Европу все чаще, и уже можно было догадаться, что особенность этого письма вызывалась качеством материала, на котором писали, – мягкой глины. Из глины лепили табличку, потом заостренной палочкой делали надпись, нажимая вначале и затем постепенно вытаскивая палочку. В Месопотамии (или Двуречье) не было ни лесов, ни папируса, и местные жители придумали использовать для передачи информации то, чего было в избытке – глину. Глиняные таблички обжигали, они становились как каменные и долго хранились. Глина – материал дешевый, палочка для письма и того дешевле. И от этого письменность в странах Двуречья была распространена куда шире, чем в Египте или у древних майя. Писали не только жрецы, но и служащие складов, дипломаты, поэты – именно в Двуречье появились первые литературные произведения.

Клинопись существовала во всех странах Ближнего Востока. Из шумерских царств она распространилась в Ассирию, Персию и Вавилон. То есть многие столетия на территории большей, чем Европа, люди писали клинописью. И если бы глиняные книги не были такими тяжелыми, наверное, писали бы так и сегодня.

Больше всего глиняных табличек нашли в руинах Персеполя, столицы Древней Персии, погибшей в пожаре, когда ее захватил Александр Македонский. Греческие историки рассказывают, что пожар начался во время грандиозного пира, который Александр устроил по поводу победы над персами. Афинская танцовщица Тайс бросила горящий факел, пьяный Александр и его военачальники последовали ее примеру, а колонны дворца были деревянными. Архив дворца, переписка персидских царей со своими сатрапами и соседями, был погребен под развалинами. Но пожар глиняным табличкам не страшен, и множество табличек (тысячи) были выкопаны позднее археологами и попали в Европу.

А потом «гений одной ночи» Георг Гротефенд смог найти к ним ключ. Он родился в 1775 г. и служил учителем в гимназии. В возрасте двадцати семи лет он поспорил с друзьями, что сможет расшифровать клинопись. Гротефенд выиграл пари и после этого еще много лет учительствовал и написал множество разных статей и книг, но ни одна из них не представляет интереса. Он прожил долгую жизнь и ушел на

пенсию с должности директора лицея. Гротефенд остался в числе гениев человечества, хотя гением он был всего несколько недель, которые потратил на расшифровку клинописи.

Конечно, не следует думать, что Гротефенд был неучем. Он замечательно знал и любил древнегреческую литературу, а ведь именно из нее можно узнать больше всего об истории Древней Персии. Гротефенд знал и то, что в 540 г. до н. э. персидский царь Кир разбил вавилонское войско и создал великую Персидскую державу. В боях с соседями, в вечной вражде с Грецией эта держава господствовала на Востоке вплоть до походов Александра Македонского, который ее и разгромил.

Положение Гротефенда, принявшегося за расшифровку клинописи, было сложнее, чем у Шампольона, сумевшего разгадать смысл египетских иероглифов. Ведь у француза был Розеттский камень – плита, где один и тот же текст был написан не только иероглифами, но и на древнегреческом языке. А Гротефенд даже не знал, как читать знаки клинописи – справа налево или наоборот, а может быть, сверху вниз. Эту проблему он решил, изучив направления острых концов клинышков, и сделал первое допущение: «Таблички необходимо держать таким образом, чтобы острия вертикальных клиньев были направлены книзу, а горизонтальных – вправо». Второе допущение: читать следует слева направо.

Затем Гротефенд предположил, что клинописные надписи чаще всего говорят о царях и их делах. Значит, должны быть одинаковые для всех табличек правила – как называть царя. И попросил прислать ему надписи с современных царских могил в Персии. На царских могилах было написано: «(Имя) великий царь, царь царей, сын великого царя (имя), царя царей...» Почему бы ни предположить, что титул царей очень древний и что две или три тысячи лет назад писался на табличках точно так же.

Если каждый клинописный знак обозначает букву, предположил Гротефенд, то надпись на табличке может значить то же, что и надпись на современной могиле. Значит, первое слово – это имя царя, а косой клин, который стоит после него, – это просто знак промежутка между словами. А вот следующее после «разделителя» слово должно означать «царь». И это слово должно повторяться дважды. Такие пары одинаковых слов должны встречаться постоянно

Гротефенд просмотрел множество табличек и понял, что на них второе и третье слова были одинаковыми – они означали титул царя. Однако первое слово повторялось только на половине табличек. На второй половине было другое слово. И Гротефенд сказал себе: речь идет о сыне, отце и деде. Но после предполагаемого деда не было титула. Кто же они? Гротефенд принялся изучать персидские династии и вскоре убедился, что внуком был Ксеркс, сыном – Дарий, а отцом Гистапс, который царем не был. Итак, Гротефенд, прочитав имена трех царей и зная, как перевести слова «царь», «сын» и «отец», получил в свое распоряжение довольно много клинописных букв. И дальше прочесть клинопись Древней Персии не составило для него труда.

Итак, Гротефенд выиграл пари, а о своем открытии написал только маленькую заметку и даже не посмел прочесть ее перед учеными города Геттингена. Ученые всего мира попросту не знали о работе Гротефенда и продолжали беспомощно и бессмысленно расшифровывать клинопись. Лишь через тринадцать лет один из геттингенских профессоров попросил Гротефенда сделать более подробный отчет о своем открытии и включил его в книгу «Мысли о политике, путях сообщения и коммерции основных народов Древнего мира». Так мир узнал о расшифровке клинописи...

Специалисты с самого начала различали в шумерской письменности два ее вида – первоначальное идеографическое (фигурное) письмо и созданную на его основе клинопись. Именно клинописью написан великий эпос о герое Гильгамеше, отправившемся на поиски вечной жизни.

Переход от фигурного письма к клинописи начался приблизительно в начале III тысячелетия до нашей эры, а завершился окончательно в эпоху династии Ур, в середине III тысячелетия до нашей эры, то есть 4,5 тысячи лет назад. И если в отношении происхождения клинописи у специалистов не было особых сомнений, то в выяснении происхождения первоначального фигурного письма они зашли в тупик, поскольку следов «шумерской» пиктографии – своего рода предписьменности – в Двуречье найти не удалось. Почему?

Исследования последних лет – археологические, лингвистические, антропологические – показали, что не шумеры были аборигенами Двуречья. Они пришли сюда откуда-то извне и застали на

вновь обретенной земле не дикие племена, а уже сложившуюся, высокоразвитую цивилизацию, лучшие достижения которой они унаследовали, в том числе и письменность, приспособив ее к собственной речи. Таким образом, ученые пришли к выводу, что цивилизация Двуречья обязана своим происхождением не шумерам, а их предшественникам – «протошумерам». А поскольку протошумеры, то есть те, что были здесь до шумеров, говорили на ином, не шумерском языке, то было принято и иное название создателей древнейшей цивилизации Месопотамии. По названию холма Эль-Убайд, где впервые была обнаружена эта цивилизация, их называли «убайдцами». И теперь, говоря о древнейшей системе письма (идеографического письма), существовавшей в Двуречье-Месопотамии еще до появления там шумеров, с полным основанием можно употреблять термин «протошумерская» или «убайдская».

Но ведь убайдцы также являются пришлым племенем, и их происхождение до сих пор остается загадочным. Люди убайдской культуры как-то сразу и внезапно осваивают плодородные земли низовьев Тигра и Евфрата, основывают здесь первые поселки, которые позднее вырастут в знаменитые шумерские города. Эти пришельцы предстают перед нами с самого начала как носители высокоразвитой культуры, и в этом смысле убайдцы были первыми на этой земле, поскольку до них здесь существовала очень примитивная культура эпохи камня.

Стало быть, не в Месопотамии, а в ином месте надо искать истоки убайдского письма, некое еще более древнее «протописьмо». От этого протописьма отделилось письмо убайдцев, когда они пришли из некоего «центра X» на юг Месопотамии. Это же протописьмо дало начало протоиндийскому и протоэламскому письму. Помимо трех самых известных цивилизаций Древнего Востока – Двуречья, долины Нила (Египет) и Индостана, существовала еще одна, не менее древняя, но гораздо менее известная – эламская. Об Эламе многие знают удивительно мало, а между тем здесь (эламиты обитали в горных областях Ирана) были раскопаны древние города, предметы высокого искусства, обнаружены письмена, которые до сих пор еще не расшифрованы. В эламской культуре есть много черт, общих с убайдской (протошумерской) и протоиндийской культурами, а

древнейшие письмена Элама, Двуречья и Индостана очень схожи между собой.

Время существования трех ветвей письменности – убаидской, протоэламской и протоиндийской – отделено от нас промежутком в 4–5,5 тысячи лет. Примечательно, что к этой же эпохе относится и возникновение египетской письменности и цивилизации в долине Нила. Вполне возможно, что, помимо трех основных, уже упомянутых, ответвлений, протописьмо дало еще одну «боковую» ветвь – древнеегипетскую. Но где располагался этот «центр X» – колыбель протописьма? Предположений на этот счет было множество: Кавказ, Алтай, Индостан и т. д. Но ни один из этих «адресов» не получил всеобщего признания – по причине отсутствия неоспоримых доказательств. Вот если бы удалось найти памятники письма более древние, чем письмена Двуречья, и в то же время похожие на них, тогда вопрос о прародине убаидцев и искомом «центре X» разрешился бы сам собой.

И совершенно неожиданно мечта эта сбылась. Три маленькие глиняные таблички, покрытые рисунками и геометрическими знаками, удивительно похожими на знаки письменности Двуречья, были обнаружены в основании раскопа, заложенного на древнем культово-религиозном объекте вблизи поселка Тэртэрия, отмеченного даже не на всех картах Румынии. Удача выпала на долю археолога Н. Власса. Такое случается раз в сто лет, и многие газеты мира в тот, 1961, год сообщили о сенсационной находке румынского археолога, ведь найденные таблички оказались почти на 1000 лет старше «шумерских».

Ученые, используя радиоуглеродный метод, дающий достаточно точные абсолютные датировки, определили возраст табличек – свыше 6500 лет, что отвечало раннему этапу культуры Винча – Винча-Турдаш.

О существовании этой культуры, открытой еще в 30-е годы XX столетия югославским археологом М. Васичем, знал лишь узкий круг специалистов. А между тем это была одна из древнейших цивилизаций Старого света, распространенная с середины V до середины IV тысячелетия до н. э. в Подунавье. В истории Европы культура Винча имела значение, сравнимое только с ролью Греции и ее воздействием на «варварский» мир.

Это прежде всего была земледельческая культура. Земледелие было столь интенсивным, что специалистов и сегодня поражает мощность культурного слоя винчанских поселений, которая достигает нескольких метров. Пахали винчанцы на быках, сохой. Сеяли пшеницу трех сортов – однозернянку, двузернянку, спельту, ячмень двух видов, просо; сажали лен, а также вику, чечевицу, горох. Убирали урожай «серпами», а зерно хранили в больших корзинах, обмазанных глиной. Часть зерна мололи в муку и выпекали хлеб. На зеленых придунайских лугах паслись тучные стада коров и отары овец.

Жили винчанцы в многочисленных поселениях, застроенных домами типа украинских хат. Позднее (период Винча-Плечник) на месте самых крупных поселений вырастут города. Мы не знаем их названий, но их планировкой занимались архитекторы, а просторные здания, дворцы и храмы возводили умелые строители. Это они построили первые абсидные дома – дома с закругленной торцевой стенкой и первые «мегароны» – архитектурные комплексы, предназначенные для правящих особ. Архитектурная традиция мегарона позже получила свое продолжение в Древней Греции и Трое и не только там, но и в Центральной и Северной Европе. Были среди винчанцев гончары и плотники, ткачи и скорняки, металлурги и кузнецы. Винчанцы строили рудники, добывали медную руду и выплавляли из нее медь – первыми в Европе.

Художники, скульпторы, искусные резчики по кости украшали своими произведениями жизнь винчанцев. Важную роль в жизни винчанцев играли обряды и традиции. Так, усопшего клали на бок, под углом 30°, в направлении север – юг, лицом навстречу восходящему солнцу. В могилу помещали керамические сосуды, кости жертвенных животных, ожерелья из морских (!) раковин, различный инвентарь, среди которого обязательно была секира – прообраз нашего серпа. За соблюдением обрядов и традиций следили жрецы. Владели жрецы и письменностью. Но можно предположить, что умение писать не было привилегией только жрецов. Ведь умение писать предполагает и умение читать, а письменные знаки мы находим на самых различных предметах быта, с которыми повседневно имели дело самые обыкновенные люди.

Винчанское письмо представлено одиночными знаками геометрического типа, насчитывает их 210. Поскольку знаки были

одинокими (1–2 знака) и не образовывали связных более или менее пространственных текстов, то многие специалисты отнеслись к ним с осторожностью, полагая, что это всего лишь обычные клейма мастеров, изготовивших тот или иной предмет. Но когда были найдены тэртэрийские таблички, все сразу вспомнили и о винчанских знаках и дружно заговорили о древнейшей на нашей планете винчанской письменности. Правда, в этом хоре слышались и голоса скептиков. Ведь помимо того, что тэртэрийские и винчанские знаки были идентичны, они, как уже говорилось выше, были поразительно схожи с протошумерскими письменными знаками. Как объяснить этот феномен?

Скептики заявили, что тэртэрийские таблички были завезены в Тэртэрию из Двуречья шумерскими купцами, где и были скопированы туземцами. Естественно, считали скептики, смысл табличек винчанцам понятен не был, но они, тем не менее, использовали их в религиозных обрядах. Все просто – если бы не одно обстоятельство. Как можно привезти что-то из Шумера, если в ту пору, когда какой-то винчанец старательно вычерчивал письменные знаки на глиняных табличках, Шумер еще и не существовал, а письменность в Двуречье возникла лишь в конце IV тысячелетия до н. э.?

Существует еще одна версия: винчанская письменность была частью «всеобщей» письменности, врученной человечеству извне. Кем?

Не раз таблички пытались читать, в том числе и по-славянски. Предпочтение было отдано круглой табличке, линейные знаки которой, в отличие от знаков двух прямоугольных табличек, были выписаны предельно ясно и четко, что исключало их двойное толкование при сопоставлении со знаками праславянской письменности.

Единственный и к тому же очень надежный способ проверки этих результатов дешифровки – чтение надписей, не использованных автором дешифровки.

Получилось вот что: РОБЕ | ЕТЬ ВЫ ВИНЫ | Ц– | ДАРЬЖИ ОБЪ.

Как понять этот текст? РОБЕ – это «ребя, ребенок», «дитя» и ЕТЬ (ять) – форма глагола «яти, иму» – «брать, взять», в переносном смысле – «воспринять», а местоимение ВЫ – «вас», то есть «ваши» (вспомните знаменитое древнерусское – «иду на вы»). Можно

догадаться, что слово ОБЪ означает «около, рядом» или «неподалеку, поодаль» («объедки» – это то, что около, рядом с «едой», а «объезд» – то, что около, рядом с тем местом, где «езды»). ВИНЫ – «вина» – это то, в чем мы провинились, грешны, то есть «вины» – это наши грехи.

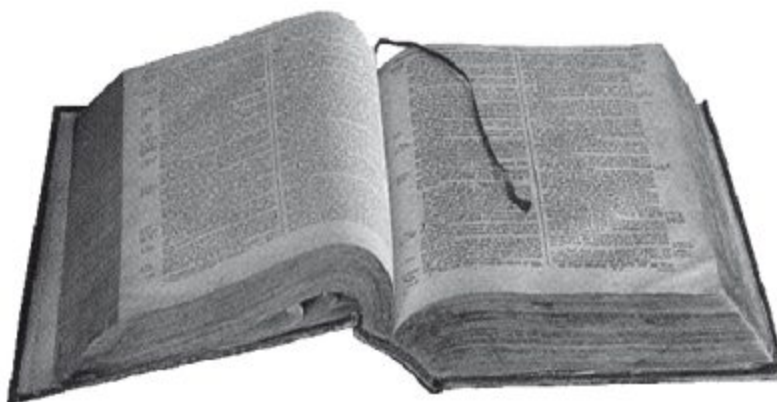
Дословный перевод на современный язык звучал как строки возвышенной поэзии: ДИТЯ ВОСПРИМЕТ ВАШИ ГРЕХИ – ЩАДЯ ЕГО, ДЕРЖИ (его) ПООДАЛЬ. Мудрые слова. Им более 6,5 тысячи лет.

Кем же были винчанцы? На каком языке они говорили? Науке это пока неизвестно.

Книга Книг

В истории человечества не много книг, к которым могут быть отнесены слова древнеегипетского писца, жившего 3300 лет назад:

Они (писцы) ушли,
имена их исчезли вместе с ними,
но писания заставляют
вспомнить их.

Поразительная вневременность и глобальность Библии – сложный феномен, о котором следует думать, пытаться его понять.

Иногда говорят, что непреходящая сила Ветхого Завета – первой части Библии – порождена общечеловеческой и внеисторической значимостью содержащихся в нем исканий и решений. Но возникает вопрос: почему именно

36 сочинений, составляющие иудейский канон Ветхого Завета, содержат вневременные и глобальные ценности, а не шедевры древнеегипетской, шумеро-аккадской или других древних литератур? Нередко указывают, будто Ветхий Завет стал Книгой потому, что он – Священное Писание двух религий, иудаизма и христианства. Однако эти религии и обязаны своим становлением и жизнью Ветхому Завету...

В Ветхом Завете явственно доминирует одна тема, и эта тема – история. В нем развернуто грандиозное полотно – от сотворения мира и человека до времен персидского господства. В центре этого полотна – история «своего» народа, но рассмотренная в общемировом обрамлении. Историческое повествование здесь – не простое упорядочение событий, а попытка осмысления прошлого как чередования последовательных эпох или кругов, содержание которых обусловлено соответствующим «заветом» – «договором» между Яхве и людьми, причем действенность каждого «завета» зависит не только от воли Бога, но в значительной мере и от деяний человека.

Ветхий Завет создавался в XII–II вв. до н. э. «Язык» его был обращен к современникам, а отнюдь не к грядущим поколениям. Значит, «язык» Ветхого Завета содержит нечто, способное преодолевать пространственно-временные барьеры.

Что составляет «язык» Ветхого Завета и что делает его общепонятным?

Во-первых, обратим внимание на «место действия». В Библии немало упоминаний и даже красочных описаний природы Палестины – Израиля. А эту природную среду характеризуют контрастность и открытость. Создается впечатление, будто природа избрала небольшой регион в качестве опытного полигона для демонстрации своих возможностей: здесь сосуществуют заснеженные вершины гор и глубочайшая впадина планеты – Мертвое море, утопающие в зелени долины и выжженные солнцем пустыни, покрытые хвойными лесами холмы и заросли буйной тропической растительности. Поэтому жители средней полосы Европы, или американских степей, или тропиков находят в Ветхом завете созвучное им восприятие природной среды.

В то же время страна Ветхого Завета – на стыке континентов, в центре Ближнего Востока, она сравнительно доступна со всех сторон. Это обуславливает постоянную вовлеченность в международную систему сообщений, в ближневосточную «большую политику». В Ветхом Завете нашли свое выражение не только поиски и достижения народа – творца этого сочинения, древних евреев, но также опыт всей древней ближневосточной цивилизации, одного из важнейших источников и составляющих всей человеческой культуры.

Второй определяющий компонент «языка» – время действия. Ветхий Завет создавался на протяжении целого тысячелетия, которое было судьбоносным в истории еврейского народа – ведь именно тогда древние евреи осели в стране и совершили переход от пастушеского быта к оседлому (XIV–XI вв. до н. э.). Они познали гордость создания мощного и цветущего государства Давида – Соломона (X в. до н. э.) и горечь распада этой державы на два маломощных царства – Иудейское и Израильское. Пережили трагедию уничтожения обоих царств (Израильского в 722 г. до н. э. и Иудейского в 586 г. до н. э.). А еще – жизнь в рассеянии (диаспоре) в Вавилонии и Египте, радость возрождения своей государственности – сначала (VI–II вв. до н. э.) под властью иноземных владык, персидских царей, Александра Македонского и эллинистических правителей, а затем – собственных царей Хасмонеев... В Ветхом Завете отразился исторический опыт народа. Но разве подобный опыт чужд другим народам?

I тысячелетие до н. э. можно назвать «осевым временем» человечества. Временем, когда определяются критерии и мерки, по которым человечеству предстоит жить и развиваться. Рациональное мышление потеснило мифотворчество. Власть традиций и абсолютных истин уже не беспредельна, понятной становится важность новаторства и ценность истин относительных. Человек осознает свою самостоятельность, а человечество – свою общность. Это время, когда живут и проповедают Заратуштра и Будда, Конфуций и Лао-Цзы, Сократ и ветхозаветные пророки. Да и сам Ветхий Завет не только творение «осевого времени» человечества, но и один из его творцов.

Важное обстоятельство – сочинения Ветхого Завета создаются и обращаются не в одной социальной и духовной среде. Они возникают и циркулируют в разных социальных, профессиональных и духовных кругах древнееврейского общества – среде пророков и жрецов, писцов и «мужей». Жизнь в Палестине и в сопредельных странах имела свои особенности, свои специфические проблемы, но общей была мучительная и трагическая переоценка ценностей, обусловленная народными и личными бедствиями. В этом сложном процессе переосмысления устоев, казавшихся ранее незыблемыми, решающую роль сыграли те, кого называли пророками.

Во всем древнем мире крестьяне и сановники, рабы и цари верили: боги предопределяют судьбу человека и судьбу государства.

Все жаждали узнать свое предначертанное будущее, исход своих начинаний. И поэтому находились «избранные». В силу «избранности», «близости» к Богу или богам им открывались тайны высшей воли, они «пророчествовали», сообщая людям будущее. Пророки исполняли священную миссию: обеспечить движение по пути, предназначенному Господом, в его власти уничтожить и проклясть.

Пророки жили при храме и при царском дворе, но в VIII–VI вв. до н. э. в Палестине действовали и «независимые» пророки. Возникали открытые пророческие ассоциации из учеников и последователей таких пророков. В этих ассоциациях и складывались ветхозаветные пророческие книги.

Изначально пророчество выражалось в кратких и ритмизированных устных речениях учителя. Ученики сохраняли и передавали их также в устной форме, дополняли новыми речениями или рассказами о жизни и деятельности учителя. Иногда составлялись небольшие письменные сборники, и лишь впоследствии, нередко спустя несколько десятилетий, дополненные и расширенные пророчества записывались.

В Ветхом Завете упоминаются многие пророки. Они породили обширную литературу, от которой сохранились лишь осколки. Это несколько десятков цитат из утраченных речений и 15 пророческих книг в Ветхом Завете. Книга пророка Исайи – первая из них. Она состоит из трех сборников разного времени. Первый (гл. 1–39) создан в VIII в. до н. э. и связан с реальным пророком Исайей, сыном Амоса. Он предупреждал о неминуемом наказании отступников от Яхве и призывал к возвращению на «путь Яхве». Второй сборник (гл. 40–55) датируется примерно 540 г. до н. э. Здесь высказывается надежда на разгром Вавилона и упоминается персидский царь Кир II. В третьем сборнике (гл. 56–65) отражены проблемы времени после пленения и возникновения гражданско-храмовой общины. Общность стиля, родство идей позволяют предположить, что все три сборника создавались в рамках одной пророческой ассоциации, которая хранила и развивала взгляды своего учителя Исайи, сына Амоса.

Гибель храма и государства, неминуемое наказание отступивших от Яхве и спасение верных ему – эти мотивы пронизывают речения пророка Иеремии (рубеж VII–VI вв. до н. э.). Его ученики дополнили

пророчества сведениями о жизни учителя и описаниями исторических событий.

Пророку Иезекиилю, священнику (начало VI в. до н. э.), принадлежат лишь поэтические видения Книги пророка Иезекииля, а прозаические отрывки и развернутая программа государственного устройства (гл. 40–48) были, возможно, созданы его учениками в конце VI в. до н. э. «Многослойными» являются и книги двенадцати так называемых малых пророков: к VIII в. до н. э. относится «ядро» книг пророков Амоса, Осии, Михея и, возможно, Авдия; многие речения в книгах Наума, Аввакума и Софонии датируются VII в. до н. э., а пророчества Иоила, Аггея, Захарии и Малахии относятся к VI–V вв. до н. э., когда была создана также Книга пророка Ионы, которая не принадлежит к жанру пророчеств.

Несмотря на разновременность создания ветхозаветных пророческих книг, в них можно выделить общий для всего пророческого движения круг идей. В отличие от жрецов остального древнего мира, чаще всего «пророчествовавших» в ответ на конкретный запрос, ветхозаветные пророки, как правило, выступали по собственной инициативе, что придавало их высказываниям универсальность, делало их глашатаями судьбы всего народа, всего государства.

Ветхозаветные пророки резко осуждали несправедные богатство и роскошь, насилие и произвол, угнетение и несправедливость. «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих... Клялся Господь:...поистине, во веки не забуду ни одного из дел их», – пророчествует Амос (8: 4–7). Поскольку средоточием богатства и роскоши, местом обитания людей могущественных, способных творить произвол, был в большей степени город, то пророки противопоставляли «городу-блуднице» идеализированный и опозитивизированный родоплеменной уклад. Беспощадно судили они и царей. Но ошибочно было бы считать, что пророки отрицали государственность и царскую власть вообще. Осуждая произвол и преступления отдельных царей, пророки всегда отстаивали необходимость основанной на справедливости и верности Яхве государственности, особенно царства Давид и его потомков, многие из которых – Давид, Соломон и другие – активно содействовали тому, что было

главным во всех ветхозаветных пророчествах – утверждению единобожия.

Древнееврейский пантеон на рубеже II–I тысячелетия до н. э. был весьма густо населен различными божествами: древние «боги отцов», явившиеся божествами-защитниками отдельных племенных союзов, сосуществовали с ханаанейскими богами, такими как Эл, Баал, Ашторет, и соседствовали с грозным богом южной пустыни Яхве. Культ этого бога был особенно популярен у «колена» Йехуда, и когда представители этого племени Давид и Соломон создали государство, их племенной бог Яхве стал главенствовать в пантеоне, вбирая в себя черты и атрибуты других божеств. В целях усиления царской власти и авторитета Иерусалимского храма Давидиды и столичное жречество стремились сделать Яхве единственным богом, исключаящим все другие божества и культы. Однако эта монотеистическая тенденция наталкивалась на упорное противодействие жречества, нередко поддерживаемого местной знатью и «народом земли».

В этой напряженной борьбе «за» и «против» единобожия огромную роль сыграл страстный призыв пророков. Монотеизм пророков, как правило, был ограничен: Яхве признавался единственным богом только одной страны и одного народа. Но иногда пророческая мысль поднималась до признания универсальности бога, до признания его не только творцом всего сущего, но и защитником всех народов и всех стран. Пророки отрицали поклонение изображениям Яхве, отстаивали более отвлеченное восприятие бога, что, однако, не мешало им упоминать о его руках, глазах, ушах и т. д. Пророки утверждали всемогущество Яхве и незначительность сотворенного им человека, но говорили о том, что бог установил два «пути» для человека – праведный, благой, «путь Яхве», и неправедный, неблагой, «путь сердца своего». Тем не менее, они подчеркивали, что человек может и должен сделать выбор между этими «путями», между добром и злом. «Ищите добра, а зла... Возненавидьте зло и возлюбите добро» (Ам. 5: 14–15). Поэтому в пророческих речениях так часто ставился вопрос о значении религиозных обрядов и соблюдения этических норм в отношениях между человеком и богом: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших», – восклицал Амос (5:21), а в речениях Исаяи сказано: «Научитесь делать добро,

ищите правды, спасайте угнетенного... тогда придите – и рассудим, говорит Господь» (1:17–18). Пророки совсем не отрицали важности выполнения религиозных обрядов, но считали, что только гармоническое сочетание обрядности с соблюдением морали является залогом «праведной жизни». Провозглашение единобожия и признание относительной независимости человека, подчеркивание значимости этических норм и резкий протест против несправедливости, противопоставление городского и сельского уклада, а также жесткая непримиримость пророков к инаковерующим оказали огромное влияние в становление Ветхого Завета. Но пророческое движение не было единственной средой, в которой рождался Ветхий Завет.

Словесное творчество того времени в Палестине, как и в других районах обитания иудеев – в Египте, Вавилонии и других странах, – осуществлялось на двух уровнях: создание новых произведений и оформление канона Ветхого Завета.

Составлением канона интенсивнее других занималось жречество. Зато писцы создали такие новые шедевры «литературы мудрости», как Книга Премудрости Акихара и Книга Иова, Книга Товита и Книга Притчей Соломоновых, Книга Екклесиаста и Книга Премудрости Соломона и многие другие (если судить только по дошедшим до нас). Главным героем этих книг, а местами и единственным героем стал человек. Эти книги учили человека сложному умению праведно жить. Подобные представления пронизывали книги Ездры и Неемии, которые рассказывали о создании ценою нелегких усилий после пленной Иерусалимской общины, а в Книгах Паралипоменон во многом по-новому излагалась и оценивалась история царства Давид и его потомков. Причем события прошлого целенаправленно выводились из области мифологии. В этих произведениях, как и в поучительных исторических рассказах – книгах «Руфь», «Эсфирь», «Юдифь», значимость человеческих деяний не отрицала роли Бога, но он воспринимался все более отвлеченным, как установитель двух путей – «пути Яхве» и «пути сердца своего», выбор между которыми надлежит сделать человеку.

Ориентированность на жизнь посюстороннюю, несомненное превосходство интеллекта над чувствами – эти и другие особенности «литературы мудрости» удовлетворяли далеко не всех. В Иерусалимской общине и за ее пределами, в Вавилонии и других

краях родилась принципиально другая литература. Из пророческих речений выростали произведения о конечных судьбах мира, «откровения». Это сложившиеся в III–II вв. до н. э. главы Книги Пророка Даниила и Книга Еноха, Книга Юбилеев, Завещание 12 патриархов и другие, оказавшие огромное воздействие на всю человеческую мысль, на мировую литературу. Такое воздействие апокалиптической литературы определялось ее неистовой верой во всемогущество и вездесущность всезнающего и всеопределяющего, карающего и спасающего Бога.

Эти книги пронизывала уверенность в охватывающее всю вселенную и всех людей противостояние и противоборство сил добра и зла; надежда на окончательное торжество на Судном дне ведомых Богом сил добра и спасение слабого, ничтожного, раздираемого между добром и злом человека. Конечно, только при условии полного упования его на Бога и полного послушания ему. Если к сказанному добавить яркую эмоциональность, красочную образность, обращенность к чувствам читателей многих этих произведений, то не приходится удивляться их популярности, особенно в условиях политической неустойчивости и катаклизмов, а в силу этого – потерянности человека, наступившей на Ближнем Востоке после VI–IV вв. до н. э., в эпоху эллинизма и римского владычества.

Именно в VI–IV вв. до н. э. стало актуальным определение книг, признаваемых «священными», и их противопоставление сочинениям, которые не признавались таковыми. В предшествующую эпоху евреи жили если не в одном государстве, то на одной земле, власть царей, авторитет храма и жречества были непререкаемы. Теперь же разъединенное существование в различных странах (после завоеваний Вавилоном и Персией), открывало широкие просторы для разнородности в религиозном мышлении и духовной литературе.

Решающей вехой в этом сложном процессе было объединение в VI–V вв. до н. э. древних и созданных сравнительно недавно сводов законов и различных повествовательных произведений – Книги Завета, двух вариантов Десяти заповедей, Кодекса святости, Второзакония, Жреческого кодекса, яхвистского и элохистского сочинений – в так называемый Закон (Тора), или Пятикнижие (книги «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие»). Пятикнижие, содержащее основные своды религиозных и общественных законов и предписаний,

обрамленных повествованием о сотворении мира и человека, о рае и Всемирном потопе, о патриархах и пребывании их потомков в Египте, исходе происшедших от них «колен» под предводительством Моше (Моисея) и их скитании в Синайской пустыне, было признано «священным» и нормативным сводом для всех верующих в Яхве, стало ядром Ветхого Завета.

Позднее, около 200 г. до н. э., завершилось составление второй части Ветхого Завета – «Пророков», – состоявшей из двух подразделов: «Первых пророков» и «Поздних пророков». «Первые пророки» включают обширный цикл исторических сочинений: Книги Иисуса Навина, Судей Израилевых и I–IV Книги Царств.

Наибольшие трудности и споры вызвало составление третьей части Ветхого Завета – «Писаний», оформленной только в I в. до н. э. и включающей крайне разновременные и разножанровые сочинения. Это Псалтирь, состоящая из 150 культовых и царских гимнов, индивидуальных и коллективных жалобных и благодарственных песен; Книга Плач Иеремии из пяти псалмов о гибели государства и храма в 586 г. до н. э.; сочинения «литературы мудрости», такие как Книга Притчей Соломоновых, Книга Иова – величественная поэма о страданиях невинного, об испытании праведности праведного, и Книга Екклесиаста – размышления о быстротечности человеческой жизни, о благодати размеренной, радостной трудовой жизни; историко-поучительные рассказы «Руфь» и «Есфирь» и исторические сочинения Книга Ездры, Книга Неемии и Книги Паралипоменон. Но самые «нестандартные» из вошедших в «Писание» произведений ” это восходивший, видимо, к старинным свадебным песням шедевр любовной лирики Песнь Песней Соломона и пронизанная, особенно в последних главах, сильной апокалиптической направленностью Книга пророка Даниила.

Создание канона предполагает иерархическую организацию произведений. Центром, обладающим высшей авторитетностью, является канон, а все остальные сочинения – апокрифы («скрытые» или «укрытые» книги) и псевдоэпиграфы («ложно надписанные») – книги Юдифи и Товита, три Книги Маккавейские и Книга Юбилеев, Книга Еноха и Завещание 12 патриархов и многие другие – образовали как бы периферию древнееврейской литературы и поэтому оказались особенно притягательны для разных оппозиционных течений.

В Библию – главную книгу христианства – кроме Ветхого Завета входит Новый Завет. Новый Завет состоит из письменных памятников раннехристианской литературы второй половины I века, написанных на греческом языке. Его создавали, как утверждают религиозные деятели, либо ученики Христа, либо ученики апостолов. Он повествует о рождении, жизни и деяниях Христа, о его мученической смерти и воскресении.

Примерно до XIX в. в мире существовала только религиозная точка зрения: повествования Библии внушены свыше, они божественного происхождения, они истинны и не поддаются критике. Их следует принимать как данность. Однако и сами религиозные деятели со временем стали понимать, что многие священные откровения Ветхого Завета не историчны, а метафоричны, следовательно, их нельзя воспринимать буквально. Например, в Ветхом Завете говорится, что Адаму было 930 лет, его сыну Сифу – 807, а Ною исполнилось 500 лет, когда он родил своих сыновей. Ковчег, который строил Ной по совету Бога, оказался непомерной длины – 300 локтей (почти 120 м), а высота – 30 локтей (12 м), высота современного четырехэтажного здания. Откуда такие цифры? Трудно представить себе судно такой величины, сделанное из дерева в эпоху, когда строили суда едва ли длиннее 20 м, которые отваживались плавать в основном только в пределах видимости берега.

В начале XX в., в связи с распространением новых материалистических взглядов, активные атеисты пытались доказать, что тексты Библии – сплошная фантазия, сказки, и никаких письменных доказательств их древности не существует. Но историчность Библии в целом была подтверждена в 1947 г., когда в скальных пещерах местечка Кумран на берегу Мертвого моря местные пастухи обнаружили странные свитки, спрятанные в глиняных кувшинах. Это были рукописи на коже и папирусе, которые содержали древнейшие библейские тексты. Это стало мировой сенсацией. Рукописи анализировали ученые из университетов США, Великобритании, Израиля и других стран и признали их подлинными. Возраст некоторых свитков составлял более двух тысяч лет. Их расшифровка позволила по-новому взглянуть на возникновение христианства, глубже понять корни еврейской истории и Священного

Писания. Сегодня эти реликты находятся в Иерусалиме, их можно увидеть в Храме Книги. Правда, на всеобщее обозрение выставлены не сами оригиналы, а искусно выполненные копии. Оригиналы же спрятаны в подземном бронированном помещении.

Широкое распространение Библии началось в период книгопечатания, с середины XV в., когда изобретатель печатного станка Иоганн Гуттенберг напечатал две Библии. Особый же интерес к Священному Писанию вызвал выпуск Библии на немецком языке, который осуществил в 1466 г. в Страсбурге И. Ментелин. Несколькими годами позднее новый перевод сделал немецкий священник Мартин Лютер.

Традиционно считается, что на славянский язык Священное Писание перевели братья Кирилл и Мефодий после 863 года. Типографское воспроизведение отдельных библейских книг началось после возникновения славянского книгопечатания (Иван Федоров). По инициативе царя Петра I был предпринят выпуск двуязычного издания – на славянском и голландском языках. Полная русская Библия в одном томе была издана только в 1876 г. После 1917 г. издание и распространение Библии в России и СССР было прекращено. Категорически запрещался ее ввоз из-за границы. Лишь с 1990-х гг. были сняты все запреты на издание Библии.

Всемирный потоп?

Около пяти тысяч лет назад в районе Черного и Мраморного морей произошло катастрофическое наводнение, вызванное прорывом Дарданелл. Не привела ли именно эта катастрофа к возникновению мифов о Всемирном потопе? Масштабы ее были по-истине библейскими. Тогда потоп затронул не только побережье Мраморного моря, затопил черноморский шельф, образовалось Азовское море. Под воду ушла огромная территория!

Но некоторые исследователи считают, что в мифах о Всемирном потопе рассказывается о наводнениях, вызванных таянием ледников последнего Великого оледенения. Тогда, двенадцать тысяч лет назад, действительно повышался уровень океана. Но это повышение продолжалось в течение нескольких тысячелетий, оно не было заметным для древнего человека. А уровень Черного и Мраморного морей после прорыва Дарданелл поднялся катастрофически быстро. И

произошло это сравнительно недавно – в то время, когда создавались первые мифы – греческие, хеттские, фракийские, скифские...

Что нам известно о потопе из Библии?

«Спустия семь дней воды потопа пришли на землю. В шестисотом году жизни Ноевой, во втором месяце, в семнадцатый день месяца, в этот день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились.

И был дождь на земле сорок дней и сорок ночей. <...> И было наводнение сорок дней на земле, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землей. И усиливалась вода и весьма умножилась на земле, и плавал ковчег на поверхности вод. И вода усилилась чрезвычайно на земле, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся на земле: и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих, все, что на суше, умерло. И истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов и птиц небесных, истребились они на земле: остался только Ной и что с ним в ковчеге. И усиливалась вода на земле сто пятьдесят дней. И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились. И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба. И возвращалась вода с земли постепенно, и стала убывать вода по прошествии ста пятидесяти дней, и остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. И вода постепенно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор». (Бытие, 7: 10–12, 17–24; 8: 1–5).

Масштаб этого бедствия был поистине вселенским. Затоплению подверглась вся земля, включая «все высокие горы». Суша осталась только «на горах Араратских», где и остановился со своим ковчегом благочестивый Ной. Все известные катастрофы – сущий пустяк по сравнению с тем поистине ужасным потопом, который обрушил разгневавшийся Бог на род людской. Ведь «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов и птиц небесных». Погибли все, «остался только Ной и что с ним в ковчеге». А в ковчеге, помимо Ноя, были «сыновья его и жена его и

жены сынов его... и (из птиц чистых и птиц нечистых) из скотов чистых и из скотов нечистых (и из зверей) и из всех пресмыкающихся по земле» по одной паре (по другому варианту, по одной паре было взято живых существ нечистых, а чистых – по семи пар).

Давно замечено удивительное сходство легенд о Всемирном потопе у многих народов. Поражает близость библейской версии легенды о Всемирном потопе и шумеро-вавилонской, зафиксированной в клинописных табличках Древнего Шумера и Древнего Вавилона. Реже отмечают, что близок к библейскому также текст древнегреческой легенды о Девкалионовом потопе и индийский текст о потопе, который пережил первочеловек Ману.

Во всех этих версиях боги (либо бог) гnevаются на людей и решают их уничтожить. Лишь одного праведного человека – библейского Ноя либо вавилонского Утна-пиштира, или Атрахарсиса, шумерского Зиусудру, греческого Девкалиона, индийского Ману предупреждает о предстоящем потопе милостивый бог, соответственно Яхве, Эя, Прометей, Брахма. Затем человек строит ковчег, в котором собирает зверей, домашний скот, семена растений и прочее. Он спасается в этом ковчеге и пристает к некоей горе, единственной, вершина которой осталась не затопленной. Когда вода уходит, этот человек становится родоначальником всех людей, а сохраненные им животные и растения возрождают жизнь на Земле.

Основные сюжетные мотивы легенды о Всемирном потопе, в частности, рассказ о боге или богах, о сложных мотивах, по которым они приняли решение о необходимости Всемирного потопа, могут относиться только к эпохе относительно развитой цивилизации. Двенадцать тысяч лет назад, во время таяния ледников, люди имели примитивные представления о сверхъестественном. Значит, возникновение основных сюжетных линий легенды приходится на время более позднее, чем конец последнего оледенения.

Заметим также, что Черноморское побережье вполне может быть местом действия библейской легенды. Ковчег патриарха Ноя остановился на горе Арарат. Понимать это можно и более обобщенно: ему пришлось спастись на Кавказе. Единственный потоп исторического времени, от которого люди спасались на Кавказских горах, – это потоп, вызванный прорывом Дарданелл.

Шумеро-вавилонский вариант легенды также говорит о Кавказе: гора Ницир, к которой пристаёт ковчег Зиусудры, относится к Армянскому нагорью. Она находится не слишком далеко от Арарата.

Известно, что миф о Всемирном потопе к древним евреям пришел от аккадцев. А те восприняли его от своих предшественников – шумеров. Культура аккадцев, да и культура других народов Передней Азии, находилась под громадным воздействием шумерской культуры.

А сами шумеры? Откуда они принесли легенду о Всемирном потопе? У кого заимствовали ее? Существуют два варианта ответа на эти вопросы. Сторонники первого варианта считают, что в шумерской легенде отразилась локальная катастрофа, происшедшая в долине Двуречья. Действительно, она часто затоплялась после перемещения лагун Персидского залива и изменения русл Тигра и Евфрата. Да и в самой легенде рассказывается, что шумерский патриарх жил в городе Шуруппаке на берегу Персидского залива. Однако эта гипотеза оставляет без внимания существование других параллелей легенды о Всемирном потопе, которые известны народам, не затронутым локальными катастрофами Двуречья.

Сторонники второго варианта ответа считают, что миф о потопе шумеры восприняли у своих предшественников – так называемых убаидцев, которые жили в Двуречье до завоевания этой страны шумерами в III тысячелетии до нашей эры. Традиционно подтверждением этого варианта считают открытие знаменитым английским археологом Леонардом Вулли «допотопных» слоев в древнем Уре. При раскопках других городов Двуречья – Киша, Урука, Шуруппака – также удалось найти слои чистой глины. Причем везде в нижних слоях (до потопа) находились следы одной цивилизации, а в верхних – другой. Очевидно, при потопах погибало так много людей, что на их место приходили другие поселенцы, представители другой культуры. Конечно, легенда о Всемирном потопе могла возникнуть из-за сильных разливов больших рек. Но и шумеры, и иудеи, и другие народы отлично знали характер своих великих рек. Наводнения для них, конечно, были стихийным бедствием, но все же не концом света.

Как предполагают ученые, убаидцы говорили на языке дравидской группы, то есть были родственны дравидским племенам Индии. Это позволяет сторонникам индийских корней легенды о Всемирном потопе протянуть цепочку, по которой передавалась

легенда, в Индию. В Индии также рассказывают миф о пережившем потоп первочеловеке Ману.

Но нужно ли следовать этой версии? Шумеры могли иметь свою легенду о потопе, когда они поселились на берегах Тигра и Евфрата. Откуда же пришли шумеры? Какое бедствие заставило их покинуть родину и пойти осваивать и завоевывать Месопотамию? Ни результаты лингвистического и антропологического анализа, ни исследования культуры шумеров не дают ответа на этот вопрос. Язык шумеров не принадлежит ни к индоевропейской, ни к семитской, ни к какой-либо другой известной языковой группе. Немецкий ученый Э. Церен, автор книги «Библейские холмы», предполагал, что этот язык мог относиться к какой-нибудь малоизученной семье кавказских языков. Подтверждением этой гипотезы можно считать и то, что Всемирный потоп, воспоминания о котором, может быть, сохранили шумеры, судя по всему, затронул причерноморские области Кавказа. По свидетельству Библии, шумеры после потопа пришли с Кавказа: «Двинувшись с Востока, нашли они в земле Сenna-ар (Шумер) равнину и поселились там».

А как же быть с индийским вариантом легенды о Всемирном потопе?

Мы не находим никакой легенды о Великом потопе. А вот в более поздней санскритской литературе неоднократно встречаются различные версии сказания о потопе, причем каждая из них при общем сходстве сохраняет свои собственные детали. Древнейшее из известных преданий было записано, как полагают, незадолго до появления буддизма, т. е. не позднее VI в. до н. э.

«Утром принесли Ману воду для умывания, совершенно так же, как теперь ему всегда приносят воду для омовения рук. Когда он умывался, ему попала в руки рыба. Она сказала ему такое слово: «Взрасти меня, и я спасу тебя!» – «От чего ты спасешь меня?» – «Потоп снесет все земные создания; я спасу тебя от потопа!» – «Как же мне взрастить тебя?» Рыба ответила: «Пока мы малы, нам не миновать гибели: одна рыба пожирает другую. Сперва ты будешь держать меня в кувшине; когда я перерасту кувшин, ты выроешь колодезь и там будешь держать меня. Когда я перерасту колодезь, тыпустишь меня в море, ибо тогда мне уже нечего бояться гибели». Скоро рыба стала гхашей, а эта порода – самая крупная среди рыб.

После этого она сказала: «В таком-то и таком-то году произойдет потоп. Ты должен тогда вспомнить обо мне и построить судно, а когда начнется потоп, взойди на него, и я спасу тебя от потопа». Взрастив рыбу так, как она просила, Ману пустил ее в море. И в том самом году, который предсказала рыба, он вспомнил ее совет и построил судно, а когда начался потоп, он взошел на него. Тогда рыба подплыла к нему, и он привязал канат от своего судна к ее плавнику и таким образом скоро приплыл к той далекой горе, что на севере. Тут рыба сказала ему: «Я спасла тебя; привяжи теперь судно к дереву, но смотри, чтобы вода не снесла тебя, пока ты будешь оставаться на горе; когда же вода спадет, ты можешь понемногу спуститься вниз». И он понемногу спустился с горы. Вот почему тот склон северной горы называется «спуск Ману». Потопом были уничтожены все создания; один лишь Ману уцелел...

Желая иметь потомство, он стал вести благочестивую и строгую жизнь. Он также совершил жертвоприношение «пака»: стоя в воде, принес жертву из осветленного масла, кислого молока, сыворотки и творога. От этого через год произошла женщина. Когда она стала совсем плотной, то поднялась на ноги, и, где она ни ступала, следы ее оставляли чистое масло. Митра и Варуна, повстречавшись с ней, спросили: «Кто ты такая?» – «Я дочь Ману», – отвечала она. «Скажи, что ты наша дочь», – сказали они. «Нет, – настаивала она, – я дочь того, кто произвел меня». Тогда они пожелали иметь в ней долю, но она, не сказав ни «да» ни «нет», прошла мимо. Она пришла к Ману, и он спросил ее: «Кто ты такая?» – «Твоя дочь», – отвечала она. «Как, ты, слава творения, ты – моя дочь?» – спросил он. «Да!» – сказала она. «Теми жертвами из чистого масла, кислого молока, сыворотки и творога, которые ты принес в воде, ты произвел меня. Я – благодать; используй меня, когда будешь приносить жертвы. И если ты используешь меня, когда будешь приносить жертвы, то станешь богат потомством и скотом. Всякое благо, какое ты вздумаешь просить через меня, будет дано тебе». И вот он стал пользоваться ею во славу бога в середине жертвоприношения, а середина жертвоприношения – это все, происходящее между вступительной и заключительной жертвой. Вместе с ней он продолжал вести благочестивую и строгую жизнь, желая иметь потомство. Через нее он произвел человеческий род, род Ману, и всякое благо, которое он просил через нее, было дано ему».

Очевидно, что эта легенда имеет мало общего с библейской. Наиболее вероятным кажется предположение, что в Индию ее принесли арийские племена, которые пришли сюда во и тысячелетии до нашей эры. Именно эти племена принесли в Индию ведическую культуру. Это предположение обосновывается тем, что в индийском мифе о Всемирном потопе действуют боги арийского, а не более древнего протоиндийского пантеона.

В таком случае родиной легенды о Всемирном потопе становится прародина ариев. Арии же пришли в Индию с северо-запада, из-за Гималаев. Отметим, что племена индоевропейской, арийской группы языков вначале, как показывают данные археологических раскопок, жили на побережье Черного моря. Из районов Балкан и Причерноморья они переселились в Приволжские степи, затем на Северный Кавказ, а оттуда двинулись в Переднюю Азию, в Иран и за Гималаи – в Индию. Ариев могла затронуть катастрофа Черного моря, произошедшая приблизительно в III тысячелетии, и миф о ней они могли потом принести в Индию, где она и обросла индийскими реалиями.

Греческий же вариант легенды о Девкалионовом потопе также мог рассказывать о черноморской катастрофе и иметь истоком арийские легенды. У Аполлодора мы находим следующее сказание: «Девкалион был сыном Прометея. Он царствовал в стране Фтия (в Фессалии) и был женат на Пирре, дочери Эпимитея и Пандоры, первой женщины, сотворенной богами. Когда Зевс решил истребить людей бронзового века, то Девкалион по совету Прометея построил ящик или ковчег и, сложив туда всякие запасы, вошел в ковчег вместе со своей женой. Зевс пролил с неба на землю большой дождь, который затопил большую часть Греции, так что все люди погибли, за исключением немногих, столпившихся на ближайших высоких горах. Тогда разделились горы в Фессалии, и вся земля по ту сторону Истма и Пелопоннеса была залита водой. Но Девкалион в своем ковчеге плыл по морю девять дней и девять ночей; наконец, пристав к Парнасу, он высадился здесь после прекращения ливня и принес жертву Зевсу, богу спасения. И Зевс послал к нему Гермеса с предложением исполнить любое желание Девкалиона. Девкалион пожелал, чтобы появились люди на земле. Тогда по приказанию Зевса он стал собирать камни и бросать их через свою голову. Камни, которые бросал

Девкалион, превратились в мужчин, а камни, которые бросала Пирра, превратились в женщин. Вот почему люди по-гречески называются laoi – от слова laas – камень».

Потоп, связываемый с именем Девкалиона, является наиболее известным и прославленным, но не единственным в греческих преданиях. Древние ученые различали три великие катастрофы подобного рода, которым в разные эпохи подвергалась земля. Первая произошла при Огигесе, вторая – при Девкалионе, третья – при Дардане. Одним из действующих лиц этой легенды является бог морской пучины Тритон, который после потопа трубит в трубу и отзывает потоки и волны. Но Тритон жил в Тритонском озере (это озеро, существовавшее на месте Мраморного моря). Так, может быть, и миф о Девкалионовом потопе – это вариант мифа о потопе Дардановом, вызванном прорывом Дарданелл?

Несколько лет назад американский геолог Вальтер Питман в книге «Ноев потоп» высказал предположение о том, что потоп мог быть связан с концом ледникового периода, когда на Земле уже жили люди каменного века и кое-где переходили от его последней стадии – неолита – к использованию бронзовых орудий. Более того, когда последние ледники уползали из Европы, на Ближнем Востоке уже существовали первые города, например известный из Библии Иерихон.

Геологи выяснили, что в конце последнего ледникового периода Черное море было замкнутым водоемом – пролива Босфор, связывающего его со Средиземным морем, еще не существовало, уровень Черного моря был на сто метров ниже уровня Мирового океана. Из-за таяния ледников уровень воды в Черном море постепенно повышался, потому что реки несли в него больше воды, чем раньше, но все равно разница оставалась значительной – ведь и уровень Мирового океана, а следовательно, и Средиземного моря, все время рос. Однако около семи-восьми тысяч лет назад волны Средиземного моря прорвали перемычку и хлынули в Черное. В течение нескольких дней появилось Азовское море, которого раньше вообще не было, морские волны залили северо-западную область (там, где сейчас находится Одесса), но на юге и востоке затопленная полоса была гораздо уже – там близко к берегу подходят горы, а дно уходит вниз очень круто.

Если эта теория верна, то на дне Черного моря, на глубине примерно ста метров (ведь селения обычно строили поблизости от берега), можно будет отыскать «черноморские Помпеи».

Американское национальное географическое общество пригласило возглавить экспедицию на Черное море по поиску следов потопа крупнейшего океанолога Роберта Болларда, прославившегося тем, что он нашел потопленный англичанами немецкий линкор «Бисмарк» и знаменитый «Титаник». Роберт Боллард отправился в экспедицию на специально оборудованном судне «Северный горизонт», на борту которого находилась малая подводная лодка-автомат, управляемая по радио. «Северный горизонт» продвигался вдоль турецких берегов на расстоянии в двенадцать-тринадцать миль – именно там пролегла некогда береговая линия. Особенно внимательно ученые обследовали ушедшую под воду долину и устье реки, на которой стоит турецкий порт Синоп.

На дне в двенадцати милях севернее Синопа, где в далекой древности река должна была впадать в море, подводная лодка сфотографировала хорошо сохранившиеся части большого здания шириной четыре метра и длиной около двенадцати, сложенного из бревен, украшенных примитивной резьбой, а также каменные орудия и сосуды. Впоследствии был определен возраст бревен – семь с половиной тысяч лет. Вероятно, ученые нашли древнее поселение рыбаков эпохи неолита, конца каменного века. Причем дома поселения не были разрушены, не рассыпались от старости, на них не видно следов пожара или войны. Селение погибло неожиданно.

История этих мест теперь представляется в ином свете. Когда Средиземное море прорвалось в Черное, поток воды, смывший перемычку, был так силен, что уровень Черного моря стал подниматься буквально на глазах. Речь шла о неделях, а может быть, о днях или даже часах. Вдоль берегов Черного моря цепочкой тянулись большие и малые селения. Вода стремительно наступала на дома.

Такое грандиозное наводнение наверняка сопровождалось другими стихийными бедствиями, в том числе землетрясениями, бурями и шквалами. Кое-кто из рыбаков пытался найти спасение в море – они спешно грузили на корабли своих домочадцев, скот и добро. Вряд ли многим удалось спастись. Другие бросали все и бежали в горы. Но высокие волны догоняли их.

Прошло несколько дней, и береговая линия стала неузнаваема. Сады, поля, дома, храмы – все ушло глубоко под воду. Так глубоко, что ни одному ныряльщику до них было не добраться. Если кто и остался в живых, он мог лишь смотреть с вершин холмов на исчезнувшую землю и поражаться силе и гневу богов.

И все это вместе породило легенду о Всемирном потопе, о старце, который, погрузив на ковчег семью, успел уйти в море, а потом пристал к горе Арарат. Кстати, от тех мест она расположена во много раз ближе, чем к Палестине или царству шумеров.

Важно подчеркнуть, что поднявшееся море затопило все плодородные прибрежные долины. Пройдет много столетий, прежде чем реки принесут с собой ил и почву и люди снова смогут прийти на берега Черного моря. Те же, кто остался в живых, вынуждены были уйти и искать себе новую родину. Некоторые из них пошли к югу, к истокам Тигра и Евфрата. И с собой они принесли память о невероятном бедствии – потопе. Древний человек старался отыскать объяснение всем стихийным бедствиям и несчастьям: виноваты были либо злые боги, либо сами люди, которых боги решили наказать.

А то, что этот потоп показался людям всемирным, не должно нас удивлять. В древности обитаемый мир для человека ограничивался его долиной, в крайнем случае – страной, и вне этого мира как бы ничего не существовало. Когда этот мир оказывался под водой, человеку такое бедствие вполне могло представиться Всемирным потопом.

Спасительный ковчег

Мифы, легенды и предания о Всемирном потопе широко распространены в фольклоре многих народов. В них сведения о реальных катаклизмах смешаны с поздними литературными добавлениями. Есть версии, где потоп трактуется как мировая катастрофа, в которой гибнет все живое или сохраняется лишь его минимум, необходимый для возрождения жизни на земле. Иногда миф описывал местное наводнение, опасное лишь для одного народа или племени. Часто различия между двумя упомянутыми вариантами невелики: в древности многие народы, как мы уже говорили, считали только свои владения обитаемым миром, а боги за плохое поведение, «падение нравов» насылают на людей потоп (дождь или гигантский прилив). Выживают только праведники, заранее извещенные о катастрофе, – они принимают меры к спасению. Обычно божества позволяют своим избранникам уцелеть на быстро вырастающем дереве, на горе, в пещере, в гигантской тыкве... В одном индейском мифе великий дух советует праведному человеку пустить стрелу в тучу, затем вогнать в эту стрелу вторую, третью и, сделав «лестницу» из стрел, подняться по ней на небо. Но чаще всего высшее существо поручает праведнику построить «плавсредство» – корабль, плот, большое каноэ или лодку. Спасаящиеся нередко берут с собой животных, семена и растения.

Потоп обычно продолжается в течение особого, священного числа дней: семь, сорок... Когда он прекращается и воды начинают спадать, праведники выпускают на поиски суши птицу (ворона, голубя), которая и находит место для причала. Корабль достигает горы или острова, где начинается новая, часто более праведная жизнь в соответствии с божественными заповедями; люди, скот, растения размножаются и вновь заселяют землю. Так, жрецы ацтеков (а цивилизация ацтеков поражает воображение), рассказывали о том, как бог Титлакахуан предупредил праведного человека по имени Ната о грядущем наводнении и посоветовал Нате выстроить себе корабль. Тлинкиты, индейцы Аляски, хранили предание о потопе, достигавшем вершин гор – немногие люди спаслись тогда на каноэ...

Но мы остановимся на судне, с помощью которого библейский праведник Ной спас себя, свою семью и весь животный мир. Итак, как повествует Библия, Бог приказал Ною (его имя переводится как «успокаивающий») соорудить из дерева гофер (кипарис) ковчег с помещениями для жилья и покрыть его смолой изнутри и снаружи. Интересно, что ковчег – это вовсе не корабль, а скорее ларец или

сундук. В той же Библии упоминается, например, Ковчег Завета, где сберегались скрижали Моисеевы; хранилища для частиц мощей называются «ковчежцами» и т. д.

Приведем библейский текст. «И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье жилие... И войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. Введи также в ковчег из всякого скота, и из всех гадов, и из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужского пола и женского пусть они будут... Возьми себе всякой пищи, какую питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищею». (Быт., 6: 15–21.) Велик ли был ковчег? Локоть – мера длины, принятая в древнем мире, она равняется приблизительно полуметру. Стало быть, «ларец» Ноя имел длину в 150 м, ширину – в 50 и пятнадцатиметровую высоту. Не слишком много, чтобы вместить, хотя бы и по паре, всех земных животных, от муравья до слона! Злополучный «Титаник» достигал 268 метров длины... Но, может быть, речь шла не обо всем животном мире, а только о полезных созданиях? С другой стороны, для «чистого» мифа – выдумки от начала до конца – уж слишком точны сведения: три этажа кают, дверь сбоку, полуметровый люк в наглухо просмоленной верхней палубе... Неужели все-таки существовал реальный прототип ковчега?!

Что делали дальше Ной и его спутники? «И продолжалось на земле наводнение сорок дней и сорок ночей, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею; вода же усиливалась и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод... Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских... И вышел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним; все звери, и весь скот, и все гады, и все птицы, все движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега». (Быт., 7: 17–18; 8: 3–4, 18–19).

Более трех тысяч лет этот миф входил в цикл иудейских, а затем и христианских сказаний, но отличался от многих из них какой-то особой претензией на достоверность. Еще вавилонский жрец-

летописец Бероз упоминал про «корабль, который в Армении опустился на грунт», и о том, что «смолу с корабля соскабливали и изготовляли из нее амулеты». Прославленный в античном мире историк Иосиф Флавий около двух тысяч лет назад писал: «Одну часть корабля можно обнаружить еще и сегодня в Армении... Там люди набирают смолу для изготовления амулетов... Армяне называют это место «причалом», где ковчег остался лежать навеки, и показывают сохранившиеся до сегодняшних дней его части». Николай из Дамаска, написавший в I в. н. э. «Хроники мира», упоминает о горе Барис в Армении: «На вершине этой горы остановился один человек, приплывший в ковчеге, обломки которого сохранились там на долгое время». О том же сообщает и венецианский путешественник XIII в. Марко Поло: «На вершине высокой горы покоится Ноев ковчег, покрытый вечными снегами». Ему вторит немец Адам Олеарий (XVI ст.): «Армяне и персы считают, что на упомянутой горе все еще находятся обломки ковчеха, которые с течением времени стали твердыми и прочными, как камень».

В течение многих лет делались попытки доказать правоту Библии, повествующей о Всемирном потопе, с помощью фактов. Так, в 1800 г. американец по имени Клавдий Рич опубликовал сообщение некоего Ага-Хусейна, который рассказывал, что в поисках заблудившихся овец поднялся на склон Арарата и увидел там большую скалу. Когда он подошел ближе, то разглядел, что это не часть горы, а борт громадного корабля, частично скрытый подо льдом и снегом. Есть сведения, что куски древесины от ковчеха хранились в армянском монастыре Св. Иакова (монастырь был полностью разрушен землетрясением 1840 года). Экспедиции на Арарат начались с 1829 г. Первым из ученых здесь был Фредерик Пэррот, профессор Дерптского университета. Две из его экспедиций так и не добрались до вершины, но в третий раз его усилия увенчались успехом. По возвращении он уверял, что сделал отметку на стенке ковчеха. Тем не менее ему не удалось привести доказательства, свидетельствующие о находке.

В 1840 г. один журналист из Константинополя объявил о том, что Ноев ковчег найден. Турецкая экспедиция, целью которой было изучение снежных покровов на горе Арарат, обнаружила выступавший из-под льда огромный почерневший деревянный остов некой конструкции... Жители селений в окрестностях Арарата в ответ на

расспросы участников экспедиции говорили, что всегда знали о существовании этого деревянного остова, но не осмеливались подходить близко, так как в проеме верхней части конструкции якобы видели злого духа. Турецкая экспедиция, несмотря на значительные затруднения, все-таки добралась до ковчега и убедилась, что он в хорошем состоянии, только один борт был поврежден.

Участники экспедиции рассказывали, что борта ковчега были сделаны из дерева, упомянутого в Священном Писании, которое растет, насколько известно, в долине реки Евфрат. Войдя в ковчег, участники экспедиции убедились, что это судно было предназначено для перевозки животных, так как внутри оно было разделено на отсеки высотой 15 футов (4,5 м). Турецкой экспедиции удалось проникнуть только в три из этих помещений, так как остальные были заполнены льдом. Длина ковчега равнялась 300 кюде (турецкая мера длины).

В 1893 г. архидиакон несторианской церкви доктор Нурри опубликовал заметку о том, что «лишь носовая часть ковчега и его корма могут быть доступны, а центральная часть скрыта подо льдом». Он сообщал, что ковчег выстроен из тяжелых брусьев темного красновато-каштанового оттенка. Нурри, обмерив ковчег, обнаружил, что результаты этих измерений полностью совпадают с размерами, которые указаны в Священном Писании. Позже было создано общество, которое должно было финансировать вторую экспедицию доктора Нурри, имевшую целью доставить ковчег на Всемирную выставку в Чикаго. Этим планам, однако, не суждено было сбыться, так как правительство Турции не позволило вывезти ковчег за границу.

Когда началась эра авиации, в 1916 г. лейтенант российского воздушного флота Владимир Росковицкий и его спутники видели с аэроплана на склоне горы что-то, похожее на корабль: оно находилось в горном озере. По словам лейтенанта, объект «казался таким длинным, как целый квартал домов вдоль улицы, и его легко можно было сравнить с линкором». Шла война; летчик поначалу решил, что немцы тайно испытывают в озере новую модель подводной лодки, но затем рассмотрел предмет поближе и убедился, что перед ним лишь полусгнивший остов, вмёрзший в лед. Лейтенанта поразили «большие ворота» возле кормы... Экспедиция, посланная затем по приказу из Петербурга, добралась до остатков ковчега и даже измерила их. В отчете говорилось, что все сооружение покрыто массой, похожей на

воск (смолой?), а его материал – дерево из семейства кипарисовых. К сожалению, все документы экспедиции пропали в вихре военных и революционных событий. К этому сообщению можно относиться по-разному; скажем лишь, что никто из людей, служивших в царских военно-воздушных силах, не знал лейтенанта Росковицкого. А ведь тогда пилотов было совсем немного... Однако один из эмигрировавших офицеров, давая интервью в Нью-Йорке, вспомнил о старшем лейтенанте Заболоцком и других коллегах-летчиках, которые были уверены, что «Ноев ковчег находится в седловине между обеими вершинами Арарата». Этот же офицер сообщил, что после полета на гору действительно поднимался пионерный батальон. Солдаты «истово крестились и... горячо молились, когда увидели ковчег и поняли, что это такое». Если верить тому же автору, экспедиция выяснила, что внутренние помещения судна разделены на отсеки, а на дощатом полу виднелись следы ржавчины от железных прутьев, – возможно, от клеток с животными...

Арарат – фактически не одна гора, а две, два слившихся в основании конуса потухшего вулкана. Их называют Большой и Малый Арараты; высшая точка Большого – 5165 м, Малый достигает лишь 3925 м. «Сиамские близнецы» – вулканы богаты ледниками. Район, где они находятся, сегодня входит в состав Турции, но лежит на стыке трех государств: Турции, Армении, до недавних пор входившей в состав СССР, и Ирана; населен он, в основном, курдами. Политическая и военная обстановка вокруг знаменитых гор в течение XX в. была непростой и остается такой же и сейчас.

Во время Второй мировой войны над Араратом проходил «воздушный мост», налаженный для поставок продовольствия между СССР и США. Советская авиабаза находилась в Ереване, американская – в Тунисе. Однажды, в 1943 г., два американских пилота заметили на одном из склонов Арарата нечто, напоминавшее большой корабль...

Шестью годами позже, когда уже всю шла «холодная война» и западные спецслужбы проводили шпионские операции у границ Советского Союза, с военного американского самолета снова заметили и сфотографировали странные объекты. Их было два, один покоился в толще ледника. Предположили, что это обломки разбившегося

турецкого самолета, – но правительство Турции отрицало такую возможность.

Летом 1953 г. американский нефтяник Джордж Д. Грин, пролетая на вертолете над Араратом, с высоты 30 метров сделал шесть четких снимков большого корабля, наполовину ушедшего в горные породы. Два года спустя француз Фернан Наварра извлек из-под льда на Арарате некий «Г-образный брус» и несколько досок, как будто от обшивки. Позднее исследователь привез еще несколько фрагментов судна. Радиоуглеродный анализ в одной лаборатории показал возраст находки в 1400 лет, в другой – около 5000.

Нечто, похожее на окаменелый ковчег, было найдено в нескольких десятках километров от Арарата, в горах Акиаила, в 1959 г. Турецкий пилот предъявил фотографию участка грунта, окаймленного земляным валом;

при желании на снимке можно увидеть то ли отпечаток исполинской широкодонной «баржи», то ли ее копию, сложившуюся из земли и камней, нанесенных за тысячелетия на судно: дерево сгнило, но этот, более прочный, «футляр» остался. Весной 1960 г. несколько экипажей самолетов 428-й эскадрильи тактических ВВС США снова увидели на горе диковинное образование, явно искусственного характера. Результаты аэрофотосъемки, проведенной тогда, вероятно, до сих пор хранятся в архивах ЦРУ... В том же году, во время патрульных облетов горы, офицер турецкой армии обратил внимание на странную «складку» горного рельефа. Ее симметричные очертания напоминали огромную ладью. Были сделаны фотоснимки. Находкой заинтересовался журнал «Лайф». В сентябре того же года там был помещен репортаж о том, что примерно в 20 милях (36 км) от вершины Большого Арарата на юг найдены останки библейского корабля. Они находятся на высоте 7000 футов (около 2300 м) над уровнем моря; длина находки достигает 500 футов (почти 165 м). Американский ученый Рон Уайт стал добиваться разрешения обследовать объект. Но прошло много лет, прежде чем он смог приступить к работе... Рядом с подозрительной окаменелостью Уайт нашел валуны, в которых были просверлены отверстия: так выглядели в незапамятной древности якоря средиземноморских судов. А возвышение, имевшее форму корабля, как оказалось, имело в своем составе повышенное количество углерода: не следы ли ископаемой

древесины?.. Уайт подключил к своим исследованиям специалистов из разных областей науки. Скоро была разработана схема находки: на нее нанесли предполагаемые шпангоуты, переборки, несколько палуб и другие элементы судна.

В 1974 г. одной американской исследовательской организацией были сделаны с высоты до 8000 м снимки той же местности, на которых можно различить контуры артефакта, напоминающего судна древности. Подобные фото делались и из космоса... Том Кротсер, совершивший восхождение в эти места, возвратясь со своим трофеем – ископаемой доской, утверждал, что там «этого дерева 70 тысяч тонн». Но после указанного года дальнейшие поиски ковчега стали почти невозможными: турецкое правительство, разместив на горе посты наблюдения за линией границы, закрыло район для любых «штатских» посещений...

Однако человечество не перестало искать Ноев ковчег. Так, в августе 1982 г. появилось сообщение о том, что на поиски Ноева ковчега отправилась, пройдя через Турцию, американская экспедиция, в составе которой было одиннадцать человек. Членом этой научной экспедиции, на которую было израсходовано приблизительно 60 тысяч долларов, был даже бывший астронавт – американец Джеймс Эрвин, который в 1971 г. совершил высадку на Луну во время космической экспедиции «Аполлон-12». В своем интервью Эрвин сказал, что наблюдения предыдущих экспедиций не оставляют никаких сомнений в том, что на вершине Арарата действительно есть некое таинственное судно. К этому американский астронавт добавил, что верит в то, что это судно – Ноев ковчег. И по сей день все еще предпринимаются попытки (одна из них была повторена, например, американцами в 1994 г.) разыскать Ноев ковчег.

Судя по большинству снимков, появлявшихся в печати, араратский «корабль» все же мало похож на библейский «сундук». Скорее, он напоминает погребальную ладью фараона Хуфу, откопанную близ его пирамиды в Гизе и ныне выставленную там же в специальном павильоне. Тонкий нос расширяется к середине корабля; максимальной ширины судно достигает в своей последней трети, далее очертания плавно скругляются к корме. Таковы же по форме и очертания турецкой находки.

Но ведь, если действительно, как о том повествуют сказители, волны достигали горных вершин, то случилось это наверняка неизмеримо раньше, чем начали строиться самые ветхие из пирамид! Скорее уж, ладья Хуфу сделана по каким-то бесконечно давним, не дошедшим до нас образцам. Недаром бытует мнение о том, что предками египтян были «те самые» атланты...

Да, собственно, и миф-то о гневном божестве-карателе, о его любимце Ное и плавучем доме для людей и животных – не еврейский. Он имеет очень глубокие корни! Напомним, что это библейское сказание было заимствовано иудеями из более ранней мифологии вавилонян; те взяли ее у еще более древних аккадцев; аккадцы же, в свою очередь, «одолжили» миф у загадочных шумеров. Шумерского Ноя звали Зиусудра – «нашедший жизнь долгих дней»; у аккадцев спасенный праведник получил имя Утнапишти – «нашедший дыхание», под этим именем он вошел и в величайший эпос Междуречья о Гильгамеше; в ином варианте мифа праведник зовется Атрахасис, «превосходящий мудростью». Бог Энлиль, возмущенный суетностью и грехами рода человеческого, решает наслать на землю потоп. Но мудрый и набожный Зиусудра, правитель города Шуруппака, узнает о предстоящем бедствии от другого бога, доброго к людям Энки. По указанию Энки, царь строит корабль – не ковчег-«ларец», а именно морское судно! На него погружает месопотамский Ной свою семью, ремесленников, зерно, имущество, а также всех животных, «кто ест траву». В корабле он переживает потоп, длящийся семь дней и семь ночей. После потопа Зиусудра, как «спаситель семени человечества», получает «жизнь богов» и «вечное дыхание» – и поселяется вместе со своей супругой на острове Дильмун, мифической прародине шумеров. В пользу предположения о том, что шумеры родом с морского побережья, говорит то, что первые их города были построены в самом устье Тигра и Евфрата. Кроме того, шумерские корабли, чьи изображения сохранились на глиняных печатях, имеют морскую архитектуру: их нос и корма высоко подняты для борьбы с волнами, в отличие от речных судов, чья форма была плоской или лунообразной.

Гильгамеш, герой эпоса «О все видавшем», потеряв своего ближайшего друга Энкиду, пытается вернуть его из страны мертвых. Чтобы узнать, где находится загробное царство, Гильгамеш

отправляется на Дильмун. Там он встречается с Утнапишти, и тот рассказывает гостю о своем спасении от потопа. «И начал я корабль строить, очертаньем похожий на ящик, четыремя выделяясь углами. В его стенах заделал я щели и залил густою смолою. Разделил я на девять отсеков все пространство внутри. И много сосудов сладкой наполнил водою, запасся различной пищей, готовясь к долгой осаде. И потом, всех зверей приведя по паре, наполнил ими отсеки, чтоб друг друга они не съели. Захватил мастеров и жен их с детьми. Сам с семьею вошел последним и закрыл за собой двери».

Легко заметить, что Утнапишти описывает свой корабль в точности так же, как неведомый автор Книги Бытия: это ящик, т. е. ковчег. Но в более раннем, шумерском варианте мифа фигурирует именно корабль. В чем же дело? Неужели кораблестроение глубочайшей древности было более «прогрессивным», чем в следующие эпохи?..

Вспомним еще раз ладью великого Хуфу: ее конструкция, разработанная 46 веков назад, поражает воображение. Ничего подобного в более поздние времена не было. Неизвестны ни изображения, ни описания, ни модели столь совершенных кораблей. Суда сходной архитектуры появляются только в I тысячелетии до н. э. в Карфагене, а затем в Риме. В Париже, в Лувре, экспонируется уникальный обсидиановый нож, на рукояти которого изображена морская баталия. Сражающиеся суда различны по типу и архитектуре. Одни имеют лунообразный профиль и явно созданы для плавания на реке; другие – морскую форму, т. е. высоко поднятые нос и корму и в точности соответствуют изображениям судов на шумерских печатях. Похожи эти вторые корабли и на погребальную ладью фараона: ее оконечности тоже высоко подняты, хотя уже не функциональны, а служат украшениями, – но ведь прототип-то, возможно, и впрямь преодолевал океаны! Нож был обнаружен в Египте, в поселении Джебель-эль-Арак; его изготовление относят к концу IV – началу III тысячелетия до н. э.

Подобные суда изображены и на печатях древнейших городов долины Инда, Хараппы и Мохенджо-Даро. Хараппские печати «моложе» шумерских, но сходство кораблей несомненно. Может быть, потоп грозил прародине шумеров? И если у этих «дильмунцев» были большие корабли, плававшие и к Нилу, и к устьям Тигра и Евфрата, и к

городам на Инде, то, возможно, этот таинственный народ сумел предвидеть катастрофу – и начал переселение, с животными, семенами и саженцами растений, на плодородные земли в долинах великих рек? Спасшиеся вполне могли начать освоение новых краев, дав толчок к рождению самых ранних цивилизаций Земли.

Энтузиасты находят следы ковчега даже на Таймыре! Правда, основанием их уверенности служит уже не археология, а лингвистика. В имени супруги верховного бога кетов (одного из древнейших народов Сибири), Хосэдэм, видится искаженное Хасиддим: «Владычица равнины Сиддим». А в долине Сиддим располагались, как гласит Библия, города Содом и Гоморра. Господь решил покарать грешников потопом (как говаривали кеты, «сполоснуть землю»). Полярный архипелаг погрузился на дно Северного Ледовитого океана.

Это событие перевернуло все устоявшиеся представления: старые боги и предки, которые помогали людям, оказались под водой. Теперь, чтобы отправить покойного к предкам, его надо было помещать в лодку – чтобы он мог преодолеть водную преграду. А поскольку двигаться усопшему предстояло на север, лодку порой заменяли санями (покойника клали в сани даже летом, а чтобы не заблудился, клали головой на север). Погибший мир стал царством смерти: греческим Аидом, шумерским Куром, еврейским Шеолом... А на Таймыре осталась река с почти еврейским именем – Сеолема.

Где же в таком случае дрейфовал в своем ковчеге спасенный Господом праведный Ной? «И остановился ковчег в седьмой месяц, в семнадцатый день месяца, у гор Урарту». А плыл Ной по Ледовитому океану. Как он назывался тогда? Якуты и сейчас поют о холодном великом море Арат: «Арат-море, нажимай – не колыхнется, наступай – не гнется, топчи – не шатнется...» значит его имя. «Арат» созвучно еврейскому слову «хеара», что означает «освещение, озарение». А в морях Ледовитого океана самое замечательное явление – северное сияние, когда оно в безмолвной темноте разворачивает на полнеба призрачные города с колоннами и переливающиеся знамена. Арат – это море огненного сияния.

Естественно, что гора, к которой пристал ковчег, получила название по морю, на берегу которого она находилась. Значит, Арарат – таймырское плато Бырранга. А высадился Ной, скорее всего, на

ближайшем к ушедшей под воду горе участке Таймыра – где-то в районе мыса Челюскина.

«И благословил Бог Ноя и его сыновей, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт., 9:1). Поселенцы с энтузиазмом принялись выполнять этот завет. Сам праотец, несмотря на преклонный возраст, насадил виноградник. Жители Колымы и в наше время называют диким виноградом смородину с продолговатыми темными ягодами... Свою священную реку таймырские прасемиты и тогда называли Иорданом. Как ее «осколки», разбросаны в бассейне таймырской реки Пясины озера Ярто и Ярото, реки Яраяха и Ярояха (Иордан на иврите «Ярдан»).

Обосновавшись в низовье Пясины, поселенцы начали экспансию на юг: в названиях рек и гор здесь якобы прослеживаются семитские корни. Река Ходябигай напоминает о слове «кодеш» – «святой»; реки Юдыта и Бинюда – об имени Иуды («бен Иуда» – «сын Иуды»); в названиях рек Табенги, Тэвэт и Тэбети просматривается корень «тева», который означает и «природа», и «ковчег». Сопка Мялхаседа с гордостью сообщает, что на ее крутом склоне жил сам первосвященник Мелхиседек... Этот перечень можно продолжать до бесконечности.

А вот сирийцы утверждают, что Ной спасся от разбушевавшегося моря и вышел на земную твердь в окрестностях нынешнего Дамаска, на одной из крутых гор, которые зубчатой грядой протянулись к северу от города, возвышаясь над уровнем моря почти на две тысячи метров.

Сейчас здесь, в полусотне километров от сирийской столицы, в горах над живописной долиной плотными неровными ярусами прилепились к скалистому склону домики деревни Маалюля. Огромные камни застыли на склоне, нависая над крышами зданий, которые возвышаются уступами друг над другом, связанные тонкими ниточками тропинок и кривых улочек. Чуть выше в скалах чернеют входы в пещеры – следы древнейших обитателей этих мест.

Кем были эти древние люди? Жители деревни убеждены, что все ветхозаветные истории происходили на их земле, что именно здесь обосновался Сим, сын Ноя, положивший начало всей семитской расе. Сюда, в этот глухой горный край, бежали когда-то первые христиане Сирии. Преследуемые жестоким римским императором Диоклетианом, они находили приют в пещерах, ревностно оберегая свою веру. В

горной долине выросла деревушка, а затем поднялись и храмы. Даже язык здесь сохранился именно тот, на котором говорил Иисус Христос. Жители Маалюли и двух близлежащих деревень говорят на арамейском языке. В наши дни это – практически мертвый язык; лишь население трех деревушек (около 2500 человек) свято хранит его и использует в повседневной жизни, передавая из поколения в поколение.

Поиски ковчега продолжаются. Всеми правдами и неправдами добываются образцы окаменевшего дерева, исследуются волокна и шерстинки, зацепившиеся за щепки, обнаруживаются кованые детали и заклепки из легированных металлов...

А если учесть, что остатки сооружений, напоминающих корабль, видели в нескольких местах, то, может быть, где-то ждет своего часа целый «ковчежный флот»?

Существовала ли Атлантида?

Почти все попытки решить этот вопрос сводились к анализу истории, рассказанной древнегреческим философом Платоном (427–347 гг. до н. э.). Он первый поведал об Атлантиде – материке, некогда располагавшемся за Геркулесовыми столпами (Гибралтаром) и погибшем «в один день и бедственную ночь».

Удивительно, но факт: атлантологи обычно оставляли в стороне другие свидетельства о стране атлантов, сохранившиеся в античной литературе. Психологически это объяснимо: Платон – авторитетнейший автор, воздействие его личности, его философии огромно. Но еще Аристотель сказал: «Платон мне друг, но истина дороже». Не следует принимать на веру все, что написано Платоном. Он писал в художественном, можно сказать – фантастическом, жанре «диалогов», позволяющем свободно обращаться с фактами, впрочем, это не исключает того, что в истории Платона может быть и рациональное зерно.

Конечно, многое в рассказе Платона – вымысел. Например, явно вымышлена дата гибели Атлантиды – 10 тысяч лет до нашей эры. Это время верхнего палеолита. О каких государствах может идти речь? Учтем, что в эпоху

Платона история, как наука, только-только зарождалась и о любом времени, отдаленном от времени Платона всего на несколько столетий,

рассказывали лишь легенды.

Очевидно, что Платон не опирался на достоверные исторические свидетельства, но не использовал ли он в таком случае предания, легенды об Атлантиде? Можно в этом не сомневаться. Легенды о земле, находящейся где-то на краю света, о саде Гесперид, о великане Атласе (или Атланте) сохранились до наших дней. Есть и легенда о гибели страны атлантов. Подробно ее излагает Диодор Сицилийский, историк I в. до н. э. Причем он ссылается не на рассказ Платона, а на предание, которое он слышал от жителей острова Самофракия в Эгейском море. Его рассказ, значительно отличающийся от рассказа Платона, менее сомнителен, так как он был записан в историческом труде, который не позволяет произвольным образом исказить начальный миф. До Платона об атлантах писал и отец истории Геродот, пересказавший легенды о мифической земле титана Атланта.

Диодор же писал и о том, что, у атлантов была хорошо развита наука: «Атлас занимался астрономией и первый показал вид сферы, от чего вышло, что он на плечах своих всю держит землю, под чем подразумевают то, что он изобрел и описал шар земной». Подобного же мнения придерживался и Плиний Старший, который писал в «Естественной истории»: «Передают, что наклонение Зодиака первым постиг Анаксимандр Милетский (...), а саму небесную сферу задолго до этого открыл Атлант».

На эти источники до сих пор не обращали должного внимания, поскольку они противоречили Платону. К тому же атлантологи не находили в них аргументов в пользу атлантического местонахождения земли атлантов. А вот Платон дал «точные» координаты Атлантиды: напротив устья, за «Геракловыми столпами», в «Атлантическом море». В IV в. до н. э. греки основательно разведали окрестности Гибралтара, поэтому можно не сомневаться, что у Платона имелись сведения об Атлантике.

Следует рассказать и о самом названии – Атлантический океан. Это название можно встретить уже в трудах Геродота (V в. до н. э.). Считается, что оно связано с мифами о титане Атласе, или Атланте (а также об Атласском хребте в Африке), поддерживавшем небесный свод. Поскольку Атланта Платон считал первым царем атлантов, то неудивительно, что и Атлантиду он также поместил где-то на крайнем Западе, в Атлантике.

Поверив Платону, Атлантиду стали искать за Гибралтарским проливом. Искали в районе Канарского плато, полагая, что острова Канарского архипелага являются вершинами гор затонувшей Атлантиды. По другой гипотезе, о которой говорил известный атлантолог Н. Ф. Жиров, Атлантиду предлагали искать в районе Срединно-Атлантического хребта, что якобы погрузился на дно океана после окончания Великого оледенения.

Одним из аргументов в пользу атлантической «прописки» Атлантиды считали наличие некоторых параллелей в египетской культуре и культуре американских индейцев. Так, есть общие черты в календарях майя и древнего Египта. Может показаться, что принцип строительства пирамид в Америке и Египте также происходит из одного источника. Полагали, что эти достижения древние цивилизации «получили» благодаря исчезнувшей Атлантиде, бывшей «мостом» между Древним Египтом и Америкой.

Но не все согласны с тезисом об атлантической «прописке» Атлантиды. И главный аргумент, полностью опровергающий подобные гипотезы о местонахождении Атлантиды – геологический. Современная палеогеология отвергает возможность существования в Атлантическом океане ныне затонувшего материка. Исследования осадочных пород дна этого океана показали, что постоянно образующаяся в мантии океаническая кора расползается в стороны от Срединно-Атлантического хребта, чтобы затем уйти вглубь под подвижные материковые плиты. Сегодня идет процесс поднятия, а не опускания Срединно-Атлантического хребта. В Атлантическом океане могли существовать и погибать лишь отдельные острова вулканического происхождения, но не материк, размеры которого «больше Ливии и Азии, взятых вместе».

По другой гипотезе, имеющей значительное количество приверженцев, государство атлантов отождествляется с минойской цивилизацией острова Крит, погибшей в результате извержения вулкана Санторин в 1400 г. до н. э. Тогда взрыв исполинской силы, сравнимый со взрывом нескольких современных водородных бомб, потряс Эгейское море. Остров, на котором прежде находился вулкан, взлетел в воздух и превратился в пыль. Волна-цунами прокатилась по всему Средиземноморью, вызывая многочисленные наводнения.

Волна от Санторина прошла более 100 км и достигла Крита. Были потоплены корабли – слава и сила Кносса – столицы Крита, разрушены здания и храмы. Потом пепел, покрывший поля Крита метровым слоем, завершил начатое.

Предположение об идентичности Атлантиды и Крита – одна из популярнейших гипотез. Но возражения против этой гипотезы достаточно серьезны. Во-первых, Крит не погрузился в море, а лишь пережил кратковременное затопление. Во-вторых, подобные катастрофы нередко случались и в других районах Средиземноморья. Для того чтобы создать миф о таком бедствии, не нужно было слышать о вулканической активности Санторина. Наконец, мифологический «портрет» Крита вполне определен. Он не похож на «портрет» Атлантиды. Жители Крита не считали своим родоначальником Атланта, в мифах (например, в мифе об аргонавтах), наоборот, говорится о путешествиях, совершаемых от земли Атланта к Криту, а затем – к Санторину. К тому же государство атлантов находилось где-то на окраине известного мира, а не в самом его центре. Это отклоняет также и предположение о том, что Атлантида идентична с погибшей цивилизацией острова Фера – на месте вулкана Санторин.

Где же находится наиболее вероятное место земли атлантов? Где древние эллины помещали страну титана Атласа? Ведь, как мы уже говорили, именно землю Атласа (или Атланта) и Платон, и другие античные авторы отождествляли с Атлантидой. Правда, само название «Атлантида» появилось только после «Диалогов» Платона, и, возможно, оно было дано этой земле самим Платоном. В мифах же ее именуют иначе – «земля Гесперид», «Ливия», «земля у Тритонского озера». Подчеркнем особо, что нигде в мифах эту землю не именуют островом.

Кажется очевидным, что Атлантиду следует искать рядом с Атласским хребтом, за Ливией, на крайнем западе. Атласский хребет – это горная страна на северо-западе

Африки, которая протянулась на 2300 км – от восточных берегов Туниса, пересекая Алжир, до атлантического побережья Марокко. Самая высокая гора, которую, вполне возможно, древние греки отождествляли с титаном Атласом, это гора Тубукаль высотой 4173 м. Вероятно, здесь и находится страна Атласа – Атлантида.

Но все не так просто. Прежде всего, обратим внимание на то, что греки, а до греков критяне, этот район стали осваивать довольно поздно. Могли ли тогда греки знать о катастрофах, случившихся у побережья Марокко?

Как древние греки представляли себе мир? В центре мира находилась Греция. Пуп Земли – в Дельфах. Разведаны узкие полосы побережья Европы, Африки и Малой Азии. Даже географы, которые для хозяйственных и политических нужд подробно описывали известный мир, по привычке относились с большим доверием к мифам, чем к сведениям путешественников, особенно в том случае, если речь шла о землях, не освоенных греками, а потом римлянами.

Уже были колонии греков на кавказском и крымском побережье Черного моря, а Геродот, описывая размеры Черного моря, преувеличивает их в несколько раз, вслед за Гомером и мифами, считавшими Понт – Черное море – океаном, за которым расположены сказочные страны: у Боспора Киммерийского (Керченского пролива) находится вход в Аид, Колхида – страна сына Солнца, на Кавказе прикован Прометей.

Столь же сказочным представлялся и крайний запад. На островах и землях за Геркулесовыми столпами живут мифические существа. Там расположен остров Горгон, летающих чудовищ, на головах которых вместо волос шевелятся змеи. Там живет великан Герион. Там острова Гелиоса – бога Солнца и Эола – бога ветров. Там же блаженный остров гостеприимных феакийцев (остров, напоминающий остров Утопию), и здесь же земля Атласа, поддерживавшего на плечах небо.

...Атласа, которому ведомы
Глубины всего моря; а еще он сторожит
Длинные колонны, которые держат врозь землю и небо.

Гомер. Одиссея

Атлас широкое Небо несет, повинуюсь Ананкэ
Мощной на границах Земли...

Орфей. Рансодическая теогония

Атлас – единственный, кто может войти в сад с яблоками, плоды которых дают бессмертие. Этот сад, который охраняет дракон Ладон и сестры Геспериды, главная «достопримечательность» земли Атласа. Еще одна примета этой земли – Тритонское озеро. В него впадает река Тритон. Это озеро – замкнутое, но по велению бога озера Тритона может открываться пролив, связывающий Тритонское озеро и Средиземное море. В какой-то мере приметой может считаться некий загадочный ил, который, по рассказу Платона, образовался на месте погибшей Атлантиды. Этот ил является также приметой земли Атланта в мифах, например, корабль аргонавтов, прежде чем они попадают к Атланту, вязнет в некоем иле.

Обилие островов и земель на крайнем западе (причем в разных вариантах мифов их местоположение неодинаково) говорит лишь об одном: мы здесь имеем дело не со смутными данными о действительном положении этих земель, а с феноменом сознания. Разные народы, очерчивая в мифах известный им мир (ойкумену), помещали на его окраине чудесные острова, сказочных чудовищ и множество сокровищ. Потом, когда греки стали осваивать западные земли, они, в согласии с мифической географией, хребет в Африке назвали Атласским, а океан на западе – Атлантическим.

Обратим внимание еще на одну особенность.

Одновременно с западным положением Атлантиды часто указывают иное место. Эти указания есть у всех античных авторов, пересказывавших легенды об атлантах и Атлантиде. Даже Платон, помещавший Атлантиду за Гибралтарским проливом, иногда оговаривается. Только что рассказывавший о нападении атлантов на Европу и Азию «со стороны Атлантического моря», о войне атлантов и праафинян, Платон пишет: «когда происходили страшные землетрясения и потопа, в один день и бедственную ночь вся воинская сила разом провалилась под землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море».

Итак, идет война. Атланты пытаются завоевать Грецию. Где произошло землетрясение, если войска праафинян и атлантов «проваливаются под землю»? Очевидно, что не на территории Марокко, а рядом с Грецией (именно здесь идут боевые действия).

Следовательно, землетрясение произошло близ берегов Греции, и Атлантида, погрузившаяся в море после этого катаклизма, тоже была не столь удалена и находилась не за Гибралтаром.

Но и это не предпоследнее предположение. Вспомним, Платон в рассказе об Атлантиде использовал мифы о земле титана Атланта. О каких мифах идет речь?

Первый – это миф о Персее, отрубившем голову Медузе-горгоне, взгляд которой превращал людей в камни. Персей после подвига прилетел на остров Атланта. Атлант, которому предсказали, что его обманет герой, сын Зевса (а Персей был сыном Зевса), отказал ему в гостеприимстве. Разгневанный Персей показал ему голову Медузы-горгоны и превратил Атланта в каменную гору.

С гору быв ростом, горой стал Атлант; волоса с бороною
Преобразились в леса, в хребты – его плечи и руки;
Что было раньше главой, то стало вершиною горной;
Сделался камнем костяк. Во всех частях увеличась,
Вырос в громадину он, – положили так боги, – и вместе
С бездной созвездий своих на нем успокоилось небо.

Овидий. Метаморфозы.

Судя по всему, остров Горгон и земля Атланта помещались недалеко друг от друга. Время ориентировочно можно определить как эпоху победы патриархата над матриархатом. Победа Персея над Медузой-горгоной символизирует это время. Как отмечал Диодор Сицилийский, в этом мифе, возможно, отразились войны греков с амазонками (амазонки жили в Малой Азии и Скифии). Не значит ли это, что страна Атланта тоже находилась где-то в районе Малой Азии или Скифии – на востоке?

Следующий миф – это миф о походе Геракла за яблоками из сада Гесперид. Сюжет мифа подробно изложен в «Мифологической библиотеке» Аполлодора Афинского. Аполлодор прямо говорит, что «эти яблоки находятся не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гиперборейцы».

Проследим путь Геракла к саду Гесперид. Начинает он свой путь от реки Эридан, где вещий старец Нерей рассказывает ему, как найти дорогу к саду. Геракл отправляется через Пиренейский хребет к Гибралтару, переправляется в Африку, в Ливию (древние греки называли Ливией весь Африканский берег западнее Египта). Там он побеждает великана Антея. Обычно современные переложения этого подвига здесь и заканчиваются, далее Геракл попадает к Атланту. Но у Аполлодора путешествие Геракла не оканчивается в Ливии. Геракл попадает в Египет. Затем он странствует по Азии, живет некоторое время на острове Родос в Эгейском море, потом сражается с чудовищем в Аравии, после чего – вероятно, у Аполлодора описка – Геракл неожиданно снова попадет в Ливию, из которой переправляется на Кавказ. Там он освобождает Прометея, а от него уже идет к гиперборейцам, где и находит Атланта и сад Гесперид. Попав к Атланту, Геракл просит его сходить за яблоками в сад, небо же в это время соглашается держать сам Геракл. Атлант исполняет его просьбу.

Что можно узнать о положении сада Гесперид из этого мифа? Он находится на востоке, за Кавказским хребтом. А где жили гиперборейцы? Гиперборейцы – это условное название племени, означавшее – «народ, живущий за Бореем». Борей – северный ветер, обитавший на склонах мифических Рипейских гор. В разное время гиперборейцев отождествляли с разными племенами. Можно сказать, что гиперборейцами называли самый северный или северо-восточный (по отношению к грекам) народ, который был известен в тот период истории.

Добраться до Рипейских гор, тем более перевалить через них, не мог ни один смертный (за исключением Геракла). Мешал этому холод и охраняющие горы чудовища – драконы, «златосторожащие» грифы. Но несмотря на то что Рипейские горы и страна гиперборейцев расположена на крайнем севере и пройти к ней мешает нестерпимый холод, климат в этой стране совсем не полярный. Там нет ни холодных, ни чрезмерно знойных ветров, эта земля всегда согревается ласковым летним солнцем. Гиперборейцы живут в идиллических садах. Фруктовые деревья в этой земле всегда приносят прекрасные плоды.

Жители Гипербореи едят только эти фрукты, не нуждаются в иной пище и в сне и живут тысячу лет, проводя время в играх и пирах, поют славу богам.

«Они совершенствуются в справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаясь древесными плодами», – писал Гелланик. «Живут они на краю земли под охраной Аполлона, не зная войны», – так рассказывал о них греческий поэт Ференик. Эпический поэт Пиндар также оставил описание обычаев земли гиперборейской: «Там идут бесконечные праздники, слышатся гимны, которые радуют сердце Аполлона, и смеется он...» Речь идет явно не о крайнем севере. Из всех предшествующих идиллических описаний можно выделить два момента: во-первых, то, что в этой земле поклоняются Аполлону, а культ Аполлона – малоазиатский. Во-вторых, упоминание о пищевых запретах, о вегетарианстве. Это также указывает на Малую Азию, так как древние жители Малой Азии (хетты, лувийцы), придерживавшиеся культа земледельческого бога Телепинуса, были вегетарианцами. Итак, на этот раз поиски Атлантиды привели нас в Малую Азию.

Стоит ли вообще искать эту страну? Были ли у атлантов города, и являлись ли они носителями высокой культуры в те давние времена? Может быть, миф приукрасил их? А может, и вовсе не было никакой Атлантиды?

Историки, настроенные менее романтично, чем искатели чудесной страны, давно нашли ее, правда, не в морях и океанах, а на страницах книг. На страницах все тех жеплатоновских диалогов – «Тимей» и «Критий».

Платон создал проект идеального социального строя и изложил его в диалоге «Государство». Он два раза путешествовал в Сицилию, надеясь с помощью тиранов города Сиракузы (тогда самый крупный греческий город в Сицилии и на юге Италии, т. е. в том регионе, который сами греки называли великой Грецией) воплотить в реальность свой план социального переустройства общества. Проект Платона был объектом и теоретического обсуждения. Во всяком случае, другой величайший греческий философ того времени – Аристотель в своей «Политике» много внимания уделяет критике проекта Платона, главным образом с точки зрения его практической неосуществимости.

Если взглянуть теперь под этим углом зрения на диалоги «Тимей» и «Критий», то становится очевидным, что оба они посвящены защите и развитию тех принципов, которые Платон выдвигал в «Государстве» («Тимей» – частично, «Критий» – полностью). Хорошо видно, что в

сюжетах, посвященных Атлантиде, не она занимает важнейшее место, а древние Афины. Псевдоисторические сюжеты этих двух диалогов можно пояснить так: в древних Афинах существовал тот строй, который Платон пропагандировал как идеальный. Афины в союзе с Египтом (и другими народами и государствами) вели жестокую «тотальную» войну с Атлантидой и, несмотря на всю мощь последней, благодаря доблести афинян (а доблесть – следствие того строя, который тогда существовал в городе) разбили пришельцев. Функция Атлантиды в диалогах Платона ясна и определена: это антитеза идеальному городу глубокой древности, воплощение всего отрицательного, всего того, что решительно осуждается Платоном как источник моральной деградации общества.

В Атлантиде воплощено все, что, Платон считает пагубным для человеческого общества. Во-первых, эта страна – владение Посейдона, бога моря. Атлантида – морская держава, основа ее мощи – флот, она ведет широкую морскую торговлю. А для Платона море – враждебная стихия. Море – это синоним развития торговли, а торговля предполагает стремление к наживе, барышу, одним словом, всему тому, что исконно враждебно замкнутому земледельческому быту. Идеальное государство Платона – сугубо земледельческая страна, отгораживающаяся от моря.

Атлантида – страна богатства и роскоши, а это, с точки зрения Платона (да и почти всех греческих мыслителей того времени), пагубно для общества и человека. Человек должен довольствоваться немногим, простое, скромное существование, лишнее изливается, – идеал человеческого общежития. «Ничего слишком» – это принцип не только античного искусства, но и общественной мысли того времени. Атлантида, по мысли Платона, имела право на существование только до тех пор, пока жители ее ни во что не ставили свои богатства. Как только роскошь завладела их душами, Атлантида была обречена.

Атлантида – монархия, а это для грека уже само по себе зло. Кроме того, в рассказе Платона присутствует еще одна чрезвычайно показательная деталь: «каждый из десяти царей в своей области и в своем государстве имел власть над людьми и над большей частью законов, тем что мог карать и казнить любого, кого пожелает». Из дальнейшего рассказа выясняется, что единственные законы, которые стояли над царем, – это законы, регулировавшие взаимоотношения

царей. Надо помнить отношение греков к закону. Для грека того времени «закон» – высшая ценность. Единственным оправданием монархической власти служило лишь то, что царь был не самовластен, а свято соблюдал законоположения. Здесь же картина для грека просто ужасная: не только царь, но еще и самовластный царь, стоящий над законом.

Кроме того, Атлантида – страна-агрессор, начавшая несправедливую, захватническую войну. Для Платона войны, ведущиеся не для защиты границ родины и строя, а для захватов чужого, – абсолютное зло, и этим воплощенным злом являются атланты, которых сокрушили афиняне, носители светлого начала (как и персов во времена греко-персидских войн).

Наконец, Платон не боится лжи, если она, как он считает, приносит пользу. В «Государстве» он прямо говорит об этом, указывая на пользу даже очевидной лжи, ее «уподобления истине», раз уж «мы не знаем, как это все было на самом деле в древности». Платон в этом отношении совсем не одинок. Представление об относительности правды и лжи было широко распространено в Греции. Геродот писал: «Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать...» Платон, создавая свой миф об Атлантиде, стремился, как он считал, к высокой цели, а в таком случае для него ложь была извинительна.

Конечно, куда заманчивей грезить руинами на дне морей и океанов, строить гипотезы о неведомых цивилизациях. Но неужели менее восхитительна мысль о том, что гениальная выдумка древнего философа уже две с половиной тысячи лет не дает нам покоя?

Мировой столп Вавилона

Люди всегда любили составлять списки самых выдающихся достижений, самых замечательных людей, самых великолепных построек и т. д. и т. п. Греки решили, что самых знаменитых сооружений человеческих рук – семь. Это своего рода Книга рекордов Гиннеса античности – семь чудес света. Начиная со знаменитого географа и историка Геродота, эти чудеса перечислялись в разных трудах древних авторов.

Чаще всего в их число входили египетские пирамиды, Галикарнасский мавзолей, Колосс Родосский, Александрийский маяк, храм Артемиды Эфесской, статуя Зевса в Олимпии и висячие сады Семирамиды.

Однако историки и путешественники, которые писали о чудесах света, жили в разное время и в разных местах. Поэтому их мнения не всегда и не во всем совпадали. Например, римский поэт Марциал признавал седьмым чудом света Колизей в Риме – колоссальную арену

для боев гладиаторов. Были сторонники Александрийской библиотеки, кто-то включал в семерку Пергамский алтарь или храм Парфенон в Афинах. Прошли столетия, выражение «семь чудес света» осталось во всех языках, эти семь чудес существовали и существуют как нечто цельное.

С тех пор люди построили немало дворцов, храмов и монументов, которые, несомненно, заслуживают того, чтобы считаться чудом света. Но никто не покушается на древности. И появилось выражение «восьмое чудо света». Оно означает, что речь идет о чем-то прекрасном и величественном. Восьмым чудом света называли Пальмиру, Венецию и даже Эйфелеву башню. Но девятого чуда нет и быть не может. К семи чудесам можно прибавить только одно.

Современный человек, перечисляя чудеса древности, скорее всего, безбожно напутает. Первым делом он назовет египетские пирамиды – и будет прав. Потом подумает и добавит Вавилонскую башню, а вот про Александрийский маяк или Колосс Родосский вряд ли вспомнит. Может, скажет про Кремль или Эйфелеву башню в Париже. Может, вспомнит Великую Китайскую стену...

Но Вавилонскую башню греки никогда не включали в число семи чудес. Почему?

Может быть, потому, что уже во времена древних греков она разрушалась и показалась греческим путешественникам совсем некрасивой и недостойной звания чуда света.

В Библии, Книге Книг, чье название произошло от финикийского города Библа, с которым связывают возникновение буквенной письменности, о Вавилонской башне говорится вот что:

«На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле;

и они перестали строить город (и башню). Посему дано ему имя Вавилон (Вавилон); ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Бытие 11, 1–9).

Так Бог придумал, как прекратить строительство без лишних жертв: он заставил представителей разных народов, что трудились на стройке, заговорить только на своих языках. Строительство затормозилось, потому что теперь слова финикийского прораба были непонятны египетскому штукатуру. Начались недоразумения, кинулись искать переводчиков, но не нашли и разошлись восвояси.

Эту простую ткань библейского рассказа позднее еврейское предание расшило богатыми живописными узорами. Из него мы узнаем, что сооружение башни было не что иное, как прямой мятеж против Бога, хотя мятежники не были единодушны в своих целях. Одни хотели взобраться на небо и объявить войну самому всемогущему Богу или поставить на его место идолов, которым они будут поклоняться; другие не заходили так далеко в своих честолюбивых замыслах, ограничиваясь более скромным намерением пробить небесный свод градом стрел и копий.

Много лет строилась башня. Она достигла наконец такой высоты, что каменщику с ношей за спиной приходилось целый год взбираться с земли на вершину. Если он, сорвавшись, разбивался насмерть, то никто не жалел о человеке, но все плакали, когда падал кирпич, потому что требовалось не меньше года, чтобы снова отнести его на вершину башни. Люди трудились так усердно, что женщины, занятые изготовлением кирпича, не прерывали своей работы даже во время родов, а новорожденного ребенка заворачивали в ткань и привязывали к своему телу, продолжая лепить из глины кирпичи как ни в чем не бывало. Днем и ночью кипела работа. С головокружительной высоты люди стреляли в небо, и стрелы падали назад, забрызганные кровью. Тогда они кричали: «Мы убили всех небожителей». Наконец долготерпение Бога истощилось. Он обратился к окружавшим его престол семидесяти ангелам и предложил всем спуститься на землю и смешать речь людей.

Сказано – сделано. Тогда произошло бесчисленное множество прискорбных недоразумений. Человек, например, просит у другого раствор, а тот подает ему кирпич; тогда первый в ярости швыряет кирпич в голову своему товарищу и убивает его на месте. Много

народу погибло таким образом, а те, что остались в живых, были наказаны Богом, получив справедливое возмездие за мятежные замыслы. Что же касается самой неоконченной башни, то часть ее провалилась в землю, часть была истреблена огнем; и только одна треть осталась на земле. Место, на котором стояла башня, сохранило свое особенное свойство: кто ни пройдет мимо, забывает все, что раньше знал.

Значит ли это, что Вавилонская башня так и не была достроена?

Местом действия легенды является Вавилон, ибо слово «Бабель» – это лишь еврейское название этого города.

Выводить его от еврейского глагола *balal* (по-арамейски *balbel*) – «смешивать» – неправильно. На самом деле слово «Бабель» происходит от встречаемого в надписях вавилонского слова *Bab-il* или *Bab-ilu*, что, по-видимому, значит «врата бога». Комментаторы, вероятно, правы, приписывая происхождение сказания тому глубокому впечатлению, которое великий город произвел на простодушных кочевников – семитов, попавших сюда прямо из уединенной и безмолвной пустыни. Они были поражены неумолчным шумом улиц и базаров, ослеплены калейдоскопом красок в суетливой толпе, оглушены трескотней людского говора на непонятных для них языках. Их пугали высокие здания, в особенности огромные террасообразные храмы с крышами, сверкавшими глазурированным кирпичом и упиравшимися, как им казалось, в самое небо. Неудивительно, если эти простодушные жители шалашей представляли себе, что люди, взобравшиеся по длинной лестнице на вершину огромного столба, казались движущимися точками и действительно соседствовали с богами.

Кочевники-семиты, овцеводы и бедные крестьяне завидовали жителям города и были уверены в том, что Бог когда-нибудь накажет их за богатство, спесь – желание воздвигать слишком высокие башни. Для них само имя Вавилон было отвратительным. В Библии немало выпадов против вавилонских царей, а выражения «вавилонская блудница» и «вавилонское столпотворение» сегодня понятны во многих странах. Но ведь в выражении «вавилонское столпотворение» нет и намек на то, что башня разрушилась. Столпотворение – значит строительство столпа. Но постепенно это выражение, означавшее

«строительство высокого столпа в Вавилоне», стали понимать как страшный беспорядок.

Сохранились ли где-нибудь изображения Вавилонской башни?

Самое раннее из них находится в Салернском соборе на юге Италии. Оно относится к XI в., то есть ему уже почти тысяча лет. На фреске в соборе изображено небольшое двухэтажное здание, похожее на крепостную башню. Два человека снизу подают плоску с раствором, а третий наверху протянул руки, чтобы эту плоску принять. Художники средневековья любили изображать историю с Вавилонской башней, и чем дальше, тем сильнее разыгрывалась их фантазия. На миниатюре в чешской велиславской Библии, созданной в XIV в., башня подросла, над ней нарисовано облако, из него видна рука Бога, который пытается эту башню расшатать. А из других облаков высовываются ангелы, которые сбрасывают вниз каменщиков.

На рисунках и фресках эпохи Возрождения Вавилонская башня превратилась в величественное сооружение. Самое интересное изображение башни принадлежит фламандскому художнику Питеру Брейгелю Старшему. В 1563 г. он написал Вавилонскую башню такой громадной, что сразу стало ясно, почему Бог был так обеспокоен. Брейгель взял за образец римский Колизей и увеличил его в несколько раз. Морские суда казались игрушечными рядом с таким колоссом.

После Брейгеля еще многие сотни художников изображали Вавилонскую башню, но ни один из них не показал ее такой, какой она была на самом деле. Эту башню видел великий путешественник Геродот. Он даже описал, как она выглядела две с половиной тысячи лет назад. Вавилонская башня была восьмиэтажной, и каждый этаж был меньше предыдущего. Получалась ступенчатая пирамида, как в Египте, только куда больше (такие ступенчатые башни назывались зиккураты). На вершине ее стоял храм вавилонского бога Мардука. Но башня не произвела на Геродота никакого впечатления. По крайней мере, ему и в голову не пришло включить ее в число чудес света.

Если исходить из библейского рассказа, Вавилонская башня была почти так же стара, как и послепотопное человечество. Однако приходится смириться с тем, что она намного моложе. Когда в III тысячелетии до н. э. такие города Южного Двуречья, как Эриду и Ур, переживали пору своего расцвета, Вавилон не играл еще никакой роли. Подъем Вавилона начался в старовавилонский период (II тысячелетие

до н. э.), и тогда же все большее значение стал приобретать местный бог Мардук. Он сделался одним из наиболее почитаемых богов Месопотамии. Главным его храмом считалась Эсагила в Вавилоне. Этот храм упоминается в текстах, относящихся к времени правления царя Сабиума (приблизительно XIX в. до н. э.), одного из предшественников знаменитого царя Хаммурапи. Однако о вавилонском зиккурате Этеменанки, что означает «дом, где сходятся небеса с землею...», в текстах речи нет. Между тем, зиккураты в III тысячелетии до н. э. были многочисленны и было бы весьма странно, если бы главное святилище вавилонского государства его не имело.

Удивительно и то, что в многочисленных надписях царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), в которых он хвалится своими успешными работами по реставрации и обновлению святилищ в своем царстве, нет ни одного намека на зиккурат Этеменанки в Вавилоне. Хаммурапи сообщает только о восстановлении храмовой башни зиккурата города Киша, чья вершина не уступает небу. По-видимому, следует пока примириться с тем, что история возведения Вавилонской башни скрыта во мраке неизвестности.

Самое первое упоминание о ее существовании относится к периоду не ранее I тысячелетия до н. э. Это эпос о боге чумы по имени Эрра, в котором мельком встречается название Этеменанки. Датировать возникновение мифов и эпосов, как и момент их письменной фиксации, обычно бывает очень трудно, но считается, что у науки достаточно данных для датировки эпоса 765–763 гг. до н. э. Тем самым эта дата могла бы послужить исходным точкой отсчета времени существования башни Этеменанки.

Только надписи ассирийского царя Синаххериба позволяют наконец встать на твердую историческую почву. Башня упоминается в одной из победных надписей Синаххериба, где речь идет о взятии и почти полном разрушении Вавилона (в 689 г. до н. э.). Поход Синаххериба – одна из самых больших катастроф в бурной истории этого города. Едва ли хотя бы одно значительное здание избежало предписанного завоевателем разрушения. Синаххериб в своих надписях сообщает об этом следующее: «Город и его дома от фундамента до стен я разрушил, опустошил и сжег огнем. Городскую стену и внешнюю стену, храмы и богов, храмовую башню из кирпичей и глины, сколько их там было, я снес и сбросил в канал Арахту.

Посреди города я прорыл каналы, затопил их дно водой и (таким образом) нарушил связь фундаментов. Я сделал разрушение более полным, чем при потопе».

Хотя в надписи Синаххериба башня не названа именем Этеменанки, все же можно считать, что речь идет об одной из построек-предшественниц Вавилонской башни.

Сын и преемник Синаххериба Асархаддон (680–669 гг. до н. э.) вступил на престол после того, как его отец был убит. Асархаддон отнесся неодобрительно к разрушению Вавилона, он пытался найти причины таких действий своего отца в поведении самих вавилонян, которые, дескать, прогневили богов и тем самым навлекли на себя наказание, а Синаххериб, пожелавший усмирить строптивый город, постоянно сопротивлявшийся ассирийскому владычеству, зашел слишком далеко. Асархаддон стремился загладить обиду, нанесенную Вавилону его отцом. В своих надписях он давал объяснение предшествующим событиям и писал о жителях Вавилона следующее: «В городе были угнетение и подкуп. День за днем, без конца, один крал имущество другого... На имущество Эсагилы, дворца богов, места, не доступного для непосвященных, наложили они свою руку и слали серебро, золото и драгоценные камни в Элам в качестве платы за помощь против Ассирии». В виде наказания за эти преступления Мардук, по словам Асархаддона, начертал на таблицах судьбы, что город должен обезлюдеть на семьдесят лет, «однако Мардук тут же написал – «одиннадцать лет»; он сжалился и сказал: «Мир»!»

Асархаддон взялся за возобновление Эсагилы и зиккурата с особым рвением. Его строительные надписи сообщают много интересных подробностей о приготовлениях и церемониях, проведенных в связи с этим. Прежде чем приступить к строительству, вопрошали оракулов и собирали предсказания, на это ушли долгие месяцы. И только после этого началась сама работа. «И я призвал всех своих рабочих и всю страну Кардуниаш (т. е. Вавилонию). Деревья и болотный тростник срубали они топорами или вырывали с корнем. Воду Евфрата, причинившую опустошения, я удалил оттуда. В прежнее русло я отвел ее. Святылище Эсагилу, «дворец богов», я заставил восстановить во всем его прежнем блеске. Храмовую башню

Этеменанки я заставил построить на ее старом месте площадью 180 локтей в длину и 180 локтей в ширину».

Над строительством и восстановлением Вавилонского чуда и многих других монументальных сооружений «трудились» Набопаласар (625–605 гг. до н. э.) и Навуходоносор II (605–562 гг. до н. э.).

Предшественники Навуходоносора употребляли для постройки высушенный на солнце кирпич-сырец, традиционный для городов Двуречья, который под воздействием ветра и непогоды довольно быстро разрушался. Навуходоносор же стал применять настоящий обожженный кирпич.

О своих работах в Вавилоне Навуходоносор оставил памятную надпись, нанесенную клинописью на глиняный цилиндр. В ней подробно перечислены восстановленные и сооруженные заново храмы, дворцы, крепостные стены: «Я окружил Вавилон с востока мощной стеной, я вырыл ров и укрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и обил их медными пластинками. Для того чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские волны, водами. Преодолеть их было так же трудно, как настоящее море. Чтобы предотвратить прорыв с этой стороны, я воздвиг на берегу вал и облицевал его обожженным кирпичом. Я тщательно укрепил бастионы и превратил город Вавилон в крепость». В этом же тексте сообщается о строительстве в Вавилоне зиккурата – той самой Вавилонской башни. Навуходоносор заявляет: «Я приложил руку к тому, чтобы достроить вершину Этеменанки так, чтобы поспорить она могла с небом».

Грандиозный вавилонский зиккурат, построенный ассирийским зодчим Арадавдешу, располагался на священном участке земли в юго-западном углу Эсагилы. Он имел семь ярусов и достигал высоты около 100 м. Зиккурат был увенчан святилищем, облицованным сверкающими на солнце голубовато-лиловыми глазурованными кирпичами. Оно было посвящено главному вавилонскому богу Мардуку и его супруге, богине утренней зари. Здесь стояли

позолоченные ложе и стол, где Мардук вкушал принесенные ему подношения. Жители Вавилона говорили

Геродоту, что сам Мардук посещает зиккурат и поживает в нем. «Но мне, – пишет рассудительный историк, – это представляется весьма сомнительным...»

Персы, захватившие Вавилон в 539 г. до н. э., поначалу не вмешивались в дела города. Но после нескольких восстаний при Дарии I и Ксерксе Вавилон был жестоко наказан. Святилища Эсагилы были разграблены и частично разрушены, драгоценную статую Мардука Ксеркс приказал разломать и переплавить, городские стены сровняли с землей, а русло Евфрата изменили так, чтобы оно широким потоком пересекало жилые кварталы.

Но и после разрушений город восхищал путешественников. Геродот писал о нем около 460 г. до н. э.: «Вавилон не только очень большой, но и самый красивый из всех городов, которые я знаю».

Прошло чуть более ста лет, и в Вавилон пришел победитель персов Александр Македонский. Он слышал о башне и хотел ее увидеть. Александру башню показали, но зрелище это было неприглядным. Башня напоминала гору необожженного кирпича с прослойками битума и сушеного камыша. Геродот был своего рода эстетом, он относил к чудесам света лишь красивые здания, а вот Александр оценил размеры Вавилонской башни и понял, почему слава о ней распространилась так широко.

Молодой македонский царь, создавший мировую империю, простиравшуюся до Индии, собирался сделать расположенный в центре этой империи Вавилон своей новой столицей. Он включил себя в преемственный ряд вавилонских царей и стал принимать официальное участие в культе прежнего бога города – Мардука. Зиккурат Этеменанки к этому времени, очевидно, совершенно обветшал; ведь после того как статуя Мардука была отправлена Ксерксом на переплавку, здесь не велось никаких строительных работ.

Александр решил выстроить башню заново, потому что ее восстановление, очевидно, казалось делом невозможным. Многие греческие, а позже и римские авторы, описывавшие походы Александра, упоминали Вавилон и его постройки. Так, например, у грека Страбона (60 г. до н. э. – 20 г. н. э.) можно прочесть следующие замечания, касающиеся башни: «Александр хотел ее восстановить, но

это было очень большое предприятие, и оно требовало много времени – одна лишь уборка обломков представляла собой работу на два месяца для десяти тысяч человек, – так что он не смог закончить начатое дело, потому что вскоре постигли царя болезнь и смерть, а из преемников никто уж более об этом не заботился».

Арриан из Никомедии (около 130 г.) писал, что расчистка развалин башни в отсутствие Александра, отправившегося в поход в Индию, велась крайне вяло. Царь, вернувшись, приказал поставить на эту работу все свое войско. Эти работы были действительно выполнены: на месте Вавилонской башни найдено сравнительно мало строительных обломков.

...Германский император Вильгельм II очень интересовался древностью, в особенности после своего визита в страны Ближнего Востока в 1898 г. Он посетил кроме христианских и мусульманских святых мест также и несколько городищ. Особенно сильное впечатление произвели на него остатки римских храмов в Баальбеке, о происхождении и значении которых тогда еще мало знали. Это личное увлечение Вильгельма II, которое соответствовало его политическим целям, превратило его в щедрого покровителя раскопок на Переднем Востоке. 24 января 1898 г. образовалось Германское общество ориенталистики, пользовавшееся поддержкой самого императора.

Вавилонскую башню, вернее, то, что от нее осталось – фундамент, открыл немецкий археолог Роберт Кольдевей, когда в 1899 г. начал раскопки в Вавилоне, тогда еще совершенно неизвестном в Европе городе. Ему повезло, потому что в первую же неделю раскопок, вгрызаясь в спекшуюся гору кирпича, он отыскал городскую стену. Геродот, один из самых достоверных свидетелей прошлого, писал, что на ней могут разъехаться две колесницы, запряженные четверками коней. Никто ему не верил, а Кольдевей нашел стену, на которой могли разъехаться колесницы.

Но затем последовали годы и годы раскопок – ведь Вавилон погребен под слоем кирпичей и глины толщиной в двадцать метров. А стена, участки которой отыскал Кольдевей, имела 360 башен. Для того чтобы исследовать центр города и найти фундамент Вавилонской башни, Кольдевейю понадобилась первая неделя, а затем еще одиннадцать лет.

За эти годы ученые поняли, что Вавилон – лишь один из центров Двуречья, где воздвигали подобные башни. Они служили ступенями к храму бога. И когда Кольдевей на основе своих исследований сделал реконструкцию Вавилонской башни, какой она была построена (и никакие боги не разрушали ее за гордыню строителей!) и просуществовала несколько столетий, то со своей реконструкцией выступил и английский археолог Вулли, который раскопал город Ур, столицу одного из государств-предшественников Вавилона. В нем также отыскивались развалины зиккурата – Вавилонской башни. Когда две реконструкции сравнили, то оказалось, что зиккураты, разделенные столетиями и сотнями километров, почти одинаковы.

Теперь мы знаем, какой была Вавилонская башня, самый большой зиккурат Двуречья. Нижняя терраса башни представляла собой квадрат со стороной в девяносто метров. И возвышалась она на тридцать три метра. Второй этаж (терраса) лишь немного уступал первому по площади, зато был вдвое ниже – всего восемнадцать метров. Следующие шесть этажей были еще меньше – по шесть метров высотой. На верхней площадке возвышался храм верховного бога вавилонян Мардука. Крыша его была вызолочена, а стены покрыты голубой глазурью. Общая высота башни была равна стороне основания – девяносто метров.

Новые исследования башни позволяют вернуться еще к одному моменту истории этого сооружения, остававшемуся до сих пор неясным. Речь идет об описании внешнего вида зиккурата, принадлежащем Геродоту. Раскопки показали, что, по всей видимости, мощная средняя лестница была отломана от основного массива и полностью уничтожена задолго до разрушения самого сооружения. Выдвинутое прежними исследователями предположение о том, что Ксеркс снес среднюю лестницу в 482 г. до н. э., находит теперь новое подтверждение. После того как Ксеркс подавил восстание вавилонян, он велел расплавить статую Мардука и, очевидно, распорядился о сносе средней лестницы зиккурата, чтобы сделать здание недоступным для официальных церемоний. Когда Геродот посетил Вавилон, он застал башню в полуразвалившемся состоянии. Так как средней лестницы уже не было, он, очевидно, счел главной одну из частично сохранившихся боковых лестниц. Таким образом у него возникло представление о пандусе, огибающем башню по спирали, что и

побудило его говорить о подъеме «по кругу». Очевидно, предположение Геродота относительно восьми ступеней зиккурата скорее всего объясняется плохим состоянием сооружения, мешавшим получить правильное представление о его подлинном внешнем виде.

Геродот рассказывает, что праздничная церемония начиналась внизу у подножия башни в другом храме Мардука, где стояла его статуя весом двадцать четыре тонны, затем поднималась по каменной лестнице, которая вела к широкому балкону перед третьей террасой. Оттуда пилигримы могли взобраться на самый верх ко второму храму Мардука. В этом храме, как мы уже упоминали, в небольшом помещении стояло ложе, на котором мог возлежать бог, и позолоченный стол.

Согласно фольклорной еврейской легенде, на вершине башни вавилоняне поставили идола, который поднимал к небу меч, будто хотел сказать: «Бог не вправе оставлять верхний мир одному лишь себе, а нижний отдавать нам. Мы намерены сражаться с Богом и отвоевать у него лучшую долю».

Когда зиккурат был цел, он производил на кочевников куда большее впечатление, чем египетские пирамиды. Пирамиды скрадывают свою величину – глазу не на чем задержаться, он стремится вверх по граням, сходящимся в одной точке. А когда люди смотрели на Вавилонскую башню, то глаз поднимался по ступеням, а затем упирался в сверкающий храм Мардука, который был виден из пустыни за многие десятки километров, символизируя богатство и мощь города. И можно предположить, что кочевники столько лет мечтали о том, чтобы башня рухнула, что, когда ее повредил персидский царь Кир, а потом и вовсе снес Александр Македонский, им казалось, что их желание исполнилось – спесь наказана!

Что же происходило на самом верху Вавилонской башни? Главным празднеством у вавилонян был праздник Нового года. В этот день Мардук решал, кого из людей занести в книгу жизни, дать ли обитателям земли на будущий год дожди или засуху, войну или мир, будет ли царь править еще год. Этот праздник определял судьбу людей и страны и назывался также «праздником восшествия на трон», поскольку в этот день Мардук одолевал всех богов-соперников и воцарялся в пантеоне. Однако это могло происходить лишь потому, что он сочетался «священным браком» с материнским божеством.

Иштар почиталась как главное женское божество вавилонян. Она была утренней звездой – богиней войны и вечерней звездой – богиней любви. В день, когда праздновался Новый год и восшествие на престол царя, ее славили как богиню любви и главное действующее лицо «священного брака». В этот день вавилонский царь (а также его наместник) должен был пройти через церемонию унижения перед изображением бога в храме. Жрец приказывал ему преклонить колени, забирал у него знаки власти и заставлял каяться в грехах. При этом жрец подвергал царя бичеванию. Под конец церемонии он возвращал царю знаки власти.

На восьмой день праздника народ, прибывший в Вавилон со всех концов страны, собирался у ворот Иштар и двигался к храму по главной улице, «Дороге Процессий» – «Айбур – Шаба». Эта улица, подобно ущелью, окружена была высокими стенами, глазурованные кирпичные рельефы которых изображали 120 львов, священных животных Иштар. Началом этой великолепной улицы были ворота Иштар (они были построены примерно в 1000—500 гг. до н. э.). Ворота напоминали триумфальную арку и были украшены изображениями 575 быков и драконов, символов Мардука. Все, кто прибывал к воротам Иштар из ближних и отдаленных мест страны, несли ее статуи и дары для нее.

Но процессия в Вавилоне прославляла не Иштар, а Мардука. На верхнем этаже зиккурата в культовом помещении с одним лишь столом и ложем жрица целый год ждала появления бога Мардука, который мог днем или ночью ощутить желание навестить «приготовленную постель». В великий праздник Нового года эта жрица должна была уступить свое место более высокой персоне, которая сочеталась здесь «священным браком» с царем или с его представителем. Подробности неизвестны; они окружены были строгой тайной. «Божью невесту» назначал оракул, она принадлежала к царскому дому или же к высшему обществу. Многие цари, от Саргона до Набонида (последнего вавилонского царя), желали, чтобы для церемонии были избраны их дочери.

Что происходило в священном брачном покое, мы не знаем, нам известно только, что ни одна жрица никогда не оказывалась беременной. Не оплодотворение, а только лишь торжественный половой акт призван был обеспечить благословение богов. Половое

слияние было в этом культе возведено в ранг священного действия первостепенной важности. Представление древних религий, будто боги подобны людям также и в любви, и в половых желаниях, обеспечили сексуальному мотиву важное место в культе.

Пока царь поднимался в брачный покой на вершину зиккурата, хор жриц пел: «Жених, возлюбленный моего сердца, велика твоя красота, сладка твоя любовь, львиная сила в чреслах твоих. Приди, о, приди, введи меня в покой, подари мне твою ласку. Бог мой, господин, мой заступник, мой Шу-Суэн, радующий сердце Энлиля, о, прошу, подари мне ласки твои».

Народ вместе с низшими жрицами Иштар, иеродулами, завершал акт бракосочетания божественной пары оргиями. Культовым бракосочетанием бог или царь обеспечивали земле плодородие, процветание семьям, приплод животным.

Раскопки Вавилона велись большей частью европейскими экспедициями, и правдами или неправдами, но все находки вывозились из страны. Желаящий сегодня представить себе, например, знаменитые ворота Иштар может посмотреть их реконструкцию в берлинском Переднеазиатском музее. В натуральную величину они были воссозданы после многолетней работы, причем для реконструкции использовались подлинные кирпичи из Вавилона. А развалины «настоящих» ворот еще и сегодня на 12 м возвышаются над руинами Вавилона. Вместе с остатками стен они представляют собой самое примечательное из всего того, что сохранилось от древнего города.

Когда же Ирак взял охрану города и раскопки в свои руки, то эти руки не доходили до настоящих работ, да и специалистов не было. Двуречью в наши дни не повезло, потому что эта самая богатая древними городами и крепостями страна оказалась под властью государства, которое предпочитало покупать танки, а не раскапывать древности... А что осталось от «Врат бога» после недавней войны и представить трудно...

Царственные «близнецы»

У истоков национальной истории евреев стоит личность Моисея, вождя и законодателя, который, согласно Библии, освободил свой народ от египетского рабства, предводительствовал в их скитаниях по Аравийской пустыне, дал ему установления и умер в преддверии Земли обетованной, ступить на которую ему было не суждено.

В последующие века легенду о Моисее, как это всегда бывает с легендами о национальных героях, расцветили пестрыми нитями фантазии; но эти позднейшие узоры не смогли изменить до неузнаваемости ее основных линий. Еще и теперь различаются черты человеческого лица в ореоле неземной славы, озарявшей лик пророка и святого, когда он спускался с горы, где беседовал с Богом и получил из его рук новый закон для своего народа. Примечательно то, что, хотя Моисей стоит к историческому времени довольно близко, в его жизнеописании элемент чудесного и необычайного занимает гораздо больше места, чем в сказаниях о еврейских патриархах. И они, по преданию, время от времени вступали в общение с божеством – то лицом к лицу, то в видениях; но ни один из них не изображается творцом таких чудес и знамений, какими изобилует жизненный путь Моисея. Он от первого до последнего дня своей жизни стоит

особняком как носитель великой миссии. Его путь пролегает высоко над путями простых смертных, и в его образе нет почти ни одной из общечеловеческих слабостей.

Рождение Моисея, как и все события его жизни, окутано дымкой тайны. После смерти Иосифа и его братьев потомки их, сыны Израиля, так быстро размножились в долине Нила, что египтяне стали смотреть на них с недоверием и страхом и пытались положить этому предел, принуждая их к тяжелым работам. Но так как эта жестокая мера не привела к желаемым результатам, то властитель Египта издал приказ, чтобы все еврейские дети мужского пола умерщвлялись при рождении. Когда же фараон убедился, что его бесчеловечный приказ не выполняется из-за мягкосердечия повитух, которым было поручено это злое дело, он повелел бросать в воду всех новорожденных еврейских мальчиков.

Мать Моисея три месяца после рождения ребенка прятала его. Когда же стало невозможным скрывать его дольше, она сплела корзину из тростника, вернее из папируса, обмазала ее глиной и смолой, уложила в нее ребенка и отнесла с сердечным сокрушением на берег Нила в заросли тростника. Старшая сестра младенца стояла вдали, следя за тем, что произойдет с ее маленьким братом. И вот случилось так, что дочь фараона, царя египетского, пошла к реке купаться и, заметив в тростнике корзину, послала за ней одну из своих прислужниц. Когда принесли корзину и открыли ее, царевна увидела ребенка, который тут же заплакал. Она пожалела его и сказала: «Это из еврейских детей».

Тем временем сестра младенца, наблюдавшая за всем происходившим, подошла и обратилась к царевне: «Не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из евреянок, чтоб она вскормила тебе младенца?» И дочь фараона молвила: «Сходи». Девушка пошла и привела мать ребенка. Дочь фараона обратилась к ней со словами: «Возьми младенца сего и вскорми его мне; я дам тебе плату». Так мать получила своего младенца и вскормила его. Когда же ребенок подрос, она привела его к дочери фараона, и он стал сыном царевны; ему дали имя Моисей (Моше). «Потому что, – сказала царевна, – я из воды вынула его (от еврейского «машах», извлекать)».

На самом деле имени, данного герою при рождении, мы не знаем. Библейская этимология не выдерживает критики. Это имя почти

определенно египетское, но оно не связано с солнцем, как утверждали некоторые, а означает родовую принадлежность: «сын того-то» или «рожденный тем-то». Оно являлось частью таких имен, как Яхмос и Тутмос. Вероятно, и имя Моисея, Моше, аналогичным образом имело предшествующий слог, указывающий на бога, сыном которого был провозглашен обладатель имени, и затем отброшенный, когда Моисей вышел из Египта.

В рассказе о рождении Моисея нет ничего сверхъестественного, но в нем можно различить черты, более характерные для фольклора, чем для истории. Чтобы подчеркнуть необычайность судьбы своего героя, рассказчик представляет дело так, что великий человек при рождении был обречен на неминуемую смерть, но его спасло некое обстоятельство, которое обыкновенному человеку может показаться простой случайностью, а на самом деле – это указующий перст providения, сохранившего беспомощного младенца для предназначенной ему высокой доли. Такими эпизодами повествователь, стремится усилить эффект рассказа, чтобы сделать его достойным величия своего героя. В греческих мифах так спасаются Эдип и Персей, в римских – Ромул и Рем.

Оракул предостерег фиванского царя Лаия, что он погибнет от руки собственного сына, который впоследствии женится на его жене и собственной матери Иокасте. Ужаснувшись предсказанию, Лаий приказал проколоть новорожденному сыну пятки железными спицами и бросить в горах. Ребенка нашли пастухи и отнесли к царице Коринфа, у которой не было своих детей. У мальчика ноги опухли от проколов, поэтому его прозвали Эдип – «человек с распухшими ногами». Он стал один из самых несчастных правителей во всей истории человечества.

Судьба Персея была более счастливой. Его дед, царь Аргоса Акризий, убоялся предсказанной ему смерти от руки внука, поэтому заточил свою дочь, Данаю, в подземной темнице (или в медной башне). Зевс проник в заточенье в виде золотого дождя – и родился Персей. Акризий, опасаясь за свою жизнь, приказал упрятать дочь и внука в ящик и бросить в море. Спасшийся по воле богов

Персей не только убил чудовищную горгону Медузу, но и спас Андромеду, а также, по одной версии, основал знаменитые Микены (не

этот ли миф так очаровал А. С. Пушкина, что он отправил по волнам бочку с царевичем Гвидоном?).

История Персея во многом напоминает историю троянского царевича Париса. Накануне его рождения царица Гекуба увидела во сне, что родила факел, от которого запылал весь город. Прорицатели объяснили, что сын, которого она родит, станет причиной гибели государства. Мальчика отдали пастухам, чтобы те отнесли его в ущелье горы Иды и оставили там. Через несколько дней один из пастухов, проходя мимо места, где был оставлен ребенок, увидел, как медведица своим молоком кормит младенца. Царевич был спасен, а государство все-таки погибло.

Согласно римскому преданию, основатель Рима тоже был в младенчестве брошен на погибель и неминуемо бы погиб, если бы волей судьбы не вмешались волчица и зеленый дятел. Вот что произошло. На склонах Альбанских гор стоял «длинный белый город» – Alba Longa, и в нем царствовала династия царей Сильвиев, что значит «лесные». На холмах нынешнего Рима еще паслись стада и волки рыскали среди болотистых низин. Один из царей Альбы, по имени Прока, оставил после своей смерти двух сыновей – Нумитора и Амулия. Нумитор был старший и должен был по воле отца унаследовать его престол. Но младший брат, честолюбивый и бессовестный, не постеснялся прогнать силой своего старшего брата и сам стал царем. Не довольствуясь этим, он задумал укрепить узурпированную власть и довершить злодеяние над братом, лишив его мужского потомства.

С этой целью он приказал убить единственного сына Нумитора, а дочь его, Рею Сильвию, убедил, а может быть, насильно заставил сделаться жрицей богини Весты и тем самым дать обет вечной девственности. Но обет этот был нарушен. Девственница-весталка забеременела и в урочное время родила двух мальчиков – близнецов. Она указала на бога Марса как на их отца, но жестокосердный дядя отказался верить ее словам и велел бросить обоих мальчиков в реку. Случилось так, что Тибр вышел из берегов, и слуги, которым было поручено утопить детей, не смогли добраться до главного русла реки и оставили корзину с близнецами на отмели у подножия Палатинского холма. Здесь их нашла волчица, привлеченная их плачем. Она накормила их своим молоком и начисто вылизала тину, которой были

покрыты их тела. Вплоть до времен империи под Палатинским холмом в память об этом событии стояла статуя, изображавшая волчицу (дети под ней появились значительно позже). Она до сих пор хранится в Капитолийском музее в Риме. Некоторые добавляют, что зеленый дятел помогал волчице кормить и оберегать покинутых близнецов, а так как зеленый дятел, как и волчица, был посвящен Марсу, то народ усматривал в этом лишнее доказательство божественного происхождения Ромула и Рема.

Такого рода удивительные истории рассказываются, по-видимому, чаще всего про основателей царств и династий в тех случаях, когда происхождение их стерлось из памяти народа или законность пребывания на престоле вызывала сомнения.

В истории Древнего Востока мы находим еще один яркий пример того, как затерявшееся во мраке веков начало могущественного государства облекается покровом чудесного. Первым семитским царем Вавилонии был Саргон Древний, живший около 2600 г. до н. э. Грозный завоеватель и деятельный строитель, он создал себе громкое имя, но имени своего собственного отца, по-видимому, не знал. Возможно, мать его была жрицей, которая не должна была иметь детей. Так, по крайней мере, мы можем судить по надписи, вырезанной, как говорят, на одной из его статуй. Копия этой надписи была сделана в VIII в. до н. э. и хранилась в царской библиотеке в Ниневию, где она была найдена уже в новейшее время. В этом документе царь следующим образом описывает свое происхождение:

Я – Саргон, могущественный царь, царь Агаде (Аккада).
Моя мать простого звания, отца своего я не знал,
А брат моего отца живет в горах.
Мой город Азуриану лежит на берегу Евфрата.
Моя бедная мать зачала меня и втайне меня родила.
Она меня положила в тростниковую корзину и горной
смолой
закупорила мою дверь.
Она бросила меня в реку, река меня не потопила.
Река меня подняла и понесла к Акки, оросителю.
Акки, ороситель... вытащил меня,
Акки, ороситель, как своего сына... воспитал меня,

Акки, ороситель, назначил меня своим садовником.

Сделавшись взрослым, Саргон поступил на службу к царю Киша и благодаря своим заслугам сделался самым доверенным лицом из всех подданных царя. Доверие было, очевидно, обмануто. Там, где царь слаб, а первый министр силен, как это слишком часто случалось в истории, царя свергают и новым царем становится министр. Так было и в случае с Саргоном.

Когда я был садовником, богиня Иштар меня полюбила.
Я... четыре года управлял царством,
Я управлял черноголовыми народами, я властвовал над ними.
Людьми черноголовыми я владел и правил.
Могучие горы топорами медными сровнял я,
Я поднимался на высокие горы.
Преодолевал я низкие горы.

Вполне вероятно, что Саргон, сделавшись царем, умышленно принял новое имя в качестве средства пропаганды (имя это означает «законный царь», которым он как раз и не был). Очевидно, даже в древности люди знали, что, какой бы возмутительной ни была ложь, она будет принята, если повторять ее достаточно громко и достаточно часто.

Как узурпатор Саргон чувствовал, что лучше было бы основать новую столицу, где можно было бы начать заново, с самим собой в главной роли, чем оставаться в старой, полной памятников и воспоминаний о прежней династии. Поэтому он основал где-то на семитской территории город Агаде. Он прославил этот город и стал известен в исторических книгах как Саргон из Агаде (Саргон Аккадский или Саргон Древний).

Этот рассказ о царе Саргоне, в младенчестве брошенном в реку в тростниковой корзине, вполне совпадает с библейским рассказом о младенце Моисее, оставленном на произвол судьбы в зарослях на берегу Нила. Принимая во внимание, что вавилонская легенда много

старше еврейской, можно предположить, что авторы книги Исход создали свою версию по образцу вавилонского оригинала. Но также возможно, что обе легенды – как вавилонская, так и еврейская – совершенно независимо друг от друга выросли из одного общего корня – из народной фантазии.

Теория самостоятельного происхождения обеих легенд подтверждается до некоторой степени существованием сходного рассказа в великом памятнике индийского эпоса, в Махабхарате, так как трудно допустить, чтобы авторы последнего были знакомы с соответствующими семитическими преданиями. Поэт рассказывает о том, как царская дочь Кунти, или Притха, сделалась возлюбленной бога Солнца и принесла ему сына – «прекрасного, как небожитель, облаченного в воинские доспехи, украшенного блестящими золотыми серьгами, с глазами льва и бычьими плечами». Но царская дочь, стыдясь своего греха и в страхе перед гневом отца и матери, «посоветовалась со своей кормилицей и уложила дитя в непромокаемую корзину из ивовых прутьев, удобную, мягкую, выстланную простынями и с нарядной подушкой в изголовье. Со слезами на глазах она препоручила младенца водам реки Асва».

После этого она вернулась во дворец с тревогой в душе, боясь, как бы разгневанный родитель не открыл ее тайны. Но корзина с ребенком плыла вниз по реке до самого Ганга, пока ее не прибило к берегу около города Чампа, на территории племени сута. Случилось так, что по берегу реки гулял человек из этого племени со своей женой. Они заметили корзину, вытащили ее из воды и, открыв, увидели мальчика – «прекрасного, как утреннее солнце, в золотых доспехах, с дивным лицом и с блестящими серьгами в ушах». Чета была бездетна, и, когда мужчина увидел прелестное дитя, он сказал своей жене: «Поистине боги, видя, что у меня нет сына, послали мне этого младенца». Они его усыновили, вырастили, и он стал великим стрелком. Его звали Карна, а царственная мать его получала о нем вести через своих соглядатаев.

Подобного же рода предание рассказывает про злоклучения царя Трахана в его младенчестве. Трахан был царем в городе Гилгите, расположенном в самом сердце снежных Гималаев на высоте около 5 тысяч футов над уровнем моря. Обладая прекрасным климатом, удобным местоположением и значительными пространствами плодородной земли, Гилгит, по-видимому, с древних времен был

резиденцией целого ряда удачливых властителей, которым более или менее безропотно покорялись соседние земли и города. Трахан, царствовавший в начале XIII в., оставил о себе особенно громкую славу. Он был самым могущественным и самым гордым царем Гилгита, и его богатства и подвиги до настоящего времени служат сюжетом многочисленных легенд. Рассказ о его рождении и опасностях, которым он подвергался, таков. Его отец, Тра-Трахан, царь Гилгита, женился на девушке из богатого дома в городе Дарел. Будучи страстным игроком в поло, царь еженедельно отправлялся в Дарел, где предавался своей любимой игре совместно с семьей братьями своей жены. Однажды, играя, они пришли в такой азарт, что поставили условием игры право победителя убить проигравших. Состязание было долгим и велось с большим искусством, но в конце концов царь победил и, согласно условию, как настоящий игрок, убил своих семерых шуринов.

Возбужденный победой, он вернулся домой и поделился с женой печальными, но неизбежными результатами игры. Жена не только не разделила радости царя, но исполнилась враждой к нему за убийство ее братьев и решила отомстить. Она подсыпала в пищу царя мышьяк, который скоро свел его в могилу, и стала царствовать вместо него. В то время, когда она предприняла этот решительный шаг, она была беременна от царя и через месяц родила сына, которого назвала Трахан. Но ее скорбь была так глубока, что она не в силах была видеть сына убийцы своих братьев. Поэтому, заперев ребенка в деревянный ящик, она тайком бросила его в реку. Течением его отнесло вниз по реке до деревни Годар в округе Чилас. Когда он проплывал мимо деревни, два брата-бедняка собирали на берегу хворост. Увидев ящик, они подумали, что в нем находится клад. Один из братьев бросился в реку и вытащил ящик на берег. Чтобы не возбудить жадности других, они его не стали открывать, а, прикрыв хворостом, отнесли домой. Там они открыли ящик, и каково же было их удивление, когда вместо клада глазам их представился миловидный ребенок, еще живой. Мать их заботилась о маленьком найденыше, и казалось, что вместе с ребенком в дом их вошло благословение богов, потому что насколько они были раньше бедны, настолько теперь становились все богаче и богаче. Благополучие это они приписывали своей чудесной находке.

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, ему захотелось посетить Гилгит, о котором он так много слышал. Вместе со своими названными братьями он отправился туда; по дороге они остановились на несколько дней на вершине холма, в месте, называвшемся Валдае. Мать Трахана еще продолжала царствовать в Гилгите, но к тому времени она тяжело заболела, и, так как в Гилгите ей не нашлось преемника, народ стал искать себе царя в других местах. Когда весь народ не знал, как ему быть, однажды утром в городе запели петухи, но вместо своего обычного «кукареку» они прокричали: «В Балдасе есть царь». Тотчас отрядили туда людей с приказом задержать и привести в Гилгит всех новоприбывших в Балдас, кто бы они ни были. Гонцы поймали троих братьев и привели их к царице. Так как Трахан был красив и статен, царица с ним разговорилась, и во время их беседы ей открылась истина. К своему удивлению и радости она убедилась, что этот прелестный отрок ее собственный сын, которого она в необузданном порыве горести и гнева бросила когда-то в реку. Она прижала его к груди и объявила законным наследником гилгитского царства.

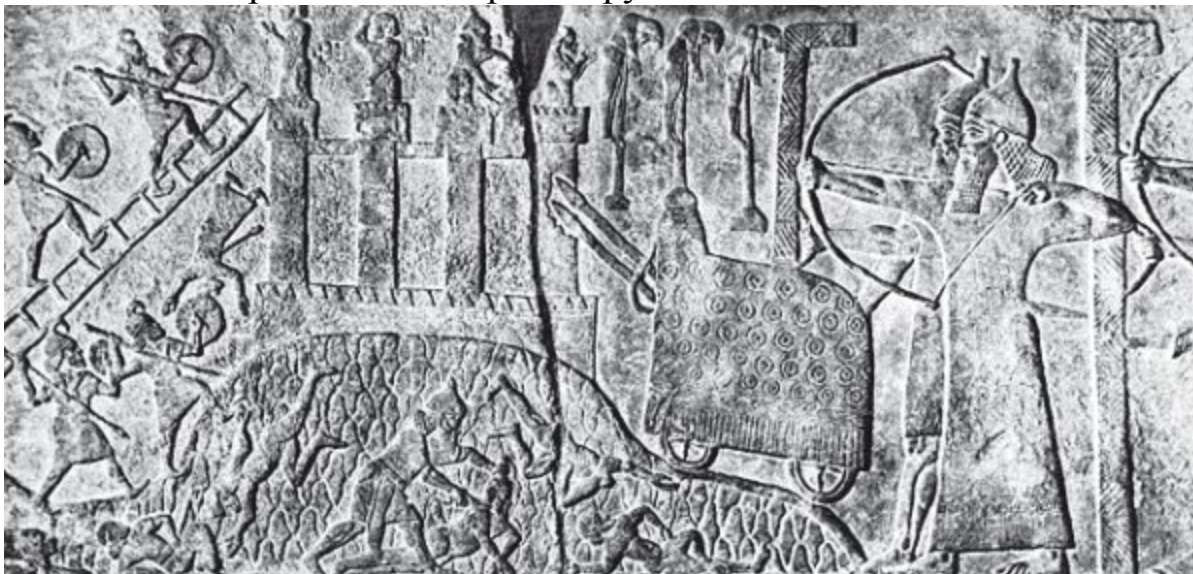
Существует мнение, что в преданиях, подобных рассказу о младенце Моисее, брошенном в воду, отражается древний обычай, когда для испытания законнорожденности ребенка его бросали в воду на волю судьбы. Если ребенок всплывал, его признавали законнорожденным; потонувший же объявлялся незаконным. В свете такого предположения может показаться знаменательным тот факт, что во многих из этих легенд рождение ребенка объясняется сверхъестественными причинами, и таким образом деликатно прикрывается его незаконнорожденность. Так, согласно греческой легенде, Персей был сыном Зевса; в римском сказании близнецы Ромул и Рем были зачаты их девственной матерью от бога Марса, а в индийском эпосе царская дочь объясняет рождение своего ребенка ласками бога Солнца. С другой стороны, в вавилонской легенде царь Саргон, менее счастливый или, быть может, более откровенный, чем его греческие, римские и индийские собратья, прямо признается, что отец его ему неизвестен.

Библейское предание не дает никаких оснований предполагать существование каких-либо сомнений в законнорожденности Моисея. Но его отец Амрам женился на своей тетке по отцу. Моисей был

отпрыском этого брака. Впоследствии еврейский закон стал признавать такие браки кровосмесительными, поэтому можно предположить, что мать Моисея, бросая его в воду, имела для этого причины более личного характера, чем общий приказ фараона, относившийся ко всем еврейским детям мужского пола.

Царь-библиотекарь и его воины

Страну, которая когда-то была известна как Ашшур, мы называем унаследованным от греков названием Ассирия. Но важно не имя, а то, что дали эта страна и этот народ миру.

Вот несколько цитат, показывающих, как восхваляли себя ассирийские цари.

«Воинов его я заколол 4 раза по 3600 человек; тех, кто остался в живых, я, выколов им глаза, взял в плен».

«Жители города Хиримм, моего заклятого врага, были зарезаны, ни один из них не остался в живых. Трупы их, повешенные на столбах, стеной окружали город».

«34 сильных города, а также небольшие города, которым и числа нет, я осадил, захватил, опустошил, разрушил, сровнял с землей, предал огню. Дымом от пожаров, как страшным ураганом, покрыл я свод широкого неба».

«Я засыпал вражеских воинов дождем стрел, превратив их тела в решето... Я перерезал им глотки, как баранам. Как нить, перерезал я их драгоценную жизнь. Как бурный поток, разлившийся от дождей в пору созревания, так текла по широкой земле их кровь, пролитая мной. Горячие кони моей упряжки шли в потоке их крови, как по реке. Колеса моей боевой колесницы, давящей все злое и плохое, купались в

их крови и испражнениях. Трупы их воинов, как трава, завалили поле. Срезав, как огурцы, их детородные члены, в ничто превратил я их детородную силу. Руки им я отрезал».

Когда воины древнего Ашшура в XIV в. до н. э. при царе Ашшурубаллите двинулись в свой первый завоевательный поход, чтобы наконец вступить на равных в большую игру тогдашних великих держав, они и ведать не ведали, что их марш будет продолжаться семь столетий. К этому времени в междуречье Тигра и Евфрата господствовал Вавилон, в Малой Азии силу набирало Хеттское царство. Ассирия же еще не возвысилась, и небольшому городу-государству Атттттур приходилось выживать в очень сложной международной обстановке. Вглядываясь в темный колодезь истории, нам не только невероятно тяжело различить обстоятельства, сформировавшие эту обстановку, трудно даже отчетливо припомнить, чем, собственно, отмечена та эпоха в некоем гипотетическом списке итогов человеческих цивилизаций. Клинопись? Древняя астрономия? Исполинские зиккураты, где возжигали жертвенный огонь давно забытым богам? Или крылатые быки – керубы – охранители царских врат, которые по странной иронии истории после долгих превращений стали херувимами, представляющими собой высшую категорию ангелов в ангелическом многообразии Ветхого Завета? Еще труднее представить себе, что и намного раньше, за 10 веков до летописного начала собственной ассирийской истории, здесь, в Месопотамии, история уже шла, уже были города, развитое ирригационное земледелие, торговля и работоторговля, войны, дворцовые интриги – весь комплекс признаков, характеризующих цивилизации древности вплоть до Рима.

До начала истории Ассирии минула почти тысяча лет истории Двуречья. Возвысились и пали Ур, Лагаш, Киш и Урук, была создана единая система мер и весов, расчислен годовой календарь, провозглашены законы Уруиним-гины, царя Лагаша, с которых, по логике приоритетов, следует начинать изучать право, и, наконец, написано самое древнее произведение мировой литературы – «Эпос о Гильгамеше».

Парадокс истории древнего Междуречья заключен в том, что творилась она двумя народами – шумерами и аккадцами, – совершенно

не родственными друг другу, но, тем не менее, считавшими себя единым народом – «черноголовыми».

Аккадцы были семитами, шумеры – нет, но они прекрасно уживались бок о бок, с детства учась языку друг друга, и впоследствии, когда цивилизация Шумера пала, ослабленная внутренними интригами, аккадцы впитали в себя шумерскую культуру, сохранив в том числе и знание шумерского языка как «языка для посвященных».

Месопотамия оказалась разбитой на множество царств и городов-государств, между которыми после очередной смуты в правление великого Хаммурапи возвысился Вавилон, власть которого над собой вынуждена была признать и Ассирия. Сердце будущей Ассирийской державы – город Ашшур в то время оставался еще сравнительно небольшим, хотя и крепким центром маленького государства. И хотя ассирийские купцы уже знали ростовщичество и имели опыт создания международных торговых «компаний» на стратегически важных торговых перекрестках, во внутренней жизни города много было еще неизжитой архаики. До XIV в. до н. э. Ассирия называлась «алум Ашшур», то есть «община (бога) Ашшура»: в древней Месопотамии главным признаком самоидентификации была не национальность, а принадлежность к общине и государству. Также «общинным» было владение землей. Черты «общинности» прослеживаются и в организации власти. И хотя народное собрание «малых и великих» уже утратило свое значение, высшим органом власти все еще оставался «дом города» – совет знати. Совет избирал сроком на один год городского казначея, а также судью-администратора государства. И хотя в Ашшуре существовала наследственная должность правителя – ишшаккума, до эпохи больших военных походов никто не считал его «царем», и он исполнял в основном жреческие функции.

По привычке считая древних властителей Востока деспотами, мы глубоко ошибаемся. Даже в более позднее время царей Ассирии и Вавилона никто не считал непререкаемыми самовластными владыками, свободными по своей прихоти казнить или миловать. Царь все равно оставался ответственным перед народом и «общиной» – об этом говорят сохранившиеся в письменности «самооправдания» при самовосхвалении царей Египта, хеттов и Междуречья, в которых первым делом указывалось, что в правление такого-то царя народ не

голодал и благодаря удачным военным походам только умножил свое богатство.

Еще более яркий пример подотчетности царя народу являет обычай «обновления сил царя», бытовавший и в Вавилоне, а в смягченной форме и в Ассирии. Смысл его в том, что один день в году царь должен был пройти особое очищение: его подвергали унижительным обрядам – водили по улицам, обливали водой, высмеивали или ругали, плевали в лицо и вообще всячески над ним глумились. Царь, безропотно прошедший через это, считался полностью обновленным и очищенным и с почетом возвращался на трон. Иногда цари на этот день на словах отказывались от власти и ставили вместо себя подменных правителей из простолюдинов, они и проходили сквозь тяжкий обряд, а сила считалась обновившейся у настоящего царя. На следующий день правитель возвращался к власти, с которой на самом деле и не расставался. Прием этот, правда, не всегда сходил с рук. Один из вавилонских царей не пожелал подвергаться унижениям и вместо себя отправил на поругание толпы своего садовника. Но пока того высмеивали и оплевывали, спрятавшийся во дворце царь подавился кашей и умер, а садовник так и остался царем и правил не хуже своего бывшего господина.

По мере усиления власти правителя обычай этот уходил в прошлое – особенно быстро в Ассирии, чьи цари с началом эпохи походов стали всевластными командующими армией, «шутить» с которыми стало небезопасно. И все же самовластья древняя Месопотамия не знала никогда, хотя ассирийские цари и приблизились к нему на деле.

Восхождение Ашшура началось при неблагоприятных исторических обстоятельствах – фактическая зависимость от Вавилона и враждебное окружение почти полностью задушило международную торговлю. Ассирия в XIV в. до н. э. сделала ставку на Египет, который противостоял другим великим державам Ближнего Востока, угрожавшим ассирийцам. При фараоне Эхнатоне в Египте с почестями было принято ассирийское посольство, и хотя грозный окрик Вавилона должен был прервать переговоры зарвавшихся вассалов Вавилонии с Египтом, этого не произошло. Послы обменялись с фараоном щедрыми дарами и заручились его поддержкой.

Зачем было Египту портить отношения с могучим Вавилоном из-за какого-то Ашшура? Эхнатон, по-видимому, что-то разглядел в посланцах Ассирии. И фараон не ошибся. За следующие сто лет страна ассирийцев, захватив обширные земли, превратилась из города-государства Ашшур в империю Ассирия и усилилась настолько, что с ней вынуждены были считаться все ее соседи. Время исторического изгойства прошло. Более того, уже основатель этого великодержавия Ашшурбаллит I устанавливает родственные связи с вавилонским царским домом и всеми правдами и неправдами добивается того, чтобы на трон Вавилона воссел его внук – отныне Ассирия никогда не откажется от мечты о контроле над Вавилонией – величайшей страной месопотамской культуры.

В XIII в. до н. э. Ассирия начинает мощную военную экспансию, ломает хребет одному из давнишних своих врагов – царству Миттани – и при Тикультининурте I вторгается в Сирию. Это было началом бесчисленного перечня кровавых побед и военных добыч, которые в конце концов и превратят ее в страну с «военной экономикой»: в Сирии было захвачено 30 000 пленных. Их обратили в рабов, которые отныне будут работать на величие сынов Ашшура. Больше того, Тикультининурта первым захватывает Вавилон, низлагает вавилонского царя и увозит из города статую бога Мардука – покровителя Вавилона; на севере он разбивает коалицию 43 князей Наири и, захватив некоторые области Закавказья, вновь подступает к Малой Азии. Поразительнее всего, что все эти победы выпали на долю города-государства – коренная Ассирия была очень невелика по территории и населению.

Установление контроля над горными краями северо-запада дало Ассирии одно неожиданное сокровище, сыгравшее в истории ее бесчисленных войн решающую роль. Этим сокровищем было железо. Постепенно ассирийцы выучились обрабатывать его и незамедлительно применили в военном деле. Ясно, что воин в железной кирасе был практически неуязвим для бронзового оружия, а стрела с железным наконечником и железный меч способны были сокрушить самые мощные бронзовые доспехи.

Наивысшего своего расцвета Ассирия достигла в начале XI в. до н. э. при Тиглатпаласаре I. Это было время мощных изменений в Древнем мире: «старые древние» царства не выдержали натиска

«новых древних» и, как Миттани и Хеттское I царство, просто исчезли, уступив им место. Вавилон переживал затяжной политический и экологический кризис (поливное земледелие за много веков привело-таки к засолению почв, и плодородные прежде поля Вавилонии обратились в довольно скудные житницы), а Египет в очередной раз точили междоусобицы. В этой обстановке Ассирия недогнущей рукой подхватила роль мирового лидера.

При Тиглатпаласаре I войны Ашшура совершают более 30 походов на запад, захватывают северную Сирию, Финикию и некоторые провинции Малой Азии. Пучок торговых путей, связывающих Запад с Востоком, вновь оказывается в руках ассирийских купцов. В честь своего триумфа после завоевания Финикии Тиглатпаласар I устраивает демонстративный выход на финикийских военных кораблях в Средиземное море. Из Египта триумфатору незамедлительно были присланы богатые дары. Предчувствия не обманули великого фараона Эхнатона, принимавшего когда-то ассирийское посольство: горстка не знающих страха пассионариев, воспользовавшись моментом, действительно перевернула мир.

Наибольшей проблемой Ассирии на протяжении всей ее истории был Вавилон. При этом он не являлся проблемой только внешней, политической или военной – на определенном этапе наращивания ассирийской военной мощи Вавилон больше не представлял для армии Ашшура серьезной угрозы – его «брали» множество раз, но тем в большей степени он превращался в проблему внутреннюю, в глубокий, неискоренимый невроз, любовь-ненависть, которую нельзя утолить. С Вавилоном ассирийцев связывает такой узел чувств, что расплести его под силу разве что какому-нибудь историческому психотерапевту. Если бы цари Ассирийской державы просто превратили бы Вавилонию в одну из своих провинций, дело, возможно, разрешилось бы проще. Но они не хотели овладевать им грубой силой. Каждый раз после очередного «взятия» Вавилону оставался статус самостоятельного вассального царства, а если не царства, то, по крайней мере, вольного города. Ассирийцы словно бы демонстрировали вавилонянам свое великодушие, прося: «О, искушенные дети Мардука, полюбите нас, богатырских сыновей Ашшура, живите в ладу с нами, и мы охраним ваш волшебный город

от любых посягательств извне...» В требовании этой невозможной любви заключалось, помимо прочего, настояние признать родство (этнически ассирийцы и вавилоняне были очень близки, они говорили на разных диалектах одного языка) и если не равенство, то хотя бы соразмерность силы Ассирии пленительной красоте Вавилона. Но «любви» так и не получилось. И когда Вавилон в очередной раз восстал, призвав в союзники халдеев и эламитов, ассирийский царь Синаххериб в 689 г. до н. э. стер Вавилон с лица земли, пустив по его улицам воды из открытых шлюзов Евфрата. Так отчаявшийся влюбленный убивает свою возлюбленную. Но Ассирия не простила своему царю утраты Вавилона. В свою очередь Синаххериб был убит в своем же дворце во время молитвы, а его преемник Асархаддон восстановил Вавилон, вернул ему прежние привилегии, ввел в пользу вавилонских храмов новые налоги по своей огромной державе. И в это же время он, не зная жалости, прорубался через дружественный когда-то Египет, пока не довел границы Ассирийской державы до первого порога Нила.

Будучи ближайшими родственниками по крови, сыны Ашшура разительно отличались от сынов Вавилона. Если вавилоняне, за исключением небольшой прослойки «богобоязненных», были изнеженными гедонистами, то ассирийцы предпочитали жизненным уладам вавилонян суровые забавы совсем иного рода: бесчисленные барельефы запечатлели сцены царских львиных и прочих охот, где мышцы каждого воина напряжены до предела, струится кровь, мчатся колесницы, догоняют жертву охотники... Война тоже была одним из их излюбленных сюжетов: битва, разрушение города, унижение пленных, пирамиды из отрубленных голов побежденных, враги, обращенные в рабов... Предельное напряжение сил, подвиг, битва – вот жизненный идеал ассирийца.

Это сказывалось и на отношениях полов в обществе. Если для вавилонянина семья как раз и была той «норкой», в которой реализовывался его жизненный идеал, то для ассирийца все было иначе. Семья была лишь «стартовой площадкой» воина, и хотя в Ассирии было разрешено многоженство, гарем служил сыновьям Ашшура не для нег, а для укрепления сил и хозяйства воина. Отношение к женщине в Ассирии было довольно суровым, а

сексуальные связи гораздо более brutальными и лишенными той нежности, которой была окрашена любовь в Вавилоне.

Поэтому, хотя Ассирия и Вавилон питались соками одной культуры, они по-разному распорядились ими: одни обратили этот сок в приятное вино, другие изготовили из него огненный и ослепляющий напиток. Прекрасной иллюстрацией к этой ситуации может служить «Эпос о Гильгамеше». Произведение это пользовалось необыкновенной популярностью как в Ассирии, так и в Вавилоне. Ассирийцы видели свое подобие в молодом Гильгамеше, царе Урука, готовом совершать подвиги единственно во имя подвигов и без разбору пользоваться дочерьми и женами народа своего. Но Гильгамешу пришлось преодолеть свой эгоцентризм в чувстве горячей дружбы, пережить горе и смертный страх после гибели друга, возжелать бессмертия, добыть его, тут же утратить и, в конце концов, отказаться от попыток достичь недостижимого и – жить, наслаждаясь жизнью, не покушаясь на то, что не дано человеку. Ассирийцы же веками рвались к недостижимому – не к бессмертию, а к мировому владычеству.

Внезапному концу Ассирии предшествовали невиданный размах завоеваний и максимальный разбег ассирийской военной машины. Железо сделало ассирийскую военную рать совершенно непобедимой на полях сражений. Притом что ассирийцев – выходцев из коренной Ассирии – было мало, а обрести они хотели весь мир, воевали они с исключительной жестокостью. Поэтому некоторые провинции и царства предпочитали изъяснить покорность и заплатить дань при одном приближении ассирийского войска, верно полагая, что лучше формально лишиться независимости, чем допускать его на свою территорию.

Однако Ассирийская держава так разрослась, что такое положение вещей не могло оставаться неизменным. Страной надо было управлять и держать ее в повиновении. Для этого нужны были большая армия и имперский административный аппарат. Реформатором в этой области выступил Тиглатпаласар III.

Он был узурпатором, военачальником, поэтому главные его реформы касались именно военного дела. Он создал в Ассирии «царский полк» – огромную регулярную армию, в которую брали покоренных, оторванных от своей среды и земли людей, не знавших

иной воли, кроме воли царя и непосредственного командира (так же впоследствии будет формироваться турецкое «ени чери» – «новое войско»). При Тиглатпаласаре III в ассирийской армии было 120 тысяч человек, и равных себе она не знала. Но дело было не только в ее чудовищной численности.

Ассирийцы ввели в военное дело ряд новаций, неизвестных Древнему миру и сохранившихся до нового времени. Помимо колесниц, ударной силой в бою они сделали подвижную конницу, создав кавалерию как род войск. Они учредили военную разведку и позаботились о создании вспомогательных частей, необходимых в любом походе: армейские оружейники чинили и заново делали оружие, инженерные части помогали армии наводить мосты, вести осаду крепостей. Ассирийская осадная технология достигла такого совершенства, что города-крепости, которые в прежние века выдерживали осады продолжительностью в 15–20 лет, ассирийцы брали за 20 дней: насыпали осадные стены, по высоте равные стенам осаждаемых крепостей, оставляли город без воды, отводя в сторону реки, или, наоборот, затапливали его, строя или разрушая плотины. Если не помогало и это, они попросту перемальевали крепостные стены своими таранами, которые представляли собой подвижные мини-крепости с башенками для лучников наверху и деревянной крышей, скрывавшей отряд воинов, раскачивающих обитые железом исполинские бревна, способные расшатать любую кладку.

Ассирийцы вели войну ради войны. Вероятно, за всю мировую историю не было державы столь воинственно настроенной. Грабеж завоеванных территорий, дань и налоги с покоренных земель стали мотором всей ассирийской экономики. К тому же война давала неисчерпаемые источники рабочей силы. В это время рабы в Ассирии были столь дешевы, что воины порой расплачивались ими за обед и выпивку в тавернах.

В VIII в. до н. э. Ассирия окончательно расчистила себе путь на запад, подчинив Дамасское и Израильское царства, совершила ряд успешных походов в Урарту и Мидию и в очередной раз «одолела» Вавилон, где Тиглатпаласар III даже короновался вавилонской короной. Чтобы избежать восстаний и отпадения провинций, он ввел в практику массовые депортации населения из одной части империи в

другую. Известно, что при нем из одной лишь Сирии было выселено 73 тысячи человек.

В течение века Ассирия не знала поражений. Она сокрушила Израиль, стерев его с политической карты мира, нанесла смертельные раны Урарту, оторвала еще несколько провинций у Мидии и довольно удачно сдерживала самых опасных противников всех «устоявшихся» цивилизаций – с виду слабых, но на самом деле обладающих колоссальной разрушительной силой кочевых племен – в то время киммерийцев и арабов Аравийского полуострова. Казалось, могуществу ассирийской державы ничто не угрожает.

Тем более удивительно, что буквально через 100 лет Ассирии не существовало уже не только как мировой империи, но и просто как самостоятельного государства: ее города были стерты с лица земли и занесены песком. Конец Ассирии, как и любой империи, был внезапным, хотя приближение его глухо ощущалось современниками. Пророки Иудеи предрекали гибель Ниневии, «городу крови», цари все с большим трудом боролись с врагами – и впервые не за добычу, а за жизнь собственной страны. Никогда раньше Ассирия не обращалась к богам с молитвами и просьбами о знамениях с таким трепетом и страхом. Царь Ашшурбанипал совершил и снарядил множество походов, но чем дальше, тем труднее давались ему победы и тем менее прочными они были – восстание следовало за восстанием. Война как будто перестала вдохновлять ассирийцев, как раньше: портретное изображение великого царя вопреки традиции представляет его не на боевой колеснице, а в образе священного строителя – с корзиной за плечами – восстановителем храма Мардука в Вавилоне. Своей столицей Ашшурбанипал вслед за дедом и отцом избрал древний ассирийский город Ниневию, где основал невиданное для Древнего мира предприятие – библиотеку, повелев копировать и сохранять в ней все сколько-нибудь важные клинописные тексты – от литературных до медицинских рецептов. Эту древнейшую библиотеку иногда называют «вавилонской». Однако этот прообраз мировой книжности был создан не в Вавилоне, а именно в Ниневии. Сам Ашшурбанипал был Великим библиотекарем, знавшим в совершенстве давно позабытый язык шумеров. В нижней части некоторых глиняных табличек похвалялся тем, что его, царя Вселенной, боги Набу и Ташмету наградили огромными ушами и ясным взором, т. е. сделали так, чтобы он слышал

и видел всю мудрость. Умение писать сделало его «самым выдающимся из писцов». С гордостью он пишет: «Из предшествующих мне царей никто не овладел этим искусством». При нем в Ниневии был воздвигнут дворец, способный соперничать с прекраснейшими постройками Вавилона. В самом Вавилоне и в Уруке – на родине легендарного Гильгамеша – им были заново отстроены роскошные храмы.

При этом Ашшурбанипал много воевал. Вот цитаты из его самовосхвалений: «Оставшееся население... я перебил. Разрубленным мясом их тел я накормил собак, свиней, волков, стервятников, птиц небесных и рыб в пресноводном море».

«Царь Аравии, Уайте... попал ко мне в плен. Вознеся свою руку, которую я привык поднимать для покорения своих врагов, и, взяв в нее по приказу бога Ашшура и богини Нинлилы свой кривой нож, я располосовал ему лицо, приказал надеть на него узду, посадил его на собачий ремень и держал его в клетке у восточных ворот, находящихся в центре Ниневии, у ворот, имя которым “Ворота шествий народов”».

«Арму... в ходе битвы попал ко мне в руки живым. В Ниневии, в городе моих владений, содрал я с него кожу».

Все знания и мудрость Ашшурбанипала не мешали ему разделять безумства его предшественников. Ассирии, выросшей из небольшого города-государства, так и не удалось сделать завоеванные провинции соучастниками в строительстве империи. И именно это обстоятельство оказалось роковым. Карательные и грабительские походы продолжались и дальше, ассирийские войска в долине Нила дважды доходили до сказочно богатого Васета (Фив), на востоке трижды захватывали и грабили столицу Элама Сузы. Воевали ассирийцы и с финикийскими городами, и с горными жителями Азербайджана, и со степными племенами Аравии.

В Сау, по-гречески – в Саисе, и других городах Египта завоеватели «убили и взрослых, и детей, всех до последнего человека. Трупы повесили на столбах, кожу с них содрали и повесили на городских стенах». Но все же Египет вскоре отпал от Ассирии. В Эламе трупами казненных пленников, «как кустами шиповника и лопухами», завалили все окрестности Суз, кровью их окрасили воду реки Улаи. Даже кости древних царей Элама выкопали из могил и увезли в Ассирию, вместе со всеми сокровищами дворцов и храмов, с

толпами угоняемых в рабство жителей, стадами скота. В Аравии спасающихся от ассирийского оружия загнали в горы и поставили стражу у каждого водоема и родника, чтобы они или погибли от жажды, или, дойдя до того, что стали пить кровь и мочу своих верблюдов, – сдались бы. Вновь восстал Вавилон, с которым и Ашшурбанипал никогда не мог жить в мире дольше пятнадцати лет, хотя в нем правил его собственный брат, Шамашшумукин. Вавилон вынудили встать на колени голодом, а потом, когда Шамашшумукин сам поджег свой дворец и погиб в огне, а город сдался, продолжали без пощады убивать тех, кого еще не унесли голод, бедствия, мор.

Плоды реформ, когда-то проведенных Тиглатпаласаром III, создавшим огромную и непобедимую ассирийскую армию, сказались самым неожиданным образом. Не знавшая поражений на протяжении столетия, она стала утрачивать прежнюю мощь. В летописях VII в. до н. э. о военных походах чаще всего сообщается, что царь такой-то «пришел и разорил» взбунтовавшуюся провинцию или отдаленные земли, но нигде не говорится, что «посадил наместника». Это значит, что походы ассирийцев больше не приносили им мира: непокорные были, разумеется, разорены и усмирены, но оставались, по сути, неподвластными и ждали лишь часа для очередного непокорства. Вселенная, созданная ненасытной энергией ассирийцев, начала восставать против Ашшура. И когда в конце VII в. до н. э. на исторической арене появились скифы, налетевшие из глубин Азии, громадная ассирийская армия, раздираемая собственными «политическими» конфликтами, вовлеченная в борьбу за власть и в результате полностью утратившая былую боеспособность, не смогла противостоять им. Скифы десятки лет спокойно гуляли по коренной Ассирии, не говоря уж о присоединенных царствах. Выступление против Ассирии двух крупнейших из них – Мидии и Вавилона – довершило картину разгрома. Все крупные ассирийские города – Ашшур, Ниневия, Харрасан и Каркемиш – были попросту стерты с лица земли, ассирийская знать истреблена, население же Ассирии разбежалось по соседним землям, смешавшись с другими народами. Часть ассирийцев бежала на запад и даже пыталась основать там новое царство, но отвлечь гибель уже не могло ничто. Вавилоняне добились ассирийцев в 609 г. до н. э.

В ветхозаветной книге пророка Наума подробно рассказывается об осаде и падении ассирийской столицы Ниневии. Из пророчеств Наума легко понять, чем аукнулась ассирийцам их былая жестокость по отношению к побежденным, когда настал час их гибели: «Горе городу кровей! Весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство. Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржанье коня и грохот скачущей колесницы. Несется конница, сверкает меч и блестят копья; убитых множество и груды трупов; нет конца трупам; спотыкаются о трупы их. Это – за многие блудодеяния развратницы приятной наружности, искусной в чародеянии, которая блудодеяниями своими продает народы и чарованиями своими – племена... Спят пастыри твои, царь Ассирийский, покоятся вельможи твои; народ твой рассеялся по горам, и некому собрать его. Нет врачевства для раны твоей; болезненна рана твоя, все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе; ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя».

История Ассирии свершилась.

Последний пир Валтасара

Это было 12 октября 539 г. до н. э., в день перед падением Вавилона. У его стен стояли войска персидского царя Кира. Персы сумели отвести воды реки Евфрат и готовились вступить в город. Вавилоняне танцевали и веселились в ту ночь по случаю праздника. Возможно, это был праздник, посвященный смерти и воскресению бога Думузи (Таммуза). В городском дворце пирует с вельможами царевич Бэл-шарру-уцур (Валтасар)...

О падении Вавилона поведал миру «отец истории» Геродот. Он слышал об этом событии от внуков и правнуков тех, кто видел вступление персов в священный город Месопотамии. Библейское же предание живописует происходившее на пиру Валтасара.

За шестьдесят пять лет до того иудейский отрок Даниил был по приказу Навуходоносора II отдан в обучение «книгам и языку Халдейскому» (Дан. 1:4). Теперь он стал главой мудрецов. Не раз удивляли придворных «тайноведцев» его мудрые советы царям, тонкое

истолкование их снов. И вот пришел час, когда ему суждено было произнести последнее пророчество Вавилону.

«Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них... И пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных» (Дан. 5:2–4). Да, статуй богов во дворце было тогда больше, чем обычно: их свезли со всей страны, опасаясь персидского завоевания.

«В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели» (Дан. 5:5–6). Валтасар позвал придворных гадателей, обещая им царские почести за объяснение таинственных писем, но никто не мог их понять. Тогда вошла в чертог царица-мать – мудрая египтянка Нитокрис – и так сказала сыну: «Есть в царстве твоём муж, в котором дух святого Бога; во дни отца твоего найдены были в нём свет, разум и мудрость, подобная мудрости богов... пусть призовут Даниила и он объяснит значение» (Дан. 5:11–12).

Слуги ввели Даниила, и он напомнил Валтасару о беззакониях, которые творил в ожесточении сердца его отец Навуходоносор; напомнил о бедах, преследовавших царя, пока он не познал, «что над царством человеческим владычествует Всевышний Бог и поставляет над ним, кого хочет. И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это, но вознесся против Господа небес, и сосуды дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от Него кисть руки, и начертано это писание. И вот что начертано: *мене, мене, текел, упарсин*. Вот и значение слов: *мене* – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; *текел* – ты взвешен на весах и найден очень легким; *Перес* – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5:21–28).

Буквальный перевод этих арамейских слов краток, невнятен и невнятностью своей страшен, как все древние пророчества: «Исчислен, исчислен, взвешен и разделен».

По повелению царевича облекли пророка в багряницу и золотое ожерелье, провозгласили его третьим властелином в Вавилоне – после царя Набонида и его приемного сына, царевича Валтасара. Персы же ночью перешли Евфрат, без боя взяли Вавилон, и от их рук погиб Валтасар, который осквернил священные сосуды Иерусалимского храма и не захотел (или не успел) раскаяться.

Последнего правителя Вавилона на самом деле звали не Валтасар, а Набу-паид («Набу возвышен»), более известный под греческим именем Набонид (556–539 гг. до н. э.). Он вошел в историю благодаря драматической истории своей борьбы со жрецами Эсагилы (храма Мардука в Вавилоне), которая в итоге окончилась гибелью царя. Подробности этого необычного конфликта интересовали многих далеко за пределами Вавилона, в результате чего Набонид обрел такую посмертную славу, что память о нем жива и сейчас.

Набонид был, по-видимому, хорошим человеком, но оказался на редкость плохим царем. Царская власть едва ли вообще интересовала его сама по себе. Он был антикварием, исследователем древностей, и царский трон для него просто означал возможность углубиться в прошлое, имея в своем распоряжении все ресурсы государства. Он с энтузиазмом откапывал древние клинописные таблички и тщательно их реставрировал. Он мало сделал для самого Вавилона, но заинтересовался реставрацией храмов в древнейших городах, таких как Ур и Ларса.

Такая деятельность, однако, не нравилась могущественному жречеству Вавилонии. Навуходоносор увеличивал власть жрецов Мардука, пока они не почувствовали, что другие боги уже в счет не идут. Но Набонид не был уроженцем Вавилона, он родился в Харране, который находился тогда под мидийским управлением. Он был сыном жрицы Сина, лунного бога, и был особенно заинтересован в нем и в городах, таких как Харран и Ур, которым этот бог покровительствовал. Жрецы Мардука испытывали ревность, и это послужило одной из причин катастрофы.

Интерес Набонида к учености привел к упадку обороны Вавилона, ибо война и завоевания были на последнем месте у ученого

царя. Во главе национальной обороны он поставил своего сына Бэлшарру-уцура и умыл руки. Вот его-то (сына) мы и знаем под библейским именем Валтасар.

Отчасти из-за того, что Набонид вступил в конфликт со жрецами храма Мардука (царь будто бы вмешивался в религиозные вопросы), а отчасти из-за своего длительного и загадочного пребывания в городах Аравии и «неподобающего» царю поведения в момент угрозы нападения Кира Набонид стал в глазах жрецов «сумасшедшим царем Вавилона». Конфликт царя со жрецами вызвал к жизни целую волну пропагандистских сочинений, направленных против царя, в которых Набонид осуждался и воспевался Кир как освободитель угнетенных святилищ, как спаситель Вавилона. Набонида обвиняли в невежестве и богохульстве и поименно перечисляли самых ненавистных из его приближенных.

Можно только предполагать, какие действия Набонида вызвали у жрецов такую яростную реакцию. Но как бы там ни было, факт остается фактом: одной из главных причин падения Вавилона стало предательство жрецов Эсагилы, которые попросту передали страну и столицу персидскому царю в расчете на увеличение своих доходов.

Библейская книга Даниила, написанная через четыре столетия после событий, демонстрирует слабое знакомство с вавилонской историей. В ней Валтасара называют царем Вавилона и сыном и наследником Навуходоносора, но это неверно.

Набонид заслуживал того, чтобы прожить жизнь в мире – в те жестокие времена трудно было найти царя, который предпочитал научные занятия войне. И действительно, когда Набонид в 556 г. до н. э. взошел на трон, необычный покой царил в мире. Кроме Вавилонии насчитывались три великие державы: Мидия, Лидия и Египет. Все они процветали и мирно дремали под управлением добродушных и мягкосердечных монархов.

За одно поколение все четыре царства были разрушены.

Разрушитель уже стоял у ворот. Это был человек, которого называли Куруш, но нам он более известен под греческим именем Кир. Поскольку Кир был основателем великой империи, его жизнь была драматизирована последующими авторами легенд в манере легенд о Саргоне Аккадском, жившем на семнадцать столетий ранее.

Предполагалось, что Кир был сыном дочери Астиага, царя Мидии. Оракул сообщил Астиагу, что его внуку суждено быть причиной его смерти, и царь велел бросить его в горах, чтобы ребенок погиб от голода. Его, однако, нашла собака, которая заботилась о нем, пока ребенка не обнаружил пастух, который его и вырастил. Естественно, когда Кир вырос, предсказание осуществилось – он принес своему деду смерть.

В реальности Кир начал свое восхождение к вершинам власти как вождь княжества Аншан, находившегося прямо на южной границе бывшего Элама. Он был Кир II Аннинский и прослеживал свои права от предка по имени Хака-мани, который, возможно, правил на полтора столетия раньше. У греков это имя было переделано в Ахемен, и его наследники, включая Кира, назывались Ахеменидами.

Племена Аншана были поглощены Мидийской империей, хотя и сохранили значительную долю самоуправления под властью собственных вождей. Регион, в который входил Аншан, простирался вдоль северных берегов Персидского залива, и туземцы называли его Фарс. Греки именовали его Персис, отсюда русское Персия. Иранские племена, населяющие Фарс, стали известны как персы, а водное пространство на юге стало называться Персидским заливом.

Важно помнить, что мидяне и персы относятся к одной и той же иранской группе племен. Язык, обычаи и культура у них одинаковые. Когда перс напал на мидянина, это была всего лишь гражданская война, и, если перс сменял мидянина на троне, это означало не более чем утверждение новой династии.

В 559 г. до н. э. Кир провозгласил независимость Аншана от Мидии. Астиагу, который правил в мире уже четверть столетия, не хотелось ввязываться в войну, и сделал он это поздно и неэффективно. Экспедиция, неохотно посланная в Персию, была легко разбита Киrom, который затем выстроил крепость Пасаргады – «Крепость Персии» – на месте победы. Этот город, расположенный в самой глубине страны, более чем в 200 км от Персидского залива, послужил ему новой столицей.

Набонид из Халдеи был обрадован новыми событиями. Хотя со времен падения Ассирии Вавилония и Мидия жили в мире, Мидия оставалась крупнейшим северным и восточным соседом и представляла собой потенциального врага в будущем. Набонид

поощрял Кира, чувствуя, что этим путем помогает вовлечь Мидию в долгую гражданскую войну с неопределенными результатами, которая обескровит страну и сделает ее слабой. Он даже не упустил возможности маленькой личной выгоды. В 553 г. до н. э. он захватил Харрап, свой родной город и важный центр поклонения Сину, у занятого войной Астиага.

Однако Набонид просчитался. Гражданская война не стала ни кровавой, ни невыносимо долгой. Кир постепенно завоевывал преданность других персидских племен, перетягивая империю к себе скорее дипломатией, чем войной. Наконец в 550 г. до н. э. он выступил походом на Экбатану, мидийскую столицу (примерно в 480 км к северу от Аншана). Астиаг был легко побит, и Кир перенес свою столицу в Экбатану. Теперь он стал неоспоримым правителем Мидии, известной с тех пор под именем Персидской империи.

Так пала Мидия, первая из четырех великих держав, которые разделяли между собой цивилизованный мир, когда Набонид стал царем. Он был, наверное, огорошен полной и почти бескровной победой Кира. Быть может, однако, он утешался мыслью, что Кир теперь удовлетворил свои амбиции; что на мидийском троне он будет стремиться к дальнейшим завоеваниям не больше, чем сами мидийские цари. По-видимому, он действовал в соответствии с этой теорией, ибо в годы после падения Мидии он занялся какими-то таинственными делами в пустынных районах к юго-западу от Вавилонии. Быть может, то была экспедиция за древностями.

Но если Набонид рассчитывал на пацифизм Кира, он рассчитал неверно.

Следующей на очереди была Лидия, тогда ей управлял Крез, богатство которого сделало его легендарным. Крез сам сыграл на руку Киру, объявив Персии войну. Согласно легенде, Креза побудило к этому предсказание оракула, гласившее, что, если он начнет наступление, падет великое царство. И оно пало, но это было его собственное царство. В 557 г. до н. э. вся Малая Азия оказалась в руках Персии и Кир уже правил величайшей по территории империей, которую когда-либо видел Запад.

Когда Лидия подверглась нападению, Набонид понял, что расчеты его оправдались. Он пытался объединиться с Египтом, чтобы оказать помощь Лидии, но помощь оказалась неэффективной. На самом деле

она была хуже чем бесполезной, ибо дала Киру все необходимые поводы к войне против Вавилона.

В 539 г. до н. э. наступил финал. Набонид, неспособный к активным военным действиям, поручил оборону города сыну Валтасару, но не было обороны, о которой стоило бы говорить. Кир был мастером психологической войны и сумел договориться со жрецами Мардука, которых недовольство Набонидом легко привело к предательству. Так Кир получил мощную пятую колонну в самом городе, который и сдался практически без выстрела. Библейская книга Даниила говорит, что Валтасар пировал, даже когда персы готовились штурмовать город, но этот рассказ несправедлив к несчастному полководцу. Он вел свои войска так хорошо, как мог, и погиб в схватке за стенами города. Набонид был сослан далеко на восток, и Халдейская империя пришла к концу всего через восемьдесят лет после того, как была создана.

Кир выполнил условия сделки. Как только он вошел в Вавилон, он сразу вернул жрецам Мардука подобающее, по их мнению, место. Более того, он сам намеренно взял на себя обычные жреческие функции вавилонского царя и показал себя как смиренный служитель Мардука. В результате жрецы щедро расхвалили его и удержали город от восстания после его ухода.

Кир был единственным завоевателем, понимавшим достоинства мягкости в противоположность террору. Обращаясь с побежденными мягко и с уважением, он покорял их и был способен прочнее утвердиться на менее кровавом троне и править большей территорией, чем любой завоеватель прежних времен. Новый завоеватель стяжал себе бессмертную славу другим простым проявлением доброты. Он разрешил ссыльным в Вавилоне вернуться на родину. Сюда были включены евреи, большие группы которых сразу же вернулись в Иерусалим. Второисайя восхваляет Кира до небес за этот акт, и библейское восхищение благородным завоевателем поддерживало высокую оценку Кира вплоть до нашего времени в глазах сотен миллионов людей, которые иначе никогда и не слышали бы о нем.

А «Пир Валтасара» стал одним из сквозных сюжетов европейской литературы и искусства. Приведем только один, очень известный пример – куплет из революционной песни:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая...

Сейчас многие забыли, какого «деспота» имели в виду те, кто пел эту песню. Можно, конечно, поставить на его место какую-нибудь современную фигуру и злорадствовать злободневности своих мыслей. Но, наверное, библейский образ правильнее будет осмыслить через традицию Библии. И тогда «грозные буквы» возвестят не победу человека над человеком, а утверждение добра и только добра, поскольку речь идет о восстановлении божественного совершенства мира, зло же абсолютно не присуще Богу. А «деспот» – быть может, он порой пирует в нас самих?

В поисках вечной жизни

Были времена, когда люди не знали, что смерть – неотвратимый конец жизни. Они погибали от когтей хищников и от рук врага, от голода или стихийных бедствий. Как правило, первобытный человек не доживал и до тридцати лет. Когда же наши помудревшие предки убедились наконец, что смерть – не прихоть злых духов и не грустная случайность, они задались целью избежать ее. Так появились магические обряды и амулеты, колдовские заклинания, словом, началась первая «научно-практическая программа» в истории человечества – проект «Бессмертие». Как ни странно, эта программа стала и самой длительной, поскольку продолжается со времен неолита до эпохи геномной инженерии...

Даже те, кто уже признал неминуемость смерти, не сразу согласились, что она – повсеместна. Люди верили, что есть далекие края, волшебные царства, где нет «костлявой» или же известны надежные способы защиты от нее. Так, Гильгамеш, герой великого эпоса Междуречья «О все видавшем», совершает опасное путешествие в поисках цветка вечной жизни. «На две трети бог, на одну треть – человек», – говорится о Гильгамеше в воспевающем его подвиги

древнем героическом эпосе. Гильгамеш был больше чем полубог, но все еще в достаточной мере человек, чтобы умереть.

Животные, даже самые смысленные, не знают, что их ждет смерть. Им не знакомы понятия «прошлое» и «будущее»; они не раздумывают о будущем, не ломают себе над ним головы. Часто предчувствуют они грозящую опасность, жалобно повизгивают, проявляют беспокойство, но и тогда не разделяется для них сегодня и завтра, жизнь и смерть, земной и потусторонний мир. Человек – единственное существо на земле, которое может – и вынуждено – размышлять о подобных вещах. Об этом уже 4600 лет назад размышлял и Гильгамеш, царь Урука, города-государства в Шумере.

В моем городе люди умирают, сердце печально!

Люди умирают, на сердце тяжело!

Я взглянул со стены, увидел трупы, плывущие по реке.

А я? И меня ждет та же судьба?

Да. И меня ждет та же судьба.

От пенящихся вод Буранунны – так называли в древности Евфрат – отправился он со своими воинами в глубину гор, поросших кедрами, чтобы снискать себе непреходящую славу. Затем, после смерти своего друга Энкиду, раненного в битвах, отправился Гильгамеш один-одинешенек, чтобы бродить по пустыням, всходить на горы, пробираться сквозь пропасти, сойти во тьму чрева земли, вновь выйти под пламенеющее небо, перебраться через море смерти и наконец из уст своего предка Утнапишти, ставшего богом, услышать то, что он и так уже знал: «Ярая смерть не щадит человека. Разве навеки мы строим дома? Разве навеки мы ставим печати? Разве навеки делятся братья? Разве навеки ненависть в людях? Разве навеки река несет полые воды?»

Все это расскажет Утнапишти, расскажет и пережитую им в прошлом историю потопа, когда люди, словно сбившиеся в кучу дохлые рыбешки, плавали в море, но затем он все-таки даст Гильгамешу надежду. Если выдержит герой испытание – не будет спать шесть дней и шесть ночей, то вместо преходящей жизни будет дарована ему вечная.

Гильгамеш смертельно устал. Он был так измучен, разбит дорогой, что напрасно пытался бодрствовать. Сидя, склонился он, упал на землю как мешок и спал без просыпа целых семь дней. Но жена Утнапишти, пожалевшая горестного странника, дает ему еще один спасительный совет:

Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок – как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы,
Твою руку уколут.
...На самое дно моря спустишься ты
и ищи, пока не отыщешь
траву, что похожа на стрелы
наконечника, на колючку терновника,
на шип на стебле розы...
Эту траву срывай смело;
и не бойся – хоть она тебя уколлет! —
ты ее сорвать, взять в рот
и проглотить ее, зубами размельчивши!
Если ты проглотишь траву жизни,
молод будешь и тебя не коснется
старости власть, что все перемелет!
Если этот цветок твоя рука достанет,
Будешь всегда ты молод.

Гильгамеш привязывает к щиколоткам ног тяжелые камни и прыгает в воду. Камни утягивают его на дно моря, там «в слабом свете, проникающем сквозь толщу воды, ощупью, ползком и на четвереньках» ищет он траву жизни и когда находит ее, то, «не обращая внимания на кровь, шипы, быстро срывает». Затем берет нож и срезает с ног каменный груз, чтобы снова всплыть на поверхность.

Трава у него. Он мог бы тут же съесть ее, но он прячет ее под одеждой, потому что хочет отнести домой: «чтобы досталось и мужчинам, и женщинам, и малым детям; пусть старость больше не терзает народ огражденного Урука...»

Но Гильгамешу не удается уйти далеко. Бредя по дороге к дому, он решает искупаться в оказавшемся на пути зеркально чистом водоеме; но пока он плещется, фыркает в воде, к одеждам его подползает змея, она чувствует запах травы и утаскивает ее.

Выйдя из воды, Гильгамеш сразу же хватается травы – и не находит ее. Он бледнеет, заливаясь слезами, раздражается сквозь стоны проклятиями. «Для кого же кровью истекало сердце? – спрашивает он. – Себе самому не принес я блага, не принес я блага и людям Урука!»

Так возвращается Гильгамеш на родину, измученный, терзаемый горем, с пустыми руками. Обо всем этом сообщает нам, выражающей сожаление толпе поздних потомков, клинописный эпос, начерченный в свое время на глиняных табличках, найденных спустя тысячелетия в песках пустыни.

Конечно, можно сказать: а что нам за дело до Гильгамеша? До этой старой сказки? Да, можно сказать, если бы мы сами примирились со смертью. Но мы и сегодня, вместе с давно увядшим Гильгамешем спрашиваем: «А я? И меня ожидает та же участь?» – И каждый вынужден дать себе тот же ответ: «Да, такова и моя участь».

Древнегреческие боги были бессмертны, поскольку вкушали волшебную пищу – амброзию. В индийской мифологии пища богов называется весьма похоже – амрита... Скандинавская «Эдда» повествует о молодильных яблоках. А если верить Библии, «дерево жизни» росло и в райском саду.

Особенно распространенным был миф об источниках живой воды. Как знать, не легли ли в его основу реальные сведения о целебных минеральных водах? Арабскому ученому ибн Баттуте путешественники рассказывали, что ручей воды бессмертия течет в Китае, впадая в море где-то под Кантоном. Сами китайцы «размещали» такой ручей в Индии. По некоторым сведениям, с ними был согласен Александр Македонский; говорили даже, что именно для поисков чудо-воды царь и затеял свой индийский поход.

В пору античности и средневековья наиболее передовые мыслители Востока и Запада, перестав верить мифам об источниках вечной жизни, якобы бьющих в далеких странах, сами взялись за поиски средства, намного или даже бесконечно продлевающих жизнь.

Блаженный Августин, известный богослов IV столетия, писал, что человека делает смертным... деторождение.

Историк Александр Горбовский приводит древнеримскую эпитафию, говорящую о несколько игривом и приятном способе продлить свои дни. «Эскулапу (бог медицины у римлян) и здоровью от Л. Клавдия Геримпа, который прожил 115 лет и 5 дней с помощью дыхания юных женщин, на удивление лекарям. Старайтесь жить, как он». Упомянутый способ омоложения применял знаменитый царь Соломон. Старея, он приказывал класть к себе в постель молодых девушек. Есть старинный рисунок, изображающий Соломона на ложе с двумя девицами по бокам. Интересно, что к подобной методике с уважением относился великий украинский физиолог Александр Богомолец. По его мнению, близость женского тела возбуждает даже старческие половые железы, а это дает определенный подбадривающий, омолаживающий эффект.

Однако не все рекомендации были такими невинными. Во многих странах в разные эпохи медики-авантюристы и богатые невежды связывали тайну долголетия со свойствами «магической жидкости» – крови. Во имя собственного омоложения они творили ужасные дела. Пожилые римляне пили прямо с пола арены кровь только что убитых гладиаторов или, добыв ее из вен молодых рабынь, смешивали с молоком и тоже пили. Может быть, тогда и начала складываться легенда о вампирах?..

Впрочем, как правило, приемы борьбы со старостью и смертью не были такими жестокими. Эликсир жизни искали во многих алхимических лабораториях Европы и арабского Востока. Его пытались изготовить такие прославленные ученые, как Парацельс и Роджер Бэкон. Сохранились весьма примечательные рецепты лекарств от старости. Иногда они предельно просты, но нельзя сказать, чтобы дешевы... Вот, например, один восточный текст: «Кто примет золото внутрь, тот будет жить долго, словно золото». Бывали рецепты не столь разорительные, но, пожалуй, слишком экзотические. Вот один из них: «Надо взять жабу, которая прожила 1000 лет, и летучую мышь, прожившую 10 000 лет, высушить их в тени, растолочь в порошок и принимать». По преданию, даосский философ Чжан Даолин прожил 122 года, принимая какие-то загадочные лекарства.

Вот так называемый «царский список», клинописный текст из Ларсы, где названы такие сроки правления царей древнего Шумера: «В Эреду царем был Алулим, и он правил 28 800 лет... В Бад-Тибире правил Энменлуанна 43 200 лет...» Индийский раджа Тапасвиджи якобы встретился в Гималаях со старцем-аскетом, сообщившим, что живет в горах уже... шестое тысячелетие. Конечно, эти сведения можно назвать сказочными, как и более скромные, но все же невероятные «результаты» библейских патриархов. Как известно, главный долгожитель Ветхого Завета, Мафусаил, прожил 969 лет. Но вот данные, заслуживающие большего доверия. Античные авторы упоминают Эпименида – священнослужителя и поэта с острова Крит, который дожил до 300 лет.

Надо сказать, что и в античную пору, и позднее были трезвые люди, которые понимали, что самый реальный путь к патриаршему возрасту – это определенная диета, гимнастика, вообще здоровый образ жизни. Известный римский философ Луций Анней Сенека в юные годы отличался очень плохим здоровьем: слабые нервы, больной желудок... Безумный император Калигула хотел было казнить «слишком умного» Сенеку, но передумал, считая, что тот и сам скоро умрет. Но Калигулу зарезали, а философ сумел полностью «переделать» себя, укрепить организм. В семидесятилетнем возрасте Сенека был бодрым, точно юноша. Неизвестно, сколько бы еще прожил мудрец, если бы не очередной психопат на троне, император Нерон. Тот приказал ученому (кстати, своему учителю) перерезать себе вены, что Сенека и сделал – спокойно, улыбаясь и до последней минуты ведя философскую беседу с друзьями. А Нерон, его палач, через несколько месяцев погиб позорной смертью, не дожив и до тридцати... Между прочим, Сенека писал: «В нашей власти прожить столько, сколько надо». Вот еще один пример прямой связи между силой воли, высотой духа и возможностью продлить свою жизнь: великий греческий мыслитель-материалист Демокрит прожил 102 года и, умирая в окружении многих учеников, в ясном сознании, заявил: «Я мог бы жить и дольше, если бы к этому стремился...»

Согласно Библии, вопрос о личной смерти или бессмертии был оставлен на усмотрение первого человека, сотворенного Богом. Тем самым сразу дается представление о природе человека: одной из неотъемлемых основ человеческой сущности является свобода воли.

Сама ситуация, в которую был поставлен первый человек, вынуждала его к осознанию и раскрытию этой своей свободы. Среди других растений в Эдеме было два дерева с плодами: древо жизни и древо смерти, названное также «деревом познания добра и зла» (Быт., 2:15–17). О первом дереве Адаму сначала ничего не было сказано: ему просто было разрешено есть плоды с любого дерева в раю, кроме древа смерти. Но Адам вслед за Евой нарушил запрет и стал смертным; однако и после этого он мог вернуть себе бессмертие – изгнание из рая мотивировано именно тем, чтобы он не вкусил с древа жизни и не стал жить вечно (Быт., 3:22–24). Что же, для человека, который приобщился ко злу и не исцелился от него, бессмертие стало представлять огромную опасность, угрожающую лишить его всякой надежды на такое исцеление.

Что же означало бессмертие Адама, которое он потерял, совершив грех? Жизнь есть органическое единство души и материального тела. Эта вторая основа библейского учения о человеке заложена в описании сотворения Адама – Бог создал его из «праха земного», а затем «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт., 2:7). Смерть – это вынужденное разлучение души с телом вследствие разрушения тела. Тело же может быть разрушено двумя принципиально разными способами: органической деградацией, т. е. старением, или насильственным физическим действием (так Каин убил молодого, цветущего Авеля). Адам был первоначально свободен и от той, и от другой опасности: тело его не старело, убить же его никто был не в состоянии – звери, согласно Божьему повелению, подчинились человеку. Убить человека мог другой человек, но такое желание могло возникнуть только у того, кто порвал внутренние сердечные отношения с Богом.

Тело человека в принципе такое же, как у высших животных (а все животные смертны). Существует даже апокрифическое сказание о том, что Адам был сотворен Богом из животного, биологически тождественного ему. Следовательно, неумирание, нестарение тела Адама не было обусловлено его биологическими особенностями: только душа человека обладает способностью удерживать тело от деградации и распада. Но это при условии, что сама душа живет полнокровной жизнью, не искажая своей собственной природы, а это, в свою очередь, возможно только при свободном и целостном единстве

души с Богом. Нарушив свое доверие к Богу, душа потеряла и свое органическое единство с телом, потеряла способность удерживать его от старения, ведущего к смерти.

Бог не обманул Адама, сказав: «В день, в который ты вкусишь от него (т. е. от запретного древа) смертью умрешь». Как только человек прервал линию духовной связи с Богом, в него вошла смерть, т. е. произошел разрыв между душой и телом. Объяснив таким образом первопричину возникновения смерти, Священное Писание тем самым указывает и путь к ее преодолению: смерть будет побеждена тогда, когда человек сможет полностью восстановить свое свободное единство с Богом.

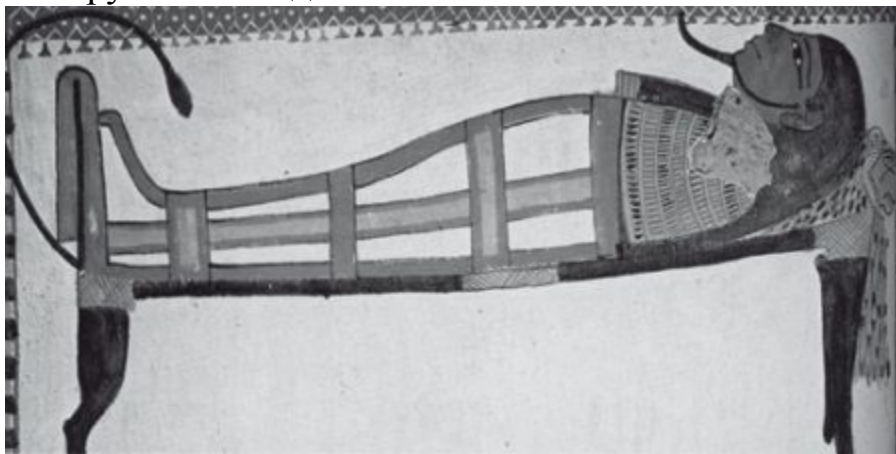
Змий, споря с Евой, убеждал ее: «Нет, не умрете». Согласно новозаветному пониманию, через змия действует, испытывая человека, один из высших духов, сотворенных Богом. Его имя «Сата'н» – переводится с иврита как «сомневающийся». Ангел материального тела не имеет: возгордившись и возомнив себя мерилком всего существующего, он считает человека существом несовершенным – именно потому, что человек имеет тело природного, животного происхождения. С точки зрения такого «чистого духа», разлучение души с телом не есть смерть, но скорее освобождение для подлинной, ангельской жизни. Поэтому он и говорит Еве: «Нет, не умрете, но... будете, как боги, знающие добро и зло».

В библейском описании соблазнения человека змием можно увидеть и второй, параллельный смысл. Змий хотя и действует по наущению высокого духа, однако имеет при этом и «собственное мнение», исходя, конечно, из себя самого как мерилка всего сущего. Сам же он есть животное, и притом очень умное: «Змий был хитрее всех зверей полевых». С его животной точки зрения, конечно, разрушение тела было никак не желательно, высокая же душа человека не должна была его особенно интересовать: сам ведь он такой души не имел! У него был другой расчет, вполне «материалистический»: подсказать Адаму, чтобы он поскорее вкусил от древа жизни и стал снова бессмертен – с «мертвой» душой и вечно цветущим телом. Поэтому змий вполне был согласен со словами, которые произнес вместе с Сатаной: «Нет, не умрете, но... будете, как боги, знающие добро и зло» – однако он вкладывал в эти слова свой собственный смысл. Может быть, змий рассчитывал, что человек и ему даст

приобщиться к телесному бессмертию? Возможно, он давно домогался этого, но получил отказ от Бога. Теперь он придумал «поссорить» человека с Богом и уговорить его поделиться плодами с древа жизни. Но Бог проявил непреклонную строгость – и замысел змия сорвался: вместо вечной жизни он получает суровое наказание: «будешь есть прах во все дни жизни твоей». И дни сочтены, и в пищу – прах вместо вожделенных плодов... Отказался ли змий окончательно от своего замысла? Не возрождается ли он снова в попытках добиться физического бессмертия без исцеления души, разыскивая вожделенный «эликсир жизни» средневековых алхимиков?

Секреты египетских мумий

С незапамятных времен летали над землей и водами Египта соколы и орлы, ибисы, журавли, чибисы, цапли, дикие гуси, утки и разные другие птицы. Прилегающие к Нилу болота давали убежище множеству птиц и рыб, бегемотам, водным буйволам, кабанам, крокодилам, в окрестных травянисто-скалисто-песчаных степях водились львы, барсы, олени, антилопы, барсуки, гиены, шакалы, и среди них тысячелетиями влачили жалкое существование жившие небольшими группами люди.

А когда здешнее людское население численно увеличилось и окрепло, когда оно уже пасло стада, сеяло хлеб, строило села и города, люди, как воспоминание о древнейших временах, сохранили культ диких и домашних животных. Почитаемые ими сверхъестественные

силы богов люди часто изображали в виде животных, сказочным образом, но с глубокой верой. Со временем они стали обожествлять и своих властителей-фараонов. Фараон называл себя Гором, что значило бог-сокол.

Слово «Гор» на самом деле значит не сокол, а «высоколетающий», «находящийся в вышине». Но как соколы оказались достойными этого имени, так оказался достойным его и божественный фараон всех времен, Первородный Золотой Гор, Вечно Живущий.

«Живи вечно!» – желали ему подданные, представавшие перед ним. Иногда они расцвечивали свои пожелания: «Пусть все боги дадут тебе жизнь, счастье твоему дому, пусть осыплют тебя дарами, пусть дадут тебе безграничную вечную жизнь, вечность, которой нет конца!»

Но каким бы небесным существом ни мыслил себя фараон и сколько бы ни звучали в его ушах слова подданных, повторяющих его официальный титул – «Великий Бог», – фараон все-таки чувствовал, что жизнь его не будет безграничной, вечность его не настоящая, не бесконечная. Ведь, как следует из египетских мифов, убить можно было и бога. Осириса, бога-царя древности, убил его собственный брат Сет.

В те времена, когда это случилось, – думали жившие позднее люди, – земных царей не было, страной правили сами боги. Усири (по-гречески – Осирис) был богом-царем, который научил людей земледелию, виноградарству, научил их вести оседлый образ жизни, почитать богов, научил их пению, танцам, музыке и отучил пожирать друг друга. Брат же его, Сет, любил насилие и разрушение, поэтому он желал гибели доброму Осирису, старавшемуся улучшить мир. Он вовлек в заговор против Осириса, по одним источникам, сорок два, по другим – семьдесят два человека и пригласил их, а также Осириса на пиршество, во время которого он показал гостям красивый сундук из дерева сикоморы, обитый серебром и выложенный драгоценными камнями, и обещал подарить его тому, кому он подойдет по размеру.

Осирис не знал, что этот разукрашенный сундук – приготовленная для него ловушка, его собственный слуга тайком снял с него мерку и передал Сету за вознаграждение. Ничего не подозревая, улегся Осирис в приготовленный ему роскошный гроб и даже радовался, что поместился в нем, как вдруг заговорщики захлопнули крышку. Не только захлопнули, но еще и заколотили гвоздями и даже запаяли

свинцом и бросили сундук в море, там, где в него впадает один из рукавов Нила.

Жена Осириса, Есит (по-гречески – Исида), услышав о страшном происшествии, отправилась искать сундук. Море тем временем вынесло сундук на берег Финикии, далеко от Египта, и выросло над ним дерево. Исида, хоть и не скоро, но все-таки отыскала сундук-гроб, открыла его и, рыдая, упала на труп Осириса. Обнимала, целовала его, пока не зачала от него ребенка, божественного Гора, который вновь и вновь воплощался в каждом фараоне. Осирис же, спустившись в подземный мир, стал его царем.

Но Сет не хотел уступить наследства Осириса даже рожденному богиней Исидой первому Гору. Перед сонмом девяти богов спорил он с Гором, а когда боги решили спор в пользу последнего, Сет требовал нового приговора или вызывал своего противника на различные испытания: кто из них в облике бегемота сможет пробыть под водой три месяца, кто из них сможет построить корабль из камня... Однажды он даже вырвал у Гора глаза и закопал в землю, где из них выросли цветы лотоса. Но богиня Хатор накапала в глазницы слепого юноши молока дикой газели и вернула ему зрение. Наконец, даже бог солнца Ра, покровительствовавший Сету, склонился на сторону Гора и разрешил передать ему царство. А Сета он взял с собой в ладью, на которой он каждый день проплывает по небесным водам с востока на запад и каждую ночь – в подвластном Осирису подземном мире – с запада на восток...

Для нас, сегодняшних читателей, все это – просто сказка. Но египтяне в нее верили. Верили в нее и фараоны, сменяющие один другого величественные Золотые Горы. Поэтому боялись они Сета, который стоял на носу ладьи бога Солнца для того, чтобы вовремя поразить злого змея, нападающего на ладью и выпивающего перед ней воду. А что будет, если Сет поразит и их? Боялись они и того, что, когда кончится их правление на земле, они не получат столь желанного бессмертия, а душа их и тело превратятся в ничто, в прах, хотя фараоны так хотели бы жить вечно.

Были у фараонов большие и малые повседневные заботы – у какого властителя их нет? Но самой главной их заботой была одна: как обеспечить себе вечную жизнь?

Ради этого воздвигались роскошные царские гробницы. Не для того чтобы поразить человечество, не для славы зодчих, пережившей тысячелетия, а ради надежного и прочного достижения загробной жизни. Сегодняшним разумом понять это опять-таки трудно. Что общего между тысячами, сотнями тысяч, миллионами камней, нагроможденных в пирамиду или любую другую форму, и бессмертием души?

Египтяне считали, что душа может жить только до тех пор, пока ей есть куда вернуться, пока у нее есть дом. Сыновей других стран опыт учил тому, что зарытые в землю трупы раньше или позже истлевают. Народ же Египта всегда, с самого начала хоронил своих умерших не в насыщенной влагой почве долины Нила, а на краю соседних с долиной пустынь, где в течение долгого времени завернутые в циновки тела умерших оставались в почти неизменном состоянии: песок высушивал их, тем самым предохраняя от дальнейшего тления. По-видимому, так родилось верование, что загробная жизнь души возможна лишь при сохранности тела. Невидимый двойник видимого человека возвращается в тело и после смерти, и гибнет лишь тогда, когда ему больше некуда вернуться.

Тела знати, возвысившейся над простым народом, а тем более тела могущественных Гор, властвующих над всей страной, уже не просто закапывали в песок. Для них строили все более прочные гробницы, сперва из высушенного на солнце кирпича-сырца и тщательно оструганных деревянных балок (как строились тогда жилые дома богачей). Позднее из песчаника, известняка, базальта, гранита, чтобы Ка – отделившийся от тела, но и далее стремящийся с ним соединиться двойник – мог жить в более просторном, более удобном помещении. Строили их и потому, что если заключенное в гробнице тело все-таки истлеет, то воплощением усопшего владыки останется его статуя, также укрытая в гробнице, а если погибнет и она, то в гробнице все еще останется вырезанное на камне в потайном месте имя усопшего. Оно будет служить последним прибежищем душе, позволит ей существовать даже в случае гибели и тела, и статуи. Зачастую делали не одну статую, а множество. Более того, вырезали из камня подобие головы погребенного и замуровывали ее в хорошо скрытую подземную нишу, где, как египтяне надеялись, ее может найти только ищущий свою земную оболочку Ка...

Заботились египтяне и о первоначальной земной оболочке, мертвом теле. Хотя, пожалуй, начали это делать только тогда по-настоящему, когда увидели, как быстро оно разлагается, если его хоронят не в сухом песке, а в выложенной камнем могильной яме.

Египтяне все перепробовали в надежде защитить тела от разложения. Так, они постепенно узнали, что недостаточно вынуть из тела внутренности и налить вместо них смолу, а на месте сердца поместить вырезанного из камня священного жука-скарабея, недостаточно вымачивать тело в содовом растворе, а потом его бальзамировать, т. е. пропитывать смесью эфирных масел и смолы, надо его еще не просто обмотать воздухонепроницаемыми – для этого их пропитывали смолой и мастикой – полотняными полосками, бинтами, но и закатать тело с головы до ног в эти бинты, чтобы не было видно и лица, которое замещала резная раскрашенная маска... Так египтяне спасали тело от истлевания, превращая его в неразлагающуюся мумию.

Больше же всего египтяне надеялись на каменные сооружения, хранящие и укрывающие и мумию, и статуи, и высеченное на камне имя царя. Если гробница достаточно прочна, чтобы противостоять векам и тысячелетиям, так же долго будет существовать и нашедшая себе в ней пристанище душа.

Казалось бы, наивные представления! Но египтяне были уверены, что им открыты тайны загробного мира. Сокровенное знание было изложено в «Книге мертвых», «Книге дыхания». В виде изображений на стенах гробниц стало доступно и ученым.

Самая популярная в египетских изображениях композиция запечатлела мистический переход человека от земной жизни в загробный мир. Почивший стоит на ритуальной ладье (барке), украшенной лотосами, перед входом в храм Озириса, где его тело в образе мумии будет продолжать жить другою жизнью – жизнью «двойника». На стене храма на фоне текущей в вечность священной реки можно различить четыре канопа (сосуда для хранения внутренностей из забальзамированного тела) в форме человека, шакала, павиана и сокола. Здесь же – бог Тот в образе павиана, держащего весы и свершающего суд над душой почившего, а также гений смерти в виде черного человеческого скелета. Бальзаматор Анубис из свиты Озириса, обняв усопшего, поддерживает его для

мистического таинства «одухотворения» на особом помосте; три маленьких гения смерти при помощи багров отталкивают ладью от берега смертных, четвертый гений стоит на носу и исполняет функции кормчего; самого Озириса не видно – он восседает в это время на троне внутри храма, ожидая прибытия на суд ответчика, которого должен подвести к трону Гор.

Усопший на священной ладье преобразается, приобретает форму своего двойника (в виде мумии); четырехугольный нимб сменяется круглым, указывающим на переход в лучистый мир света; в руках у почившего оказываются атрибуты власти – бич и крюк (жезл). По правую сторону круглого нимба изображен крылатый лев с солнечным диском, хранитель гробниц; по левую сторону – тот же бог Тот, но уже в образе человека, а не павиана. Проходя положенные ей «мытарства» в подземном царстве, душа умершего могла избежать всевозможных чудищ при помощи заклинаний и молитв. Этому посвящена специальная, 125-я, глава «Книги мертвых», с перечнем грехов, в несовершении которых должен был оправдаться подсудимый. В оправдательных речах умершего приведен исповедальный перечень этих грехов и названы по именам все 42 божества (члены суда), ведающие тем или иным грехом, а также места их особого почитания в Египте:

«О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла! О Хепет-седжет, являющийся в Хераха, я не крал! О Денджи, являющийся в Гермополе, я не завидовал! О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил! О Нехехау, являющийся в Ра-Сетау, я не убивал! О Рути, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!» и т. д. Далее отрицаются следующие грехи: лицемерие, святотатство, ложь, ворчание, клятвопреступление, насилие, подслушивание, пустословие, ссора из-за имущества, прелюбодеяние, совершение непристойного, угрозы, нарушение правил, гнев, глухота к правой речи, грубость, болтливость, кощунство, клевета и др. В оправдательной речи умершего содержится отрицание следующих «экологических» грехов: «не останавливал воду в пору ее», «я не преграждал путь бегущей воде», «я не портил хлеба», «я не стогнял овец и коз с пастбища их», «я не ловил в силки птиц», «я не ловил рыбу богов в прудах» и т. п.

Во время этой исповеди покровитель умерших Анубис (впоследствии сам Озирис) совершает так называемую психостасию –

взвешивание сердца умершего на особых весах, уравновешиваемых тяжестью истины (статуэткой богини правосудия Маат или ее символом, например пером). Равновесие означало, что исповедник говорит правду и является праведником, следовательно, заслуживает оправдания и спасения.

Спасенный оживал для блаженства на райских полях иару, в противном случае его потопит «Великая пожирательница» Амемит, изображаемая в виде льва с головой крокодила, что означало нисхождение в ад – кернетер. Рай, по верованиям египтян, находится в сфере неподвижных звезд, вход в которую расположен на востоке, где восходит солнце. Вступающие сюда праведные души уподобляются богам и вкушают вечное блаженство в роскошных долинах, орошаемых небесным Нилом. В полной мере блаженство наступит, когда их души соединятся с телами, но когда это произойдет, неясно. Для особо праведных душ (мы бы сказали – святых) возможно восшествие по Млечному Пути в рай более высокого порядка, где они навеки соединяются с божеством.

Правая сторона на полях иару, согласно 5-й главе «Книги мертвых», предназначалась для священных животных: быков; коров, овец, собак, кошек; таким образом, и животные следуют в блаженство после телесного воскресения, к радости любителей «меньших братьев» (многие из нас утешились бы этой мыслью!).

Осужденные же грешники вступают в место мрака, их ожидают страшные муки в огненном бассейне, истязания духами-мучителями и даже вечная смерть, то есть уничтожение и небытие.

Между адом и раем (кер-нетером и иару) пролегал непроходимая бездна, переход туда или обратно невозможен. У египтян был и аналог чистилища не в пространственной сфере (как у католиков), а во времени, наподобие 40-дневных мытарств души после кончины (это похоже на воззрения православия). Во 2-й части «Книги мертвых» повествуется об особой судьбе умерших, которые неотягощены смертными грехами, но и нестяжали праведности, то есть не попали ни в ад, ни в рай. Их участь определяется по таблице переселений душ, находящейся в руках бога луны Тота, это своего рода «кармическое зеркало». Согласно законам кармы (такого термина у египтян не было, но содержание учения ему вполне соответствует), души таких грешников проходят путь покаяния в долгих странствиях

(по Геродоту, в течение 3000 лет) и могут воплощаться не только в человеческом, но и в животном теле, и даже в растении. Пройдя через чистилище, очищенные души делаются способными войти в рай.

Согласно верованиям египтян, у человека имелось несколько душ, из коих в своей земной жизни он сознает две или три – Ах, Ка и Ба. Это довольно сложные понятия, не имеющие точных эквивалентов в нашей системе представлений. Ах воплощало имя человека, уготованное ему прежде рождения. Ка являлось как бы духовным двойником человека, его «гением-хранителем», «бодрствующим духом», который встречает умершего и передает информацию о его индивидуальности, помогает вспомнить свое «я». «Отправиться к своему Ка» означало умереть. Благодаря процессу так называемого «одухотворения», совершаемому с помощью Ка, усопший приобретает способность к бытию после смерти и выполнению необходимых в загробном мире жизненных функций. В культе мертвых почитанию Ка отводилось главное место: гробницу называли домом Ка, жреца – служителем Ка. Душой в нашем обычном понимании, которая оставляет человека после смерти и воспаряет в небеса, являлась для египтян Ба.

Посвященные в тайные знания египтяне говорили о семеричной структуре человека: физическое тело – жизненная сила – астральное тело – животная душа – разумная душа – духовная душа – божественный дух. Обе последние сущности присутствуют в человеке в состоянии бессознательного зародыша и развиваются лишь по окончании земной жизни, когда он уподобляется Озирису.

Египетская «Книга мертвых» не уникальна в истории человечества. Между ней и гораздо более поздней одноименной тибетской книгой VIII в. н. э. «Бардо Тодол», (точное ее наименование – «Освобождение путем слышания на посмертной плоскости») есть явное сходство. Сцены Суда в «Бардо Тодол» и египетской «Книге мертвых» так удивительно схожи, что невольно возникает мысль об их общем, неизвестном ныне истоке.

Кто внушил древним египтянам идею физического воскрешения? Откуда взялась у них убежденность, что тело должно быть сохранено, что по прошествии тысячелетий оно проснется для новой жизни?

Существует гипотеза божественных астронавтов – носителей высшего разума, которые обещали вернуться со звезд, чтобы разбудить

сохранившиеся тела. Можно предположить, что пирамиды, эти поистине циклопические сооружения, были построены по замыслу представителей внеземных цивилизаций.

Есть и другая теория об источнике духовной науки египтян. Согласно оккультным преданиям об Атлантиде, около 400 тысяч лет тому назад именно Египет принял от Атлантиды Великую Белую Ложу Посвященных. Предания об этом были систематизированы глубоким знатоком египетской культуры Валерием Брюсовым. Именно Белая Ложа Посвященных, в течение 200 тысяч лет беспрепятственно продолжавшая свою работу, обеспечила, по мнению Брюсова, приток в Египет переселенцев из Атлантиды и основала древнеегипетское царство, которым стала править так называемая Божественная Династия. В течение 10 тысяч лет перед так называемым первым потопом в Египте строились знаменитые пирамиды с просторными залами для обряда инициации (посвящения), благодаря которому избранные ученики приобщались к сокровенным знаниям. Таинства таких посвящений совершались, например, в знаменитой пирамиде Хеопса, почему ее погребальная камера и оказалась пуста. Конечно, никаких приемлемых для современной науки доказательств сторонники этих теорий предоставить не могут.

А в пирамидах на самом деле по сей день живут Золотые Горы, эти спустившиеся на землю Древнего Египта боги-соколы. Только живут не совсем так, как они это представляли. Не бродят их души по давным-давно найденным разграбленным пирамидам, по тайным коридорам, кладовым. Но слава, имена их сохранились до наших дней, и безмолвные каменные строения красноречиво рассказывают и сегодня о том живом человеческом труде и знании, что было накоплено более четырех тысячелетий назад. А суть египетской религии осталась прежней, и заключалась она в глубокой вере в то, что после смерти человека ждет божественный суд и загробная участь его души зависит от его поступков при жизни. По точному определению о. Александра Меня, «это было величайшим религиозным откровением, которое обрел египетский народ. В этом он опередил всех: и вавилонян, и греков, и евреев».

Пирамиды без мистики

Фараоны не строили пирамид. Они только приказывали их строить. Подлинными их строителями были люди, которых отправили на многолетнюю тяжелую работу начальники. О том, как воздвигались пирамиды, рассказал Геродот.

Самую большую пирамиду, пирамиду фараона Хуфу (по-гречески – Хеопса), возвели около 2600 г. до н. э. По позднейшим подсчетам, на ее постройку пошло около 2 миллионов 300 тысяч каменных блоков и плит. Каменные блоки вырубали недалеко от места строительства, в гранитных скалах, вздымающихся на высоком берегу Нила, а использовавшиеся для облицовки пирамиды плиты песчаника перевозили на судах из каменоломен на противоположном берегу. Гранит, обладающий большой прочностью и применявшийся во внутренних коридорах, камерах и для подкладки под внешнюю облицовку, также привозился на судах, но с гораздо большего

расстояния, из окрестностей теперешнего Асуана, отстоящего от пирамиды примерно на тысячу километров.

Всего надо было передвинуть около 60 миллионов центнеров камней. Но самой тяжелой работой был не перенос или перевозка каменных блоков, а их вырубка и шлифовка до точных размеров. Ведь тогда еще не знали острых и прочных стальных орудий труда. Люди тогда не знали даже бронзы и изготовляли свои орудия из чистой меди, поэтому они быстро приходили в негодность. А лезвия ножей, сверла и топорища, серпы и зубья пил делали даже не из меди, а из кремня.

Сколько медных инструментов получили строители пирамид с царских складов, нам неизвестно. Но так как в то время медь, добывавшаяся на рудниках в пустынях Синайского полуострова, была предметом дорогим, то вряд ли инструменты из нее раздавали направо и налево. Большую часть каменных блоков, очевидно, вырубали при помощи деревянных клиньев, размещенных на расстоянии пяди друг от друга. Клинья вбивали в отверстия в скале, сделанные кремневыми сверлами. Вероятно, клинья поливали водой, чтобы, разбухнув, они расщепляли скалу в нужном направлении. Так египтяне получали миллионы каменных блоков прямоугольной формы, которые они потом обтесывали и шлифовали, чтобы все их стороны были одинаково гладкими и в точности соответствовали размерам, данным надсмотрщиками.

Переведя все это на язык сегодняшних мер, можно сказать, что средний объем такого блока был один кубометр, вес – около 25 центнеров. Но попадались среди них, как исключение, блоки весом в 500 центнеров. Голыми руками поднять и перетащить даже самый небольшой из этих блоков невозможно: для этого потребовалось бы столько людей, что они не поместились бы около него. Нужны были средства для подъема и переноса блоков: рычаги и катки, козлы и сани, крепкие канаты и, конечно, множество людей, которые, напрягая все силы, тянули канат, все тянули и тянули под звук ритмичной команды: «Эй-ух! Эй-ух!» По-древнеегипетски этот побуждающий к работе выкрик звучал, конечно, по-другому, но в том, что раздавался он часто, нет сомнения.

Ну а другой побудитель? Бич?

Насколько нам известно, бич свистел не часто. Каменотесы, перевозчики, строители были не загнанными насмерть, тысячами

гибнущими рабами, а работниками, жившими в сносных условиях, работниками, которым за выполненную работу выплачивалось казенное содержание. Несколько тысяч таких постоянных работников трудилось круглый год, а во время обычного разлива Нила, когда нельзя было выйти на поля, на строительство из ближних и дальних деревень приходили огромные вспомогательные отряды крестьян, находившихся на своем довольствии.

Всего этого мы, конечно, точно не знаем, мы об этом лишь догадываемся, так как записи тех времен еще очень скудны. Но дошедшие до нас документы более позднего времени говорят о хорошо организованных и хорошо снабжавшихся армиях работников, которые трудились сообща безо всякого грубого принуждения. Вот обращение фараона Рамессу III (по-гречески – Рамсеса) к своим «ловким, умелым, как на подбор», каменотесам:

«Для вас наполню я склады всем, что потребно: пищей, мясом, сладким тестом, сандалиями, одеждой, чтобы защищать ваши тела, множеством мазей, чтобы вы умащали свои головы каждые десять дней, дам я вам одежду на целый год, чтобы ноги ваши твердо стояли на земле каждый день и чтобы никто из вас не вздыхал во сне из-за нужды. Я назначил много людей следить за тем, чтобы вы ни в чем не нуждались: рыбаков, чтобы доставляли рыбу, садовников, чтобы выращивали растения. На гончарных кругах изготовлена для вас посуда, сделаны кувшины, чтобы охлаждать для вас воду в летнее время. Для вас движутся гребные суда из Верхнего Египта в Нижний, из Нижнего Египта в Верхний с ячменем, зерном, пшеницей, солью, бобами в неограниченном количестве. И делают они это для того, чтобы с послушным сердцем работали бы вы для меня».

Работники были поделены на группы по пять человек, во главе такой пятерки стоял ответственный, который работал вместе со своими людьми. Более крупными единицами, состоявшими из многих пятерок, руководили освобожденные надсмотрщики, а ими – начальники все более и более высокого звания.

Организация эта по форме напоминала саму строящуюся пирамиду. На вершине стоял лишь один человек – главный руководитель работ, который отвечал перед верховным сановником фараона за все строительство, за то, чтобы оно шло так, как было предписано. Потому что весь ход работ был расписан заранее: и то,

сколько камня нужно для всей пирамиды, и то, сколько людей, сколько инструментов, сколько дерева и канатов для козел и саней, для строительных лесов; сколько судов для речных перевозок; сколько хлеба, мяса и другого продовольствия для работников; сколько льняного полотна для одежды и так далее. А также и то, на сколько лет рассчитана работа и сколько надо сделать в год, чтобы пирамида была готова в срок.

Пирамида Хуфу строилась около двадцати лет. Каждая ее сторона имела ширину в 232,5 м (сейчас – 230), высоту в 146 м (сейчас 137). Она построена чуть ли не целиком, за исключением нескольких камер и коридоров, из плотного камня. Грани пирамиды обращены к четырем сторонам света. Вход в гробницу находится на северной стороне, на высоте 16 м над землей.

Но наиболее удивительными являются, пожалуй, не размеры пирамиды, а та невероятная точность, с которой было определено ее место, так чтобы грани оказались повернуты к четырем сторонам света, с которой были вытесаны, отшлифованы и подогнаны камни, так что их углы и кромки безупречно совпадали. Нигде ни щели, ни трещины, за исключением тех мест, которые позднее разломали искатели сокровищ или собиратели камней.

Правда, согласно современной альтернативной теории, египтяне вовсе не вырубали блоки в скалах, а сначала дробили известняк, а затем получали специальный строительный раствор, который заливали в деревянную опалубку – получались строительные блоки. Подобный способ, по мнению исследователей, занимал гораздо меньше времени и не требовал большого числа рабочих рук. Новая гипотеза позволяет ответить на вопрос о том, как древним строителям удавалось подгонять каменные блоки настолько точно, что между ними практически нет зазоров. Как предполагают ученые, боковины готовых блоков могли использоваться в качестве формы для отливки между ними нового блока. Такой способ почти исключает образование пространства между строительными элементами.

В непосредственном соседстве с пирамидой Хуфу стоят гробницы двух других фараонов, потомков Хуфу: пирамида Хафра (Хефрена), первоначально имевшая высоту 136,5 м (сейчас она лишь чуть ниже), и пирамида Менкаура (Микерина) высотой всего лишь в 66 м. У подножия их примостилось несколько «карликовых» пирамид и целый

город гробниц: здесь покоились родственники фараона, знатные египтяне, пока покой их не нарушили опустошавшие гробницы грабители, а позже – археологи.

Этот некрополь, «город мертвых», лежал на западе от древней столицы, Мен Нофера – Мемфиса. Древние египтяне называли его только Западный Город, и покоившихся здесь ни за что на свете не называли бы мертвыми, в крайнем случае – утомившимися. Ведь они и сами мечтали со временем попасть сюда, в число живущих и после погребения. Поэтому Западный Город все дальше и дальше простирался по узкой полосе на левом берегу Нила, на рубеже между плодородной землей и пустыней, достигнув в конце концов 60 км в длину.

В этом странном городе имелось немало и живых людей, главным образом жрецов и храмовых слуг, ухаживавших за знатными покойниками. Так как ушедшие из земной жизни, по общему поверью, продолжали жить дальше в загробном мире, их надо было снабжать едой и питьем: фараонов – ежедневно, других – раз в неделю или еще реже. Жрецы Западного Города получали обычно в дар землю – поместье, чтобы до конца земной жизни не было у них других забот, кроме верного служения «утомившимся». Служили «утомившимся» и другие: погребенные вместе с ними рыбаки, охотники, пастухи, земледельцы, хлебопеки, пивовары, повара, писцы, музыканты, танцовщицы...

К счастью, подобные массовые погребения всегда, если не считать самых древнейших времен, были символическими. Вместо реальных слуг усопшего вельможу сопровождали в гробницу символизирующие их маленькие статуэтки или каменные барельефные фигуры. Считалось, что достаточно их изобразить, чтобы в таинственном мраке замурованной погребальной камеры они ожили и продолжали каждый заниматься своим делом. Бывали и такие случаи, когда мастер, вырезавший и раскрашивавший изображения на барельефах в гробнице, увековечивал среди многих других фигур и себя, таким образом даром обеспечивая себе бессмертие.

У нас все это вызывает недоуменную улыбку. Египтяне же не видели в этом ничего смешного, ничего несообразного. И именно твердая вера в продолжение жизни побуждала их к созданию таких художественных творений, которые никак не могут вызвать

снисходительной усмешки. Мы смотрим на них, и даже через столько тысячелетий нас охватывает изумление, а иногда даже благоговение.

Мы точно знаем, какая гробница была предком тех шестидесяти с небольшим дошедших до нас пирамид, более того, догадываемся даже, в чьей голове зародился ее проект. Звали его Имхотепом. Он был сановником фараона Джосера (в 2700 гг. до н. э.), сведущим во многих науках, но прославился больше всего как врач и зодчий. Позднее египтяне чтили его как бога. Много скульптур Имхотепа вырезали и вылепили египтяне, изображая его сидящим на стуле со свитком папируса в руках и в раздумье смотрящим перед собой. От того времени, когда жил Имхотеп, до нас дошел лишь постамент скульптуры с остатками ступней ног, на котором можно прочесть его имя. Этот постамент подтверждает, что Имхотеп был реально жившим человеком.

Но тогда могут быть правдой и те легенды, в которых говорится, что проект усыпальницы Джосера, предшественницы всех пирамид, и целого ряда окружающих ее строений принадлежит Имхотепу. Территорию в 150 000 м² Имхотеп обнес каменной стеной высотой в 10 метров, в которой после окончания работ не было ни одного входа. Имелись в ней четырнадцать ворот, но это все были ложные ворота, тщательно замурованные. Внутри стояли дворцы и святилища, а посередине возвышалась шестиступенчатая, прямоугольная, высотой в 60 м пирамида, точнее, шесть поставленных одна на другую уменьшающихся кверху мастаб. Находящаяся под ними погребальная камера уходила в землю на 28 метров.

Весь комплекс заупокойных сооружений был построен из камня, хотя в долине Нила, как свидетельствуют археологические находки, до тех пор строили лишь из глины, сырцового кирпича, тростника и дерева, камень же использовался редко.

Откуда набрался Имхотеп храбрости взяться за такое предприятие? Как сумел он сконструировать или поручить сконструировать другим никогда ранее не виданные орудия, инструменты, средства передвижения, которые были необходимы для этих монументальных работ? Где он нашел или как воспитал умелых мастеровых, ремесленников и художников: каменотесов, камнерезов, перевозчиков камня, строителей, ваятелей, резчиков барельефов и живописцев?

И как вообще пришло Имхотепу в голову, используя труд тысяч работников, поставить такое огромное строение над погребальной камерой Джосера? Многие объясняют это тем, что гигантские пирамиды-ступени, по верованиям египтян, должны были помочь душе усопшего фараона подняться на небо.

Но почему тогда потомки Джосера строили пирамиды не ступенчатые, а правильной формы? Не знаем. Мы не знаем многого, еще очень многого и, пожалуй, не узнаем никогда.

Пирамиды со всеми относящимися к ней храмами, залами, коридорами фараонов строились еще при жизни фараона. Преемникам, в крайнем случае, доставалось закончить постройку. Но в этих случаях она и выглядела как работа несовершенная, возведенная наспех. Поэтому каждый фараон старался закончить свою усыпальницу в срок. С пирамидой первого царя IV династии, фараона Снофру, случилось непредвиденное. Он хотел, чтобы она достигала 120 м в высоту. Но когда строители дошли только до 40 м, они заметили на строящемся каменном колоссе подозрительные трещины. Они тщательно заделали их, но по совету своих ученых фараон решил сделать пирамиду не столь круто идущей ввысь. Грани были надломлены, и пирамида получилась высотой лишь в 97 м. Но трескаться продолжала и дальше. Потолок и стены скрытой в ней погребальной камеры пришлось подпереть кедровыми балками. Снофру решился ради вечной жизни построить еще одну пирамиду. На этот раз ему повезло: она была готова не только вовремя. Пирамида высотой 99 м была совершенно безупречной и получила название «Снофру сияет». Превзошла ее только гробница следующего фараона Хеопса.

Пирамиды не дают покоя человечеству: вот уж где на каждом шагу тайны и загадки. В пропорциях и размерах усыпальницы Хеопса, поражающих своим совершенством, одни прочли законы мироздания, ставшие известными жрецам Древнего Египта и ими зашифрованные. Другие видели в пирамиде Хеопса то солнечные часы высокой точности, то обсерваторию, третьи – причал для библейского ковчега или посадочную площадку «летающих тарелок».

Но даже если отвлечься от экзотики, то загадок остается много. И одна из главных: сохранилась ли мумия фараона, а если да, то где ее искать?

В середине 80-х годов XX в. два молодых французских архитектора вместе с группой инженеров и техников решили убедиться, действительно ли внутри пирамиды Хеопса остались неизвестные помещения. Их бурильные установки проникли в какое-то помещение, но оно оказалось забито песком. За французами последовала экспедиция японских ученых, пользовавшихся сверхчувствительной аппаратурой. Данные электромагнитных исследований, заложенные в компьютер, должны были уточнить внутреннюю структуру пирамиды. Приборы обнаружили неизвестные пустоты и множество подземных камер вокруг пирамиды. Куда они ведут?

Почти пять тысяч лет назад главный строитель Хемиун создал для фараона усыпальницу, где его тело, подготовленное для вечной жизни, спокойно дожидалось бы возвращения царственной души. Хемиун сделал все, чтобы преградить живым доступ в погребальную камеру фараона.

Современные любители мистики не верят Геродоту, который описал тяжелый, просто титанический, но вполне понятный процесс строительства пирамиды. Они говорят о неизвестных нам видах энергии, доступных египтянам, при помощи которых многотонные блоки они перемещали по воздуху. Но все оказалось до обидного просто. Хемиун придумал «обстроить» скалу. Как говорил Филон Александрийский, не предполагая, наверное, насколько он близок к истине: «Горы камня на горах камня».

На поверхности скалы в процессе подготовительных работ прорезали наклонные плоскости для подъема строительного материала. По мере строительства наклонные плоскости, перекрытые сверху плитами, становились лазами. По ним шел вверх поток блоков. Получалось, что внутреннее обустройство пирамиды шло снизу вверх, а наружная обкладка – сверху вниз. И никакой мистики.

В первые десять лет строили и подъездную дорогу, и внутрискальные работы – их проводили открытым способом. Об этом тоже рассказали Геродоту жрецы. Очевидно, именно в первые десять лет в скалах были вырублены те 30 комнат для сокровищ, о которых повествовала в «Тысяче и одной ночи» Шахразада. Но доступ к ним Хемиун преградил надежно и хитроумно. Он сохранил рабочие лазы, отслужившие свое в качестве транспортных путей, водостоков,

воздуховодов. Они стали для грабителей пирамиды дорогой, ведущей... в никуда. Чтобы сбить их с толку, одному из рабочих помещений зодчий придал вид царской комнаты. Даже для достоверности саркофаг сюда поставил! Как показали позднейшие события, расчет его блестяще оправдался.

Возможно, и для строительства пирамид Хефрена и Микерина, и для знаменитого Большого Сфинкса тоже использовали скальное ядро.

Считалось, будто три пирамиды в Гизе строились в разное время, с разрывом чуть ли не в столетие. Однако исследования последнего времени пошатнули эту каноническую версию. Обсчеты и сопоставления площадей оснований, объемов всех трех пирамид позволили говорить о явной архитектурной гармонии всего этого ансамбля. И если Хемиун – автор всех трех проектов, тогда не только Хеопс, но и другие фараоны столь же хитроумно защищены сетью обманных лазов и ходов своих усыпальниц.

Еще одна версия: пирамиды Хеопса и Хефрена возведены над подземными озерами, в середине которых находятся (до сих пор!) острова с усыпальницами фараонов. Об этом писал Геродот: «вода по искусственному руслу образует остров, на котором, как говорят, погребен Хеопс».

Исследователи Геродоту не поверили и даже досадовали по поводу того, что в V в. до н. э. он распространял цветистую выдумку. Кстати, о наличии в пирамиде бассейна говорила и Шахразада. Но не следует забывать и религиозную традицию. Она диктовала необходимость озера-бассейна для загробной жизни фараона, и Хемиун его построил. Современные приборы с их проникающей способностью вполне могут показать искусственное русло, идущее под стволом тупикового колодца в направлении восток – запад. Русло, по которому можно проникнуть туда, куда живым вход запрещен.

А может быть, и не стоит искать мумию Хеопса? Сохранились сведения о том, что многолетнее строительство чрезвычайно надоело египтянам. Вскоре после смерти Хеопса они подняли восстание и выбросили драгоценную мумию, чтобы он уже никогда не возвратился.

Дочь Амона

До сих пор археологам не удалось отыскать каких-либо документов, описывающих обряд погребения царских жен. Но, судя по всему, церемония мало отличалась от обряда погребения фараонов. Тело торжественно препровождали в гробницу и совершали обряд «отверзания уст и очей» – ритуальное «оживление» усопшей. Перед погребением тело царицы бальзамировали и мумифицировали, чтобы оно как можно дольше оставалось нетленным. Ведь душа снова и снова будет воссоединяться со своей телесной оболочкой, и таким образом царица сможет обрести бессмертие.

Древние египтяне всегда хоронили царственных супругов порознь. В период Древнего и Среднего царств для них строили разные пирамиды, причем пирамиды фараонов были, конечно, гораздо внушительнее. С наступлением эпохи Нового царства, когда «в моду» вошли скальные гробницы, местом упокоения фараонов стало пустынное ущелье западнее Фив, так называемая Долина царей. Находящуюся в полутора километрах Долину цариц отвели для жен,

детей и придворных. Фараоны и их супруги при жизни, а значит и после смерти, выполняли разные функции. Как правило, роль царицы в Древнем Египте была весьма скромной, хотя ее почитали как будущую мать сыновей Амона-Ра и земную ипостась богини Мут. Фараон же считался воплощением верховного бога Амона-Ра и должен был заботиться о незыблемости миропорядка и в земном, и в загробном мире. Смерть фараона означала, что вселенский порядок нарушен – восстанавливался он только после подобающего погребения умершего и воцарения нового живого бога.

Однако, невзирая на эту иерархию, в Долине царей найдены и женские захоронения. Археологи обнаружили там несколько погребальных камер, правда, более скромных, чем мужские. На роскошную гробницу в Долине царей женщина могла претендовать лишь в том случае, если она становилась фараоном. И некоторым из них это удалось вопреки традиции. В 1479 г. до н. э. после смерти фараона Тутмоса II его вдова Хатшепсут, благодаря поддержке могущественных фиванских жрецов, стала полновластной правительницей Верхнего и Нижнего Египта

Судя по останкам, Тутмос II умер еще молодым, пораженный какой-то болезнью. От царицы Хатшепсут, дочери Тутмоса I и царицы Яхмос, он имел дочь, царевну Нефрура, и оставил после себя одного наследника, сына от наложницы по имени Исид, будущего Тутмоса III. Поскольку царица потерпела неудачу в наиболее важной своей обязанности – рождении сына, трон был передан «ребенку из гарема». Должным образом названный Тутмосом III, этот ребенок был предназначен для того, чтобы стать одним из великих египетских фараонов-завоевателей. Но ко времени смерти своего отца, он, вероятно, был еще младенцем и считался слишком молодым, чтобы управлять. В таких случаях во времена Нового царства была принята практика, согласно которой овдовевшие царицы правили как регенты, пока их сыновья или, как в данном случае, пасынок-племянник не достигали совершеннолетия; Хатшепсут получила это назначение. Так что обвинять Хатшепсут в узурпации власти (недавно – общепринятая точка зрения) нет оснований.

Если верить заявлению, сделанному впоследствии Тутмосом III, он в бытность царевичем занимал весьма скромное положение в общегосударственном храме Амона. Однако в один прекрасный день,

когда Тутмос II совершал жертвоприношение, а Амона торжественно обносили по храму, идол якобы отыскал царевича и возвел его на царское место. Возможно, все это было, как думают некоторые, сочинено впоследствии в противовес подобному же рассказу о провозглашении Тутмосом I своей дочери Хатшепсут фараоном. Как бы то ни было, после соправительства с отцом или без него престол беспрепятственно перешел к Тутмосу III.

Юному фараону недолго пришлось наслаждаться властью, лишь первые годы после смерти родителя его признавали единовластным государем. Но постепенно честолюбивая вдова покойного фараона Хатшепсут – круглолицая женщина с удлинёнными глазами и орлиным носом – смело забрала в свои руки бразды правления. С Тутмосом III никто не считался, сановники считали возможным докладывать или льстить только царице, забывая о фараоне. Не будучи царем, она в глазах двора была уже правительницей Египта, которой он повиновался и служил.

Через некоторое время Хатшепсут открыто провозгласила себя фараоном под именем Мааткара Хенеметамон (Истина (маат) – двойник (ка) бога Солнца (Ра)) со всеми регалиями и дочерью Амона-Ра (в образе Тутмоса I), тело которой было создано самим богом Хнумом. То, что Хатшепсут смогла стать фараоном, специалисты объясняют довольно высоким статусом женщины в древнеегипетском обществе. Тысячелетним титулам фараона были приданы женские окончания, чтобы согласовать их с полом носительницы, что не мешало прилагать их к ней и в мужском роде.

Тутмосу III по-прежнему позволялось величаться царем, появляться на столичных празднествах, грести на них в священной лодке. Даже подарки делались от имени фараона Хатшепсут и «брата ее» Тутмоса III. Впечатление от необыкновенного зрелища фараона-женщины вряд ли особенно ослаблялось приданием ей на храмовых изображениях черт мужского телосложения и привязанной бороды. Приняв титулатуру фараонов, Хатшепсут стала изображаться в головном уборе хат с уреем и накладной бородкой. Так как фараон в Египте был воплощением Хора, он мог быть только мужчиной. Поэтому Хатшепсут часто надевала на официальных церемониях мужские одежды и искусственную бороду, однако далеко не в обязательном порядке: отдельные статуи царицы продолжают

изображать ее в прежнем виде – в обтягивающей женской одежде, в накидке-немесе и без накладной бороды. С помощью храмовых изображений и надписей Хатшепсут старалась уверить подданных в том, что она – законный фараон, рождена главной царицей Яхмос от самого Амона, принявшего образ ее супруга Тутмоса I, и венчана на царство еще при жизни последнего. Власть царицы была узаконена с помощью легенды о теогамии, или «божественном браке», во время которого сам бог Амон якобы снизошел с небес к земной царице Яхмос для того, чтобы, приняв облик Тутмоса I, зачать «свою дочь» Хатшепсут. Кроме того, в церемониальных надписях утверждалось, что царица была избрана наследником египетского престола еще при жизни своего земного отца. Впоследствии официальная пропаганда постоянно использовала легенду о божественном происхождении Хатшепсут для оправдания ее пребывания на престоле.

Она охотно распространялась о своих душевных отношениях с Амоном и неукоснительном выполнении его указаний. Поводом для подобного умонастроения могла послужить отправка ею по требованию Амона (вернее, его оракула) военного отряда в так называемую страну Пунт, которая находилась, по всей видимости, на северном побережье полуострова Сомали. Хотя связи между Египтом и Пунтом, родиной фимиама и мирры, восходили еще к Старому царству, при ближайших предшественниках Хатшепсут между обеими странами существовал только опосредованный обмен. Предпринятое Хатшепсут мероприятие было военным в не меньшей степени, чем торговым. Оно было осуществлено в 9-м году «царствования» Тутмоса III.

После нелегкого плавания по Красному морю, а может быть, и по Аденскому заливу морские суда фараона-женщины прибыли к месту назначения, и воины ее вступили на берег, радушно встреченные местными властителями. Царский посланец вручил им подарки для местной богини, каковою считалась египетская Хаттор: золото в кольцах, украшения, оружие. В ответ вожди не замедлили доставить «дань» в шатер предводителя египтян, хранителя казны Нехи. Все выглядело как нельзя более мирно. Следуя предписаниям своего двора, царский сановник даже предложил властительным гостям египетские яства и напитки. Тем не менее вид морских египетских судов и египетских воинов произвел на вождей настолько сильное

впечатление, что они поспешили признать над собой власть фараона и некоторые из них даже отправились с египтянами в Фивы на поклон к Хатшепсут.

Доставленный в Египет груз состоял из благовонных смол, мирровых деревьев с корнями, всевозможных «добрых» трав, ценных пород дерева, курений, притираний, золота, слоновой кости, барсовых шкур, обезьян, собак, а также невольников. Привезенные богатства царица посвятила Амону. Она собственноручно золотой меркой отмеривала благовонную мирру его храму. «Лучшая мирра была на всех ее членах, ее благоухание (было) благоуханием бога. Ее запах приобщился красноморскому югу, ее кожа была (как бы) позлащена светлым золотом, сияя, как (то) делают звезды, внутри праздничного (храмового) двора перед лицом всей земли».

Амону Хатшепсут посвятила и свое роскошное поминальное святилище, известное под названием храма Дер эль-Бахри. Подобно двум своим ближайшим предшественникам, Хатшепсут облюбовала для своей гробницы скалы западнее Фив, и ее поминальный храм, расположенный у их подножия, был обособлен от могилы. Он должен был гарантировать бесконечную жизнь Хатшепсут после смерти. К этому храму, драматично расположенному в основании высоких известняковых утесов и считающемуся одним из архитектурных чудес Древнего мира, вел ряд террасных колоннад и внутренних дворов, которые, кажется, поднимаются на саму гору. Несмотря на огромный масштаб комплекса, от него остается впечатление как о синтезе легкости и изящества, что отличает его от подобных храмов предшественников. Огромные изображения Хатшепсут были всюду. Приблизительно 100 колоссальных статуй фараона-женщины в виде сфинксов охраняли путь к святилищу. На террасах было большое количество огромных скульптурных изображений фараона в различных религиозных интерпретациях: коленопреклоненной с жертвами для богов в руках, шагающей в вечность или в облике Осириса.

Светлые стены храма пестрели цветными изображениями и надписями, прославлявшими, в частности, чудесное рождение и воцарение Хатшепсут и морской поход в Южное Красноморье. События похода и сама заморская земля, ее свайные постройки, вождь с дородной супругой, растения, дикие и домашние животные, морские

рыбы, морской рак, каракатица, морская черепаха были очень наглядно и живо воспроизведены художниками царицы. В храме и перед ним были посажены благовонные деревья, привезенные участниками похода, и Хатшепсут торжествовала, что воссоздала на возвышающихся уступах своего святилища горные рощи «земли бога», родины храмовых благовоний. Весь на виду, необыкновенно гармоничный, белый у подножия бурой скалы, над которой простиралось синее небо, с шелестящей зеленью деревьев во дворах этот храм, несомненно, был настоящим чудом.

Долгое время считалось, что Хатшепсут как женщина не могла проводить военных походов, а ее правление было предельно мирным, что якобы вызвало недовольство армии. Однако новейшие исследования доказали, что она лично возглавила один из двух совершенных во время ее правления военных походов в Нубию, а также контролировала Синайский полуостров, Финикийское побережье, Южную Сирию и Палестину. В частности, ведение военных кампаний царицей подтверждает надпись в Тангуре – победная реляция, высеченная на скале в районе Второго порога Нила. Более того, возможно, Хатшепсут командовала египетскими войсками в ряде походов против мятежных сирийских и палестинских городов. Известно, что Хатшепсут допустила своего пасынка Тутмоса III к военной службе, что открыло ему путь как первому великому воителю в истории.

Царица, именовавшая себя «мощной жизненными силами», женщина во главе военной державы, готовой поработить окружающий мир. Кто же поддерживал царицу – и не год и не два, а целых два десятка лет?

Конечно, Хатшепсут была осмотрительна. Она приближала к себе вельмож предыдущих царствований. Возможно, она щедрыми подачками утихомирила и войско, если правильно понимать одно из ее заявлений о том, что воинство, бывшее прежде нищим, со времени ее воцарения стало богатым. Но можно ли было с помощью таких полумер усидеть на египетском престоле, когда рядом находился соперник, деятельный, непреклонный, в расцвете мужества и сил, – тот самый Тутмос III, которому суждено было стать величайшим египетским завоевателем и с блеском осуществить воинственные чаяния своего времени?

Временщиком при ней в течение почти всего ее царствования был Сененмут, сын нечиновных родителей, приближенный ею еще до того, как она стала фараоном: он был главным управляющим хозяйством и самой царицы, и ее дочери Нефрура (он носил 93 придворных титула!). Ему она поручила воспитание царевны. Сененмут был очень одаренным человеком. Это он создал чудо египетской архитектуры – поминальный храм царицы, и он же руководил работами в других столичных храмах – в Карнаке и Луксоре. Огромные островерхие карнакские обелиски были доставлены из каменоломен по реке под его наблюдением. Этому преданному человеку, бывшему также жрецом Амона, Хатшепсут доверила управление хозяйством столичного бога. Сененмут был домоправителем Амона, управляющим его пахотными землями, садовыми угодьями, житницей, быками, начальником его ткачей. Вдобавок ко всему он управлял жрецами Монту в соседнем с Фивами городе Гермонтисе.

Градоначальником столицы и верховным сановником в Верхнем Египте в течение некоторого времени был верховный жрец Амона Хапусенеб, сын третьего жреца-заклинателя в Карнаке. Государственной житницей, государственными работами, государственными ремесленниками ведал сановник Дуаинхех, для которого основной была служба по управлению хозяйством храма Амона. Сокровищницей и всем «домом золота» управлял один из местных князей, по имени Тот, одновременно он заведовал и быками Амона.

Следовательно, все вельможи, особенно близкие к фараонженщине, были тесно связаны с храмом Амона. Именно Хатшепсут развернула во славу Амона строительство, затмившее все сделанное для него прежде. Царица не только поощряла возведение новых храмов, но и восстановление разоренных после нашествия гиксосов.

Итак, продержаться у власти два десятилетия Хатшепсут удалось при поддержке влиятельных кругов общества, и таковыми могла быть знать как храмовая, так и светская, в первую очередь могущественное жречество Амона.

Но звезда Сенемута закатилась еще при жизни его повелительницы. «Глава всей страны», «глава сановников», «глава начальников», «распорядитель распорядительной работы», «руководитель руководителей», «величайший (из) великих во всей

стране», Сененмут под конец зазнался. Как некий полужапон, он решил вырубить себе гробницу под поминальным храмом царицы, гробницу потаенную, наподобие царской. В самом же храме, в священнейших его помещениях, он дерзнул изобразить себя на стенах – правда так, чтобы не было заметно входящему: открытая входная дверь должна была прикрыть изображение. Эти ли «дерзости» или еще более значительные провинности были тому причиной, но Сененмут пал. Его гробница так и осталась незаконченной. В одном из ее помещений ее хозяин был изображен почитающим имя своей госпожи. Имя царицы не тронуто, но имя Сененмута было уничтожено.

Воспитанница Сененмута – царица Нефрура, объявленная «владычицей обеих земель», «госпожой Верхнего и Нижнего Египта» и «супругой» Амона, должна была, по-видимому, занять со временем место Хатшепсут при сводном брате и супруге Тутмосе III. На это указывают не только ее высокие титулы, которые носили царицы, а не царицы, не только присвоенная ей налобная царская змея-урей, но и привязанная борода фараона на ее изображении (изображении младенца!), как у самой Хатшепсут. Однако новому фараону-женщине не суждено было воцариться. Скорее всего, царица скончалась раньше матери.

Хатшепсут умерла около 1468 г. до н. э., дожив до конца 20-го года «царствования» Тутмоса III. Поскольку она еще далеко не достигла преклонного возраста, выдвигались версии как естественной кончины, так и насильственной смерти царицы. Однако проведенный в 2007 г. анализ мумии, идентифицированной как Хатшепсут, показал, что на момент смерти ей было приблизительно 50 лет, и скончалась она исключительно от болезней (рак костей и печени, усиленный диабетом). Став единовластным правителем, Тутмос III постарался уничтожить даже память о ненавистной сопернице, истребляя повсюду ее имена и изображения, заменяя их своими, отцовскими или дедовскими.

Но было ли разрушение Тутмосом III памятников Хатшепсут актом мести и ненависти, как считали ранние египтологи? В последние десятилетия ученые вновь изучили археологические свидетельства и пришли к заключению, что все эти разрушения, начало которых относили ко времени сразу же после смерти Хатшепсут, были начаты около 20 лет спустя, к концу собственного длинного царствования

Тутмоса III. Вряд ли это была личная вражда. По каким-то причинам Тутмос III, должно быть, решил, что следует «переписать» официальные свидетельства царского титула Хатшепсут, что означало уничтожение всех его следов, чтобы все считали, что трон перешел непосредственно от его отца к нему.

Но этим дело не закончилось. Попытки удалить все свидетельства о правлении Хатшепсут имели место и после смерти Тутмоса III. Возможно, возникла угроза правопреемству престола для его сына, будущего Аменхотепа II, который фактически наследовал трон? Может быть, нетрадиционное царствование Хатшепсут было слишком успешным, а опасный прецедент лучше всего уничтожить, чтобы предотвратить возможность другой сильной женщины когда-либо встать в длинную линию мужских правителей.

Существуют две гробницы, которые предназначались Хатшепсут, но ни в одной из них не было найдено мумии царицы. Долгое время считалось, что мумия Хатшепсут либо была уничтожена, либо ее перенесли в другое место захоронения в последние годы правления Рамсесидов, когда разграбление гробниц стало массовым явлением и мумии выдающихся правителей Нового царства перезахоронялись жрецами. Работы над первой гробницей царицы начались еще в ее бытность главной женой Тутмоса II. Ранняя гробница царицы расположена в скалах Вади Сиккат Така эль-Зейд, к югу от храма в Дейр-эль-Бахри. Однако она не могла устроить Хатшепсут, когда та стала фараоном, поэтому работы над ней прекратились, а в скалах Долины царей была вырублена основная гробница Хатшепсут – КУ20. Ее обнаружил в 1903 г. Говард Картер. Первоначальный замысел царицы состоял, видимо, в том, чтобы соединить гробницу с поминальным храмом в Дейр-эль-Бахри грандиозным туннелем, однако в силу непрочности известняковых пород от этой идеи отказались. Тем не менее, рабочие уже успели начать работу над ходом, который был впоследствии превращен в обширную погребальную камеру, куда из гробницы Ю/38 была перенесена и мумия отца царицы Тутмоса I.

Нам не известно, была ли сама царица когда-либо погребена в великолепном кварцитовом саркофаге, который был найден в этой гробнице пустым. Тутмос III вернул мумию деда на ее первоначальное

место погребения, и считается, что он мог перенести и мумию мачехи. Фрагменты деревянного позолоченного саркофага, возможно, принадлежавшего Хатшепсут, были обнаружены в 1979 году среди обрывков пелен и остатков погребального инвентаря в незавершенной гробнице последнего фараона XX династии Рамсеса XI (КУ4).

В марте 2006 г. на лекции в музее «Метрополитен» один из ведущих специалистов в современной египтологии доктор Заки Хавасс заявил, что мумия царицы обнаружена на третьем этаже Египетского музея в Каире, где она находилась уже несколько десятилетий. Эта мумия, одна из двух найденных в небольшой гробнице в Долине царей (КУ60) и вывезенная в Каир в 1906 г., считалась до последнего времени мумией женщины по имени Сат-Ра, кормилицы царицы. Косвенными доказательствами принадлежности мумии женщине-фараону являются обнаруженные в гробнице Сат-Ра трон, настольная игра сенет и ушебти с именем Хатшепсут.

Другой претенденткой на право считаться мумией Хатшепсут стала мумия неизвестной царицы Нового царства, найденная в 1990 г. в гробнице Ю/21.

По распоряжению Захи Хавасса вблизи музея в 2007 г. разместили генетическую лабораторию, в которой ученым из разных стран мира предстояло проверить предположения о том, какая из мумий действительно принадлежит царице Хатшепсут. В результате проведенного каирскими учеными анализа ДНК мумий 26 июня 2007 г. мумия из гробницы Сат-Ра была официально идентифицирована как тело Хатшепсут. Выбирая из изобилия сохранившихся мумий представителей XVIII династии (например, однозначно идентифицирована мумия племянника и пасынка царицы Тутмоса III), ученые остановились на бабушке Хатшепсут Яхмос Нефертари, чей генетический материал и был сравнен с ДНК из мумии ее внучки.

Выводы анализа ДНК подтвердило томографическое сканирование, доказавшее, что зуб, ранее найденный в маленькой деревянной шкатулке с изображением картуша Хатшепсут, как раз и является недостающим зубом из челюсти мумии КУ60. Это открытие было объявлено «важнейшим в Долине царей после находки гробницы Тутанхамон».

«Казни египетские»

В 1419 г. до н. э. на египетский престол вступил фараон Аменхотеп IV. Это был совсем еще молодой человек, чья внешность говорила о его интеллектуальности и чувственности и нисколько не обнаруживала мужественного борца и реформатора. Тем не менее, именно он и в невиданно короткий срок сломал многовековую религиозную традицию, связанную с культом верховного бога Амона, создал новый государственный культ Атона – солнечного диска, покинул прежнюю столицу, Фивы, и построил новую – грандиозный город Ахетатон. Он отказался и от своего прежнего имени Аменхотеп – «Амон доволен», и назвал себя Эхнатом – «Полезный Атону». На эти удивительные реформы ему потребовалось всего шесть лет. На двенадцатом году правления фараон запретил употребление слов «бог» и «боги» (они в сознании людей были связаны с прежними культурами) на том основании, что над миром властно одно лишь Солнце, видимое нами как диск, а Египтом и сопредельными странами правит его именем владыка Эхнатон.

«Полезный Атому» фараон умер на семнадцатом году своего правления. Короткой оказалась и жизнь новой религии: вскоре бог Амон был восстановлен в своих правах. Жители оставили великолепную столицу, построенную Эхнатонем. А спустя четверть века Эхнатон был объявлен еретиком и имена его и его ближайших наследников повсеместно уничтожены.

Чем был вызван религиозный переворот? Как смог осуществить его молодой фараон? И совершенно непонятно, как удалось Эхнатону преодолеть религиозный консерватизм масс, это извечное свойство общественного сознания, сохранившееся в полной мере и в нашем, XXI веке? За двенадцать лет произошел коренной, полный отказ от старого, складывавшегося в течение тысячи лет, в пользу нового культа – случай, как в предыдущей, так и в последующей истории беспрецедентный. Большинство предложенных объяснений исходят из личных качеств правителя, не захотевшего делить власть с жрецами.

Существует и другая точка зрения: превращение Египта в мировую державу требовало «денационализации» египетской религии... Названные обстоятельства существенны, однако никак не объясняют ряда весьма характерных особенностей переворота, совершенного Эхнатона. К тому же указанные выше причины не исчезли после смерти Эхнатона, но все-таки прежняя религия была восстановлена в правах. Что же это за сила, в кратчайший срок революционно переломившая вековые устои? Можно предположить, что такая «революция» могла быть успешной при том лишь условии, что она шла не столько «сверху», сколько «снизу», выражая настрой населения. Это сами массы отшатнулись от старых богов. Очевидно, они пережили какую-то глобальную трагедию, с которой старые боги «не справились»...

О гигантском взрыве вулкана на острове Санторин в Эгейском море, происшедшем около 1450–1400 гг. до н. э. много написано. Этот катаклизм интересует в первую очередь исследователей, занимающихся проблемой Атлантиды и гибелью древней цивилизации на острове Крит. Но мало кто обращает внимания на совпадение времени этого взрыва с периодом, когда был совершен переворот Эхнатона.

В результате взрыва вулканические выбросы на долгое время закрыли непроницаемым ядовитым облаком небо на огромном пространстве восточной части Средиземноморья, включая Египет. Сейчас часто пишут, что это была та самая «тьма египетская», о которой повествует Библия в связи с исходом евреев из Египта. Естественно, что такие экстраординарные события, как вызванные извержением Санторина многодневная «египетская тьма», цунами, массовые отравления вулканическими газами и т. п., могли резко изменить религиозный настрой масс. Однако при попытке обосновать эту идею с помощью письменных египетских источников мы сталкиваемся с парадоксальным фактом: никаких явных упоминаний о санторинской катастрофе в египетских письменных памятниках вообще не обнаружено. Египтяне сознательно умалчивали в дошедших до нас записях о происшедшей трагедии. Может быть, это своего рода «табу» на воспоминания о «божьем гневе»? А может быть, это табу связано именно с деятельностью Эхнатона?

...Когда умер Аменхотеп III, его вдова занялась подготовкой похорон в старых традициях. Первый год правления Аменхотепа IV ознаменовался какими-то неприятными событиями. (О них молодой фараон глухо вспоминал позже, на шестом году своего царствования.) В начале второго года правления он включает в свою титулатуру слова: «Единственный для Ра», то есть «имеющий исключительное значение для Солнца», а двор фараона в Фивах получает необыкновенное название – «Замок ликования на небосклоне». И это очень странно. Дело в том, что в «замках ликования» проводился обычно праздник «хебсед», который, по египетской традиции, отмечается в год 30-летия правления фараона, когда, как считалось, возникает опасность физической слабости фараона и надо позаботиться о его «возрождении». (Этот обычай идет от времен первобытных общин, когда вождя умерщвляли по достижении им определенного возраста; позднее, с развитием цивилизации, вместо вождя убивали раба, а потом этот ритуал стал символическим.) Естественно предположить, что название «Замок ликования на небосклоне» было вызвано успешным преодолением каких-то «неполадок», происшедших с Солнцем. Но на четвертом году правления фараону опять пришлось «услышать что-то очень дурное».

И Аменхотеп IV усиливает пропаганду культа «солнечного диска» – Атона. Объявляется, что он – отец царствующего фараона, и его имя, вместе с именем фараона, пишется в картушах («кольцах»). Перед словом «Атон» ставится знак жизни «анх», означающий «да живет». Появляется и официальное изображение Атона: круг (диск) со змеей («уреем») внизу и множеством лучей, оканчивающихся кистями рук. Никакого человекоподобия, присущего изображениям старых богов! Возникает новое богослужение: не в храмах, как прежде, перед статуями богов, а под открытым небом, обращаясь непосредственно к Солнцу. А в конце пятого года правления Аменхотеп IV празднует свой «хеб-сед» задолго до установленного традицией срока.

В начале шестого года правления произошло нечто худшее по сравнению с «услышанным» царем ранее. С этого момента события развиваются бурно, происходят радикальные преобразования. Весной этого знаменательного года совершается грандиозное жертвоприношение Солнцу. Фараон принимает новое имя – Эхнатон; основывает новую столицу – Ахетатон («Небосклон Атона»). Стоя на

золотой колеснице перед распростертыми ниц придворными, фараон объявляет: «Сотворю я Ахетатон Атону, моему отцу, (в) этом месте. Не сотворю я ему Ахетатон на юг от него, на север от него, на запад от него, на восток от него... Не скажу я: “Брошу я Ахетатон, пойду я, сотворю я Ахетатон в этом другом месте добром... но (сотворю я) Ахетатон Атону, что возжелал он для себя сам, коим удовлетворился он, на вековечность и вечность”». Возможно, Эхнатон покинул Фивы из-за противодействия новому культу фиванских жрецов. Но почему столь жестко зафиксировано место строительства новой столицы – Ахетатона? Как бы то ни было, столица бурно росла, а вместе с нею росли масштабы поклонения Солнцу. С девятого года правления начинается энергичное уничтожение из надписей имени Амона.

Двенадцатый год правления Эхнатона ознаменовался объявлением настоящей войны всем старым богам. Само слово «бог» отвергается. Как царь, так и само Солнце называются только «владыками». Люди разного общественного положения, получившие при рождении имена старых божеств, заменяли их именем Солнца. Впрочем, чаще это было имя древнего бога Солнца Ра, нежели имя царского Солнца – Атон.

На семнадцатом году правления Эхнатон умирает. Имя этого фараона было настолько почитаемо, что его преемник, известный под именем Сменхкара, вопреки традиции присоединил к своему титулу эпитет, выставляющий его любимцем почившего владыки. Преемник Эхнатона был почти ребенком, ибо умер в возрасте около двадцати лет, процарствовав не более пяти лет. Но не позже третьего года его царствования возвращается почитание прежнего бога – Амона. Вскоре из имени нового фараона исчезают слова «Атон» и «Эхнатон». В Фивах слово «бог» опять входит в употребление, хотя лучезарное многорукое Солнце еще по-прежнему озаряет в Ахетатоне изображения новой царской четы, и жена фараона сохраняет в своем имени слово «Атон». Складывается своеобразное «двоеверие». После смерти Сменхкара на престоле опять ребенок, пяти-семилетний Тутанхатон. Примерно четыре года спустя его имя приобретает всем хорошо известное звучание – Тутанхамон. Вскоре двор фараона покидает «солнечную столицу» Ахетатон, хотя обосновывается не в прежней столице – Фивах, а в Мемфисе. Тутанхамон умер молодым. После него на престоле оказывается старый царедворец Эйе,

правивший четыре или пять лет. При нем двоеверие сохранялось. Но смерть Эйе стала в то же время и концом XVIII династии.

Преемник Эйе Хоремхеб, энергичный и умный деятель, бывший военачальник при Тутанхамоне, не был связан родственными узами с ушедшей XVIII династией. На престол его возвело жречество Амона, столь сильно пострадавшее от реформ Эхнатона. При Хоремхебе начинается повсеместное восстановление и расширение старых храмов. Фараоны Эхнатон, Сменхкара, Тутанхамон и Эйе, чьи имена связаны с культом Атона, объявляются еретиками и предаются проклятию. И вычеркиваются из списков «законных» фараонов. В официальных египетских хрониках после Аменхотепа III значится Хоремхеб. Правда, часть египтян втайне продолжают сохранять верность Атону. Вероятно, что-то заставляло их помнить о «видимом солнечном диске»...

Так закончился уникальный период в истории Египта. Он продолжался примерно 40–50 лет, из которых более половины приходится на время после Эхнатона. Такая живучесть солнцепоклонничества говорит о том, что оно не было просто капризом Эхнатона, как часто пишут, а отражало какие-то существенные объективные факторы. Но все-таки новая религия была разгромлена. Этому способствовал целый ряд причин, часть которых лежит на поверхности: отсутствие достойных преемников, могущество озлобленных жрецов Амона и других богов, слишком быстрый темп перестройки в такой консервативной области, как религия, известная абстрактность учения позднего Эхнатона. Огромное значение имели, конечно, и внешние политические неудачи Эхнатона, приведшие к отпадению от Египта богатых областей в Сирии-Палестине и на юге. Но, по-видимому, была еще одна причина. Исчезновение тех факторов, которые непосредственно стимулировали реформы Эхнатона и которые можно связывать с извержением Санторина.

Архипелаг Санторин в Эгейском море находится в 120 км к северу от острова Крит и примерно в 700 км от дельты Нила. В нем сейчас пять островов, возникших после гигантского вулканического взрыва единого острова и серии последующих извержений. Берега главного острова Тиры резко обрываются в море, образуя стену высотой до 200 м. Глубина залива – 380 м – не позволяет судам бросать здесь якорь. Бывший здесь когда-то вулканический конус обрушился, и в

результате образовался огромный провал. А перед этим в течение длительного времени вулкан извергал лаву, пепел и пемзу. По оценкам исследователей, всего за время извержений и в результате взрыва было выброшено около 80 км³ лавы, пепла и пемзы. Оставшаяся поверхность острова покрыта почти тридцатиметровым слоем вулканических пород. Раскопки на Тире обнаружили свидетельства критской культуры, но не были найдены ни скелеты людей, ни дорогие вещи из золота и серебра. Видимо, люди покинули остров, предупрежденные о грядущей катастрофе какими-то событиями...

Что говорили о ней древние? В египетских источниках явных указаний на эту катастрофу нет. Однако другие народы сохранили свидетельства, которые можно связать с событиями на Санторине. У греков есть три таких предания. Прежде всего, об Атлантиде поведал Платоне в своих диалогах «Тимей» и «Критий», хотя это вопрос спорный. Второе предание – поэма Гесиода «Теогония», рассказывающая о грандиозной борьбе богов и титанов. Впечатляющие картины поэмы рядом ученых интерпретируются как фазы мощного вулканического извержения. Наконец, третье предание – это рассказ о «Девкалионовом потопе», происшедшем в догомеровскую эпоху. Во время потопа была затоплена Аттика, а тучи, говорится в предании, надолго закрыли небо, превратив день в ночь.

Информацию об этих событиях можно обнаружить в Библии. В рассказе об исходе евреев из Египта под предводительством Моисея упоминаются «казни египетские». Бог посредством Моисея наслал их на Египет, чтобы заставить фараона отпустить его народ из страны. Среди этих «казней» – превращение Нила в кровь; появление несметного количества жаб, комаров, лягушек и мух; поражение людей страшными болезнями кожи; наконец – непроглядная «египетская тьма», в которую страна была погружена три дня. Эти «казни» легко объяснить, если предположить, что на Египет обрушились мощные ядовитые вулканические тучи, содержащие железистые и сернистые соединения. А в продуктах извержения Санторина, особенно первого, эти соединения содержатся в больших количествах. Катастрофа могла заставить Аменхотепа III (отца Эхнатона) прекратить военные походы, в результате чего и наступил в его царствовании период дружеских отношений с соседними странами. А все интересы Аменхотепа IV в

будущем сосредоточились на религиозной реформе. Почему это произошло?

Вероятно, никаких намерений что-либо менять в том сказочно-великолепном мире, который оставил ему отец, у молодого фараона при вступлении на престол не было. Но на исходе первого года его правления Египет начинает ощущать последствия первого крупного извержения на острове Санторин. До Египта дошли мощные цунами, мрачные ядовитые тучи, надолго закрывшие небо. Начались затяжные дожди, град, грозы с мощными раскатами грома и молниями. Но главное, эта страна, всегда обласканная благосклонным к ней солнцем, вдруг лишилась его тепла и света. Народ воспринял это как страшное бедствие, трагедию. Жрецы Амона и других богов пытались справиться с бедствием, но напрасны были их моления и жертвы. Страну охватил панический страх. А для Аменхотепа IV ситуация была драматичной вдвойне. Ведь в Египте фараон не только царь, он еще и бог. И потому все хорошее и все плохое в стране мистическим образом связывается с фараоном. Он был лично ответствен за обрушившиеся несчастья. Аменхотеп IV понимает: отвести беду от страны – значит отвести ее и от себя. Может быть, Солнце разгневалось на Египет из-за недостаточного внимания к нему? Может быть, египтяне молятся не тем богам и статуи их в темных храмах не могут помочь людям? Надо молиться «видимому Солнцу», а не старым богам – с этой радикальной идеей Аменхотеп IV и выступает перед народом. Именно в это время он вводит в свою титулатуру слова «Единственный для Ра».

Действия фараона как будто достигают цели. Спустя некоторое время извержение прекращается. Солнце вновь появилось над Египтом. Народ ликует. Тут и возникает идея о «ликновании на небосклоне», связываемая с «выздоровлением» Солнца. Но не проходит и двух лет, как все повторяется. Но теперь фараон знает, что надо делать: молиться и приносить дары новому богу – «солнечному диску» Атону или его древнему предшественнику – Ра. Старые боги отодвигаются на второй план. И снова через некоторое время извержение прекращается. Опять – солнце, опять – нормальная жизнь. На этом этапе «двоеверие», хотя уже и ослабленное, сохраняется. И Атон этого «не прощает». На шестом году правления Аменхотепа IV начинается третье извержение, завершающееся гигантским взрывом

Санторина. Сопровождаемые гулом дальнего извержения огромные удушливые тучи, рассекаемые грохочущими молниями, закрывают непроницаемым пологом долину, принося с собой гибель десяткам тысяч людей. Кошмар продолжается день, другой, третий. Трудно представить себе весь драматизм этих беспросветных суток. Естественно, что в мятущихся толпах все больше должна была зреть жажда увидеть диск Солнца, олицетворяемый единственным богом – богом Солнца – Атоном. Обеты, жертвы, моления, клятвы. И вот наконец сквозь тучи прорезается багровый солнечный диск, что вызывает неопиcуемый восторг и покаянное стремление покончить с двоеверием. Аменхотеп IV становится Эхнатом, начинается строительство новой столицы, посвященной Атону, где Эхнатон клятвенно обещает построить «Замок ликования на небосклоне». Выбор места для новой столицы – Ахетатона – вполне можно объяснить тем, что именно здесь фараон увидел выглянувшее из-за туч Солнце или до этого места докатились волны разбушевавшегося моря.

Трагедии завершились. Жизнь входит в нормальную колею. Последняя вспышка усиления культа Атона, как уже говорилось, на двенадцатом году правления Эхнатона, могла иметь самые разные причины: это и слабые остаточные извержения, следы которых не дошли до наших дней; это желание Эхнатона логически оформить свое учение о «Солнечном диске». А может быть, было что-то совсем иное... Как бы то ни было, Эхнатон, «спасший Египет от гибели», окружен почитанием. На него все надежды: а вдруг все начнется сначала! Он – гарантия солнечного света, без которого все живое гибнет...

И действительно, последующие за взрывом Санторина одиннадцать лет, до окончания его царствования, протекают без потрясений.

Наступает время наследников – опять спокойно. Затаившиеся служители Амона поднимают головы. Ведь прошло много лет, выросло новое поколение, для которого все случившееся – почти сказка. А вот непрерывные потери земель на востоке и юге страны из-за активности соседних стран – реальность. С этим надо бороться. А кто был богом-воителем, защитником Египта? Амон! А как с ним обошелся Эхнатон? Может быть, вообще все напасти навлек на Египет этот еретик? Скорее предать его проклятию, вырвать с корнем все,

созданное им... И только немногие знали, как было на самом деле. Но об этом теперь лучше молчать.

Юноша-фараон

Человечество любит тайны. Особенно, если эти тайны освящены большим количеством жертв. Известия о жертвах разносятся по всему миру и обрастают массой подробностей.

Так было и в 1922 г., когда мир ахнул: «Найдена неразграбленная гробница египетского фараона!» Она была заполнена драгоценностями. После нескольких месяцев работ в гробнице, в середине февраля 1923 г., когда была очищена только первая камера, к берегу Нила были отправлены 34 ящика с 700 драгоценными находками. Тем же путем, но в обратном направлении эти предметы попали в Долину три тысячи лет назад, в сопровождении торжественной похоронной процессии.

Находки в гробнице поражали воображение! Мебель, посуда, одежда, обувь, украшения, оружие, даже запасы еды! Саркофаг, маски-

портреты царя, похороненного в гробнице, мумия, наконец! Но еще больше волновало обывателей то, что последовало за открытием. Смерти! Потрясенный фараон расправляется с посягнувшими на его покой! В течение нескольких лет скончались семнадцать из девятнадцати присутствовавших при вскрытии гробницы! Теперь над всеми нависло «проклятье фараонов»! Правда, пока оставался в живых самый главный творец открытия – английский археолог Говард Картер. Но это никого не смущало. «Страх охватил Англию...» – писала одна из газет.

Поводом для легенды о «проклятии фараона» послужила, вероятно, преждевременная смерть лорда Корнарвона, финансировавшего раскопки. Он умер от укуса москита после трех недель тяжелой борьбы с болезнью. О том, что лорд много лет болел астмой, конечно, не писали. Сразу же после его смерти прозвучали слова о «покарании богохульника».

Вскоре появилось новое известие о «жертве Тутанхамона» – статья под заголовком «Мечь фараона», а потом заговорили о «второй», «третьей», «седьмой», «девятнадцатой жертве». Об этой девятнадцатой жертве говорилось, в частности, в телеграфной депеше из Лондона, датированной 21 февраля 1930 г. и опубликованной в одной из немецких газет: «Сегодня семидесятивосьмилетний лорд Вестбурн выбросился из окна своей квартиры в Лондоне и разбился насмерть. Сын лорда Вестбурна, который в свое время как секретарь известного археолога Картера принимал участие в раскопках гробницы Тутанхамона, в ноябре прошлого года был найден утром мертвым в своей постели, хотя вечером был совершенно здоров и не жаловался на недомогание. Причина его смерти так и не была точно установлена».

Вскоре умер Арчибальд Дуглас Рейд, который собирался сделать рентгеновский снимок мумии. Двадцать первая «жертва фараона» – египтолог Артур Вейгалл – умер от «неизвестного вида лихорадки». Потом сообщалось о смерти А. К. Мейса – он вместе с Картером раскрывал погребальную камеру. В сообщении, правда, не упоминался тот факт, что Мейс был уже давно и серьезно болен; преодолевая болезнь, он все-таки помогал Картеру, но вынужден был прекратить работу именно из-за болезни.

Наконец, «покончив с собой в состоянии сердечной депрессии», умирает сводный брат лорда Корнарвона Обри Герберт. А в 1929 г. от

укуса какого-то насекомого умирает леди Корнарвон. К 1930 г. из тех, кто принимал непосредственное участие в раскопках, в живых остается только Говард Картер. Вскоре газеты сообщили о смерти в Америке самого Картера. Правда, слухи о своей кончине он опроверг лично.

«Виды смерти пронзят того, кто нарушит покой фараона», – газеты писали, что так звучит один из многих вариантов надписи, которую якобы нашли в гробнице Тутанхамона и назвали «проклятием фараона».

Пришлось вмешаться нескольким известным археологам, которых возмутили все эти газетные небылицы. Первым выступил сам Картер. Как исследователь, он, конечно, относился к своей работе с трепетом и чувством ответственности, но без мистического опасения или страха, которых жаждет падкая на сенсацию толпа. Он говорил о «смехотворных выдумках» и «разновидности обычных церковных историй», а затем переходил к существу самого вопроса. Во всех сообщениях утверждалось, что каждый, кто переступил порог гробницы, подвергает свою жизнь опасности. Абсурдность такого утверждения легко пояснить научно – стерильность гробницы доказана путем специального исследования. Горько звучали его заключительные слова: «В этой глупой болтовне поражает полное отсутствие элементарного понимания вещей. Мы, вероятно, совсем не так далеко продвинулись дорогой морального прогресса, как полагает большинство людей».

В 1933 г. выступил немецкий профессор Георг Штейндорф. Он обратил внимание на те сообщения, происхождение которых еще нужно было уточнить. Он утверждал, что оба Вестбурна никоим образом не были связаны ни с гробницей, ни с мумией. И после целого ряда доказательств он привел решающий аргумент: «проклятия фараона» вообще не существует, оно никогда не было произнесено, оно не содержится ни в одной надписи. Штейндорф подтвердил то, что мимоходом заметил Картер: «В египетском погребальном ритуале вообще не существует подобных проклятий, он требует только проявлять к покойнику благоговение и уважение». Стремление же представить некоторые охранительные формулы заклинаний, которые встречаются на вещах в погребальных камерах, в качестве каких-то «проклятий» нельзя расценивать иначе, как грубую фальсификацию,

как прямое искажение их смысла. Эти формулы только «должны были отпугивать врагов Осириса (покойника), в каком бы облике эти враги не появились».

Однако слова выдающихся ученых не убедили падкую на сенсации публику, поэтому даже спустя почти сто лет после открытия Картера нет-нет, да и всплывет ужас «проклятия фараонов».

А на самом деле гораздо большего внимания заслуживала личность похороненного в гробнице фараона. Он не был великим завоевателем или реформатором, как его предшественники. Картер писал о нем: «Мы можем с уверенностью сказать только одно: единственным и самым примечательным событием его жизни было то, что он умер и был похоронен». Тем не менее, вряд ли найдется человек, который не слышал бы его имени.

Звали царя Тутанхамоном. Он правил с 1333-го по 1323 г. до н. э. Об отце Тутанхамона до сих пор идут споры среди египтологов. Одна из теорий говорит о том, что Тутанхамон был сыном Эхнатона, согласно другой – Тутанхамон был сыном Аменхотепа III и, соответственно, братом Эхнатона. Однако второе маловероятно, так как известно, что Тутанхамон вступал на престол в очень юном возрасте (8–9 лет), а Аменхотеп III умер за 16–18 лет до этого. Кроме того, противники этой теории приводят тот факт, что супруге Аменхотепа III, царице Ти, к моменту рождения Тутанхамона должно было быть более пятидесяти лет. Поэтому снижается вероятность того, что родила его она. Сторонники же этой теории говорят о том, что вовсе не обязательно, чтобы матерью Тутанхамона была Ти, ведь у Аменхотепа III, помимо нее, были и другие жены и наложницы.

Вторая гипотеза строится на том, что Тутанхамон был сыном Эхнатона и одной из его второстепенных жен – Ки, которая носила титул «Великая возлюбленная супруга». А такой титул давался царицам, как правило, только в том случае, если они родили фараону наследника.

Есть еще одна теория: Тутанхамон мог быть сыном недолго правившего после Эхнатона царя Сменхкара. В поддержку этой гипотезы говорит тот факт, что Эхнатон на позднем этапе своего правления назначил своим соправителем некую Нефер-неферуатон – вряд ли он назначил бы ее, если бы у него был сын и наследник. Тутанхамон, таким образом, мог быть сыном Сменхкара и Меритатон,

одной из шестерых дочерей Эхнатона и Нефертити. Сменхкара появляется на исторической сцене на 14-м году правления Эхнатона. Вероятно, что в это время ему дают в жены Меритатон. Как бы там ни было, но имя Тутанхамон до воцарения всегда сопровождалось эпитетом «царский сын», что косвенно может свидетельствовать о его кровном родстве с царской династией.

Супругой Тутанхамона была Анхесенпамон (первоначально Анхесенпатон). Анхесенпамон была дочерью Эхнатона и Нефертити. Исходя из того, какую из теорий о происхождении Тутанхамона считать верной, она была либо его тетей, либо сестрой, либо племянницей, в любом случае столь близкое родство супругов не сулило их детям ничего хорошего. Египтологи полагают, что Анхесенпамон стала супругой Тутанхамона, когда ему было всего лишь 12 лет.

Судя по всему, у божественных супругов было две дочери, однако обе они умерли в младенчестве: их мумии были найдены в гробнице Тутанхамона. Антропологические исследования говорят о том, что высока вероятность того, что обе дочери супругов были рождены мертворожденными. Есть теория о том, что эти смерти – результат длительного кровосмешения, которое практиковалось царями XVIII династии. Фараоны, как правило, женились на своих близких родственницах, чтобы сохранить чистоту царской крови. Результатом этого стало полное вырождение династии.

О личности «мальчика-фараона» мы можем судить по многочисленным портретам и рельефам на стенах его гробницы и по вещам, находившимся в ней. О событиях же его царствования почти ничего не известно.

О своих деяниях по восстановлению культа Амона Тутанхамон написал на стеле, которая получила название «Реставрационная стела». В тексте говорится, что до него храмы были в забвении и запустении. Из-за ненадлежащего богослужения боги отвернулись от Египта, не помогали ни советом, ни в военном деле. Он же, Тутанхамон, еще до своего воцарения симпатизировал старым богам, а после восшествия на престол учредил и восстановил по всей египетской земле прежние культы. Кроме восстановления прежних религиозных культов, при Тутанхамоне активизировалась также и внешняя политика Египта. В поминальном храме фараона говорится о

том, что он вел военные действия против нубийцев и азиатов. Как считают современные египтологи, войны вполне могли иметь место, только командовал ими, скорее всего, не юный царь, а военачальник Хоремхеб.

Несмотря на то что гробница Тутанхамона дошла до нас неразграбленной, а может быть, и благодаря этому, ее изучение ставит перед специалистами все больше и больше вопросов. Гробница чрезвычайно мала для божественной особы и, как показали исследования Картера, строилась поспешно. Вероятно, никто не предполагал внезапной смерти царя. Похоронами Тутанхамона руководил визирь Эйе. Изучив останки венков и гирлянд, которые были возложены на гробы, археологи установили: Тутанхамон умер в середине апреля – конце мая. Именно тогда в Египте цветут васильки и созревают плоды мандрагора и паслена.

Естественно, возникает вопрос, отчего умер Тутанхамон. Среди египтологов на этот счет существует несколько мнений. Среди версий о причинах его смерти – отравление, убийство или последствия плохо залеченной раны, полученной во время охоты.

Очень долго исследователи полагали, что Тутанхамон умер в результате дворцового заговора. И так как на трон взошел Эйе, именно его считали главным виновником смерти царя. Предполагалось, что царь умер в результате нанесения ему удара по затылочной части головы. Но еще Картер обратил внимание на то, что бальзамировщики слишком сильно умастили мумию Тутанхамона ароматическими смолами и благовониями. Видимо, это стало причиной того, что она плохо сохранилась. «Ирония судьбы заключается в том, – с горечью писал Картер, – что мумии, которые побывали в руках грабителей и жрецов, сохранились лучше, чем эта нетронутая». Именно извлечение из замкнутого пространства саркофагов спасло мумию от разъедающего действия ароматических смол. А отсутствие части костей черепа (из-за воздействия смол!) и послужило основанием для утверждения о том, что фараон получил сильный удар по голове.

Детальное изучение мумии стало возможным только в последние годы. Египетские власти уже почти сто лет не разрешают вскрывать мумии для их исследования. Однако современные технологии (компьютерная томография) изменили ситуацию. В 2005 г. было проведено исследование мумии царя, которое не выявило никаких

свидетельств насильственной смерти. Родилась новая гипотеза: было высказано предположение, что фараон умер от инфекции, которая могла попасть в организм через рану, обнаруженную на бедре. Исследователи уверены, что сама травма была не опасна для жизни, поэтому сходятся на том, что была занесена какая-то инфекция. Однако некоторые египтологи не согласились с этим предположением, так как существует вероятность того, что то, что считается раной, всего лишь повреждение мумии, которое произошло уже после смерти царя. По крайней мере, теперь точно известно, что причиной смерти Тутанхамона было не убийство.

Дальнейшие исследования позволили еще больше приоткрыть завесу тайны над жизнью самого знаменитого фараона. Тутанхамон всю жизнь ходил с палкой и страдал целым рядом наследственных заболеваний. Таковы результаты генетической экспертизы, опубликованные в Каире. Ученым удалось расшифровать ДНК фараона.

Жизнь юноши-фараона, судя по всему, была не очень завидной. Неограниченная власть, богатство, десятки титулов, статус «бога на земле» – все это неважно, когда почти непрерывно болеешь, хромаешь, ходишь с палкой, как старик, да еще имеешь «волчью пасть». Здоровье фараона было весьма слабым – он страдал болезнью Келера. «У него был некроз, отмирание тканей, он был косолапым, пальцы на ногах были вздутыми, он не мог нормально ходить – все из-за сильной боли: в его гробнице нашли 130 палок, которые он использовал при ходьбе», – рассказал о жизни фараона главный археолог Египта Захи Хавасс. Умер Тутанхамон, как выяснилось, от малярии. Прошло 33 века, а следы болезни (бактерий) остались. Родители фараона, как считают ученые, были близкими родственниками (как мы помним, это было обычной практикой в царских семьях Египта), – чуть ли не братом и сестрой. Отсюда и все недуги юного правителя.

Разгадка иероглифов

Величайшим открытием в археологии нашего времени мы обязаны Наполеону Бонапарту.

Знаменитый полководец и неудачливый завоеватель Вселенной был человеком умным, уважавшим науку и ученых и понимавшим, что слава куется не только на полях сражений, но и в тихих кабинетах. Он приглашал в свои походы и экспедиции ученых и художников. Великий завоеватель хотел, чтобы память о нем осталась не только в описании битв, но и в открытиях древних миров. Поэтому когда Наполеон решил пойти по пути Александра Македонского и завоевать Восток, то на кораблях французской эскадры отправились в Египет не только тридцать восемь тысяч солдат, но и двести художников и ученых.

2 июля 1798 г., обманув адмирала Нельсона, который с английским флотом подстерегал Наполеона в Средиземном море, французы высадились в дельте Нила. Пройдя под жарким солнцем пустыни до Каира, они увидели пирамиды Египта, которые странным миражом поднимались за мечетями и бесконечными улицами Каира. Путь к ним преграждали десять тысяч мамелюков конной гвардии повелителя Египта Мурада.

И молодой генерал Наполеон произнес историческую фразу:

– Солдаты, сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!

Сражение с мамелюками было отчаянным, но французов было больше, и у них были пушки. Что значит сабля против пушки? Но Нельсон все же выследил французский флот, стоявший в бухте Абукир, и напал на него так решительно, что потопил почти все корабли. И с этого момента египетский поход Наполеона был обречен.

Экспедиция не удалась, Африки Наполеон не завоевал. Он тайком покинул свои войска и бежал во Францию, где решалось, кто будет править страной. А ученые тем временем сделали свое дело – Северная Африка перестала быть таинственной страной. Ее исследовали географы, ботаники, физики, геологи... Но одна тайна осталась – тайна пирамид, тайна египетских древностей.

И хоть художники не только зарисовали пирамиды и храмы, но еще и скопировали барельефы и иероглифы в храмах и гробницах, понять, кто и когда написал и нарисовал эти письмена, что означают эти тщательно изображенные, выбитые на камне фигурки львов и орлов, петли и лопаты, они не смогли.

Правда, среди трофеев французской экспедиции, впоследствии отобранных у них англичанами, была большая плоская плита черного базальта, на которой египетскими иероглифами был изображен текст, под ним тот же текст – неизвестным письмом, а внизу – перевод на греческий.

Плиту назвали Розеттским камнем, по месту ее находки недалеко от деревушки Розетта. Греческую надпись ученые прочли сразу, и, казалось бы, сделай они один шаг, посмотри, как соответствуют иероглифы греческим словам... Но обнаружилось, что не соответствуют. Иероглифы занимали четырнадцать строк, а греческая надпись – пятьдесят четыре строки. Как их сопоставить?

И тут вспомнили об ученом римского времени, который полторы тысячи лет тому назад изучал египетские иероглифы, беседовал со жрецами и объявил, что каждый рисунок, каждый иероглиф обозначает символ, понятие. Например, если ты видишь нарисованного льва, то и читай – «лев» (это называется идеограмма, то есть рисунок идеи, образ). А истолковать этот символ можно как слово «смелый».

Никаких сомнений в правоте древнего ученого, которого звали Горополлоном, ни у кого не возникало. Ведь даже при беглом взгляде на Розеттский камень становилось ясно: то, что египтяне изображали

одним иероглифом, греки записывали словом или даже несколькими словами. И прочитать египетские тексты не удавалось.

В 1790 г. в маленьком французском городке Фижаре в семье книготорговца Шампольона родился мальчик, которого назвали Жаном. У мальчика была темная, почти коричневая, кожа, как ни у кого в семье. Соученики его прозвали египтянином. В местной школе Жан учился так плохо, что старший брат, который работал в столице провинции – Гренобле, взял его к себе и отдал в лицей. И тут к двенадцати годам таланты мальчика проявились столь ярко, что с ним встретился великий математик Фурье. Жан показал математику свою любимую книгу о Египте и спросил, можно ли разгадать древние письмена. Фурье ответил, что это невозможно. И тогда мальчик сказал: «Я прочту это, когда вырасту!»

В семнадцать лет Жан Шампольон закончил большую книгу «Египет при фараонах», в которой он свел воедино все, что было к тому времени известно о Египте. 1 сентября 1807 г. семнадцатилетнего юношу избрали академиком Гренобльской академии наук. Такого молодого академика во Франции еще не было.

Шампольон отличался хрупким здоровьем. Он спешил жить, как будто чувствовал, что судьба отмерила ему короткий век. В семнадцать лет он отправился в Париж – только там можно было найти настоящих ученых и нужные ему рукописи.

В Париже Жану пришлось нелегко – даже на еду не хватало. Брат присылал ему, сколько мог, но он и сам был беден. Промозглая парижская зима, которую Жан провел в холоде, потому что не было денег на уголь, привела к тому, что он заболел туберкулезом. Но он продолжал работать и учиться по двадцать часов в день. Через несколько месяцев такой жизни Жан признал поражение: в Париже ему не выжить. Он вернулся в Гренобль, где стал профессором в тамошнем университете. Профессору было девятнадцать лет.

Тем временем рухнула империя Наполеона, и императора сослали на Эльбу. А Шампольон в те дни закончил коптский словарь – первый в мире научный словарь этого языка, сохранившегося в некоторых районах Египта.

Вскоре Наполеон бежал из ссылки и высадился во Франции. 7 марта 1815 г. он вошел в Гренобль и на несколько дней остановился там, чтобы передохнуть и собраться с силами. Императору нужен был

личный секретарь, молодой образованный человек, и отцы города решили, что для этой роли лучше всего подходит молодой профессор. Мэр города отрекомендовал его императору как «академика Шамполеона».

Жан не посмел поправить мэра, превратившего его фамилию. Он был поражен поворотом судьбы. А Наполеон увидел знамение в том, что его будущего секретаря зовут почти так же, как его самого. Когда же император узнал, что молодой человек грезит Египтом, он словно вернулся в дни своей молодости, в пору надежд и первых разочарований. Два дня они провели в беседах. Наполеон обещал после победы в войне отправить Шампольона в экспедицию к пирамидам. Стать секретарем Наполеона Шампольон все же отказался. И экспедиции в Египет тоже не получилось – «Сто дней» императора окончились полным разгромом.

Шампольону краткая дружба с императором обошлась дорого. После реставрации Бурбонов он был лишен места и выслан из Гренобля, как революционер и бонапартист. Впрочем, к этому были основания. Даже после битвы при

Ватерлоо Гренобль остался верен императору, роялисты брали его штурмом, и Шампольон находился на стенах города с оружием в руках.

Ссылка и лишение кафедры дали Жану возможность провести несколько месяцев наедине с египетскими текстами. И позволили ученому сделать решительный шаг к разгадке тайны египетской письменности. Дальше все было «просто». Шампольон все же двадцать лет изучал языки Востока и решал задачи шифровальщика. Он предположил: а вдруг иероглифы означали не понятия, а были просто буквами? Ученый обратил внимание на то, что некоторые слова в египетском тексте Розеттского камня обведены овалами. Тщательно высчитав, какие слова могли им соответствовать, он сказал себе: «А что, если это имена фараонов?»

И вскоре Шампольон не только прочел все имена царей Египта в той надписи, но и получил основу алфавита. Дальше дело оказалось не таким простым. В овалах имена были показаны буквами, но в других местах надписей эти знаки могли означать слоги, а то и целые слова. И снова потянулись месяцы и годы труда, прежде чем Шампольон смог

уверенно сказать: «Я могу читать любой текст, написанный иероглифами».

Вот такая замечательная сказка о расшифровке египетских иероглифов. На самом деле все было в каком-то смысле проще, в каком-то – гораздо интереснее.

Шампольон был чрезвычайно одаренным человеком. Три грани его гения особенно примечательны. Во-первых, он был в высшей степени одаренным лингвистом. Его способности к восточным языкам были феноменальными. Еще не достигнув пятнадцати лет, он уже знал арабский, древнееврейский, персидский, эфиопский, древнесирийский и арамейский языки. А чтобы попусту не терять воскресные дни, он попросил брата прислать ему китайскую грамматику, ведь он уже решил, что займется расшифровкой иероглифических надписей, и считал, что знание китайского может оказаться полезным. А когда ему исполнилось пятнадцать, Шампольон начал изучать коптский язык.

Кроме того, он очень серьезно занимался историей. Сейчас найдены конспекты лекций, которые он читал в Гренобльском университете, и, судя по ним, его взгляд на историю, что в те времена еще только начинала вооружаться методами научного мышления, был достаточно критическим.

И, наконец, он был настоящим художником, человеком, наделенным высокоразвитым эстетическим чувством, чрезвычайно пригодившимся ему в расшифровке иероглифов. Египетское искусство очаровывало и вдохновляло Шампольона. Он ощущал некую глубинную связь между искусством и письменностью Древнего Египта, видел в письме одну из форм искусства. Свою художественную интуицию он использовал как инструмент исследования, проникновения в тайны иероглифики. К тому же он неустанно совершенствовал свои лингвистические, исторические и эстетические познания.

А еще Шампольон был необыкновенно великодушным и добрым человеком. Возможно, это объяснялось тем, что он не был счастлив в личной жизни и весь жар своего сердца перенес на Египет, стремясь во что бы то ни стало разгадать секреты древней цивилизации и слиться с ней воедино.

Шампольон вырос в атмосфере «египтомании», когда интерес к этой стране был огромен. Европа восемнадцатого столетия взирала на

нее с жадностью, во всех смыслах этого слова. Однако, помимо колонизаторов и коллекционеров, вывозивших произведения искусства, множество людей бескорыстно тянулись к познанию этой древней культуры.

Египет, как и многие другие страны, возбуждал колонизаторские аппетиты. Кроме того, он, по-видимому, обладал особой привлекательностью, словно таил в себе секрет общечеловеческой мудрости, так манивший Европу эпохи Просвещения.

Этот период был просто вторым Ренессансом: если в XVI ст. европейцы открыли для себя греко-римскую античность, то в XVIII – древние культуры Восточного Средиземноморья – ассирийскую, вавилонскую, персидскую и, конечно, прежде всего египетскую. Европа повсюду искала тогда следы иных цивилизаций, горя желанием познать целый мир.

Более того, Шампольон видел мир не только в пространстве, но и во времени. Он сознавал, что люди в Китае, Марокко и Перу, как и во Франции, жили не только в XVIII ст., но и сорок пять веков назад, когда были построены пирамиды. Расшифровав иероглифы, он сделал колоссальное открытие, позволившее проникнуть в тайны Вселенной и приблизиться к истокам человечества. Так, он перевернул многие устоявшиеся мнения о нашем происхождении.

В его представлении Древний Египет был фундаментом, началом начал всемирной истории. Он считал, что именно там впервые возникла организованная социальная структура, которая, пройдя через Грецию, стала источником европейской цивилизации.

С самого начала сведения о Египте Шампольон получал из первых рук от побывавших там людей. Действительно, ведь, помимо всего прочего, европейская «египтомания» породила экспедицию Бонапарта! Можно по-разному оценивать различные аспекты этой экспедиции, но ее вклад в науку, несомненно, заслуживает восхищения. Она сделала Европе три ценных подарка, которые положили начало всем дальнейшим исследованиям, особенно расшифровке иероглифов. Это были иллюстрированный отчет Вивана Денона, многотомный труд «Описание Египта» и Розеттский камень.

В первом десятилетии XIX ст. труд Вивана Денона был для многих источником вдохновения. Началось изучение Розеттского камня, было опубликовано «Описание Египта». К этому времени

Шампольон уже достиг зрелости, его талант расцвел в период накопления огромного объема знаний о Египте, что было поистине счастливым обстоятельством. Кроме того, Шампольону просто повезло: на своем жизненном пути он встретил выдающихся людей – Фурье и дона Рафаэля де Монашиса, принимавших участие в экспедиции Наполеона. Кто мог предположить, что у Бонапарта возникнет странная идея назначить выдающегося физика и математика Жозефа Фурье, сопровождавшего его в Египетском походе, префектом Гренобля, а тот попросит братьев Шампольон помочь ему в подготовке предисловия к «Описанию Египта»? Кто предугадал бы, что священник греко-сирийского происхождения Рафаэль де Монашис, побывав у Фурье в Гренобле, познакомится там с братьями и поможет Жану Франсуа овладеть арабским языком? Кто мог предвидеть, что коптского священнослужителя Шевтитши назначат викарием церкви Св. Роха, расположенной поблизости от того места, где жил Жан Франсуа? Так Шампольону представился случай познакомиться с малоизвестным языком, который, по его убеждению, был ключом к разгадке иероглифов. И действительно, знание коптского языка, который был звуковым вариантом иероглифического письма, помогло Шампольону опередить своих соперников. Во всех великих открытиях присутствует элемент удачи, и удача улыбалась Жану Франсуа.

Начал он не с нуля. Исследования в этой области велись и до него, и Шампольон опирался на всю сумму накопленных знаний. Так поступают все исследователи. У истоков каждого открытия лежит труд ученых-первопроходцев, которые иногда проходили две трети или даже три четверти пути. Одним из предшественников Шампольона был немец А. Кирхер, еще в семнадцатом столетии предположивший, что язык фараонов очень напоминает тот, на котором поют псалмы в коптских церквях Каира. Это был путь к разгадке.

Вслед за ним аббат Бартеlemi пришел к выводу, что иероглифы в овальных рамках (картушах) означают царские имена. Но поскольку царей насчитывалось несколько десятков, существовало столько же вариантов прочтения каждого картуша. На Розеттском камне картушей с иероглифами оказалось несколько, причем было известно, что в одном из них – имя Птолемей, поскольку оно упоминалось в греческом варианте надписи.

Третье важное открытие было сделано в самом конце XVIII ст., незадолго до того, как был найден Розеттский камень. Ученые Нибур и Соэга пришли к заключению, что среди иероглифов должны быть и фонетические знаки.

Когда был обнаружен Розеттский камень, расшифровкой средней его надписи занялся известный востоковед Сильвестр де Саси. Шведский дипломат Акерблад считал, что на основе пятнадцати уже известных знаков можно составить алфавит, и хотя осуществить это не удалось, сама идея все же продвинула исследование вперед. Наконец, великий английский физик Томас Юнг сумел сопоставить греческие буквы и иероглифы на Розеттском камне. Он был последним и самым блестящим из предшественников Шампольона. И хотя проведенная им последовательная работа основывалась на догадке, выводы, к которым он пришел, были гениальны. Но наука не может опираться на догадки. Итак, ключ к системе иероглифического письма предстояло найти Шампольону.

Юнгу удалось более или менее правильно расшифровать имя Птолемей. Шампольон применил более строгий подход и идентифицировал каждый из знаков этого имени, а также имя Клеопатра. Однако подлинным открытием, сделанным в результате полного отказа от старого метода проб и ошибок, явилась расшифровка египетских имен Рамсес и Тутмос.

В чем же была революционность этого открытия?

До Шампольона исследователям – в первую очередь Юнгу после примененных Акербладом подстановок группы знаков к определенным словам – удалось прочесть несколько имен царей и цариц из династии Птолемеев с помощью чисто фонетических знаков. Например, Птолемей (п, т, л, м) и Клеопатра (к, л, п, т, р). Так родилось убеждение, что, во-первых, иероглифы – это главным образом фонетические знаки, представляющие звуки, а во-вторых, что они были изобретены при Птолемеях для перевода имен царей греческого происхождения. Короче говоря, письменность ограничивали временными рамками периода упадка, считая, что она помогает расшифровать только то, что осталось от египетской цивилизации, но не дает никакого ключа к текстам времен расцвета.

Переворот, совершенный Шампольоном, основывался на двух важных открытиях: при всех династиях иероглифы были идентичными

и представляли собой сочетание фонетических и идеографических элементов. Тут вполне можно было воскликнуть: «Эврика!» Это был стержень открытия, которое привело к пониманию, что фонетический подход, принятый при Птоlemeях, был всего лишь поздним упрощением общего правила. Стало понятно, почему так трудно было найти ключ к иероглифическим текстам, – ведь существовало два ключа: фонетический и идеографический.

Каким же образом Шампольон пришел к этому знаменательному выводу?

Он расшифровал имена Тутмоса и Рамсеса, двух фараонов классического периода XVIII и XIX династий, и тем самым разгадал главный секрет надписи. На присланной ему копии одного картуша он увидел красный кружок, по всей вероятности, обозначающий солнце. По-коптски слово «солнце» звучит «Ра», следующие два знака соответствовали буквам «м» и «с»; так было прочитано имя Рамсес. У Тутмоса идеограммой был священный ибис – символ бога Тота, а за ним следовали те же два фонетических знака «м» и «с».

Остальные фрагменты головоломки сложились довольно быстро. Шампольон заметил, что одни слова написаны слева направо, другие – справа налево. Он также обнаружил, что некоторые знаки применяются лишь для обозначения рода или пояснения смысла. Так он выяснил, что имя Хатшепсут было женским. Выявление детерминантных знаков, которые он называл определителями, было еще одним важнейшим моментом в процессе дешифровки.

Итак, знаменательная дата 14 сентября 1822 г. была тем звездным часом, тем моментом озарения, когда Шампольон внезапно понял, что достиг своей цели. Для него это был момент невероятного напряжения. Он открыл принцип письма, нашел к нему ключ. Но, едва успев поделиться этой новостью с братом, он лишился чувств, словно колоссальный двадцатилетний труд, полностью опустошив, раздавил его своей тяжестью.

А ведь это был далеко не конец. Перед ним стояла серьезная задача: нужно было сделать выводы из этого открытия и систематизировать их. Но в жизни Шампольона были еще два других чрезвычайно напряженных момента. Сделав свое открытие, он отправился сначала в Италию, а затем в Египет в поисках цивилизации, на которую пролил свет и которая стала для него

открытой книгой. В Туринском музее, знакомясь с богатейшей египетской экспозицией, он был потрясен ее красотой. Его реакция была чисто эмоциональной. В Париже одержал победу лингвист, а в Турине был повержен ценитель искусства. Незадолго до этого его как историка глубоко взволновала груда нерасшифрованных папирусов.

Был и другой драматический момент: папирусы оказались настолько хрупкими, что стоило до них дотронуться, как они обращались в пыль. Можно представить себе его чувство. Он был так близок к своей цели: каждый из этих документов хранил одну из страниц истории, пролежавших под спудом тысячи лет! И все это рассыпалось в его руках. Древние царства, объединенные вновь перед его мысленным взором, рушились в мгновение ока! Это было удивительно и страшно.

Шампольон пишет, что папирусы, попав в музей, лишились естественной среды. Они были изготовлены в Египте из местного растения и должны были храниться только в закрытых бамбуковых ящиках. А их сложили в обычные коробки, которые во время долгого морского путешествия трясли и бросали и в конечном счете свалили кое-как в залах Туринского музея, где они подвергались губительному воздействию влажного климата.

Наконец пришло время отправиться в Египет. Шампольон увидел эту страну, ее свет, ее народ. Проникновение в тайну иероглифов словно по мановению волшебной палочки открыло ему двери этой страны и позволило почувствовать себя причастным к ее цивилизации. Входя в Гипостильный зал или спускаясь в гробницы Рамсеса VI и Сети I, Шампольон, наверное, испытывал такое же волнение, как и перед ликом Христа. Это был не столько кульминационный момент его труда, сколько венец всей его жизни. Расшифровав иероглифы, он заглянул в самые глубины египетской цивилизации. Древние памятники заговорили с ним языком своей красоты; их архитектура казалась ему застывшей молитвой, хранящей следы начертания иероглифов. В одном из своих писем Шампольон отмечал: «Египетская скульптура – это упрощенная форма иероглифического письма».

Какой бы фараон ни возводил храм, символический язык его архитектуры был более откровенным и понятным, чем у любого кафедрального собора. Между искусством и письменностью древних

египтян была зримая связь. Теперь Шампольона всецело поглотил поиск подтверждений этой идеи. Он провел в Египте восемнадцать необыкновенных месяцев. И все это время сквозь толщу столетий шел к истокам, постигая глубинное значение египетской цивилизации. Восторженный возглас, прозвучавший 14 сентября 1822 г., превратился в величественный гимн. Но это была его лебединая песнь.

И она была особенно волнующей. Свет, пролитый на египетскую цивилизацию, опрокинул ряд предвзятых представлений об иудейско-христианской цивилизации и поставил Европу перед тем фактом, что Египет был не только колыбелью истории человечества, но и первоисточником религиозной мысли. Можно ли утверждать, что монотеизм возник в Египте? У этой гипотезы много сторонников. Как бы то ни было, великая христианская идея триединства, по-видимому, восходит к Осирису, Исиде и Гору. Таким образом, оригинальность христианской догматики была поставлена под сомнение. Открытия Шампольона дали толчок настоящему перевороту в духовной и культурной сферах. Он и сам прекрасно это почувствовал, вернувшись в христианский мир. В его египетской песне слышались порой нотки боли.

Однако Шампольон видел не только древние храмы, но и живых людей и современное ему государство. Он ужасался тому угнетению и страшной нищете, до которых был доведен народ Египта, и открыто говорил об этом правителю страны, что было не самым разумным с его стороны. Шампольон мог бы просто закрыть глаза на положение в стране, тем более что он приехал совсем с другой миссией. Но он не захотел этого сделать. Потрясенный страданиями египетского народа, он считал своим долгом выразить Мухаммеду-Али свою тревогу.

Шампольон подготовил также проект меморандума из четырнадцати пунктов «О сохранении памятников Египта» – документ, намного опередивший свое время. Он настойчиво выступал за сохранение древних памятников на месте и, прежде всего, за уважение права Египта не допускать их вывоза из страны. Несколько лет спустя, когда из храма богини Хатор в Дендере были вывезены и отправлены в Париж Знаки Зодиака, Шампольон писал, что лучшим местом для этого памятника является сама Дендера.

Шампольон предлагал организовать экспедицию и исследовать истоки Нила. Но правитель Египта был занят тогда совсем другими

делами. Мечта Шампольона осуществилась гораздо позже.

Когда Шампольон вернулся в Париж, здоровье его никуда не годилось. Вскоре он сгорел от чахотки, так и не успев опубликовать свой основной труд – «Египетскую грамматику». Ее издали через несколько лет после смерти ученого.

Как это часто бывает, значение его трудов осознали много позже. Еще лет пятьдесят находилось немало скептиков и завистников, которые считали, что Шампольон ничего не раскрыл. И только после того, как по его методу были прочитаны новые надписи, к великому ученому пришло настоящее признание.

Вечное наследие «наиковарнейшего народа»

Изучение древней Финикии началось сравнительно недавно, в 20-е гг. XX ст. Правда, открыта древняя страна была немного раньше, в 1860 г., когда вместе с французским экспедиционным корпусом в Ливане высадился известный историк Эрнест Ренан, будущий автор знаменитой «Жизни Иисуса». Он знал, что когда-то здесь находились города таинственного народа финикийцев, о котором часто упоминается в Библии и в трудах античных авторов. И вскоре нашел их. Руины стояли на побережье, заросшие густой травой, и никого особенно не интересовали. Один из этих городов, рядом с которым примостилось небольшое арабское селение Джубайль, Ренан определил как легендарный Библ, или Гебал. Там ему даже удалось найти несколько древнеегипетских надписей на табличках и статую рогатой богини.

	'		T		P
	B		Y		C
	G		K		Q
	D		L		R
	H		M		Š, Š
	W		N		Th
	Z		S		
	Ch		'		

Находки эти были не слишком впечатляющими, поэтому на много лет о Финикии забыли. Только в 1923 г. известный египтолог Пьер Монтэ продолжил раскопки в Библе и открыл четыре нетронутые царские гробницы с золотыми и медными украшениями. Там же

обнаружились тексты, записанные уже не египетскими иероглифами, а неизвестным буквенным письмом. Вскоре лингвистам – по аналогии с более поздним древнееврейским – удалось расшифровать его.

Финикийские города-государства процветали в Леванте. Это узкий отрезок (всего около двухсот километров) побережья Средиземного моря – там сейчас располагаются Ливан, Сирия и Израиль. Их история охватывает с небольшими перерывами почти сорок столетий подряд начиная с IV тысячелетия до н. э. Естественно, что их древние названия дают представление в основном об окружающей природе. Тир, к примеру, – это «скала», Сидон (нынешняя Сайда) – «рыбное место». Встречаются и более поздние названия, связанные с деятельностью самих жителей: Библ происходит от названия египетского папируса (его отсюда вывозили), Берит (современный Бейрут), – вероятно, от слова «союз» и так далее. Всего археологи насчитывают полтора десятка поселений, и больших, и совсем незначительных, похожих на деревни.

Их обитатели и называли себя ханаанеями, а свою родину – Ханааном, «страной пурпура». Такое название, скорее всего, было связано с цветом местных тканей, окрашенных пурпуром морских ракушек-иглянок. Однако главным предметом ханаанского экспорта стал знаменитый ливанский кедр, которым на Ближнем Востоке отделяли дворцы и храмы.

Греки дали своим торговым партнерам и соперникам другое имя – финикийцы (фойникес), что значит «красноватые» или «смуглые». От него произошло и латинское «пуны», из-за которых войны Рима с финикийским Карфагеном называют Пуническими.

Хребты Ливанских гор не только защищали приморские города от захватчиков, но и отделяли их друг от друга. Поэтому за всю историю они так и не создали полноценного единого государства. Каждый город, большой или маленький, был независимым, управлялся собственным царем и поклонялся своим богам.

Политическая история Финикии известна мало – хоть ее жители и создали первый алфавит, их свитки до нас не дошли. Во влажном климате Леванта папирус, на котором они писали, хранился недолго. До нас дошли только краткие тексты на каменных плитах и скудные сведения античных писателей. Имеется, правда, и еще один важный источник – переписка финикийских государей с владыками Египта,

сохранившаяся в стране фараона благодаря более засушливому климату. Эти обрывки сведений в сочетании с данными раскопок и позволили восстановить судьбы древних рыбацких поселков, которые постепенно обрастали крепостными стенами и обзаводились признаками цивилизации.

Первым эту эволюцию претерпел Библ, куда уже в начале III тысячелетия до н. э. фараоны снаряжали экспедиции за древесиной. Еще во времена Снофру, правившего в середине III тысячелетия до н. э., к берегам Нила прибыли из Ливана «сорок кораблей, наполненных кедром». Кедр использовали не только для строительства, но и как источник душистой смолы. Ею окуривали помещения и для лучшей сохранности пропитывали бинты мумий.

Благодаря торговле с Египтом жители Финикии получили доступ к достижениям этой древнейшей державы. Их правители накопили немалые богатства, которые, конечно, притягивали алчные взоры соседей. Около 2300 г. до н. э. страну захватили родственные семитские народы. Заселили они тогда и соседнюю Палестину, где стали заниматься привычным сельским хозяйством, а в Финикии, напротив, привыкли к городской жизни и слились с прежним населением. В результате связи с южным соседом только укрепились. Во II тысячелетии до н. э. в Библе и других городах начали производить множество ремесленных изделий – золотые и серебряные фигурки, керамику, а также стекло. Технология его изготовления была «вывезена» из Междуречья, но именно финикийцы довели ее до совершенства. Они первыми научились делать из стекла украшения, посуду и даже зеркала.

Многие из этих маленьких шедевров подражали египетским образцам и производились с явным расчетом на экспорт. Неудивительно, что финикийские товары заполнили весь тогдашний мир – их можно было встретить от Британии до Индии. Причиной подобной товарной активности послужило одно ценнейшее приобретение ханаанеев, непосредственно связанное с торговлей.

Около 1250 г. до н. э. на Восточное Средиземноморье обрушились неведомые пришельцы, получившие название «народы моря». На своих легких кораблях они вторгались на побережье, грабя и сжигая все на своем пути. Под их натиском пали богатый Угарит и могущественная Хеттская держава, а Египет едва смог устоять,

напрягая все силы. Примерно тогда же мир узнал о финикийских мореходах, и у историков не раз возникал соблазн связать их с «народами моря». Однако этнического родства между ними не было. «Народы моря», или большая их часть, принадлежали к индоевропейской семье, а финикийцы были семитами.

Среди перечисленных в древних надписях пиратских племен финикийцев нет. Зато упоминаются шардана (сардинцы), турша (этруски), акайваша (греки-ахейцы), дануна (данайцы), пуласти (филистимляне) и другие. Очевидно, все они жили в Греции и Малой Азии, пока перенаселение или вторжение врагов не вынудило их сдвинуться с места. Часть из них – например ахейцы, – ограничивалась грабительскими набегами, другие переселялись целиком, захватывая новые районы. При этом филистимляне и чекеры разместились в Палестине и Сирии, в непосредственной близости от финикийцев. Вероятно, именно они научили жителей Ханаана строить корабли нового типа.

Превосходным материалом для них стал ливанский кедр, а связи с другими странами дали финикийским кораблям возможность заимствовать технические новинки. Их корабли были не плоскодонными, а килевыми, что очень увеличивало их скорость. Мачта по египетскому образцу несла прямой парус на двух реях. Вдоль бортов в один ряд располагались гребцы, а на корме были укреплены два мощных весла, которые использовались для поворота судна. Во вместительный трюм загружали амфоры или кожаные бурдюки с зерном, вином, маслом. Более ценные товары размещали на палубе, которая ограждалась деревянными решетками. На носу корабля закрепляли громадный сосуд для питьевой воды. Длина такого судна достигала 30 м, экипаж состоял из 20–30 человек.

В результате ливанские мореходы стали истинными владыками средиземных вод и изменили расклад сил в самой Финикии. Кедровый Библ уступил теперь первенство Сидону, разбогатевшему на торговле стеклом (оно и дороже древесины, и перевезти его за один рейс можно в большем количестве). А позже вперед вырвался Тир, который специализировался на производстве пурпурных тканей. Тирский пурпур ценился на вес золота, что объяснялось большой трудоемкостью его производства – для изготовления одного фунта

ярко-красной, не блекнувшей с годами краски требовались десятки тысяч раковин.

Однако за процветанием наступил (в XIV в. до н. э.) иной период. С востока на Финикию обрушились кочевые племена амореев, а с юга – древние евреи (хабиру), которые огнем и мечом прошли по Палестине, изгнав оттуда ханаанеев. Египет, ослабленный внутренней смутой, которую вызвал религиозный переворот Эхнатона, не смог помочь своим союзникам. Напрасно правитель Библа Риб-Адди взывал к фараоновым вельможам: «Пришлите скорее войска, чтобы спасти меня!» Брошенный на произвол судьбы, он был убит, а остальные финикийские цари поспешили признать власть пришельцев. Вскоре, правда, страна на некоторое время вернулась в орбиту египетской политики, но теперь ей постоянно угрожали новые и новые завоеватели – хетты, «народы моря», ассирийцы. Это не могло не повлиять на ухудшение нравов горожан. В начале XI в. до н. э. чиновник Унамон из Фив описал свои злоключения в финикийских землях: царь Библа Чекер – Баал не только отказался дать ему кедровое дерево, но и пытался продать гостя в рабство.

Перенаселение и постоянная угроза вторжений заставляли финикийцев сниматься с родных мест и искать лучшей доли за морем. Весьма кстати тут пришлось появление еще одного нового типа судов, способных совершать дальние плавания.

К IX в. до н. э. в Испании, Италии, Северной Африке насчитывалось около 300 постоянных финикийских колоний. Самой известной из них стал Карфаген – по-финикийски Карт-Хадашт, «новый город». Его основала некая царевна Элисса, фигурирующая в «Энеиде» Вергилия как Дидона, возлюбленная Энея. Она бежала из Тира в 825 г. до н. э. после очередного дворцового переворота и, приплыв со своими людьми в Тунис, попросила у местного ливийского вождя дать ей столько земли, сколько займет бычья шкура. Тот с готовностью согласился, и тогда хитроумные ханаанеи разрезали шкуру на тонкие полоски, огородив ими весьма солидный участок.

После смерти легендарной Дидоны Карфаген стал олигархической республикой, могущество которой смогли подорвать лишь римляне в III в. до н. э. Было это скорее исключением – прочие финикийские колонии, как правило, оставались в подчинении своих левантских метрополий. Впрочем, это не помешало прославиться на

весь античный мир таким городам, как Гадес (нынешний Кадис), сицилийский Панорм (Палермо), Утика в Тунисе. Вдобавок финикийцы заселили Алалию (Корсика), Мальту и другие острова Средиземного моря.

Понятно, что из-за пиратства для успешных плаваний требовались не только мирные, но и военные корабли. Вот какое описание этих кораблей мы находим в книге библейского пророка Иезекииля: «Из кипарисов сенирских делали тебе (Тиру) доски; кедры Ливана брали, чтобы сделать мачту над тобою. Из дубов башанских делали твои весла; сиденья для твоих гребцов делали из слоновой кости и бука, что с острова Кипра. Узорчатое полотно из Египта было парусом твоим, чтобы быть для тебя знаменем; яхонтовым и пурпурным цветом с островов Элиша покрыта была твоя палуба...»

Эти корабли были легче торговых, но длиннее и выше – гребцы располагались на двух палубах для большей скорости. Над ними возвышалась узкая площадка, защищенная щитами, с которой воины во время битвы обстреливали врага из луков и забрасывали дротиками. Но главным оружием был грозный таран, обитый медью и поднятый над водой. Корма корабля вздымалась вверх, как хвост скорпиона. Большие поворотные весла размещались не только на корме, но и на носу, что позволяло почти мгновенно совершить поворот. Кроме того, финикийцы при строительстве кораблей соединяли доски с помощью шипов, которые вставляли в высверленные отверстия. Их суда были прочнее по сравнению с более древними: до этого доски просто скрепляли между собой веревками. Финикийцы использовали деревянный якорь, заполненный свинцом (по всей видимости, это тоже их изобретение). Корабль мог перевозить до сотни человек – воинов, команду и гребцов, которыми часто были рабы. Финикийские корабли были лучшими на Древнем Востоке, из них состоял флот Ассирии, Вавилона, Персидской империи.

Уступая по размеру боевым судам других народов, финикийские превосходили их по маневренности и потому долго не знали поражений в морских баталиях. И это позволяло их командам вполне безнаказанно грабить и похищать людей во всех пределах. Так, согласно Геродоту, они захватили дочь аргосского царя Ио, возлюбленную Зевса. Когда она с другими девушками разглядывала диковинные ткани, разложенные на палубе, финикийские купцы

втолкнули ее в трюм и быстро отчалили. Таких случаев было немало. Еще в самую раннюю эпоху классической Греции у Гомера встречаются нелестные прозвища применительно к ханаанеям – «коварные обманщики», «злые кознодеи». Да и в I в. уже н. э. Цицерон все еще называет их *genus fallacissimus* (наиковарнейшим народом). А так писал о финикийцах греческий автор Плутарх: «Они являются людьми, полными горечи и угрюмости, покорными правителям, тираническими к тем, кем они управляют, жалкими в страхе, свирепыми, когда их затрагивают, непоколебимыми в решениях и столь ограниченными, что они с антипатией относятся ко всякому юмору и доброте». Похожую характеристику дает финикиянам и Аппиан – грек из Александрии, живший во II веке: «В пору процветания карфагеняне грубы и высокомерны ко всем людям, но они очень жалки в беде».

Дурная слава оказалась устойчивой, но большинство финикийцев, видимо, все же торговали честно. Иначе, что заставило бы народы Средиземноморья по своей воле вести с ними дела даже после крушения безраздельного морского могущества Тира и Сидона в течение многих веков? Известны и другие высказывания древних авторов. Помпоний Мела, испанец, писал: «Финикияне были мудрым народом, который процветал и в войне, и в мире. Они преуспевали в письменности, и литературе, и в других искусствах, в морском деле, в военном деле и в управлении империей».

Вначале продавцы и покупатели обменивали товары «на глаз», по взаимному согласию. Потом в употребление вошли ценовые эквиваленты – слитки серебра, золота или меди. А после появления в Лидии в VII в. до н. э. первых монет финикийские города, видимо, очень скоро переняли обычай их чеканки, хотя самые древние дошедшие до нас сидонские деньги относятся только к IV в. до н. э. Они получили название «сиклей», или «шекелей», заимствованное позже евреями.

Постепенно характер финикийской торговли изменился – финикийцы стали продавать не только отечественные товары. Так, они перепродавали медь с Кипра, серебро из Испании, олово с далеких Британских островов. Даже из Индии купцы – вероятно, через посредников – привозили слоновую кость. В поисках новых рынков сбыта и пополнения запасов они смело устремлялись в неизвестность.

В VI в. до н. э. карфагенянин Ганнон с флотилией из 60 кораблей проплыл вдоль западного берега Африки до самой Гвинеи, замечая по пути бегемотов, «диких волосатых людей» (горилл), огненную «колесницу богов» (очевидно, вулкан на нынешнем острове Фернандо-По) и прочие невиданные чудеса. Его земляк Гимилькон, в свою очередь, совершил вояж к северу от Европы, до самого «застывшего моря». Он оставил известия о странном водоеме, где царит вечный мрак и водоросли препятствуют движению кораблей. Может быть, речь идет о Саргассовом море? Если это правда, то финикийцы могли побывать и в Америке. В Новом Свете действительно неоднократно находили финикийские надписи, но они всякий раз оказывались подделками любителей сенсаций. Вопрос о конкретных маршрутах ханаанеев остается туманным. Во многом эта неясность объясняется тем, что свои навигационные карты они считали секретнейшими документами государственного значения.

В VII в. до н. э. левантийские приморские города вместе с Израилем и Иудеей стали жертвами новых завоевателей – ассирийцев. Еще в 877 г. до н. э. их царь Ашшур-насирпал II с большим войском явился в Финикию и вынудил ее жителей выплатить ему дань золотом, слоновой костью и кедром. С каждым годом этот «налоговый» гнет все усиливался, что побуждало ханаанеев к частым восстаниям. После одного из них в 680 г. до н. э. новый повелитель захватчиков, Асархаддон, разрушил древний Сидон и угнал всех его жителей в плен.

Однако уже через несколько лет порт возродился. Ассирийские цари остро нуждались в финикийских кораблях для морских экспедиций и доставки товаров, например меди и железа, из которых они ковали оружие. Однако Ханаан был обложен тяжелой податью и обязывался регулярно отсылать в Ниневию самых умелых мастеров и зодчих.

Впрочем, это продлилось недолго. К 610 г. до н. э. Ассирия была уничтожена, а Финикии пришлось противостоять новому захватчику – вавилонянину Навуходоносору II. Он дважды осаждал Тир, но так и не смог взять город. Грозному воителю пришлось смириться с независимостью Тира и даже предоставить его купцам немалые привилегии. Но время было упущено – утерянные за время

«ассирийского плена» и прочих напастей позиции в морской торговле прочно заняли греки и карфагеняне.

Пришлось искать новую сферу деятельности, в которой финикийцы пока еще не имели соперников. Ею стало посредничество – обмен валют и кредит. Тир и Сидон сделались важнейшими финансовыми центрами Древнего мира – во многом благодаря покровительству персидских царей, которые захватили тогда владения Вавилона. В 525 г. до н. э. Камбиз при помощи финикийского флота захватил Египет и в благодарность объявил ханаанею «царскими друзьями», передав им в залог этой дружбы несколько городов Палестины. Персидская администрация надежно охраняла купцов из Леванта в любом уголке царских владений. Те платили верной службой – помогали Дарию и Ксерксу в их знаменитых походах на Грецию (предоставляли суда). При этом убивали двух зайцев – задабривали покровителей и ослабляли главных конкурентов на морях.

Войдя в состав Персидского царства, Финикия к тому же смогла лучше изучить традиции банковского дела, возникшего в Вавилоне еще во II тысячелетии до н. э. Ассиро-вавилонские банкиры вначале были обычными ростовщиками, которые выдавали ссуды на определенный срок под проценты. Потом они перешли к более сложным операциям – давали купцам кредиты на отдельные коммерческие операции, принимали и выдавали вклады и проводили безналичные расчеты между разными городами (для этого использовались кожаные чеки с печатями того или иного финансового учреждения).

Ту же практику переняли финикийцы – чеки, правда, до нас не дошли, но их описания встречаются в античных сочинениях. И если вавилонские и ассирийские дельцы обслуживали в основном своих соплеменников, то финикийцы впервые вывели «бизнес» на международную арену. Их услугами пользовались практически все негоцианты Восточного Средиземноморья, цари, народные собрания греческих полисов. На рубеже VI и V вв. до н. э. Тир и Сидон играли ту же роль «всемирного банка», что в наши дни – Швейцария.

Для упрощения учета товаров финикийцы, наверное, и изобрели алфавит, название которого произошло от его первых букв – «алеф» (бык) и «бет» (дом). Конечно, изобретение это состоялось задолго до персидского периода – примерно в середине II тысячелетия до н. э.

Постепенно алфавит вытеснил другие текстовые системы, так как был намного удобнее, хотя среди 22 его знаков не нашлось места гласным. Позже их догадались обозначать особыми символами или заменять похожими по звучанию согласными.

Значение этого алфавита переоценить невозможно – замена сотен иероглифов двумя десятками букв намного облегчила усвоение грамоты. Параллельно финикийцы распространили по Средиземноморью удобный материал для письма – папирус. Не случайно по-гречески книга стала называться «библион» – по финикийскому названию этого материала и ханаанского города одновременно.

Финикийский алфавит положил начало грамоте подавляющего большинства народов мира. С одной стороны, от него произошли еврейская, арамейская и арабская письменности, так и не обзаведшиеся гласными и направленные по древнему обычаю справа налево. С другой – его уже в IX в. до н. э. усвоили греки, которые изменили направление чтения и добавили гласные, как этого настоятельно «требовал» их язык. От греческого алфавита произошли, в свою очередь, латинский, славянский, грузинский и армянский. Все они обязаны своим существованием какому-то неведомому жрецу или торговцу из Библа или Сидона. Кто знает – возможно, не будь его, школьники до сих пор заучивали бы вместо букв сотни сложных иероглифов или отпечатывали на глине птичьи следы клинописи.

Потребности торговли вынуждали финикийцев овладевать научными знаниями. Мореплавателям требовалось умение находить путь по звездам, что предполагало знание астрономии. Торговцу нужно было иметь представление о способах производства товаров, которые он покупал, о разных ремеслах, ориентироваться на местности, знать обычаи и языки других народов. По этой причине купцы стремились дать своим детям разностороннее образование, обучая их математике, чтению и письму, а также военному искусству. Географ Страбон писал, что финикийцы «занимались научными исследованиями в области астрономии и арифметики, начав со счетного искусства и ночных плаваний. Ведь каждая из этих отраслей знания необходима купцу и кораблевладельцу». Вероятно, в финикийских городах имелось много школ, хотя до нас не дошли ни сведения о них, ни сочинения их писателей и ученых. Мы знаем имя

мудреца Санхунь-ятона из Берита (Бейрута), который «еще до Троянской войны» написал историю Финикии (в 1836 г. немецкий пастор Фридрих Вагенфельд издал якобы обнаруженный им труд этого Санхуньятона, но он оказался подделкой). Ученым приходится довольствоваться фрагментами труда, дошедшими до нас в пересказе греческого автора Филона Библского.

Известны были также историк Исократ и философ Мох, который будто бы задолго до Демокрита догадался о существовании атомов. В эллинистическую эпоху прославились уроженцы Ханаана – мыслитель Зенон (автор известных парадоксов) и поэт Антипатр Сидонский, писавшие по-гречески. Наконец, в сочинении Иосифа Флавия «О древности иудейского народа» сохранились отрывки тирских летописей. Вся остальная богатая литература Финикии погибла. Труды историков и писателей Карфагена, от которых не осталось даже имен, были сожжены римлянами после взятия города в 146 г. до н. э.

Очень мало известно и о финикийской религии. Отчасти в этом виновны сами жители Ханаана, которые из страха перед богами не желали произносить священных имен. Их заменяли почтительными прозваниями Эл (собственно «бог»), Баал («господин»), Баалат («госпожа»). Позже точно так же табуировали имя Сущего и евреи, заменявшие слово Яхве «прозвищами» наподобие Адоная или Саваофа. По немногочисленным мифам и находкам археологов можно заключить, что в каждом финикийском городе имелся свой собственный пантеон, в который входили обычно главный бог, его жена, богиня плодородия, и их сын. Правда, встречались и другие триады – например, в Тире в VII в. до н. э. «царили» повелитель небес Баал-Шамем, морской владыка Баал-Малаки и воитель Баал-Цафон. Небесный «царь», обычно носивший имя Эл, не особенно интересовался земными делами, и жертв ему почти не приносили. Зато море, кормилец и защитник торгового народа, нуждалось в постоянном внимании и почтении. Бога плодородия – знаменитого Мелькарта – стали считать главным покровителем Тира, хотя иногда эта роль переходила к «богу алтаря благовоний» Баал-Хаммону. Оба бога соперничали за любовь прекрасной Астарты – единственной богини, которой поклонялись все финикийцы. Она воплощала жизнь и любовь, хотя часто ее поступки были непредсказуемы и коварны. В Библие ее

супругом считали юного красавца Адониса, в Сидоне – бога-врачевателя Эшмуна.

Финикийские храмы представляли собой огороженную площадку со зданием внутри – «домом бога» (бетиль). Так назывались и священные камни, в которые воплощались высшие силы. Такие камни помещались в «доме бога» вместе со статуями и священными книгами – отрывки из них зачитывали по большим праздникам. Часто при храмах имелись деревья и источники, тоже почитавшиеся неприкосновенными. А порой ханаанеи обходились вообще без храмов, принося жертвы в рощах или на вершинах гор. Закалывали во славу богов крупный и мелкий скот, резали птиц, «дарили» им зерно, вино, молочные продукты. Затем все это сжигалось на каменном алтаре под пение гимнов и воскурение благовоний.

Но самой ценной жертвой были люди. Под башнями и воротами вновь возводимых городов закапывали младенцев. После военных побед закалывали пленных. А когда приходила беда, не щадили даже собственных детей. В отрывке из Санхуньятона говорится: «Во время великих бедствий финикийцы приносили в жертву кого-нибудь из самых дорогих людей». Диодор Сицилийский, со своей стороны, оставил сообщение о медной статуе божества, из рук которого обреченное дитя падало в огонь. Эту статую прозвали Молохом – то есть просто «царем», – что и породило легенду о жестоком боге с таким именем. На самом деле никакого Молоха не было, а жертва посвящалась высшим покровителям города.

В период персидского владычества финикийские города впервые объединились в союз. Это случилось в IV в. до н. э., когда жители Тира, Сидона и Арвада выбрали своим центром старое поселение, назвав его Триполи (по-гречески «трехградье»). Там собирался общефиникийский совет – своего рода парламент из 300 человек. К тому времени городами формально по-прежнему правили цари, но на деле власть перешла к богатейшим торговцам и банкирам. Иногда они свергали формального государя и передавали его полномочия судьям-суффетам, избираемым на год. В громадной персидской державе финикийцы чуть ли не впервые за свою историю извели выгоды мира и законности, смогли пользоваться хорошо налаженной системой дорог и почтовых сообщений. И в итоге случилось неизбежное – они забыли о прежних лишениях, «зазнались» и начали выходить из

повиновения монархам. Например, когда он повелел Тиру и Сидону готовить флот для похода на Карфаген, те решительно отказались выступить против сородичей.

В финикийских головах зародилась мысль о независимости. В 350 г. до н. э. они подняли восстание под руководством некоего Теннеса, но силы оказались неравными. Семь лет спустя царь Артаксеркс III дотла разорил Сидон, истребив 40 тысяч его жителей. А затем пришел последний завоеватель – Александр Македонский, который в 332 г.

до н. э. подверг не меньшим разрушениям Тир. Островной город сопротивлялся непобедимому полководцу целых семь месяцев. Тогда царь велел насыпать к нему дамбу от материка, таким образом превратив его в полуостров. В конце концов стены рухнули под ударами греческих таранов и ядрами катапульт. Почти 10 тысяч тирцев погибли в бою или были распяты победителем на крестах, а остальные жители были обращены в рабство. И хотя после этой жестокой расправы город все-таки возродился, он уже не вернул себе прежнего величия.

После смерти Александра Финикия стала «яблоком раздора» для его преемников – египетских Птолемеев и сирийских Селевкидов. К IV в. до н. э. значительная часть ливанских кедров была вырублена, это привело к упадку кораблестроения. В результате финикийцы были вытеснены с торговых путей греками, чьи корабли на тот момент были уже более совершенными. Даже в гаванях Ливана греческий язык вытеснил ханаанейский. Последние остатки самостоятельности Тир и Сидон утратили при римлянах. На месте «варварских» строений были возведены храмы, дворцы и ипподромы греко-римского образца.

В 218 г. свершился кратковременный реванш – императором стал юный сириец Гелиогабал (Марк Аврелий Антонин Бассиан), объявивший Баала верховным божеством в Риме. Но уже через четыре года его убили, и вскоре Баала с облегчением забыли не только в Риме, но и в самом Леванте, принявшем учение Христа. С приходом ислама финикийская культура окончательно прекратила существование. Но ее великие достижения отнюдь не утрачены человечеством.

Недавние исследования ливанских ученых показали, что современные ливанцы, христиане и мусульмане, много лет воевавшие между собой, имеют общих предков – финикийцев. Может быть,

понимание этого поможет народу обрести мир? И древние финикийцы снова сделают то, чем они занимались всю свою долгую историю. Как в древности они связывали дальние берега, страны и народы, так и сейчас помирят своих беспокойных потомков.

Пути Моисея

На полуострове между Суэцким и Акабским заливами, площадью в 25 тыс. км², никогда не было высоких цивилизаций, многолюдных городов. Но правители глубокой старины понимали, что полуостров, названный, очевидно, в честь древнейшего аккадского бога Луны по имени Син, – это настоящий мост между Африкой и Азией, Средиземным и Красным морями. А может быть, раньше правителей ценность Синая поняли купцы и караванщики. Как бы то ни было, но по приказу фараонов Нового царства пустыню пересекла «дорога бога Гора». Римляне проложили здесь «Виа Марис», дорогу от Нила до Тигра и Евфрата. Египетские мусульмане путешествовали через полуостров в священную Мекку. Военные шоссе и аэродромы после стычек с арабским Востоком во второй половине XX в. тут построили израильтяне. Теперь на Синае, возвращенном Египту, кажется, сплошные владения египетских вооруженных сил. А бывший израильский аэродром стал ростком одного из самых модных курортов мира, Шарм-аль-Шейха.

С Синайским полуостровом связана и одна из самых удивительных историй спасения целого народа. Библейский рассказ об Исходе описывает, как благодаря вмешательству Бога пришло к концу притеснение израильтян, проводившееся новым египетским фараоном, которым, возможно, был Меренптах (1224–1211 гг. до н. э.). Когда Моисей вырос и, по некоторым данным, получил высокое посвящение египетского жреца, он напал на египетского надсмотрщика, избивавшего израильтянина, убил его и был вынужден бежать в пустыню. Там он жил при Иофоре, священнике Мадяна, области к востоку от северной оконечности Красного моря – залива Акаба, или Эйлатского; дочь Иофора Сепфора стала женой Моисея.

Когда Моисей пас стада в глубине пустыни, из горящего куста к нему воззвал Бог, сказав, что Моисей избран, чтобы вернуться в

Египет и вывести соотечественников из-под гнета. Бог наделил Моисея знамениями, которыми тот мог убедить собратьев-израильтян и фараона. Моисей со своим братом Аароном вернулся в Египет и был принят монархом, однако тот не пожелал отпустить евреев. Тогда Бог наслал на эту страну одну за другой десять «казней», наиболее сокрушительной из которых была последняя – умерщвление всего первородного у египтян. Это заставило правителя одуматься: в ночь, когда намечалось массовое убийство, он послал за Моисеем и Аароном и потребовал, чтобы они немедленно увели свой народ.

И они вышли, все разом, с чадами, домочадцами и слугами, стадами и отарами. Отряд пришел к водному пространству, позднее описываемому (в греческом переводе Библии) как Красное (Чермное) море. На самом деле это море ярко-синее, а Красным стало потому, что древние мореходы были поражены массой алых микроводорослей в его водах. Авторы оригинала, скорее всего, имели в виду северную оконечность Суэцкого залива или одно из Соленых (Горьких) озер, а может быть, залив Акаба.

Именно здесь развернулись самые величественные из событий, описанных в Ветхом Завете. Море расступилось перед израильтянами, и прошли они по дну, словно по сухой земле. А когда фараон с войском устремился вслед за беглецами, волны вновь сомкнулись, потопив египтян. Некоторые библейские историки, считая это событие подлинным, относили его ко временам фараона Меренптаха. Ходило предание, что мумия этого царя отличается белизной, поскольку тело успело просолиться в море, пока его не извлекли. Но в действительности мумия Меренптаха такого же цвета, как прочие царские тела, собранные в Египетском музее...

В дальнейшем триумфальное спасение неизменно провозглашалось величайшим и чудесным деянием Бога в защиту народа Израиля. Исход из Египта группы семитоязычных людей, состоящих из членов дома Иосифа, вероятно, действительно имел место. Семитоязычные мигранты многократно приходили в Египет и впоследствии покидали его. О подобных исходах сохранились египетские предания, одно из которых записано на папирусе, датированном последними годами XIII ст. до н. э.; об изгнании евреев сообщал и живший позже египетский историк по имени Манефон. Сам библейский рассказ в том виде, в каком он дошел до нас, по-видимому,

является комбинацией двух очень давно связанных воедино, но первоначально независимых повествований. Одно из них – о бегстве (а именно, о бегстве Моисея) и другое – об изгнании. Бегство Моисея расценивалось египтянами как досадный провал использования принудительного труда. А какая-то другая семитоязычная группа, члены которой считались нарушителями спокойствия, видимо, была депортирована независимо от произошедшего с Моисеем.

Нет оснований полагать, что во всех подобных случаях спасающиеся или высланные из Египта бежали по единственному, тому же что и Моисей, маршруту, предусматривающему пересечение описанного в Библии водного пространства. Среди племен или групп кланов, нашедших путь из Египта в Ханаан, были, по-видимому, и такие, что вовсе не участвовали в Моисеевом Исходе. Ряд таких групп, вероятно, двигались наземным путем вдоль средиземно-морского берега, и весьма удивительно, что современным археологам не удается найти соответствующих следов.

Таким мог быть, например, маршрут, по которому достигло своего конечного места назначения самое южное племя (союз племен) Иуды. Вполне возможно, что был и третий Исход, и четвертый. Более того, предки некоторых других племен, особенно колен Рувима и Гада в Заиорданье, могли прийти в области, заселенные ими в исторические времена, с окраин пустыни, вообще не побывав в Египте. Наконец, кое-кто из людей, происходящих из групп Авраама, Исаака и Иакова, безусловно, все время оставался в Ханаане.

Как бы то ни было, но евреи вступили на Синай, и огромный, раскаленный солнцем полуостров встретил их весьма неприветливо. Морщинистые лилово-красные, серо-коричневые, охристо – желтые скалы вздымались над щебнистыми долинами со скудным жестким кустарником. Но все-таки как они преодолели море?

Есть предположение, что в пору Моисеева похода, свыше трех тысяч лет назад, северная часть Красного моря выглядела совсем не так, как сейчас. Она представляла собой почти что сплошные болота и заросли с редкими тропами. Недаром по-древнееврейски этот край назывался Ям-Суф – Тростниковое море.

Вспомним еще раз Библию. Задолго до Исхода евреев из Египта Моисей был вынужден бежать на Синай. Там он стал пастухом и оставался им сорок лет. Однажды Моисей увидел куст, который горел

пламенем и не сгорал; в этом огне ему явился сам бог израильтян Яхве и велел вернуться в Египет, чтобы вывести оттуда соплеменников... Если правда хотя бы то, что бывший египетский жрец столько лет пас стада, – насколько же хорошо он должен был бы узнать дороги Синая. Возможно ли для такого знатока провести людей через болота? А воины фараона, не зная троп, погибли в трясинах или вернулись не солоно хлебавши...

Есть, конечно, и другие версии чуда с Красным морем. Одна из них гласит, что сразу вслед за переходом, совершенным евреями по мелководью, некий ураган пригнал большую волну, отрезавшую путь египтянам. Другая гипотеза привлекает в качестве объяснения известную средиземноморскую катастрофу – взрыв вулкана на острове Санторин. Тогда, мол, возник колоссальный прилив, который мог затопить земли Нижнего Египта. Или того проще: израильтяне просто попрятались в тростниковых зарослях, окружавших озера между Суэцким перешейком и побережьем Красного моря.

Какой бы вариант ни оказался правильным, главное другое: Исход произошел, целый народ освободился из рабства. Сам этот факт не мог не вдохновить летописцев на сказочные преувеличения. Ведь семитские племена, называемые в древних хрониках ибрим или хабиру («пришельцы, люди с другой стороны»), пришли в Египет отнюдь не как пленники, ставшие рабами. Вероятно, ибрим были родственны гиксосам (точнее, «хекасасут», то есть «царям чужеземных стран»). Эти азиатские кочевники захватили страну на Ниле около 1700 г. до н. э. Возможно, вместе с ними пришли ибрим. Среди имен гиксосских вождей упоминается некий Якобер – почти библейский Иаков. Позднее гиксосы были изгнаны египтянами; но ибрим (от этого слова пошло название «евреи») остались, поскольку уже стали оседлым народом, скотоводами и земледельцами. При могучем и жестоком фараоне Рамзесе II, великом воине и строителе, в Нижнем Египте, где жили ибрим, начали возводиться новые города.

Пришельцев стали использовать на стройках, в каменоломнях. Очевидно, именно этот период Библия вспоминает как рабский.

Подтверждение Ветхому Завету обнаружил археолог Флиндерс Петри, и как раз на Синае. Среди необычайно выразительных морщин и складок местных скал можно встретить провалы, дышащие духотой металлургического цеха. Многие ямы оставлены рукой человека –

здесь в дни фараонов искали и добывали медь. В одной из медных выработок Петри обнаружил надпись на древнесемитском языке. Быть может, ее оставили рабы-ибрим, обреченные задыхаться, долбя кирками горячий камень. Это – самый ранний в мире семитский текст, ему около трех с половиной тысяч лет. Знаки до сих пор не расшифрованы.

Но вернемся к синайскому походу Моисея во главе многотысячной толпы. Пустоши, покрытые опаленным щебнем. Колючий пыльный кустарник. Редкие оазисы у родников – две-три пальмы, веселая гривка зелени, а дальше снова километры и километры камня под беспощадным солнцем. Ущелья с иссиня-черными тенями. Странные природные формы на обрывах, напоминающие рельефы индийских или греческих храмов. Глыбы ростом с дом, низвергнутые на равнину давними катаклизмами. Дымка зноя, рождающая миражную воду... Здесь они и прошли во главе со своим отважным вождем, способным творить чудеса. Но нет чуда, которое нельзя было бы объяснить великолепной сноровкой Моисея – опытного синайского пастуха! Знаменитая «манна небесная», которую, сжалившись, Яхве послал евреям для прокормления в пустыне, не что иное, как застывшие капли сока растений, одного из видов тамариска. Они и вправду съедобны. А известное диво с посохом пророка? Ударив им по скале, Моисей «извел» оттуда воду... После редких дождей на Синае порой возникают скрытые водохранилища. Они спрятаны под коркой спекшейся извести и песка. Один хороший удар в таком месте и...

После трехмесячного путешествия и отражения атаки мародеров группа, ведомая Моисеем, расположилась лагерем перед горой Синай (Хорев), до которой Моисей доходил еще до Исхода. На этот раз Бог призвал его взойти на вершину горы и повелел сказать израильтянам, что если те будут слушаться Бога и соблюдать его завет, то станут его уделом, его царством священников, его святым народом.

Вопреки высказываемому иногда мнению, в сознании израильтян Яхве еще не окончательно стал всемирным божеством, хотя те иногда и называли его творцом и господином мира. Для них Яхве существовал исключительно как защитник израильтян. На протяжении всей истории он считался воинственным богом, направляющим воинственный народ.

В Египте, откуда пустилась в путь руководимая Моисеем группа израильтян, незадолго и ненадолго (среди жрецов фараона XVIII династии Аменхотепа IV, или Эхнатона, 1379–1362 гг. до н. э.) распространился культ, который можно считать своеобразным единобожием солнцепоклонников. Но это религиозное движение возникло среди народа куда более развитого, чем древние израильтяне, и вряд ли оказало какое-либо влияние на Моисея. Он верил, что Яхве – Бог его, Моисея, собственного народа. Другие могли верить во что угодно, но народ Израиля, по убеждению Моисея, должен полностью сосредоточиться на поклонении Яхве. В этом смысл шести еврейских слов, называемых «Шема» и переводимых как «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» – и того, что добавлено к ним: «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими».

Евреям было приказано в течение двух дней стирать одежду и очищаться. На третий день были громы, и молнии, и громкие трубные звуки; люди вышли и стали у подножия горы, накрытой густым облаком, и тогда послышался голос самого Бога. Оставив во главе лагеря Аарона и Ора, который, по еврейскому преданию, был мужем его сестры Мариам, Моисей снова поднялся на вершину горы, исчезнув во все еще покрывавшем ее облаке. Там он оставался сорок дней и сорок ночей, общаясь с Богом, который объявил ему Десять заповедей. По истечении этого времени Бог дал ему две скрижали (каменные плиты), на которых были начертаны «закон и заповеди» (предположительно, Десять заповедей)... «написанные перстом Божиим».

Заповеди зафиксированы в Библии в двух различающихся вариантах. Ранние заповеди начинаются с предписаний, относящихся к признанию исключительно Бога Израилева, который вывел израильтян из Египта; его не должно изображать, и он «ревнитель». Далее следуют шесть моральных запретов:

Почитай отца твоего и мать твою.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай собственности ближнего своего.

Эти заповеди и запреты абсолютны, категоричны, непреложны и не содержат никаких оговорок на случай смягчающих обстоятельств или особых ситуаций, «когда поступают так-то и так-то».

Когда Моисей сошел с высоты и обнаружил, что его люди берутся за старое, он в гневе разбил скрижали, но после того, как он провел еще сорок дней на горной вершине, Бог написал и вверил ему новые. Какими бы чудесами ни обросло впоследствии предание о том, что группа израильтян, дом Иосифа, миновала гору Синай (или Хорев), оно, вероятно, основано на историческом факте, поскольку события, связанные с присутствием израильтян, уникальны, т. е. не имеют параллелей, на которые можно было бы сослаться.

Люди верили, что на горе Синай Яхве, используя Моисея в качестве своего посредника, закрепил особую связь с народом Израиля, произнеся «берит» – торжественный официальный обет, или клятву, или обязательство (это слово обычно не вполне точно переводят как «завет») и связав израильтян с собой обещанием: «И приму вас Себе в народ, и буду вам Богом». И это заверение, как утверждает предание, повторялось вновь и вновь, от одного поколения к другому, во многих вариантах. Синайский завет имел двойной смысл: он являлся обетом, принятым на себя Яхве в качестве акта доброй воли и одновременно обязательством, возложенным на народ. Имела ли подобная концепция прецеденты, сказать трудно, поскольку заветы, вступление в которые приписывается более ранним персонажам – Ною и патриархам, были лишь легендарными и считались «контрактами» между Яхве и единственной избранной личностью; Синайский же завет был не только индивидуальным, но и коллективным, охватывавшим всех членов общества.

Пробыв около года у горы Синай, израильтяне двинулись дальше и после многих превратностей судьбы пришли в Кадеш-барнеа у границ Земли обетованной, земли Ханаана. Обсуждение вопроса, следует ли идти еще дальше, вызвало жестокие разногласия. Но Бог, сказано в Библии, был настолько раздражен недостатком послушания у израильтян, что те смогли продолжить продвижение лишь по истечении почти четырех десятилетий.

Библия сообщает о захвате Моисеем в Заиорданье Хешбона, города царя аморитов Сигона. Наконец Моисею было дано издали оглядеть Ханаан, Землю обетованную, и затем он умер. Это случилось

после того, как Моисей «взошел с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона», у города, где он задолго до того уже разбивал лагерь. Его тело было погребено в долине земли Моав, напротив Бейт-пеора, «и никто не знает места погребения его даже до сего дня». Существует и более позднее предание, согласно которому Моисей вознесся на небо.

Библия сообщает, что плач и сетования о Моисее продолжались сорок дней: «Не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всей землей, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил перед глазами всего Израиля».

До наших дней евреи каждый год отмечают Исход семидневным весенним праздником Пасхи, как предписано Библией. Для них, как и для всех их предшественников с весьма древних времен, Исход является ключевым моментом всей истории. Он был событием, благодаря которому они стали народом, тем народом, который Бог избрал своим, и единственно посредством Исхода, настаивают авторы Библии, следует интерпретировать всю мировую историю. И потому те, кто говорит о своем происхождении от Моисея и его приверженцев, считают его величайшим вождем человечества всех времен.

На Синае причудливо переплелись иудейские и христианские легенды, по прихоти судьбы объединившиеся за стенами монастыря Святой Екатерины. О ней сохранилось благочестивое предание. С ней, по собственному утверждению девушки, беседовала в родной деревне Домреми, у старого дерева, юная Жанна д'Арк. Екатерина, жившая в Александрии во времена язычества, за исповедание веры Христовой была обречена мучительной казни – колесованию. Но палачам долго не удавалось ничего сделать с ее невинным телом. Наконец как-то сумели отрубить Екатерине голову. Но тело внезапно исчезло! Потом его обнаружили на вершине горы – самой высокой на Синайском полуострове. Туда перенесли тело мученицы ангелы. С тех пор гора носит имя Святой Екатерины Александрийской.

Французский историк Робер Амбелен, большой знаток тайн и секретов древности, утверждает, что никакой Екатерины Александрийской на свете не было и что после исследований,

проведенных по приказу папы Иоанна XXIII, ее имя вычеркнули из календаря святых. Возможно, однако, как и в случае с огненными видениями Моисея, сам красивый, героический образ вдохновлял потомков на славные дела. Одним из таких дел стало сооружение обители в пустыне.

Монастырь напоминает крепость, построенную из крупных, серовато-песчаного цвета блоков, но внутри прочной скорлупы, словно в орехе, находится хрупкое и ценное ядро. На возвышении, в специальной ограде растет большой куст, простирая к молящимся длинные змеистые ветви. Это – неопалимая купина, куст, где, в окружении пламени, пастух Моисей увидел лик своего божества Яхве. Вернее, куст, выросший на корнях той самой купины. Монахи утверждают, что эти корни чудесным образом дают побеги четвертую тысячу лет (огонь купины – явление чисто физическое и к духовным озарениям касательства не имеет – неопалимая купина, или диптан, относится к эфирно-масличным; его испарения порою, в особо жаркий день, могут вспыхнуть легкими огненными языками).

Возле Моисеевой купины, еще до обнаружения останков святой Екатерины, в 330 г. была основана небольшая церковь Богоматери и построен приют для монахов. Позднее боголюбивый византийский император Юстиниан велел расширить монастырь. А еще позже, когда обнаружили и снесли с горы нетленные мощи мученицы, обитель получила свое нынешнее имя. Помимо чудесного куста, монастырь славен коллекцией икон стариннейшего письма и библиотекой, где есть самые ранние кодексы Евангелия. Все это уцелело и после того, как в 642 г. арабские войска под командованием Амра ибн эль-Аса вошли в Египет, разогнав куда более многочисленные византийские гарнизоны. Мусульмане отнюдь не оказались жестокими разорителями. При них – и до сего дня – продолжали подниматься паломники на гору Моисея, преклонять колени перед образами в церкви Екатерины, благоговейно взирать на «ту самую» купину. И это не удивительно, ибо Коран причисляет к величайшим пророкам, предшественникам Мухаммеда, и праведного Мусу (Моисея), и Ису (Иисуса)... Так сплетаются на вечном Синае пути земные и небесные.

Соломон в сиянии славы

Еврейский царь Соломон – общепризнанный и непререкаемый символ государственной мудрости. Почти все сведения о нем происходят из Библии, но это не делает его фигуру менее яркой в череде славных правителей древности.

Приход к власти Соломона сопровождался жестокой борьбой за трон. Когда царь Давид находился при смерти, его сын Адония, ставший после смерти своих братьев старшим из сыновей царя, задумал захватить власть еще при жизни отца. Адония знал, по-видимому, что царь обещал престол сыну своей любимой жены Вирсавии (Бат-Шевы), и захотел опередить своего соперника.

Формальное право было на его стороне, и это обеспечило ему поддержку влиятельного военачальника Йоава и первосвященника Эвьятара, а пророк Натан и священник Цадок были на стороне Соломона. Для одних право старшинства было выше воли царя, и ради торжества формальной справедливости они перешли в оппозицию, в лагерь Адонии. Другие считали, что поскольку Адония не был первородным сыном Давида, то царь был вправе отдать престол, кому захочет, хотя бы и своему младшему сыну Соломону.

По совету пророка Натана и при его поддержке Вирсавии удалось убедить царя поспешить, назначить Соломона своим преемником и помазать его сейчас же на царство. Священник Цадок в сопровождении пророка Натана и отряда царских телохранителей повезли Соломона на царском муле к источнику Гихон, где Цадок и помазал его. Когда раздались звуки рожка, народ закричал: «Да здравствует царь!» Народ стихийно пошел за Соломоном, сопровождая его во дворец с музыкой и ликующими криками.

Весть о помазании Соломона испугала Адонию и его сторонников. Адония, боясь мести Соломона, искал спасения в святилище, ухватившись за рога жертвенника. Соломон обещал ему, что если он будет вести себя безупречно, «волос не упадет с его головы на землю»; в противном же случае он будет казнен. Вскоре Давид умер, и царь Соломон вступил на престол. Так как его собственному сыну уже исполнился год, следует предположить, что Соломон был уже зрелым человеком.

Один из историков – соавторов Библии при создании «Третьей книги Царств» – составил аккуратное, может быть, даже слишком аккуратное, описание царствования Соломона (965–927 гг. до н. э.). Первые десять глав должны были представить его царствование периодом мира и процветания. Кроме того мы узнаем, что Соломон был не только исключительно мудр, но и исключительно богат. Соломон заключил союз с египтянами и скрепил его, женившись на дочери правившего тогда фараона и получив от того, в качестве приданого ханаанейский город Изер, который, очевидно, вплоть до того времени оставался контролируемым Египтом анклавом. Соломон сохранил и укрепил завязанную его отцом Давидом дружбу с царем Тира Хирамом I Великим и поддерживал с ним тесное торговое сотрудничество. С помощью Хирама Соломон стал выдающимся

строителем и переустроителем городов. В самом Иерусалиме он тринадцать лет посвятил сооружению дворцового комплекса, включающего Храм.

За эти достижения одно из преданий, запечатленных в «Третьей книге Царств», явно благоволит к Соломону. Однако другой автор рисует более безрадостную картину, хотя редактор повествования, греша против истории, относит не удовлетворяющие его события на последние, закатные годы Соломона. Мы узнаем, что политический престиж Соломона был весьма относительным. После смерти Давида отделился Эдом, в Сирии арамейские царства восстановили самоуправление, царь был вынужден передать двадцать городов в Галилее Хираму Тирскому в счет погашения долгов, пришлось покончить со старшим единокровным братом Адонией. Притязания же на трон самого Соломона были отнюдь не бесспорными – особенно потому, что его мать Вирсавия являлась иевусейкой и чужеземкой.

Тем не менее, эти сложности не помешали Соломону развить весьма энергичную торговую деятельность. С помощью Хирама он построил у оконечности залива Акаба торговый порт. Напротив порта располагались крепость, склад и зернохранилище. Город стоял у крупного наземного пути, ведущего в сердце страны через пустыню Негев. В порт прибывали суда из страны Офир с грузами золота и серебра, драгоценных камней и слоновой кости, павлинов и обезьян. Свои колесницы Соломон покупал в Египте, лошадей – в Египте и Куэ в Киликии, на юго-востоке Малой Азии. Израиль впервые полностью вошел в основное русло ближневосточной большой торговли, деловых отношений и дипломатии, ярким подтверждением чему служат сообщения (пусть и преувеличенные) о 700 женах и 300 наложницах Соломона, многие из которых являлись чужеземками.

То же стремится подчеркнуть предание о визите царицы Савской. Рассказ о визите используется библейскими авторами в качестве повода, чтобы поведать о том, как восхитили царицу мудрость и богатство Соломона, и содержит элементы вымысла – и все же он, вероятно, отражает действительно существовавшие торговые связи

Соломона с Юго-Западной Аравией. Жители этой страны основали устойчиво развивающееся царство, из которого расходились пути доставки специй и фимиама в Палестину и Месопотамию.

Соломон контролировал значительную часть этих путей и был достаточно благоразумным, чтобы обе страны пришли к соглашению.

Для обеспечения всей этой внешнеполитической и внешнеторговой активности Соломону приходилось содержать мощную армию. Давид полагался главным образом на наемников-пехотинцев, но при Соломоне их оттеснили на второй план отряды колесниц, число которых значительно возросло. Мегиддо он, по-видимому, превратил в новый город, частично заменив то, что построил Давид. Там появились внушительные дворцы в сирийском стиле, город защитила массивная стена с тройными воротами, обрамленными квадратными башнями. Эти и другие подобные честолюбивые начинания преобразили лицо Израиля.

Главные надежды Соломон, однако, возлагал на новый Храм на горе Мориа, массивная платформа которого сохранилась по настоящее время. Намеревался ли Давид стать инициатором этого проекта или нет, но осуществил его Соломон, чем и заслужил вечную славу. Храм, входящий составной частью в сложный дворцовый комплекс, описан позднейшими библейскими авторами в мельчайших подробностях и, скорее всего, с существенными преувеличениями. Но Храм, вероятно, и впрямь был весьма впечатляющим строением. Его трехъярусное членение, возможно, воспроизводило какие-то финикийские образцы. Хирам I Тирский, уже помогавший возводить дворец Давиду, так же посылал (в обмен на пшеницу и оливковое масло) кедровый и еловый лесоматериал, бригады рабочих для строительства и украшения Храма Соломона.

Собственное визуальное искусство у израильтян отсутствовало – потому ли, что вторая заповедь истолковывалась как запрет на любые изображения, из-за нехватки ли талантов или по обеим причинам, – в финикийской манере было выполнено и все убранство. Бронзу и золото для этих нужд поставил Хирам; два гигантских херувима из масличного дерева, обложенного золотом, чьи крылья простирались над Святой Святых, напоминали найденные в Библие статуи, посвященные богине Ашторет и изображающие фантастических «составных» существ с человеческой головой, львиным телом и птичьими крыльями. Кроме того, в Храме, безусловно, находились финикийские горельефы; они возникли из мебельного производства, в

котором финикийцы преуспели благодаря доступности высококачественной ливанской древесины.

Храм возводился в качестве обители для Бога – многим из находившихся в храме Соломона людей по-прежнему было легче верить, что Яхве действительно находится там, в Святой Святых, чем вообразить его бестелесным и абстрактным. Старые праздники были превращены в череду великолепных государственных празднеств, став средством привлечения набожного населения к престолу.

Но с каким бы пиететом ни превозносили основателя Храма позднейшие авторы, Соломон, по происхождению лишь наполовину израильтянин, был в вопросах веры гораздо менее последовательным, чем его отец Давид. Конечно, он чтит Яхве – и даже иногда замещал своего священника, что никогда не рисковали делать его предшественники, – но он также чтит и чужестранных божеств, причем самых разных. Историк Второзакония недвусмысленно говорит об этом и с подобающим отвращением перечисляет эти божества: Ашторет (Астарту), безнравственную богиню Сидона; Хемоша, мерзкое божество моавитян; Молоха, безжалостного бога аммонитян. И действительно, Соломон даже воздвиг новые святилища этих божеств – например, как подсказывают раскопки, в Гезере; по утверждению Библии, новые святилища Хемоша и Молоха были им построены и в самом Иерусалиме, на Масличной горе, прямо напротив холма, где стоял Храм. Библия апеллирует к принципу «*cherchez la femme*», возлагая ответственность за столь вопиющее поведение на многочисленных иноземных жен и наложниц Соломона.

Наверное, правильнее было бы сказать, что оба обстоятельства – многонациональный гарем и религиозная терпимость – составляли неразрывные части политики, направленной на сведение израильских и прочих подданных Соломона, наряду с иностранными союзниками, в единую национальную и религиозную общность. Иначе держать под контролем крупное имперское государство с разнородным в этническом и религиозном отношении населением было бы невозможно.

А население империи быстро росло. Только в Израиле число жителей, возможно, достигло 800 000 человек. Куда больше стали и города, привлекая множество людей из сельской местности. Для управления этим далеко не простым государством следовало найти

новые и передовые методы. Правда, стремясь обеспечить максимально возможную преемственность, Соломон следил, чтобы те, кто служил Давиду, оставались на местах, или назначал на их место их же сыновей, а также оставил муниципальное правление в руках местных должностных лиц, но на более высоких уровнях; он, не жалея трат, основательно расширил учрежденный Давидом бюрократический аппарат и даже шире, чем Давид, использовал иностранные модели управления и привлекал чиновников-иностранцев, чтобы обеспечить следование этим моделям. Могущественным государственным чиновникам, выбор которых не обуславливался происхождением, национальностью или состоянием, надлежало решительным образом изменить административные структуры и методы. В частности, страна была заново поделена на двенадцать административных префектур, из которых лишь шесть носили прежние названия израильских племен; итак, Соломон явно сделал решительный шаг, направленный на ослабление былой племенной структуры.

В обязанности префектур входил сбор налогов, а их следовало повысить для оплаты новой армии, главной опорой которой стали колесницы. Средства требовались и для компенсации потери Эдома, Арама и части Галилеи (утраченной потому, что Соломону оказалось трудно выплатить долги Тиру). Вступили в силу царские торговые монополии, существенно повысились таможенные пошлины и акцизные сборы. Главной же мерой стал принудительный труд. Давид унаследовал это установление у ханаанеев, но Соломон использовал эту практику куда шире, толкуя ее как аналог рекрутской повинности. Призванных ставили на строительство общественных и защитных сооружений. Рекрутированных в этих целях ханаанеев и других неизраильтян фактически низводили до положения рабов. Однако утверждение, что при Соломоне израильтян не заставляли выносить подобное испытание, явно является неудачной попыткой обелить царя, поскольку находится в противоречии с другим фрагментом того же произведения: «И обложил царь Соломон повинностью весь Израиль; повинность же состояла в тридцати тысячах человек». После обучения и работы на каменных карьерах в Финикии, куда израильтян посылали партиями по десять тысяч человек, их ставили на строительство Храма.

Принудительные работы отрывали множество людей от земли, и продуктивность сельского хозяйства падала. Эти меры были крайне непопулярны у свободолюбивых израильтян и не могли не увеличивать все углубляющуюся пропасть между богатым правящим новым классом и остальным населением. К возмущениям приводил и опыт административного деления, потому что при Соломоне Иудея, по-видимому, была освобождена от различных податей и повинностей, кроме того, выходцы из Иудеи преобладали на высших правительственных постах.

С утратой Соломоном контроля над арамейским Дамаском он остался один на один с опасным соседом. Дамаск, расположенный на краю восточной пустыни, вблизи двух рек, в точке, откуда расходились дороги на запад, юг и восток, единственный город Сирии, игравший важную роль во все времена. Его правители завели подразделения боевых колесниц, способные одолеть тот же род войск Соломона, и контролировали тучные пшеничные поля Вешана, убежавшие до восточных берегов озера Кенисарет (Галилейского моря). Начиная с того времени, Дамаск стал главным враждебным и опасным фактором во всех расчетах и просчетах Израиля. И поэтому автор «Третьей книги Царств», утверждая, что Израиль по-прежнему правил над всем Левантом, преувеличивает. Преувеличена и оценка богатств Соломона. Действительно, благодаря успехам в торговле он занял место среди богатейших монархов своих дней, но богатство его не было ни невероятным, ни сказочным, да и мир, преобладавший в царствование Соломона, не был таким всеобщим, длительным и восхитительно безмятежным, как хотели бы уверить нас те, кто славословили царя. Царствования Давида и Соломона составляют две половины недолгого исторического периода, охватывающего три-четыре поколения, когда Израиль был единым государством и имперской державой под властью светских царей. При Давиде держава росла, а Соломон руководил в период ее зрелости – зрелости не без признаков зарождающегося упадка.

О чертах характера Соломона трудно говорить сколько-нибудь уверенно, ибо дошедшее до нас еврейское предание (которое невозможно проверить с помощью посторонних источников) во многом является легендой. Один современный писатель предпочитает видеть в нем не ястреба или голубя, а осьминога. По-видимому, в

поведении Соломона обнаруживалась своеобразная смесь сибаритской царственной неумеренности и холодной, расчетливой проницательности. Но последующие поколения усматривали у Соломона нечто куда большее, чем проницательность. Они находили его образцом мудрости, каким его и изображают рассказы о царице Савской и суде Соломона. Второй из них повествует о том, как искусно он разрешил спор между двумя женщинами, заявившими свои претензии на одно и то же дитя. Сюжет изложен языком легенды, но неумирающая традиция представлять Соломона необычайно одаренным человеком, возможно, имела определенную историческую основу.

Знаменитая мудрость Соломона прославлена тем, что его уму и певческому таланту приписывают не только 1005 песен (что делает его подлинным сыном своего в высшей степени музыкально одаренного отца), но также и 3000 притч. И, естественно, «Книга притч» названа в Библии «Притчи Соломона» («Мишле Шеломох»). В действительности львиную долю того, что ее составляет, следует отнести к гораздо более позднему времени.

Литературный жанр поучения житейской мудрости известен на Ближнем Востоке с глубокой древности. Там мудрецы привыкли выражать свои взгляды не только на специальные вопросы (медицины, биологии, зоологии), но также и на общие нормы, в соответствии с которыми следует прожить жизнь. Библейские авторы хорошо знали о существовании такой традиции у чужеземцев и часто приписывали им свои произведения в этом жанре, – так что исключительная мудрость Соломона, «обширная, как песок на берегу моря», не случайно сопоставляется (в его пользу) с «мудростью всех сынов Востока и всей мудростью Египта».

«Притчи Соломона» действительно подчеркивают моральное превосходство таких добродетелей, как гуманность, терпеливость, участливость к обездоленным, верность друзьям и даже вежливость к врагам, но лишь применительно к конкретным обстоятельствам: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напои его водою». Это предписание (предвосхищающее христианское «подставь другую щеку») казалось разумным потому, что необузданная жестокость в войнах, пропагандируемая фанатиками, была непродуктивна и вызывала ответные жестокие поступки. Мудрые

мужчины и женщины «Притч» – это главным образом те, кто проявляет руководствующийся опытом реалистичный и гибкий практический ум. Глупцам, сообщают нам, его никогда не приобрести. Не пей лишнего, иначе наутро будешь чувствовать себя, как укушенный ядовитой змеей. Ты можешь покупать блудницу по цене хлеба, но не замужнюю женщину... Книга содержит массу высказываний о женщинах, об их способности творить добро и зло, о том, как им следует себя вести, и о том, как следует к ним относиться. Прелюбодеяние считается ошибкой, поскольку оно порождает значительные проблемы. Подобных поступков следует избегать еще и потому, что они вносят разлад в общество. «Притчи» являются наиболее благоразумно-консервативной книгой во всей Библии. Новые представления расцениваются как воскрешение древних заблуждений и на этом основании отвергаются. Куда лучше стремиться к сохранению стабильности: «Коварные уста я ненавижу».

Так появилась элита, которая считала своей обязанностью обеспечивать преемственность традиций и поучать народ, дабы он шел верным путем. Ориентиром в этой деятельности служили «хакаим», мудрецы. Пророки часто осуждали мудрость – они считали позицию мудрецов слишком приземленной, и упрекали их за то, что они уделяли слишком мало внимания Яхве и его замыслу. Это естественно: ко времени окончательного составления «Притч» Яхве стал признанным источником любой мудрости. Но древнейшие фрагменты «Притч Соломона», как и египетские и ханаанейские произведения того же жанра, носят более светский характер, и в центре их находится человек. То, что сделано, говорят нам эти мудрецы, ведет не к божественным наградам и карам, а к естественным, практическим следствиям.

«Вторая книга Царств» содержит фрагменты, описывающие профессиональных мудрецов (женского пола) в двух городах Израиля еще в царствование Давида. И можно уверенно говорить, что такие мудрые мужчины и женщины были при дворе Соломона, где составляли часть нового интеллектуального класса, который пользовался новой письменностью, ставшей тогда легкодоступной. Свидетельства об их объединении в школы-академии, где они обучали государственных служащих, относятся к более позднему времени, но опять-таки академии вполне могли появиться еще при Соломоне –

введенная им новая система управления требовала расширения штата образованных чиновников.

Это вполне соответствовало бы и его репутации великого мудреца, и мнению о том, что от него пошли многочисленные афоризмы и что он является автором самой «Книги притч». «Книга притчей Соломоновых» обнаруживает глубокое знание практической психологии и наблюдательность и вполне может быть дошедшим до нас образцом литературы века Просвещения царя Соломона.

Итак, реальный образ Соломона вполне может соответствовать (с некоторыми уточнениями) библейскому. А вот насколько реальной была таинственная страна Офир?

Легенда о стране, бывшей источником богатства израильского царя, была очень популярной, и путешественники неоднократно заявляли, что нашли эту самую золотую страну! С каждым столетием в своих поисках они заходили все дальше и дальше. Не переставали искать страну Офир и мореплаватели, которые продвигались из Европы в Индию. Известный португальский капитан Васко да Гама, обогнув Африку, добрался до Мозамбика – земли, лежавшей на восточном берегу континента. Там он захватил в плен арабских купцов. Португалец сразу же начал их пытаться, стараясь узнать – где страна Офир, сказочно богатая золотом? Где копи царя Соломона? Ведь Васко да Гама видел золотые слитки и украшения, привезенные из глубин Африки. Купцы признавались во всем, только бы остаться в живых. Если португальцам хотелось, чтобы существовали копи царя Соломона, пускай они существуют.

Васко да Гама сообщил португальскому королю, что отыскал копи, и никого не смутило то, что из Южной Африки до Палестины добраться почти невозможно. Золото, которое, как полагали португальцы, добывалось в Офире, вывозили из порта Софала. На протяжении столетий Софала в португальских документах официально называлась Землей копей Соломона.

Постепенно рудники Южной Африки истощились, и о копиях Соломона стали забывать. Но в конце XIX в. путешественники отыскивали в долине реки Лимпопо громадные каменные крепости. Основную из них называли Зимбабве. Вокруг этих каменных крепостей и замков обитали племена, не имевшие никакого представления о том, кто мог бы построить эти сооружения. Аборигены полагали, что это –

дело рук богов. Когда немецкий геолог Маух во второй половине XIX в. обследовал руины Зимбабве, то он написал, что видел копию храма царя Соломона, а в долине за крепостью отыскал развалины дворца царицы Савской.

Открытия геолога Мауха стали в Европе сенсацией. Об этом писали все газеты. А английский писатель Райдер Хаггард даже написал роман «Копи царя Соломона», в котором поместил страну Офир именно в долине реки Лимпопо. Наконец в 1890 г. в те края добралась английская экспедиция, которая смогла сфотографировать, обмерить и описать странные развалины. За экспедицией последовали белые колонисты, и один из них вскоре написал: «Теперь в стране Офир находятся англичане, которые заново открывают сокровища древности».

И действительно, в тех местах были найдены остатки древних рудников, и туда стали приезжать золотоискатели. Слава этих мест была невероятно велика. На участки для разработки золотых залежей было подано сто четырнадцать тысяч заявок, и большая часть золотоискателей, приехав туда, потратила месяцы, чтобы убедиться в том, что если в рудниках когда-то и было золото, то там давно уже ничего не осталось. Страна Офир превратилась в ложный Клондайк. Конечно, царю Соломону нечего было делать в долине реки Лимпопо, о которой он никогда не слышал. И если легенды о стране Офир имеют под собой какое-то основание, то искать ее надо по соседству с царством Соломона.

В 1931 г. в Саудовскую Аравию приехал английский геолог Туитчел. Он исследовал места, недалеко отстоявшие от древних центров цивилизации. Он полагал, что если к поискам подходить серьезно, то и на истоптанных дорогах можно отыскать драгоценные месторождения. Во время поездки в священный мусульманский город Медину, кочевники показали ему заброшенное урочище Махд-ад-Дхахаб, что в переводе с арабского означает «Колыбель золота». В этом пустынном, забытом всеми месте геолога поразило количество ям и пещер – тысячи и тысячи полузасыпанных песком. После дополнительных исследований оказалось, что в долине есть следы золота. Более того, там организовали добычу этого металла, но вскоре шахту закрыли, потому что она не давала прибыли.

Прошло еще много лет, и правительство Саудовской Аравии решило еще раз обследовать лежащую под боком долину. В 1974 г. руководитель новой экспедиции заявил: «Все собранные нами данные подтверждают, что здешние копи некогда были так богаты золотом, что, вернее всего, и послужили источником легенды о стране Офир».

Чем же обосновывали свою точку зрения геологи?

Долина Колыбель Золота лежит не в глубинах Африки, а на известном с древности караванном пути, пересекающем весь Аравийский полуостров. Этому пути уже больше четырех тысяч лет, а во времена царя Соломона, то есть три тысячи лет назад, он был оживленной дорогой, и район рудников был доступен. Не исключено, что и сам путь проходил там именно из-за важности этих рудников для края. Кроме того, холмы вокруг Колыбели Золота усыпаны каменными молотами для дробления породы. Их там насчитывают десятки тысяч. Это означает, что в течение десятилетий тысячи рудокопов трудились здесь, не переставая.

Тогда специалисты решили подсчитать, сколько золота можно было добыть в том месте, учитывая число шахт, молотов, отвалов породы и прочих следов многовековой деятельности рудокопов. Удалось выяснить, что в среднем в каждой тонне породы содержалось более половины унции золота, а точнее – двадцать граммов металла. Объем породы в отвалах достигал, как минимум, миллиона тонн. То есть минимальная сумма добычи достигала двадцати миллионов граммов или более двадцати тонн. В Библии сказано, что царь Израиля Соломон получил из страны Офир больше тысячи талантов золота, то есть тридцать тонн. Конечно, это преувеличение, но не сказочное. Эти цифры вполне сопоставимы.

А была ли царица?

Тема отношений между мужчиной и женщиной всегда интересовала и будет интересовать историков. Все сущее имеет свои корни в прошлом, наше поведение и мышление отягощены древним наследством, никому, как говорит пословица, не дано «перепрыгнуть собственную тень». Роковое противопоставление «верха» и «низа», ставшее причиной дисгармоничности нашего общественного устройства, можно вести от сотворения мира. В воображаемом раю, насколько можно понять, не было ни голода, ни любви, одна сплошная скука. В какой-то миг обитателям рая стало вдруг совершенно очевидно, что им необходимо для поддержания жизни и что это им может дать лишь любовь. Первой, кто отважился сорвать плод с дерева познания, была женщина. Ее звали Ева. Это имя запечатлелось в памяти человечества, как никакое другое. Познание повлекло за собой переоценку ценностей – и обесценение женщины. Она олицетворяла грех.

Пять тысяч лет тому назад – срок в человеческой истории небольшой – люди научились превращать свои мысли в письменные знаки. Найдено множество официальных записей, по которым можно судить, как воспринимали мир народы и правительства, и только одно здесь на удивление одинаково и неизменно, хотя жизнь менялась неудержимо. «Пуп земли» – это всегда мужчина, господин, герой, вершитель судеб. Женщина в хрониках если и упоминается, то лишь как второстепенная фигура. Греческий историк Фукидид, предтеча объективной исторической науки в нашем понимании, основоположник так называемой прагматической истории, оставил обширные повествования с подробностями жизни выдающихся людей, но там нет ни одной женской биографии. Женщины появляются лишь на заднем плане – чаще всего это пассивные, незначительные, побочные персонажи.

Ориенталистика дает нам особенно наглядные примеры патриархальной общественной структуры. Древнейшие тексты законов Двуречья, найденные археологами, хорошо отражают основы устройства рабовладельческого общества, возникшего в результате определенного развития. Лишь последние бедняки не имели рабов. Не существовало никакого естественного равенства людей – и уж тем более никакого равенства полов. Мужчина был неограниченным господином в доме, женщине полагалось жить замкнуто, выполняя только свои домашние и материнские обязанности.

В мифологии же, эпосе, преданиях многое говорит о давних временах, когда женщина играла выдающуюся роль в общественной жизни – и этому соответствовало поклонение единственной небесной богине, Великой Матери, которая была воплощением и персонификацией плодородящей земли. Археология позволяет нам заглянуть и в повседневную жизнь периода патриархата. Среди глиняных табличек и папирусов сохранились частные письма, в которых речь идет о разных торговых и личных делах во всей их противоречивой конкретности. Потрясает письмо одной богатой египтянки, которая после смерти мужа, оказавшись неспособной к самостоятельной жизни, не смогла «стоять на собственных ногах», продала себя и своих детей в рабство, да сверх того внесла все имущество в уплату за свое содержание.

И все же вопреки всем ограничениям, которые налагало общество, и религиозным предрассудкам женщинам благодаря своему уму и личным достоинствам нередко удавалось добиться известного положения и признания у себя в доме. У женщин были возможности для экономической самостоятельности, они владели собственным имуществом. Женщины средних сословий выполняли работу вместе со своими мужьями. А некоторые женщины прославились и вошли в мировую историю наравне мужчинами. Рядом с Эхнатом всегда будет Нефертити, с Периклом – Аспазия, с Цезарем – Клеопатра, а с Соломоном – царица Савская.

О царице Савской в Библии сказано очень мало. Известно только, что, узнав о богатстве и мудрости царя Соломона, она прибыла к нему в гости и привезла с собой много подарков. И захотела испытать мудрость царя загадками. Но Соломон ответил ей на все вопросы. Царица подарила ему 120 талантов золота, великое множество благовоний и драгоценные камни. Царь не остался в долгу и в свою очередь предложил гостье взять у него все, что она пожелает. О чем они говорили, что делали, кто эта царица, откуда родом, в Библии нет никаких сведений. Какие же события легли в основу этой краткой истории?

Основой для имени Савская послужило название земли, которая называлась Саба или Савея. Эта страна находилась на территории нынешнего Йемена на берегу Красного моря. В течение тысячелетия эта страна не знала борьбы за власть между наследниками престола, военных переворотов, мятежей на окраинах своей обширной территории. Всю долгую историю страной правила одна династия. Государство на этой земле родилось из договора, а не в муках завоеваний. Почва там была плодородной, земли орошались, и уголья приносили много плодов. Страна считалась богатой, в ней процветала торговля золотом, драгоценными камнями, ее жители строили пышные храмы и величественные дворцы, неприступные крепостные стены и многоэтажные дома-башни. Но самое главное, люди этой страны собирали благовония и снаряжали с ними в долгий путь караваны. По преданиям, Сабой с древности всегда управляли женщины, и царица Савская правила там по праву престолонаследия. Можно также предположить, почему царица Савская собралась в гости к Соломону. Торговый путь, именуемый Дорогой благовоний, по которому жители

Савского царства вывозили свои товары в Египет, Сирию и Финикию, шел вдоль Красного моря и пересекал территории, подчиненные Израилю. Поэтому благополучное продвижение караванов зависело от доброй воли Соломона. Царица Савская, скорее всего, приехала с чисто практической целью: щедрыми дарами и обещанием доли в прибылях склонить израильского царя к заключению договора о дружбе.

Историк Иосиф Флавий, живший в I в. и хорошо знавший Ветхий Завет, подтверждает факт прибытия царицы Савской к Соломону. Но в своих сочинениях он ни словом не обмолвился о том, как выглядела царица, о чем вела переговоры с иудейским правителем. И убедил ли царицу мудрец Соломон принять иудейскую веру, неизвестно.

А вот народная фантазия придала визиту царицы романтическую окраску. Абиссинская Кебра-Нагаст, или книга «Слава царей», в деталях рассказывает о том, как царицу (абиссинцы зовут ее Македа) Соломон соблазнил. Пораженный яркой красотой царицы, он воспылал к ней страстью. Но гордая царица не отвечала Соломону взаимностью. Тогда влюбленный царь пошел на хитрость. Он приказал своим слугам угостить царицу очень вкусной, но очень соленой едой. Ночью, измучившись от жажды, царица выпила воды, которую Соломон предусмотрительно приказал поставить рядом с ее постелью. В этот момент вошел Соломон, обвинил гостью в том, что она присвоила его имущество, и на этом основании заставил ее уступить. На следующий день царица покинула Иерусалим, а вернувшись домой, вскоре родила сына. Когда принц повзрослел, он сам отправился в Иерусалим, но в конце концов вернулся обратно на родину, принеся с собой ковчег Завета, который он и его компаньоны украли из Храма. Звали его Менелик I. Абиссинцы по сей день утверждают, что именно от него происходит династия эфиопских царей-негусов. Так подлинный Моисеев ковчег Завета якобы оказался в Аксуме. Он стал величайшей святыней абиссинцев, и никто из живущих не имеет права увидеть его. Во время праздника Москал, в честь окончания поры дождей, выставляется для всенародного обозрения копия ковчега.

О царице Савской писали представители самых разных народов и религий. Образ царицы благодаря этим рассказам становится ярче, но не достоверней.

В толкованиях Библии, Мидрашах, приводятся загадки царицы, которыми она испытывала мудрость Соломона (в разных источниках загадки разные).

1. Кто не рождался и не умрет? – Бог, да будет он благословен.

2. Какая земля лишь раз видела солнце? – Та, которую покрыли воды в день творения, расступившиеся лишь когда Моисей вел по нему народ израильский – дно Чермного моря.

3. Что за ограда с десятью дверьми, когда одна из них открыта – девять замкнуты; когда же открываются девять, закрывается одна? – Эта ограда – женское лоно; десять дверей – десять отверстий в теле: глаза, уши, ноздри, рот, отверстия для избавления от нечистот и пупок. Когда плод находится в чреве, в его теле открыто лишь отверстие пуповины, в то время как остальные отверстия замкнуты; когда же ребенок выходит из чрева, пупок закрывается, а остальные отверстия раскрываются.

4. Что неподвижно, пока живо, но находится в движении после того, как ему снесут макушку? – Дерево, из которого изготавливают корабль.

5. Что за три вещи, которые не были ни едой, ни питьем, ни воздухом, но спасли троих от смерти? – Печать, веревка и посох. Имеется в виду история Иуды и Фамарь, где трое – это Фамарь и два ее сына.

6. В пещеру вошли втроем, а вышли впятером? – Лот, его две дочери и их двое детей.

7. Мертвец живой, могила движется, а мертвец молится. Что это? – Иона в чреве кита.

8. Кто те трое, евские и пившие на земле, но не рожденные от мужчины и женщины? – Три ангела, явившиеся Аврааму.

9. Четверо вошли в дом смерти и вышли живыми, а двое, войдя в дом жизни, стали мертвы? – Четверо: Даниил, Анания, Мисаил и Азария, отроки в печи огненной, двое – Надав и Авиуд – сыновья Аарона.

10. Кто те, кто родится, но не умрет? – Пророк Илия, который был взят на небо живым, и Мессия.

11. Что не было рождено, хотя ему дали жизнь? – Золотой телец, идол, сделанный Аароном по просьбе народа во время отсутствия Моисея.

12. Что хотя и производится землей, делается человеком и питается вышедшим из земли? – Фитиль.

13. Была женой двух, родила двух и все четверо дети одного отца? – Фамарь.

14. В доме, полном смерти нет ни одного мертвеца, но и живым ни один из него не выйдет? – История о Самсоне и филистимлянах (плененный Самсон, будучи привязан во время пира к столбам, поддерживавшим кровлю дома, сдвинул их и «обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем»).

15. Царица приказала принести бревна кедровых деревьев и попросила Соломона указать, где у бревна верх, а где низ, с какого конца росли ветки, а с какого корни. Соломон приказал положить бревна в воду. Тот конец, который опустился на дно, был низом, откуда росли корни, а тот, который поднялся над поверхностью воды, – был верхушкой.

В результате этого диспута царица Савская была вынуждена признать превосходство Соломона над ней в мудрости. Интересно, что большая часть загадок из этого списка основаны не на бытовой мудрости, а на знании истории еврейского народа и выглядят достаточно странно в устах царицы не иудейской веры из далекой страны. Более того, загадки про Даниила, Илию и Иону не могли быть придуманы царицей Савской, так как те родились после царствования Соломона. В каббалистической «Книге Зогар» (ок. XIV в.) царица в качестве испытания просит Соломона изготовить ей сандалии. По этой версии предполагается, что ноги царицы были звериными и обувь ей была не нужна, а задание было ловушкой. Соломон отказался делать сандалии.

В царице Савской видели демона Лилит, Семирамиду, Хатшепсут, царицу Зенобию из Пальмиры на севере Аравийского полуострова, даже китайскую богиню Си Ван Му. Ее литературная жизнь также впечатляет: она стала героиней произведений Низами, Руми, Боккаччо, Кальдерона, Флобера, Франса, Потоцкого, Куприна и еще многих-многих писателей.

Откуда же приходила эта таинственная царица Савская? Кратко о посещении царицы повествует «Третья книга Царств» в первых десяти стихах 10-й главы. О ней говорится также и в стихе 13, который следует за стихами 11–12, относящимися к царю Тира Хираму. Такое

расположение имеет свои резоны. В самом деле, визит царицы Савской как бы повторяет, воспроизводит те отношения, что завязались между Соломоном и Хирамом, как бы моделируя эталон отношений, которые должны были бы устанавливаться между царем Израиля и иноземными государями: царица Савская и царь Тира в унисон возносят хвалу величию Соломона. Рассказ о царице создан между VII и VI вв. до н. э. И хотя в X в. до н. э. сабейцы в Палестине еще неизвестны (Соломон жил приблизительно с 965-го по 926 год до н. э., а первые следы монархии сабеев появляются спустя примерно 150 лет), рассказ несет на себе отпечаток какого-то древнего народного предания и отражает какое-то реальное событие.

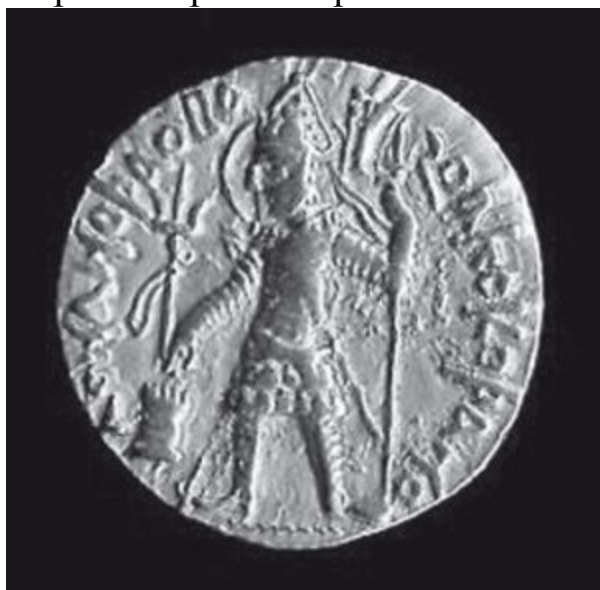
Мог ли царствовавший в X в. до н. э. Соломон принимать у себя вообще какую-либо царицу из Сабы? Ничто не говорит о том, что в эту эпоху дипломатические отношения между Иерусалимом и Сабой уже существовали. Если не считать Книги Царств, упоминания о ней можно встретить только у Иезекииля и у Иеремии (VI – начало IV вв. до н. э.) как о царстве Шеба. О Шебе же в особо интересующую нас эпоху X–VIII вв. до н. э. в Библии вообще не говорится ни слова. Недавно в Иерусалиме найдены южноаравийские надписи, но они были сделаны никак не ранее VII в. до н. э. К тому же было бы очень странно, если бы первую ознакомительную миссию возглавила сама царица.

Впрочем, некоторые аравийские царицы истории знакомы. Но все они – из Северной Аравии. Одна из них, Забиба, царица страны Кед ар, платившая дань ассирийскому царю Тиглатпалассару (744–727 гг. до н. э.), а другая «царица арабов», Самси – современница Саргона II (722–705 гг. до н. э.).

Скорее всего, библейский рассказ был составлен «к вящей славе» Соломона, и если под ним и имеются какие-то реальные исторические факты, они подверглись основательной переработке. К тому же, собственное имя царицы так и не было названо. Поэтому и возникает вопрос: а кто, собственно, посещал царя Соломона в Иерусалиме, чтобы восхититься его мудростью и загадать ему несколько загадок?

Копи царя Соломона

В письме к фараону Пепи II, одному из правителей VI династии Египта, жившему две с половиной тысячи лет до нашей эры, предводитель экспедиции в страну Куш перечислил то, что ему удалось раздобыть в сердце Африки: черное дерево, слоновую кость, ладан, страусовые перья и черного карлика – пигмея.

И это письмо, и ответ фараона были высечены в назидание потомкам в гробнице. «Выезжай на север к нашему двору, – приказывал фараон, – захвати с собой этого карлика... Когда он будет плыть с тобой по реке, назначь отличных людей, которые будут при нем у борта корабля, пусть берегут его, чтобы не свалился в воду. Когда он будет спать ночью, назначь отличных людей, которые будут спать рядом с ним, проверяй их за ночь десять раз. Мы желаем видеть этого карлика более, чем все дары Синая и Пунта».

Что это был за карлик? Почему карлик был дороже всех сокровищ Востока? Не потому ли, что он мог знать секрет золотых рудников?

Разгадать эту тайну оказалось несложно. Фараону Пепи II в то время было восемь лет. И когда он узнал, что экспедиция из верховий Нила везет с собой карлика, да еще черного, фараон понял: к чему ему благовония и ткани, если у него будет собственный черный карлик!

В те годы, когда фараон Пепи II, проживший почти сто лет, мечтал о карлике, для Египта земли за порогами Нила были загадочными, а экспедиции туда – долгими и опасными, а страна Куш, которая там лежала, была выходом в тропическую Африку.

Долгие годы ученые полагали, что страна Куш – это далекая провинция Египта и не более того. Если от города Хартума, столицы современного Судана, отправиться вниз по Нилу, то попадешь в край странных холмов – они антрацитово-черные и блестящие. Эти непонятные холмы – творение человеческих рук. Это шлак от плавильных печей, которые горели здесь много столетий, пока месторождения железа не истощились. За холмами видны развалины громадного храма, похожего сразу и на египетский и на римский. А дальше виднеются несколько пирамид, некоторые полуразрушены, другие совершенно целы. Они меньше египетских по размеру и отличаются от них формой. Кушитские пирамиды сильно вытянуты вверх – это что-то среднее между египетской пирамидой и обелиском. Сложены они из огромных глыб известняка и достигают высоты в несколько десятков метров.

Настоящее открытие и исследование царства Куш началось лишь после Второй мировой войны – Египет всегда затмевал своим величием южного соседа, и отношение к нему долгое время было снисходительным. И напрасно. Археологов поразили руины дворцов, храмов и гробниц, представляющих собой порождение процветавшей больше двух тысяч лет назад цивилизации. За годы исследований археологами сделано немало – открыт главный храм Солнца, исследованы пирамиды царей и цариц Куша, которые оказались сплошными, без внутренних помещений. Могилы царей находились глубоко под землей и были замурованы так, чтобы грабители их не нашли. По мере продвижения работ перед учеными открывалась своеобразная цивилизация, забытая позднее, но известная с глубокой древности. Просто название ее менялось – у различных народов и в различное время она именовалась по-разному: Нубия, Та-Сети, Куш, Напата, Мероэ, Эфиопия.

Суданское царство Куш, располагавшееся в среднем течении Нила, известно нам из египетских и греческих источников. Сведения эти крайне скудны, отрывочны и позволяют представить историю этого государства лишь в самых общих чертах. Так, по сей день

остается загадкой этническая принадлежность древних кушитов. Достоверно известно только, что их язык не принадлежал к семье семито-хамитских языков (к которому относился, к примеру, язык древних египтян). На дошедших до наших дней портретах кушитских царей те имеют явные негроидные черты. Начальная история Куша неразрывно связана с египетской. Области южнее первых нильских порогов в течение тысячи лет входили в состав египетской державы. Здешнее население восприняло египетскую культуру. Но в XI в. до н. э. при фараонах XX династии Куш навсегда отделился от Египта и с тех пор следовал своим историческим путем.

Первые века самостоятельного существования Куша не освещены никакими источниками. О политической жизни этого времени нам ничего неизвестно. Видимо, власть тогда находилась в руках местных царьков, среди которых постепенно выделились правители Напаты (этот город располагался несколько ниже 4-го нильского порога; при египтянах он был важным административным и религиозным центром Верхнего Египта – здесь находился один из крупнейших храмов Амона).

В стране Куш археологи отыскивали список царей, которые правили там с 1200 г. до н. э. до 200-го. Однако многие надписи так и остались непочитанными. Кушиты создали свою письменность на основе египетских иероглифов, но не скопировали их, а приспособили к своим нуждам. Значение многих иероглифов не имеет ничего общего с египетскими, и внешнее сходство только путает. Кушиты переняли от египтян многое, в том числе и культ Амона, но стать египтянами они не могли. И не только потому, что отличались от них цветом кожи (кушиты были гораздо темнее) и языком, но и занятиями населения. Египет был рожден Нилом, и Нил кормил его. А кушиты жили скотоводством, потому что их земли были не пустыней, подступающей к реке, как в Египте, а степями, где паслись громадные стада.

Один из древнейших центров государства – город Керма. Первые раскопки древней Кермы, лежащей на территории современного Судана, были проведены в 1913 г. доктором Джорджем Э. Райзнером из Бостонского музея изобразительных искусств. Он обнаружил там тысячи могил. Они были покрыты круглыми холмами земли, самый большой из которых по длине равнялся футбольному полю. В каждом холме находилась погребальная камера, которая по своим размерам

превосходила погребальные камеры великих пирамид. В камере на анагрибе – ложе на четырех ножках, сделанном из переплетенных веревок или пальмовых волокон, натянутых на деревянный каркас, которое было характерно для кушитских погребений, – лежало тело человека, занимавшего высокую должность. Ложе было усыпано золотом и окружено изящно выполненными предметами из бронзы, слоновой кости и фаянса. Но не это поразило археолога. В коридорах с кирпичными стенами, примыкающих к погребальной камере, лежали скрюченные тела мужчин, женщин и детей. В одной из гробниц Райзнер насчитал 322 жертвы – самое большое в мире количество человеческих жертв, когда-либо найденное в одном погребении. Из положения тел он заключил, что люди были похоронены живыми. Райзнер попытался восстановить картину происходящего в гробнице во время церемонии: «Они проследовали не в почтительном молчании, как принято у нас, а со всеми теми завываниями и воплями, которые характерны для обитателей нильской долины». После того как ложе с телом устанавливается внутри камеры, «двери покоев закрываются и опечатываются. Жрецы и чиновники уходят. Женщины и слуги располагаются в примыкающем к камере узком коридоре. Все причитания и движения прекращаются. Подается сигнал. Люди, собранные для погребального пиршества, разбрасывают землю из своих корзин на неподвижные, но живые жертвы, лежащие на полу, а затем бросаются из помещения за новой порцией земли. Переживания жертв мы, вероятно, преувеличиваем: их поддерживали их религиозные верования, и они занимали свои места охотно и без колебаний, но в последний момент, как мы видим по тем позам, в которых застала их смерть, по ним прошла волна ужаса, и в некоторых случаях были судороги во время агонии».

Кушита́м были свойственны и другие своеобразные обряды и порядки.

Около X в. до н. э. центром государства становится город Напата, ставший вскоре одним из богатейших городов Древнего мира благодаря военным походам и золоту, которое добывалось тогда в Нубии. Великолепие эфиопских вельмож затмевало даже одеяния знатнейших египтян и вавилонян. Эфиопы носили множество украшений. Правда, их украшения уступали египетским в изяществе формы, были тяжеловесными и грубыми. Их браслеты были так

широки, что иногда доходили до локтя. Обручи, которые носили на руках выше локтя, также изготавливали из благородных металлов и украшали символическими фигурами. Особенно необычную форму имели эфиопские перстни: гнездо перстня было так велико, что, надетый на средний палец, он закрывал половину руки. Знатные особы предпочитали окрашивать руки и ноги в желтый или оранжевый цвет. Знатные эфиопки отращивали себе очень длинные ногти в знак своего особого происхождения.

Религиозным центром царства был скалистый холм Джебель Баркаль, возвышающийся около Напаты, в 320 км к северу от Хартума, столицы современного Судана. У подножия холма были обнаружены величественные остатки храма Амона, бывшего верховным богом эфиопского пантеона. Над храмом возвышалась остроконечная башенка, в которой под определенным углом можно было увидеть изображение кобры, увенчанной или солнечным диском, или короной Верхнего Египта. Как для египтян, так и для кушитов поднявшая голову кобра, называвшаяся уреем, была основным символом царской власти, и царь носил ее изображение на своей короне. Они верили, что этот символ, как и сама царская власть, был дан богом Амоном. Наверное, кушиты считали гору домом Амона, а башенку – головой царя или короной и источником царской власти в долине Нила. Это и превратило Напату в священный город храмов, а позже – в место проведения всех царских церемоний. Джебель Баркаль стал местом коронации всех их правителей.

Кушиты, как и египтяне, верили, что их царь являлся сыном Амона, но при этом они выбирали себе правителя способом, присутствующим только этому народу. Подходящие на эту должность мужчины собирались в храме у подножия горы и проходили перед статуей бога, которая считалась оракулом. Каким-то образом статуя давала понять, кого бог хочет видеть царем Куша. Но чрезмерное доверие оракулу таило в себе опасность для самого царя. Греческий историк Диодор Сицилийский сообщает, что статуя могла также приговорить царя к смерти, и тогда он должен был совершить самоубийство. Видимо, в древнеэфиопском государстве жрецы занимали положение, не уступающее царскому. Более того, жрецы через вестника иногда приказывали царю умереть и назначали на его

место другого. Даже всемогущие египетские жрецы не могли похвастаться такой властью, как их собратья в Эфиопии.

Кушиты многому научились у египтян, в том числе хоронить правителей в пирамидах. Сегодня сохранились целые кладбища, состоящие из пирамидальных гробниц. Несмотря на очевидно египетское происхождение этих памятников, они существенно отличаются от гробниц древних фараонов. Во-первых, своими маленькими размерами – самая большая из эфиопских пирамид имеет не более 25 м в высоту; во-вторых, тем, что только в некоторых из них располагается небольшая камера с куполообразным потолком, в большей же части есть лишь небольшое углубление или ниша чуть ниже вершины пирамиды. Наконец, все они острее египетских пирамид, с гладкими, а не уступчатыми поверхностями. У многих перед входом выстроена небольшая пристройка, всегда обращенная на восток, хотя сами пирамиды установлены без соответствия сторонам света. В этой пристройке совершались, вероятно, поминальные обряды, как и в небольших отдельно стоящих храмах при египетских пирамидах. Эти различия в постройке гробниц эфиопских царей и древних повелителей Египта указывают на неодинаковое положение, которое те и другие занимали по отношению к народу. Египтяне в лице своих фараонов чувствовали высшее из своих божеств, а потому и воздвигали им памятники, которые должны были существовать вечно. Эфиопские государи являлись для своего народа лишь представителями человеческого могущества.

Немецкая экспедиция провела интересный эксперимент: были приглашены каменщики и другие строители из окрестных деревень, и им предложили восстановить рассыпавшиеся пирамиды. Суданцы – прямые потомки тех, кто возводил пирамиды Мероэ, – не только смогли восстановить пирамиды, но и показали, как они воздвигались много столетий назад.

Как только Египет отступил из страны Куш, сами кушиты начали наступление на север. Одна за другой сдавались египетские крепости. Есть сведения, что египетские жрецы Амона тайно помогали завоевателям, так как те были верными поклонниками Амона и их цари обещали жрецам поддержку, которой они лишились при последних слабых фараонах.

Наконец кушитский царь Пианхи взял Фивы, затем после осады захватил Мемфис. Летопись передает интересную деталь, случившуюся с Пианхи во время пребывания в Гермополе, когда он, будучи в городском дворце «...пошел в конюшню жеребцов и стояла кобыл. Он заметил, что они заморены голодом, и сказал: “Клянусь любовью Ра, для моего сердца самое отвратительное – так морить лошадей. Это хуже всех преступлений, которые ты (т. е. предшественник Пианхи) совершил”». Эфиопские цари более всего на свете ценили лошадей. И поэтому они скорее отдали бы последнюю еду лошади, чем человеку. Даже после смерти нубийские цари продолжали гордиться своими конями, которые были запряжены в их боевые колесницы. Всего в 60 м от гробниц царей в Эль Курру было обнаружено кладбище лошадей. Надписи, найденные в 24 могилах, позволили определить, что погребенные в них животные принадлежали Пианхи и трем остальным фараонам XXV династии. Лошади стояли в могилах вертикально. Их покрывали пелены, украшенные бусами с амулетами из фаянса, раковин каури, серебра и бронзы.

Чтобы придать легитимность своей власти над Египтом Пианхи устраивает показательное шоу, во время которого фараон Египта из ливийской династии Осоркон III принес ему клятву верности как новому правителю Египта. Победив последнего фараона из XXIV династии, Пианхи не стал грабить Египет, не ушел оттуда, а при поддержке египетских жрецов и части египетской знати основал XXV династию. И в течение семидесяти лет Египтом правили темнокожие «эфиопы».

Неизвестно, как бы изменилась история Египта, но на страну напал куда более жестокий и сильный враг – ассирийцы. Ассирийцы – мрачные и безжалостные завоеватели Востока – были вооружены железными мечами и копьями. Даже наконечники их стрел и спицы колес их колесниц были сделаны из железа. Египет, в котором еще не кончился бронзовый век, был обречен. Эта война походила на войны европейских завоевателей с мушкетами против индейцев, вооруженных лишь луками и стрелами. Кушитские фараоны и кушитское войско, потерпев поражение, ушли вверх по Нилу, скрывшись за бурными нильскими порогами в своих краях, куда

ассирийцы сунуться не посмели. Но власть над Египтом была потеряна.

Удалившись в Напату, эфиопские цари уже больше не делали ни одной попытки подчинить царство в нижнем течении Нила и посвятили свое внимание развитию Нубии. Но постепенно царь стал простой игрушкой в руках жрецов. На стенах храмов сохранились изображения, на которых показано поклонение богу Амону. Во главе религиозной процессии выступает жрец, царь же изображен позади. Ослабленное государство становится объектом для агрессии вновь окрепшего Египта. Затем на страну обрушились полчища персов Камбиза. Хотя завоевать Эфиопию не удалось, персы вынудили эфиопов перенести свою столицу из Напаты, лежащей недалеко от египетской границы в город Мероэ, располагавшийся на острове. По имени столицы царство стало называться Мероитским. Оно существовало примерно с середины VI в. до н. э. по IV в. н. э. Раскопки подтвердили сообщения древних авторов, повествующих о богатстве и великолепии Мероэ. Были обнаружены десятки дворцов и храмов, трехэтажные дома, пирамиды, крепостные стены. О богатствах государства было известно и Александру Македонскому, который, покорив Египет, встретился с царицей Мероэ. И в ходе беседы царица поразила Александра своим умом.

В период Птолемеевского Египта (III в. до н. э. – I в. н. э.) царство Мероэ было его вассалом, выплачивая дань, хотя несколько раз поднимало восстания. В римские времена легионы новых хозяев Египта вторгались в Куш, но править там римляне могли лишь формально – контролировать страну, расположенную за Сахарой, они были не в состоянии.

Когда заработали железные рудники Мероэ, кушиты вступили в новую эру процветания. Они торговали железом со всей Африкой и даже с южной Азией. Но через несколько столетий рудники оскудели, и тогда в Куш вторглись соседи с востока – абиссинцы из царства Аксум, одного из африканских царств. Его легендарным основателем был Менелик которого считали сыном Соломона и царицы Савской. И вскоре потухли печи в Мероэ, забыты были египетские боги и опустели храмы Амона.

Великодушные хетты

В Ветхом Завете хетты фигурируют главным образом как одно из племен, живущих в Палестине, с которым израильтяне встретились, ступив на Землю обетованную. Хорошо известен перечень племен, упоминающихся в книге Бытия (XV. 19–21): кенеи, кенезеи, кедмонеи, хеттеи, ферезеи, рефаимы, аморреи, хананеи, гергесеи, иевусеи. С тем же представлением о хеттах как об исконно палестинском племени мы встречаемся и в других местах Ветхого Завета: Авраам покупает пещеру Махпелу около Хеврона у сынов Хета, Исав берет в жены хеттеянок, Ханаан родил Хета, Иерусалим – незаконный отпрыск аморрея и хеттеянки. В одном месте уточняется район Палестины, населенный хеттами: «Амалик живет на южной части земли, хеттеи, иевусеи и аморреи живут на горе, хананеи же живут при море и на берегу Иордана». Из книги Иисуса Навина следует, что хетты населяли всю территорию между Ливаном и Евфратом и ничем особым не отличались от своих соседей. Однако, когда Библия переходит к временам монархии, картина становится совсем другой. Хеттом был Урия, один из полководцев царя Давида. Его жену Вирсавию царь возжелал, потому и послал Урию на войну, где тот погиб. А Вирсавия родила Соломона. Хеттские жены Соломона считаются чужестранками вместе с моавитянками, аммонитянками, идумеянками и сидонянками. Более того, в двух местах есть ссылки на «хеттских царей». Во 2-й Книге Паралипоменон говорится о том, что Соломон ввозил лошадей из Египта и продавал их «царям хеттейским и царям арамейским»; в 4-й Книге Царств мы читаем о том, что стану сирийскому послышался шум коней и колесниц и сказали воины друг другу: «Верно, нанял против нас царь израильский царей хеттейских и египетских... и встали и побежали в сумерки». Влияние царей, внушавших такой ужас, не должно было ограничиваться пределами их царств.

Когда исторические хроники Египта были расшифрованы, оказалось, что цари XVIII династии имели сношения со страной, называвшейся Хета начиная с XV в. до н. э. Народ Хеты со своими многочисленными союзниками сражался против Рамсеса II в битве при Кадеше на реке Оронт; эта битва очень подробно была описана египетским поэтом Пентауром. Тот же царь в более поздний период своего царствования заключил с хеттами договор, текст которого был высечен на стене великого храма в Карнаке. Кто мог сомневаться, что народ Хеты в египетских текстах и хетты в Ветхом Завете представляли собой одно и то же? Этот факт, казалось, получил подтверждение, когда началась дешифровка клинописных ассирийских надписей и обнаружилось, что со времени Тиглатпаласара I (около 1100 г. до н. э.) Сирия была известна ассирийцам как «страна Хатти» со столицей в Каркемише.

За столетие исследований о хеттах стало известно много — расшифровано несколько сот письменных памятников, есть информация о государственном укладе, семейных отношениях, верованиях, обрядах, быте. Но кем были их предки? Откуда пришли они в Анатолию?

Историческая «страна Хатти», какой мы ее знаем во II тысячелетии до н. э., была государством, а позднее империей, созданной царями, правившими из этой горной цитадели. Это царство и его официальный язык стали известны под названием «хеттские». Но «хеттский» язык не был местным языком в Малой Азии, и название Хатти дал этой стране народ хаттов, обитавший там ранее. Индоевропейский хеттский язык народа-завоевателя наложился на неиндоевропейский язык хаттов. Согласно преданию, имевшему хождение около 1400 г. до н. э., Нарам-Суэн, четвертый царь аккадской династии (ок. 2200 г. до н. э.), сражался с коалицией из семнадцати царей, среди которых упоминается царь Хатти по имени Памба. Подлинная история хеттов начинается в Анатолии около 1900 г. до н. э. с прибытием на плато ассирийских торговцев. Глиняные таблички, на которых эти ассирийские торговцы вели повседневную деловую переписку со своей столицей, были найдены тут в большом количестве. Среди многочисленных неассирийских имен, встречающихся в этих документах, некоторые можно считать хеттскими. Тем не менее, даже этого скудного материала достаточно для предположения, что к этому времени хетты уже обосновались в этих местах.

Очень немного можно узнать из этих табличек о местном населении и его истории. Но в них сообщается о

правителях и их дворцах; можно предположить, что страна была разделена на десять небольших царств. По-видимому, поначалу город Бурушхаттум (хеттский Пурусханда) занимал среди них главенствующее положение, поскольку его правитель выделялся среди остальных титулом Великий правитель. Имена местных царей известны лишь в редких случаях, но на трех табличках встречаются имена некоего Питханы и его сына Анитты. Оба они известны из примечательного хеттского текста, который датируется приблизительно 1300 г. до н. э. В этом тексте Анитта (такова хеттская форма его имени), сын Питханы, царь Куссары, излагает историю борьбы своей и своего отца за власть с соперничавшими городами Неса, Цалпува, Пурусханда, Салативара и Хатти (Хаттуса). Эти города были успешно покорены, а последний из них (впоследствии хорошо известный как столица хеттского царства) был полностью разрушен и предан проклятию. Одержав победу, преодолев всякое сопротивление,

царь Анитта перевел свою резиденцию в город Несу. Таким образом, к концу своего царствования царь Анитта, по-видимому, управлял большей частью Каппадокийского плоскогорья.

Сейчас считается, что деяния Анитты были легендарными. Утверждение, что Анитта получил в качестве дани от города Пурусханда среди прочего такие крупные предметы из железа, как скипетр и трон, выглядит анахронизмом, в это время (XVIII в. до н. э.) секрет плавки железа еще не был открыт. Хотя недра анатолийских гор изобилуют и железными рудами, но до конца II тысячелетия до н. э. железо в Анатолии, как и повсюду на Ближнем Востоке, считалось драгоценным металлом, поскольку еще не стали общеизвестны секреты его плавления и методы получения высоких температур, необходимых для его обработки. Для изготовления оружия и всевозможной утвари использовали медь и бронзу, широко распространенные в ту эпоху. Железных предметов от хеттского периода сохранилось очень мало, и, несмотря на то, что в хеттских текстах упоминаются железные мечи, железные пластины для письма и даже железные статуи богов и животных, все это были особые предметы – дары, предназначенные храмам или царям. Судя по всему, техникой обработки железа в хеттский период владело лишь несколько искусных кузнецов, и в отсутствие конкуренции изделия, выходявшие из их мастерских, ценились очень высоко. Тот факт, что в XIII в. до н. э. жителям Малой Азии была известна железная металлургия, подтверждается знаменитым фрагментом из письма хеттского царя Хаттусили III к одному из его современников (вероятно, к царю Ассирии): «Что же до хорошего железа, о котором ты писал мне, то хорошего железа в моем доме печатей в Киццуватне нет. Для производства железа, о котором я писал, время сейчас неподходящее. Хорошее железо будет, но пока еще его не доделали. Когда доделают, я тебе пришлю. А на сей день отправляю тебе железное лезвие для кинжала».

Что же представляло собой Хеттское царство в начале своей истории? Его уклад строился на традициях родового строя. Хеттские цари правили совместно с так называемым панкусом, народным собранием, объединявшем в своих рядах всех боеспособных граждан. Панкусом руководил совет – тулия, который представлял и защищал интересы родовой аристократии, в большей степени – членов царского

рода: братьев царя, его сыновей и других родственников. Наследовал царю поначалу не родной сын, а усыновленный племянник – сын его сестры (явное наследия матриархата). Поскольку панкус и тулия весьма ограничивали власть царей, то на этой почве между ними нередко возникали разногласия. Если царь умирал, а царица переживала его, то она сохраняла за собой титул царицы в правление нового царя, а супруга последнего называлась лишь «женой царя» и только после смерти вдовствующей царицы приобретала ее статус.

Основателем собственно Хеттского государства историческая традиция считает Лабарну I (ок. 1675–1650 гг. до н. э.), который оказался великим завоевателем и реформатором. Ему удалось расширить границы Хеттского царства «от моря до моря» (от Средиземного до Черного). Его преемник-племянник Хаттусили I (он же Лабарна II, ок. 1650–1625 гг. до н. э.) продолжил реформы: он перенес столицу царства в некогда бывшую главным центром хаттов Хаттусу, после чего государство стало называться Хеттским. Хаттусили I еще более расширил владения хеттов вплоть до Сирии.

Помимо удачных завоевательных походов, этот царь вошел в историю как «зачинщик» дворцовой смуты. Из письменных источников известно, что Хаттусили I, игнорируя традиции, отстранил от наследования своего племянника. Причем предлог для этого он отыскал более чем убедительный: племянник равнодушно отнесся к болезни дяди. Но в результате этого царь ополчил против себя многих членов рода, даже собственных детей. После всех передраг новым престолонаследником стал усыновленный внук царя – Мурсили. Вдвоем они подавили возникшую междоусобицу и выступили походом на юг, который в правление Мурсили I (ок. 1625–1590 гг. до н. э.) закончился покорением Вавилона. Домой царь возвратился с огромной добычей. Но его блестящим победам радовались немногие. Хеттская знать понимала, что так царь укрепляет и без того сильную власть – и Мурсили был убит мужем своей сестры. Пока хеттская верхушка занималась решением внутренних проблем, с севера на хеттов напали племена касков. Они разрушили многие города царства и навсегда отрезали их от Черного моря. Это было настоящее поражение – великое царство, простиравшееся «от моря до моря», быть таковым перестало.

А тем временем знать захватывала все больше власти. Во времена царя Телепину (около 1530–1500 гг. до н. э.) тулия добилась права не только судить, но и казнить царей. При этом царь без согласия тулии не мог казнить ее членов и отбирать их имущество. Но это было не единственное поражение Телепину. Около 1450 г. до н. э. удачливый сановник нехеттского происхождения Тутхалияс захватил трон и основал новую хеттскую династию. С этого времени начался так называемый новохеттский период – с середины XV по начало XII в. до н. э. И здесь царь стал абсолютным правителем: он был наделен особой божественностью, титуловался «Солнцем» и сам назначал себе преемника.

Земля в Хеттском царстве принадлежала государству. На большей ее части располагались крупные хозяйства, которые обеспечивали царя и членов его рода, то есть работали на «дом царя», «дом царицы», «дом дворца» – местную администрацию. Был и общинный сектор, где землевладение уходило корнями в доклассовую эпоху. В нем, вероятно, можно было покупать и продавать участки земли. Старейшина общины имел довольно широкий круг полномочий с судебной и административной властью. И на государственных, и на общинных землях широко использовался труд рабов. Обязательная служба царю и уплата ему натурального налога называлась саххан, трудовая повинность – луцци. Основными зерновыми культурами у хеттов были ячмень и родственная пшенице эммер. Из них делали муку и пекли хлеб, из зерен варили пиво. Растили виноград, разбивали посадки гранатовых деревьев, яблонь.

Все население у хеттов делилось на две группы: «свободные» – в нее входили лица, освобожденные от повинностей в пользу государства и храма, – это были члены общин коренных хеттских городов, из них же набиралась правящая верхушка; и «несвободные», то есть лица, на которые распространялась государственная и храмовая эксплуатация. Среди «несвободных» производителей, стоящих вне общин, были рабы, кабальные должники, наемники, крепостные земельные собственники, которые иногда были достаточно богатыми и имели собственных рабов.

В начале XIV в. до н. э. в Хатти приходит к власти узурпатор Суппилулиума I (ок. 1380–1335 гг. до н. э.) – талантливый политик и полководец. Он покорил почти всю Малую Азию в результате трех

больших войн сумел победить Египет и завоевать все Восточное Средиземноморье вплоть до южных рубежей Палестины. Хеттское царство с зависимыми территориями простерлось от бассейна Чороха в Закавказье до Южной Палестины и от Эгейского моря и Кипра до ассирийских и вавилонских границ. Вавилония и Ахейская держава считали необходимым поддерживать дружбу с Суппилулиумой. О славе, которую приобрел этот правитель, можно судить по событию, которое произошло, когда царь стоял лагерем под Каркемишем. Из Египта прибыл посланец с письмом от царицы, гласившим: «Мой муж умер, а сына у меня нет. О тебе же говорят, что у тебя много сыновей. Если бы ты прислал мне одного из своих сыновей, он мог бы стать моим мужем. Я ни за что не возьму в мужья ни одного из своих подданных. Это меня очень страшит». Суппилулиума был так поражен этой просьбой, что отправил к египетскому двору посла, дабы убедиться, что его не обманывают. Тот вернулся и привез второе послание от царицы: «Почему ты говоришь: «Они меня-де обманывают»? Если бы у меня был сын, разве я бы обратилась к чужеземцу и тем предала огласке свое горе и горе моей страны? Ты оскорбил меня, так говоря. Тот, кто был моим мужем, умер, и у меня нет сына. Я никогда не возьму кого-нибудь из моих подданных в мужья. Я писала только тебе. Все говорят, что у тебя много сыновей; дай мне одного из твоих сыновей, чтобы он мог стать моим мужем». Египетская царица, пославшая эти письма, была, почти наверное, царицей Анхесенамун, третьей дочерью «царя-еретика» Эхнатона. Еще совсем юная, она уже была вдовой юноши-царя Тутанхамона, умершего, когда ему еще не исполнилось и двадцати лет. Поскольку у нее не было детей, она имела право, теоретически по крайней мере, выбрать себе второго супруга и тем самым решить вопрос о наследнике египетского престола. Не таков был Суппилулиума, чтобы упустить столь редкую возможность, один из его сыновей был должным образом снаряжен в путь. Но план сорвался. По прибытии в Египет хеттский принц был убит, возможно, агентами жреца и придворного Эйе, ставшего следующим царем Египта. Эйе, по-видимому, женился на царице Анхесенамун, узаконив тем самым узурпацию престола. Несомненно, что это был как раз тот брак, от которого Анхесенамун надеялась спастись, взывая к хеттскому царю.

О том, сколь искусны были хеттские цари в тактике ведения боя, лучше всего свидетельствует сражение при Кадеше, подробно описанное в одном египетском тексте. Хеттской армии, вставшей лагерем в Кадеше, удалось остаться незамеченной для египетских разведчиков. Ничего не подозревающие египтяне подошли к городу и принялись разбивать лагерь. В это время отряд хеттских колесниц незаметно для неприятеля покинул город через противоположные ворота, переправился через Оронт и нанес сокрушительный удар по центру египетской колонны. Вероятно, египетская армия была бы полностью уничтожена, если бы в этот момент на выручку ей не подоспел отдельный полк, который двигался к Кадешу с другой стороны и, в свою очередь, застал врасплох хеттов, разорявших лагерь. Благодаря этой счастливой случайности египетский царь спас остатки своей армии и сумел представить своим подданным битву с хеттами великой победой.

Следует иметь в виду, что армия, выступившая против египтян при Кадеше, была самой мощной из всех, что когда-либо удавалось собрать хеттским царям.

Все эти успехи, однако, грозили хеттам роковыми последствиями. Государственные таланты Суппилулиумы привели к тому, что власть хеттов распространилась на огромные пространства, контроль над которыми намного превышал возможности Хеттского царства. Поэтому существование огромной державы, основанной Суппилулиумой, его преемникам приходилось поддерживать почти непрерывными походами против мятежных окраин и посягавших на владения Хатти других держав. Кипевшие войны медленно, но верно истощали силы Хеттского царства. При последних хеттских царях – Тудхалии IV и двух его сыновьях – царство ведет борьбу на два «фронта» – в Верхней Месопотамии и Западной Малой Азии (где, помимо ахейцев, сталкивается с вторгшимися сюда с Балкан фригийцами). Тудхалия IV смог в конце концов отбросить ахейцев и разгромить Илион. Например, Гомер в «Илиаде» упоминает неудачную войну Илиона и союзных ему сангарийских фригийцев против амазонок в дни молодости Приама. Так вот, малоазиатские амазонки были в греческих преданиях замещением хеттов. При последнем хеттском царе, по иронии судьбы носившем имя Суппилулиумы II, хетты снова захватили Кипр, но их дни были уже сочтены.

Во второй половине XIII в. до н. э. население балканско-эгейского региона продолжало воевать. Как видно из сравнения греческих исторических преданий с хеттскими и египетскими данными, а также археологическими материалами (доказывающими, кстати, высокую достоверность общих сюжетов), в конце XIII в. до н. э. греческий Пелопоннес был опустошен нашествием с севера. После чего около 1200 г. до н. э. микенский царь Агамемнон сплотил вокруг себя ахейских царей и около 1190 г. до н. э. ахейцы двинули флот на запад Малой Азии и напали на Илион. Началась Троянская война греческих эпических преданий. Судя по ним, на помощь Илиону какой-то «контингент», возможно, прислали и хетты. Примерно тогда же (по преданию, на исходе Троянской войны) племена пеластов (пеласгов), родственников грекам, и фригийских мюсов (иначе – мушков) устремились в северо-западную Малую Азию и оказались недалеко от Илиона. В результате неясных столкновений всех этих сил на северо-западе полуострова произошло следующее: ахейцы разгромили Илион (археологически – это гибель Трои VII в. до н. э.). После чего вся эта рать, в том числе и мушки, пошла в глубь Хеттского царства, которое не пережило этого удара. Как и где погибли последние силы хеттского двора, неизвестно. Мушки разгромили Хаттусу, и заняли другие земли хеттов, истребив значительную часть населения. Этнос хеттов перестал существовать. А мушки, слившись впоследствии с урартами и хурритами, образовали новый народ – армянский.

Культура хеттов представляла собой сочетание разных традиций – индоевропейских (хеттских и лувийских), хаттских и месопотамских. Верховным богом, покровителем государственности считался по индоевропейской традиции бог грозы. Не меньше почиталась богиня солнца города Аринны, но хаттского происхождения. Ее считали супругой бога грозы. Популярны были боги и богини плодородия, к числу которых относился и Телепину – умирающее и воскресающее божество, связанное со сменой времен года. Исключительным влиянием пользовалась богиня любви, разрушения и войны Сауска. Незначительный бог ворот Апуллуна стал, по-видимому, прообразом греческого Аполлона. В XIII в. до н. э. был создан единый пантеон богов, который представляют скальные рельефы города Язылыкая близ Хаттусы, изображающие две встречные процессии мужских и женских божеств, стоящих на зверях и птицах.

Среди сохранившихся произведений хеттской литературы интересны назидательные рассказы, а также подробные царские «анналы» и «автобиографии», составлявшиеся, вероятно, писцами, но имеющие в себе явный отпечаток личности заказчика-царя. Хеттская литература обращается прежде всего к человеку и его деяниям. Но она практически не занимается человеком самим по себе, его внутренним миром. Отдельный человек интересует ее почти исключительно как субъект межчеловеческих отношений. Здесь хеттов занимают в первую очередь поступок – добро и зло, которое один человек может сознательно причинить другому, и проблема воздаяния за них со стороны этого другого. Так, человек, первым причиняющий зло другому, безоговорочно осуждался. Считалось, что такой поступок сам по себе обрушивает на голову виновного суд богов с тяжкими последствиями. Об этом суде даже не обязательно было просить, он творился автоматически. Хетты полагали, что неспровоцированное причинение зла возмущает саму природу мира, хранителями и средоточиями которой здесь и оказываются боги, кстати, сами по себе не более справедливые и благие, чем люди. В результате успех в спорном деле был для хеттов существенным свидетельством правоты победителя. Соответственно, новохеттские государи, описывая свои войны, весьма настойчиво подчеркивают, что первый, причем неспровоцированный удар был нанесен не ими, а им. Указав на этот удар, они разом апеллировали и к суду богов, и к мнению людей. В «Деяниях Суппилулиума», например, составленных при его сыне, хеттский царь, враждуя с Египтом, считает необходимым оправдать свои действия перед самими же египтянами в следующих словах: «Я был к вам благосклонен. Но вы мне внезапно причинили зло! Вы напали на правителя Кинзы (Кадеша), которого я избавил от хурритов. Когда я услышал об этом, я прогневался, и я послал воинов и колесницы с военачальниками». Позднее, претерпев новые козни со стороны египтян, он немедленно обращается к богам со словами: «О боги! Я не совершал зла, но люди Египта его совершили, и они напали на границы моей страны».

Что же делать, если ты все же подвергся неспровоцированному нападению? Делом особой доблести, возвышающим человека, считался в этом случае отказ от мести. Предметом специальной гордости и похвалы хеттов были ситуации, в которых они не

ответили злом на зло вообще или в сопоставимом масштабе. Примеров такого подхода, уникального для древнего Ближнего Востока, в хеттской литературе много. Еще древнехеттские государи оставляли в своих надписях пассажи такого рода: «Пусть она (речь идет о мятежной дочери царя Хаттусилиса I, помилованной им) ест и пьет! Вы же ей зла не делайте! Она делала зло. Я же в ответ ей зла не делаю! Но она меня не назвала отцом, и я ее не называю дочерью своей». Или другой фрагмент: «И сказал он (царь Телепину): “Пусть идут они себе, и да будут они жить, и пусть едят и пьют. Зла же им никакого не причиняет Телепину. И так я постоянно говорю: мне сделали зло, я же тем зла не делаю!”» Если, в конце концов, обиженный все же предпринимал справедливую расправу над обидчиком, для него считалось хорошим тоном подчеркивать свое долготерпение, выразившееся в том, что он долго сносил обиды, не желая воздавать злом за зло, но поневоле исчерпал все пределы миролюбия. Мурсили II, проведя судебный процесс против своей мачехи Таваннанны, вдовы своего покойного отца, многократно повторяет в молитве богам, что он стерпел целый ряд злоупотреблений и преступлений обвиняемой и обрушился на нее только тогда, когда она поистине превзошла сама себя, уморив колдовством жену и детей самого Мурсили.

В самом воздаянии злом за зло считалось необходимым соблюдать определенную меру, порядочность, не использовать любые средства без разбора. Прощение хетты считали актом свободной благой воли сверх справедливости. Оно диктовалось не добротой, а великодушием: прощая врага, хетт руководствовался не состраданием, а презрительным пренебрежением к нему. Прощение ни в какой степени не считалось обязательным, но достойным ответом на зло была полномасштабная месть. Еще древнехеттский Хаттусили I заявлял: «На вражду я отвечаю враждой!», а Хаттусили III с нескрываемым удовлетворением пишет о других своих врагах: «Врагов моих и завистников богиня Иштар в руку мне положила, и я с ними покончил». Или: «Богиня Иштар мне моих завистников, врагов и противников по суду в руки отдавала. Кто из них был убит оружием, кто умер в назначенный ему день, но я с ними со всеми покончил!» Оправдание Хаттусили в целом построено именно на том, что самооборона, ответный удар справедливы. Если обидчик успевал сам

отдаться в руки обиженного, признать свою вину и просить о милости, прощение считалось почти обязательным.

Именно такого прощения просит – почти требует – Мурсили у богов в своей «Молитве во время чумы»: «Этот грех я признал воистину перед богами: это истинно так, мы это сделали. Но после того как я признал грех, да смягчится душа богов. Я так скажу об этом: если раб совершает какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то хозяин его смягчится... и того раба не накажет». Сам Мурсили II не только просил, но и с охотой давал такого рода прощение, всячески подчеркивая это в своих договорах и «Анналах»: «Когда люди (враждебного) города Туккама меня завидели издали, они вышли ко мне навстречу: “Господин наш! Не допусти, чтобы у нас все разграбили для (твоей) Хаттусы, как это было в городе Арипса... и не угоняй нас в Хаттусу, а сделай нас своими пешими воинами и колесничими!” И тогда я, Солнце, не приказал разграбить город Туккаму, и те три тысячи пленных, что из Туккамы взяли для угона в царский дворец, я сделал своими пешими воинами и колесничими». Так, в самых разных текстах новохеттской «официальной царской литературы» проводится оригинальная этическая концепция. Если человек не делает зла первым, а в ответ на чужое зло щадит виновного «с позиции силы» (то есть при условии предварительной победы над ним), а также ограничивает себя в выборе средств в ходе самой борьбы, то он пользуется особым уважением, дополнительно превозносится перед врагом и вправе хвалиться собой перед богами и людьми. Другими словами, он занимает «сильную позицию», позволяющую ему гордиться перед окружающими, которые признают эту гордость.

На чем основывали хетты такую этическую концепцию? Мурсили II в одном из договоров вскользь упоминает: «Затем, так как людям (вообще) свойственно поступать криво...» В «Молитве во время чумы» он же говорит: «Боги, господа мои, так все и совершается: кругом грешат». Если все люди грешат и совершают зло, то последовательное и полноценное воздаяние злом за зло окажется для них попросту путем к самоистреблению. Открывающийся здесь непрерывный круговорот зла должен быть где-то разорван, и особенный почет воздается тому, кто способен разорвать его великодушным прощением.

Страна слонов

Древняя Индия славилась в древности многим, но больше всего своими слонами. В Китае, при дворе царей династии Шан, имелось только несколько слонов; у царей позднейших династий слоны и напоказ не всегда бывали, в Индии же их держали тысячами. В большинстве случаев слонов использовали в военных целях: был такой царь, который наряду с 600 тысячами пеших воинов и 30 тысячами всадников мог выставить девять тысяч боевых слонов. Против них ничего не стоили стрелы с железными наконечниками и пики. А если слоны ранены, тем яростнее вламывались они в боевые ряды неприятеля, сметая на своем пути пеших воинов, всадников, ломая боевые колесницы и даже персидские передвижные башни, запряженные волами. Приручать слонов было нелегко, но труд окупался: слоны живут долго и за свою жизнь успевают послужить двум-трем поколениям людей, а не так, как гораздо быстрее стареющие боевые лошади. Цари многих стран, особенно соседней Передней Азии, завидовали владыкам Индии из-за их слонов. Например, один из преемников Александра Македонского, Селевк I, после окончания одной войны отдал в жены индийскому правителю Чандрагупте свою дочь и отказался от лежащей в долине Инда провинции, а за это получил 500 слонов, с которыми позднее ему удалось выиграть много сражений. Опыт индийцев решил использовать и Ганнибал: чтобы победить римские легионы, он двинул против них боевых слонов.

Индийские правители и другие знатные вельможи часто и в мирное время ездили верхом на слонах или запрягали слонов в свои парадные колесницы. У кого хватало средств только на упряжку из четырех коней, тот не считался высшей знатью, еще менее благородными считались те, кто восседал верхом на верблюдах. Как известно из греческих источников, при триумфальном выезде индийского владыки в голове шествия шли музыканты и курители благовоний, далее следовала слоновья упряжка царя, окруженная женщинами-телохранительницами на слонах, лошадях и боевых колесницах.

О времени, когда в Индии начали приручать слонов, хроники не говорят, но это могло произойти уже в II тысячелетии до нашей эры. Вскоре вслед за расцветом Шумера и Египта в долине Инда возвысился народ, обладавший письменностью, строивший города, умевший плавить бронзу и знавший много других ремесел, а в качестве домашнего животного державший не только овец, коз и свиней, но и буйволов, зебу и даже, как указывают некоторые признаки – слонов.

Достаточно долго было очень мало известно о происхождении и жизни древних людей, которые жили на этой территории Индии. Однако после раскопок в Мохенджо-Даро и Хараппе в 20-х годах прошлого века археологи Пакистана и Индии нашли более 1000

прекрасно спланированных городов, выстроенных из обожженного кирпича, с похожими по стилю гончарными изделиями и изысканными резными печатями. Все это подтверждало существование неизвестной ранее цивилизации, называемой ныне цивилизацией Инда или Хараппы.

Письмо этого народа до сих пор еще не разгадано. Большинство текстов писцы запечатлевали на каком-то недолговечном материале, а то немногое, что дошло до нас на печатях и амулетах, вырезанных главным образом из жировика, не дает ученым достаточно опорных точек, чтобы найти ключ к разгадке непонятных знаков.

На территории древнего Шумера также были найдены амулеты, раковины и жемчужины, происходившие из Индии. Следовательно, эти два древних народа торговали друг с другом, к тому же, по-видимому, без посредников. Среди руин городов в долине Инда нашли изготовленную на шумерский образец цилиндрическую печать и туалетный набор; более того, в Мохенджо-Даро обнаружили сосуд с шумерской надписью. Но вероятнее всего, что торговля между этими странами осуществлялась посредством кораблей, отправлявшихся от берегов Индии и к ним же возвращавшихся. Одно время продажей отправляемых в Шумер товаров, например, слоновой кости, возможно, занималась постоянная индийская купеческая колония.

Одно из изображений на найденной в долине Инда вазе, по мнению археологов, рисует древнее богослужение жившего там народа.

Вот что известно нам об этой стране и ее народе. Она находилась в северо-западной части Индии, и в период своего расцвета по площади по крайней мере в четыре раза превосходила Шумер. На всей ее территории была распространена одна и та же письменность, и к тому же тут использовали похожую керамику и другие предметы быта. Этот народ умел плавить медь, выплавлять бронзу, ковать металл, изготавливать стекло, знал и использовал гончарный круг, делал обливные глиняные сосуды и фаянсовую посуду. Городские стены, дома, бани, этот народ строил в основном из обожженных кирпичей, ведь в окружающих джунглях дрова найти было легко. Улицы городов были прямыми и пересекались под прямым углом. В кирпичных, в несколько этажей домах более зажиточных горожан наряду со множеством разных помещений была отдельная комната для

омовений, но и саманные дома простых людей тоже состояли, по крайней мере, из двух комнат и имели двор.

В самом центре города стояла окруженная толстой стеной внутренняя крепость с зернохранилищем. Но это зернохранилище не было похоже ни на зерновые склады шумерских городских или храмовых хозяйств, ни на центральные склады-амбары хозяйств египетских фараонов. Большие помещения типа хранилищ или складов были и при богатых домах. Все это указывает на то, что в городах долины Инда собранное зерно и другие запасы распределялись среди большого количества людей, а это позволяет предполагать, что над народом управлял не один всемогущий царь, власть он разделял с богатыми семьями.

Исследователи пока еще не нашли в долине Инда следов искусственного орошения, но благодаря систематическим разливам реки и его пяти больших притоков, несмотря на малое количество осадков, здесь росли пшеница, ячмень, кунжут, дыни, финики, хлопчатник. Вероятно, здесь жили первые в мире хлопкоробы, первые хлопкопрядильщики и ткачи. Овец своих они не стригли, шерстяных тканей не знали: в здешнем теплом климате им не было холодно в легких одеяниях из хлопчатой ткани.

Они пользовались десятичной системой исчисления и умели обозначать большие числа. Меры веса у них отличались и от шумерских, и от египетских.

Если суммировать все сказанное выше, то становится очевидным, что перед нами технически развитая и необычайно однородная культура. Города долины Инда были построены из кирпича, но не из сырца, которым пользовались шумеры, а из кирпича обожженного. Этот факт, а также остатки огромных плотин, защищавших города от наводнений, и густая сеть сточных канав ясно свидетельствовали о том, что пять тысяч лет назад проливные дожди в долине Инда были весьма частыми, причем настолько, что обилие воды создавало угрозу городским постройкам и жители не могли строить свои города из кирпича-сырца, в отличие от шумеров, ибо дожди в Южной Месопотамии – явление редкое. Жители долины Инда, наоборот, в то время явно имели избыток воды – что удивительно, так как сегодня это одно из самых засушливых мест на планете.

Когда европейцы еще жили в деревнях, а Стонхендж только строился, у хараппцев уже была одна из самых совершенных систем городского водоснабжения и канализации. В Мохенджо-Даро сеть колодцев обеспечивала его жителей источниками свежей воды на всей территории города. Купальни были практически в каждом доме, а иногда там имелись и туалеты. Использованная вода стекала по разветвленной системе сточных каналов. А так называемая Большая Купальня, огромный осевший кирпичный резервуар внутри гигантского строения, была техническим чудом своего времени. Этот комплекс был расположен в самом центре городского общественного центра и имел глубокий бассейн, заполненный водой.

Очевидно, ненадежный Инд, часто меняющий свое русло, заставил хараппцев создать источники воды в самом городе. Они вырыли в Мохенджо-Даро более 600 цилиндрических колодцев. Эти колодцы, новаторские и по форме, и по конструкции, были спроектированы так, чтобы быть способными выдерживать глубокие горизонтальные напряжения. Мастера также разработали для стенок колодца кирпич особой формы, суживающийся к концу. Так же тщательно инженеры сооружали кирпичные платформы для купален. Они возводили пол с наклоном для лучшего дренажа, часто шлифовали края кирпичей для того, чтобы лучше подогнать друг к другу. Платформы и туалеты устанавливались напротив внешних стен, там, где вода и отбросы могли стекать вниз в спускной желоб, попадая в городскую очистительную систему. Другие желоба служили для сброса домашних отходов в уличные мусорные контейнеры. Несомненно, для поддержания всей этой системы в рабочем состоянии требовались огромные усилия. Так, необходимо было регулярно чистить помойные ямы, промывать каналы водой, чтобы не дать жителям задохнуться от запахов, распространявшихся от их впечатляющей очистной системы.

Пожалуй, и примеров достаточно для доказательства того, что этот народ самостоятельно, своими силами поднялся на достаточно высокую ступень цивилизации. В своем развитии он соперничал с жителями долины Нила и Междуречья, и по времени его цивилизация лишь немного отставала от них, если отставала вообще.

Однако здесь – во всяком случае, непосредственно в долине Инда – развитие прервалось. Здешние города поглотили окружающие их

джунгли, они превратились в логовища тигров и змей.

Что случилось? Какая произошла катастрофа?

Археологи нашли здесь следы наводнений, которые можно назвать потопом. К тому же к вызванным ими разрушениям присоединились и опустошения, причиненные не знающими пощады вражескими войсками.

Правда, конные племена, вторгшиеся в Индию около 1500 г. до н. э. со стороны Ирана, родственные персам арии, или древние инды, не были столь уж дикими и кровожадными. Во всяком случае сведения, дошедшие до нас от эпохи переселения народов, об этом ничего не говорят. В преданиях нет и следа упоминаний об обычной для завоевателей борьбе не на жизнь, а на смерть. Тогда что могло заставить завоевателей, если все-таки они были причиной разрушений, расправиться с жителями цветущей страны?

Новейшие достижения науки помогли получить объяснения некоторых явлений, беспокоивших ученых: потопы и драматичный закат городов Хараппы во времена, предшествующие появлению индоариев в долине Инда. В 1970-х годах съемки Индостана с космического спутника обнаружили свидетельства грандиозных сдвигов в топографии полуострова, возможно, связанных с тектоническими подвижками, вызванными землетрясениями. Примерно во II тысячелетии до н. э. эти глобальные явления постепенно изменили течение Инда и осушили реку Сарасвати. Эта река, по описанию Вед, была даже больше, чем Инд, и протекала от Гималаев к Аравийскому морю, параллельно Инду, только немного южнее.

К 1980-м годам гипотеза о гибели цивилизации Хараппы под сокрушительным ударом вторгшихся индоарийских завоевателей окончательно рухнула под тяжестью доказательств ее ошибочности. Стало ясно, что погибла не цивилизация в целом, а лишь города Хараппы, причем не по причине военного вторжения. Когда Сарасвати высыхала, а Инд менял свое русло, по-видимому, множество городов и селений затоплялось. Другие же, построенные на берегах рек, оставались при этом без воды и водного сообщения. Мохенджо-Даро и Хараппа, построенные частично на огромных кирпичных платформах для защиты от потопов, оказались хорошо защищены также и от больших физических разрушений. Сюда устремились обитатели

других мест, покинувшие свои менее удачливые поселения, плотность населения в этих городах резко возросла. Хараппское земледелие также страдало как от истощенных почв, так и от постоянных затоплений. Очевидно, было очень трудно поддерживать земледелие на высоком уровне при столь быстром росте населения.

Сегодня совершенно ясно, что пришедшие в Индию племена ариев застали здесь уже угасающую цивилизацию. Падение Мохенджо-Даро и Хараппы происходило исподволь. Период ухудшения длился, как показывают археологические раскопки, несколько столетий. Немаловажную, а может быть, и главную роль в этом сыграл... обожженный кирпич. Дело в том, что для обжига миллионов кирпичей, из которых построены Мохенджо-Даро и Хараппа, требовалось много топлива. Самое дешевое – дерево. 5000 лет назад долина Инда была покрыта могучими лесами. Затем пришли градостроители и начали вырубать деревья, превращая их в дрова. Тысячелетия пылали угли, а леса редели. Строители скорее всего сами и превратили долину в пустыню. А климатические изменения, возможно, ускорили этот процесс.

К тому же, как сравнительно недавно выяснили антропологи, исследуя костные останки древних обитателей долины Инда, причиной гибели многих из них могла стать малярия. Эпидемия буквально выкосила жителей многих поселений.

Раскопки, проведенные в последние годы, доказывают, что многие из древних жителей долины Инда уходили в трех направлениях: по морю – в Суарастру, по суше – в Восточный Пенджаб и долину Ганга. На своей древней родине они жили примерно до 1500-х годов до н. э., но в других частях Индии можно найти следы существования их больших или малых поселений на протяжении еще тысячи лет.

Пока что мы не знаем, когда произошло это переселение, но по морю оно началось наверняка еще перед случившейся в середине II тысячелетия до н. э. огромной катастрофой и падением метрополии. К тянувшемуся от дельты Инда до кончика полуострова Индостан побережью Индийского океана не раз приставали, преимущественно в устьях рек, большие или малые группы кораблей. Прибывшие на них люди закладывали поселения, цветущие города, среди которых был и Лотал, превратившийся со временем в большой торговый центр. Археологи и здесь нашли такие же, как в Мохенджо-Даро и Хараппе,

четырехугольной формы кварталы, в домах – комнаты для омовений, на широких улицах – крытые канавы. Сейчас Лотал лежит уже далеко от моря, речные наносы превратили в сушу мелководную прибрежную полосу, но в свое время это был оживленный порт с огромными доками, построенными из обожженного кирпича, в которые заходили корабли, шедшие не только из устья Инда, но и со стороны сегодняшнего Персидского залива. Сведения, полученные при раскопках, позволяют утверждать, что здесь выгружали товары из Месопотамии и, возможно, даже одно время и из Египта, не говоря уже о богатой добыче множества морских рыболовных судов. В городе же гончары изготавливали нарядную посуду, медники выплавляли и выковывали превосходное медное оружие и орудия, но поскольку в этих местах медь была редкостью, находилась работа и умелым шлифовальщикам каменных орудий. Вероятно, жители Лотала и других позднейших поселений, связанных с культурой долины Инда, передали окружающим их народам много знаний, связанных с ремеслами. Но в ходе столетий медленного упадка их письменность совершенно исчезла, и их самих постигла та же судьба, быть может, захватчики-арии подчинили их себе.

Арии, постепенно завоевавшие Индию, будучи пастушескими племенами, сначала обходились без городов. И даже построенные ими спустя долгие столетия города-резиденции правителей, защищенные земляными насыпями и деревянными ограждениями, выглядели весьма скромно по сравнению с теми поселениями, которые в долине Инда к тому времени навечно обезлюдели. Об этом более позднем периоде, об Индии I тысячелетия до н. э., мы знаем гораздо больше уже из письменных памятников. Поселившиеся в Индии жрецы создали около 800–500 гг. до н. э. письменность, предназначенную для увековечивания священных текстов. В этом кроется какая-то загадка. Дело в том, что новым письмом записаны и такие религиозные стихи-веды, которые уже и тогда считались невероятно древними. Конечно, в Азии и по сей день известны весьма развитые методики устной передачи памятников народного творчества, но все же трудно представить, как могли сохраняться эти памятники в течение 600–800, а может, и тысячи лет.

Кроме того, речь шла не только о священных текстах. Старинные памятники сохранили целый язык – санскрит, который к тому времени,

когда его впервые записали на пергамент и описали его правила, чтобы их соблюдали те, кто знал этот язык: жрецы и другие образованные люди, – в своей первоначальной форме уже совершенно вымер, исчез из живой речи. Этот язык стал общим литературным языком потомков племен ариев-завоевателей, которые все более умножались в числе, а потом распались на много народов. Этот язык понимали образованные люди во всей огромной Индии. На этом языке написаны многие песни бесконечно длинного – в двести тысяч строк – героического стихотворного эпоса «Махабхарата» и другой, более короткий эпос «Рамаяна», история приключений царевича Рамы.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь – так можно было бы начать рассказывать эти две замысловатые истории сыновей рода Бхарата, но слишком долго пришлось бы дожидаться конца. В этих эпосах, особенно в «Махабхарате», больше всего бросается в глаза то, что арии, господствующие над темнокожим туземным населением страны, в основном заняты ссорами, соперничеством и сражениями друг с другом. Но они передвигаются уже не так, как в эпоху завоевания Индии, – не только на конях и повозках, но и на слонах. Самая большая похвала, которой может удостоиться воин: «такой могучий герой, как десять тысяч слонов». Цари и другие вельможи отправлялись в поход на слонах, и в пылу битвы нападающие друг на друга, покрытые кровью слоны-великаны в неистовстве всаживают клыки один в другого; быстрые, могучие звери, носящие колыхающиеся знамена, воют страшными голосами, запоротые клыками насмерть, а находившиеся под их защитой широкоплечие пешие воины-герои, неся копья, луки, сверкающие боевые топоры, острые мечи с крепкими рукоятками, дубины и палицы, идя со всех четырех сторон света, бросаются друг на друга, полные решимости уничтожить врага.

В ходе борьбы, которую вели между собой мелкие и крупные правители-арии, постепенно возникли те великие царства, которые наконец подчинили своей власти всю Индию – огромную, лежащую на юг от Гималаев часть Азии, равную по величине почти всей Европе.

Начало Китая

В 2000 г. увидел свет древний китайский город, скрытый толщей земли более трех тысяч лет. Исследователи называют его Хуанбэй-Шан. Предполагают, что он был построен в XIV в. до н. э., во времена расцвета культуры Шан-Инь в долине Хуанхэ, приблизительно с 1600-го по 1045 год до н. э. Двойное название династии объясняется тем, что задолго до начала раскопок участок вокруг последней столицы Шан, близ нынешнего Аньяна, называли Иньсюй («развалины Инь»).

Раскопки Хуанбэя – новейшая глава в повторном открытии культуры Шан-Инь и других культур бронзового века. Дело в том, что еще сто лет назад династии Шан-Инь словно вовсе и не существовало. Ее следы были потеряны – так же, как следы древнего города. И только в исторических текстах времен династии Чжоу, правившей через сотни лет после падения династии Шан-Инь, о ней сохранились кое-какие упоминания. О падении династии Шан писали, что это было наказание за порок – она погибла в пьяном угаре. Китайская научная традиция признавала эти источники, однако многие западные исследователи

считали их недостоверными. И вот на протяжении XX в. все чаще стали появляться убедительные подтверждения существования династии Шан-Инь – массивные изделия из бронзы, погребальные комплексы, где людей тысячами приносили в жертву жестокой вере, кости животных, использовавшиеся для гадания и покрытые таинственными письменами.

В других частях Китая археологи способны издали распознать признаки древних сооружений: холм может быть могильным курганом, а горная гряда – древней стеной. Но в этом уголке провинции Хэнань разливы рек и осадочные горные породы похоронили прошлое глубоко под землей. Ландшафт на протяжении веков менялся, поэтому для археолога недостаточно трех привычных измерений – иначе увидишь лишь то, что находится на поверхности. К тому же следует учесть еще один фактор – время. Можно смотреть вокруг и ничего не видеть. А на самом деле именно здесь находился первый город в этой местности.

Все началось с... малярии. В 1899 г. в семье специалиста по древнекитайским текстам Ван Ицзюна кто-то заболел малярией, и Ван Ицзюн послал к аптекарю за испытанным средством – брюшным черепашиным панцирем, который надлежало растереть в порошок и принимать внутрь. Панцирь доставили и уже собирались измельчить, но вдруг кто-то заметил на них странные письмена. Для обыкновенного грамотного китайца эти знаки на первый взгляд были нечитаемы, однако филологу нетрудно было распознать в них ранние формы китайской письменности.

Ван Ицзюн стал первым крупным коллекционером черепаховых панцирей с надписями, которые он скупал в аптеках. Его научные изыскания оборвались в 1900 г., когда в Китае вспыхнуло восстание, направленное против иностранного проникновения в страну. Ван был государственным чиновником при правителях династии Цин, и он, хоть и не имел желания участвовать в боевых операциях, вынужден был принять на себя командование одним из мятежных отрядов.

В течение многих лет после смерти Ван Ицзюна не прекращались споры о назначении предметов, которые аптекари окрестили «драконьими костями». Ясно было, что они представляют собой отнюдь не только лекарственную ценность. Антикварные рынки Пекина и Шанхая наводнили фальшивки, и, пока ученые

подтверждали или оспаривали подлинность «драконьих костей», жители деревушки Сяотунь, где было обнаружено крупное захоронение черепаших панцирей, просто помешались на торговле этим находками и погрязли в ссорах и драках.

Однако за всем этим хаосом в интеллектуальной жизни Китая последовали революционные изменения. В 1911 г., после падения династии Цин, образованные люди стали все чаще обращаться к западной науке и философии. Чтобы осмыслить настоящее, надо было по-новому взглянуть на прошлое, и археология могла в этом помочь. В 1928 г. недавно образованная Академия Синика отправила в Сяотунь экспедицию. На этом проекте было воспитано целое поколение китайских археологов.

Первые раскопки, сделанные «по следам» торговцев и грабителей, сосредоточились на поиске знаменитых черепаших панцирей. В 20—30-х гг. прошлого века было обнаружено около ста тысяч фрагментов с надписями, и благодаря этим находкам династия Шан-Инь перестала быть мифом. Изучая древние письмена, ученые стремились заглянуть в далекое прошлое, хотя эти надписи говорили только о будущем: «В течение следующих десяти дней несчастий не ожидается»; «беременность правительницы Фу Хао будет успешной» (как станет понятно дальше, имелось в виду рождение мальчика).

Прорицания на гадальных костях касались войн и урожаев, болезней и рождения детей – словом, почти всего: от зубной боли правителя до потенциальных несчастий, которые могут обрушиться на столицу. Подробно описываются жертвоприношения – как животных, так и людей. Все высказывания четки и лаконичны, но при этом некоторые из них звучат сквозь столетия необычайно таинственно и красиво: «Днем радуга тоже пришла с севера и пила из Хуанхэ».

Как же прорицатели с помощью гадальных костей заглядывали в будущее? Брюшные панцири черепахи или лопаточные кости крупного рогатого скота (и то и другое предоставляет плоскую поверхность для письма) тщательно чистили и делали тоньше. Затем к кости прикладывали раскаленный предмет, и на поверхности появлялись трещины. Их-то люди эпохи Шан-Инь и воспринимали как послание из иного мира: предки словно отвечали на вопрос прорицателей, и этот «ответ» записывался. Рисунок, который давали трещины, толковал сам правитель, и это толкование обычно вырезалось на той же самой

кости. Иногда придворные граверы отмечали, сбылось пророчество или нет. Вот одно любопытное «послесловие»: «Через 31 день... (правительница Хао) родила; роды были неудачными – это была девочка».

Гадальные кости говорили о людях, которые упоминались и в традиционно признанных источниках, это лишний раз доказывает, что речь идет о реальных исторических персонажах. Например, часто встречается имя У Дина, двадцать первого правителя династии Шан-Инь (историки полагают, что он умер около 1189 г. до н. э.), а также его супруги Фу Хао. Надписи на гадальных костях продолжают династическую линию вплоть до Ди Синя, двадцать девятого и последнего ее правителя, потерпевшего примерно в 1045 г. до н. э. поражение от представителей династии Чжоу. Итак, события, которые отражены в гаданиях, охватывают более 150 лет, завершающих эпоху Шан-Инь, – от 1200-го до 1045 г. до н. э.

До XX в. историки не знали ни о существовании детально разработанной системы предсказаний династии Шан-Инь, ни о жертвенных ритуалах древней культуры. Раскопки в Сяотуни, проводившиеся с 1928-го по 1937 год, открыли тысячи захоронений, в том числе девять огромных могил, где, как предполагалось, были погребены последние правители династии. Крупные захоронения разграбили много веков назад, однако свидетельства о кровавых жертвоприношениях сохранились в них до сих пор. В одном из могильных комплексов были обнаружены останки семидесяти четырех человек, которые были обезглавлены или изуродованы перед смертью. Духи династии Шан-Инь постоянно требовали крови. Ученые пришли к выводу, что за последние 250 лет правления Шан-Инь в жертву было принесено более 13 тысяч человек.

После раскопок в Сяотуни эту династию часто называли жестокой, так как ей требовалось множество рабов для жертвоприношений. И все же вряд ли в этом случае можно говорить о «рабстве» в привычном для нас значении этого слова. В жертву приносили чаще всего людей из других племен, которые, не будучи формально ни рабами, ни военнопленными, каким-то образом находились в зависимости от Шан.

Ценные находки в Сяотуни были сделаны как раз в тот момент, когда Китай подвергся нападению. В 1937 году японские войска

продвинулись в глубь страны, и Академия Синика была вынуждена прекратить раскопки в Сяотуни. На протяжении следующего десятилетия археологи превратились в скитальцев, перевозящих бесценные реликвии по цепи юго-западных городов, еще не подвергшихся оккупации. В 1949 г., незадолго до победы в Китае коммунистической революции, Академия Синика переехала в последний раз – на сей раз на Тайвань. Ученые увезли с собой более тысячи трехсот ящиков, содержащих большую часть археологических сокровищ Китая.

С тех пор изучение династии Шан-Инь разделилось между островом и материком. До 80-х г. XX в. между историками с двух берегов Тайваньского пролива не существовало прямых контактов. Американские и европейские ученые, изучавшие Шан-Инь, тоже находились в изоляции: западные академические круги мало сотрудничали с Тайванем, а с материковым Китаем связи не было вообще. Вместо кропотливого изучения древней эпохи ученые занимались чем-то вроде академического прорицания.

В материковом Китае исследование эпохи Шан-Инь чуть было не прекратилось в 1966 г. с началом «культурной революции». Публикации на эту тему были категорически запрещены, а археологическая станция в Аньяне закрыта. Самых же археологов обвиняли в приверженности «временам феодализма»; Чэн Мэнцзя, один из самых талантливых исследователей гадальных костей в XX в., покончил с собой.

Много лет подряд национальные пропагандистские кампании превозносили Дачжай – деревню в провинции Шаньси – как образец сельской коммуны. Одно из «достижений» Дачжая заключалось в выравнивании холмистой местности для улучшения условий земледелия. В 1975 г. археологическая станция в Аньяне была открыта вновь, но перед археологами поставили политическую задачу: помогать местным крестьянам «учиться у Дачжая». Для того чтобы древние города не были перепаханы, археологи предварительно делали пробные раскопы.

Под одним из холмов было обнаружено огромное захоронение. Ему чудом удалось избежать разграбления. Это была усыпальница правительницы Фу Хао. Ученые впервые стояли над могилой, которая в течение трех тысяч лет оставалась нетронутой, но в стране,

раздираемой политическими беспорядками, на археологию средств не было. Во время раскопок 1976 г. яма глубиной семь с половиной метров наполнилась водой, и археологи не могли получить ясной картины расположения захоронения. В результате все свелось к спасательным работам: местные смельчаки, глотнув хлебного спирта, ныряли в замерзающую грязь и вытаскивали древние реликвии.

В раскопе обнаружили 195 предметов бронзовой посуды, причем на половине из них была гравировка с именем правительницы Фу Хао; 271 единицу оружия; инструменты и маленькие вещицы из бронзы, а также 755 изделий из нефрита (это самая большая нефритовая коллекция, найденная в могилах династии Шан-Инь). Кроме того, в яме было 16 человеческих и 6 собачьих скелетов. Коллекция бронзы, принадлежавшей Фу Хао, весила 1600 килограммов.

По окончании раскопок был собран митинг, на котором правительницу подвергли осуждению за то, что свое богатство она приобрела, эксплуатируя пролетариат (дело было в 1976 г.). Через несколько месяцев скончался Мао Цзэдун и «культурная революция» завершилась. Китайские археологи начали робко мечтать о стабильности. Однако будущее преподнесло такие неожиданности, а подход к изучению династии Шан-Инь претерпел такие радикальные изменения, что всего этого не смогли бы предсказать и самые опытные прорицатели.

Наряду с гадальными костями характерный предмет культуры Шан-Инь – бронзовая посуда. В Китае бронзовый век начался позже, чем на других территориях: примерно в 2000 г. до н. э. (для сравнения: в юго-восточной Европе и на Ближнем Востоке он наступил на тысячу лет раньше). Но ремесленники из долины Хуанхэ быстро наверстали упущенное: добавляя свинец в смесь меди с оловом и освоив сложный процесс литья, они начали изготавливать массивные предметы. Европейцы овладели этим ремеслом на тысячу лет позже. Самый крупный предмет посуды, найденный в Аньяне, весит 875 килограммов. Но размер не был решающей характеристикой в эпоху Шан, чей художественный стиль задал тон китайскому искусству на многие столетия вперед. Большая часть посуды Шан украшена орнаментом таоте, который представляет собой стилизованное изображение полудуха-полузверя.

Бронзу с орнаментом таоте находили по всему Восточному Китаю – это явилось одной из причин, по которым культура Шан-Инь воспринималась как единая династия, то есть как политическое образование, которое контролировало огромные территории. На протяжении большей части XX в. китайские ученые – археологи применяли так называемую диффузионную модель в своем видении бронзового века: цивилизация зародилась на берегах Хуанхэ и оттуда распространилась дальше. Однако к 80-м гг. XX в. этой модели был брошен вызов. Археологи, работающие в долине реки Янцзы, в провинциях Цзянси и Хунань, более чем в 900 км к югу от Аньяна, раскопали массивные бронзовые предметы, не похожие ни на одну из сделанных ранее находок. Местные специалисты утверждали, что они относятся к самостоятельным высокоразвитым культурам. Но тогда возникал вопрос: можно ли рассматривать Шан-Инь как династию в традиционном смысле этого слова? На самом деле государство Шан-Инь было очень маленьким – не больше, чем три речных долины. Но его культурное влияние было намного больше.

Мысль о том, что за пределами долины Хуанхэ могли существовать другие высокоразвитые культуры, воспринималась политическим руководством страны с большим трудом. Вмешательство политики привело к тому, что изучение нешанских культур целенаправленно игнорировалось. Творцам китайской идеологии требовалась единая страна – как в прошлом, так и в настоящем. Раскопки в Аньяне велись десятилетиями, и за это время реликвий, относящихся к эпохе Шан-Инь, было найдено гораздо больше, нежели относящихся к другим культурам. А у единой страны должна быть единая письменность, и в этом смысле гадальные кости, предваряющие современное китайское письмо, сыграли неопределимую роль. Естественно, все гадальные надписи толковали с точки зрения правителей Аньяна, и династия Шан-Инь тем самым оказывалась в центре вселенной.

Карта Древнего Китая изменилась в 1986 г. благодаря крестьянке по имени Сюй Вэнцзю. Обитательница маленькой деревушки Саньсиндуй в провинции Сычуань, Сюй копала вместе с односельчанами глину для кирпичей и неожиданно наткнулась на склад резных нефритовых фигурок. «Внезапно весь народ вокруг бросился врассыпную, люди словно сквозь землю провалились, и

нефрит вместе с ними», – вспоминала она. Но археологи быстро взяли ситуацию под контроль, хотя, чтобы вернуть нефрит, им пришлось вызвать военную полицию. Так обнаружилось существование еще одной древней культуры. В двух ямах были обнаружены сотни предметов искусства: слоновьи бивни, раковины моллюсков каури, предметы из нефрита, золота и бронзы. Особенно поразительной находкой было большое бронзовое дерево с гнутыми ветками, украшенными цветами, листьями и драконами. Вероятно, все эти вещи были спрятаны перед приближением неприятеля. Сокровища, «захороненные» около 1200 г. до н. э., относились к позднему периоду правления У Дина и Фу Хао.

Однако Саньсиндуй и Аньян находятся на расстоянии 1100 км друг от друга, и многие бронзовые предметы из раскопок в Саньсиндуе совершенно уникальны: в основном это изображения людей. В раскопах обнаружили более 50 голов, 20 масок и одну громадную – 2,6 м – человеческую статую. Головы узкие и вытянутые, с огромными глазами. Теперь уже никому не пришло бы в голову утверждать, что эти вещи происходят из Аньяна. Время «монополии» династии Шан-Инь прошло.

В 2001 г. на стройплощадке в городе Иньиа провинции Сычуань рабочие обнаружили захоронение с похожими бронзовыми предметами. С археологической точки зрения вещи из городов Саньсиндуй и Иньпа остаются совершенно изолированными: все последующие находки, сделанные в провинции Сычуань, более чем на тысячу лет моложе саньсиндуйских. При этом ученые не обнаружили ни одной записи, относящейся к эпохе Шан-Инь, в которой существовало бы упоминание о культуре Саньсиндуя.

И все-таки обнаруженные реликвии указывают на то, что между разными регионами Древнего Китая культурные связи существовали. Некоторые из нефритовых предметов, найденных в Саньсиндуе, воспроизводят элементы орнамента, свойственного Аньяну, а кое-что из бронзовой посуды явно было завезено из региона Средней Янцзы или имитирует этот стиль. Значит, в Древнем Китае существовали несколько очагов цивилизации, между которыми был налажен обмен товарами и технологиями. Обмен этот мог связывать районы весьма отдаленные, и не только на территории Китая. Многие находки ставят ученых в тупик – и на свет появляются самые фантастические теории.

Например, изображения на некоторых находках по своему антропологическому типу очень далеки от китайцев. Они похожи скорее на африканоидов или индейцев – у них пухлые губы, высокие скулы, широкие крылья носа. Или прямой нос, большие глаза и густые брови. Эту «не-китайскую» особенность заметили еще в XVIII в. и говорили о происхождении китайского населения в результате «вавилонской миграции» или даже о том, что Китай был египетской колонией. Специалисты установили, что китайская бронза поразительно напоминает декор культур Центральной Америки. Не откочевали ли когда-то коренные жители Китая, протоамериканцы, через область Берингова пролива на места их сегодняшнего расселения? Не исключено также, что во II тысячелетии до н. э. китайцы плавали в Америку. Тогда проясняются описания странных пейзажей, которые встречаются в древних текстах, например в «Шаньхай цзин» («Канон гор и морей»), датированном I тысячелетием до н. э. Многие из этих описаний соответствует ландшафту Центральной Америки. Но почему ушли «некитайские» жители Китая? Сохранились легенды о том, как предводитель протокитайцев Желтый правитель Хуанди изгонял некие «краснокожие» племена с Центральной равнины.

Так что сегодня можно говорить не только о разных культурах на территории Древнего Китая, но и о разных цивилизациях, развивавшихся параллельно, пока одна не вытеснила другую.

Лабиринт

Одно упоминание о лабиринте рисует в воображении современного человека необычайно сложное, запутанное хитросплетение ходов, узких троп и тупиков, окруженных каменными стенами. Такой привычный для нас образ на самом деле далек от «первоисточника». Большинство древних «классических» лабиринтов создавалось по одинаковому, вполне определенному шаблону с одной-единственной очень извилистой тропой, ведущей от входа к центру. Таковы сохранившиеся до наших дней петроглифы в виде лабиринтов, обнаруженные в Галисии, на северо-западе Испании, и датированные 2000 г. до н. э.; глиняные таблички с изображением лабиринтов, найденные в греческом городе Пилосе, возраст которых 3000 лет; рисунки лабиринтов, нацарапанные на руинах в турецком Гордионе, относящиеся к 750 г. до н. э.

Строго говоря, не всякий клубок запутанных ходов следует называть лабиринтом. Классический вариант имеет семь концентрических линий, плотно закрученных вокруг центрального ядра. Вход только один. Длинный путь от него обязательно приводит к центру, который, если быть точными, смещен немного к краю. Соприкасаясь вплотную, дорожки лабиринта нигде не пересекаются и никак не сообщаются друг с другом. Покинуть центр сооружения можно только одним путем – тем же, что привел к цели. Других выходов из лабиринта нет. Таким образом, забредшему в его недра путнику не приходится ломать голову над решением сложных задач: как быстрее пройти к цели и выбраться наружу. Все что нужно делать – это идти по дорожке, которая приведет к центру и выведет обратно.

Иначе устроены ходы-головоломки, именуемые на английский манер «мейзами» (maze). Мейзы по своему строению более

изоощренные и запутанные, нежели лабиринты. Как правило, в таких головоломках заложены несколько дорог к цели, два или более входов и выходов, дорожки сообщаются между собой и образуют развилки. Решить мейз, то есть пройти к его центру или какой-либо цели, не так-то просто. Создатели придумали сложные задачи: выбрать правильный вход, угадать направление на развилке или не попасть дважды на одну и ту же дорожку. Идея мейзов восходит к средневековью и представляет собой результат освоения математической науки, нас же интересует классический лабиринт как наиболее древний культурный символ.

Простейший лабиринт существовал во многих модификациях. Внося небольшие изменения в технику создания базовой модели, его автор легко увеличивал или уменьшал количество дорожек, делал лабиринт квадратным, прямоугольным, получал различные варианты центрального ядра. Однако все эти модификации происходили от классического образца, который был широко распространен по всему свету и оставался неизменным на протяжении тысячелетий, просуществовав в своем первоизданном виде вплоть до средних веков и эпохи Возрождения.

Несмотря на многократные попытки пояснить происхождение самого слова «лабиринт», оно до сегодняшнего дня остается неясным. Наиболее часто приводится соответствие – «labyrinthos = дом двухстороннего топора (labrys) = Кносский дворец на Крите». Филологи с уверенностью утверждают лишь одно: суффикс – inthos был типичным суффиксом, образующим географические названия в том языке, с которым греки столкнулись в результате миграции (около 2000 г. до н. э.). По меньшей мере, на основании этого суффикса можно установить, сколько времени данное слово уже существует. Анализ остальных частей слова позволяет сделать предположение, что оно каким-то таинственным образом, с определенными оговорками, связано с понятием «камень».

Традиционно слово «лабиринт» применяют к Кносскому дворцу на острове Крит, слава о котором живет уже более трех тысяч лет благодаря мифу о Тесее. Критский царь Минос, мстя царю Аттики Эгею за вероломное убийство своего сына Андрогейя (в другом варианте – Аристея), который погиб во время Панафинейских игр, осадил город Афины. Побежденный афинский царь был вынужден

подчиниться могучему владыке Крита и согласился регулярно выплачивать ему тяжелую дань.

При Миносе на Крите жил и трудился замечательный изобретатель, искусный зодчий и прославленный скульптор Дедал, который первым ввел в употребление множество полезных инструментов и других ремесленных новшеств, создал собственно искусство ваяния, построил в столице Миноса, городе Кноссе, знаменитый Лабиринт. Это было грандиозное здание с массой запутанных ходов, откуда не мог выбраться никто из вошедших внутрь. В центре Лабиринта жил Минотавр (буквально – бык Миноса), питавшийся человеческим мясом. Это чудовище было плодом греха, совершенного Пасифаей, женой Миноса. Она отличалась неслыханным сластолюбием. Зная это, бог морей Посейдон подослал к Пасифае белоснежного быка, от которого она и родила Минотавра. К нему попадали на съедение юноши и девушки, которых присылали критскому владыке в качестве дани из покоренных им городов материковой Греции, в частности из Афин и Мегар. Желая освободить свой город от столь страшной и позорной дани, сын афинского царя Эгея, Тесей, добровольно отправился на Крит. Здесь его полюбила дочь Миноса Ариадна. Чтобы спасти Тесея от неминуемой гибели, она по совету Дедала дала ему клубок ниток. Пробираясь по закоулкам Лабиринта, Тесей разматывал нить, а когда нашел и убил Минотавра, с ее помощью легко отыскал обратную дорогу. Однако, плывя домой в Афины, он забыл заменить черные паруса корабля на белые, как у него было заранее условлено с отцом на случай благополучного возвращения. Увидев корабль сына под черными парусами, старик Эгей в отчаянии бросился в море, которое с тех пор стало называться Эгейским. После него афинским царем стал Тесей, позднее женившийся на другой дочери Миноса, Федре.

Разгневавшись на Дедала за помощь Тесею, Минос заточил его вместе с юным сыном Икаром в Лабиринте. Тогда Дедал смастерил из перьев и воска крылья для себя и для сына, чтобы улететь с Крита. Во время полета Икар неосторожно поднялся слишком высоко, и воск, скреплявший перья, растаял на солнце. Крылья юноши рассыпались, он упал вниз и утонул в волнах моря, получившего название Икарийского (юго-восточная часть нынешнего Эгейского моря).

Долгое время считалось, что прообразом знаменитого Лабиринта послужили обширные каменоломни, расположенные в окрестностях критского города Гортина. Однако в 1900–1930 гг. английский археолог Артур Эванс, проводя раскопки в Кносе, открыл царский дворец колоссальных размеров, основная часть которого была построена более чем за 1500 лет до н. э. Сегодня грандиозное сооружение площадью около 16 тыс. м², состоящее из сотен причудливо расположенных помещений, изобилующее коридорами и переходами, размещенными на разных уровнях залами и уводящими глубоко под землю лестницами, интерпретируется археологами как прототип легендарного Лабиринта Минотавра.

Кносский дворец сильно пострадал во время извержения вулкана на острове Фера около 1450 г. до н. э., а после пожара, произошедшего примерно в 1380 г. до н. э., был окончательно заброшен. В настоящее время некоторые из его помещений реконструированы. В результате оказалось, что план дворца не соответствует классической модели с семью дорожками. О ней напоминают только фрагменты фресок на стенах в виде узоров – «меандр». Впервые знаменитый символ лабиринта, воспроизведенный позже в разных частях света, появился на кносских монетах около 300 лет до н. э., то есть тысячу лет спустя после постройки дворца.

Есть основания полагать, что в виде классического лабиринта возводили и крепостные стены городов. Так, устройство легендарной Трои, осаду которой ахейским войском принято относить к 1250–1220 годам до н. э., долгое время ассоциировалось с лабиринтом. Не случайно даже в средние века рисунок лабиринта часто воспринимался как защитный символ именно Трои, а многие лабиринты, сооруженные из валунов и дерна в Скандинавии, Германии и Британии, получили названия «Троянский город», «Город Троя», «Стены Трои». По одной из версий, стены этого древнего города действительно напоминали лабиринт. По образу лабиринта были построены и защитные стены города Шимангада, расположенного в предгорьях Гималаев, на территории современного Непала. Этот неприступный город пал под ударами мусульманских войск в 1325 г. только после того, как предатель указал неприятелю слабое место в крепостных стенах. Руины Шимангады сохранились до наших дней, но их почти совсем поглотили джунгли.

Но лабиринты – это не только сооружения, гораздо чаще они встречаются как знаки, нанесенные на стены жилищ или храмов, вплетенные в орнамент, отпечатанные на керамике. Изображение лабиринта было очень популярно в Римской империи, где использовалось как элемент оформления стен и полов. Сохранившиеся образцы свидетельствуют о первых реальных попытках создать новые варианты классической модели. Найденные во время раскопок мозаичные лабиринты, выложенные, как правило, на полу разных зданий, приобрели у римлян более сложные геометрические формы. Римские художники придумывали огромное количество вариаций лабиринтных узоров, соответствующих конфигурации и размеру помещений. Для их создания обычно использовались мелкие кубики из цветных камней или стекла, которые выкладывали в раствор, смешанный с терракотой. Зачастую такие вариации располагались недалеко от входа или прямо на пороге и, вероятно, рассматривались как защитный символ. Сегодня у археологов имеется большая коллекция подобных лабиринтов, обнаруженных на огромной территории от Португалии до Кипра и от Англии до Северной Африки.

С распространением христианства древний языческий символ лабиринта постепенно изменился и стал восприниматься как аллегорический образ тернистого пути человека к Богу или крестный путь Христа. Лабиринт в христианской философии и архитектуре становится метафорой материального мира, проходя через который человек должен сразиться с Минотавром – Сатаной. В лабиринте соблазнов и грехов человек, подобно Тесею, может уповать только на собственную стойкость и спасительную нить Ариадны – веру.

Но главной неразгаданной загадкой древнего символа остается его происхождение. Десятки гипотез, высказанных на этот счет, так и не смогли объяснить возникновение, а затем распространение по всему миру затейливого рисунка извилистой дорожки. Возможно, этот образ был подсказан самой природой – спиралевидные и лабиринтные формы характерны для раковин некоторых моллюсков, различимы в колонии кораллов, в подземных ходах муравейников. Быть может, древние художники, часто рисовавшие простые спирали и извилистые линии, постепенно совершенствуя и усложняя эти геометрические фигуры, тем самым пришли к символу лабиринта? На роль его «прародителей» претендуют и наскальные изображения

концентрических колец в виде чаши или углубления, относящиеся к эпохе неолита и распространенные вдоль всего Атлантического побережья Европы. Ряд исследователей полагают, что эволюция именно этих форм привела к возникновению символа лабиринта. Наконец, высказываются предположения, что лабиринтный рисунок мог появиться при попытках древнего человека изобразить сложное движение солнца и планет.

Историю самого понятия «лабиринт» проследить несколько проще. Наиболее ранние литературные упоминания позволяют предположить, что слово «лабиринт» обозначало довольно крупную (каменную) постройку. Возможно, первое упоминание о лабиринте – это микенская глиняная табличка, обнаруженная в Кноссе и относящаяся приблизительно к 1400 г. до н. э. На табличке содержится текст, написанный линейным письмом В (линейное письмо А и линейное письмо В – две разновидности алфавита, относящегося к бронзовому веку и обнаруженного на Крите и в Греции), переведенный следующим образом: «Одну амфору меда для всех богов, одну амфору меда владычице (?) Лабиринта». Несомненно, перед нами список подношений. «Владычица Лабиринта» (Ариадна?) является, по-видимому, богиней, а Лабиринт, очевидно, представляет собой некое сооружение. Вероятно, это место поклонения столь сильно отличалось от всех остальных храмов и святилищ, что о нем посчитали необходимым упомянуть особо.

Возможно также, что это слово обозначало площадку, поле для танцев, на которое нанесена схема лабиринта, как можно видеть на глиняной табличке из Пилоса, датируемой приблизительно тем же периодом (около 1200 г. до н. э.).

Следующее известное воспроизведение мотива лабиринта обнаружено в ныне утраченном творении архитектора Теодора, Герайоне, который он выстроил на острове Самосе в VI в. В хвалебной песне в собственный адрес он уподобляет себя Дедалу, легендарному создателю Лабиринта и отцу всех архитекторов. Еще один пример подобного рода обнаружен в тексте Геродота (V в. до н. э.), где упоминается «египетский лабиринт», и автор восхищается тем, с каким искусством создано это каменное сооружение. Ни в одном из этих источников не упоминаются лабиринты-путаницы, видимо, подобные конструкции в данный период вообще не связываются с

понятием лабиринта. Лабиринты постоянно упоминаются в документах, относящихся к постройке храма Аполлона в Дидимах, начиная с III в. до н. э. – в них говорится о двух крытых лестничных проходах, вырезанных из камня и искусно разукрашенных орнаментом из меандров.

Разумеется, эти ранние образцы речевого использования слова никоим образом не отражают самого содержания первоначального понятия лабиринта, ведь приведенные примеры взяты из греческих источников, а греки впервые встретились с новым для себя словом «labyrinthos» в результате миграции. Вполне возможно, что слово было заимствовано из минойских или восточных источников.

О том, где первоначально располагался лабиринт на Крите, говорится у Гомера в описании танца в кносском Лабиринте («Илиада», 18, 591), а также в рассказе о критских приключениях Тесея. Схема лабиринта выполняла хореографическую функцию – она предписывала последовательность и направление танцевальных движений. Наиболее раннее визуальное доказательство этого можно обнаружить на этрусской ойнохое (сосуде особой формы) из Тральятеллы (около 620 г. до н. э.), где изображается группа воинов, в танце выходящих из лабиринта. На лабиринте написано «Truia», что можно перевести как «арена» или «площадка для танцев». Во многих других древних источниках упоминается танец лабиринта. Все это говорит в пользу теории, согласно которой термин «лабиринт» первоначально обозначал танец и движения в этом танце подчинялись строгой графической схеме. Упомянутые изображения – петроглифы и настенный рисунок – можно рассматривать как уменьшенные копии большой, которая представляла собой план, помогавший танцующим правильно исполнять сложные танцевальные движения на площадке.

Более того, на танцевальном поле, «выделанном хитрым» Дедалом для Ариадны, согласно описаниям Гомера («Илиада», 18, 593), несомненно имелись указатели, возможно выложенные из мрамора, с их помощью танцующие в цепочке могли правильно двигаться во время своего танца в лабиринте, который также описывает Гомер. Такая сложноустроенная «сцена», которую, возможно, называли словом «лабиринт», вероятнее всего послужила источником второго значения слова «лабиринт» – «крупное (каменное) сооружение». Основываясь на литературных, визуальных и

танцевальных традициях, можно воссоздать первоначальное понятие «лабиринт»: это сложный групповой танец, предписывающий строгое исполнение определенных движений. Во время этого танца цепочка исполнителей следовала по строго определенному пути, похожему на тот, что изображен на табличке из Пилоса, а также на петроглифах в Средиземноморском бассейне, датируемых бронзовым веком.

А вот некоторым исследователям лабиринт представляется прежде всего воплощением обряда инициации – посвящения. Лабиринт – это внутреннее пространство, отделенное от остального мира. Это пространство окружено внешней стеной, в которой имеется лишь одно небольшое отверстие для входа. Внутреннее пространство напоминает архитектурный план и кажется на первый взгляд ошеломляюще сложным. Чтобы понять форму лабиринта, а также чтобы решиться войти внутрь, требуется определенная степень зрелости. Если говорить о самой дорожке, то идущему человеку необходимо обладать хорошей физической координацией, умением общаться и действовать в коллективе (что требуется и в хороводе). Прежде чем вступить в лабиринт, человек преодолевает целый ряд препятствий, и способным их преодолеть оказывается лишь тот, кто уже достиг зрелости. Когда вход остается позади, человеку открывается «принцип извилистой дорожки». Внутреннее пространство заполнено максимально возможным количеством поворотов – что означает огромную потерю времени, а также физическую усталость человека на пути к цели, то есть к центру. Несколько раз человек приближается к цели только затем, чтобы дорожка вновь отвела его в противоположную сторону, и это вызывает большое психологическое напряжение. А поскольку на пути к центру идущий лишен возможности выбора, тот, кто в состоянии вынести это психологическое напряжение, непременно достигнет цели.

В этом – символическое отображение необходимости следовать законам природы, отрицающее роль субъективного, произвольного подхода. Достигнув центра, человек остается в полном одиночестве, наедине с самим собой, с божественным принципом, с Минотавром или же с чем-то другим, чем может быть наполнено содержание понятия «центр». В любом случае центр – это такое место, где человеку дается возможность обнаружить нечто настолько важное и значительное, что это открытие требует кардинальной смены

направления движения. Чтобы выйти из лабиринта, человек должен повернуться и возвращаться назад по своим же следам.

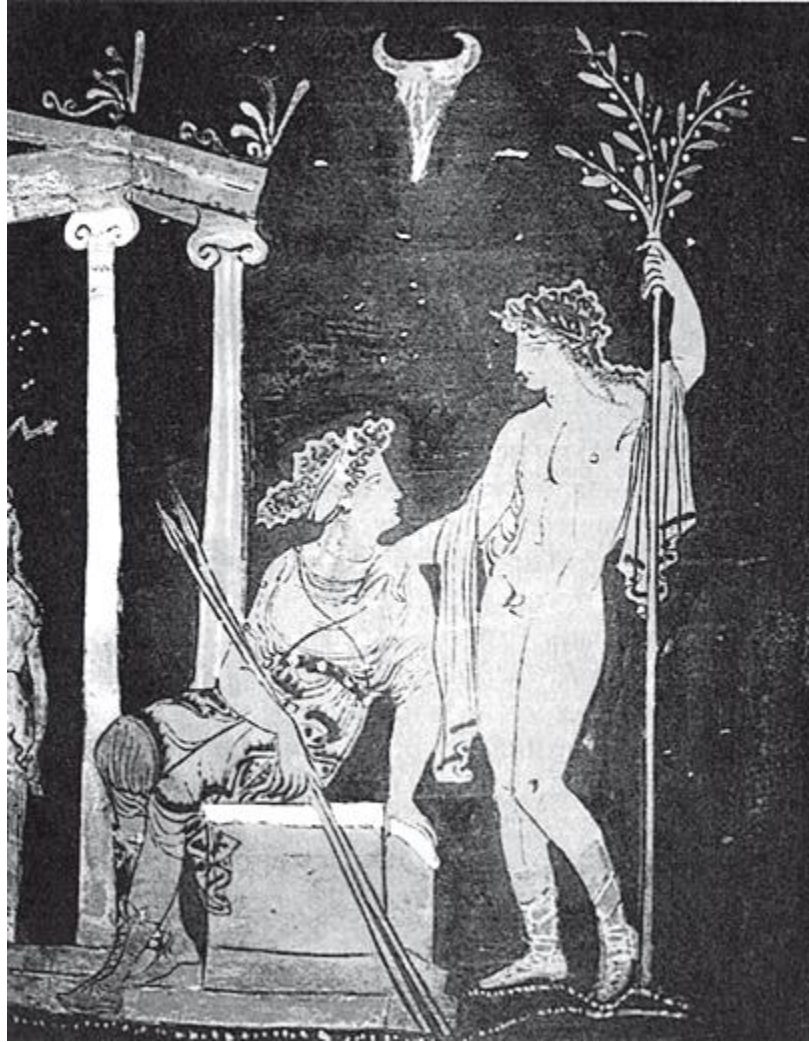
Поворот на 180° означает не что иное, как наибольшее возможное отступление от собственного прошлого. Это не обычное отрицание, а отмена уже совершенного похода к центру. Между этими двумя дорогами лежит основополагающий опыт. И поэтому поворот в противоположную сторону – это не просто отрицание предшествующего опыта, это еще и новое начало. Человек, выходящий из лабиринта, совсем не тот, кто входил в этот лабиринт, – это человек, переродившийся для нового этапа, нового уровня существования. Именно в центре лабиринта происходит смерть и новое рождение.

Кроме того, в лабиринте человек оказывается в окружении, в изоляции, он оторван от привычной среды существования. Для него привычное окружение как бы «умирает». Назад пути нет, только неизбежная дорога вперед и обязательный поворот в обратную сторону, когда идущий достигнет центра. Дорога, ведущая из прошлой жизни к одиночеству, – это дорога смерти. И не случайно некоторые из ранних лабиринтов – петроглифы бронзового века – связаны либо с захоронениями, либо с шахтами, то есть с местом, откуда человек ступает на опасный путь, ведущий назад, в утробу Матери-Земли, «владычицы подземного мира».

История лабиринта по-прежнему не закончена. Его дороги, словно бесконечная лента времени, стремятся все дальше, уводя человека к неведомой цели, которая тем желаннее, чем менее предсказуем путь в лабиринте.

Свет из Гипербореи

За три десятилетия до новой эры в Римской империи из официального пантеона богов неожиданно выдвинулся один, далеко не самый приметный и могущественный. После того как римляне отождествили своих абстрактных богов с «человекоподобными» греческими: Юпитера с Зевсом, Марса с Аресом, Венеру с Афродитой, – не для всех нашелся эквивалент на местной почве. Аполлон, бог солнца и света, покровитель поэтов и музыкантов, сохранил прежнее имя, с каким и прибыл извне. Выдвинуться ему помог не случай и не божественные силы, а вполне реальный, облеченный императорской властью человек – Август Октавиан. Аполлон был официально объявлен покровителем императора и всего его рода. Божеству воздавались неслыханные почести – последний из Юлиев достиг всех мыслимых вершин и теперь благодарил небесного патрона за оказанное содействие.

Классический образ юного красавца, покровителя изящных искусств, прочно вошел в наше сознание. Многовековая обкатка образа, олитературивание его бесчисленными поздними мифами, сказаниями и письменными произведениями – все это дало свой результат. А каким был первоначальный облик божества?

Древнегреческий язык не позволяет раскрыть значения имени Аполлон. Не забираясь в другие части света, попытаемся проанализировать то, что нам знакомо в древней Европе. Но прежде необходимо точно определить время и место действия. Итак, XVI–XII вв. до н. э. – время расцвета Микенского царства и господства ахейцев в Средиземноморье. Ахейцы пришли с севера в XXI в. до н. э., вытеснив коренное население Пелопоннеса в Малую Азию. «Уйдут» ахейцы после нашествия в XII–XI вв. до н. э. (опять-таки с севера)

племен дорийцев. Место действия – так называемая циркумпонтийская зона: Подунавье, Балканы, Северное Причерноморье, Малая Азия, а также Эгеида и Пелопоннес.

Почти тысячелетие жизни ахейцев на Балканском полуострове не было мирным. И, что интересно, в памяти «микенских греков» Аполлон предстает не только чуждым богом, но и «великим губителем». Приходит этот «губитель» вовсе не с востока, из Малой Азии, а с севера. Надо заметить, что направление это вообще характерно для экспансий на полуостров. Античная Греция и ее культура складывались в длительной борьбе многих народов. Ученые считают, что распространение культа Аполлона наглядно показывает направление вторжения северных племен в Грецию. При этом областью зарождения культа считается Средний Дунай. Именно из тех краев в период позднебронзового века двинулись на Балканы и в Малую Азию воинственные племена, связываемые с археологической Восточной культурой курганных погребений. На время похода они объединяются с жившими по соседству в причерноморских степях племенами скотов.

В ранний период своего существования на Балканах и в Средиземноморье Аполлон далек от классического эллинистического типа. Для архаического Аполлона характерно наличие растительных форм, близость к пастушесству и земле. Одновременно он – демон смерти, убийства, освященных ритуалом человеческих жертвоприношений. Аполлон еще не укладывается в олимпийскую иерархию чинов, он открыто соперничает с самим Зевсом. Даже в гомеровские времена Аполлон своим появлением на Олимпе все еще внушает ужас богам: и в VIII в. до н. э. он продолжает восприниматься чужаком. Можно сделать вывод, что даже за шесть-семь веков пребывания в этих краях он не стал еще окончательно своим, не влился безболезненно в чужую семью, как это было с богами, заимствованными мирным путем.

По греческой мифологии, Аполлон – сын богини Лето, брат Артемиды. Но, возможно, его мать Лето уроженка Греции? Нет, и она на этой земле гостя. Иногда пытаются найти корни Лето непосредственно в Малой Азии, связывая ее имя с лидийским «лада», что означает «жена», «мать». Но при более глубоком рассмотрении связь эта оказывается вторичной. Истоки культа на севере. Академик

Б. А. Рыбаков пишет: «Первое, на что следует обратить внимание при ознакомлении с мифами, это прочная связь всего цикла лето – артемидо-аполлоновских мифов с севером, с гиперборейцами».

В самом деле, Аполлон, родившись на острове Делос, ежегодно на зиму отправляется в северные страны, там он хранит свои стрелы, там живут племена, особо его почитающие. Традиция считать гиперборейцев несуществующим, мифическим народом под натиском фактов давно канула в прошлое. Причем оказались гипербореи значительно ближе к Средиземноморью, чем это представлялось ранее. И они не забывали своего кумира, ежегодно доставляли на остров Делос к алтарю Аполлона священные дары, завернутые в пшеничную солому. Б. А. Рыбаков проследил путь этих даров и установил, что они поступали из мест расселения праславян и их ближайших соседей балтов. Проводя параллель между богинями Лето, Артемидой и славянскими богинями-рожаницами, Б. А. Рыбаков утверждает: «Связь Лето-Лато с северной Ладой не подлежит сомнению». Древний вариант культа двух рожаниц пришел на юг с севера, архаичность этого культа уводит нас в область почитания «матери Ладой», «первобогини», «матери всего сущего». Культ их достаточно широк и связан не только со Средним Дунаем, но включает в себя все территории праславян и все области их дальнейшего расселения.

Итак, Лето и Артемида искусно срослись с раскидистым древом греческой мифологии, обросли до неузнаваемости литературной плотью. Но кто же все-таки Аполлон?

Многочисленные попытки объяснить сходство культов различных богов в Европе делались всегда в одном направлении: мифы распространялись из античного мира на север. Так сказывался огромный авторитет греческой мифологии. Но с неизбежностью такие попытки заводили исследователей в тупик. Позднее влияние аполлоновских мифов на северных соседей, несомненно, было. Однако для второй половины II тысячелетия до н. э. говорить о нем не приходится – в расшифрованных крито-микенских надписях Аполлона нет. Для того чтобы в очередной раз не оказаться перед неразрешимой загадкой, наверное, имеет смысл следовать по пути распространения культа Лады-Лето.

Первоначальные функции Аполлона дают почву для интересных рассуждений. Это бог, связанный с небом и солнцем, стрелы его – жаркие лучи, которыми он губит посевы. Одновременно Аполлон – пастух и земледelec, которому приносят в жертву первые ростки различных растений. Так почему бы не сравнить его с тем, с кем на славянской почве связана идея неба, солнца, плодородия, ритуальных костров в день летнего солнцестояния? Со славянским Купалой? Может быть, напрасно мы принимаем Купалу за простую куклу, которую «хоронят» каждый год?

Корни Купалы пока не ясны. Лишь прочность традиций, археологические находки древнейших культовых кострищ, связь с землей и пастушеством позволяют судить о его глубокой архаичности. Вспомним, мать Аполлона – Лето, сестра – Артемида. Но и Купале Лада приходится матерью, ведь она мать-рожаница всего сущего, в том числе и богов, следовательно, Леля – его сестра. Дары гипербореев всегда завернуты в пшеничную солому – из соломы и чучело Купалы. Во время июньских празднеств Аполлона, как пишет А. Ф. Лосев в своей «Античной мифологии...», приносились человеческие жертвы: мужчину и женщину, увешав гирляндами, гнали вокруг города, а потом сжигали. И у праславян засвидетельствовано сжигание двух кукол, мужской и женской, в древних кострищах найдены человеческие кости. Не исключено, что кукла – отголосок реальных человеческих жертвоприношений. Об этом свидетельствуют и песни, сопровождающие похороны Купалы.

Аполлон каждый год отправляется на север в колеснице, влекомой лебедями – ритуальными птицами, связанными с водой. И сам он рожден посреди воды, на плавучем острове. Вместе с тем Аполлон олицетворяет собой бессмертный огонь. Таким огнем у славян назывался ритуальный огонь, добываемый трением специально для культовых празднеств. В ночь на Купалу огонь вступал в противоборство с водой: зажженные на кострах обрядовые огненные колеса спускались под откос в реку. Интересен и мотив лебедей. В землях скелотов археологи нашли у огромных кострищ вырезанные в земле лебединые фигуры. Лебединами перьями украшен шлем Купавона, союзника Энея – одного из главных защитников Трои, а отец Купавона, Кикн, – человек, превращенный в лебедя. На севере Италии долгое время сохранялся культ божества Купавона, сходный со

славянским культом Купалы. Географически он лежит между областями поклонения Купале и Аполлону, в связующем центре на пути гиперборейских даров. Да и на слух Купавон – это нечто среднее между Купалой и Аполлоном.

В греческом языке ударение в имени божества ставится на втором слоге, как и в английском. Вспомним: «Союз – Аполло». Если попытаться реконструировать праславянское звучание имени Купала, то получится примерно следующее: Кополо(н) – с носовым, пропадающим «н» в конце слова. Удвоение «л» для многих индоевропейских языков характерное явление, как и утрата согласной, например «Италия» первоначально была «Виталией». Следует учесть и тот факт, что имя нового божества воспринималось не по смыслу, как, скажем, греческое Гея в значении «земля», а как имя собственное, готовое и не требующее осмысления. Поэтому оно и «не переводится» с греческого, поэтому подвержено искажениям. Так трансформация праславянского «Кополо» в русский язык как «Купала» и в греческий как «Аполлон» становится объяснимой.

Внешне Аполлон выглядит варваром. Гомер постоянно подчеркивает: «не стригущий власов», «длиннокудрый». Это не просто деталь, а характерная черта в описаниях «северных варваров» греческими, а позже и римскими авторами. Спутник Аполлона волк, а сам он «ликийский», то есть волчий, превращающийся в волка. А ведь волк-оборотень – заметный персонаж славянской мифологии, доживший в сказках до наших дней. И Аполлон, и Купала вечно молоды, как молоды и их поклонники, участвующие в игрищах. И там, и здесь важна роль девушек. Гиперборейки специально прибывают издалека на Делос для участия в аполлоновых торжествах. На Купалу девушки разжигают костры, ходят по полю с факелами, поют.

Сходна светоносность Аполлона и Купалы. Она в двойственности поклонения солнцу: оба являются божествами солнца и света, но непосредственно небесное светило не олицетворяют, для этого есть соответственно Гелиос и Хоре. Для Купалы характерны темы целебных трав, скота, угадывания и розыска кладов, змей. И Аполлон – целитель, пастух, гадатель, змеборец: он убивает чудовищного Пифона. И «близнечный миф» не чужд обоим: Аполлон и Артемида – близнецы; в купальской теме хорошо известны брат и сестра близнецы, Иван-да-Марья. Далекое не случайно даже то, что Аполлон и

Артемида оба «стреловержцы» и «луконосцы» – именно такими, искусными лучниками, видели варваров-северян древние обитатели Греции.

Аполлон – покровитель поэтов и музыкантов. От античных авторов мы знаем, что варвары слагали свои законы в виде песен, чтобы они не забывались, чтобы удобнее было передавать их из поколения в поколение – ведь письменность была им неизвестна. Слагались племенные предания, обрядовые песнопения, эпические произведения. Более поздние из них, былины, читавшиеся нараспев, знакомы и нам. Бог таких «варваров», естественно, представлял покровителем народных певцов, боянов, а затем превратился в покровителя поэтов и музыкантов вообще.

Так откуда же пришел Аполлон в Грецию, с севера или с востока? Для того чтобы выяснить это, необходимо перейти от богов к людям, к народам, пронесшим своих кумиров через пространства и время. В Северном Причерноморье середины II тысячелетия до н. э. жили склоты. Это название сохранилось до середины V в. до н. э., когда его засвидетельствовал Геродот. Но история склотов значительно древнее – вспомним про воинственные северные племена культуры курганных погребений. И если праславяне Подунавья шли, судя по всему, на Балканский полуостров с севера, то их сородичи, обитавшие восточнее, продвигались в том же направлении в Малую Азию. В принадлежности склотов к праславянам сомневаться не приходится, это убедительно доказал академик Б. А. Рыбаков в своей книге «Геродотова Скифия». Присутствие предков в Северном Причерноморье и Таврии глубоко залегло в народной памяти славян, именно в тех местах располагался «ирий», загробный мир более поздней славянской мифологии.

На юг с одной обширной прародины вели два пути.

Значит, существовали два основных направления проникновения в Средиземноморье праславян, а с ними и культов их богов. При таком объяснении проблемы – откуда пришли в Грецию чуждые боги, с севера или с востока, из Подунавья или из Малой Азии – становится ясно – с обеих сторон и примерно в одно время, во второй половине II тысячелетия до н. э. Конечно, это не было великим переселением народов. Основная масса праславян оставалась на родине, но наиболее подвижная прослойка устремлялась в оживленные и богатые

приморские области. Процесс, характерный для всех индоевропейских народов того времени.

По всей видимости, носителями культа божества Кополо, сохранившего в себе основные черты покровителя пастухов и земледельцев, была племенная молодежь. По Б. А. Рыбакову, исходная точка многообразного облика Аполлона связана со скотоводческой, пастушеской средой. Молодые воины-пастухи двигались на юг, вовлекая в это движение племенную молодежь других народов. Возможно, и сами они были вовлечены в это движение в качестве составной части. Оседая на новых землях, пришельцы постепенно смешивались с местным населением, привнося при этом элементы своей культуры.

Что же двигало переселенцами? Почему они отрывались от своего народа, устремлялись в далекие края? Сама жизнь в те времена мыслилась бесконечным, медленным движением. В середине II тысячелетия до н. э. закончилось расселение по Европе кочевых пастушеских племен, в том числе и праславянских. Последними были прочно заняты, включая и промежуточные территории, земли Подунавья, бассейны Одера, Вислы, Днепра, а также Северное Причерноморье. Благодаря длительным контактам древних индоевропейцев, еще не успевших обособиться друг от друга, земли к югу не были неведомыми. В то же время резкое увеличение численности племени, связанное с началом оседлого образа жизни и ростом материального благополучия, заставляло отправлять часть молодежи на «новые места жительства».

Для тех, кто остался на прародине, Кополо по-прежнему был мирным богом, отвечающим за плодородие, скот, благосостояние и солнечный свет. Со временем он вытесняется в сознании людей на второй план более могущественными богами, теряет многие свои качества и превращается в обрядовую, сжигаемую куклу. С приходом христианства к его имени добавляют привнесенное имя и он становится знакомым нам Иваном Купалой.

У бога переселенцев иной путь. Чужие божества теряли свои функции, приобретали новые или же совмещали и те и другие. Видимо, так случилось и с Кополо, знаменем переселенцев. Для них самих он оставался добрым богом, заботящимся о благосостоянии и здоровье, и одновременно он же как «бог-воин» вел их в поход. Для

племен, подвергшихся нападению с севера, Кополо был тем самым «губителем», каким запомнился «микенским грекам». Но прошли сотни лет – и в сознании потомков аборигенов и переселенцев уже формируется нечто обобщенное: Аполло, который и губитель, и целитель, и свой, и чужак. Память выковала странный, необъяснимый с точки зрения местной эволюции образ. Усиливается он и тем, что одновременно идет с востока, из Малой Азии.

Отдельные «кополо», пришедшие с родины разными путями, сливаются в Средиземноморье в единого, многофункционального бога, который в течение веков переносит основательную творческую обработку в условиях расцвета мифотворчества и культуры в целом и становится знакомым нам Аполлоном. Еще до этого он прибывает вместе с Энеем в Северную Италию, где он вовсе не чужак, но и не совсем свой. Проходит тысячелетие, Аполлон поднимается вверх по ступенькам и наконец занимает одно из ведущих мест в пантеоне богов могущественной Римской империи.

Великий труженик Геракл

Геракл – самая популярная фигура в греческой мифологии. Народной фантазией он был помещен в Микенскую эпоху, за одно поколение до Троянской войны. Правда, все, что можно отнести к нему как к царю Микенской эпохи, сводится к его связи с микенскими городами Тиринфом и Фивами, к его имени, означающему «прославленный богиней Герой» и воспринимающемуся как обычное мужское имя. Его смерть считалась настолько достоверной, что Ахилл в «Илиаде» упоминает ее как доказательство того, что человек, даже находящийся под несомненным покровительством богов, должен умереть.

В качестве микенского героя ему надлежало бы иметь свою богиню-покровительницу, подобно тому, как покровительницей Ясона была Гера, а покровительницей Одиссея и Ахилла – Афина. Для аргосского героя такой покровительницей должна была бы быть Гера. Но вместо этого Геракл является жертвой Геры, причины всех его бедствий. Казалось бы, все понятно, враждебность Геры проистекает из того, что Геракл – сын ее мужа Зевса от смертной женщины. Он вынужден служить ничтожному царю, который задает ему

неисполнимые задачи, но Геракл выполняет их все: убивает Немейского льва, Лерней-скую гидру, Эриманфского вепря, Керинейскую лань, Стимфалийских птиц; он сражается с кентаврами; он очищает Авгиевы конюшни от залежей навоза. Все это – подвиги любимого народного героя. Таков и сам Геракл – скорее герой народной сказки, чем микенский властитель: чаще всего он сражается не с людьми, а с животными, чудовищами, гигантами. Повадки его грубы, его аппетит и похоть огромны: в Феспии он за одну ночь сотворил пятьдесят детей пятидесяти царским дочерям; проголодавшись, он отнимает у пахаря вола и тут же его съедает. Возникает вопрос, не является ли враждебность Геры враждебностью злой царицы из волшебной сказки, которой, возможно, обернулось первоначальное покровительство, вытекающее из имени героя и его происхождения из Тиринфа.

Многие деяния Геракла представляют в другой роли героя народной сказки: он сражается со Смертью и побеждает ее – и буквально, чтобы возвратить Алкесту ее мужу, и символически, когда «пускается в преисподнюю и выводит оттуда адского пса Цербера или отправляется на Запад, на край света, и приносит оттуда золотые яблоки бессмертия. А у одной из версий мифа, которую не удастся проследить далее V в. до н. э., он сжигает себя на погребальном костре и в качестве бога переносится на Олимп, куда его поместил без помощи костра еще Гесиод в «Теогонии» (около 700 г. до н. э.). Здесь ему даруется бессмертная юность – посредством брака с богиней Гебой, самой юностью. Мифологические герои часто становились объектом религиозного поклонения, но один лишь Геракл почитался одновременно и как бог, и как великий умерший человек. Воистину он победил смерть.

В античном мире господствовал Рок, Судьба. Предназначением Геракла стало спасение богов-олимпийцев от опасности, грозящей им со стороны гигантов. Если последовательно выстроить все многочисленные мифы, аллегории, сказания о Геракле, то многое в образе этого народного героя станет понятным – и «вражда» Геры, и жертвенность его подвигов, и страшная смерть, и великая любовь простых людей. Обратимся за помощью к большому знатоку греческой культуры М. Гаспарову и попробуем прочитать историю Геракла по-новому.

Предвидя борьбу с гигантами, победить в которой боги могли только с помощью человека, Зевс решил создать среди людей такого богатыря, который будет ему и сыном, и правнуком, и прапраправнуком; сделать его великим царем и наделить его силой необыкновенной. Он-то и поможет олимпийцам в борьбе с врагами. А потом вознести его на Олимп и сделать богом. Но жена его Гера, царица небесная, решила вмешаться: «Помочь-то поможет, да зачтется ли такая помощь? Разве это человек? Зевс уже родил одного такого, Диониса-виноградаря: он по земле ходил, чудеса творил, злые люди перед ним в зверей превращались, а добрые на колени падали и молились, и никто его за человека и не считал. Нет, пусть богатырем будет, не царем, а работником-мучеником, и пусть сам поймет, что это лучше, и сам захочет нам за это помочь. Отец-Зевс этого не поймет; ну что ж, позабочусь я сама о такой его доле, а за это и звать его будут по мне: Геракл, что значит: «Слава Гере, царице небесной!»

Зевс высмотрел на земле город Аргос, а в Аргосе – красавицу царевну Ио и сошел к ней зачать сына. «Ладно, – думает Гера. – Мать я помучу, а сына не трону». Обратила мать в телку, погналась за ней оводом, по всей земле гнала, на краю света оставила в покое, позволила родить сына Эпафа. Сын вырос, стал царем Египта, детей прислал опять в Аргосе царствовать.

Родилась у него красавица внучка, Даная. Опять сошел к ней Зевс в город Аргос зачать себе правнука. «Ладно, – опять думает Гера. – Мать я помучу, а сына не трону». Заточила мать с сыном в бочку, пустила бочку в море, по всему морю гнала, на дальнем острове оставила в покое, позволила выйти. Сын вырос, чудовище убил, в свой Аргос вернулся, опять великим царем сделался. Звали его Персей.

Родилась и у этого красавица внучка, Алкмена. И опять сошел к ней Зевс зачать себе прапраправнука. «Ладно, – думает Гера, – вот теперь я мать не трону, а сыну покажу, каково людям живется».

Возвращается Зевс на Олимп, объявляет: «Вот родится в Аргосе правнук великого царя и будет тому великому царю наследником!» – «Обещаешь?» – говорит Гера. «Обещаю!» – говорит Зевс.

Рожали тогда в Аргосе сразу две сестры, две царские внучки: одна от Зевса, другая от собственного мужа. Посылает Гера в Аргос свою помощницу, Илифию-Роженицу: пусть вторая рождает побыстрей, а первая подольше. Прилетела Илифия во дворец, вторую сестру

благословила, ручкой над ней помахала, а перед первой села на порог, скрестила ноги, скрестила руки, не дает разродиться. Перед нею плачут и молят, а она не смотрит, головкой качает, ждет, пока вторая сестра родит. Дождалась, улыбнулась, поцеловала первую в лоб и улетела. Так и родились в Аргосе в один день два двоюродных брата: сперва смертный сын, слабенький Еврисфей, потом божий сын Зевса, крепенький Геракл.

Возвратилась Илифия на Олимп, докладывает, как было дело.

Зевс Громовержец в ярости: получается, что по его же обещанию быть теперь Еврисфею великим аргосским царем, а Гераклу при нем прислуживать. А Гера, не говоря ни слова, сошла с Олимпа – и в Аргос: наклонилась над Геракловой колыбелью и дала младенцу Гераклу свою грудь. Тот всосал, молоко брызнуло, от него по небу Млечный Путь потек. «Вот теперь спи спокойно, – говорит Гера, – царем не станешь, а богом будешь». А старая Мать-Земля все видит, все слышит, и тревожно ей стало за новых богов, за гигантов. Посылает она в Аргос двух змей, подземных скважинниц, приказывает: убейте младенцев! Вползают змеи ночью в царский дворец, из глаз огонь, с языков яд каплет. Подняли головы над колыбелью двух младенцев – те разом проснулись. Еврисфей – в крик, а Геракл протянул ручонки, хватить обеих змей за шеи, держит и душит. Вбегают на Еврисфеев крик домашние, а змеи уже дохлые. Бросил Геракл-младенец их наземь, а сам лег досыпать. Мертвых змей тогда сожгли на терновом костре во славу Геры, а Геракла стали вскармливать и вскармливать по-особенному.

Вырос Геракл, выучился и бегу, и борьбе, и конной скачке, и лучной стрельбе. Меча и копья не любил, это оружие царское, а любил дубину и лук. Росту в нем было четыре локтя, а съесть он мог столько, что пять поваров не наготовят. Сила в нем и вправду была непереносимая: учился он лирной игре, рука у него была неуклюжая, учитель (брат божественного певца Орфея) рассердился, толкнул его, а Геракл как толкнет в ответ, тот и упал мертвый. После этого никогда Геракл первым ни на кого не нападал, зато если на него кто первый нападал, тому плохо было. А лирной игре он так и не научился.

Кончилось Гераклово ученье, и тут приснился ему сон: стоит он на распутье между двух дорог, и с двух сторон идут к нему две женщины. Одна стройная, спокойная, вся в белом, глаза потуплены;

другая набеленная, нарумяненная, идет, как танцует, и любитесь на собственную тень.

Подбегает вторая к Гераклу и говорит: «Ты раздумываешь, по какому пути пойти? Не раздумывай: ступай за мною! Будешь жить без забот и трудов, вкусно есть, сладко пить, любить красивых женщин, крепко спать и наряжаться лучше всех. Другие будут работать, а ты – пользоваться их трудами, как гость на пиру». – «Кто ты?» – спросил Геракл. Она ответила: «Друзья называют меня Счастьем, а враги – Порочностью».

А другая женщина сказала: «Боги дали тебе силу, а сила дается для труда. Без труда ничего не бывает. Хочешь милости богов – чти богов; хочешь любви друзей – делай добро друзьям; хочешь славы в народе – защищай его от врагов и чудовищ; хочешь урожая – гнись над плугом; хочешь, чтобы у тебя на все это хватало сил, – приучай свое тело к труду и разуму». – «Кто ты?» – спросил Геракл. Она ответила: «Молодые называют меня Доблестью, а старики – Добродетелью».

«Видишь, как все у нее хлопотливо? – говорит Порочность. – А у меня все проще и легче!» – «А что проку? – говорит Добродетель. – Ешь без голода, пьешь без жажды, удовольствия не чувствуешь; плодов дел своих не видишь, похвалы себе не слышишь; прошлого не стыдишься, настоящее тебе в тягость, потому что все радости, кажется, уже прошли, а невзгоды остались. А я – опора хозяевам, помощница слугам, союзница в войне, товарищ в дружбе, молодые у меня радуются похвалам старших, старшие – уважению от молодых, а после смерти к ним приходит вечная слава».

Геракл выслушал, повернулся и пошел прочь – жить в трудах и нести людскую долю. Он был самый сильный на свете человек, а пошел служить самому слабому на свете человеку – своему брату, царю Еврисфею. Тот так его боялся, что сделал себе медный погреб и из погреба отдавал приказания. Приказаний было двенадцать: двенадцать служб отслужил Геракл Еврисфею, и все одна труднее другой.

Первая служба была – убить Каменного Льва. У льва и вправду была каменная шкура: стрелы от нее отскакивали, меч ломался, а от ударов дубиною лев только встряхивался. Тогда Геракл схватил льва за каменное горло, медленно стал сжимать пальцы и задушил. Из каменной его шкуры Геракл сделал себе плащ на голову и на плечи,

который служил ему крепче всякого панциря. Чтобы снять эту шкуру, пришлось вспарывать ее когтем мертвого льва – больше ничто не брало.

Вторая служба была – убить Девятиголовую Змею. Ее звали Гидра, и одна из ее девяти голов была бессмертная, а остальные хоть и можно было срубить, но на месте каждой тотчас выросло по три новых. Долго рубился Геракл, пока не догадался прижигать перерубленные змеиные шеи факелом. Новые головы перестали отрастать, старые он все срубил, а бессмертную придавил огромным камнем, который никому не сдвинуть. В ядовитую змеиную кровь он окунул свои стрелы, и с тех пор они стали смертельными. Потом это обернулось самому Гераклу на беду.

Третья служба была – поймать Лань Золотые Рога, Медные Копыта. Лань была волшебная и умела бегать не уставая. Но и Геракл, не уставая, гонялся за нею целый год, не присев и не поспав, по всем концам света. А когда она наконец споткнулась, то поймал ее за рога и связал по ногам. Богиня Артемида-Охотница на него обиделась, но он объяснил, что ловил ее лань не по своей охоте, а по Еврисфееву приказу.

Четвертая служба была – усмирить Горного Кабана. Под горою, где жил кабан, водились дикие кентавры, полулюди – полулошади: голова и руки людские, тело и ноги конские, матерью их была Туча Небесная, а отцом – Великий Грешник. Старший среди них был мудрый и бессмертный – Хирон, воспитатель многих славных героев, а остальные – смертные и буйные. Геракл пришел к Хирону, тот его по-доброму принял и угостил вином, но остальные кентавры, издали почуяв запах вина, опьянели от одного запаха, сбежались и полезли с Гераклом в драку. Он стал швырять в них горящими поленьями из очага – но мать их, Туча Небесная, собралась над ними дождем и гасила поленья. Тогда он стал пускать свои смертельные стрелы – и одни погибли, другие разбежались, а Хирон, который с грустью смотрел на этот бой, подивился таким смертельным стрелам, взял одну, оцарапался и так стал мучиться от змеиного яда, что жалел, что бессмертен и не может умереть. Боги над ним смилостивились и сказали: «Если хочешь – умри, а бессмертие свое передай кому-нибудь другому». Хирон сказал: «Передаю его Прометею-Промыслителю, творцу людей и врагу богов». Вспомнили боги, что с людьми им нужно

дружить, и не стали спорить, только сказали Гераклу: «Запомни!» Геракл запомнил; а с Горным Кабаном он после этого управился без всякого труда.

Пятая служба была – укротить Коней Солнца. Кони жили при большом дворце меж двух рек, а присматривал за ними царь Авгий, сын Солнца. Он был важный и гордый, над Гераклом посмеялся и сказал: «Зачем укрощать, они меня и так слушаются! А вот ты лучше возьми и очисти от навоза их конный двор, – там его такие кучи, что никто даже близко подойти не может». Геракл сказал: «Вычищу в один день, а ты за это дай мне каждого десятого коня». Царь обещал; тогда Геракл прокопал ко двору канавы, пустил по канavam две соседние реки, и две реки смыли начисто весь навоз в один день. Но царь оказался обманщиком: «Это не ты сделал, а две реки сделали: не будет тебе за это моих коней!» Геракл ушел, но сказал царю Авгию: «Я еще тебе отомщу!»

Шестая служба была – прогнать Медных Птиц. Они медными клювами губили людей и скот, а медными перьями осыпали с неба всех, кто пытался к ним подступиться. Геракл заслонился от их медных перьев каменной шкурой, но его смертоносные стрелы не могли пробить медных птиц. Тогда он взял в руки детскую трещотку, стал ее трясти и поднял такой шум, что птицы перепугались, снялись и улетели за море.

Седьмая служба была – оседлать Огненного Быка. Бык жил на далеком острове, никто не мог с ним справиться, и говорили, будто это в быка обратился какой-то бог: то ли небесный Зевс, то ли морской Посейдон. Геракл подступил к быку, дышащему пламенем, оседлал его, переплыл на его спине через море, показал царю Еврисфею, а потом отпустил на все четыре стороны.

Восьмая служба была – справиться с Кобылицами-Людоедками. Они стояли в стойле у злого северного царя, прикованные железными цепями к медным кормушкам, а в кормушки царь бросал неосторожных гостей, забредших в его край. Геракл чтит гостеприимство и вознегодовал на такого недоброго хозяина. Он схватил царя и бросил самого на съедение кобылицам; они сожрали его, сразу стали кроткими и спокойными и пошли за Гераклом.

Девятая служба была – добыть Пояс Любви. Пояс был волшебный: какая женщина его надевала, ту все любили и не могли

разлюбить. Богиня любви отдала этот пояс на хранение царице амазонок. Амазонки жили на краю света женским племенем, без мужчин, сами правили, сами воевали. Геракл собрал отряд товарищей и пошел на них войною. Была битва, победить было трудно, но царица амазонок, увидев Геракла в битве, полюбила его и после битвы сама отдала ему пояс.

Десятая служба была – добыть быков великана Гериона. Герион был внуком великого Океана и жил на берегу Океана, спиной к целому свету; снизу до пояса он был как человек, а выше пояса у него было три груди и три головы с шестью руками. Дойти до него по суше нельзя было, потому что по дороге стояли крутые горы, а по морю – потому что из внутреннего моря, где правил бог Посейдон, не было прохода во внешнее, где правил великий Океан. Геракл прокопал этот проход, насыпав по две стороны пролива две горы – Геракловы столбы; а потом проплыл по проливу в золотом челноке, в котором Солнце на закате спускается в море, вышел на Герионов берег и одной стрелой пронзил все три его тела.

На обратном пути Геракл шел со стадом под склоном Кавказских гор и услышал над собой стон; посмотрел и увидел огромного коршуна, опускающегося на скалу; посмотрел получше и увидел, что это не скала, а огромное человеческое тело, прикованное к горам. Тут он понял, что это и есть Прометей-Промыслитель – когда-то он создал людей, вылепив их из глины и вдохнув душу, потом научил их всем искусствам и подарил им огонь, украв его у богов и принеся с Олимпа в пустом стебле тростника. За это Зевс приковал его к Кавказу, и огромный коршун каждый день прилетал клевать его печень. Геракл вспомнил про уговор с кентавром Хироном, выстрелил из лука, коршун упал в пропасть, а с Прометея пали цепи, и он стал свободен и бессмертен. Так боги помирились с людьми, потому что война с гигантами была уже близко.

Оставались еще две службы, самые трудные. Одиннадцатая была – принести Золотые Молодильные Яблоки с края света, из священного сада самой Земли. Сад сторожил дракон, над садом стоял, поддерживая небо на плечах, человек-гора Атлант, брат Прометея, а на подступах к саду бродил великан Антей, сын Земли и брат гигантов. Геракл схватился с Антеем. Долго они боролись, и Геракл не мог его победить: каждый раз, как он валил Антея наземь, тот наполнялся

новой силою, вскакивая и продолжая борьбу. Геракл понял: это Мать-Земля вливала в него силу каждый раз, как он к ней припадал. Тогда он оторвал великана от земли, вскинул в воздух, почувствовал, как тот слабеет в его руках, и, только когда тот испустил дух, бросил его наземь. Подошел Геракл к саду, стрелою убил дракона, а Атланту сказал так: «Сорви мне три яблока из твоего сада, а я за тебя подержу небо!» Атлант так был рад хоть на миг снять с себя тяжесть неба, что согласился. Геракл принял на плечи всю тягу небесную, по колени ушел ногами в землю, но выдержал. А Атлант сорвал яблоки, подошел к нему и сказал: «Подержи еще, а я сам отнесу их в твой Аргос». – «Хорошо, – сказал Геракл, – только сначала отпусти меня ненадолго: мне режет непривычные плечи, я положу на них подушку». Атлант поверил и согласился, а Геракл, высвободившись, сказал ему: «Каждому своя служба!», взял яблоки и пошел обратно.

Двенадцатая служба была страшнее всех: нужно было вывести из царства мертвых трехголового пса Цербера, сторожившего дворец черного бога Аида. Бог Гермес-Душе – водитель был Гераклу проводником. Они сошли в темную горную пропасть, переплыли реку, через которую никто не переплывал обратно, прошли по подземным полям, где бродили, не узнавая друг друга, бестелесные покойники. Видели четырех великих грешников, мучащихся вечными наказаниями: Хитреца, который никак не может вкатить на гору большой камень; Гордеца, который стоит в реке и не может нагнуться, чтоб напиться; Наглеца, который лежит в широком поле, и коршун терзает его, как Прометея; и Отца Кентавров, Великого Грешника, за руки и за ноги привязанного к спицам огненного колеса. Черный царь Аид и царица Персефона встали Гераклу навстречу. Он попросил их отдать ему пса; они сказали: «Возьми, если можешь». Цербер прижался к земле и лизал Геракловы ноги тремя своими языками. Геракл взял его за косматый шиворот и вытащил из подземелья на белый свет.

Когда Геракл, показав пса Еврисфею и отпустив его обратно в царство мертвых, стоял над черной пропастью и отирал пот, перед ним опять встал Гермес, вестник богов. Они пошли неизвестно куда, и Гераклу казалось, что они идут спокойно и тихо, а навстречу им стремительно проносятся рощи и холмы, моря и острова. Когда они остановились, вокруг была каменная равнина, а вдалеке со всех сторон

крутые горы. Над горами сверкали светлые столбы, уходя в самое небо, это были боги. Они ждали явления гигантов, а Геракл, маленький среди пустого поля, стоял внизу, потому что предсказано было так: побить гигантов могут и боги, но убить насмерть – только человек.

Тут земля затряслась и стала разламываться широкими трещинами, а из трещин вставали исполинские тела, взметаясь к самому небу, а внизу вместо ног за ними клубились змеиные туловища. Небеса окутались красной тучей, она скрыла их головы и плечи, а оттуда сверкали молнии и гремел гром. Геракл видел, как в двенадцать рук нагромоздили гиганты все горы в одну каменную кучу и бросились по ней ввысь, а потом как рассыпалась эта гора и рухнули наземь корчащиеся великаны, кто обоженный молнией громовника Зевса, кто раненный стрелой солнечника Аполлона, кто – копьем воительницы Афины. Тяжело и осторожно ступая, неслышный среди ревущих криков, быстро ходил Геракл между падающими телами, из которых каждое лежа было выше, чем он стоя, и метил из лука кому в сердце, кому в бок, кому в глаз. В кого он не успевал попасть, те оживали от прикосновения к Матери-Земле и снова рвались к небу, а потом снова падали наземь. А земля тряслась, и из огненных расселин выбирались все новые исполины.

Геракл устал метить ввысь и уворачиваться от падающих тел, но уже гром гремел реже, все больше громоздилось вокруг убитых, и земля под ними бережно раскрывалась и принимала их в себя. Он почувствовал, что силы его кончаются, сел на камень и закутался в львиную шкуру. Когда он очнулся, вокруг было пусто, сумрачно и тихо. Он встал и пошел куда глаза глядят. К ночи он дошел до пастушьей хижины. Пастухи грелись у огня и говорили, какая нынче буря гремела на востоке, в стороне Флегрейских полей. «Я был там, – сказал Геракл, – это бились боги с гигантами, и я одержал им победу». Но его не поняли.

Геракл возвращался на родину мрачный и растерянный. Он чувствовал в себе все ту же несносимую силу, но он уже ни у кого не был на службе и не знал, что ему с этой силой делать. Дома его ждали жена и дети. Он не привык жить с ними и сидеть у мирного очага. Голова у него закружилась, ему показалось, что это перебитые им чудовища ожили и прикинулись его домашними, чтобы вновь коварно на него напасть. Он схватил лук и стал стрелять. Крик и стон пошел по

всему дому, а когда Геракл опомнился, то вокруг него лежали мертвыми и жена, и дети, у каждого – стрела в сердце.

Он вышел на улицу – и народ разбежался от него во все стороны, всем было страшно смотреть на убившего свою жену и детей. Он пошел искать, кто бы согласился его очистить от греха – помолиться богам, зарезать поросенка, обрызгать его кровью Геракловы руки, сказать: «Кровь смыта кровью, ты чист!», а мертвого поросенка закопать в землю. Он пришел в город Пилос, и ему отказали; он пришел в город Спарту, и ему отказали; он пришел в Аполлонов город Дельфы над вещей скважиной в середине Земли, и там ему отказали. В ярости он схватился за столбы Аполлонова храма и начал их трясти. Аполлон бросился с Олимпа спасать свой дом, и Геракл вступил в драку с Богом-Солнечником. Тут Зевс, общий их отец, грянул с неба и разнял их, дерущихся. Над Гераклом был совершен обряд очищения, а в наказание за грех ему было велено год отработать в рабстве у царицы Омфалы.

Вновь оказавшись в рабстве, Геракл снова почувствовал себя легче и спокойнее. Омфала была царица веселая и добрая. Геракла она одевала в женское платье и сажала за прялку, а сама залезала в львиную шкуру и пыталась ворочать дубиной. От Геракла она родила четверых сыновей. В промежутках Геракл для нее убивал драконов, побеждал великанов, умирал разбойников, а однажды даже сцепился с карликами.

Эти карлики были великие мошенники, боги разрешили им обманывать кого угодно и только опасаться Чернозадого. Когда Геракл однажды в дороге лег и заснул, они украли у него и шкуру, и лук, и палицу. Проснувшись, Геракл рассвирепел, поймал их, привязал за ноги к палке, забросил ее через плечо и понес карликов на потеху Омфале. Вися вверх ногами, они увидели, какой загорелый у Геракла зад (там, где он не был прикрыт львиной шкурою), стали лопотать друг другу: «Чернозадый, Чернозадый!» Когда Геракл понял, в чем дело, он долго смеялся, а потом отпустил их на все четыре стороны. От испуга карлики убежали на край света, и там, говорят, от них на свете пошли обезьяны.

Отслужив Омфале, Геракл воротился в Грецию и снова не знал куда себя деть. Богам он больше не нужен, люди хоть кланялись, но боялись, для себя ему было жить скучно, а дома, жены и детей у него

не было. Он пошел на царство Солнцева сына, обманувшего его в пятой службе, и разорил его; он пошел на город Пилос, где не захотели совершить над ним очищение, и разорил его; он пошел на город Спарту и разорил его за то же самое. Но поселиться он не захотел ни там, ни там: в каждом царстве был свой законный наследник, и отнимать наследство он не хотел.

Он пошел походом даже за море: там стоял город Троя, где правил царь Лаомедонт. Когда-то по пути от амазонок Геракл спас его дочь от морского чудовища. Лаомедонт обещал ему ее в жены, но не дал. Теперь Геракл собрал с собой на Трою молодых богатырей, они взяли и разорили город, убили царя, отбили царевну, но, поглядевши на нее, Геракл понял, что вовсе она ему и не нужна. Царевну он выдал за своего товарища из молодых богатырей, в Трою посадил царем над развалинами младшего сына убитого царя, а сам воротился в Грецию ни с чем.

Но теперь он понял, чего ему нужно: найти хорошую жену, завести дом и умереть спокойной смертью. Он припомнил, что когда шел брать пса Цербера из подземного царства, то встретил призрак богатыря, величавей и могучей которого не было во всем подземелье; богатыря звали Мелеагр, и он сказал Гераклу, что на земле осталась у него сестра по имени Деянира. Геракл пошел к ней свататься; женихов было много, а главным был Ахелой, речной бог с бычьими рогами. Геракл схватился с ним врукопашную; Ахелой обращался и волной, и змеей, и быком, но Геракл одолел его, сломал ему рог и заставил отречься от девушки. Деяниру выдали замуж за Геракла, и все уже думали, что когда старый царь, ее отец, умрет, то Геракл станет новым царем и наконец-то заведет себе добрый дом и хорошее царство.

Но этого не случилось: опять Геракл не сладил со своей несносимой силой и нечаянно убил царского родственника. От убийства его очистили, но ему пришлось уходить. Тут как раз поблизости осталось без князя маленькое горное княжество Трахин – голые скалы да бедные люди; и они позвали на княжество Геракла. Геракл пошел. По дороге была река, а перевозчиком у реки был дикий кентавр, убежавший сюда от давнего побоища. Геракл посадил свою Деяниру ему на спину, а сам пошел через реку вброд, держа лук и стрелы над головой. Тут злому кентавру захотелось отомстить Гераклу за старую обиду и украсть у него жену: он выскочил на берег и

поскакал с нею прочь. Но Геракл прицелился вслед, ядовитая стрела его попала кентавру прямо в спину, из раны хлынула кровь, смешанная со змеиным ядом, и кентавр понял, что ему конец. И тогда он задумал злое и сказал Деянире: «Набери моей крови, и если муж тебя разлюбит, то намажь ею его одежду, и он полюбит тебя опять: это потому, что я так тебя сильно любил!» Деянира, поверив, так и сделала.

Долго правил Геракл в глухом Трахине, и уж в Греции стали его забывать, а ни старость, ни смерть все не брали его. Сами боги не знали, что им делать с Гераклом: до сих пор еще не случилось смертным людям восходить к богам, и неизвестно было, как это делается.

Гера, царица небесная, и тут догадалась первой. Она сказала: «Чтобы сделаться богом, Геракл должен сжечь себя на костре: как всю жизнь мучился, так и в смертный час пусть помучается. Когда горит дерево, то тяжкая часть его остается золой, а легкая уходит дымом; так и у Геракла на огне неносимая сила сойдет тенью в подземное царство, а ум и мужество взойдут светом на божеский Олимп. А чтобы Геракл догадался это сделать, позабочусь я сама. Я царица небесная, жена царя небесного; я слежу на Земле за всеми мужьями и женами и за всем, что между ними творится; будет ему огненная смерть!» А тем временем сам Геракл с тоски уже искал себе смерти. Он прослышал, что есть в недалеком море остров и живет там царь Ликомед. Ничего плохого про него не говорили, но кто вступал на его остров, тот пропадал без вести. Геракл оставил Деяниру с детьми в Трахине, а сам пустился к Ликомедову острову. Путь был через город Эхалию, в Эхалии старый царь выдавал замуж молодую царевну. Собрались молодые женихи, царь поставил перед ними двадцать колец, одно за другим, и велел стрелять из лука: кто пустит стрелу через все кольца, тому будет и царевна. Не стерпело Гераклово сердце, встал он в состязание с молодыми и пустил стрелу сквозь кольца дальше всех; а потом взглянул на царевну и потребовал ее себе новою женою. Царь испугался, поклонился и согласился.

Весть об этом дошла до Деяниры, и почувствовала она то, о чем думала богиня Гера. Вспомнила она последние слова кентавра, намазала его кровью лучшую одежду, которую сама соткала, и послала Гераклу в подарок к новой свадьбе; думала: «Пусть наденет и пусть

опять меня полюбит!» Надел Геракл одежду, прилипла к его телу отравленная кровь кентавра, стала как огнем жечь и кожу, и мясо, и кости; хочет сорвать ее с себя, не может, легче кожу с себя содрать. Мучась, корчась, крича от боли, приказал он отнести себя в свой горный Трахин. Когда Деянира узнала, что от ее подарка Гераклу вышла не любовь, а мука, сама себя убила. Геракл отдал новую невесту своему сыну, волшебный свой лук и стрелы – другу, а для себя приказал сложить большой костер на самой высокой трахинской горе. Взошел на костер, зажег огонь: «Лучше в живом огне сгореть, чем в отравленном!» вспыхнул жар, повалил дым, и никто Геракла больше не видел.

Несносимая сила Геракла тяжким грузом ушла под землю по тому самому пути, по которому когда-то Геракл ходил за Цербером; и там, в царстве мертвых, она бродит, в львиной шкуре и с палицей, никого не узнает, и все ее пугаются. А что было в Геракле от ума, добра и мужества, просветлев, взвилось огненным паром на Олимп, и обрадовались боги новому товарищу: и отец-Громовник, и Аполлон-Солнечник, и Гермес-Вожатый, и Афина-Помощница, и все остальные.

А Гера, царица небесная, сказала: «Ты – моя слава!»

Век героев

Царь Тантал чувствовал себя счастливым. Боги приглашали его на Олимп и сажали за свой стол. Сначала он держался робко, но через некоторое время так осмелел, что начал воровать нектар и амброзию и этими божественными деликатесами угощать своих придворных. Зевс смотрел на это сквозь пальцы, так как очень его любил. Тантал не сумел оценить дружбы повелителя богов. Он окончательно обнаглел, начал сомневаться в том, что боги – действительно боги, и решил это проверить. Он пригласил самых главных олимпийцев в свой дворец и угостил обильным ужином. Блюд было множество – и все изысканные. Под конец на золотом блюде внесли жаркое, которое Тантал особенно расхваливал. Однако никто из богов не прикоснулся к этому мясу: они узнали, что это было тело царевича Пелопса. Лишь одна Деметра, которую тоска о дочери лишила свойственного богам ясновидения, съела кусок лопатки. Зевс возвратил юноше жизнь, а вместо съеденного куска лопатки вставил пластину из слоновой кости. С тех пор у всех потомков Пелопса на лопатке было белое родимое пятно.

Жестокого Тантала низринули в Тартар и примерно наказали. Его поместили в пруду, над которым росло дерево, усеянное прекрасными плодами. Тантал изнывает от голода и жажды, но как только протянет руку за яблоком, ветка внезапно отклоняется, словно под ударом вихря; хочет напиться воды, в которой он стоит, – вода немедленно куда-то исчезает. А вдобавок к этим мукам над ним нависает скала, которая все время качается, вот-вот готовая упасть. В страхе, голоде и жажде век за веком мучается преступный царь.

После смерти отца Пелопс отправился странствовать и остановился в Пизе, недалеко от Олимпии, где царствовал Эномай. У царя была прекрасная дочь Гипподамия, которую он обещал отдать тому, кто победит его в скачках, и ставил только одно условие: он отрубит голову побежденному. Пелопс не убоился этого условия, настолько пришлась ему по сердцу золотоволосая царевна. Скачки проводили на колесницах, запряженных четверками лошадей. Пелопс подкупил царского возницу Миртила, который вынул один гвоздь из ступицы заднего колеса. Это привело к тому, что во время скачек царь упал с колесницы и разбился насмерть. И тут обнаружилось, что Пелопс – достойный сын Тантала: вместо того чтобы отблагодарить Миртила, он сбросил его со скалы. Тогда боги прокляли его вместе с потомством.

Со временем власть Пелопса распространилась на всю южную Грецию, которая была названа Пелопоннесом – островом Пелопса... Умер Пелопс в глубокой старости. Он был похоронен на берегу реки Алфей, впадающей в Ионическое море недалеко от города Олимпия. На его похоронах устроили большие погребальные игры, которые стали прообразом более поздних Олимпийских игр.

Два сына Пелопса, Атрей и Фиест, ненавидели друг друга, хотя Фиест, более мягкий по натуре, стремился к согласию. Атрей решил использовать мягкий нрав брата, притворился, будто не помнит давних обид и отныне хочет быть его другом. Он передал ему свои извинения и просил, чтобы Фиест приехал к нему погостить. Фиест не отказался. Съели вкусный ужин, выпили много вина, расчувствовались и целовались, а под конец пиршества, когда уже помолились богам и Фиест должен был отправляться домой, Атрей приказал принести корзину и подал ее брату. В корзине лежали головы двух сыновей Фиеста – жаркое, которое ему так понравилось, было приготовлено из

мяса его детей. Даже солнце скрылось тогда, чтобы не смотреть на столь гнусное преступление.

Все это происходило в Микенах, в мрачном замке, окруженном стенами, сложенными из огромных каменных глыб. Среди голых и бесплодных гор, которые своим рыжим цветом напоминали засохшую кровь, правили жестокие цари, любящие золото. Ни один из них не умер естественной смертью, все погибали от меча, кинжала или яда, чтобы потом вампирами скитаться среди царских могил. По ночам появлялись эти кровавые привидения в сверкающих панцирях, с золотыми нагрудниками и золотыми масками на лицах, в пурпурных плащах, обшитых золотыми бляхами. Чтобы умилостивить сверкающие привидения, на их могилах приносили многочисленные жертвы – давали им пить кровь, которую они так щедро проливали при жизни...

Восемь золотых масок в витринах Афинского археологического музея – сияющие, притягательные, неотразимые. И уже почти сто лет у множества людей они вызывают одни и те же вопросы: какая драма в «златообильных Микенах» смежила эти набрякшие, плотно слепленные веки? Какие ароматы вдыхали эти прямые носы? А эти слишком тонкие губы? Что за молитвы они шептали, какие приказы выкрикивали, каких яств и напитков касались, кого целовали и кто целовал их? А это треугольное лицо с лихо закрученными усами и окладистой бородой, неужто оно являет нам облик самого могущественного Атрида – Агамемнона, царя царей, дочереубийцы, обманутого супруга и поверженного победителя? Восемь ликов словно укрылись от нас завесой вечного сна.

Однако освещение меняется, и играющие тени оживляют бесстрастные маски. Они утрачивают неприступность, и вот уже как будто улыбаются. Губы кривит ироническая усмешка: «Нет, мы не Атрей, не Фиест, не Агамемнон, не Менелай, не Эгисф и не их дети. Мы жили раньше, еще до Троянской войны. Мы построили первые дворцы на Пелопоннесе. Мы сражались, носили драгоценности, пили из чаш, что стоят в соседних витринах. А если вы хотите заставить нас поведать о созданной нами цивилизации, обратитесь к поэтам, драматургам, художникам античности, к нынешним археологам, дешифровщикам неизвестных писем, ко всем этим фантазерам, превратившим легенду в историю».

Герои древности продолжали существовать. Будучи призраками, они не давали покоя воображению исследователей. Гигантская когорта писателей и поныне в музыке, стихах или прозе воспевают их подвиги и печальную судьбу. Еще задолго до Гомера, создавшего «Илиаду» и «Одиссею», исполнители священных песнопений на тризнах, аэды на пирах, сказители и певцы на площадях возвеличивали первое греческое чудо. Все были уверены, что эллинский мир в XIII в. до н. э. сверкал несравненным блеском.

Герои Троянской войны, воинская элита, ахейские захватчики и цвет азиатских защитников отечества, скорее всего, были воспеты или подвергнуты злословию еще при жизни: барды и всякого рода скоморохи существовали в индоевропейском мире с самых отдаленных времен.

Но сколь роскошным ни представлялся бы в эпическом освещении восстановленный микенский мир, он явно требовал драматической формы повествования. Мало было просто рассказать про то, как Елену, супругу «белокурого» Менелая, соблазнил и похитил прекрасный Парис-Александр, второй сын Приама; как ахейцы, жители континентальной и островной Греции, вооружив громадный флот и отправившись мстить за оскорбление, опустошили Троаду и устье Дарданелл, а потом гибли и бесследно исчезали на обратном пути домой. Нет, чтобы по-настоящему воскресить те события, их следовало разыграть на сцене. Уже в VII в. до н. э. рапсоды в пышных костюмах соревновались, представляя на суд публики искусство мимики и диалога. Уже тогда в Сикионе и Фивах трагические хоры пели о страданиях великих героев. Театр, одухотворяемый приключениями людей и богов эпохи Троянской войны, пытался вернуть их к жизни.

Были и серьезные, вдумчивые исследователи, такие как Фукидид, Диодор, Страбон, Плутарх, Павсаний. Чтобы придать истории глубину, они искали исчезнувшие микенские города и памятники, поставленные героям. Они описывали циклопические стены крепостей, а также идолов, якобы сотворенных легендарным Дедалом. Правители и цари, вроде Ксеркса, Александра Македонского, Юлия Цезаря или Константина, совершали паломничество в Троаду и бродили по полям, где когда-то стояла Троя. И никто не сомневался в том, что Гомер вещал чистую правду.

Но даже лучшие умы, столкнувшись с мифами и руинами, оказывались не в состоянии отличить правдивое от правдоподобного. Для них греческая история начиналась не с первой Олимпиады в 776 г. до н. э., а во времена, когда фессалиец Эллин, сын спасшихся от потопа Девкалиона и Пирры, дал имя всем грекам.

Именно с такими чувствами немец из Мекленбурга Генрих Шлиман, удачливый коммерсант и страстный любитель античности, в июле 1868 г. отправился на Итаку искать дворец Одиссея. Нашел он тогда лишь остатки захоронений железного века и руины архаического города Алалкомен, но, тем не менее, в апреле 1870-го решил возобновить многообещающие исследования американского консула Фрэнка Калверта на месте предполагаемого расположения древней Трои у входа в Дарданеллы.

С «Илиадой» в руках он мерил шагами поле битвы, пытаясь определить место стоянки кораблей и расположение великой стены ахейцев к югу от мыса Кум-Кале. Среди множества существовавших в то время гипотез Шлиман склонился к той, что предполагала искать город Приама и Гектора на холме рядом с деревушкой Гиссарлык (постурецки: «место, где стоит крепость»). Пусть этот холмик всего метров на тридцать возвышался над равниной, и обойти его можно было меньше чем за четверть часа, пусть он мало походил на описания из «Илиады», Шлиман не сомневался в том, что однажды откопает там мощные укрепления Илиона, города, когда-то овеваемого ветрами, полного сокровищ, храмов и дворцов.

Воодушевленный мечтой, щедро расточая целое состояние, заработанное на торговле индиго, энтузиаст принялся за дело сначала вдвоем с женой, молодой гречанкой Софьей, а потом – с помощниками: архитекторами Хефлером и Дерпфельдом и археологом Эмилем Бюрнуфом.

С октября 1871-го по 1873 год, с 1878-го по 1883-й и с 1887-го по 1890 год экспедиции под руководством Шлимана раскопали девять основных слоев наложившихся друг на друга развалин. Во время третьего сезона, в 1873 г., в слоях на уровне пожара, обуглившего развалины второго от материка слоя, Шлиман обнаружил клад золотых украшений и смело назвал его сокровищами Приама. Стратификация была тщательно соблюдена, изучена и опубликована, но разрушения верхних слоев, произведенное отчасти греками и римлянами, а отчасти

– археологами, оказались слишком значительными, и в то время не хватило сравнительного материала, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. В XX в. раскопки пришлось возобновить и продолжить, руководствуясь более строгой и точной методикой, разработанной американскими учеными из университета Цинциннати. Их группа под руководством Карла Бледжена трудилась с 1932-го по 1938 год, и лишь тогда стало ясно, насколько легенда близка к истории.

Действительно, предание гласит, что в эпоху героев на одном и том же месте существовали две цитадели: первая – во времена царя Лаомедонта, кольцо ее укреплений строили боги Аполлон и Посейдон. Царь не пожелал дать небожителям обещанную плату, и один наслал на город чуму, а другой – морское чудовище, пожирившее всех подряд. В жертву ненасытной твари уже хотели принести красавицу Гесиону, дочь царя, но тут явился Геракл и спас девушку. А так как герой, в свою очередь, не получил обещанной награды, он собрал друзей и с боем взял город. Во второй Трое правил Приам, внук Лаомедонта. К тому времени, когда ахейцы под предводительством Агамемнона, спрятавшись в брюхе деревянного коня, захватили и сожгли город, царь успел достигнуть весьма преклонных лет. И вот археологи доказали, что шестое по счету поселение на месте Трои, окруженное мощной стеной с бастionsами, погибло около 1300 г. до н. э. в результате какого-то катаклизма, вероятно, землетрясения, а Трою VII А сожгли в 1250–1240 гг. до н. э. Широкий и глубокий слой пепла, местами – почти метровый, покрывает развалины небольших, плотно поставленных домов внутри крепостной стены. Сохранились огромные глиняные кувшины для провизии, осколки керамики местного производства, несколько двуручных ваз и горшков микенского стиля, а также – скелеты убитых жителей города. Между тем, 1250–1240 гг. до н. э. – именно то время, к которому старейший греческий историк Геродот относит Троянскую войну!

Но вернемся к Шлиману. Пока его жена Софья производила на свет двоих детей – Агамемнона и Андромаху, отец семейства искал в Микенах прах их знаменитых тезок. Вооружась книгой древнегреческого писателя и географа II в. Павсания, с февраля 1874 г. он вел раскопки в кольце циклопических укреплений города. Позже, в августе – ноябре 1876 г... Шлиман заложил три раскопа: один – вне укреплений, рядом с двумя монументальными памятниками, которые

он назвал гробницами Эгисфа и Клитемнестры, другой – на подступах к прославленным Львиным воротам и, наконец, третий – за ними. Под четырехфутовым слоем мусора, скопившегося за тысячелетия, в кругу вертикально поставленных плит Шлиман обнаружил пять выдолбленных в скале прямоугольных могил. Шестую в 1877 г. откопал Стаматакис, греческий археолог, получивший задание контролировать и продолжать работу. В погребениях оказалось 19 скелетов (в том числе два детских и девять женских), украшенных драгоценностями и золотыми погребальными масками, рядом стояли деревянные ларцы и сотни сосудов из металла и расписной глины. При виде такого сокровища – более сорока килограммов золота! – Шлиман окончательно уверовал, что сумел отыскать не до конца сгоревшие останки Агамемнона, Кассандры, Эвримедона и членов семьи Пелопса. Лишь кропотливые исследования В. Дерпфельда и греческих археологов XX в. позволили выяснить, что тела были захоронены, а не сожжены. Значит, они не могли считаться останками героев Троянской войны. Кроме того, некрополь хранил, как минимум, вдвое больше погребений, и, наконец, вся обнаруженная утварь относится к XVI в. до н. э. (приблизительно 1600–1510 гг. до н. э.), а не к эпохе битвы в Трое. И хотя Шлиман не смог разбудить своих героев, он воскресил микенскую цивилизацию!

Его славе не хватало лишь одного украшения – Тиринфа, твердыни Прета, Персея, Амфитриона и Эврисфея, места унижения Геракла. Предварительный зондаж в августе 1876 г., раскопки Тиринфа Шлиманом и Дерпфельдом в 1884 г., Дерпфельдом и Каро – в 1905-м впервые явили миру истинную форму дворца микенской эпохи, причем именно такого, какой описан у Гомера.

Широкая публика узнала слова: циклопический перибол – крепостная стена из мощных каменных блоков, мегарон – просторный квадратный зал с четырьмя колоннами и очагом в центре, пропилеи – монументальный «вестибюль», гинекей – женские покои в доме, пифос – огромный кувшин емкостью 100–250 л, килик – чаша для питья на высокой ножке. Одновременно нам открылась значительная часть повседневной жизни микенских военных вождей, героев или жестоких деспотов, правивших Арголой за 13–14 сотен лет до н. э.

Пожар, охвативший Трои около 1250 г. до н. э., знаменует великий момент в истории греческого народа, так как свидетельствует

о его бесспорных военных успехах, богатстве и славе. Греки – ахейцы, данайцы и эллины – впервые осознали свое единство и мощь. Кажется, в те годы Европа мерялась силами с Азией. Хеттский царь, чьей власти покорилась большая часть Анатолии, признал царя «акхиявов» братом. Греция завершила бронзовый век и вошла в век героев – полубогов, дерзавших штурмовать Дарданеллы или горы Ликийи, сражаться с Химерами и амазонками, героев, чьи имена – Персей, Беллерофонт, Геракл, Тесей, Ахилл. И действительно, современный историк отмечает, что в это время в Греции утвердилась оригинальная политическая система, позволявшая развиваться честолюбивым стремлениям и индивидуальным особенностям личности. Чуть позже приход к власти землевладельцев-аристократов ознаменовал вхождение Греции в куда более незавидный век – железный.

Благодаря «греческому морю» современники легендарного царя царей Агамемнона явно пользовались достижениями восточных цивилизаций, более совершенных, чем их собственная, и во многом превзошли своих предшественников. За крепостными стенами жители городов чувствовали себя в большей безопасности, да и жизнь их была намного лучше организована. Более дисциплинированные военные теперь располагали опасными для врага изобретениями: сотнями боевых колесниц, длинными бронзовыми мечами, легкими и прочными доспехами, наконец, хорошо отлаженным аппаратом материально-технического обеспечения. Скотоводы выгоняли на пастбища большие стада лошадей, коров, овец, коз, а земледельцы уже не довольствовались выращиванием кормовых или зерновых культур, а сеяли лен, растения, содержащие красители, сажали и обрабатывали масличные, собирали ингредиенты для благовоний, искали и находили новые целебные травы. Корабли ходили быстрее и дальше, группы авантюристов наносили противнику более чувствительные удары и обогащались. По сути дела, в XIII в. до н. э. весь материальный прогресс держался на мастерах своего дела – плотниках, писцах, кузнецах, шорниках, тренерах лошадей, ткачах и корабелях.

И все же греческий народ жил далеко не счастливо. Истинной радости жизнь не приносила. Новая веселенькая война не могла ни заменить такую радость, ни дать все необходимое для безбедного существования. Печальное время – век героев! В городе, при

относительной роскоши, внешнем порядке и сильной власти, нравы могли быть весьма утонченными, но при всем при том царила военная экономия, бюрократизм, кровавые жертвоприношения, усиленная эксплуатация женщин и детей, с утра до вечера трудившихся в мастерских за литр ячменя и горсть смокв.

В деревнях – слишком много овец и коз, но явно недостаточные посадки зерновых, гигантская масса неимущих, обреченных ковыряться в земле, пасти скот или кустарничать, имея самый мизерный доход из-за недорода, засухи, эпидемий и войн.

Клитемнестра, Антигона, Электра, Пенелопа, Алкеста, Эрифилла, Кассандра... Сколько страстных, негнибаемых и несчастных женщин! Гречанка в те дни должна была работать, страдать и умирать ради мужчины. Эдип, выкалывающий себе глаза, обретает значение символа: царь, казалось бы, преуспевший во всех начинаниях, ослепил себя, чтобы не видеть ужасов своего времени. Другие уходили в заросли на горных склонах или прятались в глубоких гротах. XIII в. до н. э. – не столько век героев, сколько эпоха бунтарей, восставших против привычной жизни, потому что она стала невыносимой.

Покорителям Трои больше всего недоставало мудрости. Ахейский мир страдал от утраты чувства меры, точнее – от несоразмерности. Его вождям хотелось уподобиться фараонам или хеттским владыкам, хотя они вечно враждовали друг с другом, а единственный раз выступив сообща – против Трои, – сумели продемонстрировать лишь разногласия и взаимную неприязнь. Многие из них считали себя богами или потомками богов. А им следовало научиться быть людьми. Подобно Гераклу, Эдипу или Ахиллу, они спутали искусство жить с желанием красиво умереть или красиво убивать. Тщетно искать здесь улыбку, как на древнем Крите. Все, что нам оставила традиция, – несколько имен воинов, вечно оплакивающих свою трагическую судьбу, а на самом деле – безрассудство. Эта ущербная, беспокойная и хрупкая цивилизация продержалась не более 400 лет в континентальной Греции и на Пелопоннесе, 200 – на островах и всего несколько лет – в далеких колониях Египта, Малой Азии или Италии.

Осталось выяснить, что за угроза нависла над городками, исчезнувшими между 1230 и 1190 годами до н. э. Что их погубило? Можно сослаться на грабительские рейды «народов моря», упоминаемых в триумфальных надписях египетских фараонов

Меренптаха и Рамзеса III. Но эти народы не являлись ни македонцами, ни фракийцами, ни иллирийцами, а, по-видимому, жили на берегах Азии и Африки. Микенские письменные источники о них ничего не сообщают, вся греческая история их игнорирует. А сама организация обороны в Греции, грозные крепости, вербовка армий, крепкие экономические и военные структуры, экспансия и жизнестойкость ахейцев в течение двух веков исключали возможность внезапного нападения на их земли, тем более – банд морских разбойников. Не верится, что военные вожди – спутники Агамемнона – могли опасаться внешних врагов. Абсолютно все свидетельствует против этого. Независимые правители Микен, Пилоса или Иолка окружали свои крепости неприступными стенами скорее для того, чтобы защититься от себе подобных, нежели от варваров.

Города рано или поздно должны были ослабить многие проблемы: эпидемии, голод, засухи, наводнения, случайные пожары, кишечные заболевания, но в первую очередь – смертоносные войны с соседями. Чтобы попытаться объяснить катастрофу, уничтожившую между 1250 и 1200 годами до н. э. столько «ладно скроенных» дворцов и прекрасно укрепленных твердынь, надо одновременно принять в расчет или сложить вместе несколько причин. Наиболее распространенным мог быть следующий механизм распада: мелкие монархии так расцвели и окрепли благодаря земледелию, скотоводству и развитию ремесел, что вызвали ненависть подчиненных народов и менее удачливых соседей. Царствующий дом могли ослабить сразу несколько несчастий: недороды, кораблекрушения, болезни, соперничество, недостаток взаимопонимания, старость правителя. Все это потрясло общество снизу доверху. Целый рой мелких местных вождей восставали, отказывались платить налоги, а при случае не брезговали пиратством и разбоем. Самые храбрые сговаривались между собой и шли брать дворцы, где, как все знали, было полным-полно сокровищ, а законный хозяин, как Одиссей или Ахилл, отправлялся искать удачи в Трое. Нельзя безнаказанно на столько лет оставлять Пенелопу во дворце одну, среди множества молодых претендентов. Рассказы трагических поэтов об Эдипе, о Тесее, о кровавых «разборках» Атрея, Фиеста и их наследников – вся эта ужасная череда бунтов и схваток из-за наследства, видимо, в целом отражает повседневную действительность второй половины XIII в. до н. э. Возможно, Троянская война – самый

яркий и достоверный пример восстаний, которые привели к уничтожению всей ахейской цивилизации.

Неужели от этой столь многотрудной эпохи совсем ничего не осталось? От стольких честолюбивых замыслов и надежд, от побед и свершений, от великих охотничьих предприятий и дерзновенных путешествий... Неужели сохранились лишь звучные имена и прекрасные легенды? А как же ремесленники, пастухи, мореходы?

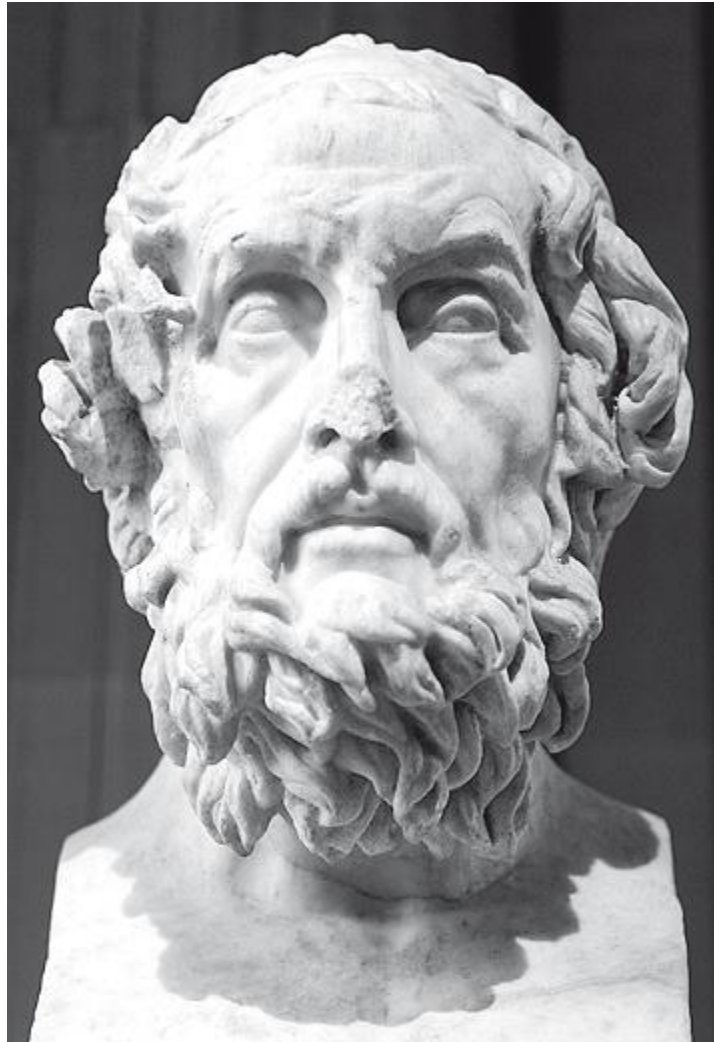
Разумеется, микенское наследие – не улыбка, не цветок среди песков, не мечта о счастье, и оно совсем не такое, как величайшие сокровища минойского Крита. Тем не менее, современники Одиссея и Агамемнона тоже оставили грекам I тысячелетия до н. э. кое-какие непреходящие ценности, которые дошли и до нас. Конечно, это не золотые маски из Микен, весьма уродливые и вдобавок никому не известные до 1876 г. Микенцы оставили нечто гораздо более долговечное, чем все складки их одежд, все сокровища их гробниц, чем все их длинные деревянные галеры, горшки из глины или бронзы и даже великолепные каменные цитадели: свой дух, идеи, изобретения, мораль. И в первую очередь словарь, которым все еще пользуется человечество, – религиозный, политический, юридический, ремесленный и военный. Среди тысяч других слов в языках народов мира живут и понятие «богов» (theos), и «народовластие» (demos), и «архитектура» (tekton), и «врач» (iater)... Восхваления непокоренных и надгробные песнопения в честь усопших героев подтолкнули воображение эпических поэтов, а потом и драматургов. Греческий театр трагедии родился из реальных драм, случавшихся в Фивах, Тиринфе, Аргосе. Микенская Греция собрала поразительную коллекцию примеров для грядущих поколений. Мужчины и женщины, бывшие некогда реальными личностями, превратились в классические персонажи, олицетворяющие различные типы страстных борцов. Отлично зная, что все судьбы взвешены заранее, они обладали именно страстью к опасности, риску, игре и даже в честь погибших устраивали спортивные состязания. Потомки сохранили их страсть навсегда.

Откуда же еще могла взяться любовь нас сегодняшних к открытым дискуссиям, столкновениям идей, соревнованию и конкуренции, если не от эпохи, когда горстка храбрецов ниспровергала троны, отправлялась в бесконечные путешествия, открывая новые

земли и сражаясь с другими героями? Эдип, Геракл, Ясон, Одиссей – эти истинные творцы самих себя полагали, что любое чудовище, будь то Сфинкс, Гидра, Дракон или Протей, можно победить, воззвав к человеческой воле. Их далекие потомки не забыли тот урок. «Есть много чудес, – говорил Софокл, – но нет ничего чудеснее человека». Возможно, одно из редчайших достоинств героев Троянской войны – вера не в мудрость, а в силу человека.

Гомеровские вопросы

Гомер – одна из самых загадочных личностей мировой истории. Начнем с того, что о нем неизвестно ничего достоверного. Это не помешало ему, тем не менее, считаться наивысшим авторитетом античного мира, родоначальником европейской литературы, наиболее читаемым автором и непревзойденным гением. Правда, это не значит, что мы не можем еще раз задать вечные «гомеровские вопросы», ответы на которые занимают множество людей последних две с половиной тысячи лет.

Предположим, что каждое слово, написанное Гомером, правда. Все герои реально существовали, все события происходили. Отсюда

первый вопрос: когда жил Гомер? Принято считать, что он жил приблизительно в VIII в. до н. э. За честь называться родиной Гомера спорили «семь городов»: Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос, Афины. На основании же традиционно установленных родословных эллинов считается, что Троянская война произошла приблизительно в 1190 (1193–1184) г. до н. э.

Выходит, что Гомер жил в VIII в. до н. э., а описывал в своих поэмах события XII в. до н. э. Известно, например, что Аполлоний Родосский, живший в III в. до н. э., описал поход аргонавтов, состоявшийся за тысячу лет до него. Но Аполлоний, будучи хранителем Александрийской библиотеки, «пил из незамутненного источника», т. е. при написании поэмы пользовался старинными рукописями. Однако науке не известен ни один догомеровский документ, который мог бы использовать создатель «Илиады» и «Одиссеи».

Хотя и существует мнение, что названные поэмы являются плодом творчества нескольких поэтов, объективно мы должны признавать авторство за Гомером, поскольку отсутствуют другие письменные свидетельства того периода. Версия о том, что Гомер опирался на устные предания, не убедительна.

Известно, что мифы, легенды, предания создаются по определенным законам мифотворчества и по этим же законам они живут в народе тысячами. В «Одиссее» Гомер описал остров Схерию, сведения о котором нигде не обнаружены. Однажды возникшая легенда об острове Схерии и его жителях, «веселюбивых феаках», не могла исчезнуть внезапно. Во всяком случае, Геродот и Платон об этом предании упомянули бы. Но если Гомер ниоткуда не мог заимствовать сведения, то остается предположить, что содержание поэмы либо плод фантазии Гомера, либо события, списанные с натуры.

Самый логичный вывод: Гомер был современником Троянской войны, видел собственными глазами Менелая и Агамемнона и лично знал Одиссея.

Еще один вопрос: а где все-таки жил Гомер?

Если допустить, что Гомер был современником Троянской войны, необходимо исключить из списка «семи городов» все города малоазийского побережья. Иначе Гомер превращается во врага воинов европейского побережья, и вряд ли бы стал восхвалять подвиги

ахейцев. Гомер хорошо знает европейский берег Эгейского моря и плохо ориентируется в географии противоположного берега – малоазийского. Возможно, что нигде, кроме Трои, на малоазийском побережье он не был. Но Гомер не был и в самой Трое. Он не видел своими глазами троянского коня. Невозможно допустить, чтобы поэт, уделяющий так много внимания убранству воинов, особенно их оружие, удержался бы от подробного описания Троянского коня.

Может быть, и битвы под Троей Гомер описал со слов участвовавших в этой войне воинов? Но многие сцены изображены настолько ярко, с таким знанием обстановки, что необходимо признать, что подобное мог описать только очевидец.

Вероятнее всего, Гомер уплыл из Трои задолго до окончания войны (например, был тяжело ранен и отправлен на Пелопоннес). И действительно, в «Илиаде» описан всего 51 день войны задолго до падения Трои. Итак, Гомер принимал участие в сражениях, но вернулся домой, на Пелопоннес, до окончания войны. Вот мы и подошли к вопросу: в каком городе жил Гомер?

Трудно отрицать, что любой человек лучше всего сможет описать город, в котором родился и вырос или долго жил. Есть ли такая местность, которую лучше всего знает Гомер? Есть – это Итака. По числу подробностей, упомянутых в поэмах, касающихся ландшафта и быта жителей, Итака стоит на первом месте. Гомер знает об Итаке многое. Острова, которые входят в состав царства: «злачный Дулихий, пшеницей богатый», и «лесной Закинф», небольшой островок Астер, где «корабли там уютная пристань с двух берегов принимает». Прекрасно знает Гомер и природу самой Итаки: когда Менелай хочет подарить коней сыну Одиссея, тот отказывается:

«Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим уютен Остров...»

О стадах и пастбищах Одиссея Гомер знает буквально все:

«Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
Также, и столько ж свиных, и не менее козых (пасут их

Здесь козоводы свои и наемные); также на разных Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых Стад; и особые их стерегут на горах козоводы».

Гомеру известно даже количество свиней, съеденных прожорливыми женихами Пенелопы: «Убавляли пируя их женихи богоравные... триста их там шестьдесят боронов налицо оставалось». Знает, как были расположены закуты и сколько животных было в каждом закуте. Он подробно описывает место высадки спящего Одиссея феакийцами на Итаку у Форкинской пристани и священного грота с двумя входами. Подробно описывает дом Одиссея и внутреннее убранство этого дома. Откуда он это знает? Большинство женихов, «первых людей» Дулихия, Зама, Закинфа, Итаки Гомер называет по именам, говорит о характерах, перечисляет родственников, а ведь женихов было не один или два, а сто шестнадцать. Об Евриклее, няньке Телемаха, Гомер знает совсем уж интимные подробности: «Куплена в годах цветущих Лаэртом она – заплатил он двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой в доме своем уважал наравне, и себе не позволил ложа коснуться ее, опасаясь ревности женской».

Следующий вопрос: «Если Гомер создал поэмы в XII в., то как им удалось сохраниться до периода, с которого начинается память современной истории, – VIII в.?»

Вот простое объяснение: народ Пелопоннеса полюбил эти поэмы, переписывал их, читал на празднествах, любовно хранил, передавая из поколения в поколение четыреста лет. Но простое не всегда истинно. Известно, что бассейн Эгейского моря с XII по IX век до н. э. был «блокирован» финикийцами, которые жестко контролировали весь район. Для науки этот период остается белым пятном. Что происходило на островах и берегах Эгейского моря – неизвестно. После описанной Гомером осады Трои в течение 150 лет гремели войны, периодически перемещаясь с малоазийского побережья на европейское. Природа обрушивала на берега Средиземного моря мощнейшие землетрясения, погружая в море часть городов малоазийского побережья и некоторые острова. После каждого

землетрясения новая волна беженцев, оставшихся без земли, захлестывала Пелопоннес и Малую Азию.

Только вдали от политических амбиций и демографических потрясений поэмы могли сохраниться. Остров Итака и стал одним из тех немногих мест, где это стало возможным. Иначе трудно ответить на вопрос: «Почему главным героем «Одиссеи» и одним из главных героев «Илиады» является царь острова Итаки?» Вряд ли поэт, проживавший в Афинах и тем более в Смирне, главным героем войны сделал бы не «своего». Самое логичное: Гомер был жителем острова Итаки, ровесником Лаэрта, отца Одиссея, являлся воспитателем Одиссея и поэтому в поэмах описывал подвиги своего царя.

«Одиссея» заканчивается на самом трагическом для героя моменте. Царь после двадцатилетних мытарств возвращается на родину, но в поэме нет всенародного ликования, радости и других приличествующих ситуации эмоций. Народ пытается убить возвратившегося царя. И чтобы доказать свое законное право на престол, Одиссей вынужден истребить всех женихов, т. е. конкурентов на царский трон. Это приводит к всенародному бунту против Одиссея. Поэма кончается на трагической ноте: богиня Афина в образе друга царя, Ментора, утихомирила возмущенный народ и заставила произнести клятву.

Что это была за клятва?

Прежде чем говорить об этом, необходимо ответить на вопрос: «Сколько лет осаждали Пенелопу женихи?» Вряд ли они начали свои домогательства 20 лет назад, сразу после отплытия Одиссея. Надо исключить срок Троянской войны – десять лет. В это время не только жены ждали ушедших на войну мужей, но и мужчины старались не заглядываться на жен своих воевавших товарищей.

Но вот пришла весть об окончании войны, а на Итаку не вернулся ни один воин. Ко всем ли женщинам, к которым не вернулись мужья, сразу стали свататься женихи? Вряд ли. Скорее всего, какая-то часть женщин, узнав от очевидцев о гибели своих мужей под Троей, стали считаться вдовами, а по прошествии срока траура могли на законных основаниях вновь выйти замуж. Но что делать тем, кому неизвестна судьба мужей? Они обязаны были ждать их. В древности срок «ожидания» мог и, возможно, был связан с религиозными представлениями.

Когда началась война, Одиссей собрал войско, снарядил 12 кораблей и отплыл в Трою вместе с тысячью лучших мужей своего царства. А вернулся из-под Трои один.

Что должен был сделать народ с царем? Если бы Одиссей осмелился сразу после падения Трои вернуться на

Итаку, то его публично казнили бы за потерю войска. И Одиссей вынужден определенный срок скитаться, чтобы боги, а потом и люди простили ему это преступление. Вот поэтому-то боги в течение нескольких лет «отводят» Одиссея от Итаки. Но этот срок подходит к концу, и богиня Афина говорит Зевсу, «что срок наступил возвратиться в землю свою Одиссею...»

Раз возвращение разрешают боги, то люди не имеют права предъявлять Одиссею обвинения. Преступления прощены за давностью лет. Если Одиссей вынужден был выжидать не менее девяти лет после окончания войны, то и его обязаны были девять лет ждать и разыскивать как без вести пропавшего. Если бы Одиссей погиб при свидетелях, то это в корне меняло отношение к нему.

Но Одиссей девять лет скрывался от возмездия на пустынном острове у Калипсо:

«И хладный сердцем к богине, ночи свои он делил
принужденно
В гроте глубоком, желанью ее несогласный желаньем.
Дни же свои проводил он...
Горем, и плачем, и вздохами питая...»

Женихи могли начать свататься к Пенелопе только спустя 19 лет после отплытия Одиссея в Трою, значит, «разоряли» дом царя они не более года. Знает ли Одиссей о том, что к его жене обязательно будут свататься? Знает и поэтому торопится назад. Сватовство к почти сорокалетней женщине, имеющей двадцатилетнего сына, не блажь мужчин Итаки, а необходимость, заключенная в «должности» Пенелопы – она царица. Скорее всего, ее слово уже не было решающим, спор о том, кому быть царем Итаки, шел между самими женихами.

Главная задача Одиссея – любой ценой удержаться на троне. Тайно возвратившись, он форсирует события и убивает всех женихов. Это убийство становится причиной народных волнений, но народное собрание раскалывается на сторонников и противников Одиссея. Одиссею вспоминают прежние преступления и предъявляют новые обвинения в связи с убийством женихов:

Первое слово к народу Евпейт обратил благородный...
«Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратись, умертвил кефалленян
знатнейших.
Братья, молю вас – пока из Итаки не скрылся он...
Выйти со мной на губителя...»

Итак, Одиссей должен ответить за убийство. Он хочет скрыться, но изгнание грозит не только ему, но и Телемаху. Одиссей говорит сыну:

«Если когда и один кто убит кем бывает и мало
Ближних друзей и родных за убитого мстить остается —
Все, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать».

Одиссей утверждает, что женихи «от своих беззаконий погибли», и поэма кончается «великой клятвой» и союзом «меж царем и народом» (т. е. примирением). Но все же трудно предположить, чтобы народ простил Одиссею новую гибель сограждан. И Одиссей, пересказывая Пенелопе слова предсказателя Тиресия, собирается в изгнание:

«Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом
твой,

В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой – покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не
увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям, – от меня же узнай несомнительный признак:
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит;
«Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и
народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною».

Но этой истории Гомер уже никогда не сочинит.

С именем Гомера вообще связано немало легенд. Александр Македонский во время походов возил ларец с текстом «Илиады», называя ее своей величайшей драгоценностью. Завоевав Египет, Александр решил основать там город и дать ему свое имя. По совету зодчих он отвел для него место. Но ночью увидел удивительный сон. Ему явился... Гомер и прочел стихи из «Одиссеи»:

«На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос».

Александр немедленно отправился на Фарос и увидел местность, удивительно подходящую для постройки большого города: с рекой и

прекрасной гаванью. Он воскликнул, что Гомер, достойный восхищения во всех отношениях, вдобавок ко всему – мудрейший зодчий. Царь велел тут же начертить план города, сообразуясь с местностью, но у зодчих не было мела, и они сделали разметку, взяв ячменную муку. Так зимой 332–331 гг. до н. э. была основана Александрия, столица греко-египетского государства Птолемеев и крупнейший центр эллинистической культуры. В этом городе был построен храм Гомера, а поэт обожествлен.

Александр говорил об удивительной образности, точности описаний, живости и яркости сцен, его поразила многоцветность «Илиады» и «Одиссеи». Но вспомним рисунок из школьного учебника древней истории – великий Гомер изображен с незрячими глазами. Знаменитый бюст был создан в Александрии в эпоху эллинизма, во II в. до н. э., то есть через шесть-семь столетий после смерти Гомера. Это же изображение сопровождает статьи о Гомере в справочниках и энциклопедиях. Вот строки из «Одиссеи»:

«Лирой звеня сладкозвучною пел
Демодок вдохновенный...
Муза его при рождении злом и добром одарила —
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье».

Исследователи трактовали их как автобиографические: Гомер был слеп от рождения, то есть никогда не знал, что такое свет и цвет.

Но мог ли слепец сказать:

«Зимней порой сыплет снег непрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
Сыплется снег на берега и на пристани моря седого,
Волны его, набежав, поглощают...»

Или:

«Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,

По морю так беззащитное судно повсюду ветры носили...»

А от точного описания ужасных деталей у зрячего волосы встанут дыбом:

«С громом упал он, копье упавшему в сердце воткнулось,
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко!...»

Увидеть, как колеблется копьё в ритме проколотого им умирающего сердца, оказался способным один лишь Гомер. В поэмах нет безликих «добрых молодцев» или «красных девиц», все цвета персонифицированы: Ахилл – русокудрый, Зевс – чернобровый, царь Менелай – светловласый, Афина – светлоокая, Хрисеида – черноокая, воин Терсит – косоглазый; безукоризненны цветовые характеристики металлов: олово – белое, медь багряная, а вот железо... Какими словами можно передать цвет железа? Задача эта оказалась сложной даже для современных ученых и специалистов – справочники сообщают, что у железа цвет... железно-серый. Не нашлось подходящих характеристик, беден технический язык. У Гомера же железо – седое! Блестящее сравнение, о котором может мечтать любой поэт.

Как и всякий человек, поэт пользуется зрением, слухом, обонянием, осязанием, передавая в художественном виде информацию об окружающем мире. У слепого в поэмах неизбежно главенствовал бы звук, за ним – запах и характеристики поверхностей – так, как она ощущается особо чувствительными у незрячих кончиками пальцев. Конечно, гомеровские поэмы наполнены и звуком:

«Сшиблись щиты со щитами, гром раздался ужасный,
Вместе смешались победные крики и смертные стоны...»

Упоминается запах благовонных курений, говорится о мягких шкурах или хитонах... Но если провести статистический анализ авторских ощущений, то окажется, что зрительные ассоциации, зарисовки и образы абсолютно преобладают. Анализ показал, что не

менее 85–90 % информации о внешнем мире переданы с помощью зрительных ассоциаций; 8—10 – приходится на слух, остальные – на запах и осязание. Такое распределение характерно для человека, которому зрение поставляет до 90 % информации об окружающем мире.

Гомер несомненно был зрячим! Но почему его считают слепым?

На монете из Хиоса, датируемой IV в. до н. э., Гомер изображен похожим на Зевса, с открытыми глазами. Бронзовый бюст из музея Модены в Италии, на котором сохранилась надпись с именем Гомера, относится к IV в. до н. э. – поэт здесь тоже представлен зрячим. Как видим, о слепоте поэта нет и речи. Известны и другие древние изображения зрячего Гомера. В чем же дело?

Главной причиной всеобщего заблуждения является высочайшее мастерство скульпторов эпохи эллинизма. Вспомним, например, знаменитого Лаокоона и его сыновей, гибнущих в кольцах змей: изошренность скульптора здесь очевидна! Но изошренность проявлялась в ущерб реализму: позы Лаокоона и его сыновей манерны, они умирают преувеличенно красиво!

Интеллектуалы Александрии обожествляли Гомера. Еще бы – место заложения города указал сам великий поэт. Философы эпохи эллинизма нередко подчеркивали предпочтительность «зрячести слепоты» посвященных – «слепоте зрячести» малограмотной черни. Для элитарного восприятия образ слепого основоположника мировой поэзии (даже в ущерб истине!) казался необычайно привлекательным: до нашего времени дошло более 20 древних копий этого бюста. Значит, в действительности их были сделаны сотни!

К мнению и вкусам ученых знаменитой Александрийской библиотеки, где собрался цвет античной мысли, прислушивались, и образ «слепого» Гомера стал восприниматься буквально. А как быть со слепым от рождения Демодокосом? Ведь Гомер рассказал о знаменитом певце, не видевшем солнечного света. Действительно, песнь Демодока о любви бога войны Арея и Афродиты, жены бога-кузнеца Гефеста, выглядит как чужеродная вставка. Она резко отличается по тональности от «Одиссеи», в ней полностью отсутствуют свет и цвет. Но – именно в ней необыкновенно сильно проявлен... звук!

Все мы привыкли к выражению «гомерический смех». Но ведь на самом деле это выражение принадлежит вовсе не Гомеру, а Демодоку.

Только в его песне боги дважды хохочут – «поднимают смех несказанный» – над ситуацией, в которой оказались незадачливые любовники, схваченные намертво железными сетями ревнивого Гефеста. И нигде более – ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» – «гомерического смеха» нет! Песнь Демодока – пример того, как незрячий фиксирует внимание на звуке. Похоже, что Гомер действительно включил в «Одиссею» в качестве «развлекательной программы» песнь слепого певца-аэда. Но сделал он это необычайно корректно и безупречно с точки зрения этики: указав авторство, отметив обстановку веселого праздника.

Гомер не был слепым. Конечно, он мог ослепнуть, скажем, в старости. Но и тогда на творчестве Гомера это никоим образом не отразилось. Его поэмы доносят до нас сквозь непроглядный мрак времени краски, блеск и свет Древнего мира.

Спартанский социализм

Спартанское государство располагалось в южной части греческого полуострова Пелопоннес, а его политический центр находился в области Лакония. Именно там и обосновались самые «лаконичные» люди в истории. Государство спартанцев в древности именовалось Лакедемон, а Спартой звалась группа из четырех (позднее – пяти) поселений на правом берегу реки Эврот. Спартанскую политику в Греции отличали одновременно наклонность к самоизоляции и желание помыкать остальными греками. Спартанцы боролись за первенство в Греции, бесцеремонно вмешиваясь в дела других государств, запугивая слабых соперников и не давая подняться сильным. Огромная военная мощь, практически непререкаемый авторитет среди ближних и дальних соседей, поразительная внутренняя стабильность сочетались в спартанском государстве с удивительной хозяйственной и культурной отсталостью.

На протяжении столетий Спарта и законы царя Ликурга оставались неразделимыми понятиями. В легендарной фигуре законодателя жители Лаконии видели основателя спартанской государственности, связывая с его именем едва ли не все особенности своей общественной жизни и быта. Легенды доносят до нас образ мудрого правителя, не просто реформировавшего политические

институты своей страны, но и воспитавшего характер целого народа. Основной задачей всей внутренней политики спартанского государства было поддержание его традиционных устоев.

Законы спартанцев являли собой рациональное, логически выстроенное целое. Многие их институты кажутся пришедшими из глубины веков, но вместе они работали как хорошо отлаженный механизм. Необычные стороны спартанской жизни были не реликтом седой старины, а результатом целенаправленной и кардинальной перестройки, которую исследователи иногда называют «переворотом VI века». Спарта не всегда была такой: примерно до VI в. до н. э. спартанцы, скорее всего, не слишком отличались от остальных греков. Так, в VII и VI вв. до н. э. в их обиходе использовались красивые и дорогие вещи, и в целом изделия местного ремесленного производства отличались отменным качеством. Но уже после VI в. до н. э. многие ремесла в Спарте исчезают, а уровень материальной культуры стремительно падает. Тяга к красивым вещам с тех пор стала рассматриваться как антиобщественная и неприличная для спартанца. С началом Олимпийских игр спартанцы принимают в них самое активное участие, более того, в VII и первой половине VI в. до н. э. свыше половины победителей во всех основных видах олимпийских состязаний были выходцами из Лакедемона. Однако затем спартанские атлеты внезапно перестают приезжать в Олимпию. За этими фактами легко угадывается трансформация спартанского общества, определившая характерные черты Спарты классического периода и сделавшая ее столь непохожей на остальную Грецию. Современные исследователи признают, что в истории Спарты наступил некий переломный момент, когда она замкнулась в себе и превратилась в то казарменное государство, о котором поведали хронисты Греции и Рима.

Главной задачей системы неписаных правил, которую спартанцы связывали с именем Ликурга, стало поддержание единства и монолитности гражданского коллектива. Спартанцы назывались гомеями, то есть «равными». На войне они были тяжеловооруженными воинами-гоплитами и выступали в едином строю спартанской фаланги. Законы Ликурга решительно пресекали любые возможности имущественного расслоения спартанского общества, которое могло поколебать его единство. Спартанцам воспрещалось любое другое

занятие, кроме военного дела. Они не только не могли заниматься никаким производительным трудом, но даже не имели права сходить на рынок: за них трудились другие.

С середины VIII в. до н. э. Спарта, подобно другим греческим государствам, была вынуждена решать проблемы, вызванные острым земельным голодом. Если остальные греки находили выход из положения в колонизации земель за морем, то спартанцы взялись за своих ближайших соседей – мессенцев, завоевание которых в результате второй мессенской войны приостановило аграрный кризис в Спарте, но при этом стало причиной той внутренней напряженности, которая во многом определила особенности Лакедемонского общества. Покоренные мессенцы и стали спартанскими рабами – илотами. Илот, в отличие от классического античного раба, не лишался земли, скота и инвентаря и не являлся «перемещенной личностью», илоты имели семьи и вели самостоятельное хозяйство, отдавая спартанской общине лишь установленную подать или оброк. Однако земельный участок илота нельзя было ни продать, ни подарить: и сами илоты, и их земля являлись собственностью всего спартанского государства. Оставшиеся после выплаты оброка продукты илоты могли использовать по своему усмотрению и даже продавать. Занятые войной спартанцы не вмешивались в хозяйственные дела илотов.

Рядовой спартанец был плохим рабовладельцем: он не занимался организацией сельскохозяйственного производства и оставался лишь равнодушным получателем ренты, тогда как хозяйственная инициатива находилась в руках раба-илота, непосредственного производителя. По словам Ксенофонта, илоты были готовы «сожрать спартанцев живьем». Фукидид передает рассказ о том, как однажды спартанцы посулили свободу илотам, считавшим себя наиболее способными в военном деле. Таким образом было отобрано около двух тысяч илотов, которые с венками на головах обходили храмы в знак своего освобождения. После этого все они были истреблены. Спартанские должностные лица – эфоры – ежегодно объявляли илотам войну от имени спартанского государства. Эта формальность служила юридическим оправданием еще одного интересного института Спарты – криптий (карательных экспедиций против илотов). Участниками криптий были юные спартанцы, которые «уходили в партизаны»:

уединяясь в горах или в сельской местности вдали от поселений, они прятались днем, ели что придется, а по ночам охотились на илотов.

Об «экономических рычагах» борьбы Ликурга с неравенством среди спартанцев Плутарх пишет: «Прежде всего он изъял из обращения все золотые и серебряные монеты, приказав употреблять одну железную. При малой стоимости она занимала столько места, что для сбережения дома десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Спарте исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги у другого или грабить, если нельзя было даже спрятать свою добычу?! Затем Ликург изгнал из Спарты все бесполезные, лишние ремесла. Впрочем, если бы даже он не изгонял их, большая часть из них все равно исчезла бы сама собой вместе с введением новой монеты. Ведь железные деньги не имели хождения в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними, вследствие чего на них нельзя было купить ни заграничных товаров, ни предметов роскоши. По той же причине чужеземные корабли не заходили в спартанские гавани. В Спарту не являлись ни ораторы, ни содержатели гетер, ни мастера золотых и серебряных дел – там не было денег. Таким образом, роскошь исчезла сама собой. Ремесленники, делавшие прежде предметы роскоши, должны были с тех пор употреблять свой талант на изготовление предметов первой необходимости». От такого стремления к уравнительству хозяйственная жизнь Спарты веками пребывала в состоянии глубокого упадка. При этом законы позволяли спартанцам брать вещи соседей и пользоваться ими как своими собственными («если только они не были нужны хозяевам»). Спартанец мог в любой момент залезть в чужой амбар или погреб и взять, что ему нужно.

Ради поддержания единства гражданского коллектива и исключения раскольнических настроений в Спарте активно внедрялась идеология мужского и военного братства. По словам Плутарха, Ликург «приучал сограждан к тому, чтобы они не хотели и не умели жить врозь, но, подобно пчелам, находились в нерасторжимой связи с обществом, все были тесно сплочены вокруг своего руководителя и целиком принадлежали отечеству, почти что вовсе забывая о себе в порыве воодушевления и любви к славе». Всякое покушение на принципы спартанского коллективизма пресекалось «сознательными»

спартанцами, активистами, блюстителями чистоты спартанской жизни. Лучшим способом утверждения государственной идеологии и пресечения любых попыток быть непохожим на других представлялось резкое сокращение сферы частной жизни. Семья и дом должны были отойти для человека на задний план и не входить в противоречие с духом коллективизма.

Ничто из того, что происходило в Спарте, не подлежало разглашению – на эту «засекреченность» спартанского государства указывает Фукидид. Для спартанского государства было характерно желание отгородиться от всего мира, отделить себя глухой стеной культурной и хозяйственной самоизоляции. Ощущение жизни в «осажденном лагере» неизбежно выливалось в чувство собственного превосходства, тогда как «потусторонний» мир воспринимался как потенциальный источник «тлетворного влияния», распущенности. Спартанцам не разрешалось покидать пределы страны, а иноземцам – приезжать в нее. Найденные в Спарте иноземцы подлежали немедленной высылке. «С новыми лицами входят, естественно, и новые речи, с новыми речами являются новые понятия, вследствие чего на сцену выступает множество желаний и стремлений, не имеющих ничего общего с установившимся порядком правления. Поэтому Ликург считал нужным строже беречь родной город от заразы дурных нравов, нежели от чумы», – сообщает Плутарх.

Воспитание подрастающего поколения считалось в Спарте делом государственной важности и прямой задачей государства. У Плутарха находим рассказ о своеобразной спартанской «евгенике». Забота об улучшении «человеческой породы» выражалась у них в уничтожении слабых и безобразных детей: их бросали в пропасть. Подобный «искусственный отбор» был нацелен на укрепление тела и духа, а не на поддержание экономики царства. «Побочным» результатом уничтожения нежизнеспособных детей являлось и сокращение количества нежелательных едоков. По достижении семилетнего возраста мальчиков собирали в лагеря и делили на отряды, называвшиеся «агелами» (буквально «стая»). С этого возраста дети жили вместе и приучались играть и проводить время в коллективе. Самый сообразительный и спортивный из них становился во главе детского отряда, прочим же мальчикам полагалось его слушаться и брать с него пример. Старики присматривали за детьми, при этом

стараясь ссорить их и возбуждать соревновательность. Главными качествами, которые воспитывали у маленьких спартанцев, были беспрекословное повиновение, выносливость, упорство и умение побеждать любой ценой. Постепенно условия содержания детей менялись в сторону большей строгости: их приучали ходить босыми, а с тринадцати лет подростки получали всего по одному плащу в год. Свои постели они должны были делать сами из речного тростника, который им приходилось рвать голыми руками.

Питание было самым скудным, чтобы подростки привыкли к постоянному голоду и умели его переносить. Как сообщает Плутарх, спартанских детей, собранных в военные лагеря, держали впроголодь, чтобы заставить их бороться с лишениями и стать смелыми и хитрыми. Спартанцы сделали удивительное педагогическое открытие: дети вырастают смелыми, если у них получается воровать у взрослых. «Старшим детям было приказано собирать дрова, маленьким – овощи. Все, что они приносили, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь выказать всю свою хитрость и осторожность. Попавшегося без пощады били плетью как плохого, неловкого вора. Если представлялся случай, они крали и приготовленную еду, причем учились нападать на спавших и на плохих сторожей. Дети старались, – пишет Плутарх дальше, – как можно тщательнее скрыть свое воровство».

Юные спартанцы учились только писать и читать. «Все же остальные виды образования были изгнаны из страны; не только сами науки, но и люди, ими занимающиеся. Воспитание было направлено к тому, чтобы юноши умели подчиняться и мужественно переносить страдания, а в битвах умирать или добиваться победы». В древней Спарте не было литературы. Характерное исключение составляют стихи поэта Тиртея. О Тиртее существует ненадежное в историческом плане предание, содержащее, однако, примечательную оценку его поэтического творчества. Предание гласит, что во время второй мессенской войны (первая половина VII в. до н. э.) дельфийский оракул повелел спартанцам попросить себе полководца у афинян. Желая посмеяться над спартанцами, афиняне отправили им хромого школьного учителя Тиртея. По легенде, Тиртей сумел оказаться полезным, своими песнями подняв боевой дух спартанских воинов. Оставшиеся от него военные марши в основном повествуют о том, как

устроена спартанская фаланга и как прекрасны трупы погибших за родину юношей. Кстати, Спарта считалась едва ли не самым музыкальным государством Эллады: к музыке и пению ее граждане относились весьма серьезно. Они не без основания полагали, что песни подбадривают человека и особенно подходят для военных упражнений. Наступая на врага, спартанцы пели хором под аккомпанемент флейты.

Прохождение полного курса обучения в военно-спортивных лагерях было обязательным условием становления гражданина. Вся Греция признавала эффективность практики детских батальонов как способа вырастить идеальных солдат, и армия Спарты считалась среди греков самой боеспособной, но перенимать этот опыт нигде не пробовали. Плутарх прямо говорит, что военные походы были для спартанцев возможностью отдохнуть от такой жизни: «На всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней».

В Спарте никто не имел права обедать дома. В центре общественной жизни были «обеденные клубы», называвшиеся «сисситии» (буквально – «совместное питание» или «общий стол»). Члены таких «обеденных клубов» сдавали продукты в общий котел, чтобы их можно было съесть за общим обедом. По преданию, сисситии были задуманы самим Ликургом как инструмент поддержания равенства, с помощью которого община могла контролировать образ жизни спартанцев. Расчет был сделан на то, что самое эффективное «промывание мозгов» достигается в небольших коллективах, где все находится на виду у всех, где жизнь каждого человека зависит от мнения людей, составляющих его ближайшее социальное окружение. В сисситиях состояло по 15–20 человек, а товарищеские связи на поверку оказывались обратной стороной почти полицейского надзора каждого за каждым. Помимо этого, общие трапезы не давали человеку почувствовать вкус к роскоши. Было запрещено являться на такие обеды сытым, после домашнего обеда. Сотрапезники строго следили друг за другом, высматривая тех, кто не ест, и того, кому самая грубая пища не лезла в глотку, поднимали на смех. Излюбленным блюдом на сисситиях являлась «черная похлебка». Судя по всему, есть ее было большим испытанием, требовавшим поистине спартанской выдержки. Плутарх пишет: «Старики

отказывались от мяса, отдавая свою долю молодым, а сами наливали себе свое кушанье, похлебку. Говорят, один понтийский царь купил себе даже спартанского повара исключительно для приготовления “черной похлебки”, но, когда попробовал ее, с отвращением выплюнул и страшно рассердился. “Царь, – сказал повар, – прежде чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвротe!”»

В «Истории» Геродота приводится диалог персидского царя Ксеркса с «военным экспертом» по имени Демарат. Отвечая на вопрос о военной силе греков, Демарат называет спартанцев людьми, способными оказать полчищам персов самое эффективное сопротивление. Ксеркс принимает такой ответ с нескрываемым недоверием: восточный деспот сомневался в боеспособности войск, которых не гонят в бой плетью. В глазах персидского царя свободные люди были негодными солдатами, которые разбегутся при первой же атаке, и только деспотическая власть способна рождать дисциплину. Демарат отвечает Ксерксу, что тот просто не знает спартанского государства: «Они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они страшатся больше, чем твой народ тебя. А веление закона у спартанцев всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать перед любой военной силой врага, но велит оставаться в строю, победить или погибнуть».

Если верить Геродоту, этот диалог предварял одну из самых славных страниц греческой и спартанской истории – битву при Фермопилах. Фермопилами называлось несуществующее ныне ущелье, через которое в древности лежал путь в Среднюю Грецию. В этом месте в 480 г. до н. э. отряды греческих городов попытались задержать персидскую армию Ксеркса. Когда персам удался обходной маневр, ущелье превратилось в ловушку. Что было дальше, не совсем понятно. То ли греки решились на организованный отход под прикрытием спартанского арьергарда, то ли началось их форменное бегство. Так или иначе, триста спартанцев во главе с царем Леонидом не двинулись с места и были истреблены до последнего человека. История этого страшного боя окружена легендарными подробностями, леденящими кровь. В ответ на благоразумные опасения одного фессалийца, говорившего, что тучи персидских стрел способны затмить солнце, бесстрашный спартанец будто бы ответил: «Наш приятель принес хорошую новость: если персы затмят солнце, можно

будет сражаться в тени». В уста предводителя спартанцев царя Леонида древние рассказчики вложили не менее знаменитые слова. Как сообщает Диодор Сицилийский, «Леонид приказал воинам позавтракать, так как обедать, дескать, они будут уже на том свете». Когда оружие пришло в негодность, спартанцы защищались камнями и кулаками. На месте их гибели впоследствии был поставлен монумент в виде каменного льва со знаменитой эпитафией, написанной известным древнегреческим поэтом Симонидом: «Странник! Ступай и поведай ты гражданам Лакедемона, что их заветам верны, здесь мы костями легли».

Спартанцу, оставившему своих и отступившему с поля боя, лучше было умереть. Такому человеку до конца дней не было прощения и места в обществе, он становился изгоем. По словам Ксенофонта, «в Спарте скорее предпочитали смерть, чем такую бесчестную и позорную жизнь». Выживших при Фермопилах спартанцев было двое. Один был отправлен гоним в Фессалию и потому остался в живых. О его последующей судьбе Геродот сообщает одной красноречивой фразой: «По возвращении в Спарту его ожидало бесчестие, и он повесился». Второго звали Аристодем. Он страдал тяжелым недугом, и поэтому царь Леонид сам отпустил его из лагеря на лечение в соседнее селение. «По возвращении в Лакедемон, – пишет Геродот, – Аристодема ожидали бесчестие и позор. Бесчестие состояло в том, что никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним, а позор – в том, что ему дали прозвище Аристодем-Трус». Аристодем искал и нашел смерть год спустя в битве с персами при Платеях. По общему признанию греков, он показал себя как самый доблестный из всех воинов. Но спартанцы отказались удостоить его «великих почестей», так как полагали, «что Аристодем бился, как иступленный, выйдя из рядов, и совершил великие подвиги лишь потому, что явно искал смерти из-за своей вины». Никакие подвиги и даже героическая смерть не могли смыть позорного клейма.

Положение спартанских женщин расценивалось в Греции как нечто ненормальное, далеко выходящее за рамки привычного и приемлемого. Греческие государства были «мужскими клубами», где женщине не отводилось никакого места. Роль женщины в обществе ограничивалась кругом ее домашних обязанностей и их выполнением. Когда афинский комедиограф Аристофан в комедии «Ли-систрата»

показывает, как женщины завладевают Афинами и объявляют мужьям сексуальную забастовку, мы на самом деле абсолютно не понимаем юмора. А юмор состоит в том, что большего абсурда жители Афин и других греческих городов не могли себе даже представить. То же, что творилось в Спарте, в глазах всей Эллады походило на такую уморительную и неприличную комедию. Греки считали спартанок распутными и неуправляемыми, вышедшими из повиновения своих мужей и даже смеющимися ими командовать, а это казалось тем более странным на фоне строгостей легендарных законов Ликурга. По словам Аристотеля, Ликург сумел создать законы только для мужской половины Спарты, с распушенностью и своеволием спартанских женщин великий законодатель якобы не смог ничего поделать. В действительности же «женская эмансипация» выглядит органичной частью «революции Ликурга». Если во всей Греции семья являлась ячейкой общества, а женщины были чем-то вроде семейного имущества, то спартанские законы стремились во всем ограничить роль семьи. Идеи спартанского коллективизма и воспитания личности распространились и на женщин, а это означало, что в существовании женского пола уважали человека и личность. Именно этого остальные греки не могли или не хотели понять.

Юные спартанки не сидели взаперти в ожидании замужества. Подобно мальчишкам, они разбивались на отряды и проходили спортивную подготовку, упражняясь в беге, борьбе, метании копья и диска. Пикантность этим атлетическим упражнениям добавляло то, что молодые люди обоего пола состязались на глазах друг у друга. Юноши были обнаженными, а девушки занимались спортом если не нагишом, то в эфемерных хитончиках. На праздники нагие юноши и девушки устраивали торжественные шествия, сопровождавшиеся гимнастическими упражнениями, песнями и плясками. Древние греки придавали нагому телу огромное значение, они считали ее одним из своих отличий от варваров, поэтому на спортивных играх атлеты выступали обнаженными.

Подобное внимание к нагому человеческому телу можно понять только в свете греческой философии. Однако во всей Греции это касалось мужчин, а не женщин. Греческие женщины ходили с головы до ног стыдливо укутанные в одежды. В манере спартанок публично обнажаться многие в Греции упорно видели одно беспутство. Один

Плутарх сумел разглядеть присущие обнаженным спартанкам высокие моральные принципы. Плутарх подчеркивал: публичное обнажение и спортивные состязания спартанок способствовали возвышенному образу мыслей и укрепляли в них чувство собственного достоинства: «В наготе девушек не было ничего неприличного. Они были по-прежнему стыдливы и далеки от соблазна, напротив, этим они приучались к простоте, заботам о своем теле. Кроме того, женщинам внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она может приобщиться к доблести и почету. Вот почему спартанки могли говорить и думать так, как рассказывают о жене царя Леонида по имени Горго. Одна афинянка сказала ей: «Одни вы, спартанки, делаете что хотите со своими мужьями». – «Да, но ведь одни мы и рожаем мужей», – ответила царица».

Полученное воспитание делало спартанок мужественными и дерзкими на язык, что первыми чувствовали на себе их мужья. Спартанские женщины свободно высказывали свое мнение и отличались независимым поведением. И если греки смотрели на подобное с удивлением, то спартанцы считали естественным, что женщины включались в жизнь государства. С гордыми словами «со щитом или на щите» на устах спартанки посылали в битву своих сыновей и с презрением отказывались от них, если сыновья не исполняли воинского долга достойно. Само спартанское государство в такую минуту говорило их устами. Спартанки рожали будущих воинов, и общественное мнение Спарты признавало за женщинами немалую свободу в выборе полового партнера и отца своего ребенка. Кто, как не сама женщина, сможет выбрать будущему воину лучшего отца? И вовсе не обязательно, чтобы отцом становился муж. Как изящно выразился Плутарх, Ликург стремился вытравить из умов сограждан «глупую ревность» и предоставлял достойным людям возможность «сообща заводить детей». Остальная Греция называла это распутством. Спартанцы же заботились об улучшении человеческой породы.

Типичная для Древнего Востока авторитарная форма государства, деспотия, не прижилась в Греции. Излюбленный греками тип общественного устройства – коллективы граждан, самостоятельно решающих свою судьбу. Политика находилась в совместном ведении граждан, и оттого, насколько успешно они формировали и проводили

политику государства, напрямую зависело благополучие всех и каждого. Поэтому все, что происходило в Спарте, затрагивало всех на личном уровне. Такая плотная жизненная среда имела и свои темные стороны. Когда все зависят друг от друга, жизнь в государстве легко превращается в кошмар. Бедой греческих городов-государств являлась хроническая внутренняя нестабильность.

Спарта подала пример радикального и окончательного разрешения «социального вопроса». Законы, приписываемые Ликургу, делали ставку на принципиальную невозможность возникновения внутренних конфликтов, расшатывающих гражданский коллектив. После «революции Ликурга» реальным фактом спартанской жизни стал идеал единства и равенства граждан как залог стабильности и силы Спарты. Все спартанцы до единого переместились в правящее сословие. Все законы служили поддержанию гражданского равенства и единомыслия граждан – и ничему другому. Это и придавало государству небывалую мощь. В начале V в. до н. э. Спарта возглавила сопротивление нашествию полчищ персидского царя Ксеркса. Затем вопрос о первенстве в Греции решался в споре с Афинами, другим крупнейшим и влиятельным греческим государством, антагонистом и антиподом Спарты. Вопреки прогнозам противников спартанцы вышли из этой схватки победителями: победа над Афинами в Пелопоннесской войне на время принесла Спарте гегемонию над большей частью Эллады.

Древние греки смотрели на спартанское государство со смешанным чувством. Величайшие философы Платон и Аристотель были далеки от преклонения перед спартанскими порядками, но и они в своих проектах идеального государства в большей или меньшей мере взяли за основу пример Спарты. Для Платона и Аристотеля Спарта являла собой эталон стабильности и гражданского мира, позволяющий избежать тирании, с одной стороны, и анархии – с другой. Казалось, именно спартанцы лучше остальных жителей Эллады воплотили в жизнь идею греческого государства как дееспособного коллектива. Платон же ценил и основную спартанскую идею тотального единства и равенства, и практические способы ее реализации, изображая идеальное государство в своих «Законах» со многими чертами спартанского царства. Основываясь на примере Спарты, философ писал: «Никто никогда не должен оставаться без начальника – ни

мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению. На войне и в мирное время всегда надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например, по первому его приказу останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Словом, пусть человеческая душа научится не уметь делать что-либо отдельно от других людей, и человек не будет понимать, как это возможно».

Сокровища царя Атея

Древние правители имели много хлопот с народом, который персы называли искизами, а греки – скифами. Эти воинственные кочевники вытеснили из причерноморских степей киммерийцев, они были наемниками мидийских и ассирийских царей и воевали то на одной, то на другой стороне, успешно сражаясь с недавними союзниками. Если же в их услугах не нуждались, то скифы сами отправлялись воевать и грабить. И не потому, что они были коварными и вероломными. Просто они жили по своим законам, и никто им был не указ. В своих набегах скифы добрались и до Египта, до смерти напугав фараона Псамметиха, который откупился от них богатыми дарами. Во время войн со скифами погиб основатель персидской державы Кир.

Царь царей Дарий потерпел поражение не только от греков в Марафонской битве. В травянистых степях, простирающихся на север от Черного моря, поражение ему нанесли скифы. Дарию надоело, что отряды скифов, налетающие на резвых скакунах, постоянно угрожают его державе, и он решил уничтожить их в их собственном гнезде, а заодно ослабить своих основных врагов, греков, лишив их зерна, которым их снабжали скифы (выращивали его, конечно, не скифы, а покоренные ими племена южных степей). Дарий отправился по следам врага в тянущиеся без конца и края степи, но вступить в схватку с кочевниками ему никак не удавалось. Ведь у скифов не было городов, которые надо было бы защищать. Свои жилые повозки с женщинами и детьми они отсылали глубоко в тыл, угоняли туда же большую часть своих стад, а все способные носить оружие мужчины скакали перед

носом продвигающихся в глубь страны персов, но в схватку с ними не вступали. Чтобы замедлить продвижение неприятеля, скифы засыпали землей колодцы и источники, поджигали за собой пастбища, а между тем заманивали персов все дальше, иногда в качестве приманки жертвуя одним-двумя стадами, в надежде в конце концов изнурить персидскую армию и одолеть ее. Дарий чуть ли не в последнюю минуту, когда казалось, что персам уже пришел конец, сообразил, в чем дело, и приказал отступить.

О скифах написал Геродот. Он был человек дотошный, и чтобы проверить то, что о них рассказывали, даже съездил в Ольвию, греческую колонию недалеко от современной Одессы. С тех пор почти все, что мы знаем о скифах, мы черпаем из «Истории» Геродота.

С самого раннего детства приучались скифы к степной, кочевой жизни, чтобы потом можно было вынести все ее превратности. Часто они, прежде чем ходить, уже научались ездить верхом, если не на коне, то на козле, за рога которого могли крепко держаться. Детей рано сажали на спину длинногривых, низкорослых степных лошадей, а когда они начинали привыкать передвигаться в мире не на двух слабых человеческих ногах, а на четырех сильных конских, им давали в руки лук. Даже ноги скифов принимали форму конских боков, а стрелять на скаку из лука они умели почти без промаха. Можно сказать, что скифы разучились ходить пешком: едва выйдя из кибитки, они сразу же вскакивали на коня. Табун обычно пасся в некотором отдалении, а жеребят привязывали около кибиток, чтобы женщины могли тут же доить кобылиц, приходящих кормить жеребят. Потому что все степные народы пили молоко кобылиц, а еще охотнее – кумыс, кисловатый на вкус напиток из перебродившего кобыльего молока. Ели они также сделанные из этого молока масло и сыр. Доили и овец, ведь кроме молочных продуктов и мяса они почти не ели ничего другого.

Роды объединялись в племена, но каждое племя жило на своей территории, размерами с небольшую страну, разрозненно, и мужчины собирались вместе лишь тогда, когда их созывали на совет или в поход. А воевать им приходилось часто – то с другими степными племенами или союзами племен, то с народами стран, лежащих по соседству со степями, от Китая до Европы.

Но чаще всего они сражались и убивали друг друга, чтобы завладеть пространством, более богатым водой, с более сочными

пастбищами, особенно в засушливые годы, ведь каждое племя хотело, чтобы от голода и жажды гибли овцы не его, а соседнего племени. Какой беспредельно широкой ни была степь (она простиралась на тысячи километров), уже в первое тысячелетие до н. э. в ней не было ни безлюдных мест, ни пастбищ, где не пасся бы скот. И как раз к этому времени, к 1000 г. до н. э., стали высыхать и превращаться в пустыни такие большие степные пространства, как Такламакан и Гоби. Люди же и стада все умножались, так что степным племенам временами необходимо было уходить оттуда в другие края.

Одним из выходов из создавшегося положения был захват пастбищ соседей. Такие кровавые стычки перемололи много племен, оттеснили некоторые племена в северные бескрайние леса. Племена-победители часто объединяли оставшиеся степные народы в такие могущественные союзы, что уже могли не только совершать грабительские набеги на соседние земледельческие страны, но и вести захватнические войны. Это вновь и вновь возрождающееся степное бедствие держало в постоянном страхе многие народы.

Способ ведения войны степных племен с самого начала был кровавым и жестоким. Геродот писал о скифах: «Когда скифский воин убьет своего первого врага, то пьет его кровь. Головы убитых в сражении врагов несет он своему царю, получает свою часть добычи лишь тогда, когда покажет хотя бы одну голову, иначе не получит он ничего. Кожу с черепа скиф снимает таким образом, что надсекает ее около ушей, потом стягивает с черепа. Воловьим ребром он счищает с кожи мясо, а потом разминает ее до тех пор, пока она не станет мягкой, похожей на платок. Тогда скиф вешает ее на поводья и гордо возит с собой. Потому что самым выдающимся считается тот воин, у кого больше всего платков из кожи».

Союзы скифы скрепляли кровью: вожди надрезали себе вену, собирали стекающую кровь в сосуд и по очереди пили из него. Измену, мятеж скифы считали смертным грехом. Если царь приказывал кого-нибудь убить, то не оставляли в живых не только сыновей этого человека, но и всех мужчин в семье, не причиняли зла только женщинам. Благодаря этому скифы поддерживали в своих рядах такую дисциплину, что смогли противостоять самым сильным государствам своего времени.

Но большинство степных племен исчезло, рассеялось, так что и следа от них не осталось, разве что в чревах степных курганов (насыпных могильных холмах). В скифскую эпоху существовал обычай хоронить знатных воинов вместе с любимыми слугами и лошадьми под огромными земляными насыпями. Но курганы не торопились раскрывать свои тайны.

Две тысячи лет никто ничего не знал о скифах, кроме того, что о них рассказал Геродот. Но в начале XVIII в. Петр I приказал расследовать дела о грабежах древних курганов в Южной Сибири. Грабителей нашли, их находки конфисковали и переслали в столицу. Обнаруженные в курганах находки свидетельствовали о том, что степные народы не только были умелыми скотоводами, но и превосходными кузнецами, золотых дел мастерами, шорниками, изготовителями луков, плотниками, колесниками, гончарами, не говоря уже о пряхах, ткачихах, изготовительницах войлока, создававших шедевры рукоделия. Так начала создаваться коллекция «скифского золота». Основная ее часть происходит из причерноморских степей, из так называемых царских курганов.

Большинство царских курганов датируется IV в. до н. э. Богатство скифской аристократии ни до, ни после никогда не достигало таких размеров, как в это время. К IV в. до н. э. относится и начало городской жизни в Скифии. Геродот отмечал, что в степной Скифии не было городов. Но в конце V в. до н. э. возникло Каменское городище на Днепре. Некоторые исследователи полагают, что это была столица царства Атея – самого известного благодаря античной литературной традиции скифского царя.

Современная наука, особенно украинская и российская, представляет Атея единоличным правителем, исполнителем задачи объединения Скифии под эгидой единой центральной власти, человеком, при котором развитие скифского государства достигло своего апогея. В долголетнее правление Атея Скифия стала мощной централизованной державой, раскинувшейся от Дуная до Дона (включая Крым). В этом государстве со столицей на Днепре существовала ярко выраженная социальная иерархия и четко организованный аппарат управления на всех уровнях власти. Скифы эксплуатировали зависимых оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников, имели собственное развитое производство, обширную

торговлю, царскую монету, чеканенную в греческих городах. Осуществляя давние устремления скифов, Атей вел довольно успешные военные действия во Фракии, угрожая весьма удаленному от его владений Византию, и на равных вел себя с создателем Македонской державы Филиппом, в битве с которым и нашел свою кончину в 339 г. до н. э.

Существует предположение о том, где искать несметные сокровища скифского царя. Один из персонажей, изображенных на верхнем ярусе знаменитой золотой пекторали из кургана Толстая Могила, указывает правой рукой на треугольный лоскут овечьей шкуры. При определенной доле фантазии в этом куске шкуры можно увидеть Крым, правда, так, как его должны были видеть скифы – вверх ногами. Так вот перст правого скифа, как полагают некоторые исследователи, указывает на место, где спрятаны сокровища Атея. Дело за малым – осталось только их найти.

Об Атее сохранилось сравнительно много сведений, но все они относятся к позднему времени. Приведенные в них факты и рассказы, как и монеты с его именем, породили в науке целый ряд гипотез и концепций, разногласий и сомнений. Имеются ли в действительности какие-то определенные источники, указывающие, что Атей царствовал над всеми скифами от Волги до Дуная, как считает современная наука? Опираясь в основном на краткую справку Страбона: «Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, кажется, господствовал над большинством тамошних варваров», ученые по-разному определяют границы его царства.

В настоящее время можно выделить три альтернативные точки зрения относительно того, каким именно скифским царством управлял Атей: объединенной, так называемой Великой Скифией; племенным объединением скифов на территории от Борисфена до Дуная или небольшим военно-политическим формированием в Добрудже. Кроме того, весьма важно вводное слово, «кажется», которое Страбон поставил не случайно, а явно потому, что у него не было точных сведений о том, какими именно племенами управлял Атей и так ли это было в действительности. В целом же не сохранилось ни одного свидетельства в письменных источниках, которое можно было бы связать с Атеем как царем Великой Скифии.

В такой же мере вряд ли правомерно считать, что он, как один из величайших царей, был похоронен в кургане Чер-томлык, а его сын с женой – дочерью боспорского царя – в кургане Огуз. Одним из аргументов для доказательства определения погребенного царя приводится граффито на доньшке серебряного кубка (ААТАА), которое читается, как имя Атей. Однако на дне этого сосуда прочерчен целый ряд других буквенных знаков и рисунок, что в совокупности следует трактовать как магические знаки, возможную связь с богиней забвения Атой, но уж никак не с Атеем.

В античной литературной традиции Атей именуется царем, но только в сочинении Юстина упомянуто о Скифском царстве. Как ни странно, ни один из авторов не указывает его точное географическое расположение, хотя все, за исключением Страбона, размещали его в Нижнем Подунавье. Из письменных источников ясно, что у скифов существовала определенная государственная организация, во главе которой находился царь. Если во время войны с персидским царем Дарием у скифов еще сохранялся какой-то совет, по крайней мере «базилевсов», то царь Атей во всех дошедших до нас документах действует единолично. Ни о каких его соправителях в трудах древних авторов не упоминается.

Как сообщает Лукиан Самосатский, Атей погиб в сражении с Филиппом Македонским у реки Истр в возрасте более 90 лет. Дата битвы установлена благодаря упоминанию Юстина об осаде Византия (339 г. до н. э.) и не вызывает разногласий у современных исследователей. Исходя из этих сведений, можно считать, что Атей родился в 30-е годы V в. до н. э. Однако долгая жизнь и царствование Атея не особенно интересовали греческих авторов до тех пор, пока он не столкнулся с Филиппом Македонским. Несмотря на свой преклонный возраст, Атей не только значился царем, но и участвовал в военных походах и сражениях, что свидетельствует о его необычайной физической выносливости и крепком здоровье, а также стремлении продемонстрировать эти качества как перед собственным племенем, так и перед врагом. Несомненно, что в своем царстве он пользовался популярностью и уважением, если все еще находился у власти в возрасте 90 лет и мог водить своих воинов в битвы.

В такой ситуации можно было удержаться у власти в том случае, если в его окружении существовала значительная группа старейшин,

поддерживавших его политику. Насколько в варварских объединениях было развито соперничество за власть между братьями и сыновьями, хорошо известно из новелл Геродота об Анахарсисе и Скиле, убитых соплеменниками. Видимо, такого отношения к власти не было в царстве Атея, что можно объяснить отсутствием сильных претендентов на престол; силой его влияния, активностью действий, огромной популярностью и авторитетом среди всех подданных; решениями во внутренней и внешней политической деятельности; сохранением исконных обычаев предков. Литературные свидетельства лишь до некоторой степени позволяют раскрыть характерные черты его деятельности.

Так, в «Нравственных изречениях» Плутарха, где были записаны изречения царей, привлекают внимание высказывания Атея. Даже если они не в полной мере отражают реалии из жизни этого правителя, они интересны тем, что именно таким его представляли эллины, любившие размышлять над разными сентенциями. В одной из них, якобы взятой из письма Филиппу II, Атей писал: «Ты властвуешь над македонцами, обученными воевать с людьми, а я – над скифами, которые могут бороться и с голодом, и с жаждой». Здесь чувствуется явное противопоставление захватнической политики Филиппа и мирного сосуществования скифов со своими соседями (если те не предпринимали против них враждебных действий), и это на самом деле отвечает исторической правде. Сопоставляется с археологическими источниками и относительная бедность того скифского племени, которое базировалось в Подунавье, вытекающая из их умения бороться с голодом и жаждой. В таком же смысле можно понять и другие изречения Атея, например, свидетельствующие о его любви к лошадям. Так, пришедших к нему послов он спросил, чистя коня, занимается ли этим Филипп.

Древние авторы отмечали также особую хитрость Атея в проведении сражений с соседними племенами. Так, во время боя с трибаллами он приказал женщинам, детям и всем остальным, кто не входил в число его воинов-всадников, подогнать к тылу врага ослов и быков, неся при этом поднятые копыя. Одновременно пустил слух, что к нему на помощь идет отдаленные скифские племена. Три-баллы испугались и отступили.

Но если Атей был так могуществен, как об этом говорят многие современные историки, если он имел сильное и многочисленное войско, то почему он не разгромил богатейшего в то время боспорского царя? Почему он только создавал видимость множества войска в борьбе с трибаллами и опирался преимущественно на свою природную хитрость и мудрость? И почему он искал помощи, когда на него хотел идти войной истрианский правитель, который вряд ли имел более сильное войско, чем так называемая объединенная Великая Скифия?

Атей во время войны с истрианами обратился за помощью к Филиппу II Македонскому, пообещав тому за это усыновить его и сделать, как ни странно, наследником Скифского царства. Но поскольку истрианский царь внезапно умер, то Атей тут же передумал и отверг помощь Филиппа, передав ему, что вовсе не просил его помочь и не предлагал усыновления, так как наследник при жизни собственного сына ему вовсе не нужен. Возникает закономерный вопрос: почему Атей сделал такое предложение, а Филипп поверил ему, послав на помощь отряд своих воинов. Не могло быть, чтобы македонский правитель не знал, что на самом деле представляет собой царство Атея, его семейство и окружение, а также лично сам царь, если воспользовался столь заманчивым предложением и решил оказать военную помощь. Филиппу II в то время исполнилось сорок два года и по своему возрасту он вполне мог быть не только сыном, но и внуком Атея. В борьбе за создание великой Македонии Филипп II использовал разнообразные методы, в том числе и достаточно хитроумные, как в случае с Атеем. Без всякой борьбы, лишь оказав подмогу, путем усыновления он надеялся присоединить к своей державе и скифские земли в Добрудже, что в итоге открыло бы для него прямой путь дальше на северо-запад Балкан. Обращение же Атея к македонцу было вызвано, вероятно, какими-то экстраординарными событиями в жизни царя и подвластного ему племени, может быть, страхом престарелого вождя на склоне жизни лишиться власти и стать подданным более молодого правителя.

После того, как Атей отправил обратно военный отряд, присланный Филиппом для борьбы с истрианами, разгневанный македонец направил к нему своих послов с требованием покрыть хотя бы часть издержек по осаде Византия, который ему никак не удавалось

завоевать. «Атей, указав на суровый климат и скудость земли, которая не только не обогащает скифов наследственными именьями, но едва дает нужное для пропитания, ответил, что у него нет таких сокровищ, которыми можно было бы удовлетворить столь богатого царя; что, по его мнению, постыднее отделаться малым, чем отказать во всем, и что скифы ценятся не по богатствам, а по душевной доблести и телесной выносливости».

В ответ Филипп, сняв осаду Византия, отправился на войну со скифами. Посланные им послы уведомили Атея, что македонское войско движется к Истру, чтобы согласно обету установить статую Геракла, и Филипп просит свободного пропуски через его земли. Поняв хитрость Македонца, скифский царь передал ему, что будет лучше, если привезут статую без сопровождения воинов, он сам ее поставит, и она будет находиться здесь в целостности и сохранности. В противном случае он не позволит македонскому войску нарушить границы его владений, а если Филипп посмеет поставить статую героя, то она будет переплавлена на наконечники стрел, как только он уйдет.

Угроза Атея не изменила планов Филиппа, явно хорошо осведомленного о том, какими на самом деле военными силами обладает гордый скиф. В состоявшемся сражении скифы были побеждены. Македонцы разорили скифское царство, захватили в плен 20 000 женщин и детей, большое количество скота, а также 20 000 великолепных лошадей.

Очевидно, все скифские воины были перебиты. Обычно Филипп очень жестоко расправлялся с противниками: так, после победы в кровавой битве на Крокусовом поле в Фессалии в 352 г. до н. э. он повелел всех захваченных в плен фокидских воинов (около 3000) утопить в море, а труп их правителя Ономарха распять.

В бою против Филиппа Атей погиб. Как поступил с его телом Македонец, никто из авторов не сообщает. Но самого главного, за чем пришел сюда Филипп, на скифской земле не оказалось. Он не смог увезти отсюда ни золота, ни серебра. Тем самым подтвердились слова Атея о бедности скифов в том значении, как понимал богатство македонский царь, для которого оно выражалось во владении драгоценными металлами. Главной же гордостью скифского правителя были прекрасные лошади и земля, на которой обитали его соплеменники.

Тайны царской гробницы

История археологии знает немало удивительных открытий. Но только в редких случаях, вопреки устоявшемуся мнению, такие открытия являются результатом везения. За любой археологической находкой стоит тяжелый труд, большие знания и точный расчет, а иногда и фанатичная вера в свою правоту. История Генриха Шлимана, рассказанная выше, тому подтверждение.

Позже Шлиман так же упорно искал могилу Агамемнона, руководствуясь «Описанием Эллады» Павсания. И снова добился своего, нашел прекрасную гробницу в Микенском акрополе. Конечно, гробница принадлежала не Агамемнону, но, во всяком случае, это

было богатейшее и несомненно царское погребение с массой золотых вещей. Кроме того, было найдено еще пять могил, также весьма богатых.

Имена царей, похороненных в микенских царских могилах, неизвестны. Мы не знаем, где покоятся останки многих великих мужей древности. Но иногда гробницы приоткрывают свои тайны...

...Когда греческий археолог Манолис Андроникос открыл золотой ящик, ему пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы сохранить видимость профессионально-холодного отношения к происходящему, – в ящике находились кремированные останки. Но чьи? «У нас чуть глаза не вылезли из орбит, – признавался потом Андроникос, вспоминая охватившие его в тот момент чувства. – Я отошел немного в сторону от коллег – участников раскопок, от зрителей и полицейских и постоял в одиночестве, чтобы пережить это невероятное ощущение. По всем признакам, мы нашли царское погребение; и если мы верно датировали найденные предметы – а оснований сомневаться, по-видимому, не было, – то я не решался даже подумать о значении находки. Впервые по позвоночнику прошла дрожь, словно меня ударило током. Неужели я держал в руках кости Филиппа? Такая мысль представлялась настолько ошеломляющей, что мозг отказывался ее воспринимать».

Филипп II – одна из самых ярких фигур античности. Взойдя на македонский престол в возрасте 23 лет, Филипп всего за четыре года поднял свое царство до уровня самых сильных греческих государств, а спустя еще 17 лет стал владыкой всей Эллады, включая и прежде могущественные Афины. Но наиболее значительное достижение царя, обеспечившее ему место в истории, – его отцовство: сын Филиппа Александр Великий создал самую прославленную в древнем мире империю.

Найденное Андроникосом погребение – холм 110 м в диаметре, известный как Великий курган, – расположено в неровной местности у македонской деревни Вергина, примерно в 48 км к северу от горы Олимп. На буквально испещренной следами античного величия территории находится около 300 могильных насыпей, а также руины дворца, театра, храмов, прославивших царскую столицу. Впервые эта площадка привлекла внимание археологов в 1855 г., когда в случайном разговоре с местным священником о ее существовании узнал

путешествовавший по здешней округе молодой французский ученый Леон Юзи.

Юзи сам начал раскопки, но их вскоре прервала эпидемия малярии среди рабочих. Тем не менее француз предсказал, что в один прекрасный день Вергина поведаст замечательные тайны. «В этих македонских памятниках, как и в подземных могильниках Египта и Этрурии, – писал он, – нам предстоит найти не просто некий набор древних предметов, здесь в ожидании открытия лежат жизнь и история целого народа».

Андроникос с коллегами начали копать Великий курган в конце августа 1977 г. За несколько недель раскопок им удалось обнаружить три важных объекта: фундамент здания – предположительно геройона, то есть святилища для отправления культа покойного; гробницу, в которой уже побывали воры, с прекрасным настенным изображением похищения Аидом божественной девицы Персефоны, и самый интригующий – вторую гробницу, превосходящую первую размерами. Последний памятник имел две закрытые и неповрежденные мраморные двери – единственную пару дверей, сохранившуюся в целостности.

Над входом на фасаде усыпальницы был живописный фриз, исполненный с величайшим мастерством и представляющий охотников, которые преследуют льва, оленя, пернатую дичь и других животных. «Размер погребения, – писал Манолис Андроникос, – редчайшая настенная роспись, а также найденная поблизости «малая» могила и фундамент геройона заставляли предположить, что в этой гробнице должна покоиться какая-то необычайно важная персона».

В ноябре археологи проникли в погребальное помещение. Чтобы не повредить двери, ученые прибегли к испытанному способу древних грабителей могил: они вынули последнюю деталь, крепившую сооружение усыпальницы – так называемый замковый камень на оси сводчатого потолка. Андроникос знал, что камень лежит у дальней стены склепа и его можно извлечь, не разрушая всю конструкцию. Заглянув в отверстие, археолог увидел комнату, заполненную горами драгоценных погребальных предметов. Прежде всего его поразили краски: темно-зеленая патина окислившейся бронзы, красно-черное ржавое железо, блеск старого серебра, куски дерева, почерневшего от

огня и истлевшего, но мерцающего крошечными золотыми листочками.

Вскоре стала различима и форма предметов: прекрасной работы сосуды для омовений и для еды; большая круглая накладка для щита; полдюжины наконечников от копий; меч; комплект защитного снаряжения с соответствующей царскому достоинству отделкой и включающий украшенный золотом сборный панцирь, а также высокий гребенчатый шлем – его форма отличала македонских воинов в эпоху Филиппа и Александра. Рядом лежала позолоченная серебряная корона, подобная той, что присутствует на древних изображениях Александра и его преемников.

Но все эти сокровища померкли перед находкой, обнаруженной у дальней стены помещения: мраморным саркофагом с квадратной крышкой – размеры его составляли 76x76 см. Только после того, как были детально описаны все другие найденные предметы и прибыли нужные технические специалисты и реставраторы, Андроникос разрешил поднять мраморную плиту. Внутри оказался еще один контейнер: ящик из чистого золота с шестнадцатиконечной звездой на крышке. Его сразу определили как ларнакс – сосуд для хранения обуглившихся костей кремированного тела.

И действительно, кости, которые теперь рассчитывал обнаружить Андроникос, лежали внутри ящика, а вместе с ними золотой веночек из выполненных с поражающей воображение точностью дубовых листьев и миниатюрных желудей. Кости, очевидно, прежде были завернуты в пурпурную материю – этот цвет принадлежал царям; когда ткань распалась, кости впитали краску, оставившую на них темно-синие полосы. Зрелище напомнило Андроникосу гомеровское описание похорон Гектора – героя, убитого Ахиллом во время Троянской войны. Согласно «Илиаде», товарищи Гектора «собрали белые кости и положили их в золотую урну, завернув в мягкие пурпурные одежды».

Кто бы ни отдавал последние почести праху, обнаруженному в усыпальнице, он либо следовал погребальным обычаям греков давно минувших времен, либо – что более вероятно – воспроизвел каждую подробность отрывка из поэмы, знакомой всякому грамотному человеку, говорившему по-гречески, в том числе и членам царствующего дома Македонии.

Андроникос признавал, что такое свидетельство – лишь ассоциативная догадка, а не твердое доказательство. Возможно, человек в усыпальнице был просто близким родственником Александра Великого (достоверно известно, что сам Александр был похоронен в другом месте). Но, сравнивая и анализируя находки из погребения, археолог все больше убеждался: здесь наверняка покоится прах одного из македонских царей второй половины IV в. до н. э., и очень возможно – родного отца Александра, Филиппа II.

Андроникос датировал множество предметов из гробницы и материалы, использованные для ее сооружения, временем, охватывающим период жизни Филиппа и Александра. Среди прочих аргументов он указал на разительное портретное сходство найденных в усыпальнице фигурок из сцены охоты, изображенной на фасаде, и четырнадцати миниатюрных резных головок из слоновой кости, которые могли украшать истлевшие детали деревянной мебели, – с лицами на ряде медальонов и фресок, которые традиционно считаются портретами этих двух македонских царей.

Были также обнаружены известные по древним источникам боевые раны Филиппа. У одной из фигурок из слоновой кости, например, Андроникос разглядел крошечный шрам на правой брови, пересекавший явно незрячий глаз. Археолог знал: в этот глаз Филиппа поразила стрела во время одной из битв в 354 г. до н. э. Позднее группа английских исследователей, изучив кости черепа, извлеченные из ларнакса, пришла к выводу, что отметины на правой глазнице соответствуют остающимся после ранения стрелой.

Среди погребальных предметов ученые нашли пару золоченых поножей – металлических пластин, закрывавших голени воина. При их изучении выяснилось, что форма левого щитка неправильная, и он почти на 3,8 см короче правого. Андроникос счел это несоответствие убедительным свидетельством двух ранений в ногу, полученных Филиппом в сражениях и приведших к хромоте, о которой упоминает оратор Демосфен и другие классические авторы.

Некоторые коллеги Андроникоса, однако, оспаривали его предположение о том, что в этой могиле находятся останки Филиппа. Они утверждали, что период, которым датируется усыпальница, охватывает также время царствования еще одного из трех сыновей Филиппа II – Филиппа III Арридея. Он стал преемником Александра

на македонском престоле, хотя вряд ли мог сравниться со своим братом. Согласно свидетельствам историков той эпохи, Филипп III страдал эпилепсией и другими тяжелыми заболеваниями. Физически слабый, он едва ли мог справиться с оружием и защитными доспехами, которые в значительном количестве представлены среди погребальных предметов, и кроме того, вряд ли ему были под силу энергичные развлечения под открытым небом, которые запечатлены на рельефе фасада.

Однако и против того, что в усыпальнице похоронен Филипп II, есть не менее сильные доводы, нежели против принадлежности гробницы Арридею. Бочкообразная сводчатая конструкция погребального сооружения, по мнению ряда ученых, утвердилась в Македонии только после смерти Филиппа II, когда эту новаторскую для греков идею привезли на родину инженеры, побывавшие с Александром в Месопотамии. Найденная корона, утверждают скептики, также соответствует восточной царской атрибутике, заимствованной Александром у покоренных им азиатских правителей. А стиль, в котором выполнены две солонки, обнаруженные среди похоронной утвари, возник только спустя 20 или 30 лет после кончины Филиппа. Кроме того, невозможно доказать, что несовпадение в размерах и форме поножей связано с характером ранений на ноге Филиппа, упомянутых в исторических документах.

Еще больше вопросов породил тот факт, что кремированный прах из ларнакса представлял собой не единственные останки в загадочной гробнице. В передней комнате археологи нашли еще один золотой ларнакс, в котором покоились кости женщины в возрасте от 20 до 30 лет, завернутые в золотую ткань с украшениями в виде пурпурных ветвей, листьев, цветов и спиралевидного орнамента. Идентификация женского праха вызвала еще более жаростные споры. Если в усыпальнице погребен Филипп II, то кто эта женщина? Может быть, одна из его жен, наложниц или дочерей? Ученые тщательно изучили тексты той довольно богатой документами эпохи, чтобы детально воспроизвести генеалогическое древо Филиппа II, и выявили полдюжины женщин, занимавших – по рождению или по мужьям – достаточно высокое положение, которое давало право на царские погребальные почести.

Однако кем бы ни оказалась покойная, среди ее похоронных принадлежностей найден комплект доспехов женщины – воительницы, а это заставило ученых предположить, что здесь погребена царица Евридика, супруга больного Филиппа III Арридея. Как македонское воплощение амазонки, Евридика прошла военную подготовку и, согласно хроникам, некоторое время командовала войсками Македонии. Если найденные кости принадлежат ей, тогда, конечно, появляется новый аргумент в пользу версии о том, что в мужской части царской усыпальницы похоронен Филипп Арридей.

Тайна остается нераскрытой до сих пор и продолжает притягивать к себе внимание. Ученые, занимающие в споре разные позиции, по-прежнему пытаются найти аргументы, которые бы могли либо подтвердить предположение Андроникоса о личности погребенного в царском склепе, либо опровергнуть его. Однако независимо от того, какой Филипп лежит в гробнице – царь-воин и отец Александра или его болезненный преемник, обе стороны сходятся в том, что Вергина стоит, вероятно, на месте города Эги – первой столицы Македонии. В Эгах по традиции хоронили членов царского дома.

Не вызывает сомнения и другое: сама найденная могила и та местность, где она расположена, являет собой богатейшую сокровищницу посланий и памятников «золотого века» Македонии, которая принесла греческую культуру в самое сердце Азии. Непосредственный процесс экспансии был насильственным и стремительным, он завершился в основном в течение срока правления выдающихся монархов – Филиппа II и Александра Великого. Однако результатом их завоеваний стало преобразование всей эллинской цивилизации Древней Греции в нечто более сложное и космополитичное, что определило политику, культуру и повседневную жизнь стран Средиземноморья на многие века вперед. Царь Александр оставил после себя в наследство эпоху эллинизма – время интеллектуального и художественного расцвета, – длившуюся почти 300 лет.

В этот период основанные самим Александром или его политическими преемниками великие города поднялись в Египте, Малой Азии и даже в Афганистане, куда дотянулась греческая цивилизация и где она встретила с древним и не менее развитым обществом Индостанского субконтинента. На пути Александра и его

преемников – азиатских царей Селевкидов и египетских Птолемеев – остались следы походов, разрушенные памятники, сохранившиеся по сей день воспоминания об ушедшем великолепии. От Балкан до Гиндукуша сохранились их могилы, храмы, дворцы, рынки, театры и крепости, иногда в таинственных обломках, иногда в поразительной целостности, пленяя воображение многих поколений археологов и вдохновляя их на дальнейшие поиски.

Граждане Афин и других городов-государств Эллады считали северных соседей непонятым, чуждым для себя и едва ли не самым примитивным народом. Ведь македонцы по-прежнему придерживались древних племенных обычаев, давно забытых южанами. Здесь не было ни малейшего опыта демократического самоуправления, македонцы хранили верность наследственным вождям, подчиненным личной власти царя. Плодородные равнины Нижней Македонии, а также нагорья Верхней Македонии оставались поделенными на четыре царства, но равнинные цари из династии Аргеадов – предки Филиппа II – уже давно считали горцев своими подданными. А отношение к ним со стороны горцев менялось от поколения к поколению в зависимости от способности очередного Аргеада силой утвердить свою власть.

Аргеады возводили собственную родословную к Гераклу, высшему из мифологических героев, сверхчеловеку, происшедшему от союза земной женщины и верховного бога – Зевса. Дом Аргеадов именовал себя «рожденные Зевсом», и Филипп, унаследовавший трон в 359 г. до н. э., отчеканил монеты с изображением Зевса и Геракла, чтобы напомнить миру о своем происхождении. К сожалению, большинство сведений о жизни Филиппа, дошедших до нас, оставлены историками (в частности, Плутархом), которые создавали тексты через три-четыре столетия после смерти царя и заимствовали материалы из ныне утраченных греческих источников.

Согласно освященной временем традиции, следуя примеру монархов, имевших беспокойных соседей, Филипп для упрочения союзов и сосредоточения власти в одних руках использовал брачное ложе. За свою жизнь он женился пять раз, не дожидаясь порой перед очередным браком даже смерти при родах предыдущей супруги. Современники шутили по поводу стратегически рассчитанных по

времени бракосочетаний Филиппа, говоря, что он обретал новую жену перед каждой новой войной.

Его третья жена обладала, однако, гораздо более твердым характером, чем у самого Филиппа: Олимпия, царевна Молосского царского дома в Эпире, древнем государстве на границе сегодняшней Греции и Албании, вела свою родословную от главного героя Троянской войны Ахилла. Девушку выдали замуж, когда ей едва исполнилось 18 лет, но Олимпию не пугала перспектива борьбы за влияние с прочими супругами ее полигамно настроенного властелина. Хотя Олимпия родила ему Александра и дочь Клеопатру, Филипп скоро научился держаться от своей молосской царицы на расстоянии. Помимо того что Олимпия была сильной личностью, она еще страстно увлекалась таинственными древними культами, знала смертоносные заклинания и ворожбу, очень любила змей. Как пишет Плутарх, Филипп, направившись однажды к ней в спальню (очевидно, с амурными устремлениями), обнаружил рядом со спящей женой мирно свернувшуюся крупную змею; пыл царя внезапно угас, и он на цыпочках ретировался.

Однако стремящийся к славе Филипп желал не только любить, но и сражаться. Весной 356 г. до н. э. его войско перешло реку Стримон на восточной границе Македонии и подчинило себе богатейший рудный район во Фракии, расположенный вокруг горы Пангей – неисчерпаемый по тем временам источник золота и серебра. Филипп поставил здесь гарнизоны, дабы обеспечить надежное господство на захваченной территории, и привлек для работы в рудниках многочисленных переселенцев из Македонии, после чего начал чеканить первые в европейской истории серийные золотые монеты (афинские деньги были серебряными и бронзовыми) и весьма расчетливо их использовать.

Хорошо зная – ему приписывают соответствующее высказывание, – что ни один город не устоит перед груженным золотом ослом, если тот попытается войти в крепость через тайный ход, часть вновь приобретенных финансовых ресурсов Филипп направил на дипломатические подношения и взятки, которые обеспечили ему лояльность собственной аристократии и благожелательное отношение со стороны иноземных вождей и царей. Деньги вкладывались и в развитие собственно Македонии с целью

осуществить переход от пастбищного хозяйства к земледелию: область в Нижней Македонии с жирными, плодородными почвами давно называли «садами Мидаса», по имени легендарного царя, обращавшего все в золото своим прикосновением, и Филипп намеревался извлечь из нее максимальную пользу. Для развития внутренних путей сообщения и укрепления безопасности своих владений царь прокладывал дороги и возводил крепости, а также поощрял рост городов как торговых центров.

Львиная доля доходов шла у Филиппа на совершенствование армии. Он превратил отряды наемников и разноплеменных воинов в профессиональную и отлично вооруженную боевую силу, укрепив ее иностранцами, обладавшими выдающимися военными навыками. Конницу Филипп укомплектовал представителями македонской знати, а мужественная и стойкая пехота, вооруженная четырехметровыми сарисами (копьями, вдвое превышавшими по длине обычные метательные снаряды), набиралась из выносливых крестьян и горцев.

Военные таланты юного Филиппа получили дополнительное развитие в Фивах. Фивы в 371 г. до н. э. нанесли поражение спартамцам при Левктрах, на востоке Центральной Греции, и стали одним из сильнейших городов-государств Эллады. Старший брат Филиппа, Александр, правивший в то время в Македонии, немедленно заключил с фиванцами союз и в доказательство искренности своих намерений отправил к ним в качестве почетного заложника пятнадцатилетнего Филиппа.

Вынужденный воспользоваться фиванским гостеприимством, Филипп познакомился здесь с великим полководцем древности Эпаминондом, победителем при Левктрах, и получил от него неоценимые уроки наиболее эффективного применения различных родов войска, а также построения наступательного и оборонительного флангов. Сверх того Филипп усвоил важнейший принцип: «Самый лучший способ с наименьшей затратой сил победить противника – нанести ему удар не с самой слабой, а с самой сильной стороны». Поэтому, приняв под командование армию, Филипп вскоре превзошел соседние греческие города-государства, особенно в искусстве осады укреплений, в чем южане никогда не могли добиться заметных успехов. Более всего он поразил противников готовностью бросать войска в сражение даже зимой, считавшейся по традиции «мертвым

сезоном», во время которого воины возвращались к родным очагам, отдыхали и приводили в порядок оружие.

С 358 г. до н. э. Филипп начал собирать жатву по всей Аттике и вокруг нее. Там, где дипломатия оказывалась бессильной, македонский царь обнажал меч. Он спровоцировал мятежи и возмущение во многих городах-государствах Греции, изнурил афинских мореходов нескончаемой битвой за торговые маршруты и, наконец, стал хозяином главных торговых путей Юго-Восточной Европы: из Черного моря в Адриатику и из Дуная на юге до Коринфского залива. В Афинах Демосфен долго и страстно убеждал греков объединиться против Македонии. Но только в 339 г. до н. э., когда Филипп захватил Элатею – город к северо-востоку от горы Олимп, ключевую позицию на пути в Среднюю Грецию – и стал реально угрожать и Афинам, и Фивам, мечта великого оратора осуществилась: две державы заключили оборонительный союз.

После первой неудавшейся попытки сдержать натиск северян союзники в августе 338 г. до н. э. встретили войско Филиппа при Херонее, городе к юго-востоку от горы Парнас. Афиняне начали наступление, и Филипп имитировал отход своего правого фланга, способствуя тем самым ослаблению центра греческой позиции, а его восемнадцатилетний сын Александр возглавил удар македонской конницы на левом фланге. Пробив брешь в рядах афинян, всадники Александра ворвались в нее и устремились к сердцу греческого воинства – знаменитому фиванскому Священному отряду, тому самому пехотному формированию, что тридцатью тремя годами раньше сокрушило под Левктрами спартанцев. Священный отряд пал, и вместе с ним умер «золотой век» независимых городов-государств Эллады.

Филипп утвердился в качестве главы новой греческой конфедерации, хотя прежние его враги отказывали ему в праве просто быть членом подобного союза. Македонцев уже невозможно было отодвинуть за границы цивилизованной жизни и воспринимать их как иноземцев и не вполне эллинов: все властные рычаги теперь находились в их руках. А чтобы закрепить новое положение, решил Филипп, пришло время объединить всю Грецию в борьбе с общим врагом. В 336 г. до н. э. он отправил через Дарданеллы в Малую Азию 9000 пехотинцев и 1000 всадников, бросая вызов Персидской империи.

Однако прежде чем выступить на Восток, Филипп оказался вовлечен в более опасную домашнюю войну в собственном дворце. По причинам, известным лишь ему, царь пошел на новый брак – с дочерью полководца, командовавшего македонскими войсками, и вскоре молодая жена забеременела. Олимпия, обеспокоенная тем, какие последствия это будет иметь для ее сына Александра как престолонаследника, ушла на второй план в очень воинственном расположении духа. Филипп же еще больше усложнил ситуацию тем, что выдал молодую Клеопатру, свою дочь от Олимпии, за молосского царя – дядю юной девушки. Остается только догадываться, какие чувства обуревали участников этой свадьбы.

Оба бракосочетания отмечались длительными празднествами, в том числе состязаниями в театре Эг. Примерно 2300 лет спустя Манолис Андроникос найдет то место, где происходили эти торжества. Прорыв от дворца траншеей длиной почти в 60 м, он обнаружил руины закругленной стены партера, первый ряд, боковые проходы и часть собственно сценического пространства. «Это такое невероятное открытие, – писал он позднее, – что его как будто специально поместили на пути наших раскопок».

Возможно, современным археологам и помогали некие чудесные силы, имевшие власть над всем происходящим, но по отношению к античному царю они оказались куда менее благосклонными. На открытие церемонии царственного владыку сопровождала до театральной арены большая процессия македонской знати и воинов. Затем Филипп, желавший продемонстрировать собственную неуязвимость, приказал телохранителям отойти, а сам в девственно-белом одеянии один прошел в театр, встреченный неистовыми рукоплесканиями толпы.

В это мгновение один из стражников (его звали Павсаний) подбежал к монарху и пронзил его мечом, а затем покинул театр. Белоснежное облачение царя потемнело от крови, и несколько молодых македонских аристократов устремились вслед за убийцей. Павсаний успел выскочить через городские ворота, но преследователи настигли его в старом винограднике и изрешетили дротиками.

Мстители не успели еще извлечь оружие из тела убийцы, а по городу и среди придворных поползли слухи. Шептали, будто Павсания раньше связывала с царем любовь: Филипп в промежутках между

гетеросексуальными контактами не пренебрегал и партнерами мужского пола. Но более осведомленные члены внутренней партии считали, что, хотя меч занес Павсаний, за ним, вероятно, стояли невидимые враги, ожидающие, когда клинок сделает свое дело. Как и можно было предположить, подозрение пало прежде всего на уязвленную молосскую царицу. «Главную вину, – сообщает Плутарх, – возложили на Олимпию». Играла ли она деятельную роль в заговоре, следствием которого была смерть Филиппа, использовала ли сверхъестественное воздействие, чтобы подвести его к зловещему концу, или просто отстранилась в ожидании грядущего возмездия, – Олимпия получила желаемое. А для истории половины мира более существенным стало то, что ее двадцатилетний сын Александр, уже накопивший опыт в дипломатии и в руководстве военными кампаниями, теперь готов был унаследовать – а в дальнейшем и превзойти – славу своего отца.

Смерть завоевателя

Александр Македонский, Александр Великий, Александр Магнус, Искандер Зулькарнайн. Гениальный полководец, мучимый комплексами неврастеник, удачливый исполнитель планов великого отца, ненасытный агрессор, дальновидный политик – ни одно определение не в силах отразить всю мощь этой незаурядной личности.

Благодаря трудам римских историков мы располагаем значительным количеством документов о его государственной деятельности и личной жизни. Арриан во II в. н. э. мог сверяться с тогда еще существовавшими, а ныне навсегда утраченными воспоминаниями приближенных Александра: его военачальника Птолемея, военного инженера Аристобула, флотоводца Неарха, друга царя с детских лет.

Мозаичные и скульптурные изображения, а также чеканка на монетах сохранили для нас и внешний облик Александра: выразительные серые глаза, тщательно выбритое лицо, грива курчавых волос и незаурядный лоб. Молодой царь, насколько известно, любил

художников и легко находил с ними общий язык. Он был близко знаком с самым знаменитым живописцем своего времени Апеллесом и часто посещал его мастерскую. Согласно сохранившимся источникам, царь впоследствии предоставил Апеллесу исключительное право писать свои портреты, ту же привилегию, впрочем, он даровал и скульптору Лисиппу. До наших дней дошла одна из римских копий лисипповой скульптуры, вполне точно, как полагают, воспроизводящая оригинал.

О высоком интеллекте нового императора можно судить даже по самым скромным его портретам. Его отец, Филипп, никогда не упускавший случая преумножить любые ресурсы, в качестве наставника пригласил для своего сына Аристотеля – друга Платона и одного из лучших учеников великого мыслителя. Аристотель получил приглашение к македонскому двору, когда создавал свои совершенно оригинальные разработки в области естественных наук, философии, риторики и поэзии, находясь на эгейском острове Лесбос, в городе Мителене, где поселился после смерти Платона.

Царевич, безусловно, отличался острым умом, а Аристотель отточил его способности. Целый ряд историков передают предание о том, как молодой Александр обуздал коня по кличке Буцефал, не покорявшегося даже самым опытным наездникам его отца. Некоторые наблюдатели решили, что юноша унаследовал от своей матери Олимпии приписываемые ей способности к имевшей большую силу ворожбе, но в действительности никакой мистики не было: Александр заметил, что Буцефал пугается собственной тени, и успокоил животное, развернув его против солнца. Что бы ни скрепило их союз – магия или просто рассудительное обращение, отношения царевича (а потом и царя) с его конем вылились в многолетнюю дружбу, о которой позже слагались легенды.

Обученный логике величайшим для того времени специалистом в этой области, царевич выработал для себя весьма логичный, хотя, возможно, весьма необычный подход ко всякого рода препятствиям. Намереваясь однажды форсировать опасную реку, чтобы вступить в очередную битву, Александр столкнулся с почти открытым возмущением старших командиров македонской армии. Но командиры вовсе не желали сознаваться в своих страхах и лишь напомнили царю, что на дворе был май – месяц, когда македонские монархи, по обычаю,

избегали всяких сражений. Тогда Александр, заинтересованный в очередной победе более, чем в уважении к древним обычаям, воскликнул: «Если так, мы вернем апрель!» – и лично возглавил переправу конницы.

Он был молод и он спешил. Филипп обдумал план покорения Азии, Александр его осуществил. К концу 336 г. до н. э. юный македонский царь заставил союз эллинских городов-государств присоединиться к великому походу против персов под его верховным командованием. Однако начало наступления задержалось в связи с умиротворением беспокойных северных соседей во Фракии и Иллирии, пришлось подавить и опасный мятеж в Фивах; но ранней весной 334 г. до н. э. Александр уже вел войска в Малую Азию. Античные историки по-разному оценивают численность его армии: видимо, в ней было 30 000–40 000 пехотинцев и 4000–5000 всадников.

В этой великой экспедиции принимали участие также художники, инженеры и ученые. Александр вторгнулся в полный неожиданностей новый мир и не желал упустить ни малейшей возможности зафиксировать, оценить и истолковать все открытия. Кроме того, и среди превратностей войны царь вовсе не желал ограничивать свои интеллектуальные запросы: в обозе за ним следовала целая библиотека литературных, философских и исторических текстов, которую регулярно пополняли.

За четыре года Александр покорил половину Персидской империи, простиравшейся тогда на запад до Финикии и Египта. От Малой Азии до берегов Нила местные правители, которые подчинялись верховному правителю Персии Дарию III, несли поражения на полях битв и либо сдавались на милость македонского царя, либо признавали свою зависимость от него. В ноябре 332 г. до н. э. египтянам было даже дано лицезреть его коронацию в качестве фараона на пышной церемонии в Мемфисе, который вот уже 2600 лет являлся их официальной столицей. Дарий, обреченный видеть, как Александр захватывает самые богатые куски персидских владений, сделал несколько попыток заключить мир, но македонец отверг их.

«Впредь, – заявил Александр, отвечая на одно из посланий правителя Персии, – если ты вознамеришься обратиться ко мне, пиши мне как царю Азии; не именууй меня равным, но проси как властелина всех твоих земель». Тем не менее, когда Дария зарезал один из его

неверных вассалов, Александр неотступно преследовал убийцу персидского царя по всему Туркестану, словно ангел-мститель, и, схватив его, выдал на суд персам, которые вынесли и привели в исполнение смертный приговор.

Но герой-завоеватель был всего-навсего человеком и грешил поступками, недостойными героя. Плутарх и Арриан, не всегда согласные в описании различных событий, сходятся в том, что зиму 330 г. до н. э. Александр провел в Персеполе, древней столице Персии, занимая там великолепный дворец. Очередная пирушка здесь знаменовала открытие весеннего военного сезона. В разгар веселья кому-то из гуляк (возможно, это была афинянка Тайс – любовница македонского полководца Птолемея) пришло в голову заявить, что в качестве заключительного акта правосудия участникам празднества следовало бы сжечь здание. В конце концов, если персы, за 150 лет до этого вторгшись в Грецию, разрушили афинский Акрополь, теперь, спустя несколько поколений, греки могли отплатить старым недругам той же монетой.

Согласно дошедшей до нас версии, Александр, не обращая внимания на возражения одного из своих советников, сам бросил первый факел и позволил афинской даме швырнуть второй. Затем с чашами в руках вся компания покинула дворец и стала наблюдать, как огонь охватывает стены, украшенные изображением процессий данников и придворных, и величественные колонны. Другие историки вовсе не упоминают об этом пиршестве, но подтверждают, что главная вина за пожар лежит на Александре. Видимо, позднее он сожалел о подобном вандализме – непростительном для человека, стремившегося предстать в глазах персов не чужаком-завоевателем, а их собственным новым царем.

Персы оплакивали свою уничтоженную столицу, а Александр продвигался дальше. После броска на древний город Экбатаны, примерно в 640 км к северо-западу, он направился к берегам Каспийского моря и повернул на восток, вдоль северной границы сегодняшних Ирана и Афганистана, к Гиндукушу (где на перевалах еще лежали остатки зимнего снега) и в северо-восточную персидскую провинцию Согдиана. Затем, завершив покорение Персидской империи, македонский царь повернул на юг и вышел в долину Инда,

где стал готовиться к вторжению в загадочную страну, лежавшую на другом берегу реки, в Индию.

Но когда Александр в 327 г. до н. э. осуществил это намерение, он обнаружил, что эта во всем запредельная земля встречает его самыми невообразимыми преградами: муссонными дождями, изнурительной жарой и храбрыми воинами раджи Лахора, восседавшими на 200 боевых слонах, которые трубили, идя в сражение. Но не эти напасти в конечном счете остановили великого завоевателя. Повернуть назад в Персию Александра вынудили волнения в собственной армии. Историки объясняют это усталостью солдат, находившихся на грани бунта, ранением самого Александра в голову при штурме крепости в среднеазиатском походе и разными другими причинами.

Легенды дают более поэтическую версию о тоске Александра по морю. Завоеватель якобы всегда мечтал об острове, «лежащем на море шумно широком, в гремящем прибое», как говорит Гомер об острове Фаросе. В таком месте мечтал Александр закончить свои дни, а не в знойных равнинах Месопотамии или в еще более жаркой долине Инда... Индийская легенда рассказывает, что Александр, перейдя Инд и решив дойти до сердца Индии – Декана, наткнулся на развалины очень древнего города. Среди развалин уцелел незапамятной древности храм. Несколько жрецов жили в нем среди населенной львами пустыни, охраняя священную реликвию прошлого – черную корону царей исчезнувшего народа, тех времен, когда людьми правили боги или герои, произошедшие от союза смертных женщин с небожителями. Существовало предание, что, если человек божественного происхождения наденет эту корону и выйдет в ней на свет полуденного солнца, его ум обострится волшебным образом, и он, познав сущее и вспомнив прошедшее, приобретет равную богам силу. Но если корону наденет простой смертный, он лишится памяти и станет, как младенец, игрушкой в руках судьбы и людей. Александр слышал это предание и потребовал от жрецов корону. Те сначала отказали ему, но завоеватель пригрозил разобрать храм по камешку и все равно найти укрытое сокровище.

Жрецы предупредили царя, что только дитя богов может безнаказанно надеть черную корону, но Александр рассмеялся. Версия о его божественном происхождении от союза его матери Олимпиады с Дионисом, вначале сочиненная его матерью, ненавидевшей отца

Александра, хромого Филиппа, с годами приобрела силу факта. И Александр, без сомнения, сам в нее верил. Без колебания он вошел в святилище храма, где жрецы окурили его дымом священного дерева и увенчали черной короной. Александр вышел на залитые солнцем ступени и, гордо оглядевшись, стал ожидать нисхождения божественной силы. Вдруг великий завоеватель пошатнулся, его загорелое лицо побелело, и он грохнулся на ступени, покотившись вниз, на песок. Едва соратники подняли своего полководца, тот очнулся, но тут обнаружилось, что он забыл все, о чем думал и чем жил в последнее время. Легенда говорит о том, что царь излечился от тоски по Элладе. Рассвирепевшие воины, обвиняя жрецов в том, что они нарочно погубили полководца, истребили их, а корона попала в личную сокровищницу Александра. Главное же было в том, что Александр забыл, зачем он пришел в Индию, забыл свои планы на будущее и повернул войско назад. Вернувшись в Вавилон, царь заболел лихорадкой и вскоре умер.

Эту легенду привел в романе «Лезвие бритвы» известный фантаст Иван Ефремов, он же ее, вероятно, и придумал.

Если покорением всей Индии Александр похвастаться не смог, то у него оставалось немало других возможностей дать выход своей невероятной энергии. Ни один военачальник до сих пор не покорял столь обширные территории и ни у кого еще не было столь грандиозных планов относительно захваченных стран. Царь основывал города, поощрял торговлю и развивал систему государственного управления, прокладывал дороги и строил порты. Он также весьма прозаическим способом содействовал распространению греческой культуры, поощряя браки между своими военачальниками и знатными персидскими дамами. Согласно оценке некоторых историков, Александр стремился создать космополитическую цивилизацию, где смешались бы Восток и Запад. По мнению же других современных ученых, греки в Азии, как и колонизаторы позднейших эпох, были не столько заинтересованы в духовном и культурном обмене, сколько стремились создать на чужой земле некое подобие отчего дома.

...Зимой 324/323 г. до н. э. Александр совершил свой последний поход – против коссеев (касситов), живших в горах и постоянно беспокоивших своими разбойничьими набегами жителей

Месопотамии. Царь ликвидировал опасность и водворил мир. Завершив эту экспедицию, Александр повел свою армию в Вавилон, ставший его последней резиденцией. По дороге он встретил направлявшихся к нему послов из Африки, Италии и далекой Испании. Имеются указания, хотя их достоверность и ставится под сомнение, что побывало у Александра и посольство от римлян для выяснения вопроса об антиатах, занимавшихся пиратством: Александр обвинял в этом Рим, под властью которого они находились.

В последние месяцы своей жизни Александр разрабатывал планы завоевания всего средиземноморского мира. Он собирался захватить Карфаген, Северную Африку и Испанию, утвердиться в Сицилии, совершить поход вплоть до Геракловых столпов (совр. Гибралтарский пролив). Были у него и другие замыслы: разузнать, с каким морем соединяется Каспийское; захватить Южную Аравию. Для осуществления всех этих планов велись интенсивные подготовительные работы: строились корабли, набирались и обучались команды в Финикии, Сирии и вообще всюду, где только было возможно. В Вавилоне царь приказал соорудить верфи и вырыть огромный бассейн, рассчитанный на 1000 кораблей. Собирал он и войска: 20 тысяч персов были зачислены в македонские части. Особое внимание уделял Александр развитию мореплавания в Индийском океане и укреплению морских связей с Индией. Вероятно, этими планами объясняется предпринятая им попытка набрать в Финикии и Сирии моряков и поселить их на берегу Персидского залива.

...Сохранились сообщения о разного рода знамениях, якобы предвещавших Александру беду. Рассказывали, будто перед вступлением царя в Вавилон его встретили прорицатели-халдеи, уговаривая не входить в город или, по крайней мере, не входить в западном направлении. Александр им не поверил, подозревая, что они желают бесконтрольно распоряжаться храмовой казной. Согласно другой версии, Александр физически не смог выполнить указания халдеев. Когда Александр совершал плавание по Евфрату к реке Паллакопе и через нее попал в озера, он во время плавания потерял царскую диадему, упавшую в тростник. Моряк, снявший диадему с тростника, чтобы было удобнее плыть, надел ее себе на голову. В этом усмотрели предвестие несчастья и моряка наказали (по одной версии – казнили, по другой – бичевали). Еще более страшным показалось, что

однажды на царском троне обнаружили сидящим никому не ведомого человека в царском одеянии и венце; его казнили, но случившееся запомнилось всем.

После очередного застолья (у некоего Медия) Александр простудился и заболел, по некоторым предположениям, воспалением легких. Полагают, что у него была также и тропическая малярия. Он пытался заниматься делами, приносил жертвы, велел Непарху готовиться к походу. Но с каждым днем Александру становилось все хуже, он уже не мог говорить. Солдаты взволновались и пожелали видеть царя; медленно один за другим проходили они мимо постели больного, с трудом пожимавшего им руки и приветствовавшего их взглядом. Несколько приближенных, по стародавнему греческому обычаю, легли спать в храме Сераписа, надеясь, что тот явится к ним во сне и скажет, не следует ли принести царя в храм и там умолять об исцелении. Бог, как говорили, повелел не трогать Александра с места.

13 июня 323 г. до н. э. (28 даисия по македонскому календарю, соответственно 28 таргелиона – по афинскому), в 114 олимпиаду, в год, когда архонтом в Афинах был Гегесий, через несколько недель после своего 33-летия, Александр скончался в Вавилоне. Причина его таинственной смерти остается неизвестной до сих пор. Ариан, Плутарх, Диодор передают рассказы о том, что Александр был якобы отравлен по приказанию Антипатра, бывшего наместником Македонии, и что яд приготовил Аристотель. Однако Арриан, а его произведения можно считать наиболее достоверными, не доверял этому преданию.

Версий у историков хватает: отравление (в том числе и лекарственными составами), грипп, полиомиелит, лихорадка, брюшной тиф... Основные гипотезы основаны на исторических описаниях симптомов его двухнедельной болезни.

Два американских врача, эпидемиолог Джон Мэрр из Департамента здравоохранения штата Вирджиния и эксперт по инфекционным болезням Чарльз Калишер из Колорадского университета в Форт–Коллинз выдвинули новое предположение: причиной смерти Александра явился западно-нильский энцефалит. Эта болезнь, распространенная в Африке, Западной Азии и на Ближнем Востоке, получила широкую известность при ее появлении в США в 1999 г. Вирус энцефалита заражает птиц и животных, а людям

передается посредством укусов кровососущих насекомых. Мэрт и Калишер цитируют Плутарха, одного из самых известных биографов Александра Македонского. Плутарх пишет, в частности, следующее: «Неарх сообщил Александру, что ему встретились халдеи, которые просили передать царю, чтобы он не вступал в Вавилон. Но Александр не обратил на это внимания и продолжал путь. Приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали замертво на землю у его ног. Вскоре после этого Александру донесли, что Аполлотор, командующий войсками в Вавилоне, пытался узнать о судьбе царя по внутренностям жертвенных животных. Прорицатель Пифагор, которого Александр призвал к себе, подтвердил это – и на вопрос царя, каковы же были внутренности, ответил, что печень оказалась с изъяном. «Увы, – воскликнул Александр, – это плохой знак!»

Американские исследователи считают, что вороны (*Cog-уш согах*) особенно восприимчивы к инфекциям – они были ответственны и за распространение этого вируса в США. Мэрт и Калишер проверили свою идею с помощью общедоступной диагностической программы. После введения в компьютер симптомов болезни, поразившей Александра – инфекция дыхательных путей, нарушение работы печени, сыпь, упоминания о связи заболевания с птицами – программа четко ответила: 100 % вероятности западно-нильского энцефалита! А ведь раньше это заболевание никто и не думал рассматривать, как вероятную причину смерти Александра. Свидетельства странного поведения птиц, на которые указывает Плутарх, тоже никого не настораживали. Основной причиной такого «невнимания» врачи считают то обстоятельство, что болезнь лишь сравнительно недавно приняла глобальные формы и стала известна всем.

Западно-нильский вирус, первоначально выделенный в Уганде в 1937 г. у пациента, больного лихорадкой, является одним из многих вирусов, вызывающих энцефалит. До начала 90-х годов XX в. ареал болезни был ограничен Африкой и Азией, но в 1999 г. западно-нильский энцефалит был «импортирован» в США, а в 2003-м здесь говорили уже о многих тысячах случаев заражения американцев. Для людей старше 70 лет болезнь оказывалась почти обязательно смертельной, но вообще-то африканский вирус мог убить любого... В

«лучшем» случае больным грозил, например, периферический паралич. Увы, к несчастью для себя, завоеватель полумира свыше 23 столетий тому назад сам пришел на свидание со страшной болезнью.

Последние слова Александра о том, что он завещает свою власть «лучшему» (возможен также другой перевод: «сильнейшему»), что он предвидит страшную борьбу над своей могилой, вероятно, придуманы. Но они, к несчастью, сбылись. Спустя несколько лет династия Аргеадов, давшая миру двух великих завоевателей, погибла. В 317 г. до н. э. по приказанию Олимпиады были убиты Арридей, сын Филиппа от фессалиянки Филлины, и его жена Евридика. В 316 г. до н. э. Кассандр, сын Антипатра, велел убить саму Олимпиаду, а в 311 г. до н. э. – находившихся под стражей жену Александра Роксану и ее сына Александра IV. Другой сын Александра, Геракл, пал жертвой Полиперхонта.

Смерть царя обескуражила его приближенных и верных подданных, но нашлись и враги, которые не скрывали удовлетворения в связи с ранней кончиной своего повелителя. «Александр умер? – воскликнул один из афинских ораторов. – Это невозможно. Его труп смердел бы на весь мир». Однако огромные толпы – по крайней мере, так это представлялось очевидцам – собрались поглазеть на живописный погребальный экипаж, специально построенный для того, чтобы отвезти на родину покойного монарха. Тело, забальзамированное специалистами, молившими небо о разрешении «притронуться к умершему богу», положили в золотой гроб и накрыли пурпурной тканью, шитой золотыми нитями. Золотом сияло и миниатюрное изображение храма, венчавшего катафалк. Крыша храма была украшена инкрустацией из драгоценных камней, среди ионических колонн виднелись четыре статуи божества победы с боевыми трофеями, а также головы козорогов, увитые акантовыми листьями и оливковыми ветвями. Все было сделано кузнецами и другими искусными ремесленниками из того же дорогого металла, сверкавшего и сиявшего под лучами солнца пустыни.

Большие колокола, закрепленные над передвижным погребальным саркофагом, своим звоном извещали стоявшие в ожидании толпы о приближении экипажа. А для просвещения публики на нескольких панно изображались самые яркие эпизоды биографии героя: Александр, стоящий на царской колеснице, его готовая к бою

конница, шеренги индийских боевых слонов, военный флот. Даже колеса катафалка позолотили и украсили львиными головами с копьями в зубах. Золотом блестели и попоны 64 мулов, запряженных в траурный кортеж, увозивший тело царя из Азии.

По обычаям предков, Александра следовало похоронить в Эгах, древней столице Македонии. Но прославленный полководец Александра Птолемей, оставивший за собой египетскую часть империи македонского царя, направил траурный кортеж в Египет и захоронил тело в Мемфисе, где оно пребывало до конца IV или начала III в. до н. э. Затем один из наследников Птолемея перевез останки в Александрию – город, основанный самим великим царем; там прах перезахоронили. Однако в конце III в. до н. э. его вновь извлекли из земли и поместили в мавзолей.

Здесь тело Александра Великого покоилось около 300 лет – в золотом саркофаге, в склепе, ставшем святилищем. Когда в 89 г. до н. э. очередной Птолемей переплавил золотой саркофаг в связи с катастрофическими финансовыми обстоятельствами, забальзамированное тело, находившееся, как сообщают источники, по-прежнему в отличном состоянии, переложили в более скромный гроб, украшенный цветным стеклом. Усыпальница еще не одно столетие оставалась местом паломничества: преемники Александра, а также новые покорители Египта – Юлий Цезарь, Марк Антоний, первый римский император Август – все побывали у гроба, чтобы засвидетельствовать свое уважение праху македонского властителя. По словам Светония, Август велел вынести гроб Александра из святилища, «в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть и на усыпальницу Птолемеев, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов».

Последним документально подтвержденным посетителем покойного Александра был римский император Каракалла, побывавший здесь в 215 г. Вскоре после этого события город стал ареной яростных бунтов, во время которых, очевидно, усыпальницу Александра могли повредить и разграбить. Несомненно, в позднейшие годы ей выпало пострадать еще больше, так что к IV в. никто уже не мог с уверенностью сказать, где покоится тело Александра. Археологи бесчисленное множество раз ставили перед собой задачу установить

местонахождение праха македонского царя. Одна только Египетская организация по изучению античности более 140 раз предпринимала соответствующие поиски (последняя попытка датируется 1991 г.). Однако ничего похожего на такой склеп пока не найдено. Правда, недавние археологические открытия в районе Александрии Египетской дают надежду, что эта история еще не окончена.

Не менее загадочными представляются и намерения Александра относительно будущего великой империи после его смерти: он не назвал наследника и не оставил никакого достоверного завещания о распределении обширных владений. В конечном счете в результате изнурительных состязаний в погоне за властью империя распалась на три отдельные части, в каждой из которых правили наследники старых товарищей Александра по оружию. Потомки Птолемея царствовали в Египте, основав династию, правившую здесь более 250 лет. Македония и Фессалия отошли другому полководцу, Антигону. Города Южной Греции, формально вновь обретшие независимость, остались под сильным влиянием северных соседей. А на другом берегу Эгейского моря еще один из военачальников Александра, Селевк, сумел сохранить как единое государство большинство покоренных азиатских территорий, хотя индийский монарх Чандрагупта и отвоевал некоторые районы своей страны, ранее захваченные греками.

Созданное Александром громадное государство распалось, но не все творения великого полководца канули в небытие. До сих пор стоит любимое детище Александра, фактический центр его державы, величественный город на египетском побережье Средиземного моря – Александрия.

В 331 г. до н. э. Александр лично исходил здесь огромную полосу земли между морем и озером Марьют. В сопровождении архитектора Динохара царь разметил периметр города, определил места под агору и храмы, наметил планировку улиц таким образом, чтобы их продувал прохладный морской ветер. По сведениям историка Аристандра, основатель новой столицы страстно желал создать здесь крупный городской центр, который стал бы «заботливой матерью для людей всех наций».

Возникнув на стыке европейского, азиатского и африканского миров, Александрия неизбежно должна была обрести черты интернационального города. Различные национальности – коренные

египтяне, эллины, многочисленное и процветающее еврейское население, – возможно, и не смешивались больше, чем это диктовалось потребностями общественной и деловой жизни, но придали городу тот дух космополитизма, который сохраняется уже более 2000 лет. Как уже упоминалось, после смерти македонского царя

Александрией (и всем Египтом) управляли Птолемеи. Подобно всем деспотам они снимали сливки с городской торговли и местного сельского хозяйства в свою пользу. Однако часть доходов Птолемеи направили на реализацию двух честолюбивых интеллектуальных проектов.

Первым из них был Мусейон – учреждение, предназначенное для научных работ самого высокого уровня. Лучшие ученые той эпохи, находясь здесь на полном пансионе, в приятной, уединенной обстановке – среди крытых аркад, затененных ниш и уютных скамей – могли заниматься творческими поисками. Кроме того, под его кровом 72 еврейских специалиста перевели с иврита на греческий язык Септуагинту – Пятикнижие Моисеево. Здесь, безусловно, сохранялось ярко выраженное поклонение Греции; те, кто обращался к культурному наследию эллинистического мира, самобытную египетскую культуру, очевидно, считали чем-то, в лучшем случае, провинциальным и экзотическим.

Второй из созданных научных институтов уже тогда вошел в легенды. Это великая Александрийская библиотека, задуманная как хранилище всех известных на тот период работ греческих авторов по всем отраслям науки и искусства с целью не допустить утраты или забвения мудрости древних. Для собирания такого фонда (в лучшие годы он насчитывал полмиллиона томов) в предприятие вкладывались значительные средства. Способствуя комплектации хранилища, Птолемей III издал закон, по которому каждый корабль, входивший в александрийский порт, должен был предоставить для копирования все имевшиеся на борту рукописи, владельцам же возвращали именно копии, а оригиналы оставались в библиотеке.

В погоне за особо значимыми работами Птолемей и его главный библиотекарь не связывали себя чрезмерно жесткими требованиями морали по отношению к обладателям раритетов. Когда Афины, например, без особого энтузиазма отправили в Александрию хранившиеся в Аттике бесценные канонические списки пьес Эсхила,

Софокла и Еврипида, афиняне настояли на предварительном внесении александрийской стороной внушительной суммы в качестве залога. Но едва царствовавший в то время Птолемей узнал о прибытии драгоценного груза, он решил оставить Афинам деньги, а себе – манускрипты. Тем не менее огромных богатств Птолемеев оказалось недостаточно, чтобы навсегда сохранить фонды библиотеки: при штурме Александрии римлянами в I в. до н. э. это уникальное собрание текстов было уничтожено огнем.

Все это произошло уже спустя много лет после смерти Александра. Но кажется, что все последующие правители пытались дотянуться до него, сравнивали себя с ним, старались оставить после себя что-то сопоставимое с его деяниями. Удавалось это единицам.

Политическая мимикрия этрусков

Из скудных обрывков сведений, легенд и преданий сложилась общепризнанная картина – в конце II тысячелетия до н. э. на территории нынешней Италии между реками По и Арно возникло мощное государство Этрурия. К началу VIII в. до н. э. оно подчинило себе не только Апеннинский полуостров, но и основало колонии на островах Адриатики и Тирренского моря.

Этруски воздвигали величественные города-цитадели. Власть была в руках родовой и военной аристократии и возглавлялась выборным царем – лукумоном. Двенадцать этрусских городов составляли федерацию. Сколько было таких федераций – неизвестно.

О физических характеристиках этрусков известно мало. Судя по цифрам, фигурирующим в текстах надгробных надписей, средняя продолжительность жизни этруска, будь то мужчина или женщина, составляла примерно сорок лет. Средний рост мужчины равнялся 164 см. Ученые предпринимали попытки установить этнические связи этрусков, используя для этого различные методы – от измерения черепов и скелетов до изучения групп крови нынешних обитателей региона, однако ни один из методов не оправдал себя полностью.

Чтобы получить представление об облике этого народа, лучше всего взглянуть на многочисленные портреты из гробниц, демонстрирующие широкое разнообразие физических типов, и не делать поспешных заключений относительно их расового происхождения.

Жители Этрурии были превосходными математиками, астрономами, архитекторами... Жрецы производили хирургические операции с применением обезболивания, протезировали зубы, причем применяли для этого золото. Зеркала, светильники и треножники этрусских ремесленников знал весь античный мир, не говоря уже о ювелирных изделиях – они были просто великолепны.

Могучая армия и флот многие века наводили ужас на соседние земли.

И вдруг все кончилось – ушло могущество, а вместе с ним исчезли и сами этруски.

В V в. до н. э. возвысился Рим и вытеснил этрусков с исторической арены. Но, как это порой бывает в истории, очень многое римское оказалось заимствованным у этрусков – религия, культура, экономика. Римляне переняли некоторые наиболее яркие этрусские традиции, включая инсигнии – символы царской власти, которые впоследствии стали символами римских магистратов. По утверждению Ливия, принимая царский сан от двенадцати ликторов, Ромул следовал этрусским традициям, а курульное кресло и *toga praetexta*, также пришедшие из Этрурии, были среди регалий римских магистратов. После установления республики у ликторов появились фасции – пучки прутьев с воткнутыми в них топориками, которые они несли перед консулами. Дионисий Галикарнасский рассказывает, как Луций Тарквиний Старший одержал победу над этрусками, и те преподнесли ему символы царской власти – «золотую корону, трон из слоновой кости, скипетр с орлом на набалдашнике, пурпурную тунику, украшенную золотом и расшитую пурпурную мантию». Античные авторы могут ошибаться в деталях, но в целом римский церемониал вряд ли сильно изменился со времен Тарквиниев. Археологические раскопки наглядно подтверждают, что этруски в самом деле использовали многие из приписываемых им регалий.

Геродот полагал, что этруски пришли из Малой Азии. Но в таком случае на Апеннинском полуострове не могло быть групп, этнически близких этрускам. Однако такие народы существовали: оски и умбры,

земли которых примыкали к этрусским, а на северо-западе и западе – лигуры и иберы. Была даже выдвинута гипотеза, что этрусский – это тот же умбрский язык. Неужели из Малой Азии пришли вместе с этрусками умбры и оски, лигуры и иберы и ряд других племен? Или этих племен... не было, они вообще не существовали?

Историк Тит Ливий писал о том, что венеты – это троянцы. Они приплыли из горящей Трои и «заняли угол морского залива» (нынешние Венеция и Триест). Кроме того, между Альпами и Адриатическим морем среди венетов жил народ, родственник этрускам, зовущийся евганями (евганеями). «Евганеи» переводится как «благородные». Но ведь такое название более уместно для сословия, нежели народа.

Попробуем более подробно остановиться на ряде определений.

Латинское слово «нация» или греческое «этнос» дословно означает «народ, племя». В «Толковом словаре» В. Даля понятие «народ» объясняется как «люди, народившийся на известном пространстве». В древности любая общность людей, имевших право собственности на конкретную землю, вполне могла называться народом. Не будучи самостоятельной этнической группой (то есть не имея никаких отличительных признаков), такой «народ» скорее всего больше соответствовал современному понятию «род», «клан» или «сословие».

Так что в современном понимании таких народов, как этруски, а равно и оски, умбры, сабины, галлы, латиняне и др., не существовало. Может быть, эти народы были всего лишь сословиями одного этноса? Оски и умбры – жреческое сословие, сабины – военная аристократия, галлы, или геллы, – жреческо-медицинское сословие и, наконец, этруски – царско-жреческое сословие. А вот латиняне, лати-ны – в прямом смысле народ. Это было низшее сословие свободных людей. Они не являлись «благородными», не могли иметь оружия и входить в воинское сословие. В мирное время пахали землю или привлекались к тяжелым работам.

Но как объяснить тот факт, что этруски имели свой язык, а сабины даже целую группу языков?

С незапамятных времен существует большое количество «искусственных» языков, которые лингвисты называют условными. В древности они именовались «арго» – дословно «язык посвященных».

Эти языки необходимы были для языковой изоляции говорящих от остальной части общества. Причем, как правило, меняется в основном лексика (словарь), а синтаксис и морфология остаются неизменными. Естественно, что царско-жреческое сословие этрусков говорило на двух языках – с народом на языке этноса, древней латыни, между собой – на условном, тайном языке, дабы посторонние уши не понимали сословных тайн.

Алфавит этого тайного, «этруского» языка строился на астрологических символах. Как же их расшифровать?

Возможно, ключ, а точнее «болванка» ключа, к прочтению этрусских надписей скрыта в литературе, посвященной тактике этрусской конницы. Для противника эта тактика была ошеломляющей и загадочной. Этруские стратеги при помощи сигналов горна руководили боем с возвышенности. Но если складывалась неожиданная ситуация, информацию о которой невозможно было передать сигналами горна, командир вручал донесение «ангару» – конному вестовому, и тот во весь опор гнал скакуна, в считанные минуты доставляя донесение, представляющее собой деревянный кубик, на каждой грани которого была нанесена буква или цифра в виде точек. По-этруски он назывался тессера (tessera), и читать донесение нужно было, поворачивая грани кубика в определенной последовательности.

Но ведь тессеры использовались и как инструмент для предсказания судьбы. Предсказание выполнялось броском трех тессер. Жрец объявлял результаты прорицания стихом. Каждая строчка была обязана состоять из шести слов (шестимерный стих). Если требовалось прорицание записать, то запись велась в три строки следующим образом: в первой строке буквы писались слева направо; во второй строке – справа налево, буквы имели соответствующий записи вид; в третьей строке – в зеркальном отображении. Порядок записи каждой буквы и каждого слова в каждой строке при написании и прочтении подчинялся последовательности граней тессеры. Способ записи – одна из сложнейших задач при расшифровке магических текстов. Недаром Кумекая Сивилла, показывая на разложенные листки с записями судеб, предупредила Энея, что если их перепутает малейшее дуновение эфира, то уже никто не сможет разложить в нужном порядке.

Вопросы дешифровки этрусских текстов – это тема специального исследования. Нас же пока интересует вопрос – почему исчезли этруски? Еще античные философы исследовали причины, влияющие на жизнь народов, на сохранение их культуры, языка и численности. Обобщая эти рассуждения, можно сделать вывод, что «исчезновения народов» необходимо подразделять на условные и фактические. Условные исчезновения – те, когда народ не уничтожается физически, а в силу определенных причин меняет свое название, как бы исчезая. Признавая фактор владения землей главным в сохранении культуры и языка народа, Страбон пишет: «То же самое случилось с афинянами, которые занимали почву тощую, каменистую, не подвергаясь неприятельским вторжениям, и считали себя автохтонами, как утверждает Фукидид, ибо никто их не вытеснял из населяемой ими страны и не помышлял овладеть ею. Это именно обстоятельство и было, по всей видимости, причиной, почему афиняне, несмотря на малочисленность, сохранили свой язык и свою народность». Фактическое исчезновение народа обуславливается его физическим уничтожением, а причина подобного явления всегда одна – агрессия. Армия государства-захватчика по мере своего продвижения либо уничтожала коренное население (сгоняла с земель), либо обращала в рабство. Уничтожению в большинстве подвергались мужчины, а женщины становились рабынями.

Но как объяснить исчезновение с лица земли некоторых народов без внешней агрессии?

Объяснение, увы, простое. Речь может идти только о внутренней агрессии – социальной революции. Распри между высшими и низшими сословиями, как правило, не заканчиваются мирно. И тогда государство начинает рушиться, а большая часть общества превращается в банду, которая, мстя высшим сословиям, уничтожает их. Этому явлению способствует один важный момент – то, что добывание средств к существованию собственным трудом начинает признаваться делом, достойным раба, более унижительным, чем грабеж. Поэтому предреволюционная ситуация легко угадывается по резкому снижению производительности труда. Так вот этруски могли исчезнуть в результате внутренней агрессии – социальной революции. Когда в 510 г. до н. э. в Риме вспыхнуло восстание, гнев народа обратился против царей, а царями были этруски. Восстание

разрасталось, захватывая все новые города и федерации. Обособленностью каждой федерации можно объяснить и то, что эта революция продолжалась почти два века. Этруски сопротивлялись. И их уничтожали, правда, только мужчин.

Почему не убивали жен этрусков?

Несомненно, этрусские женщины, в отличие от гречанок и римлянок, занимали в обществе определенное положение, нередко для женщин в гробницах отводилось почетное место.

Можно также обратиться к историям об этрусских женщинах, которые вышли из-под пера римских авторов. Римлянам чрезвычайно трудно было представить себе поведение женщин, настолько расходившееся с их собственными представлениями. Танаквиль, этруская высокородная особа, супруга Луция Тарквиния Старшего, была весьма искусна в толковании предзнаменований и предсказала своему мужу блестящее будущее. После смерти супруга она отстранила своего сына от власти с тем, чтобы царем стал ее зять, Сервий Туллий. Истории, рассказанные о молодых Тарквиниях и их женах, поистине удивительны. Жена Тарквиния Великолепного, упрямая и жестокая Туллия, не только направила свою колесницу на Форум, переехав при этом тело своего мертвого отца, но и первая провозгласила Тарквиния Великолепного царем.

Одна из самых показательных историй, демонстрирующих различие обычаев этрусков и латинян – начало трагического предания о Лукреции. Сыновья Тарквиния Великолепного и их друзья из знатных римских семей предавались увеселениям недалеко от города. Однажды вечером разговор зашел о добродетели жен, и тут же решено было отправиться в Рим, чтобы посмотреть, что делает каждая из супругов в отсутствие мужей. Этруских дам застали за роскошным пиршеством, где они весело проводили время со своими друзьями, в это время лишь Лукреция сидела дома со своими служанками и мирно пряла. То, что этрусские женщины пользовались в обществе относительной свободой, хорошо видно из настенных росписей в гробницах. Женщины изображались обедающими со своими супругами (при этом чета возлежала на одном ложе), они нередко присутствовали на играх, иногда занимая почетные места. Подобные вольности шокировали греков, которые не уставали рассказывать самые непристойные анекдоты об этрусской распущенности.

Античный автор Феопомп, славившийся своим злоязычием, рассказывал о прекрасных этрусских женщинах, которые выполняли упражнения обнаженными, обедали с мужчинами, которые не являлись их мужьями, были невоздержанны в употреблении крепких напитков и столь неразборчивы в связях, что производили на свет детей, не зная при этом, кто является их отцом. Этрусские же мужчины не стыдились совершать половые акты публично, более того, предпочитали гомосексуальные отношения.

Плавт также писал, что этрусские женщины не стыдятся зарабатывать себе приданое проституцией. Однако дошедшие до нас этрусские памятники свидетельствуют о том, что обвинения Феопомпа – это не более чем пересказ сплетен. Надгробные надписи полны гордости за семью, а изваяния любящих пар на саркофагах олицетворяют чистый идеал супружеской любви. Геродот пишет о жителях Ликийи: «Называют они себя не по отцам, но по матерям; если кто спросит у другого, кто он, то сей ответит, что он сын такой-то матери, и припомнит имена матери ее и праматери. И если женщина-гражданка выйдет за раба, дети признаются благородными. Если же мужчина-гражданин имеет жену иноземку или наложницу, то дети почитаются не гражданами».

Так что в древности благородство мужчине могла дать только благородная жена. Поэтому этрусские женщины пользовались большим спросом. По словам Ливия, «последними из жителей Италии под защиту Рима попали вольсинцы, самые богатые из этрусков... Они предоставляли рабам скопом свободу, сочетались с ними браком. Вольноотпущенники воспылали мечтой о владычестве и прокляли своих бывших господ... захватили город и присвоили имущество и жен своих господ, а самих их лишили крова и изгнали... Изгнанные пришли в Рим и с плачем высказали свои жалобы. Римляне отомстили за них и своей властью захватили город».

Возможно, историки напрасно доверяют «римской мифологии» по поводу переселения сабинов в город Рим. Этрусски и сабины были не только жителями Рима, но и его основателями. Дело в том, что Рим, как и все города древности, был строго районирован по «народам», то есть сословиям. Да и сам принцип районирования Рима не является исключением из древнего правила – это его знаменитые семь холмов. На каждом холме (то есть довольно обширном районе) проживало

определенное сословие. Вдохновленные примером «римского народа благородного», низшие сословия во многих городах начали восставать, причем за помощью они обращались к «благородным» римским легионерам, и те ее оказывали. Этрусский язык был запрещен, и говоривших на нем в общественных местах жестоко преследовали. Что оставалось делать этрускам и сабинам? Только одно: начать гражданскую войну. И она началась. Но силы были неравные. Многие простолюдины переходили из войска этрусков на сторону римлян. Уже к этому моменту слово «римлянин» необходимо рассматривать как синоним политической принадлежности, как, например, республиканец.

Вероятно, именно этруски обратились за помощью к галлам в начале IV в. до н. э. и разрешили им селиться на некоторых землях Этрурии, чтобы иметь под рукой галльскую армию. То есть галлы не грабили Этрурию, а просто прошли через ее территорию для войны с римлянами. Галлы разбили римских легионеров наголову. Те им выплатили контрибуцию, и галлы успокоились, а спустя десятилетия даже нашли общий язык с римлянами. Все повторилось сначала – римляне начали теснить этрусков и сабин, жестоко их преследуя. Тит Ливий пишет: «С одними тарквинийцами поступлено строго. Урон их в битве был весьма велик, но число пленных, нам доставшихся, еще больше. Из них выбрано триста пятьдесят восемь человек из лучших семей: они отосланы в Рим; прочие пленные умерщвлены без всякого сострадания.

Народ римский не менее строго поступил и с теми пленными, которые были присланы в Рим. Они были предварительно наказаны розгами, и потом им отрубили головы».

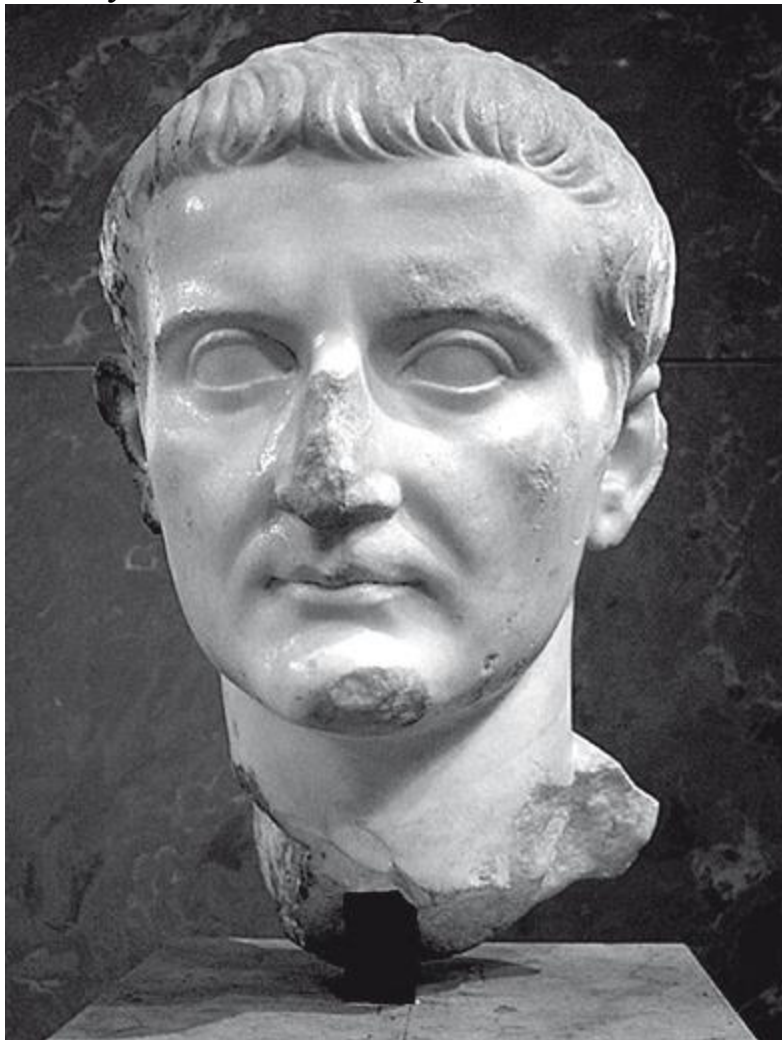
И тогда началась повальная политическая мимикрия: этруски стали превращаться в римлян. Историки удивляются, что известные нам исторические деятели, этруски по происхождению, не оглядывались назад и не причисляли себя к народу, который уже сыграл свою роль на исторической арене. Это бесспорный признак неотвратимой гибели. Как писал Диодор, живший в I в. до н. э.: «Этруски утратили доблестную стойкость, столь высоко ценимую ранее, а вследствие своего пристрастия к пиршествам и изнеженным удовольствиям они лишились славы, которую их предки завоевали на поле брани». Это неудивительно. Объявить себя этрусском в

рассматриваемый период было равносильно тому, если бы кто-то вышел в 1918-м, и тем более в 1937 г. на улицу и крикнул: «Я потомственный дворянин и граф!» Результат был бы однозначен. Поэтому даже доверенное лицо цезаря Августа, Гай Цильний Меценат, этруск по происхождению, имевший предков царского рода, не выставял напоказ свое происхождение и «поддерживал деньгами одаренных римских поэтов и художников». Пойди теперь разберись, кого поддерживал Меценат, если этруски помалкивали, что они этруски, и выдавали себя за римлян, то есть не аристократов, а демократов. Исключением среди оримлянившихся этрусков был друг Цицерона Авл Цецина. Правомерен ли такой вывод только на основании того, что Цецина изучал «дисциплину этруска» – науку толкования молний, а в остальном его поведение могло и не отличаться от «истинных римлян», судить трудно.

Кто знает, может, через тысячу лет археологи будут гадать, что за народы такие были – дворяне, демократы, депутаты...

Одиночество на троне

Порой наветы живут веками. Пример тому – легенды о Тибериусе, пасынке и преемнике Августа. Каждый год тысячи туристов приезжают на Капри, остров у входа в Неаполитанский залив, посмотреть на остатки дворца императора Тибериуса и послушать экскурсоводов. И что же они слышат? Что он сбрасывал со скал состарившихся рабов, что развлекался с мальчиками и девочками, которых потом душил, что нередко бродил с каким-нибудь ученым мужем и, если ему не нравились слова собеседника, по приказу императора беднягу сталкивали в море.

Рассказы о пороках Тиберия восходят к римским историкам Светонию и Тациту, писавшим спустя несколько десятилетий после смерти императора. Вот что сообщал, например, Гай Светоний Транквилл, любитель анекдотов и пикантных историй, автор «Жизни двенадцати цезарей»: «Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день: даже в Новый год был казнен человек. Со многими вместе обвинялись и осуждались их дети и дети их детей. Родственникам казненных запрещено было их оплакивать. Обвинителям, а часто и свидетелям назначались любые награды. Никакому доносу не отказывали в доверии». А Тацит, благороднейший Тацит, известный своими трезвыми, критичными оценками, лаконично говорит о Тиберии, но что? «Он был отвратителен своей жестокостью, и под конец он с одинаковой безудержностью предался преступлениям и гнусным порокам, забыв о стыде и страхе и повинувшись только своим влечениям». Однако эти обличительные тирады вызывают большие сомнения. И вот почему.

Тщательные разыскания показали, что в эпоху Тиберия, а правил он двадцать три года, римский сенат выносил в среднем по два смертных приговора в год. Так ли уж это много? Полвека назад шведский писатель Аксель Мунте вступился за «оклеветанного императора», напоминая, что никто из современников Тиберия, даже его враги, не сообщал ничего об оргиях и его пороках. Даже падкий на сплетни Ювенал говорит о «спокойной старости» императора, проведенной на острове в окружении друзей и звездочетов. Он удалился на Капри, когда ему было 68 лет. Поселившись на острове, император жил в полном уединении – старик, властитель, уставший править неблагодарными подданными, разочарованный идеалист, надломленный человек с сердцем, преисполненным горечи. У оклеветанного императора нашлись и другие адвокаты.

Действительно, реальный Тиберий (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) был совсем не похож на персонажа Светония и Тацита. Строго говоря, его нельзя было назвать императором, писал немецкий историк Эрнст Корнеман. Согласно закону, дарованному Римскому государству Августом, его преемник, Тиберий, был лишь принцепсом – «первым среди равных». Сенат не раз предлагал Тиберию именоваться «августом», но тот неизменно отказывался. В отличие от Цезаря и Августа, Тиберий испытывал отвращение к неумеренным похвалам и

почестям – особенно, когда речь заходила о нем самом. Он был слишком умен и образован, чтобы дать ослепить себя лести. Тиберий – человек трезвый, рассудительный, справедливый и замкнутый. Его нелюбимость часто принимали за надменность. Он был робок и мечтателен, скептичен и желчен; он не спешил отвечать на нападки противников. Те же считали его коварным интриганом, затаившимся злодеем. Любой его поступок, каждое слово и жест толковали превратно. Даже его приемный отец, Август, недолюбливал юношу, принимая его рассудительность за строптивость, возможно потому, что чувствовал себя порой выскочкой рядом с пасынком, отпрыском древнего патрицианского рода Клавдиев.

Всю жизнь Августа заботило, кого назвать своим наследником. Он примерял, по силам ли тяжкое бремя власти то одному, то другому из родичей. И только Тиберия долго не принимал в расчет. Единственным ребенком Августа была дочь Юлия, поэтому он попытался устроить ее брак, решив, что наследником станет зять. Лишь когда один за другим умерли два зятя, Август вспомнил о Тиберии. К тому времени тот был женат, и его супруга ждала второго ребенка. Нисколько не колеблясь, император велел им развестись, а Тиберию – жениться на овдовевшей Юлии. Так тридцатилетнему Тиберию пришлось расстаться с женой, хотя с ней он был счастлив.

Этот поступок Августа роковым образом повлиял на личность Тиберия, его характер и поведение. На дом Тиберия словно спустилась тьма; отныне ничто не радовало его здесь; ничто не согревало. Всеми силами он стремился покинуть дом и вскоре отправился покорять Германию. В стране варваров он добился заметных успехов; все больше уважал его и Август. В 6 г. до н. э. император возвысил его, назначив своим соправителем. Тиберий стал вторым лицом в государстве, хотя и не был пока наследником. Тем неожиданнее был его поступок – он решил сложить с себя полномочия и удалиться из Рима, уехать на остров Родос. Август не сразу ответил согласием, и тогда Тиберий отказался от пищи. Он добился своего, но его отъезд был равносильен изгнанию.

Что побудило его оставить Рим? На его плечи легли все тяготы, а внимание и любовь окружающих доставались внукам императора, считавшимся законными наследниками. Сенаторы раболепствовали перед ними. И все-таки причина, очевидно, была не только в этом. Не

мог смириться он и с поведением своей новой жены: по словам Сенеки и Плиния, она вела себя как уличная девка. Ни ее отец, ни мать не догадывались об этом: никто не отважился сказать им правду. Молчал и Тиберий; он отбыл в добровольную ссылку. Этот благородный и глубоко чувствующий человек, стоило ему в чем-то разочароваться, стремился к уединению. Вот и на Родосе он вел жизнь частного лица, занимался историей, астрономией и астрологией. Там же познакомился с греческим философом и астрологом Фрасиллом и сделал его своим советником.

Когда через пару лет Август узнал о поведении Юлии, его возмущение было так велико, что он велел судить свою дочь и ее молодых друзей и почти всех отправил в изгнание. Во 2 г. до н. э. Юлия была выслана на остров Пандатерия, в Рим она больше не вернулась. Ее брак с Тиберием Август расторг. Впрочем, бывший муж в письмах, отправленных императору, просил его обойтись с ней милостиво. Лишь после семи лет пребывания на Родосе Тиберий вернулся в Рим, но государственных дел он чурался, как и прежде. Оба наследника, Гай и Луций, выросли; им и следовало править страной. Однако в судьбу Тиберия снова вмешался странный рок – внуки императора скончались. Теперь поневоле вспомнили о Тиберии, которому было уже под пятьдесят. Император усыновил его и вновь сделал своим соправителем. Все ожидали, что Август назначит его наследником. Однако и теперь император не скрывал, что Тиберий ему лишь временный помощник, лишь пешка в той политической партии, что он разыгрывал.

В последующие годы Тиберий, «вечный пожарный империи» и искусный дипломат, непрерывно сражался то в Германии, то в Иллирии, подавляя восстания и отбивая вылазки варваров. Ему удалось отстоять границу, пролежавшую по Рейну и Дунаю, и укрепить ее. Постепенно он отвоевывал земли на другом берегу Рейна. Рядом с ним набирался опыта юный Германик, его племянник, усыновленный Тиберием по приказу Августа. Благодарный Август писал своему верному помощнику: «Я могу только похвалить твои действия в летнем походе, милый Тиберий: я отлично понимаю, что среди стольких трудностей и при такой беспечности солдат невозможно действовать разумнее, чем ты действовал. Все, кто был с тобой, подтверждают, что о тебе можно сказать словами стиха Энния: “Тот,

кто нам один неусыпностью выправил дело”». В конце 12 г. Тиберий отпраздновал в Риме свой триумф и с этого времени стал фактически управлять страной. Август был болен, перестал появляться в сенате, а 19 августа 14 г. умер на 77 году жизни.

Казалось, власть, наконец, пришедшая к Тиберию, должна была обрадовать его. Но нет, ничего подобного. Он медлил принять ее. Говорил, что слишком стар и ему не по силам править, и потом – куда ему до Августа, тот был прирожденным правителем. Искренне сознавая свое несовершенство, Тиберий все больше мрачнел и замыкался. Четыре недели длилось междуцарствие. По преданию, он принял верховную власть, лишь, когда сенаторы опустили перед ним на колени и обещали, что когда-нибудь позволят ему сложить власть и «дать отдых его старости».

Тяжкое наследство принял Тиберий. После полувекового правления Августа в стране нарастало недовольство. Особенно возмущались войска, расквартированные на границе: уже много лет им не повышали жалованье; а обещанную землю не давали. Легионы, находившиеся на Рейне и Дунае, подняли мятеж, провозгласив Германика принцепсом, но он успокоил солдат, и они подчинились Тиберию. Принцепс тепло относился к племяннику, правившему с 14 г. всей Германией. В конце концов, он отозвал его и назначил правителем всех заморских провинций, располагавшим, по словам Тацита, большею властью, нежели та, какую обычно наделялись избранные по жребию или назначенные по повелению принцепса.

Это была важная и почетная обязанность, но недоверчивый Тиберий помнил о мятеже, омрачившем начало его правления; и восемь легионов под командованием Германика – огромная армия, размещенная невдалеке от Италии! – страшили его. Когда Германику исполнилось 34 года, он отбыл на Восток, где скоропостижно умер в Антиохии.

В его смерти молва тут же обвинила Тиберия. Вдова покойного, Агриппина, открыто говорила, что именно по приказу императора ее мужа отравил наместник Сирии Гай Кальпурний Пизон. Ее наветы легли несмываемым пятном на репутацию императора. В Риме начался судебный процесс. Пизон уверял судей в своей невиновности, но, не дождавшись приговора, покончил с собой. Речи вдовы Германика становились все оскорбительнее. Эта честолюбивая женщина давно

вызывала неприязнь у Тиберия. Сколько лет он подозревал, что злая строптивница уговорит Германика захватить власть в стране! Но сам он ничего не предпринял против Агриппины. Судебное преследование возбудил Сеян, командир императорской гвардии, очень могущественный в то время человек. Тиберий же окончательно замкнулся в себе. Усталый и оскорбленный, он, похоже, совсем разочаровался в людях, и вел себя все неестественнее. И становился все непопулярнее. Любые разумные меры, принимаемые им, лишь наживали ему врагов. Так, законы против распущенности и роскоши были встречены ропотом среди знатных римлян, а его нелюбовь к цирковым скачкам и представлениям возмущала чернь. В конце концов, жизнь в столице стала для Тиберия невыносимой, и в 26 г. он совсем покидает Рим, переселившись сперва в Кампанию, а потом на Капри. Впоследствии историки докажут, что он не был виновен в смерти Германика, но злая молва навредила ему. Бежав из столицы, он словно косвенно подтвердил обвинение. Покая принцепсу не было и на Капри. При этом все труднее было следить за происходящим в столице. И потому все большими полномочиями он наделял префекта претория Сеяна. Этому честолюбцу он доверял как брату. И это стало его роковой ошибкой.

С самого начала Сеян планомерно расширял свою власть, даже когда Тиберий еще находился в Риме. Все когорты гвардии он перевел в столицу, готовясь совершить переворот, город оказался в его руках. Тиберий не сознавал опасности, грозившей ему, зато его сын, Друз Младший, разгадал замысел Сеяна. Однажды, не в силах больше сдерживаться, он ударил Сеяна. Тот жестоко отомстил. Сперва он обольстил жену Друза, Ливиллу, а потом уговорил ее отравить мужа. Случилось это в 23 г. Долгое время убийство Друза оставалось нераскрытым. Тиберий по-прежнему доверял Сеяну и, покидая Рим, оставлял его управлять империей. Сеян же становился все нетерпеливее. Он давно мечтал занять место принцепса. Оставалось лишь расправиться со стариком, зажившимся вдали от Рима.

...Видимо, Сеян выдал себя каким-то поступком. Давняя недоверчивость пробудилась в Тиберии. В октябре 31 г. он распорядился схватить Сеяна прямо на заседании сената и судить. Сенат приговорил несостоявшегося диктатора к смерти. Казненная вместе с ним Ливилла призналась перед кончиной, что Сеян

намеревался погубить всех родственников Тиберия – под корень извести древо, насажденное Августом. Ответ принцепса был соразмерен преступным планам: жена и дети Сеяна были задушены.

Со смертью единственного человека, которому он доверял, своего – как ему казалось – единственного друга, что-то умерло и в самом Тиберии. Его силы таяли на глазах. По девять месяцев в году он не покидал своей виллы на Капри, виллы Ио. Почти никого из гостей не принимал. Он словно стремился стать призраком во плоти – не человеком, а тенью закона, нависшего над Римом. Безликий принцепс, избравший недеяние делом всей своей жизни, царил над многоликим миром и Римом. Он и вовсе утратил власть, подобающую принцепсу. В Риме открыто правили сенаторы. Стараясь угодить «старикую-островитянину», они преследовали приверженцев Сеяна.

Одним из ставленников Сеяна был Понтий Пилат, римский прокуратор Иудеи, «спешивший умыть свои руки». Из-за него события, происходившие в Риме, возможно, тесно переплелись с величайшим событием в истории христианского мира – с распятием Иисуса Христа. Когда Сеян пал и обстановка в империи изменилась, Понтий Пилат почувствовал тревогу за свое будущее и потому уступил нажиму противников Христа, требовавших осудить его на смерть, уступил, заслышав упреки: «Если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Иоан., 19: 12). Шантаж подействовал: «Тогда, наконец, он предал Его им на распятие» (Иоан., 19: 16). Впрочем, эта гипотеза верна лишь при условии, что Иисус был распят в 33 году новой эры, а не в 31-м или даже 30 году, как полагает большинство исследователей.

Тиберий мог бы пресечь политику террора. После смерти Сеяна он и впрямь хотел вернуться в столицу, но, так и не доехав, внезапно велел повернуть назад и поспешил на любимый скалистый остров – на «италийский Родос». Наконец, он все же решил прибыть в Рим. Во время этой поездки его и настигла смерть: 16 марта 37 года в возрасте 78 лет Тиберий умер в одном из поместий близ Мизена, на берегу Неаполитанского залива.

Светоний, Сенека и другие историографы полагали, что Тиберий умер естественной смертью, в одиночестве. Хотя существовали и существуют гипотезы о смерти насильственной. Когда его тело доставили в Рим и выставили для торжественного прощания, толпа

закричала: «Тиберия в Тибр!» В последние годы народ и впрямь возненавидел Тиберия. Бессчетные доносы, преследования, процессы об оскорблении величия, проводимые сенатом и новым префектом претория после падения Сеяна, – все это творилось «именем Тиберия». В те страшные дни многие вспоминали слова Августа: «Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти!» Каждый мог считать себя следующей жертвой.

Но Тиберий вошел в историю как тиран и развратник не только по этой причине. Нельзя объяснить неприязнь к нему и злобными воспоминаниями, оставленными Юлией Агриппиной, дочерью Германика. Известно, правда, что Тацит черпал сведения оттуда, но вряд ли эти записки заставили историка очернить Тиберия. Не они повлияли на Тацита – они просто пришлись весьма кстати.

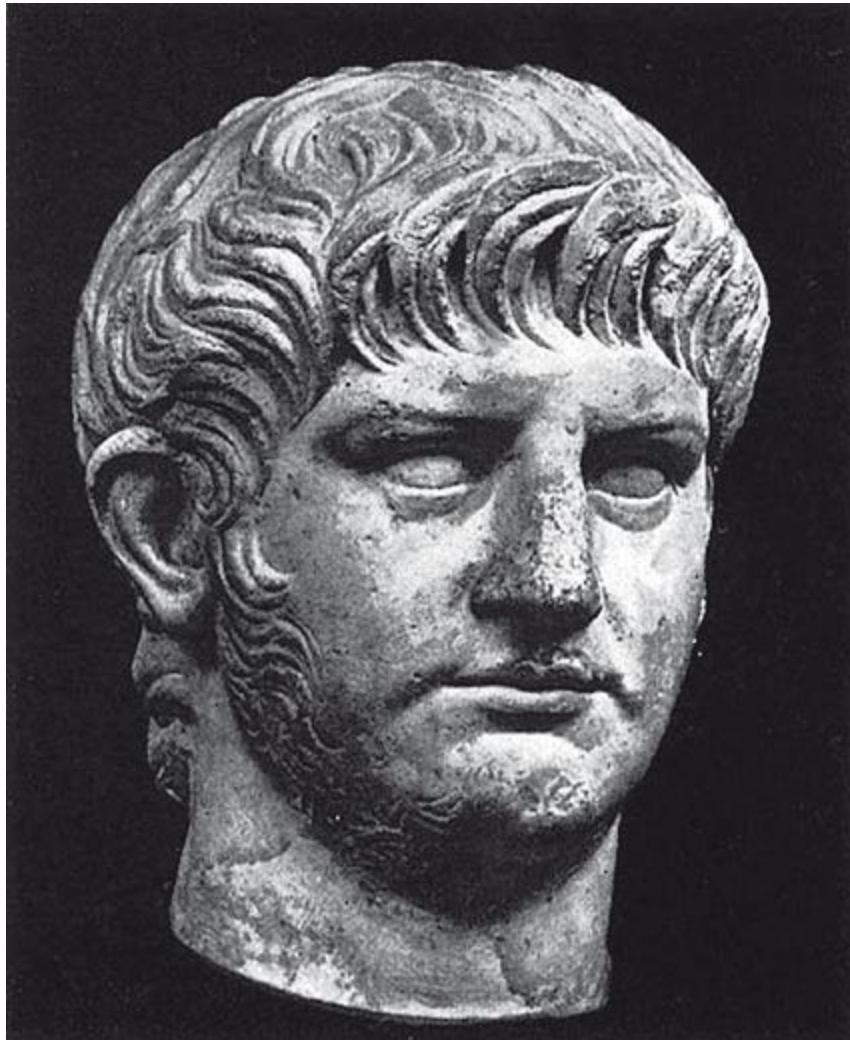
Корнелий Тацит родился около 55 года н. э. Когда он начал писать свои «Анналы», с династией Юлиев-Клавдиев было покончено. Калигула, наследник Тиберия, чувствующий себя новым Цезарем, Александром и богом одновременно, был убит преторианцами. Его преемники, Клавдий и Нерон, также погибли. Мрачные времена описывал Тацит. Предваряя «Анналы», он обещал рассказать о них «без гнева и пристрастия». На самом деле он писал и с гневом, и с пристрастием. Будучи моралистом, он начертал летопись века – страшную летопись. Мрачная фигура открывала ее: Тиберий, превращенный историком в лицемера, тирана и распутника. Все изложенное Тацитом – это не история, а скорее памфлет, призванный насторожить людей, встряхнуть их; его рассказ убеждал, что под властью принцепса их отцы потеряли свободу. Такой подход имеет мало общего с объективной исторической наукой. Лишь кропотливая работа исследователей позволила понять, насколько тенденциозен был Тацит. Эрнст Корнеман даже полемически заявил, что среди напраслины, возведенной Тацитом, промелькнуло лишь одно точное суждение: Тиберий был назван им «грустнейшим (Бзйзкпш) человеком».

Впрочем, в клевете на Тиберия виноват был не один лишь Тацит. Сказалось веяние времени – всю культуру той эпохи пронизывал пессимизм. В поэзию подобные настроения начали проникать за столетие до этого. Поэты, жившие в век Августа, в эпоху мира, спокойствия и благополучия, не обольщались – одно лишь

безвременье видели они: эпоху, утратившую идеалы, лишенную свободы. Поэтому они не спешили прославлять миротворца Августа. В далеком прошлом люди были гораздо счастливее – то блаженное время поэты называли «золотым веком». Когда Тацит писал свои труды, подобная философия еще сильнее укоренилась в умах людей, они верили, что живут в худшие времена. С неукротимой страстью он бичевал упадок римских нравов – упадок, зримым символом которого и был, по его мнению, Тиберий. Прошло почти две тысячи лет, прежде чем он был оправдан историками, и его жизнь предстала трагедией одинокого и несчастного человека.

Факелы Нерона

Римские историки Тацит, Светоний и Дион Кассий подробно описывают годы правления Нерона. Они рисуют образ чудовища на троне, человека-зверя, жаждавшего людской крови. Однако некоторые современные исследователи сомневаются в правдивости их рассказов. Кто же прав?

Император Клавдий правил Римом более десяти лет. Семейным же он царствовал совсем недолго. Узнав, что его жена, Мессалина, «в заключение всех своих беспутств и непристойностей» (Светоний) вступила в законный брак с сенатором Гаем Силием, он велел казнить

изменницу и поклялся, что никогда больше не вступит в брак, а если нарушит обет, пусть верные преторианцы заколют его.

Отныне он сторонился женщин, правда, привечал свою племянницу, Агриппину. Она часто навещала шестидесятилетнего дядюшку, весело щебетала, не уставала его нахваливать, а год спустя, в 49 году н. э., они стали супругами. По настоянию Клавдия, сенат обязал его жениться на Агриппине «для высшего блага государства» (Светоний), хотя прежде такие браки считались кровосмесительными.

Дядя многое делал, чтобы побаловать племянницу, и главное – усыновил ее сына, Луция Домиция Агенобарба (Агенобарб – Рыжебородый), чтобы тот стал опорой законному наследнику – Британнику. С февраля 50 года Луций Домиций носил громкое имя Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик. Своего брата Британника он теперь обзывал «незаконнорожденным».

В учителя сыну Агриппина выбрала одного из мудрейших римлян – философа Сенеку. Тот должен был вырастить из Нерона идеального правителя. Нерон быстро усвоил мысль, что он избранник, достойный Рима. С тринадцати лет, на год раньше положенного срока, он участвовал в заседаниях сената и носил мужскую тогу. Его говорливости можно было позавидовать: он срывал аплодисменты, произнося перед сенаторами речи, составленные его даровитым спичрайтером – Сенекой. В дни народных празднеств Нерон демонстративно появлялся на улице в одежде триумфатора, тогда как Британник потерянно стоял рядом в детской одежде. Совесть учителя Британника пробовали за него заступиться, но больше их никто уже не видел вблизи ребенка.

В октябре 54 года подданные в последний раз увидели и императора Клавдия. После одной из трапез он рухнул на пол, мучимый нестерпимой болью, и скончался. После смерти императора к преторианцам, охранявшим дворец, вышел Нерон. Он робко осматривал солдат; те косились в сторону своего начальника – Афрания Бурра. Последовал знак командира – солдаты взорвались ликованием. Кто-то принес носилки, и под аплодисменты нового императора отнесли в лагерь. Нового императора звали Нерон Клавдий Цезарь Август Германик.

Согласие сената стало чистой формальностью. Патриции довольствовались обещанием Нерона не допускать произвола, чем

грешили его предшественники-тираны, и уважать полномочия сенаторов. Некоторые заговорили даже о возвращении «золотого века» – так обнадежил их юный златоуст. Казалось, Рим будет жить, как в лучшую пору правления Августа.

Клавдий был торжественно погребен и обожествлен. Однако его завещание Агриппина не стала обнародовать, а его законный наследник, Британник, уже не мог и мечтать о потерянной власти. Тем временем на улицах и площадях Рима поговаривали, что мужа отравой накормила жена. Гордая Агриппина не прислушивалась к сплетням. Все ее внимание занимало воспитание сына. По ее просьбе Сенека и Бурр наставляли Нерона в политических и военных вопросах. А пока сын был молод, всем в Риме распоряжалась Агриппина. Она все время была на виду. Когда по городу несли на носилках юного императора, рядом возлежала мать. Ее портрет чеканили на монетах – такая честь подобает лишь императорам.

Но юный правитель не огорчился тем, что выглядит «маменькиным сынком» и не тянулся к власти. Он правил, развлекаясь: то раздавал подарки народу; то назначал пособия обедневшим; то реформировал суды; то принимал меры против подделки завещаний; то устраивал пышные зрелища; то заботился, чтобы цены на продовольствие не росли. Дворец императора был словно рог изобилия для бедноты: «в народ каждый день бросали всяческие подарки – разных птиц по тысяче в день, снедь любого рода, тессеры (римские «чеки» – шарики, на которых указывалось, что должен получить предъявитель) на зерно, платье, золото, серебро, драгоценные камни, жемчужины, картины, рабов, скотину, даже на ручных зверей, а потом и на корабли, и на дома, и на поместья» (Светоний). Все восхваляли правителя, щедрого и доброго.

Лишь мать ругала его, она не хотела утратить над ним контроль. Узнав, что сын влюбился в греческую вольноотпущенницу, она вышла из себя, осыпая Нерона ядовитыми упреками. И вдруг Нерон узнал, что разгневанная его непокорством Агриппина, назвала Британника «законным наследником отца». Возмущению императора не было границ. У него, Нерона, как у расшалившегося мальчишки, отбирали любимую игрушку – власть! Он действовал без промедления. У известной изобретательницы отрав Локусты, погубившей, говорят, и его отчима, он добыл бесцветную настойку – яд – и подлил отраву в

кушанье брата прямо во время публичной трапезы. С первого глотка тот упал замертво. Часть гостей в панике разбежались. Впрочем, в последующие недели немало римлян будут хвалить Нерона за его решительность. Лучше убить одного честолюбца, чем разорить страну и город в новой гражданской войне.

Словно зверь вырвался из клетки, которую держала на замке Агриппина. Теперь дворцы распахнулись, и ей не стало покоя, как и спасения. Все, что она завоевала вкрадчивостью и коварством, отдавала без обороны – лишь убегала прочь от сына, вкусившего крови, от сына, которого тиранила, любила и презирала. Он пытался ее отравить, но мать принимала противоядия. Он пытался ее утопить, но мать сумела спастись. И все-таки однажды на виллу, где укрывалась под защитой перепуганных рабов Агриппина, пришли присланные ее сыном убийцы. Говорят, что когда центурион вытаскивал из ножен меч, она подставила ему живот, воскликнув: «Поражай чрево!» Труп сожгли до рассвета.

День убийства матери был объявлен праздником – ведь удалось отвлечь заговор, устроенный коварной женщиной. В этот день будут проходить публичные игры в честь счастливого спасения Нерона. Сенаторы не возражали. Народ же совсем не безмолвствовал. Когда Нерон, испуганный, как нашкодивший школьник, въехал в Рим, народ встретил его ликованием. Это был триумф. Наконец он свободен. Теперь Нерон мог делать все, что ему угодно. Все больше времени он проводил на стадионе, наблюдая гонки колесниц. Он даже сам пробовал участвовать в состязаниях и правил квадригой.

Но не только гонки квадриг увлекали его, он вообще был щедро и разнообразно одарен. Выходя на сцену, он блистательно вживался в роль, хорошо рисовал и ваял, сочинял неплохие стихи. Светоний признавался, что «держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой». Особенно же увлекало Нерона пение, недаром его голос многим казался прекрасным. Император брал уроки у лучшего в то время учителя музыки – Терпна. По его совету часами лежал на спине, держа на груди свинцовые пластины, чтобы укрепить мышцы груди. Ежемесячно постился, поскольку это полезно для голоса; в такие дни он не ел ничего, кроме хлеба. Его прилежанию могли бы позавидовать многие артисты.

Он учредил игры, получившие название Ювеналий, и сам выходил на сцену, чтобы играть на кифаре. Организовал цирковые и театральные представления, бои гладиаторов. Устроил пятилетние состязания по греческому образцу – Неронии, в которых соревновались атлеты, возничие, музыканты, риторы, поэты и певцы. Впоследствии Нерон, готовый петь перед публикой часами, сам получил здесь два первых приза.

Кажется, теперь ничто не омрачало ни его жизнь, ни жизнь Рима. Настало новое время, близилось царство свободы и искусства. Рай на земле. Победный венок, которым его наградили как лучшего музыканта, Нерон демонстративно положили к ногам статуи Августа.

Люди всей империи считали, что Нерон родился под счастливой звездой, так спокойны были они первые восемь лет его правления. Впоследствии такой выдающийся римский правитель, как Траян, назовет эти годы «счастливейшим временем Римской империи». В городах Италии и провинциях жизнь процветала как никогда. Рим не вел войн, не знал мятежей, а его юный император правил уверенно и разумно, не притесняя подданных. Его называли «арбитром гармонии и изящества». И мало кто знал, что страной фактически правил всемогущий советник Нерона – Сенека.

Это не смущало императора. Зато его взволновало одно странное знамение. «Среди этих событий возблистала комета, по распространенному в толпе представлению предвещающая смену властителя», – пишет Тацит. Теперь император был начеку. Еще никто не думал о заговорах, а доносчики уже докладывали Нерону, что многие в Риме хотят видеть у власти нового принцепса. Перед каждой трапезой он принимал особое снадобье, «митридатий» – противоядие, состоявшее из 54 ингредиентов. Все чаще взгляд его задерживался на двух фигурах – Сенеке и Бурре. Они напоминали ему худшие дни его жизни – дни войны с матерью. Ее смерть по его вине. Ему неприятны были эти люди. Он велел Сенеке – воспитателю, учителю, другу – удалиться из города.

В 62 году умер Бурр. Говорили, что император сам отравил его. Новым начальником преторианцев становится Тигеллин. О таком старшем друге можно было только мечтать. Стоило лишь Нерону намекнуть о своих опасениях (и неважно, кто давал для этого повод), как Тигеллин расправлялся с неугодными – нет человека, нет

проблемы. У Нерона захватывало дух от радости. Рядом с ним не просто друг, но волшебник. Как легко, оказалось, бороться с любой бедой – «голову долой!».

Жена и сводная сестра, Октавия, давно стала Нерону в тягость. Он несколько раз пытался задушить ее, наконец, сослал, объявив бесплодной. Теперь же приказал расправиться с ней центурионам: «Голову долой!» Голову Октавии отрезали и отвезли в Рим, чтобы показать новой жене – Сабине Поппее. По словам Светония, Нерон безмерно любил Поппею, но в 65 году он убил и ее, «ударив ногой, больную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упреками».

Все больше людей упрекало его – и все больше он убивал. Сжег Рим. Устроил массовые казни христиан.

Принудил к самоубийству Сенеку, попутно завладев состоянием этого богатейшего из римлян. Расправился со многими сенаторами, казня их и конфискуя имущество. Крайне нуждаясь в деньгах для новых зрелищ, стал забирать сокровища даже из храмов.

Наконец вся империя восстала. Никто не хотел защищать его. В те «окаянные дни» даже верные преторианцы терпеливо ждали денежных раздач, обещанных вождем мятежников, Гальбой. Нерон выехал в Остию и попытался собрать войско для борьбы с восставшими, но было поздно.

Нерон вернулся в Рим, во дворец на Палатине. Охраны не было. Он провел во дворце вечер, затем лег спать. Проснувшись около полуночи, он отправил всем тем, кто обычно участвовал с ним во дворцовых оргиях, приглашения во дворец. Никто не откликнулся. Он пошел по комнатам дворца, но тот был пуст. Нерон искал солдата или гладиатора, чтобы тот мог заколоть его мечом. Во дворце были только рабы. Вскричав: «У меня нет ни друзей, ни врагов», – Нерон выскочил из дворца с мыслью броситься в Тибр. Но у него не хватило силы воли.

Вернувшись во дворец, он нашел там своего вольноотпущенника, который посоветовал всеми покинутому императору отправиться на загородную виллу в 4 милях от города. В компании четверых преданных слуг Нерон добрался до виллы и приказал слугам выкопать для себя могилу.

Вскоре прибыл курьер, сообщивший, что Сенат объявил Нерона врагом народа и намеревается предать его публичной казни. Нерон

приготовился к самоубийству, но воля вновь оставила его. Повторяя раз за разом фразу «Какой великий артист погибает!», он стал упрашивать одного из слуг заколоть его кинжалом. Вскоре послышался стук копыт. Поняв, что это едут его арестовывать, Нерон собрался, произнес строфу из «Илиады» – «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает» – и при помощи своего секретаря Эпафродита перерезал себе горло. Когда всадники въехали на виллу, они увидели лежащего в крови императора. Тот был все еще жив. Один из всадников попытался остановить кровотечение, но было поздно. Со словами «вот она – верность» Нерон скончался.

В 1990-е годы появилась книга итальянского историка Массимо Фини «Нерон – две тысячи лет клеветы», которая вызвала огромный интерес. В ней грозный тиран предстает в образе робкого, затравленного юноши, которого оклеветали в убийстве брата и которому пришлось убить мать только затем, чтобы спасти свою жизнь.

Но в памяти людей при одном упоминании имени Нерона неизменно возникает мысль о том, как горел Рим, подожженный по приказу императора, и как мучились христиане, казнимые на его глазах. Разве эту жестокость может что-либо оправдать?

Нерона оклеветали, утверждает Массимо Фини. В ясную, лунную ночь с 18-го на 19 июля 64 года в одном из районов Рима, в лавках при Большом Цирке, занялся пожар. Вскоре пламя охватило деревянные бараки и склады, мастерские и жилые дома, тесно сомкнутые друг с другом. Сильный ветер подхватывал пламя, раздувал его. В панике люди выбегали на улицу в поисках спасения. В эту ночь множество римлян не дожили до утра, сгорев в пламени или задохнувшись в дыму.

По воспоминаниям очевидцев, пожар продолжался шесть дней, а потом, едва стихнув, вновь возобновился, и еще три дня в Риме бушевало пламя. Три квартала из четырнадцати выгорели полностью; еще семь – в значительной степени. Лишь четыре городских квартала оказались не тронуты огнем. В этом страшном пожаре погибли многие храмы, редкие произведения искусства, свезенные со всего света, памятники архитектуры республиканского Рима. Ущерб, нанесенный городу, не поддавался оценке. Возможно, была уничтожена треть города. Количество же жертв было неизвестно.

Уже современники связали это бедствие с именем Нерона, навеки заклеив тирана. Когда через семьдесят лет после пожара римский писатель Гай Светоний Транквилл, советник по переписке императора Адриана, – и значит, человек, имевший доступ к государственным архивам, – принялся составлять биографию Нерона, он отметил следующее: «Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать». Сам император наблюдал за пожаром с башни, декламируя «Крушение Трои» – песнь, сочиненную им самим. Образ Нерона, запечатленный писателем, стал каноническим.

Но мнение Светония – не единственное. Тацит более сдержан в оценках. «Вслед за тем разразилось ужасное бедствие, случайное или подстроенное умыслом принцепса – не установлено». По словам Тацита, в ночь, когда начался пожар, Нерона вообще не было в городе; он находился на своей вилле в Анции, в 60 км к югу от Рима, и вернулся в город, когда огонь уже приближался к его Эсквилинскому дворцу. Все, чем он ни занимался в те дни, было направлено на спасение подданных. Надо было предупредить грабежи, голодные бунты, эпидемии. Едва появившись в Риме, он вышел к людям, прогнанным огнем из жилищ, открыл для них Марсово поле и собственные сады, велел размещать погорельцев в различных постройках и сооружать для них временные укрытия. Из Остии и ближайших городов было срочно доставлено продовольствие, а цена на зерно значительно снижена. Однако пока он спасал одних, другие распускали слухи о нем, якобы любовавшимся заревом.

Справедливости ради следует признать, что большинство современных историков полагают, что Рим загорелся случайно. Та летняя ночь была жаркой и ветреной. Достаточно было кому-то случайно опрокинуть жаровню с тлевшими углями, а ветер доделал остальное. Древний Рим не раз основательно выгорал. После крупного пожара, разразившегося в 6 году н. э., император Август распорядился организовать первую в городе пожарную команду из 600 рабов. Крупные пожары случались и позднее: в 27-м, когда подчистую выгорел один из кварталов, в 36-м, когда добычей огня стал Авентинский холм, и в 54 году.

В сочинении современника императора Иосифа Флавия нет ни слова, обвиняющего Нерона в поджоге Рима. Нет намека на это и у Климента Римского, одного из первых церковных писателей, жившего в конце I века. Для него Нерон был лишь гонителем христиан, но никак не губителем собственной столицы.

Теперь вернемся к версии Массимо Фини. Комментируя «дело о поджоге», он приводит в защиту императора ряд аргументов.

Если бы Нерон и впрямь решил расчистить место для нового дворца, ему проще было бы купить несколько соседних имений. Незадолго до пожара Нерон построил себе новый дворец, так называемый Проходной дворец. В нем хранилась прекрасная коллекция произведений греческого искусства. В пожаре он потерял свои сокровища. К тому же пожар разразился в полнолуние. А ведь любому понятно, что затевать темные делишки в многолюдном городе лучше в безлунную ночь. По-видимому, пожар разразился случайно, но катастрофа оказалась на руку врагам Нерона.

Когда пожар был потушен, Нерон приступил к восстановлению города. Обугленный мусор с пепелищ доставляли на грузовых баржах в Остию, чтобы засыпать им окрестные болота. На обратном пути баржи привозили в Рим хлеб. Нерон сам продумывал планировку города. Просторные, светлые улицы заменили тесные переулки. Чтобы избежать обрушений зданий, Нерон ограничил их высоту. Нижние этажи зданий возводили только из камня. Перед каждым доходным домом за счет казны сооружался портик; дворы не застраивались. Были прорыты также каналы, чтобы в любой момент можно было набрать воды для тушения пожара. «Эти меры были подсказаны человеческим разумом, – справедливо заметил Тацит, – вместе с тем они послужили и к украшению города».

Конечно, для того чтобы восстановить город, требовались огромные средства. Провинции империи были обложены единовременной данью, что позволило в сравнительно короткие сроки отстроить столицу заново. В память о пожаре Нерон заложил новый дворец – Золотой дворец Нерона. Дворец, который так и не был достроен, однако даже построенное впечатляло: комплекс зданий, по разным данным, располагался на площади от 40 до 120 га, а центром всего сооружения была 35-метровая статуя Нерона, получившая название Колосс Нерона. Этот дворцовый комплекс до сих пор

является самой большой из всех монарших резиденций, построенных на территории Европы, а в мире уступает лишь Запретному городу – резиденции китайских императоров.

Но имя Нерона бесчестили, все чаще говоря, что пожар был устроен по его приказанию. И он решил: что лучшее, что он может сделать, это наказать худших в городе. Так он оправдывается от клеветы, а заодно покарает преступников, давно заслуживших свое, – «тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами». Однако этот отрывок из Тацита представляет собой, по общему признанию большинства историков, филологов и даже многих богословов, позднюю христианскую фальсификацию, имеющую целью освятить ореолом старины легенды о мучениках.

В Риме начались массовые казни христиан. Желая развеселить горожан самыми жестокими представлениями – «античными фильмами ужасов», разыгранными наяву, – Нерон сжигал, распинал христиан, кормил ими зверей. Но чем дольше римляне наслаждались этим жестоким зрелищем, тем больше страдали христианам. Нерон, «достаточно» покаравший порок, превратился в главного носителя зла в современном ему мире. Жертвы, сожженные им, стали «светочами христианства», а император – «светочем варварства».

Но почему император обвинил в поджоге именно христиан? Массимо Фини высказывает следующую догадку: либо христиане впрямь были виновны в пожаре, либо добровольно взяли вину на себя. В 64 году для большинства жителей империи, что-либо слышавших о христианах, они были адептами небольшой странной секты, последователи которой верили в скорый конец света, его неминуемую гибель. Возвестил же Иисус: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лук., 12: 49) Возможно, послушные этой превратно понятой воле, некоторые фанатики и впрямь помогали «возгореться огню» – «открыто кидали в еще не тронутые огнем дома горящие факелы, крича, что они выполняют приказ», о чем упоминал Тацит. Для ранних христиан Рим был рассадником грехов, новым Вавилоном, обреченным исчезнуть. Христиане не могли не радоваться пожару – этому знаку Божьего гнева. «По словам нашим он горит, – могли сказать о Риме ученики Христа. – Веруем, ибо по словам нашим!»

Интересно, что Светоний, например, бичевавший любую жестокость Нерона, говорит о гонениях на христиан, как о заурядном событии: «В харчевнях запрещено продавать вареную пищу... Наказаны христиане, приверженцы нового и зловредного суеверия». Так кто же прав? Светоний? Тацит?

Император по-прежнему ждет суда, теперь уже наших современников.

Одиссеи древних мореплавателей

Ни одному морю не было предназначено такой величественной и благородной судьбы, как Средиземному. Оно заморозило двадцать народов, обитавших на диких землях, которые, придя на его очарованные берега, сложили к его стопам свое оружие и веру, подчинившись необъяснимой власти. Двадцать цивилизаций расцвели в сиянии моря и погибли, достигнув вершины могущества и великолепия. Море вплело их руины в свой гармоничный ландшафт солнечных бухт, бронзовых мысов и созданных волнами островов. В истории берегов этого моря есть страницы с ответом на любой вопрос, поставленный человеком: там размышляли над судьбами людей и философы, и жрецы, и поэты, и ученые, и завоеватели.

Подавляющее большинство ученых утверждают, что именно это море с самой глубокой древности служило человеку своего рода полигоном для испытания все более усложнявшихся лодок и кораблей. Прибрежные воды Средиземноморья, кристально прозрачные и теплые, хранят в своих глубинах целое кладбище кораблей всех народов и цивилизаций, существовавших здесь на протяжении нескольких последних тысячелетий. Где и когда родилась впервые идея выстроить парусно-весельное судно? Может быть, в Месопотамии, на великих реках Тигр и Евфрат? Или в долине Нила? Но наибольших успехов в развитии мореплавания добились в III тысячелетии до н. э. создатели минойской цивилизации Крита, а во II тысячелетии – жители восточного побережья Средиземного моря. Последние изобрели и построили из прочного ливанского кедра первое морское судно с килем и шпангоутами. Как и у египетских кораблей, приземистых и устойчивых, у этих «пенителей моря» наряду с парусным вооружением были весла.

Люди научились составлять карты, измерять глубины, определять координаты приморских городов и селений, точно вычислять по звездам пройденные расстояния, использовать силу ветров, приливов и морских течений. Но самое главное – человек научился строить прочные корабли для далеких походов. «Корабль, – говорится в морской энциклопедии, – вошел в историю искусств как ковчег, нагруженный надеждами и мечтами о будущем».

Уже в I тысячелетии до н. э. у жителей Средиземноморья были суда, способные совершать дальние морские путешествия, а значит, была, хотя бы и чисто теоретическая, возможность трансокеанских плаваний к берегам Нового света. Благоприятствовали этому и природные факторы. Африка и Америка отделены друг от друга в самой широкой части 3500 милями водного пространства. Однако расстояние между городом Натал в Бразилии и Фритауном в Сьерра-Леоне (Африка) составляет всего 1600 миль. В этой же зоне, то есть в средней части Атлантики, с востока на запад дуют большую часть года постоянные ветры (северо-восточные пассаты), примерно в том же направлении пробивают себе путь и два мощных океанских течения – Канарское и Северное Пассатное. Средняя скорость их составляет от 15 до 30 миль в день. Из Экваториальной Африки океанские плавания

к берегам Нового света облегчены попутным юго-восточным пассатом и Южным Пассатным течением.

Таким образом, древние мореходы могли следовать в Америку несколькими маршрутами как из Европы, так и из Африки.

Здесь-то и наступает самый сложный момент. Теоретическая возможность для трансатлантических плаваний безусловно существовала, но была ли она реализована на практике? Что знали древние об окружающем их беспредельном и таинственном мире? Какой бы народ мы ни взяли, говорится в морской энциклопедии, границы плаваний определялись знаниями и легендами его времени. В греко-римскую эпоху этой границей были Геракловы (Геркулесовы) столбы, выход из «моря тьмы» (Атлантического океана); в средние века – непреодолимый «черный котел» (на экваторе); в начале эпохи Возрождения – мыс Бурь (Доброй Надежды) и Магелланов пролив.

Уже в XVIII–XIX вв. некоторые ученые упорно искали истоки американских цивилизаций в культурах Европы, Древнего Востока и Средиземноморья. Так родилась гипотеза о проникновении в Западное полушарие финикийских (карфагенских), а позднее – греческих и римских мореплавателей, основанная на свидетельствах современников о высоком мореходном искусстве этих народов, а также на туманных сообщениях древних авторов о далеких морских путешествиях на запад, за пределы Геркулесовых столбов.

Финикияне действительно были довольно искусными и отважными мореходами. Доказательством этому служат их плавания вокруг Африки и, возможно, в Индию, о которых рассказывают письменные источники. Еще более поразительны их успехи в освоении прибрежных вод Атлантики. В 1749 г. на острове Корву (Азорские острова) был найден кувшин с карфагенскими монетами 330–320 гг. до н. э. – явное доказательство пребывания там карфагенских мореходов.

Сообщение об этом важнейшем открытии впервые появилось в 1761 г. в трактате шведского ученого И. Подолина. В ноябре 1749 г. после нескольких дней шторма морем была размыта часть фундамента одного разрушенного каменного строения на берегу острова Корву. Там был обнаружен глиняный сосуд, полный монет. Сосуд был принесен в монастырь, где монеты были розданы собравшимся жителям острова. Часть этих монет послали в Лиссабон; а оттуда

позднее – к священнику Флоресу в Мадрид. Сколько было монет в сосуде и сколько послано в Лиссабон – неизвестно. В Мадрид попало 9 штук: 2 карфагенские золотые монеты, 5 карфагенских медных монет и 2 киренские монеты из того же металла. Священник Флорес был известным мадридским нумизматом. Он-то и рассказал в 1761 г. И. Подолину о находке и подарил ему эти монеты. В трактате Подолина приведены даже рисунки подаренных монет. То, что часть монет была карфагенского происхождения, а часть из Киренаики (Северная Африка), не вызывает сомнения. Они не являются особо редкими, за исключением двух золотых. Но удивительно то, в каком месте они были найдены.

Известно, что Азорские острова были впервые открыты португальцами во времена Альфонса V (1432–1481). Маловероятно, что кто-либо закопал там эти монеты в более позднее время. Возможно, они попали туда с финикийских судов и, скорее всего, случайно. Корабли могло отнести туда бурей. Карфаген и некоторые другие города посылали свои корабли через Гибралтарский пролив.

И, тем не менее, все же нашлись скептики, отрицавшие достоверность находки на острове Корву. Однако эти сомнения рассеялись после квалифицированного заключения профессора Бернхардта – нумизмата из Мюнхена, доказавшего, что «в то время (около 1760 г.) даже самый искусный мошенник не был бы в состоянии правильно подобрать такую прекрасную серию карфагенских монет, относящихся к столь ограниченному периоду (330–320 гг. до н. э.)». Подлинность находки на острове Корву доказала, что карфагеняне достигли Азорских островов в конце IV в. до н. э.

Исключается также гипотеза, что сосуд с монетами попал на остров Корву вместе с остатками разрушенного и покинутого командой корабля. Морское течение идет от Азорских островов прямо в воды около Гибралтарского пролива, по которым регулярно плавали карфагеняне. Следовательно, дрейф обломков затонувшего корабля против течения исключается. Остается лишь предположить, что до острова добрался корабль с командой. Карфагенский корабль могло отнести от испанского берега в океан. Хорошо известны многие аналогичные случаи. В частности, в области пассатов и экваториальных течений наблюдались дрейфы кораблей и на значительно большие расстояния. Например, в 1731 г. к берегам

острова Тринидад прибило небольшое судно с командой из шести человек, перевозившее вино с острова Тенерифе на близлежащий остров Гомера. Около 1760 г. баржа с зерном, направлявшаяся с острова Лансароте к Тенерифе (группа Канарских островов), была вынесена штормом в открытый океан и спасена английским судном лишь на расстоянии двух дней пути от берегов Венесуэлы. Поэтому можно считать вполне вероятным предположение, что карфагенский корабль был заброшен штормом на остров Корву.

Но вот дальше Азорских островов карфагеняне вряд ли заплывали. Хотя неоднократно делались попытки представить материальные доказательства ранних связей Старого и Нового света, для чего использовались многочисленные находки «финикийских» вещей на Американском континенте. Все эти сообщения в результате тщательной проверки оказывались, однако, совершенно несостоятельными. Например, в 1869 г. на берегу реки Онондоги (штат Нью-Йорк) была обнаружена в земле огромная каменная статуя с плохо сохранившейся финикийской надписью. Настоящую сенсацию вызвала и находка плиты с финикийскими письменами в штате Параиба (Бразилия) в 1874 г. Перевод текста гласил: «Мы – сыны Ханаана из Сидона, города царя. Торговые дела завели нас на этот далекий берег, в край гор. На 19-м году (правления) Хирама, нашего могущественного царя, мы принесли в жертву великим богам и богиням юношу. Мы отплыли из Эзион-Гебера в Красное море и отправились в путешествие на 10 судах. Два года все вместе мы плыли по морю вокруг земли Хам (Африка), но были разлучены рукой Ваала (штормом) – и уже не стало с нами наших товарищей. И так мы попали сюда, 12 мужчин и три женщины, на... берег, который покорился мне, адмиралу. Да благоприятствуют нам великие боги и богини!»

Специалистам удалось быстро распознать в текстах подделки.

Но уже через год появилось сообщение об открытии в районе Параибы еще одной финикийской надписи, за подлинность которой ручался доктор В. Нетто – директор Национального музея в Рио – де – Жанейро. По сообщению Нетто, надпись гласила, что несколько человек спаслось во время гибели Карфагена в 146 г. до н. э. Они переправились через океан и 10 лет спустя после смерти некоторых своих товарищей и вождя оказались в крайне тяжелом положении из-за «невыносимой жары». Через несколько лет факсимиле этой надписи

попало в руки одного из лучших знатоков финикийской письменности – профессора М. Литтмана (Тюбинген, Германия). Каково же было его удивление, когда он без особого труда установил, что перед ним новый, слегка измененный вариант первой, давно раскрытой фальшивки из Параибы.

Время от времени в газетах и научно-популярных изданиях появляются сообщения о том, что где-то в Америке найдены финикийские надписи. Чрезмерно доверчивые журналисты спешат поразить мир очередной сенсацией: оказывается, что финикийцы, вероятнее всего карфагенские, первыми посетили Америку. При ближайшем рассмотрении эти надписи обычно оказывались очень примитивно сработанными подделками. Не стоит приписывать финикийцам того, что они не делали. Они внесли большой вклад в освоение морских путей Старого света. И этого вполне достаточно.

В настоящее время можно утверждать, что в Атлантический океан финикийцы проникали недалеко за Гибралтарский пролив. Посещение восточных и центральных Канарских островов и группы островов Мадейра – это, видимо, единственное географическое открытие, которое с большой долей достоверности можно приписать финикийцам...

Финикийская морская держава находилась еще в зените славы, когда на каменистых берегах Балканского полуострова выросли молодые греческие города-государства – полисы. Географическое положение Греции предопределило раннее появление там морского флота. Ни один город Греции не удален от моря более чем на 90 км. Большинство поселений расположено еще ближе к берегу. К тому же Греции принадлежало множество мелких островов, которые заселялись и снабжались тоже только по морю.

Для того чтобы наладить регулярные связи между своими многочисленными владениями на суше и на море, грекам был необходим большой и сильный флот. И они его создали. Греческие триремы (парусно-гребные суда с тремя рядами весел) наголову разгромили в битве при Саламине (480 г. до н. э.) огромную эскадру персидского царя Ксеркса, состоявшую в основном из финикийских кораблей. Греки не только превзошли финикийцев в области судостроения, но и соперничали с ними в колонизации Средиземноморья и Причерноморья. Ими основаны такие города-

колонии, как Тарент, Сиракузы, Марсель, Трапезунд, Херсонес Таврический и многие другие.

Еще больший вклад внесли греческие мыслители, ученые и моряки в развитие науки об окружающем мире – географии. Пределы ойкумены значительно раздвинулись. Тогда же появились в античной литературе и первые смутные упоминания о сказочных островах, затерянных в голубых водах океана. Гесиод, живший в VIII в. до н. э., был первым, кто дал этим островам название Блаженные. Говоря о «божественной расе людей-героев», которые жили до нас на Земле, он сообщает, что часть из них погибла в ходе сражений, таких как осада Трои, но другим «отец Зевс предоставил на краю Земли место для жизни, вдали от людей и бессмертных богов. На этих «островах Блаженных», окруженных кипящим водоворотами Океаном, они живут без забот и печали. И плодородная земля трижды в год приносит им урожай плодов сладких, как мед». Эти острова, известные также как «острова Счастливых», «Геспериды» и «Елисейские поля», упоминаются в эпоху классической древности и Средневековья почти во всех трудах по географии.

Много сведений о землях, лежащих к западу от Гибралтара, почерпнули греки от финикийских мореплавателей. В IV в. до н. э. неизвестный греческий автор писал в своем сочинении «О чудесных слухах»: «Говорят, будто по ту сторону Столбов Геракла карфагеняне обнаружили в океане необитаемый остров, богатый лесами и судоходными реками и изобилующий плодами. Он находится на расстоянии нескольких дней пути от материка. Но когда карфагеняне стали часто посещать его и некоторые из них из-за плодородия почвы поселились там, то правители Карфагена запретили под страхом смерти ездить к этому острову». Это было сделано для того, чтобы остановить отток населения из Карфагена и держать открытие новых земель в тайне. Какой же это кусок суши? Может быть, Америка? Диодор Сицилийский – историк, живший в I в. до н. э., – говорит на этот счет вполне определенно: «В середине океана, против Африки, лежит остров, выделяющийся своей величиной. Он находится от Африки лишь на расстоянии нескольких дней пути. Финикияне, обследовавшие... побережье по ту сторону Столбов и плывшие на парусах вдоль побережья Африки, были сильными ветрами отнесены

далеко в океан. После многих дней блужданий они достигли, наконец, названного острова».

Таким образом, речь идет о землях, расположенных в непосредственной близости от африканских берегов. Что здесь имелось в виду? Мадейра? Острова Канарской группы? Азоры? Не это главное. Важно другое: острова, лежащие на расстоянии «нескольких дней пути» от Африки, никак нельзя связывать с какими-либо землями по ту сторону Атлантики, будь то Антильский, Багамский или Бермудский архипелаги.

Правда, некоторые исследователи, ссылаясь на то, что на найденных финикийцами и известных грекам островах в океане были «горы» и «судоходные реки», пытаются доказать, будто в этих сообщениях речь идет о крупнейших островах Вест-Индии – Кубе, Гаити, Ямайке и др. Но есть все основания считать, что в данном случае речь идет всего лишь о Мадейре.

Конечно, эллинская цивилизация была прежде всего цивилизацией средиземноморской. Но вместе с тем греки довольно рано начинают плавать и по Атлантическому океану. Первое путешествие такого рода, судя по сообщению Геродота, совершил самосец Колей около 640 г. до н. э., когда его корабль бурей вынесло в океан и он попал в город Тартесс, расположенный на Атлантическом побережье Испании в устье реки Гвадалквивир (древний Бетис). В VI в. до н. э. Эвтимен из Массилии (Марселя) исследовал Атлантическое побережье Северной Африки.

Дальше всех на север прошел в IV в. до н. э. грек Пифей из Массилии, побывавший «в странах олова и янтаря» и «у пределов видимых земли» – близ острова Туле. Вот что сообщает об этом историк Диодор Сицилийский: «Жители Британии, обитающие около мыса Белерион (совр. Лендс-Энд), весьма гостеприимны и, занимаясь торговлей с иноземными купцами, стали более цивилизованными. Они добывают олово, искусно выплавляя его из руды. Из олова они изготавливают слитки в виде кубиков и переправляют их на близлежащий остров Иктис (Сент-Майклс-Маунт, Корнуэлл)... Там олово скупают у жителей купцы и переправляют его в Галлию...» Обогнув Англию, Пифей отправился к берегам Скандинавии. Оттуда он привез рассказы о таинственной Ультима-Туле – неведомой земле где-то на западе, в океане: «Самой далекой из всех известных земель

является Туле, где во время солнцеворота, когда солнце проходит знак Рака... нет ночей, но очень мало дневного света в зимнее время. Некоторые думают, что это продолжается без перерыва шесть месяцев подряд... Некоторые упоминают еще другие острова (севернее Британии): Скандию, Думну, Берги – и величайший из всех Беррике, с которого обычно плавают на Туле. На расстоянии одного дня морского пути от Туле находится якобы застывшее море, называемое некоторыми Кронийским». Между тем путешествие Пифея было явлением настолько исключительным, что позднейшие греческие авторы попросту отказывались верить в правдивость его отчета и в течение многих веков необоснованно называли величайшего ученого древности лжецом.

В настоящее время можно считать, что Пифей полностью реабилитирован, и приходится только сожалеть, что наши сведения о жизни и исследованиях этого великого человека столь ничтожны. За весь древний период Пифей был единственным жителем Средиземноморья, проникшим далеко за 60° северной широты. Мы можем только предполагать, что свое эпохальное путешествие он совершил на средства и по поручению состоятельных купцов родного города, жаждавших получить надежные сведения о далеких северных землях, богатых оловом и янтарем. Пифей первым установил, что Британия – остров, который можно объехать за 40 дней. Почти неделю отважный грек плыл в открытом море к загадочной земле Туле. Еще Ф. Нансен убедительно доказал, что Туле – это Норвегия в районе Тронхеймс-фьорда. Ведь до XI в. и даже позже Скандинавию считали островом.

Однако о плаваниях к берегам Нового света в античных текстах нет ни единого слова. Уцелевшие до наших дней античные рукописи не дают никаких оснований считать, что финикийцы и греки сумели хотя бы раз добраться до берегов Нового света и благополучно вернуться назад.

Правда, современные знания об античной культуре – лишь ничтожная часть того, что когда-то существовало. Многие выдающиеся достижения древних философов, путешественников и ученых были безвозвратно утрачены на протяжении последующих веков. Бесценные рукописи, хранители знаний, безжалостно сжигались религиозными фанатиками, втаптывались в грязь копытами варварской

конницы, гибли от наводнений и пожаров. Кто знает, возможно, там были сведения и о далеких морских походах в западную часть Атлантики?

Не лишним было бы сказать об эллинских кораблях и эллинском мореплавании.

Видимо, первое дошедшее до нас описание типичного греческого судна принадлежит бессмертному Гомеру, когда он ведет рассказ о приключениях Одиссея.

«К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега...
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу...».

(Перевод В. А. Жуковского)

Судя по всему, знаменитый «Арго» и безымянные корабли гомеровских героев были лишь первыми ласточками грядущего господства эллинов в Средиземноморье. К середине VIII в. до н. э. греки располагали уже, по-видимому, немалыми торговым и военным флотами, без которых невозможной была бы вся их колонизаторская политика, распространившаяся от Марселя до северного побережья

Черного моря. Уже тогда существовало несколько основных типов кораблей: наименьшим из упомянутых в источниках было 20-весельное судно, использовавшееся как для разведочных экспедиций, так и в качестве транспортного средства. Для военных целей строились более крупные корабли с 50 и даже со 100 парами весел. Все они, независимо от размеров, были длинными и узкими, с очень низкими бортами. Их вес был не особенно велик, поскольку экипаж, как это описано в «Одиссее», мог на руках переносить свое судно с места на место. Корпус красился в черный цвет. На изготовление обшивки и основных деталей корпуса корабля шли дуб, сосна, ель. Мачты и весла делались обычно из пихты. Весла крепились в специальных кожаных петлях, приделанных к гвоздю или шпильке. Единственный квадратный парус крепился к съемной мачте. Якоря изготавливали из тяжелых камней. Воду, масло и вино, а также некоторые виды пищи хранили в глиняных амфорах и в мешках из кожи (мехах). В VIII–VII вв. до н. э. на носу эллинского корабля стали устанавливать таран – тяжелое бревно с металлическим наконечником. Это произвело подлинную революцию в ведении войн на море.

Торговые корабли отличались от военных тем, что были более тяжелыми и вместительными. Сначала они были весельными, но с увеличением размеров и грузоподъемности таких судов на них поставили паруса. В греческом флоте были специальные крупные транспорты – триремы (т. е. с тремя рядами весел) для перевозки лошадей, называвшиеся гиппогосами и гиппегосами. В документах IV в. до н. э. упоминаются суда такого типа с 60 гребцами, перевозившие до 30 лошадей.

В 146 г. до н. э. рухнули стены неприступного прежде Карфагена и единственным властелином всего Средиземноморья стал Рим. Средиземное море на протяжении целых столетий называли Римским. Гигантские потоки грузов текли на Апеннинский полуостров из Северной Африки, Передней Азии и Причерноморья. Легионы Цезаря с помощью флота захватили Галлию и высадились в Британии. Римские суда бороздили просторы Атлантики и в районе западноафриканского побережья, и к северу от Гибралтара.

К рубежу нашей эры римляне добились поразительных успехов в искусстве кораблестроения, воспользовавшись достижениями своих именитых предшественников – минойцев, египтян, финикийцев,

греков и карфагенян. Рим имел гигантский торговый флот. В среднем торговый корабль вмещал до 340 т груза. Корабли, предназначенные для перевозки зерна, вмещали до 1200 тонн.

В 40 году н. э., когда Калигула решил вывезти из Египта каменный обелиск, который сейчас стоит в цирке Нерона в Риме, он построил для этого судно грузоподъемностью 1300 т и достаточно длинное, чтобы транспортировать монумент длиной 39 м. В 64 году иудейский историк Иосиф Флавий отплыл из Александрии в Рим на корабле, вмещавшем 600 пассажиров. Греческий автор Лукиан описывает римское судно для перевозки зерна, выброшенное штормом на берег близ Афин. Этот корабль имел 54 м в длину и борта высотой более 13 метров.

Римляне строили свои суда из сосны, ели и кедра. Паруса изготавливали из льняной ткани, тростника и даже из кожи. Высоко поднятый форштевень украшали по верхнему краю резной головой гуся или лебедя. Часто днище покрывали медным листом для защиты дерева от коррозии и для придания ему особой прочности. Оснащенный квадратным финикийским парусом, корабль мог при попутном ветре развить скорость до 5–6 узлов в час. Но для маневрирования, а также для плаваний в безветренную погоду почти на каждом корабле было по несколько рядов весел. Компаса античные мореходы не знали. Они ориентировались днем по характерным особенностям прибрежного рельефа, а ночью – по звездам.

Вплоть до недавнего времени считалось, что римляне были плохими мореплавателями. Все их интересы ограничивались окруженным римскими владениями Средиземным морем. После победы сухопутного Рима над властелином морей Карфагеном во II в. до н. э. в изучении океана будто бы наступил застой. Несмотря на то, что окончательный захват Испании римлянами в 206 г. до н. э. положил конец карфагенской блокаде Гибралтарского пролива, длившейся 300 лет, на протяжении последующих 60 лет завоевателям не приходило в голову извлечь из этого пользу для судоходства и торговли. Интерес римлян к географии, если ее нельзя было использовать в политических целях, был всегда весьма умеренным. А беспокойный океан, с его неприятными приливами и отливами, неизменно внушал известный страх римлянам, привыкшим

предпринимать плавания только для утверждения своего политического господства.

И все же римский след в географии и мореплавании никак не назовешь слабым или ничтожным. Для подтверждения этого вывода достаточно привести краткий перечень наиболее выдающихся походов римских флотов и разведочных экспедиций в Атлантический океан. Первый из таких походов относится к 145 г. до н. э. «Когда Сципион Эмилиан, – пишет римский историк Плиний, – стоял в Африке во главе войска, автор анналов Полибий получил от него флот для того, чтобы, проплыв вокруг, исследовать эту часть света».

Нет никаких сомнений в том, что к середине II в. до н. э. римляне знали об Атлантическом побережье Африки гораздо меньше, чем финикийцы, греки и карфагеняне за несколько столетий до них. Только когда Сципион нанес смертельный удар главному сопернику Рима – Карфагену, римляне заинтересовались странами, с которыми их враг вел торговлю. Греческий историк Полибий, близкий друг Сципиона, осуществил исследовательскую экспедицию вдоль северо-западного побережья Африки, получив корабли и снаряжение от римского полководца.

Единственное сообщение об этом необычном плавании записано Плинием коротко и довольно туманно. В нем приведены названия многих мест и племен в Африке, но нет никаких подробностей о маршруте экспедиции и ее результатах. Мы не знаем, как далеко прошли на юг корабли Полибия. Возможно, конечный пункт путешествия находился близ устья реки Сенегал или даже у мыса Зеленого. Экспедиция, безусловно, была выдающимся событием. Чуть ли не до 1443 г. н. э. ни один корабль цивилизованных народов не заходил так далеко на юг.

Из других античных источников известно, что в 95 г. до н. э. римский наместник в Испании Лициний Красс совершил морской поход в Атлантику для посещения «Оловянных островов», находившихся, судя по описанию, совсем рядом с побережьем Иберийского полуострова. Более грандиозным морским предприятием оказалась высадка войск Юлия Цезаря в Британии в 55–54 гг. до н. э., потребовавшая предельной мобилизации всех сил римского флота. Но плохое знание римлянами местных условий привело к тому, что даже форсирование неширокого пролива Ла-Манш, отделявшего

покоренную Галлию от еще не покоренной страны бриттов, превратилось в серьезное предприятие. «В ту же ночь, – вспоминает Цезарь, – случилось полнолуние, а этот день обыкновенно вызывает в Океане сильнейшие приливы, что нашим не было известно. Таким образом, единовременно и военные корабли, на которых я организовал переправу войска и теперь приказал вытащить их на берег, заливало волнами, и стоявшие на якоре грузовые бросало в разные стороны бурей, так что у нас не было возможности ни управлять ими, ни подавать, где нужно, помощь. Значительное число кораблей разбилось...». Часть судов унесло ветром в открытое море, и далеко не все они смогли вернуться впоследствии к европейским берегам.

Шесть десятилетий спустя римляне, уже прочно освоив каботажные океанские плавания вдоль своих владений от Гибралтара до Британии, рискнули проникнуть и дальше на север – к побережью Скандинавии. «От Гадеса и Геркулесовых столбов, вдоль берегов Испании и Галлии, – пишет Плиний, – совершаются плавания по всему Западу. Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана. Тогда флот, обогнув Германию, достиг Кимврского мыса (м. Скаген), и оттуда увидели или услышали о скифской стране и чрезмерно влажных и обледеневших пространствах. Но мало правдоподобно, чтобы моря замерзали там, где в избытке влага... В морском заливе Кодан множество островов, среди которых самым известным является Скатилавия, размеры которой еще неведомы».

Речь идет о плавании римского флота от устья Рейна в северном направлении до мыса Скаген (Дания) и еще дальше – до какой-то точки на южном побережье Скандинавии в проливе Скагеррак. О причинах, побудивших римлян к такому дальнему и рискованному плаванию у опасного западного побережья Ютландии, ничего не сообщается. О том, что Скандинавия не остров, видимо, не знали до XI или даже до XIII века.

Следует упомянуть здесь и о плавании римской эскадры на север Атлантики, за Оркнейские острова в 84 г. н. э. Римский историк Корнелий Тацит писал, что «римский флот, объехавший тогда этот берег самого крайнего моря, удостоверил, что Британия есть остров, и вместе с тем открыл и покорил неизвестные до того острова,

называющиеся Оркадами. Была усмотрена издали и Туле, но приказ был ехать лишь до этих мест, да и зима приближалась.

Море же там, говорят, малоподвижно и тяжело для гребцов; оно даже и ветрами не поднимается значительно». Этот военно-морской поход с некоторыми исследовательскими целями был предпринят на север Британии римским наместником Юлием Агриколой. Туле римляне, конечно, не видели. То, что они называли Туле, был, по-видимому, маленький островок Файр, лежащий на полпути между Оркнейскими и Шетландскими островами.

Само по себе плавание римского флота вокруг Британии в 84 г. н. э. и все географические достижения Агриколы были, в сущности, лишь частичным повторением подвига грека Пифея в IV в. до н. э. Если бы Пифею так долго не оказывали обидного недоверия, то не понадобилось бы и специальной экспедиции римского флота вокруг северной оконечности Британии. Она ведь только подтвердила те данные, которые за 400 лет до этого, но в гораздо большем объеме и с большей точностью сообщил отважный грек из Массилии. Правда, важно другое: с 84 г. н. э. островная природа Британии уже никогда более не оспаривалась.

Таким образом, не подлежит сомнению, что уже с I в. до н. э. римские корабли бороздили прибрежные воды Атлантики – от Гибралтара до северной оконечности Англии – достаточно часто. А это предполагает, в свою очередь, куда большее знакомство римлян с океаном, нежели признавали до недавнего времени специалисты по истории географии. Более того, по всей вероятности, некоторые из этих кораблей (военных или торговых) при неблагоприятном стечении обстоятельств уносились бурями и морскими течениями далеко на запад, в просторы океана и, возможно, попадали на острова Антильского и Багамского архипелагов или восточного побережья Американского континента. Это предположение, кстати, не раз высказывали в печати многие серьезные ученые.

«...В античное время в Атлантическом океане, – писал известный советский этнограф Ю. В. Кнорозов, – плавали тартесские, финикийские, этрусские, греческие и римские корабли. Несомненно, довольно часто ураганные ветры уносили их в открытый океан. Прибрежные жители Мезоамерики, вероятно, много раз имели

возможность видеть обломки этих кораблей, кое-какие вещи и утопленников, а иногда, может быть, даже и живых моряков».

О большой вероятности таких вынужденных трансатлантических плаваний свидетельствуют и факты обратного порядка: документально зафиксированы случаи пересечения Атлантики жителями Нового света в доколумбову эпоху. И таких случаев известно сейчас по меньшей мере три. «В 62 г. до н. э. к побережью Германии причалила лодка с двумя людьми неизвестной расы. Они были взяты в плен, и вождь свевов (по Плинию) или бойев (по Помпонию Меле) прислал их в дар римскому проконсулу Галлии Метеллу Целеру. Античные авторы считали их жителями Индии, проехавшими с востока на запад по океану, окружающему землю. Пленники были, по-видимому, рыбаками и питались в дороге рыбой, заменяя воду рыбьим соком. При императоре Фридрихе Барбароссе в 1162 г. на побережье Германии попала лодка с неизвестными людьми. Хронист Гальвано считал их жителями легендарного острова Баккалаос. В 1508 г. французский корабль встретил недалеко от Англии лодку с семью людьми небольшого роста, с кожей бронзового цвета. Из них шесть умерло, в живых остался юноша, говоривший на незнакомом языке. Он был доставлен к королю Людовику XII, бывшему тогда в Мэне».

Между тем сравнительно недавно появились вполне реальные доказательства того, что римляне не только бывали на островах, затерянных в просторах Атлантики, но и достигали (скорее всего, случайно) берегов Мексики в районе Веракруса.

Как это случилось? При каких обстоятельствах?

Во II в. до н. э., после гибели Карфагена, Рим стал единственным и абсолютным властелином всего Средиземноморья. Именно к этому времени и появляются в трудах римских историков туманные сообщения об островах, затерянных в океане, западнее Геркулесовых столбов. Правда, римляне могли узнать о них из каких-либо греческих или финикийских источников. Поэтому важно установить, ходили ли римские корабли хотя бы до ближайших к Африке островов – Мадейры, Канарских и т. д.

Посещение восточных и центральных Канарских островов, группы островов Мадейра и, видимо, Азорских (о. Корву) финикийскими мореходами кажется вполне достоверным. Примечателен и такой факт. До сих пор не раскрыты секреты

приготовления знаменитой пурпурной краски финикийцев, торговля которой приносила им баснословные прибыли. Между тем именно на Канарских островах растет лишайник «орсель», содержащий в себе высококачественный краситель. Древние народы Средиземноморья, видимо, хорошо знали о богатствах островов, затерянных в океане, и время от времени совершали туда походы. Незадолго до н. э. мавретанский царь Юба II, находившийся в вассальной зависимости от Рима, побывал на Канарских островах и построил там собственную пурпурокрасильню. Он не нашел там никаких жителей, но видел руины древних каменных построек, скорее всего карфагенских. Можно предположить, что Азорские острова были, по всей вероятности, известны и римским мореплавателям и иногда посещались ими, но, видимо, чаще всего это происходило при случайных или вынужденных обстоятельствах.

В 1933 г. мексиканский археолог Х. Гарсия Пайон производил раскопки древнего индейского поселения Калиштлахуака в долине Толука (Мексика). Здесь, под тремя не потревоженными слоями глинобитных полов одного из исследуемых зданий, удалось обнаружить несколько погребений ацтекского времени (XIII–XV вв.). Там были найдены глиняные расписные кувшины и чаши, украшения из раковин и горного хрусталя, золотые пластины, фигурка оцелота и т. д. Среди всей этой роскоши внимание археолога привлек один необычный предмет: из угла гробницы на него глядели широко раскрытые глаза какого-то бородатого существа в шутовской конической шапочке. Это была голова небольшой терракотовой статуэтки, диаметром 2,5 см. Весь ее облик резко отличался от древних скульптур индейцев. «В течение многих лет, – вспоминает Пайон, – головка хранилась у меня, и я иногда показывал ее знакомым как некий курьез». И только в 1959 г. о находке случайно узнали европейские ученые. Они и помогли установить, что терракотовая головка из Калиштлахуаки относится к хорошо известному типу римских статуэток II века. Но как же столь ранняя вещь оказалась в довольно позднем погребении? Видимо, еще в древности индейцы обратили внимание на необычный предмет. Не исключено, что первые его владельцы знали кое-что и относительно обстоятельств появления статуэтки на берегах Мексики. Во всяком случае, ясно одно: римскую головку как особо почитаемую реликвию бережно передавали из

поколения в поколение, пока она не очутилась в конце концов в гробнице грозного индейского вождя.

Открытие в Калиштлахуаке знаменательно тем, что впервые в Центральной Америке было найдено привозное изделие доколумбовой эпохи. Это открытие придает большую достоверность и другим сообщениям о случайных находках античных вещей в различных районах Мексики: головки эллинистической статуэтки из Керетаро, терракотового изображения Венеры из области Хуастека и римской фигурки из Северной Мексики (хранится сейчас в музее Чикаго, США). Скупые, но достоверные факты позволяют утверждать, что, по крайней мере, один раз предмет римского производства II в. н. э. пересек (разумеется, на судне с живым или мертвым экипажем) просторы Атлантики и очутился на берегах Нового света, в Мексике.

Но вот загадка: на фресках Помпеи и Геркуланума обнаружены американские по происхождению культурные растения: аннона, ананас и др. Откуда римляне в I веке н. э. знали эти растения? Аннона не вызывает никаких сомнений (настолько отчетливо изображение); ананас немного неясен, но все же это он. Есть отличная фреска, изображающая лимон. Римляне могли его знать только из Индии...

Под какой звездой родился Иисус?

Один из главных обрядов христиан – обряд празднования Рождества Христова. Праздник отмечается каждый год 25 декабря, т. е. в тот день, когда минует самая короткая ночь в году и начинает увеличиваться световой день. Это событие неизменно символизирует победу света над тьмой, связываемую с рождением Сына Божия, принесшего впоследствии свет на землю и спасение всему человечеству.

Однако в евангельских текстах нигде не упоминается дата рождения Христа. Более того, историческая наука свидетельствует, что в этот день отмечалось рождение богов во многих дохристианских (языческих) религиях. А сам день – 25 декабря – знаменует собой один из переломных моментов в жизни природы – день зимнего солнцестояния.

Зима – самое тяжелое время года. И потому неудивительно, что люди радовались, когда наступал долгожданный момент солнцеворота – 25 декабря, после этого дни начинают прибывать, то есть происходит как бы рождение светила. А поскольку от Солнца зависит вся жизнь на земле, во многих религиях оно почиталось верховным и всемогущим божеством.

Так, уже в III тысячелетии до н. э. день солнцеворота считался в Шумере днем рождения бога Таммуза. Из Двуречья этот культ перешел затем ко всем народам Средиземноморья и Передней Азии. В Древней Индии ежегодно праздновали рождение бога Агни, которое астрономы-жрецы соединили с зимним солнцестоянием. В Древней Греции справляли Дионисии. 20 декабря жрецы приносили жертвы в храме в Дельфах. Бог Дионис был «оплодотворителем», и кровь принесенных в жертву животных должна была оказать оплодотворяющее действие на природу. В Древнем Риме задолго до христианства существовал аналогичный Рождеству праздник Сатурналий. Он продолжался с 17 по 24 декабря. Во время богослужения в храме Сатурна и его жены, зажигались свечи. Обряд зажигания свечей существовал у многих народов. Первоначально он означал волшебное действие, заставляющее загореться небесный свет, новое Солнце. Обычай зажигать свечи на Рождество сохранился до наших дней.

В Дании, Швеции, Норвегии в древности Новый год начинался 12 января. В этот день кончался праздник «зимней ночи», который начинался в середине октября сразу же после окончания осенних полевых работ. В 940 г. король Гакон, перешедший в христианство, соединил древний языческий праздник с Рождеством Христовым. У англосаксов празднику Рождества Христова предшествовала «материнская ночь» в декабре – ночь рождения новых сил в природе. Поскольку северные народы сильнее других страдали от холода и голода, они придавали празднику Рождества особенно большое значение. Таким образом, религиозное представление о том, что в середине зимы рождается бог, не является исключительной особенностью христианства.

Евангелист Матфей рождение Иисуса Христа описывает так: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: Где родившийся

царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на востоке, и пришли поклониться ему... Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды... И, се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою» (Мф. 2:1—10).

О рождении Иисуса волхвам возвестило небо появлением некоей звезды, взошедшей на востоке, причем сами волхвы пришли с востока и в то же самое время шли за звездой на восток. Как могли идти волхвы с востока на восток? И что означает: звезда шла перед ними до места, где был младенец, и вдруг они обрадовались, увидев звезду?

Возможно, здесь вкралась ошибка либо переводчиков, либо переписчиков. Но это с точки зрения современного читателя, у которого при упоминании звезды возникают ассоциации с ночным небом. А ведь в древности не разделяли ночные и дневные небеса. Вспомним хотя бы зодиакальные созвездия. Это те созвездия, через которые проходит Солнце в результате годового вращения Земли, т. е. на ночном небе будет созвездие, противоположное дневному, из зодиакального круга. Например: если говорится, что солнце находится в созвездии Козерога, то на ночном небе в северном полушарии будет созвездие Рака и наоборот. Известное выражение астрологов «под каким созвездием родился» подразумевает следующее: если человек родился в июле, тогда говорят, что он родился под созвездием Рака, в то же время ночью в июле на небосклоне этого созвездия не найти, а увидим мы его лишь зимой.

Следовательно, волхвы могли идти по звезде, закрываемой блеском Солнца, т. е. на запад. В момент, когда звезда находилась в зените, они подошли к месту, где родился Иисус, и «принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2:11).

В Евангелии же от Луки говорится не о волхвах, а о пастухах. Волхвы, по Матфею, пришли с востока и не были пастухами. А по версии Луки, пастухи были «в той стране», где предстояло родиться Иисусу, и о рождении Христа они узнали не благодаря своей мудрости и проницательности, а вследствие «явления Ангела Господня» возвестившего великую радость. И еще, у Матфея ничего не говорится о яслях, в которые якобы положила Мария первенца своего, но часто упоминается некая звезда. Напротив, у Луки ничего не говорится о

звезде, но многократно утверждается, что после рождения Иисус был положен в ясли. И даже находится очень простое и правдоподобное объяснение этому: «потому что не было им места в гостинице». И именно этот простой и легко объяснимый факт служил таинственным знаком Господа для пастухов. «И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2:12).

Почему же евангелист Лука так настаивает на версии явления младенца Иисуса в яслях? Попытаемся объяснить это с точки зрения древних астрологов.

По мнению древних астрологов, в созвездии Рака существует некоторое темное пространство или точка, из которой прилетают с неба на Землю невидимые души, которые вселяются в новорожденных. У древних астрологов эта точка – звездное скопление, подобное Плеядам которое имеет название Ясли. Описание этих звезд можно найти у Плиния Старшего: «В знаке (созвездии) Рака есть две маленькие звездочки, называемые Ослятами, а среди них маленькое облачко, которое называют Яслями». По всей видимости, евангелист Лука, обобщая устные предания, выражение «родился в Яслях» понял буквально и даже попытался объяснить этот факт с общечеловеческой точки зрения. А между тем это выражение означает «родившийся под мудрой звездой» («родился под счастливой звездой») и относится к человеку, наделенному необычайными способностями. И не случайно в Иерусалим Иисус въезжает на молодом осле. Это опять указывает на связь со звездами, ведь Ясли окружены двумя Ослятами, «кормящимися» из них. И в Евангелиях поэтому есть ссылка на более древние писания: «Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле».

Вернемся к созвездию Рака, которому принадлежит звездное скопление Ясли. Египтяне считали рака священным существом и именно в созвездии Рака около 2000 лет назад находилась точка летнего солнцестояния (самый длинный световой день), и Солнце после прохождения этой точки начинало, подобно раку, «пятиться» назад. В результате прецессии, явления, связанного с движением Солнца вокруг центра Галактики, точка летнего солнцестояния за 2000 лет сместилась в созвездие Близнецов. Следовательно, в I в. н. э. зимнее солнцестояние сопровождалось появлением на ночном небе созвездия Рака со звездным скоплением Ясли. А отсюда можно сделать

вывод, что в момент появления на свет Иисуса, на небосклоне появилось звездное скопление Ясли, видимое невооруженным глазом и похожее на облачко.

Итак, у Матфея речь идет о звезде Иисуса, но не говорится о ее названии, напротив, время ее появления сохраняется в тайне: «...Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды». У Луки ничего не говорится о звездах, но весьма часто упоминаются «ясли», причем специально находятся доступные и не вызывающие сомнений объяснения. Таким образом, можно предположить, что рождение Иисуса Христа в доевангельскую пору связывалось со звездным скоплением Ясли, а не с хлебом.

Выражение «родился под счастливой звездой» в настоящее время предполагает ту звезду, которую проходит Солнце в момент рождения. Если за звездой наблюдали ночью, то рождение младенца приходилось на зиму, если днем – на лето. Согласно Матфею волхвы шли за звездой ночью, так как после принесения даров новорожденному отошли ко сну и получили во сне откровение не возвращаться к Ироду. Согласно Луке, Ангел Господень является «пастухам, которые содержали ночную стражу».

Итак, рождение Иисуса Христа в I в. н. э. пришлось на период зимнего солнцестояния, когда на ночном небе восходило звездное скопление Ясли, окруженное Малыми Осятами.

В XXI в. можно наблюдать на ночном небе созвездие Рака с принадлежащими ему Яслями и Малыми Осятами в зимний период с декабря по март. Скопление Ясли невооруженным взглядом видно как отдельная, несколько размазанная звездочка. Конечно, если ночь безоблачна и безлунна.

Если в древнейшем Евангелии – от Марка – нет никаких рассказов о рождении Иисуса Христа, и только в следующих евангелиях – от Матфея и от Луки – появляются мифы о его рождении, но без указания даты, то в самом позднем Евангелии – от Иоанна, датированном не позднее второй половины II в., Иисус Христос изображался уже в виде Бога, сошедшего с небес, чтобы искупить людские грехи своей жертвой на кресте. В связи с этим в конце II в. появляется праздник явления Христа – Богоявления, по-гречески «эпифании», связанный с рассказом Евангелия от Иоанна о крещении Иисуса Христа. Согласно Евангелию, Христос, сойдя с небес, явился к Иоанну Крестителю,

который, увидев его, объявил: «...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1: 29), а затем рассказывается, что во время крещения сошел на Христа Дух с неба в виде голубя: «И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (Ин, 1: 32). Таким образом, по евангельскому преданию три события – Рождество, Богоявление и Крещение – произошли в один день. При этом само Рождество понималось своеобразно: Иисус Христос как бы родился от Бога в час своего крещения, а до этого времени он оставался простым смертным.

Судя по дошедшим до нас скудным сведениям, впервые тройной праздник Рождества, Богоявления и Крещения был установлен в Александрии (Египет) в III в. Он праздновался 6 января. Дата была заимствована у египтян: именно в этот день у земледельцев Египта был праздник весны. Кроме того, между 25 декабря – днем зимнего солнцестояния, который египтяне отмечали пышными мистериями, и 6 января проходит 12 дней, а число 12 считалось у многих древних народов священным.

Обычай празднования 6 января тройного праздника к IV в. распространился по всему Востоку. Однако в конце III – начале IV вв. среди христианских сект возникло и стало входить в силу направление, сторонники которого доказывали, что Иисус Христос не стал Агнцем Божиим после Крещения, а был им изначально, то есть сам является Богом. А если это так, то необходимо разделить тройной праздник на два: Рождество и Богоявление-Крещение. И вскоре Западная церковь отказалась датировать Рождество 6 января и установила в качестве «подлинной» даты 25 декабря.

Перенесение праздника Рождества Христова на 25 декабря имело не столько религиозное, сколько политическое значение. В тот период в Римской империи был широко распространен культ Митры – бога «Непобедимого Солнца», бога правды и справедливости, бога-победителя зла и злых духов. Митра считался творцом мира, который он создал из убитого им мирового быка. Поклонники этого культа верили, что придет назначенный срок, Митра вновь явится с неба на землю и произведет суд над живыми, праведникам даст бессмертие, а грешников уничтожит окончательно. Культ Митры был опаснейшим конкурентом для христиан. Тем более, и в культе Митры, и в культе христиан было много общего. Существенное различие состояло лишь

в том, что у христиан не совершались кровавые жертвоприношения, и в том, что на мистерии допускались и женщины. Эти различия были в пользу христиан. По сути, борьба против культа Митры, подрывающего религиозно-идеологическую целостность государства, и привела к установлению праздника Рождества Христова.

В 313 г. император Константин Великий издал указ, узаконивший существование христианства. С 20-х гг. IV в. церковь начала борьбу со всеми существовавшими тогда в Римской империи языческими культурами. Перенесение праздника Рождества Христова на 25 декабря преследовало вполне определенную цель: заставить язычников волевым путем праздновать рождение своих богов в один день с христианами. Богословы и не думали скрывать своих намерений: «Отцы церкви перенесли празднование с 6 января на 25 декабря вот почему. У язычников был обычай того же 25 декабря праздновать день рождения солнца, в честь которого они зажигали огни. Христиане также принимали участие в этих торжествах. Когда церковные власти поняли, что христиане сохраняют пристрастие к этому празднику, они посоветовались и решили, что настоящее Рождество должно отмечаться 25 декабря, а 6 января – праздник Богоявления (эпифании). Вот почему сохранился также обычай жечь свечи до 6 января».

С этого времени праздник Рождества Христова стал усиленно насаждаться. Но прошло еще около 100 лет, прежде чем декабрьское Рождество сделалось общепризнанным праздником. По своему значению праздник Рождества Христова считается вторым после Пасхи, а в Западной церкви ставится даже выше Пасхи.

В Восточной церкви праздник Рождества Христова окончательно утвердился лишь после того, как его соединили с праздником Богоявления 6 января в один 12-дневный рождественский цикл. В таком виде 12-дневных святок Рождество Христово вместе с Крещением перешло к русским славянам после принятия ими в 988 г. христианства и заменило празднование дня рождения бога Солнца Ярилы. Но так как Русская православная церковь пользуется юлианским календарем, который отстает от григорианского на 13 дней, в России праздник Рождества Христова передвинулся на 7 января.

Рождественские обычаи, обряды и гадания во многом связаны с приметами «первого дня». Они как бы открывают длительный отрезок неизвестного будущего, которое надо предугадать и на которое

необходимо воздействовать. По своей форме они представляют собой смесь языческих ритуалов с христианской верой. Древние обычаи оказались неискоренимы и дожили до наших дней, хотя и в сильно измененном виде.

Один из самых любопытных – обычай переодевания. Он берет свое начало в древнеримском празднике Сатурналий. По рассказам греческих и римских писателей известно, что в эти дни рабы временно получали свободу, они надевали одежду господ, пели и плясали, господа сажали их за стол и угощали. Этот обычай затем превратился в средневековый карнавал-маскарад. Валсамон, патриарх XII в., пишет, что, несмотря на запрещение церкви, на Западе продолжалось переодевание, или ряжение, в шутовское платье, в сатиров, комедиантов, чудовищ; кроме того, устраивались представления: рождение Сына Божия, явление ангелов пастырям и тому подобное. Рождественские переодевания были популярны и в России. Например, Петр I, после возвращения из Европы, наряжал Зотова папой, других приближенных – кардиналами, дьяконами и в сопровождении хора певчих ходил в святочную неделю по домам бояр славить Христа. В празднике Рождества сохранились пережитки и древнего земледельческого праздника. Смысл его заключается в воздействии на будущий урожай. Так, например, шведы и датчане на Рождество выпекают каравай в форме кабана и дают ему название «святочный вепрь». На выпечку этого «вепря» часто идет зерно из последнего снопа. Каравай стоит на столе в течение всего Рождества, нередко его хранят до начала весеннего сева, во время которого часть «святочного вепря» подмешивают к семенному зерну, а другую – в надежде на хороший урожай дают съесть пахарю.

Итак, с датой рождения Иисуса все более-менее ясно. А вот вопрос о национальной принадлежности Иисуса (как будто бы давно решенный) тоже, оказывается, вызывает споры.

Умирая на кресте, Иисус Христос произнес слова: «Или, Или, лама шафахатами?» – «Мой Боже, Мой Боже, зачем Ты оставил Меня?» Слова эти понятны любому ассирийцу и сегодня (в синодальном русском переводе Нового Завета эта фраза звучит: «Или, Или! лама савахфани?» (Мф., 27:46). Иисус Христос назван «сыном сирийца» в Талмуде – сирийцами в средние века именовали именно представителей ассирийского народа.

Насколько же вероятно рождение в Галилее двухтысячелетней давности человека, чью национальность можно определить как ассирийскую? В первом тысячелетии до н. э. между Израилем и Ассирией происходили многочисленные войны, в которых обычно побеждала Ассирия. Войны изменяли демографическую ситуацию в Израиле – в результате депортации израильтян ассирийцами. Особенно много жителей было выселено из Израиля при ассирийском царе Саргоне II (722–705 гг. до н. э.), который взял в плен царя Израиля Осию и вместе с ним 27 тысяч израильтян. Полтора столетия Вавилония опустошала Иудейское царство. На место депортированных израильтян были поселены ассирийские колонисты. Вначале поселенцев называли кутийцами (по названию города Кута в южной

Ассирии), а в дальнейшем стали именовать самаритянами, по названию израильской провинции Самарии.

Оставленные на произвол судьбы после падения Ассирии, пытались ли самаритяне вернуться на родину? Сохранялись ли у них традиции древней Ассирии? Трудно сказать точно. Однако кое-что известно из Ветхого Завета. Долгое время самаритяне придерживались ассиро-вавилонской религии, хотя в нее вошли и элементы иудаизма. Позже (при Селевкидах) самаритяне официально приняли иудаизм, оставаясь, впрочем, «полуевреями», как их иногда называли. Самаритяне противились возвращению иудеев из вавилонского плена (586–537 гг. до н. э.), мешали им восстанавливать храм в Иерусалиме. После возвращения из вавилонского плена не запрещалось вступление представителей неиудейских народов в иудейскую общину. Однако реформы Эзры и Нехемии изолировали иудеев, завершив процесс обособления иудейского народа от соседей. У самаритян, потерявших надежду на религиозный союз с иудеями, возникло стремление выделиться в особую религиозную общину. Они построили и свой храм близ города Сихема, на горе Гаризим, известной в древних преданиях как «гора благословения».

Войска Александра Македонского внесли большие изменения в жизнь Палестины. Иудея вошла в новообразованную провинцию Келесирия, город Самария был избран резиденцией наместников, первым из которых стал военачальник Андромах. Недовольные им самаритяне восстали. Андромах был схвачен и казнен. Но Александр Македонский в 331 г. до н. э. подавил восстание.

После смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) власть перешла к его полководцам. Потомок одного из них (из династии Селевкидов) Антиох III Великий (223–187 гг. до н. э.) начал войну против Египта за Келесирию и Иудею и захватил их в 201 г. до н. э. Жители Иерусалима открыли ворота города без боя. За это Антиох III предоставил иудеям средства для восстановления Иерусалима и ремонта храма, освободил от податей священников, книжников, членов совета старейшин и т. д. В 200 г. до н. э. Антиох III предоставил особую хартию привилегий Иерусалиму. Дело в том, что Парфянское царство, созданное на восточных границах Селевкидского государства, вело постоянные войны с Селевкидами. Антиоху III была нужна большая армия, в нее начали призываться и представители иудейской религии. Солдаты и офицеры этой армии освобождались от налогов, и ассирийцы Палестины стали в массовом порядке переходить в иудейство. Воспользовавшись приливом новобранцев, Антиох III разбил парфян и восстановил контроль над восточными территориями. Однако политика Селевкидов по отношению к иудеям не была постоянной.

Во II в. до н. э. началась борьба за независимость Иудеи. Движение возглавили два брата из среды жреческого сословия, из семьи Хасмонеев: Иуда и Симон Маккавеи. Борьба Маккавеев длилась несколько десятилетий. Лишь Антиоху VII Сидету (139–129 гг. до н. э.) удалось вновь захватить всю Иудею. В борьбе против Маккавеев Селевкиды опирались на потомков ассирийских колонистов, за что тех преследовали Маккавеи. Иуда Маккавей послал против них в Галилею своего брата с трехтысячным отрядом, который разбил галилейские войска. Иудейских жителей он взял с собой в Иудею, а в Галилее остались почти исключительно ассирийские колонисты-галилеяне.

После смерти Симона из династии Хасмонеев (140–135 гг. до н. э.) на престол правителя и первосвященника Иудеи вступил Иоханан Гиркан I (135–104 гг. до н. э.). Он продолжал политику борьбы против самаритян. Около 120 г. до н. э. Гиркан, стремясь полностью подчинить иудейские окраины центру, предпринял поход против самаритян, взял их столицу Сихем и разрушил храм на горе Гаризим. Победа Гиркана окончательно подорвала политическое значение самаритян.

Во время римского правления Палестиной древнееврейский язык исчез из повседневного употребления повсюду, удерживаясь лишь в сфере религии. В Иудее его заменило родственное арамейское наречие – ветвь ассирийского языка. Говорившие на нем самаритяне не раз упоминаются и в Новом Завете – они и на рубеже нашей эры, когда родился Иисус Христос, не были ассимилированы, не перестали существовать как народ. В Евангелии от Иоанна описывается эпизод, когда иудеи сказали Иисусу: «Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» (Ин., 8:48). Отвечая на обвинение в одержимости бесом, Иисус не счел нужным опровергнуть первую часть вопроса.

При римлянах потомки ассирийцев испытывали двойной гнет – римлян и иудейской иерархии. Поэтому именно в районах компактного расселения ассирийцев, на севере Палестины, усилилась вера в Спасителя, который освободит людей от страданий.

Иисус Христос родился на севере Палестины, в Галилее...

«Странствия» Иисуса Христа

Это было в 170-е годы. На Ближний Восток – в Палестину, Египет и Сирию – был послан крупный римский чиновник Цельс. Христианство он считал достоянием рабов и плебса. Оказавшись в краях, где еще не столь давно Иисус проповедовал новую веру, Цельс проехал по местам Его странствий. Говорил с палестинскими пророками, египетскими жрецами, музыкантами (в их числе был некий Дионисий). Конечно, эти люди не могли ни видеть, ни слышать Христа, но они хранили о Нем живые предания. Цельс изложил свою версию событий тех лет в книге «Правдивое слово». По Цельсу, матерью Иисуса была бедная еврейская пряха – Мариам (Мария), а отцом – римский легионер, грек по национальности, Пандера, ребенок считался незаконнорожденным. Есть у Цельса и описанный в канонических евангелиях сюжет о бегстве Марии с младенцем в Египет. Затем, сообщает Цельс, Иисус с матерью возвратился в Палестину. Прожив там некоторое время и встретив враждебное к себе отношение, Иисус снова отправился в Египет и в одном из храмов обучался мудрости египетских жрецов. В 15-й год правления императора Тиберия – 29-й год новой эры, в возрасте около 30 лет Христос снова вернулся на родину. Будучи человеком уникальных способностей, овладев великой египетской культурой, Христос начал зарабатывать на жизнь, демонстрируя разные фокусы. Добившись на этом поприще огромных успехов, он объявил себя сыном Бога, рожденным от Святого Духа, и Мессией новой веры...

Книга Цельса получила сильнейший резонанс в Римской империи. Многие христиане под ее воздействием отвернулись от новой веры и возвратились к религии предков. Отцы церкви не могли молчать. С решительным опровержением сочинения Цельса выступил апологет церкви, богослов и философ, александрийский грек Ориген. В 248 году, по заказу своего богатого друга дьякона Амвросия, он написал восемь книг под общим заглавием «Contra Celsum» – «Против Цельса». Впоследствии творение Цельса было уничтожено католической церковью и до наших дней не дошло ни одного полного

списка. Однако, к счастью для современных исследователей, Ориген, полемизируя с Цельсом, воспроизвел почти весь текст его трактата.

Отрывки текста Цельса (а также их критика Оригеном) в течение веков подвергались нападкам как церковных авторов, так и атеистов. Если первые не могли принять сообщение Цельса о рождении Иисуса от римского легионера, то вторые видели в сведениях Цельса доказательство того, что Христос действительно существовал. Интерес к Цельсу возник в эпоху Ренессанса в связи с первыми попытками научной критики Библии, но в последующие столетия развития не получил. В общих чертах это положение сохранилось до последнего времени. Между тем имеются основания полагать, что Цельс, известия которого исходили почти из первых рук, сообщал, среди прочего, подлинные факты.

Попробуем проверить их другими независимыми источниками.

Сообщения о том, что Мария с Иисусом два месяца жили на окраине Каира, подтверждают предания египетских христиан – коптов. На месте дома, в котором проживала Мария, в V в. был построен храм, сохранившийся до сих пор.

О том, что отцом Христа был грек Пандера, сообщает и Талмуд. Иудеи и арабы называют Христа «Иошуа бен Пандира» – Иисус сын Пандеры. Версия эта была, по-видимому, настолько распространена в Палестине, что евангелист Матфей вынужден был решительно ее отвергать. Переключка рассказа Цельса и Евангелия от Матфея не вызывает сомнений. Сводный брат Христа от первого брака Иосифа с Соломией – Иаков, будущий первый епископ Иерусалима, которому приписывается авторство Протоевангелия, пространно говорит о том, что рождение Иисуса вызвало оживленные толки в среде ортодоксальных иудеев. Этот же мотив сохранился в древней иконографии сюжета «Рождество Христово». Там всегда помещается странная фигура в меховом плаще, с изломанным посохом в руке. Человек обращается к Иосифу с каким-то неприятным сообщением, от которого последний пытается отгородиться энергичным жестом вытянутых рук. Из текстов древнерусских апокрифов и из текста Протоевангелия от Иакова можно составить представление о том, что говорил мужу Марии этот старец. Он утверждал, что отцом новорожденного был не Иосиф. Видимо, художники Древней Руси знали, что сообщал странник старому плотнику. Но они знали и то, что

сообщение это лживо, знаком чего был сломанный посох, на который опирался разносчик сплетен. Если бы слух о Пандере не циркулировал в I–II вв. в Палестине, евангелисты не стали бы столь тщательно его опровергать.

Но может ли версия рождения Иисуса от Пандеры в какой-то мере подорвать престиж основателя христианской религии? Ни в коей мере.

Если отцом Христа был грек, то Христос не считался чистокровным иудеем и воспринимался иудейским социумом как чужой, «гой». Это объясняет, почему так травил Христа иудейская община Иерусалима. По-видимому, не случайно лик Иисуса Христа в христианской иконографии не имеет семитских черт. А ведь художники того времени, во многом связанные с традицией Древнего Египта, хорошо воспроизводили расовые особенности египтянина, негра, еврея. И знаменитая «Туринская плащаница» зафиксировала облик не семита, а скорее грека.

Важно и другое сообщение Цельса.

По его словам, молодые годы Иисус провел в Египте. Этот период жизни Христа – до начала проповеднической деятельности – совершенно не освещен в христианской литературе. Даже брат Христа Иаков ничего не сообщает об этом. Столь удивительный пробел никто так и не смог убедительно объяснить. По сведениям Цельса, Христос прожил в Египте не менее двадцати лет – в среде египетских жрецов. Как известно, они строго хранили свои тайны, обеспечивающие их особое положение в обществе. Чтобы проникнуть в эти тайны, Христос должен был поступить в один из храмов. Если происхождение генетически отрывало Иисуса от еврейской общины Иерусалима, то два десятилетия, проведенные в Египте, сделали Христа человеком, мыслящим в масштабах всей Римской империи (Египет стал ее частью с 30 г. до н. э). И Он создал учение, обращенное ко всем людям, вне зависимости от их расового и национального происхождения. В Евангелии от Матфея Христос говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф., 11: 28).

Следует обратить особое внимание на указания Цельса об исключительных способностях Христа, которые он развил в Египте, о его умении творить чудеса, что производило огромное впечатление на окружающих. Особенно примечательно то, что, на наш сегодняшний взгляд, в этих чудесах часто нет ничего невозможного. Образ Иисуса

Христа вообще нередко встречается в преданиях разных народов. Конечно, такого рода сказания часто спорят друг с другом и внутренне противоречивы. Но они в своей совокупности составляют яркую и увлекательную летопись народных представлений о добре и истине, издревле связанных с образами великих учителей человечества.

Интересна судьба «Тибетского Евангелия» – центрально – азиатского апокрифического сказания об Иссе, как на Востоке называют Иисуса Христа. Первый европейский (французский) перевод сказания был издан в Париже в 1894 г. Русский перевод вышел в свет в харьковском журнале «Вера и разум» и отдельной брошюрой в Петербурге, в издательстве «Вестник знания» (1910 г.). «Тибетское Евангелие» повествует о том периоде жизни Иисуса, о котором молчат канонические евангелия (с 14 до 29 лет его жизни). Какова предыстория текста? По словам русского журналиста Николая Нотовича, автора французского перевода, он обнаружил рукопись об Иссе в 1887 г. Вот как это произошло. Путешествуя по Ладаку (Северная Индия), он сломал ногу и вынужден был надолго остановиться в буддийском монастыре Хемис. Он узнал, что в монастырской библиотеке хранятся сочинения об Иссе, написанные на тибетском языке. Как сообщает Нотович, единого текста не было: разрозненные рассказы об Иссе входили в сборник различных по содержанию рукописей. С помощью одного из лам Нотович выстроил их в хронологической последовательности. Лама также рассказал ему о сохранившихся в монастыре сведениях

об этих текстах. Предания об Иссе, по его словам, были записаны в Индии на языке пали в середине I в. н. э. со слов людей, видевших Иисуса, когда он жил в Индии и Непале, а также со слов индийских купцов, которые поддерживали торговые связи с Иерусалимом. Около 200 г. палийские свитки привезли из Непала в Тибет. Впоследствии их перевели на тибетский язык в монастыре на горе Марбур близ Лхасы. В Хемисе же хранились копии этих переводов.

Вторым европейцем, который подтверждает существование рукописи, был Н. К. Рерих. Он посетил Ладак в 1925 г., во время своей Центрально-азиатской экспедиции. 19 сентября 1925 г. Рерих записал в путевом дневнике: «...Мы узнали о подлинности рукописи об Иссе. В Хемисе лежит действительно старый тибетский перевод с манускрипта, написанного на пали и находящегося в известном

монастыре недалеко от Лхасы... Сказки о подделке разрушены... Понятно, почему рукопись сохранилась именно в Хемис. Это один из старейших монастырей Ладака, счастливо не разрушенный во время нашествия монголов».

Рерих приводит пространные цитаты из «Тибетского Евангелия». Их сравнение с переведенным Нотовичем текстом показывает, что Рерих пересказывает то же самое содержание иными словами; иногда у него встречается иная разбивка. Но пользовался ли он петербургским изданием 1910 года? Вряд ли, ведь рядом с ним был его сын – востоковед Ю. Н. Рерих, который свободно владел тибетским. По всей видимости, он и переводил для отца рукопись (или корректировал по ней текст Нотовича). Отрывок из нее, помещенный в путевом дневнике, дополняет изданный Нотовичем текст. У Нотовича очень кратко говорится о пребывании Иссы в Гималаях и Тибете, в то время, как отрывок, приведенный Рерихом, целиком посвящен этому периоду. Кстати, во второй рукописи, в отличие от первой, не упоминается буддийское учение, что соответствует историческим данным: в I в. н. э. буддистов в Тибете еще не было.

До буддизма в Тибете была распространена религия «бон», недостаточно хорошо исследованная даже в наши дни. Только в 1967 г. европейским ученым стали доступны трактаты по этой религии, опубликованные в Индии. И в одном из них упоминается «чудотворец Есес из страны Иран», который появился «в стране Шаншун-Мар» (Северный Тибет). Дата его появления примерно соответствует началу нашей эры. В бонской иконографии Есес изображался справа от главного бога. Но ведь и в христианской традиции Христос должен воссесть на престол «одесную Отца». Наверное, тут можно говорить о влиянии христианства на древнюю тибетскую религию, причем о влиянии очень раннем: бонская традиция отличалась замкнутостью. Понятно и указание – «чудотворец... из страны Иран»: путь из Иерусалима в Тибет, вероятнее всего, проходил через Иран.

В 1979 г. рукопись «Тибетского Евангелия» в монастыре Хемис видела известный советский востоковед Л. В. Шапошникова. Рукопись имела заглавие: «Жизнь святого Иссы, наилучшего из сынов человеческих». Возраст рукописи Шапошникова определила приблизительно в пять-шесть веков. Возможно, тогда и была изготовлена копия лхасского перевода для монастыря Хемис.

Получается, что тибетское сказание об Иссе претерпело по крайней мере тройной перевод: с пали на тибетский, с тибетского на французский и затем на русский язык. При переводах текст, скорее всего, редактировался. Например, у Нотовича географические названия принадлежат в основном XV–XIX вв. Это понятно: ведь он готовил публикацию для европейских читателей и древние названия были бы им не понятны, хотя их могли изменить на более поздние и тибетские переводчики или переписчики. Например, «страна ромеев» в значении «Римская империя» – название средневековое, византийское, возникшее не ранее IV в., когда Константинополь – столицу Византии – стали называть «Новым Римом».

Итак, приводим текст «Тибетского Евангелия» в переводе 1910 года.

«Около Лхасы был храм учений, богатый рукописями. Иисус хотел ознакомиться с ними сам. Минг-Сте, великий мудрец всего Востока, был в этом храме. Через много времени, с величайшими опасностями Иисус с проводником достигли этого храма в Тибете. И Минг-Сте, и все учителя широко открыли ворота и приветствовали еврейского мудреца. Часто Минг-Сте беседовал с Иисусом о грядущем веке и священной обязанности, принятой народом этого века. Наконец Иисус достиг горного прохода, и в главном городе Ладака – Лэ он был радостно принят монахами и людьми низкого состояния. И Иисус учил в монастырях и на базарах; там, где собирался простой народ, – именно там он учил.

Недалеко жила женщина, у которой умер сын, и она принесла его Иисусу. И в присутствии множества людей он возложил руку на ребенка, и ребенок встал здоровый. И многие приносили детей, и Иисус возлагал руки на них, излечивая их.

Среди ладакцев Иисус провел много дней; он учил их лечению и тому, как превратить землю в небо радости. И они полюбили его и, когда пришел день ухода, печалились, как дети. И утром пришли множества проститься с ним.

Иисус повторял: «Я пришел показать человеческие возможности. Творимое мною все люди могут творить. И то, что я есть, все люди будут. Эти дары принадлежат народам всех стран – это вода и хлеб жизни».

Сказал Иисус об искусных певцах: «Откуда их таланты и эта сила? За одну короткую жизнь, конечно, они не могли накопить и качество голоса, и знание законов созвучий. Чудеса ли это? Нет, ибо все вещи происходят из естественных законов. Многие тысячи лет назад эти люди уже складывали свою гармонию и качества. И они приходят опять еще учиться от всяких проявлений».

«Своя» христология существует и в Индии. Некоторые индуисты считают «Сына человеческого» (Иисуса) – «аватарой» (проявлением) Вишну, подобно Раме или Кришне. Согласно индуистскому учению, «аватара» является в мир, чтобы восстановить нарушенную гармонию. Другие почитают его просто как учителя морали, чье самопожертвование вдохновляет и сегодня. И в то же время распятие и смерть Иисуса воспринимаются индуистами – в контексте традиционных представлений о бесконечных перевоплощениях живого существа – совершенно иначе, чем христианами.

Неудивительно, что таким теоретическим поискам места Иисуса Христа в индуистском пантеоне сопутствует появление новых сочинений о его пребывании в Индии. Такова книга историка Фиды Хассанаина, директора департамента археологических исследований штата Джамму и Кашмир. Название ее весьма обязывает – «Пятое Евангелие». В этой работе представлены новые доказательства того, что основатель христианства провел юность в Индии и вернулся туда после Голгофы.

Автор утверждает, что Иисус Христос умер в городе Сринагаре, где и погребено его тело. По выкладкам Хассанаина, в действительности он родился за семь лет до условно принятой даты «Рождества Христова», то есть в

7 г. до н. э., и 17 июня, а не 25 декабря, как принято считать. При этом он ссылается на самые различные индийские источники: легенды, сказания, древние рукописи. Например, в санскритской рукописи «Бхавишья Махапурана», которую Хассанаин датирует 115 г., есть такой эпизод. Кашмирский царь Шалияхан, правивший в 39–50 гг., путешествуя, встретил вблизи небольшого селения (в 18 км от нынешнего Сринагара) светлокожего человека в белоснежных одеяниях. На вопрос, кто он таков, тот ответил: «Я известен как Сын Божий, рожденный от Девственницы». И рассказал, что «пострадал от рук неправедных людей» за проповедь служения Богу.

Ф. Хассанаин утверждает, что Иисус Христос похоронен в Ханьяре, одном из районов Сринагара, в гробнице «Розабал». Однако, когда несколько экспертов из ФРГ, Великобритании и Израиля приехали в Кашмирскую долину, чтобы обследовать гробницу, им было отказано в осмотре. Последнюю попытку исследовать это место предприняли западногерманские археологи в 1987 г. Но мусульманские смотрители гробницы, которые утверждают, что происходят по прямой генеалогической линии от Иисуса Христа, категорически воспрепятствовали этому. Погребение «Розабал» продолжает хранить свои тайны.

Ф. Хассанаин имеет также свою версию юности Иисуса. Опираясь на упоминание Евангелия от Луки, что Сын Божий до своего появления уже в зрелом возрасте в Иерусалиме «был в пустыне», кашмирский историк считает, что Иисус примерно в тринадцатилетнем возрасте тайно покинул родителей и с иудейскими купцами совершил путешествие в Индию с целью «стать совершенным в божественном слове». Почти 16 лет он провел в Гималаях. Эта информация, как утверждает индийский историк, почерпнута им из тибетских рукописей. В доказательство кашмирского этапа в жизни Иисуса Христа Ф. Хассанаин приводит еще одно древнее сказание. В старинной (опять-таки по данным автора) индуистской сутре «Натха Намавали» имеется своеобразная версия воскресения Иисуса, именуемого здесь Иша Натха.

Вот содержание этого отрывка.

Иша Натха пришел в Индию в возрасте 14 лет. После этого он возвратился в свою страну и начал проповедовать. Вскоре, однако, жестокие и алчные люди устроили против него заговор и предали его распятию. Распятый Иша Натха впал в состояние самадхи с помощью йоги. Увидев это, все посчитали, что он умер. И именно в этот самый момент одному из его гуру, великому Читану Натху, который находился в глубокой медитации в Гималаях, явилось видение пыток, совершаемых над Иша Натхом. Тогда Читан Натх сделал его тело легче воздуха, и оно пролетело над землей Израиля. День прибытия тела Иша в Гималаи ознаменовался громом и молнией, а великий гуру Читан Натх взял тело Иша Натха и вывел его из состояния самадхи, после чего самолично отвел Иша в священную землю ариев. Иша

Натха поселился там, создав в отрогах Гималаев свой ашрам (духовную обитель).

Впрочем, Ф. Хассанаин приводит и другую версию воскресения Иисуса Христа.

Последователи Иисуса, сняв тело с креста, завернули его в чистую ткань и положили в новую гробницу, которая находилась в саду, недалеко от места распятия. Никодим и другие верные люди принесли миро и алоэ и приготовили целебную мазь, которой умастили его тело. Автор особо подчеркивает, что среди готовивших снадобье были ессеи – знатоки лекарственных растений и корней. В полночь Никодим и другие обнаружили, что Иисус жив, и перенесли его в укромное место. Спустя какое-то время Иисус навсегда покинул Иерусалим.

После бегства, как утверждает Ф. Хассанаин, он прибыл в Дамаск, оттуда по вавилонской дороге в Серахс, затем в Месену, Хамадан, Нишапур. Отсюда шли две дороги: одна через Герат в Кандагар (нынешний Афганистан), а другая – в Бухару и Самарканд. Так или иначе, но автор «Пятого Евангелия» утверждает, что Иисус дошел до Кашгара (современный Синьцзян). Во всех этих скитаниях его сопровождала Мария Магдалина. Она умерла в Кашгаре, и местные предания даже сохранили сведения о ее могиле. После смерти своей спутницы Иисус возвратился в Балх и следовал вдоль побережья Инда до Синда, пересек пять рек Пенджаба и достиг Раджпутаны, откуда после долгих странствий и приключений дошел, наконец, до Кашмира.

Легенды о жизни Иисуса в Кашмире стали основой учения одной из мусульманских сект – ахмадиев. Ее основатель, богослов из Пенджаба Мирза Гулям Ахмад, в конце XIX в. доказывал, что, согласно кашмирским данным, Иисус не умер на кресте, но выжил, после чего направился в Афганистан, Кашмир и Тибет «в поисках исчезнувших племен израилевых». В своем учении Ахмад использовал предания о бегстве в Индию Иисуса вместе с матерью и учениками Фомой и Иосифом Аримафейским.

Сторонники уничтожения «белого пятна» в истории жизни основоположника христианства (период с 14 до 29 лет) находят также новое подтверждение путешествия Иисуса в Индию в одной недавней археологической находке. На юго-востоке Сербии, близ города Пирот, в заброшенном пещерном храме Св. Петра и Павла открыта фреска начала XIII в. Христос на ней изображен с бритой, как у буддийских

монахов, головой. В том, что изображен именно Христос, сомнений нет: вокруг его головы характерный нимб с перекрестием («крещатый»).

Могилу Христа ищут в Иерусалиме, в Кашмире и... в Японии. В 30-е годы XX в. в Стране восходящего солнца были изданы книги, в которых говорится о необычных народных традициях, напоминающих ближневосточные, об археологических находках, которые якобы подтверждают устные предания...

Христианство в Японии действительно имеет довольно давние традиции. Широкое распространение по сравнению с другими странами Азии здесь получило православие: в Японии существует православная церковь (автономная в составе Московского патриархата). Конечно, реальные следы христианства в Японии относятся к последним четырем столетиям – эпохе активной миссионерской деятельности. Высказываются предположения, что в Японии еще в I тысячелетии н. э. побывали миссионеры христианской несторианской церкви, но документальных подтверждений этой гипотезы нет.

Недалеко от деревни Сингомура путешественникам и туристам показывают могилу Христа. В 1935 г. сюда приехал Такэнути Киемаро (записанные им легенды о Христе называют «литературой Такэнути»). Его сопровождал художник и историк Тория Синдзан. В 1936 г. начались археологические раскопки и были обнаружены две могилы. Исследователи пришли к выводу, что в одной из них похоронен Христос, а вторая является памятником его младшему брату Исукири, который умер на кресте вместо Христа.

Холм в правой части пригорка считают могилой Иисуса. Ее называют Торайдзука. Считается, что левый холм, Тодайдзука, хранит либо волосы и уши Исукири, либо прах Марии, привезенный в Японию Христом. Могут ли раскопки подтвердить эти «гипотезы»? Ведь рядом буддийское кладбище, и найденные останки могли принадлежать кому-то другому... Пониже пригорка с крестами – маленький домик, гордо называемый «сирекан» («архив»). Переднюю стену заменяет стекло. Сквозь него видны экспонаты – немногочисленные, но интересные: две причудливо убранные куклы, изображающие взрослых людей в натуральную величину. У одной из кукол на лбу пониже чепца тушью нарисован крест. На дальней стене

развернут свиток, густо исписанный китайскими иероглифами и японскими знаками катакана. В нескольких местах на нем нарисована шестиконечная звезда. Подпись гласит, что это «копия Завета Эсукирисуто» (Иисуса Христа). Дальше – доска с наклеенной деревянной звездой и надписью: «Герб семьи Савагути – звезда Давида, еврейского царя».

Савагути – фамилия людей, считавшихся потомками Христа. Местные жители утверждают, что в прошлом к этому роду принадлежали люди с голубыми глазами, крупными носами и светлыми волосами. Однако непонятно, почему герб Савагути отождествляют со звездой Давида: она шестиконечная, а герб Савагути – пятилучевая звезда. Правда, головные уборы кукол и ниспадающее с них складчатое покрывало несколько напоминают одежду древних израильтян. В Японии их можно встретить только в районе Синго. Только здесь бытовал и обычай рисовать крест на лбу детей, когда их в первый раз выносили из дома. Сейчас этот обычай исчез, но еще живы люди, которые его помнят. Многие старики в Синго, когда у них немеют ноги, плюют на указательный палец и чертят у себя на лбу крест. Трехкратное повторение этой процедуры должно принести облегчение.

«Японский завет Иисуса Христа» открыла и расшифровала историк Яманэ Кику (ее книги выходили в те же годы, что и «литература Такэнути»). Жизнеописание Христа в ее изложении выглядит примерно так.

Христос родился на побережье Средиземного моря, в Иудее. Детство он провел вместе с родителями в Египте, затем вернулся в Назарет, где прошла его юность. В возрасте 21 года он исчез и появился вновь уже 33-летним мужчиной. Он славил Бога, говорил о рае... В Библии нет ни слова о годах его отсутствия, тогда как в «Японском завете» они описаны подробно. Из него можно узнать, что Христос отправился в Японию и во время правления царя Сьюнина сошел на землю в порту Хасидатэ на Японском море. Одиннадцать лет он провел в провинции Эттю, изучал японский язык и литературу, а также занимался аскетической практикой под руководством святого учителя. В возрасте 33 лет он покинул Японию и вернулся в Иудею. В родной стране его близким другом стал Иоанн Креститель (по-японски «Папутэсумано Еханэ»), а также апостолы, которым он поведал о

божественных мудрецах божественного японского края. Его учение противоречило тогдашней религии Иудеи, оно вызвало негодование старейшин и протесты ученых фарисеев (по-японски «парисай»). В результате Христос был арестован римскими солдатами и осужден на смерть через распятие. Однако, согласно «Японскому завету», на крест взошел его младший брат Исукири. Именно он произнес известную из Евангелий фразу: «Боже, зачем ты меня оставил?»

Христу же удалось спастись. Вместе с группой верных учеников он пешком пересек Сибирь. Странствие длилось 4 года. Затем на берегу Аляски (неясно, как он туда попал) Христос сел на корабль и на 26-й день второго месяца пути ступил на японскую землю в Хатиноэ, в стране Тидзи. Он поселился в деревне Хэрай (сейчас это часть деревни Синто), принял имя Торайтаро Дайтэнгу, женился на японке Миюко и имел от нее трех дочерей. Скончался он в возрасте 118 лет.

Имя, которое он принял, состоит из нескольких элементов. «Торай» в древности означало иммиграцию («то-райдзин» – иммигрант; «торай-су» – иммигрировать, прибывать в Японию из-за моря). «Таро» – самостоятельное имя или окончание мужских имен. «Тэнгу» – мифологические персонажи, которые отличаются крупным носом, красным лицом и одеждой, собранной в складки. «Дай» переводится как «великий». Что касается «страны Тидзи», то такого географического названия нет. Может быть, имелся в виду остров Титидзима в архипелаге Огасавара. Название же деревни Хэрай иногда возводят к древнееврейскому языку.

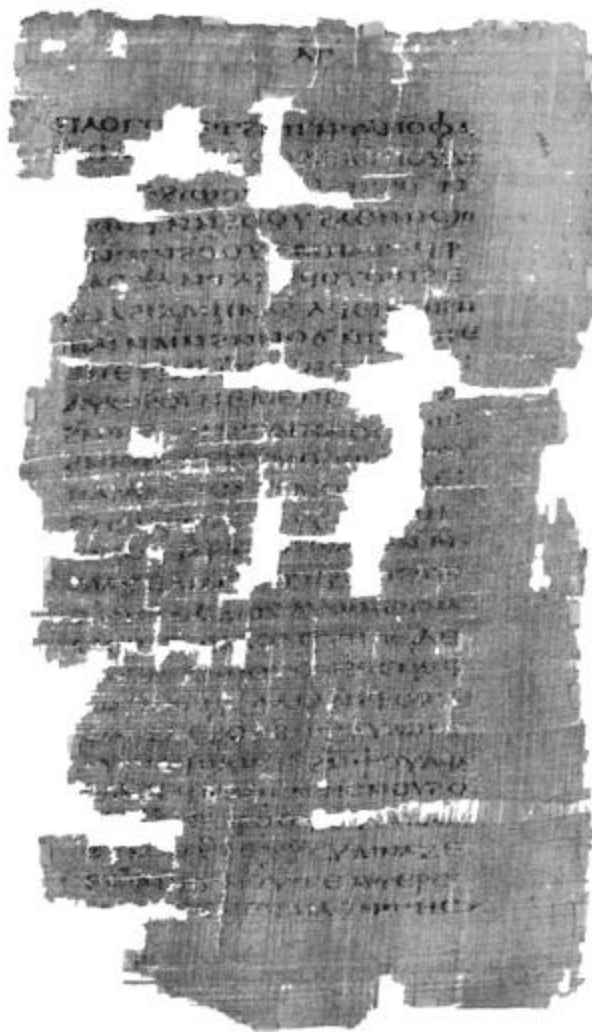
Христос был похоронен на горе Хэрайдакэ, гласит предание, а через четыре года его побелевшие кости перенесли на 16 км к востоку, к нынешнему месту захоронения. За время своего шестидесятилетнего вторичного пребывания в Японии он ввел здесь обычаи родной Иудеи. Кроме того сохранилась непонятная для современных японцев песенка. С незапамятных времен в районе Хэрай ее каждый год поют во время Праздника Мертвых («обон») и исполняют под нее танцы «бон-одори». Вот ее текст: «Наньядо яра, наньядо насарэно, наньядо яра». Это не похоже ни на современный, ни на классический японский язык. Религиовед Кавамори Денэйдзи так перевел эту песню: «Да прославится твое святое имя, для тебя, сметающий варваров, для тебя возглашаем славу святого имени».

С 1936 г., со времени раскопок могилы, в Синго установился обычай праздновать Кирисуто-мацури («Праздник Христа») вместе с обрядами «обон». 10 июня танцы «бон-одори» исполняются возле могилы.

В Японии есть и другие библейские места – например, плато Маегатай, известное своей сказочно красивой природой. Его называют Садам Эдема, где жили Адам и Ева. Под цветущими лугами покоится в земле древняя «Христова столица», уничтоженная при извержении вулкана. Она называлась Синако...

Возвращение Иуды

В мае 1983 г. историку Стивену Эммелю, работавшему в Риме, позвонил коллега из Швейцарии и попросил приехать, чтобы проверить подлинность некоторых написанных на коптском языке (это египетский язык, его письмо создано на основе греческого алфавита) документов, которые предложил купить некий загадочный аноним. По прибытии в Женеву Эммеля и еще двоих ученых проводили в гостиничный номер, где их встретили двое мужчин – египтянин, не говоривший по-английски, и грек-переводчик.

Экспертам дали около получаса, чтобы осмотреть содержимое трех обувных коробок. В них лежали папирусы, завернутые в газету.

Фотографировать и делать записи запретили. Папирус уже начал крошиться, поэтому трогать его руками никто не осмелился. Только опустившись на колени перед кроватью, на которой стояли коробки, Эммель осторожно пинцетом перевернул несколько листов. В глаза ему бросилось имя Иуды. Он ошибочно решил, что речь идет о другом последователе Иисуса, Иуде Фоме, однако понял, что перед ним лежит совершенно неизвестный текст, значимость которого огромна.

Эммель был уполномочен предложить за рукопись не более пятидесяти тысяч долларов, но за нее просили три миллиона. Распоряжаться такими деньгами Эммель не мог. Он с грустью вспоминает, что в то время папирус был в замечательном состоянии, но с тех пор оно сильно ухудшилось. Пока участники несостоявшейся сделки обедали, Эммелю удалось ненадолго ускользнуть, и он торопливо записал все, что смог запомнить из увиденного. На протяжении следующих семнадцати лет загадочный манускрипт не видел ни один ученый.

По словам сегодняшних владельцев рукописи, египтянин, встретивший Эммеля в номере женевского отеля, был каирским антикваром по имени Ханна. Он купил манускрипт у деревенского торговца, зарабатывавшего на жизнь поиском древностей. Каким образом раритет попал в его руки, до сих пор неизвестно. Вскоре после покупки рукописи вся коллекция антиквара была похищена. Как он говорит, украденное контрабандой вывезли за пределы Египта, и, в конце концов, документы попали к другому торговцу. Позже Ханне удалось кое-что вернуть, в том числе и Евангелие.

Были времена, когда мало кому в голову приходило интересоваться, каким образом та или иная бесценная вещь покинула родину. Но в наши дни страны с богатой историей относятся к своему наследию более бережно: частным лицам запрещено владеть артефактами, их вывоз жестко контролируется. Покупатели, дорожащие репутацией (музеи, например), перед заключением сделки стараются выяснить, законным ли путем артефакт попал к нынешнему владельцу, не был ли он похищен или незаконно вывезен за рубеж.

Каирский антиквар был ограблен в начале 1980 г. В это время в Египте владение незарегистрированными артефактами уже было объявлено вне закона, а их вывоз (без специального разрешения правительства) запрещен. Трудно сказать, распространяется ли

действие этих постановлений на кодекс с Евангелием от Иуды, но вопросы о его происхождении возникали уже тогда.

Ханна был решительно настроен получить за манускрипт как можно больше. Он отправился в Нью-Йорк, чтобы найти там по-настоящему состоятельного покупателя. Но его расчеты не оправдались, и, потеряв, видимо, надежду сбыть товар, Ханна вернулся в Каир. Перед тем как покинуть Нью-Йорк, он положил кодекс и некоторые другие древние папирусы в сейф отделения «Сити-банка». Там они и пребывали, постепенно разрушаясь, все то время, пока Ханна предпринял попытки их продать.

Наконец ему удалось совершить сделку. Покупательницей стала Фрида Нуссбергер-Чакос, гречанка, родившаяся в Египте. В юности она изучала в Париже египтологию, после чего сумела достичь немалых высот в мире антикварного бизнеса. Ей пришло в голову, что приобрести папирусы, возможно, захотели бы в Библиотеке редких книг и рукописей Байнеке при Йельском университете, поэтому она передала их на временное хранение одному из работающих там специалистов по манускриптам. Специалисты по древним коптским текстам заявили, что рукописи в таком ужасном состоянии им еще не попадались: папирус был таким хрупким, что крошился от малейшего прикосновения. Однако сомнений не оставалось. В руки ученых попало «Евангелие от Иуды»!

Перед реставраторами и специалистами по коптскому языку стояла непростая задача: кто-то поменял листы местами, а верхний край папируса (с номерами страниц) был разрушен. Хуже того, страницы раскрошились почти на тысячу мельчайших фрагментов. Поднимая пинцетом хрупкие кусочки, реставратор помещал их под стекло. За пять лет кропотливой работы с помощью компьютера сумели восстановить более 80 % текста и перевести 26 страниц документа. Специалисты, изучающие раннее христианство, считают это самой поразительной находкой последних десятилетий.

На коптском языке говорили в Египте на заре христианства. Зарождавшаяся церковь запретила этот текст, но одна копия каким-то чудом уцелела. Скрытая от посторонних глаз, она много столетий пролежала в Египте. Ее нашли только в конце XX в. Ничего удивительного, что, прочитав древнюю рукопись, ученые были

потрясены: первые ее строки гласили, что это «тайная весть об откровении, данном Иисусом Иуде Искариоту...»

Через две тысячи лет после своей смерти самый ненавистный в истории мира человек вновь заставил говорить о себе. Все, конечно, знают историю Иуды, близкого друга Иисуса Христа и одного из Его двенадцати учеников. Он предал своего учителя за тридцать сребреников: поцеловал и таким образом подал знак солдатам (они не знали, как выглядит человек, которого им предстояло арестовать). А потом, терзаемый чувством вины, Иуда повесился. С тех пор его имя превратилось в синоним предательства. В Старом Каире гиды, показывая туристам Висячую коптскую церковь, обращают их внимание на одну черную колонну в белой колоннаде – конечно же, она символизирует Иуду. Однако без предательства Иуды не было бы христианства.

За традиционными представлениями об Иуде кроются довольно неприглядные исторические обстоятельства. По мере своего развития и распространения христианство все больше стремилось отделиться от иудаизма, из которого оно выросло, и христианские мыслители все чаще обвиняли евреев в смерти Христа. В этом контексте Иуда олицетворял весь еврейский народ. Интересно, что авторы четырех евангелий Нового Завета довольно спокойно относятся к Понтию Пилату, римскому правителю Иудеи, и сурово осуждают Иуду и иудейских первосвященников.

В «тайной вести» перед нами предстает совершенно иной Иуда: он один, в отличие от других апостолов, по-настоящему понимает слова Христа. Иуда выдает Его властям по Его же просьбе, прекрасно понимая, какая участь ждет его самого, ведь Иисус предупреждает его: «Ты будешь проклят людьми».

Столь точное и подробное описание последующих событий наводит на мысли о фальсификации, что довольно часто случается, когда дело касается «библейских» артефактов. Так, в 2002 г. публике был предъявлен пустой известняковый оссуарий (ящик для погребения), в котором якобы некогда лежали кости Иакова, брата Иисуса. Посмотреть на «реликвию» стекались толпы людей, но вскоре стало понятно, что это всего лишь талантливая фальсификация. Евангелие от Иуды, конечно, способно вызвать интерес гораздо больший, чем пустой оссуарий, такая подделка была бы еще

заманчивее. Но все проведенные на настоящий момент исследования подтверждают подлинность этого манускрипта. Национальное географическое общество США, оказывающее финансовую поддержку в его реставрации и переводе, поручило лаборатории радиоуглеродного датирования Аризонского университета провести анализ кодекса – написанной на папирусе книги, включающей также и текст Евангелия. Тесты пяти образцов папируса и кожаного переплета указывают на то, что кодекс появился между 220 и 340 гг. н. э. Состав чернил – смесь железного купороса, танина и сажи – тоже характерен для той эпохи. Специалисты по коптскому языку говорят, что в тексте встречаются обороты, которые свидетельствуют о том, что он был переведен с греческого языка (а именно по-гречески было написано большинство христианских сочинений I и II вв.).

Еще одно подтверждение подлинности найденного документа пришло из далекого прошлого. Около 180 г. Иринея, епископ Лиона (в то время это была территория римской провинции Галлии), написал объемистое сочинение, озаглавленное «Против ересей». Он яростно обличал все течения христианства, в которых понимание учения Христа расходилось с точкой зрения ортодоксальной церкви. В числе прочих Иринея клеймил и тех, кто почитал «предателя» Иуду и написал «вымышленную историю», названную Евангелием от Иуды. Таким образом, за несколько десятилетий до того, как был создан манускрипт, попавший в конце концов в руки исследователей, разгневанный епископ, по всей видимости, уже знал о существовании его греческого оригинала. Впрочем, ересей, которые Иринею предстояло разоблачить, в те времена было предостаточно: в первые века христианства церковь, представлявшая собой иерархию священников и епископов, была лишь одной из множества религиозных групп, поклонявшихся Христу. Эту эпоху для христианства можно определить как время поисков.

Например, секта эбионитов учила христиан соблюдать все религиозные предписания иудаизма. Маркиониты, напротив, отрицали, что Господь Нового Завета имеет что-либо общее с Богом иудеев. Кое-кто утверждал, что природа Христа была исключительно божественной, другие же настаивали, что он был только человеком. Многие из этих религиозных групп принадлежали к гностическому течению в христианстве, и именно идеи гностицизма нашли свое

отражение в Евангелии от Иуды. «Гнозис» по-гречески означает «знание». Гностики верили в существование источника высшего блага – божественного сознания, которое находится за пределами физического мира. По их представлениям, люди несут в себе искру божественной благодати, но они ограничены окружающим материальным миром. Этот мир, по мнению гностиков, несовершенен, это творение не высшего Бога, а демиурга.

В то время как епископ Иринеи и согласные с ним христиане подчеркивали, что лишь Иисус, сын Божий, сочетает в себе божественную и человеческую природу, христиане-гностики заявляли, что обычный человек также может обрести связь с Богом. Спаситься можно, пробудив заключенную в человеческом духе божественную искру и воссоединившись с божественным разумом. Это возможно только под руководством учителя, каким, по мнению гностиков, и был Иисус. Тот, кто поймет Его учение, может обрести такую же, как у Христа, божественную природу. Этим-то и объясняется яростная враждебность Иринея. Мистики всегда навлекали на себя гнев служителей культа. Они ведь слышали голос Бога в своей душе и не нуждались в посредничестве священников. Иринеи начал писать свою знаменитую книгу после того, как, вернувшись в Лион из долгой поездки, обнаружил, что его паству сбил с пути истинного некий Марк, проповедник-гностик: он побуждал своих новых последователей «пророчествовать» и таким образом демонстрировать прямую связь с Богом.

До недавнего времени наши представления о подобных учениях основывались только на сочинениях, обличавших их в ереси. Авторы этих сочинений, как и Иринеи, принадлежали к ортодоксальной церкви. Однако в 1945 г. поблизости от Наг-Хаммади (Египет) крестьяне нашли глиняный сосуд, в котором были спрятаны давным-давно утерянные гностические тексты, в том числе более десятка неизвестных ранее вариантов изложения учения Христа, например Евангелие Истины и Евангелия от Фомы и от Филиппа. И вот теперь обнаружено Евангелие от Иуды. В древности, вероятно, некоторые из этих «альтернативных версий» имели даже более широкое распространение, чем четыре Евангелия Нового Завета. Большинство найденных гностических манускриптов II в. или их фрагменты, или скорее всего, копии других христианских текстов.

Однако сама идея существования евангелий, противоречащих четырем каноническим, у некоторых людей вызывает сильное беспокойство. Как будто исследователи сенсационных находок покушаются на авторитет Библии и, в частности, евангелий. На самом деле в точности неизвестно, были ли авторы евангелий, в том числе и четырех канонических, очевидцами тех событий, которые описывают. Скорее всего, канонические евангелия просто вытеснили остальные. Ведь раннехристианские общины были, как правило, бедны и могли себе позволить заказать копии лишь нескольких книг, например Евангелия от Иоанна. Каноническими Евангелиями стали те, которые сами верующие считали наиболее достоверными. Впрочем, другие тексты могли попросту потерпеть поражение в войне за влияние на сознание христиан.

В Евангелии от Иуды отражена борьба между христианами-гностиками и ортодоксальной церковью. В самой первой сцене Иисус высмеивает апостолов, молящихся «своему богу» – создателю мира. Он сравнивает их со священником в храме, которого называет «учителем лжи, сажающим деревья, что не приносят плодов, – увы, во имя Мое». Иисус призывает апостолов взглянуть на Него и понять, кто Он есть на самом деле, но они отворачиваются от Него.

Кульминация книги такова: «Ты принесешь в жертву человека, в чью плоть я облечен», – говорит Иуде Иисус. Иными словами, Иуда должен убить Иисуса – и этим оказать Ему услугу. То есть убит на самом деле будет не Иисус. Напротив, он наконец освободится от своей материальной, физической оболочки, и настоящий Христос, божественная сущность, заключенная во плоти, будет освобожден.

То, что это поручено именно Иуде, подчеркивает его особое положение среди учеников. «Подними глаза и взгляни на облако, на свет, сияющий внутри него, и на звезды, окружающие его, – ободряюще говорит ему Иисус. – Твоя звезда – путеводная». В конце концов, Иуда получает откровение и оказывается внутри «светящегося облака». Люди, стоящие на земле, слышат голос, исходящий из облака, но что именно он говорит, мы, скорее всего, так и не узнаем – из-за повреждений папируса. В конце евангелия очень коротко говорится о том, что Иуда «получил деньги» и предал Иисуса солдатам, явившимся Его арестовать.

Некоторые исследователи считают эту историю бессмысленной выдумкой, в Евангелии от Иуды нет ничего такого, что можно было бы признать исторически достоверным. Однако другие ученые полагают, что этот документ очень важен, так как позволяет больше узнать о мировоззрении первых христиан: Евангелие от Иуды меняет устоявшиеся представления об истории раннего христианства, ведь ученые ищут в евангелиях не информацию об исторических событиях, а сведения об истоках христианской веры.

Кодекс был найден в шестидесяти пяти километрах к западу от монастыря Святого Антония в Восточной пустыне Египта. Писцом, перу которого он принадлежал, мог быть и один из монахов, которые почитали гностические тексты и хранили их в своих библиотеках. Однако к концу четвертого века держать подобные книги стало небезопасно. В 313 г. римский император Константин прекратил гонения на христиан, но его терпимость распространялась только на ортодоксальную церковь. Христианам же, несогласным с официальным учением, запретили собираться вместе.

К тому времени Ириней уже определил те четыре Евангелия, которые следует знать христианам, и этот перечень в конце концов был признан всей церковью. В 367 году влиятельный епископ Александрийский Афанасий выпустил адресованный всем христианам Египта указ, содержащий список из 27 текстов (в том числе и четыре канонических Евангелия), которые должны входить в Новый Завет: только эти книги могли считаться священными. Этому списка большинство христиан придерживается и сегодня.

Было или будет?

В I веке (в конце 60-х или 90-х годов) на уединенный скалистый остров Патмос в Эгейском море был сослан за проповедь Евангелия некто Иоанн, человек, который, пользовался огромным авторитетом во многих христианских общинах Малой Азии, особенно в ее духовном центре Эфесе. Человек этот выступал как пророк и называл себя пророком, братом всех христиан. Согласно одной из церковных традиций, этот таинственный Иоанн, сосланный на Патмос, был любимым учеником Иисуса Иоанном Зеведеевым, или, как его впоследствии называли, Иоанном Богословом. Ему принадлежит одна из самых известных книг Нового Завета – Апокалипсис. Правда, не все теологи и специалисты по Библии разделяют эту точку зрения. Да и сам автор не пишет о себе как об апостоле, как об одном из двенадцати, в этой книге почти нет намеков на события земной жизни Христа.

Апокалипсис в православной церкви за богослужением не читается (за исключением служб во время Великого поста), потому что богослужебный устав сложился раньше, чем эта книга окончательно вошла в библейский канон.

По содержанию и своему стилю Апокалипсис резко отличается от других текстов Нового Завета, там излагается полученное Иоанном от Бога откровение. Посредством видений Иоанну открылось предстоящее рождение антихриста на Земле, второе пришествие Иисуса Христа, конец света, Страшный суд. В книге присутствуют образы, ставшие темой для многочисленных богословских толкований: апокалиптические всадники; вавилонская блудница; жена, облеченная в солнце; число зверя – 666 и др. В ходе истории многократно предлагались различные расшифровки этих символов. Классическим

комментарием на Апокалипсис является толкование святого Андрея Кесарийского, поэтому все церковные богословы в известной степени основываются именно на нем.

Для христиан Апокалипсис, во-первых, означает Откровение Божественных Тайн, это Тайна вечного Царства Божия, его проявления в нашей жизни и в Церкви. Во-вторых, это Тайна беззакония или Тайна действия сил Сатаны. В-третьих, это Тайна нашего спасения, начиная от Распятия и до всеобщего Воскресения и жизни в будущем веке. Различают три направления в толковании Откровения Иоанна.

Первое направление – богословское. Оно рассматривает Апокалипсис как книгу, раскрывающую историю христианской Церкви в особой, пророческой форме. Сюда относятся: толкование образа «жены, облеченной в солнце» из XII главы, семь посланий церквям Азии и объяснение некоторых других видений.

Второе направление толкования – историческое. Оно рассматривает образы Апокалипсиса как отражение тех или иных общемировых событий. В таком ракурсе история Земли предстает перед нами в виде непрерывной борьбы Добра со Злом, которая достигает своей кульминации в последней и решающей битве – Армагеддоне.

Третье направление толкования – эсхатологическое, связанное с концом мира, с дальнейшей судьбой человечества в целом и путями спасения каждого человека в отдельности. Книга Откровения заканчивается пророчеством о том, что победа Бога над грехом увенчает тяжелую борьбу. В обновленном творении («новое небо и новая земля») **Бог** будет пребывать среди людей в вечном Небесном Иерусалиме.

В Апокалипсисе Иоанна много загадочных, символических пророчеств, но одно из них выделяется своей ясностью и недвусмысленностью – пророчество о Тысячелетнем Христовом Царстве на земле и первом воскресении умерших: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились ни зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это – первое воскресение.

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр. 20: 4–6).

Откровение подводит итог всему тому, что было сказано о вечной жизни в библейской традиции. Иоанн прибегает в нем к образам, заимствованным из ветхозаветных пророчеств (в этой небольшой книге более двухсот цитат из Ветхого Завета), подчеркивая тем самым преемственность Ветхозаветного и Новозаветного Откровения.

Последняя, 21-я глава Евангелия от Иоанна заканчивается загадочными словами Иисуса о своем любимом ученике Иоанне: «Хочу, чтобы он пребыл, пока прииду». Между учениками пронесся слух, что «ученик тот не умрет», но сам Иоанн уточняет: «Иисус не сказал ему, что не умрет, но:...Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду» (Ин. 21, 22–23). Иоанн прожил очень долгую жизнь в малоазийском городе Ефесе и единственный из 12 апостолов избежал насильственной смерти, хотя, как и другие, проповедовал Евангелие язычникам.

Древнее предание, изложенное писателем IV в. Епифанием Кипрским, гласит, что ученики выкопали по просьбе Иоанна могильный склеп, в который он самостоятельно вошел, но на третий день ученики не нашли его там. Предание утверждает далее, что Иоанн пребывает живым на земле до исполнения тех событий, которые он предсказал в своем Откровении (Апокалипсисе). Он должен будет помочь верным христианам истолковать смысл своих пророчеств и вместе с ними принять смерть от Антихриста.

Для приближения к пониманию смысла Апокалипсиса, конечно, нужно представлять себе время, когда он был создан.

Первые общины христиан в Римской империи языческое общество практически не замечало. Но осенью 64 г., когда вспыхнул пожар в Риме, христиане приняли на себя всю ненависть империи – ведь должен был кто-то нести ответственность за беды в государстве. Они стали жертвами ужасающих расправ, придумывать которые римляне были большие мастера. А через несколько лет к власти пришел император Домициан. Он был братом Тита, который в 70 г. разорил и сжег Иерусалим. Сгорел и рухнул храм, где проповедовал Христос, где проповедовали последние пророки. Рухнула святыня,

связанная с историей Ветхого Завета. Это было событие, больно ранившее не только ветхозаветных иудеев, но и христиан. Домициан начинает новые гонения на христиан, причем расправляется и с образованными людьми, которые обратились к христианству. Сам же Домициан все сильнее настаивает на своей божественности и вводит в свою титулатуру божественные титулы. Перед христианами встает дилемма: либо принять это государство, которое себя обоготворяло, либо идти на конфликт с ним, а значит, и на мученичество.

Начинаются гонения, и, по-видимому, в это время Иоанн и оказывается на Патмосе, где были римские каменоломни. Каторжники спускались в ямы, выламывали куски породы, грузили их и отправляли на корабли. Возможно, там, на берегу моря, в часы передышки сидел Иоанн. Это был день воскресный – уже тогда христиане посвятили первый день недели Господу. Перед ним расстилалось море, голые скалы. Он оторван от христианских общин, но, возможно, понимает, что там происходит: смятение внутри общин, духовный кризис, нападки врагов, давление императорской власти. В тревоге он хочет обратиться к ним со словами утешения, но не находит их в себе. Вот так начинается Апокалипсис: Иоанн был в особом состоянии духа, когда рождаются необыкновенно яркие, многозначные образы, как у древних пророков. И он начал писать. Он писал то, что видел. И знал, что будет невыносимо тяжело. И верил, что добро победит.

Он писал о конце света, хотя конкретного срока его наступления не называл: «О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец».

Существуют и нетрадиционные толкования Апокалипсиса. В 1907 г. вышла книга Н. А. Морозова «Откровение в грозе и буре», где была сделана попытка датировать Апокалипсис на основе астрологической интерпретации его образов. Автор посчитал, что Апокалипсис был написан в воскресенье 30 сентября 395 г., а его автором является Иоанн Златоуст, но, как известно, на Апокалипсис Златоуст никогда в своих проповедях не ссылался и на Патмосе не жил.

Еще один вариант толкования – утверждение о том, что под образами Апокалипсиса скрыты астрологические символы, составляющие какой-то гороскоп. А зачем автору Апокалипсиса вообще было нужно записывать некий гороскоп?

Назначение гороскопа может быть двояким. Прямое назначение – дать астрологическую характеристику определенному дню или событию. Косвенное же назначение гороскопа – с помощью астрономической картины неба зафиксировать на века текущую дату, чтобы спустя несколько столетий эту дату можно было бы восстановить вне зависимости от календарных изменений.

Один из наиболее интересных гороскопов датирует Апокалипсис 3–4 ноября 96 г. При желании можно соотнести положение планет и созвездия с апокалиптическими образами. Действительно, в это время Венера находилась в Стрельце, Марс – под Персеем, Юпитер – в Весах, Меркурий – в Змееносце, Сатурн – в Деве, а Солнце и Луна в эти дни находились в Скорпионе. Все четко соблюдено. Удивительный факт – именно тогда произошло кольцеобразное солнечное затмение (3 ноября 96 г.). Правда, на Патмосе его нельзя было наблюдать.

Эта дата – 3 ноября 96 г. – весьма точно совпадает с датировкой написания Апокалипсиса, на которую указывают христианские авторы Ириной и Евсевий. И хотя этот день приходится не на воскресенье, но неразрешимой проблемы тут нет. Дело в том, что в исходном тексте о дне недели явно не упоминается. Сказано лишь, что видение Иоанну было «в день Господень». С тем же успехом это могли быть сутки с четверга на пятницу, ведь именно в это время – в еврейскую пятницу – состоялась Тайная вечеря, на которой Господь установил таинство Евхаристии, то есть причащение хлебом и вином, символизирующих собой тело и кровь Христа. Любопытным является и тот факт, что 96 г. н. э. по сути является 100 годом от Рождества Христова, так как Иисус родился в 4 г. до н. э. Иначе говоря, Откровение явилось не случайным событием, а знаменовало собой столетний юбилей Рождества.

Духи земли

Геомантия (от греч. «гео» – земля, и «мантика» – искусство прорицания), т. е. прорицание по земле, уходит корнями в практику древнеиндийских, древнекитайских, халдейских и египетских жрецов.

В те давние времена ни одно учение не могло существовать в отрыве от философских воззрений на природу. Согласно этим представлениям, почти всюду на Востоке, а позднее и в Древней Греции считали, что первоосновой всего являются 4 элемента: земля, вода, воздух и огонь.

Так зародилось 4 вида гаданий: геомантия (по земле), гидромантия (по воде), аэромантия (по воздуху) и пиромантия (по

огню). Как учение геомантия вобрала в себя сведения из астрономии (астрологии), химии (алхимии), математики, геологии, медицины, а также различные религиозные верования.

Старинное предание гласит: когда-то люди жили в полном согласии с окружающей природой. Древнегреческий философ Платон в «Законах» говорит о Гесиоде и его мифах о Кроносе: «До нас дошло предание о блаженной жизни тогдашних людей, о том, как им все в изобилии и само собой доставалось. Причина этому была, говорят, вот какая: Кронос знал, что никакая человеческая природа – мы говорим об этом – не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполниться заносчивости и несправедливости; сознавая все это, Кронос поставил тогда царями и правителями наших государств не людей, но демонов – существ более божественной и лучшей породы». Если верить Платону, люди эпохи Кроноса жили под защитой демонов, или духов Земли. Каждая местность, каждый участок ландшафта тоже находились под влиянием духов. То был «золотой век». Ностальгией по тем благодатным временам пропитаны мифы и легенды многих народов.

Позднее, как полагали древние, люди утратили непосредственную связь с Землей. Поэтому геомантия была в их глазах тем искусством, которое помогает установить гармонию между человеком и окружающим его видимым (физическим) и невидимым (духовным) миром. Основные принципы геомантии у разных народов, несмотря на различия культур, были одинаковы. Это свидетельствует о том, что в основе их лежит некий общий природный феномен. Им явилась смена времен года, которую предсказывают по расположению небесных тел. Так геомантия соприкасается с астрологией: человек и Земля, каждый конкретный участок ее, мыслились как части мироздания, которые подчиняются законам Космоса. Духи Земли тоже входили в этот космический кругооборот. Древние представляли их живыми существами, которые питаются солнечной энергией. Земля, как и тело человека, с годами может изменяться, но духи Земли не меняются никогда. Эти взгляды на природу получили развитие в средние века. Известный алхимик XVI в. Базилий Валентин писал: «Земля не мертвое тело, она населена духами. Все вокруг, включая минералы, черпает свою силу от духов Земли. Эти духи составляют основу

жизни, они питаются от звезд и сами в свою очередь питают все живое, сокрытое в недрах земли».

Наблюдая за природой, сопоставляя земные и небесные события, древние заметили, что каждому дню года соответствует то или иное расположение небесных тел. Отсюда был сделан вывод, что каждый день находится под влиянием той или иной планеты или звезды, а значит, и духи Земли, от которых зависит жизнь растений и животных, проявляют свою активность только в определенные периоды. Со временем были составлены сельскохозяйственные календари. А поскольку каждая местность имеет свои климатические особенности, появлялись местные календари, а с ними и местные обычаи, обряды и мифы. Приходившие издалека завоеватели, конечно, приносили с собой своих богов, свои культы и ритуалы, но природные условия не зависели от религиозных и политических переворотов, и новые божества поневоле приспосабливались к местным условиям.

Первые христиане часто возводили свои храмы на месте языческих святилищ, а празднества в честь церковных святых приурочивали по времени к празднествам в честь их языческих предшественников. Даже когда в 392 г. эдиктом императора Феодосия Великого (ок. 346–395) языческая религия была запрещена, суеверный страх заставлял прежние языческие верования оживать в литургических действиях, в культе святых и реликвий, в почитании деревьев, животных, источников, гор, холмов и природных явлений. Это сохранилось и поныне.

С древних времен люди устанавливали границы своих владений (полей, селений, святилищ) с помощью геомантии. Считалось, что границы находятся под защитой духов Земли. В христианскую эпоху те же геомантические методы применялись, чтобы проверить, правильно ли установлены границы церковных приходов. Обычай укоренился так глубоко, что даже в Англии в период Реформации (XVI в.), когда фанатики громили храмы, древний ритуал уцелел. В указе королевы Елизаветы I (1565) записано: «...люди должны раз в год вместе со священником обходить вокруг церковного прихода... священник должен в определенных удобных местах увещевать людей возносить хвалы Богу». Эти «удобные» места были теми же самыми, на которых совершали свои ритуалы еще язычники.

Места для ритуалов язычники выбирали в строгом соответствии с законами геомантии. Древние считали, что духи Земли двигаются по определенным каналам, или венам, подобно тому, как кровь человека течет по жилам. И подобно тому, как душа человека пребывает в конкретном органе (в мозгу, печени или сердце), духи Земли тоже сосредоточены в конкретном месте, где концентрируются жизненные силы. В таких местах и устраивались захоронения, строились святилища и храмы. Именно в таких местах совершались чудеса, а люди обретали пророческий дар.

Вспомним знаменитый Дельфийский оракул. Дата основания Дельф неизвестна. Он считался древним уже во времена Гомера (VIII–VII вв. до н. э.). В продолжение 15 веков до н. э. Дельфы были местом паломничества. Со всех концов античного мира туда стекались люди: цари, полководцы и простолюдины, – чтобы испросить совета, узнать будущее, судьбу государства или свою собственную судьбу.

Считалось, что в этом состоянии они вступают в контакт с невидимыми духами и узнают от них будущее. Обычно вопрос записывали на листке и передавали жрецу, который в свою очередь передавал его женщине – прорицательнице. Жрица (пифия) удалялась в святилище, садилась на священный позолоченный треножник, жевала лавровые листья, выпивала кубок воды из родника и впадала в транс.

Сила вопрошания связывалась с местом, на котором были расположены Дельфы. Старинное предание рассказывает, что однажды на некоем пастбище пастухом внезапно овладело безумие и он обрел пророческий дар. Потом туда стали приходить другие, желавшие заглянуть в будущее. Вскоре стали считать, что эта местность находится под влиянием могучих таинственных сил, которые пробиваются из недр земли на поверхность. Древние греки связали его с богиней земли Герой и увидели в нем некий центр – «пуп Земли», средоточие сил. Через несколько столетий культ Геры в этой местности был вытеснен культом солнечного бога Аполлона. Его-то и стали почитать основателем города. Согласно мифу, юный светозарный бог вступил в единоборство с драконом Пифоном, убил его и на месте битвы основал свое святилище, чтобы прорицать людям волю своего отца Зевса.

Место, на котором был заложен храм, было действительно необычным. Плутарх, известный древнегреческий писатель и один из жрецов Дельфийского оракула, писал: «Люди подвергаются влиянию паров, поднимающихся из-под земли. Некоторых испарения сводят с ума, вызывают болезнь или смерть; на других действуют благоприятно, успокоительно и благотворно». Вероятно, тайна Дельфийского оракула заключалась в ядовитых газах, которые вызывали галлюцинации.

Все что связано со знаменитым Дельфийским оракулом, можно отнести и к области мифов, и к области исторических фактов. Легенда рассказывает: когда Геракл в припадке неистовства, насланного на него богиней Герой, убил своих детей, он отправился в священные Дельфы спросить, что ему делать. Дельфийский оракул повелел герою совершить 12 великих подвигов.

А вот что было в действительности. Древнеперсидский царь Ксеркс (умер в 465 г. до н. э.), обуреваемый жадностью и мстя грекам за поражение в войне, послал войско разграбить священные Дельфы. Но на пути персов настигла страшная гроза – верный знак гнева богов, – и они повернули назад. Город был спасен. Позже Дельфы, правда, были разграблены римлянами под руководством Суллы (82–79 гг. до н. э.), а еще позже император Нерон (54–68 гг. до н. э.) выкрал из города 500 бронзовых статуй в отместку за то, что оракул осудил его как матереубийцу.

Последние обращения к оракулу относятся к IV в. н. э. Римский император Юлиан Отступник (332–363), безуспешно пытавшийся восстановить языческие культы, обратился к Дельфийскому оракулу с просьбой открыть ему завесу будущего. Но Дельфийский оракул ответил, что он будет молчать, потому что отныне боги закрыли доступ в свой мир. Около 390 г. н. э. храм был закрыт римским императором Феодосием.

В настоящее время в Дельфах ведутся реставрационные работы. Многочисленные туристы, посещающие древний город, по-прежнему пытаются вопрошать судьбу. Но оракул безмолвствует.

Вера в то, что существует «пуп Земли» как место концентрации таинственных сил, была распространена среди многих народов. Таких мест, как Дельфы, было немало. Каждое из них было связано с культом солнечного бога или героя, который вступает в смертельную схватку с

драконом и побеждает. Одно из таких мест находится на Мадагаскаре – это оракул Рамахавали («тот, кто может дать ответ»), который считался повелителем и покровителем змей. Другое аналогичное место находилось в японской провинции Хитачи. Согласно японским мифам, Земля покоится на спине гигантского морского чудовища Хишин-Уво, движения которого вызывают землетрясения. Чтобы успокоить Землю, бог прищипливает расходившее чудовище именно в провинции Хитачи. Индийцы полагали, что «пуп Земли» находится в Дели. Его олицетворял огромный железный столб, установленный в IV в. Восемь столетий спустя вокруг столба была построена мечеть, а сам железный столб, согласно легендам, ушел глубоко в землю и покоится на голове Васуки, короля змей.

Знать местонахождение «пупа Земли» считалось жизненно важным. Древние верили, что овладение таинственными силами Земли способствует процветанию государства, а утрата ведет к упадку.

Особенно большое значение силам Земли придавали древние китайцы. Они даже создали учение о том, как с пользой использовать природные энергии. Называется оно фэн-шуй.

Они верили, что эти силы влияют на судьбы людей. Считалось, что их влияние распространялось на целые селения и области. Эти силы называли фэн-шуй (ветер и вода). Их могущество связано с природными особенностями местности и зависит от формы холмов, расположения рек и озер, рощ и отдельных деревьев. Чтобы жить в ладу с космическими силами и не нарушать царящей в природе гармонии, древние китайцы старались не изменять конфигурации ландшафта. Если же такая необходимость возникала, то они обращались за помощью к геомантам. С помощью определенных методов геомант находил для каждого строения строго определенное место. Более того, считалось, что специальные сооружения могут улучшить качество местности, заставив чудодейственные силы оказывать на живущих благоприятное воздействие. Всему этому и учило древнее искусство фэн-шуй.

В его основе лежит древнекитайская философская система разнесения всех явлений по двум категориям: инь и ян. Мифы гласят, что в глубокой древности, когда еще не было ни неба, ни земли, Вселенная представляла собой мрачный бесформенный хаос. В этом бесформенном мраке возникли два духа – инь и ян, которые занялись

упорядочением мира. Впоследствии ян стал управлять небом, а инь – землей. Ян олицетворяет мужское начало, инь – женское. В Китае верили, что любая вещь живет, черпая жизненную силу из двух источников: дыхания небес (ян) и дыхания земли (инь). Наиболее благоприятны те местности, которые вбирают дыхание небес.

Другим важнейшим элементом верований древних китайцев был культ предков, духи которых оказывали воздействие на жизнь и судьбу потомков. Считалось, что если место погребения предков выбрано в согласии с законами фэн-шуй, в семействе погребенного царили счастье и благополучие. Особенно благоприятным для погребения считался холм, сходный с очертаниями тигра. Похоронить предка в благоприятной зоне считалось особенно важным. Сохранилась легенда о неизвестном бедняке по имени Чао Мин, который неожиданно стал императором и основателем династии Син. Причина такого необычного изменения судьбы, по легенде, заключается в том, что он перезахоронил останки своего отца в правильном месте.

Для нахождения благоприятных и неблагоприятных территорий существовал специальный прибор – геоман-тический компас. Это был диск с нанесенными на него концентрическими окружностями. Каждая окружность делилась на сектора, помеченные буквами и символами. С помощью этого инструмента геоман определял место для захоронения, для закладки храма или строительства дома. Ибо архитектурные сооружения рассматривались не только с точки зрения их утилитарного назначения, но и были исполнены мистического смысла.

Древние методы геомантии не забыты в Китае и по сей день. Цель их – вернуть утраченную гармонию между человеком и природой. Если же смотреть шире, искусство фэн-шуй неожиданно переплетается с экологическими проблемами.

Известно, что в одних местах Земли человек чувствует себя хорошо, в других – плохо; многие животные тоже предпочитают определенные места. Исследователи, столкнувшись с этим феноменом, давали ему разные объяснения. Еще в 30-х годах прошлого столетия французский физик Ф. Пар сообщил об открытой им с помощью биолокации активной глобальной сети с ячейками размером 4x4 м, ориентированными по магнитному меридиану. Эта сеть делит землю на «больные» и «здоровые» зоны. Длительное

пребывание в «больной» (геопатогенной) зоне приводит к нарушению функционирования организма человека, к заболеваниям. Позже выяснилось, что существует немало разновидностей геобиологических сетей. Так, немецкий ученый Э. Виттман на основе своих исследований пришел к выводу, что ячейки глобальной сети имеют размер 16x16 м и ориентированы как ромбы большой осью в направлении север – юг. В свою очередь другой немецкий ученый, Хартман, обнаружил сеть с ячейками размером 2x2,5 м («сеть Хартмана»), а ученый из Баварии М. Курри – с ячейками размером 5x6 м («сеть Курри»).

Вопрос о происхождении и физических свойствах геобиологической сети пока остается открытым. Но уже известно, что такие сети состоят из невидимых пучков геомагнитного излучения, которое обычно проявляет себя в местах пересечения на разных уровнях подземных водных потоков (как тут не вспомнить о «духах земли», которые, по представлениям древних, двигались по подземным каналам или жилам!). В таких местах наблюдается повышение ионизации воздуха, усиление радиоактивного фона, увеличение электрического потенциала атмосферного электричества и другие изменения геофизических параметров среды, которые оказывают влияние на физическое и психическое состояние человека и животных. Геобиологическая сеть связана и с космическим излучением. Проходя через ионосферу, взаимодействуя с геомагнитным полем Земли, космическое излучение, видимо, претерпевает некоторые изменения и опускается на Землю не сплошным потоком, а в виде полос. Существуют, например, так называемые полосы Шульги, связанные с излучением зодиакальных созвездий. Не были ли такие явления исподволь подмечены древними геомантами, применявшими для своих предсказаний методы астрологии?

Особенно сильное влияние на живые организмы оказывают места пересечения – узлы – геобиологической сети. М. Курри и ряд ученых высказали догадку, что узлы этой сети поляризованы, что порождает два вида излучения, условно названных положительным и отрицательным. Положительное излучение благотворно действует на человека, отрицательное – наоборот. Замечено, что животные чувствуют геобиологическую сеть и реагируют на нее по-разному. Так,

собака никогда не ляжет на места пересечений, тогда как кошка, наоборот, предпочитает их. Свинья, корова, лошадь, овца, находясь длительное время в месте пересечения сети, заболевают. Зато совы любят узлы. Муравьи строят свои муравейники именно на узлах, а в ульях, расположенных в таких местах, пчелы более медоносны. Микробы и паразиты тоже чувствуют себя хорошо на узловых местах.

Издравле земля для человека была объектом почитания. Земля не только считалась вместилищем духов, но и сама обожествлялась. Земля – это древнейшее божество, мать богов, она давала богам и людям жизненную силу. Она могла быть милостивой – награждать людей обильным урожаем, изобилием, а могла быть и грозной – обрушивать на людей стихийные бедствия: засухи, землетрясения, потопа.

Конечно, современному человеку непросто увидеть мир таким, каким его видел наш далекий предок, нам трудно представить себе Землю живой. Но тем не менее и мы испытываем своего рода ностальгию по временам, когда человек был ближе к природе и лучше ее понимал. Именно этим и объясняется возрастающий интерес к древнему магическому знанию, в том числе и к геомантии – почти забытому ныне искусству, родственному астрологии.

В воззрениях древних геомантов несомненно заключено рациональное зерно, и труд их не был напрасен. Исподволь геомантия накапливала знания о земле, о необычных явлениях, трактуемых геомантами, разумеется, с точки зрения древних религиозных представлений. Но именно так и зарождались науки, изучающие землю.

У геомантии была менее счастливая судьба, чем у ее сестры – астрологии. После века Просвещения она стала считаться суеверием. В результате надолго было забыто и главное направление геомантии – исследование влияния духов местности на человека и животных, по современной терминологии – исследование влияния геофизических полей на живые существа.

Мы слишком много успели испортить на Земле. Земля больна, она заболела после того, как мы перестали относиться к ней, как к живому существу, как к объекту поклонения. Утратив связь с природой, мы стали понемногу превращать ее в свалку отходов, в место, непригодное для жизни. В таких условиях не то что духам, людям

становится трудно жить. И может быть, интерес к представлениям геомантов в какой-то степени вернет нам утраченный ныне священный трепет перед Землей-матерью, поможет обрести гармонию.

Священные числа

«В голове имеется семь отверстий: две ноздри, два уха, два глаза и рот, подобно этому и в небесах две благоприятные звезды, две неблагоприятные, два светила и единственный Меркурий, неопределенный и безразличный. Отсюда и из многих других аналогичных явлений природы, таких, как семь металлов и тому подобное, которые было бы утомительно перечислять, мы заключаем, что число с необходимостью должно равняться семи... Кроме того, евреи и другие древние народы, как и современные европейцы, приняли деление недели на семь дней и назвали их по семи планетам; если теперь мы увеличим число планет, вся эта система рухнет... Более того, эти спутники невидимы невооруженным глазом, и потому не могут оказывать влияние на Земле, и потому были бы бесполезны, и потому их не существует». Так некий Франческо Сиззи отозвался на сообщение Галилея об открытии четырех новых планет-спутников Юпитера.

Не существует – и все! Потому что иначе все устои рухнут. Развалится календарь, объявятся, не дай бог, новые металлы (они уже к тому времени объявились, но сеньор Франческо знать о них ничего не хочет), обнаружатся в голове новые отверстия...

Персонажи, подобные Сиззи, переходят из века в век – они больше всего беспокоятся о целостности устоев, о неприкосновенности общепринятого. Но почему этот Сиззи цепляется за какую-то семерку? Не кроется ли за нею нечто более серьезное, «более объективное», чем невежество и косность?

Почему число «семь» необыкновенно распространено в пословицах и поговорках? «Семь раз примерь, один отрежь», «Семь бед – один ответ», «Семеро с ложкой, один с сошкой», «Семеро одного не ждут», «Семи пядей во лбу», «Семь пятниц на неделе», «У семи

нянек дитя без глазу», «Макару поклон, а Макар на семь сторон», «Семь раз поели, а за столом не сидели», «Семеро у ворот, и все в огород», «За семь верст киселя хлебать», «Седьмая вода на киселе», «А ты, седьмой, у ворот постой». Обратите внимание: не «шестой», что было бы более полной и точной рифмой к «постой», а «седьмой».

Поистине, приверженность наша к этому числу достойна изумления. Семерка, оказывается, не сходит у нас с языка. Она украшает собой и толковые словари, и сборники пословиц, и сказки, и научные работы.

Обратимся к истокам нашей цивилизации. Древняя Греция. Семеро героев сражаются против Фив на заре ее истории; семь городов спорят за честь именоваться родиной Гомера; семь мудрецов почитаются эллинами; семь чудес света известны в странах Средиземноморья и Ближнего Востока. Когда одно из семи чудес обращается в прах – падает Колосс Родосский или рушатся сады Семирамиды, – его место занимает другое, но число чудес остается постоянным. Имена мудрецов тоже менялись, а число оставалось. В древних свидетельствах постоянно упоминаются только четверо мудрецов: Фалес, Биант (Биас), Питтак и Солон. Трех остальных избирали из целого списка, в котором бывало иногда чуть ли не двадцать имен. Чаще всего встречается такой перечень мудрецов (вместе с приписываемыми им изречениями): Быть умеренным – благо, как учит Клеобул из Линда. Все обдумай наперед, говорит Периандр, сын Эфир. Знай меру времени, так говорит Питтак Митиленский. Где много голов – быть беде, так думает Биас из Приены. Поручителю – горе, предрекает Фалес из Милета. Познай самого себя, советует лакедемонянин Хилон. Не увлекайся ничем, вот завет кекропийца Солона.

Закрепленная традицией мудрость семерых, пишет об этих изречениях профессор А. С. Богомолов, послужила основой для множества рассказов, стихов, пословиц, стала своеобразной народной философией греков и частью народного просвещения. Ее жизненность и рассудительность производят неотразимое впечатление. К тому же это не почерпнутая из мифа божественная мудрость, но мудрость человеческая и для людей предназначенная. В изречениях семи мудрецов отражается и тот «шок возникающей цивилизации», от которого пробуждается философское мышление. И хотя житейская

мудрость ни у кого из них, за исключением Фалеса, не превратилась в целостный взгляд на мир, они, безусловно, стояли у колыбели древнегреческой философии.

Семерка встречается нас на первых же страницах Библии и до последних сопровождает. Потрудившись шесть дней над устройением мира, Господь благословляет и освящает седьмой день – день, когда «почил... от всех дел Своих». Семь пар чистых животных и семь пар птиц небесных, тоже чистых (нечистых – только по две пары), велено взять Ноем в ковчег, ибо через семь дней начнется великий потоп. Дважды, выждав по семи дней, выпускает Ной голубя после потопа, чтобы посмотреть, не спала ли вода с лица земли. Семь коров тучных и семь тощих видит во сне фараон, а потом – семь колосьев полных и семь тонких. Семерых девиц встречается убежавший от фараона Моисей, семь дней в память об исходе из Египта полагается есть пресный хлеб и на седьмой год отпускать на волю раба. Иисус Навин затевает осаду неприступного Иерихона. Шесть дней подряд воины его молча обходят Иерихон по разу в день и семеро священников трубят в семь труб. На седьмой же день обход совершается семь раз подряд, семеро священников снова трубят, после чего воины восклицают все разом, и стены Иерихона рассыпаются. Семь евнухов служат царю Артаксерксу и семь князей-советников у него. Семеро сыновей или семь дочерей рождаются то у одного, то у другого персонажа; по семи агнцев приносят они в жертву; кто богат, у того семь тысяч скота, кто замышляет недоброе, у того в сердце семь мерзостей. Семью хлебами насыщает Иисус Христос несколько тысяч пришедших послушать его, и еще семь корзин полных остается. Семерых бесов изгоняет Иисус из Марии Магдалины. Семь золотых светильников видит Иоанн Богослов и семь звезд в деснице Божией, означающих семь церквей и семерых Ангелов сих церквей. Свыше 30 раз встречаем мы семерку только в одном Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе), а во всей Библии – более 160 раз. На втором месте (больше 140) – тройка, тоже число священное, на третьем – десятка, потом двойка, потом все прочие, включая число 10, которое тогда тоже было в большом ходу (начиная с потопа, который длился сорок дней).

Семерка не единственное сакральное число. Теперь обратимся к дюжине – 12. 12 знаков Зодиака и 12 месяцев года; 12 ветхозаветных сыновей Иакова и 12 апостолов Иисуса Христа; 12 часов в сутках у

древних народов и 12 животных восточного календарного цикла; 12 рыцарей Круглого стола и 12 разбойников в известной песне о Кудеяре... Да мало ли еще чего 12!

12 – это священное число древних народов. Число божественное, мистическое, свидетельства чему можно найти в нумерологии. Например: 12 – это $1+2$, что равно трем. А три – символ божественной сущности, символ горнего мира, символ христианской Троицы и триад языческих богов. Тримурти (триединство) Брахмы, Шивы и Вишну в индуистской мифологии, многочисленные группировки богов по три или по девять (3×3) в египетских мифах, образ трех Мойр, трех (или девяти) Муз, трехликая Геката у греков, триады богов в римском культе... Явление трех ангелов библейскому Аврааму, тройное деление времени (прошлое, настоящее и будущее), три способности души (память, мысль, любовь)...

Но ведь 12 – это и 3×4 ! А четыре – число материальных стихий, стран света (север, юг, восток и запад), то есть символ земного, человеческой природы, дольного мира. Таким образом, через произведение этих чисел, или их сумму – семь ($3 + 4$), связываются друг с другом и как бы становятся единым целым мир земной и мир небесный. Нижний и верхний миры. Земной и божественный.

Не случайно, по Платону (диалог «Тимей»), творец мира придал всеобъемлющему эфиру (который выражает сущность Вселенной) форму додекаэдра – правильного 12-гранника. Но все же – почему двенадцать? Все сказанное – еще не разгадка того, почему именно 12. Ее узнает тот, кто вместе с нами погрузится во тьму веков, в историю этого поистине волшебного, удивительного числа.

...Плывет над страной сфинкса и пирамид по небу на священной ладье солнечный бог Ра. В полдень он торжественно переходит с дневной ладьи Манджет на ночную – Маскетет. И начинается его плавание по подземному Нилу, протекающему в длинной и узкой долине, разделенной 12 вратами на 12 частей.

Знаменитый египетский лабиринт – 12 сообщавшихся между собой храмов – был храмом Солнца, проходящего по 12 знакам Зодиака. Громадная зала в храме Карнака была украшена 12 массивными колоннами. В главном храме «Города Солнца» – Гелиополиса – стояло 12 колонн, а на них были символы 12 знаков Зодиака и соответствующих им стихий... Несется по тем же знакам

Зодиака над Древней Элладой солнечный бог Гелиос на своей огненной колеснице, запряженной четверкой волшебных коней. Несется над Геей-землей по Урану-небу.

Пять детей было у Гелиоса от нимфы Климены (Феба, Гелия, Этерия, Лампетия и Фаэтон) и семь сыновей от нимфы Роды, дочери Афродиты. Всего 12. Дети Гелиоса – Гелиады – славились как великие знатоки астрологии.

А Гея и Уранос породили 12 могучих титанов и титанид (6 братьев и 6 сестер). Их звали Океан, Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Кронос; Тефида, Феба, Мнемосина, Тейя, Фемида и Рея. Титаны и титаниды вступили в брак между собой и породили новые поколения богов.

12 богов-олимпийцев (с некоторыми вариациями) были главными в пантеоне древних греков: Зевс, Посейдон, Аполлон, Арес, Гермес, Гефест, Гера, Деметра, Артемида, Афродита, Афина, Гестия. Эллины говорили о круге 12 богов – олимпийцев, разделенном на шесть пар: Зевс – Гера, Посейдон – Деметра, Аполлон – Артемида, Арес – Афродита, Гермес – Афина, Гефест – Гестия. 12 богов изобразил в 438 г. до н. э. на восточном фризе Парфенона Фидий – в качестве зрителей Панафинейского шествия. Алтарь 12 богов был на Саламине и во многих других местах. 12 олимпийских божеств выткала на пурпуре Афина Паллада, состязаясь в мастерстве с Арахной. 12 алтарей олимпийским богам, а также бронзовая колонна с надписью «Здесь остановился Александр» были воздвигнуты Александром Македонским во время его последнего индийского похода, когда его воины отказались переходить Ганг.

Круг 12 богов римляне заимствовали у греков (и, разумеется, у этрусков). Статуи 12 богов были установлены на Форуме: Юпитер – Юнона, Нептун – Минерва, Марс-Венера, Аполлон – Диана, Вулкан – Веста, Меркурий – Церера.

В Древнем Риме основой римского права был закон 12 таблиц. Известно собрание 12 латинских панегириков – хвалебных и праздничных речей в честь императоров. Членами одной из древнейших жреческих коллегий в Риме были салии – «прыгуны» (лат.). От Палатина и от Квиринала назначалось по 12 жрецов. Во время праздников в честь Марса одетые в старинные боевые доспехи, со священными щитами-анкилами, они исполняли ритуальные танцы и

пели песню, в которой призывали богов, прежде всего Марса. Когда, по преданию, с неба упал щит Марса, анкил, римский царь Нума Помпилий приказал сделать еще одиннадцать точно таких же, чтобы невозможно было обнаружить подлинный. «Жизнеописание двенадцати цезарей» составил Светоний. (Кстати, и в Китае было «Жизнеописание двенадцати праведных владык» – «Шиэр чжень-цзюнь чжуань».)

12 алтарей – по числу месяцев в году – было посвящено в Риме двуликому богу Янусу, с которым связывают название месяца января (Януариуса). Название происходит, как полагают, от слова *ianua* – «вход», «дверь». По одной из версий, он считался богом небесного свода, открывавшим ворота Солнцу в начале дня и закрывавшим его в конце. То есть опять связь с зодиаком!

По преданию, первой служительницей Теллуры, одной из древнейших италийских богинь (ее еще называли Светлой богиней), была жена пастуха Фаустула (нашедшего и воспитавшего близнецов Ромула и Рема), которую звали Акка Ларенция. У нее было 12 своих сыновей. Став римским царем, Ромул учредил жреческую коллегия из 12 человек – Арвальские братья. Когда же Ромул и Рем ждали небесного знамения перед закладкой будущего Вечного Города, то Ромул увидел 12 коршунов.

12 быстрых как ветер жеребят породил с кобылицами Эрихтония сын титанидов Астрея (звездного неба) и Эос (утренней зари) бог северного ветра Борей. Столь велика была мощь Алкионея, одного из гигантов, сыновей Геи и Урана (угнавшего, кстати, у Гелиоса стадо быков и за то получившего прозвище Волопаса), что он сокрушал сразу 12 колесниц и дважды по 12 воинов.

12 дочерей (и 50 сыновей) было у последнего царя Трои Приама. И 12 пленных троянских юношей принес в жертву над погребальным костром Патрокла Ахиллес. Греческий речной бог Асоп имел 12 дочерей и двух сыновей (эпонимы городов и островов). 12 человек – претендентов на руку своей дочери Гипподамии – погубил царь Элиды Эномай до того, как появился Пелоп.

12 раз объезжали участники соревнования во время скачек и бега на колесницах ипподром в Олимпии. На 12 кораблях (из которых уцелел только один, а 11 других разбились листригоны – великаны-людоеды) совершал плавание Одиссей. И с 12 спутниками попал он в

пещеру Циклопа Полифема. Кстати, после поражения от спартанцев в пелопонесской войне афиняне вынуждены были также сократить свой флот до 12 кораблей...

Афиняне подразделялись на четыре филы, каждая из которых, в свою очередь, на три фратрии. То есть в Афинах с древнейших времен существовало 12 фратрий (примерно по 30 родов в каждой). Каждая из четырех родовых фил Аттики была разделена на 12 навкратрий (организаций афинских граждан, ведавших постройкой военных кораблей для защиты побережий от нападения с моря).

Политическим объединением древнегреческих полисов и общин Пелопоннеса был Ахейский союз, в который входили 12 городов.

В Италии, вероятно, уже в конце VII в. до н. э. возникла конфедерация 12 этрусских городов-государств (Вейи, Тарквинии, Цере, Вольсинии, Вертулонии, Клузия, Перузия, Вольцы, Руселлы, Арреции, Волатерры, Фезулы, или Кортон), возглавлявшаяся высшими магистрами и жрецом, ежегодно избираемыми из числа правителей отдельных городов. Овладев около VI в. до н. э. плодородными землями в Кампании, а затем и обширными территориями в долине реки По, они создали там колонии, также объединенные в двенадцатиградия.

Римский император Диоклетиан объединил 12 провинций. Каждый из царей 12 городов (12 племен) Этрурии имел свиту в 12 ликторов. Впоследствии в Древнем Риме, в зависимости от ранга, каждому магистрату приходилось определять количество ликторов: диктатору – 24, претору – 6, консулу – 12, императору – сначала – 12, а со времен Диоклетиана – 24. И на берегу Мизии был союз 12 городов...

Но почему все же двенадцать?

В индийских «Ведах» говорится: «Год – колесница риты (миропорядка) с 12 спицами...» И в джайнской мифологии 12 «спиц»-веков имеет Калачакра (колесо времени): шесть из них относятся к восходящему (утсарпини) полуобороту колеса, а шесть – к нисходящему (авасарпини). В четвертом периоде колеса появляются 12 чакравар-тинов (тех, которые поворачивают колеса). В джайнской же мифологии в верхнем мире обитает четвертое племя божеств вайманика; оно делится на 12 родов. Над Дхата-кикхандой, согласно джайнской мифологии, сверкают 12 солнц и 12 лун.

Соотносится с Калачакрой и один из основных символов буддийской мифологии – мандала (круг, диск, колесо, кольцо, округ, страна, жертва, орбита). Это своеобразная модель Вселенной, карта космоса. И вот во внешнем кольце мандалы нередко изображались 12 символических элементов – нидан, выражающих 12 соотнесенных друг с другом причин, вызывающих и обеспечивающих непрерывность жизненного потока. Этот внешний круг соотносится с календарными и хронологическими системами всей Центральной и Юго-Восточной Азии. С «кругом мира» связаны мегалитические сооружения в Тибете и других странах (например, знаменитый Стоунхедж).

В «Ригведе» в гимнах «Всем богам» 12 раз упоминается Ахи Будхнья («змея глубины») – персонаж ведической мифологии, обладающий змеиной природой. Кстати, сравнение пояса Зодиака с лентой или змеей, свернувшейся кольцом в глубине небес и вещающей звездную премудрость (ибо змея – древний символ мудрости), было не столь уж редким.

12 Адитьев – верховных небесных богов – в послеведийский период толкуются как солнечные боги и соотносятся с 12 месяцами (а в «Ригведе» их семь и они соотносятся с днями недели).

Согласно мифологии, при иранском вероучителе и пророке Мани было 5 «слав» (Ум, Знание, Рассудок, Мысль, Осмотрительность) и 12 дев – персонифицированных добродетелей (Верховная Власть, Мудрость, Победа, Примирение, Чистота, Истина, Вера, Долготерпение, Прямота, Благодеяние, Справедливость, Свет).

В мифах народа ман (Вьетнам) после всемирного потопа на небе появилось 12 светил: от их тепла земля быстро просохла. 12 дочерей-лун родила Чан-си от Ци-Цзюня, верховного владыки в древней тайской мифологии. 12 башен, по преданию, окружали дворец легендарного императора Хуанди. Кратным двенадцати числом духов правит, по древнекитайской мифологии, Чжун-тянь-хуан-цзюнь (Средний владыка – небесный государь): 120 злыми облачными духами, 1200 бродячими неприкаянными душами – гуй, 12 000 демонами...

В «Младшей Эдде» скандинавов 12 асов – богов, живущих в небесном селении Асгарде: Один, Тор, Ньерд, Тюр, Браги, Хеймдалль, Хед, Видар, Али (или Вали), Ульв, Форсети, Локи...

В Священном Писании пророки разделяются на больших и меньших (малых). Большие – Исайя, Иеремия, Иезекииль и Даниил – оставили людям обширные пророческие книги. Меньших же (малых) было 12: Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Сафония, Аггей, Захария и Малахия.

12 медных волов поддерживали «Медное море» – огромный медный сосуд в храме Соломона для омовения рук и ног священников перед входом в святилище и восхождением к алтарю.

Существует место близ Гаваона – Хелкаф (Хаццурим), что значит «поле скал» или, по мнению некоторых, «поле мечей» или «сильных мужей». Оно получило название от единоборства между 12 вениамитянами со стороны Иевосфея, сына Саулова, и 12 храбрыми воинами Давида. «...Они схватили друг друга за голову, вонзили меч один другому в бок и пали вместе» (2 Цар. 2:16).

«...И было у Соломона 12 приставников над всем Израилем, и они доставляли продовольствие царю и дому его; каждый должен был доставлять продовольствие на один месяц в году» (3 Цар. 4:7).

Согласно позднейшей версии, получившей хождение в сирийской и армянской церкви, 12 волхвов принесли дары новорожденному младенцу Иисусу Христу.

А апокалиптический образ Небесного Иерусалима с его пропорциями, ступенями и количеством драгоценных камней, где все подчинено числу 12!

И, наконец, 12 апостолов Иисуса Христа. Здесь тоже прослеживается зодиакальная символика, так как 12 учеников Иисуса – от 12 колен израилевых, а там такая связь однозначна. Давно уже каждое из колен, потомков 12 сыновей Иакова, отождествлялось с одним из 12 знаков Зодиака: Эфраим – Весы, Менаше – Скорпион, Бинья-мин – Стрелец, Дан – Козерог, Ашер – Водолей, Нафтали – Рыбы, Иехуда – Овен, Иссахар – Телец, Завулон – Близнецы, Реувен – Рак, Шимон – Лев, Гад – Дева. Впрочем, в некоторых интерпретациях Иссахар – Козерог, Нефтали – Телец или Овен и т. д. Но идея, безусловно, та же самая.

Вот что написано в книге «История неба» К. Фламариона (1875): «...дело в том, что толкования эти все-таки основаны на последующем разделении двенадцати колен Израиля, знамена которых были украшены этими знаками. Мы видим, кроме того, что в

Иерусалимском храме наш подлунный мир разделен сначала на четыре части, а затем окружен двенадцатью знаками Зодиака, подобно тому, как в лагерях Израиля колено первосвященников, разделенное на 4 фаланги, шло, окруженное прочими двенадцатью. Первые четыре предводителя имели на своих знаменах изображения: Иуда – льва, Рувим – человека, или водолея, Эфраим – быка, Дан – скорпиона, каждое колено отличалось своим знаком...»

12 сыновей было и у другого сына Авраама – Измаила: Наваноф, Кед ар, Адбеел, Мивсан, Мишма, Дума, Масса, Хадад, Фема, Иетур, Нафиш и Кедма.

У мусульманских народов, которые до сих пор пользуются лунным календарем, на флагах изображен полумесяц. Но лунным календарем пользовались все древние народы! За год Земля делает один оборот вокруг Солнца. За это же время Луна почти 12 раз проходит всю последовательность смены своих фаз. А меняются эти фазы приблизительно через 7 суток. И это именно она, Луна, и «выделила» впервые Зодиак.

Вот, казалось бы, и вся разгадка священного числа 12. Все – от Луны! Но как-то не решается рука окончательно поставить точку. Как объяснить, например, что не только Платон и пифагорейцы говорили о скрытой структуре мира в виде додекаэдра? Похоже, и современные астрономия, геофизика и астрофизика находят тому подтверждение?..

Оказывается, найти разгадку числовых символов непросто. Может быть, она затаилась в глубинах Вселенной и ждет новых исследователей?

Заклятые друзья

Змея «взята в работу» фантазией с незапамятных времен – история культуры буквально кишит змеями. Змея занимает почетное место во многих религиях мира: ей поклонялись древние египтяне, ее почитали корейцы, тибетцы и американские индейцы, «уважали» в Древней Греции и Риме.

Первый же письменный памятник упоминает змею, в которую превращается шумерский бог Эа, дабы похитить у Гильгамеша с трудом добытое бессмертие. С тех пор каких только обликов она ни принимала.

С первобытных времен у человека с змеей натянутые отношения. Ненависть к ней – инстинктивная, едва ли не генетическая – все еще тлеет в нас: должно быть, змеи свили прочное гнездо в нашем подсознании, если «вползают» в сны даже горожан, никогда их вживе не видевших.

Временами ненависть доходила до благоговения, до обожествления врага – культы змей отмечены на всех континентах, хотя офилатрия (змеепоклонство) и страх-ненависть почти всегда

смыкаются и не зря – почитание змей часто выливалось в их ритуальное убийство.

Чем страшней и невероятней были змеи-выдумки, тем меньше боялись настоящих. Не этим ли объясняются нескончаемые фантазии на змеиные темы? Получается, что, сколько род людской живет, все старается вытеснить змей из своего сознания.

Змея действительно обладает некоторыми невероятными качествами:

- разверзнутая пасть с огромным жалом/зубом, таящим яд;
- немигающий взгляд, гипнотически завораживающий жертву;
- холодная кожа/кровь, подчеркивающая ее отчужденность от нас, жизнерадостных и теплокровных;
- пресмыкание, т. е. передвижение без помощи ног, коими обладают все порядочные твари Божьи;
- некая злокозненная мудрость/хитрость, позволяющая ей поражать свою жертву и чаще всего неожиданно (исподтишка);
- змея проникает в любые щели и расщелины, т. е. как бы проходит сквозь стены;
- змея обвивает и душит (не ей ли мы обязаны изобретением веревки и смертной казни через повешенье?);
- именно змею, в компании с пауком и скорпионом, как правило, обнаруживает герой в своей постели;
- змея поглощает и переваривает жертву размером гораздо более себя;
- змея сбрасывает кожу, – но это наименьший из ее грехов, поскольку гораздо хуже то, что с ней так или иначе связан ожидаемый в различных культурах конец света, а это уже действительно страшный грех.

Русский язык решительно развел, не давая спутать, добычу змееловов и трофеи змеборцев: змея – змей. К тому же никакие исторические ухабы не вытряхнули из нашего языка и третье слово – «змий» (исключительно для библейского искусителя). Самые популярные в русском эпосе Змей Горыныч и Тугарин Змеевич. Они крылаты, поэтому это скорее драконы. Но в русских сказках хватает и змей. Ползучих (под ними трава горит и сохнет) и тех, что с виду богатыри, а голова – змеиная.

Народное поверье приписывало змее-медянке слепоту. Прозревает она единожды в году – на Иванов день – и тогда бросается на человека или зверя, пробивая свою жертву насквозь (схожее поверье о змее, которая стрелой влетает в пасть крокодила и пробивает ему бок, бытовало у романских народов). В славянской мифологии змеи имеют своего царя, им, в частности, считался и василиск.

Издrevле людей поражала живучесть змей. Продолжавшее извиваться разрубленное тело вызывало трепет и благоговение перед особой жизненной силой змеи. «Нарисуй двух змей, мой мальчик, – писал в I в. римский поэт Флакк, – и место станет святым».

Но змея могла и смертельно укусить – и тут уж гаду ползучему не избежать было олицетворения с силами зла, тьмы, преисподней. Вспомним только греческий миф о Тифоне – чудище с сотней змеиных голов, способных на лай, рык и шип. Тифон, низвергнутый под землю в наказание за бунт против Зевса, лежит там связанный и извергает пламя и сотрясает почву; от брака его с полуженщиной-полузмеей Ехидной рождались сплошь чудовища, включая Химеру и лернейскую гидру...

Низменно-земной символизм змеи являл себя и в ее схватке с орлом – олицетворением света и добра. Мотив древний – его находят уже на кубке шумерского правителя Гудеа (XXII в. до н. э.) – и очень распространенный. Достаточно вспомнить старинный герб Москвы – Георгия Победоносца и символ Санкт-Петербурга – Медного всадника (в обоих случаях всадники, естественно, ассоциировались с орлами). В века, когда писатели завершали романы исключительно торжеством добродетели, печатники злоупотребляли книжной концовкой – гравюрой орла со змеей в когтях.

Перебывав на медалях и гербах десятков королей, эта пара перекочевала к Наполеону. Его брат правил в Мексике, и там высшее божество майя – солнце – принимало форму орла, убивающего змею и кролика – символы ночного неба и луны...

В индуистских мифах происходила та же вселенская битва – между мудрым змеем Нагом и птицей Гарудой. В буддистских мифах семиглавый Наг увидев, что Будду под деревом мочит дождь и сечет ветер, обвился вокруг медитирующего и простер над ним зонтиком свои семь голов (в благодарность Будда наставил его на путь истины). А дочь Нага – в облике девушки – с истинно змеиной хитростью

вырвала ночь любви у целомудренного юноши Арджуны. «Ты обязан помогать несчастным, – сказала она, – а разве я не несчастна в любви к тебе?»

Змея в когтях орла в античные времена не раз трактовалась как победа патриархата над матриархатом: змея означала женское начало и сакральную мудрость. Гомеровские греки видели в орле с окровавленной змеей в лапах доброе знамение: Троя падет. Орел-Зевс одолеет змеиное «женское» начало, ибо кто как не Афродита толкнула Елену нарушить святой закон патриархата и бежать с Парисом! А на острове Корфу почитали богиню Медузу, ставшую змеевласым чудищем Горгоной (при матриархате змеиные атрибуты Медузы, как у многих богинь древности, обозначали лишь бессмертие и святость).

Потом, в ветхозаветных книгах, и змей (теперь уже мужского рода) стал дьяволом, змием. Через него в мир вошел грех. Но и торжественно проклятый богом, змей продолжал оставаться символом мудрости: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог».

Для христиан змея представлялась существом двуликим, стихийным смешением добра и зла. Из средневекового «Бестиария» можно вычитать, что мудрость вызывала опасливое недоверие давным-давно, когда и сама мудрость была лишь очередной ступенью невежества. И Моисей в пустыне оберегал соотечественников от хворей и змеиных укусов с помощью... бронзового змея! (Лишь века спустя жрецы истребили среди древних евреев поклонение Яхве в виде змеи.) В самой Библии была заложена «двойственность» змеи. «Будьте мудры, как змеи, и безгрешны, как голуби», – говорит Сын Божий, будто не помня об Отцовом проклятии змеям: ползать на животе своем и есть прах...

Это наставление Христа открывает рассказ о змеях в книге II–III вв. «Физиолог». Текст, стократно повторенный бестиариями и обросший новыми выдумками, сообщал следующее:

«Нравоописатель сказал: три нрава у змеи.

Первый нрав: когда стареет и ослабевают глаза, и желает помолодеть, приступает к посту и тянет пост сорок дней и сорок ночей, пока не ослабеет кожа. Тогда ищет расщелину, входит твердо, сбрасывает старую кожу и молодеет.

Второй нрав змеи: когда идет к реке пить воду, не берет своего яда с собою, а изливает в пещере. Так и нам следует, когда собираемся пить живую вечную воду и слушать божественные слова в церкви, не брать с собою яду земных, полных мерзости страстей.

Третий нрав: когда видит голого человека, то страшится, а если видит одетым, нападает на него. Так, пока отец наш Адам был в раю, злой диавол не дерзал устремиться на него».

Змея, проползающая сквозь щель и сбрасывающая старую кожу, была привычной иллюстрацией к тексту бестиариев. Но если бы воображение довольствовалось этими тремя «нравами» змеи! Нет, каждый рассказчик в средние века прибавлял все новые «нравы» и уподобления. Тут и любимый образ иллюстраторов и архитекторов – змея в траве или среди цветов и листьев (затаенное коварство и лицемерие). И змея, пригретая на груди (по рассказу о легендарном императоре, который совершил подобную глупость). А уж раздвоенный язык давал повод изобличать и женские сплетни, и злонравие, и зависть...

В период, когда связь с дьяволом понимали буквально, людская фантазия к змеиному телу развратного дьявола прикрепила руки-змеи и вдобавок еще раздвоенный фаллос-змея. (Похожий мотив встретим и в индийской мифологии: у одного божества и язык и фаллос заканчиваются змеиной головой.) Эти образы нисходили к первобытному мышлению, когда змея была тотемом с ярко выраженным фаллическим значением. Следы этой символики проявляются и в наше время: молодые неаполитанцы по сей день покупают любовный амулет – резное изображение фаллоса, обвитого змеей, а в Индии желающие забеременеть женщины оставляют во дворе храма или у священного дерева каменное изображение пресмыкающегося...

При распространенной средневековой страсти к уподоблениям и аллегориям каждый символ расщеплялся на множество смыслов. Змий был воплощением мудрости, обновления «ветхого человека» – и одновременно ипостасью дьявола, низким искусителем, лицемером. Мало того: змий олицетворял женщину с ее хитрым и коварным характером (точнее, Лилит, первую и неудачную жену Адама, которая из злобы подвела соперницу под гнев Божий). Недаром рисунки «Бестиария» представляют змея грудастым, с женским лицом;

средневековые живописцы догадываются дать Лилит-змею руки, дабы протянуть Еве роковой плод.

В эпоху Возрождения змея как бы «секуляризуется». Расцветает причудливая эмблематика и входит в моду изображение змеи, кусающей себя за хвост, – осознанное возвращение к древнеегипетскому пониманию времени, вечности и бессмертия. На одной из таких эмблем нарисован змей, который заглатывает свой хвост, поднимаясь из пучины морской. Внутри кольца русалка и подпись: «Бессмертие через книжность» (книжная мудрость – это русалка и ее песни). В XVI в. уже не зазорно было польстить английской королеве, сказав, что у нее змеиная голова: змея стала аллегорией Благоразумия и Осмотрительности, преемницей богини мудрости Минервы.

Но вернемся к «Бестиарию» – наиболее полному кладезю многовековой символики. Змея в этом труде занимала срединное положение между двумя группами животных: между вымышленными и вполне реальными, но наделенными невероятными свойствами. К змее присоединяли и женское тело, и львиное, и скорпионье, добавляли голов без числа. Но все получалось как-то убого рядом с вольным полетом фантазии – оборотнем, василиском, фениксом. С другой стороны, нелепые утверждения о жизни гадюки или аспиды были вполне сравнимы с тем, что приписывали, к примеру, льву или собаке. И все же змея была неплохим строительным материалом для человеческой фантазии. Тот же дракон – по сути летучий змей. При львиной голове и теле козла у него змеиный хвост – подобных зоологических «каламбуров» в «Бестиариях» не счесть.

Пусть это аспидски трудно (было такое выражение в позапрошлом веке), попробуем совершить беглую экскурсию по фантастическому террариуму. Прежде всего – аспид. Нам кажется: это та же змея, только из семейства ужовых. Согласно «Бестиариям», у аспиды свой «нрав». Ловец-заклинатель пробует пением выманить аспиды из норы и выклянуть спрятанный у него в голове драгоценный камень карбункул. А почему нельзя применить силу? Если убить ползучую тварь – камень вмиг рассосется... Но и гад хитер: прижмет одно ухо к земле, заткнет другое хвостом – не выманишь!

Сказание восходило к тексту псалма против нечестивцев. Аспиды уподобляли то самому дьяволу, то грешнику (чаще богачу) –

прислушивается такой одним ухом к зову мирских утех, а другое закрывает от осуждающего гласа Господня. Известно, что изображение аспиды украшало лоб фараонов как символ их царской вечной власти. (По одной версии Клеопатра дала ужалить себя именно аспиду; по другой – египетскую царицу укусила фантастическая змея – гипнал, от укуса которой человек засыпает и умирает во сне.)

Движемся по террариуму далее. Загадочные сепс и дипса; яд первого проникает в кости отравленного, а яд второй действует столь мгновенно, что лицо жертвы не успевает исказиться... Змея якул, прыгающая с дерева на проходящих мимо. Страницы рукописей и фронтоны храмов украшали изображения и самой ужасной из всех змей – эморриса, будто бы выжимавшего из людей всю кровь. В Аравии обитала змея-сирена, способная мчаться быстрее лошади. А вот боа-удав, обитающий в Италии (на самом деле это вполне реальный житель тропиков), передвигается за стадами и выдаивает коров...

Теперь посмотрим, во что «Бестиарии» превращают обыкновеннейшую гадюку-виперу, которую крестьянин мог наблюдать хоть ежедневно. Латинское название виперы авторы возводят к слову, обозначающему «насилие», ибо насилием сопровождается появление на свет ее потомства – «порождения ехиднина». Гадюка якобы беременеет через уста, но когда самец кладет голову в пасть самки, та откусывает ее. Дальше больше: у самки нет чрева, детеныши выходят на свет, прогрызая матери бока. Амвросий назвал гадюку-ехидну самым мерзким из живых существ – за похотливость и стремление к совоплощению со «зловредной» морской муреной. К античности и «Физиологу» восходят рассказы о том, что змеи рождаются из спинного мозга трупов, что они лечатся от слепоты укропом, что живут несказанно долго и выживают, если у разрубленной твари остается возле головы хоть на два пальца плоти.

Есть еще амфисбена, у которой одна голова впереди, другая сзади. Амфисбена может двигаться в любом направлении, не поворачиваясь. Глаза ее, как верили, светятся подобно лампам, и это единственная из змей, которая переносит холод. А вот в Индии часто демонстрируют поразительную желтоватую змейку, известную под местным именем домунха (двулика), у которой хвост копирует форму головы. Она даже может пятиться назад.

Пожалуй, нигде архаичный культ змеи не закрепился так широко и прочно, как в Индии. На индийском субконтиненте превращение змеи в культовое существо было закономерным явлением. В теплом климате пресмыкающиеся – неизбежные спутники человека в его повседневной жизни. Спутники сколь извечные, столь и опасные, но в то же время загадочные: стремительно движутся, хотя и без ног, пристально смотрят немигающим, гипнотизирующим взглядом, сбрасывают кожу, как бы обретая новую жизнь. Уважение к змее было присуще и древним ариям, которые пришли в Индию в середине II тысячелетия до н. э. В их канонической литературе, например, в книге жертвенных изречений, Яджурведе, есть упоминание о поклонении змеям.

В собрании ведических гимнов, Ригведе, бурное брожение божественного напитка-сомы сравнивается со змеей, стремительным рывком освобождающейся от старой кожи, а в Атхарваведе, сборнике магических заклинаний, говорится о том, что сброшенные кожи змей собирали, ибо им приписывалась чудодейственная сила. Сбрасывание змеей кожи стало излюбленной метафорой древнеиндийской литературы, часто используемой в случае, когда герой освобождается от греха, заклятья либо суровых оков земного существования.

Зменный яд успешно использовался врачами древнеиндийской системы медицины Аюрведы в составе лекарства для больных холерой, как средство против обезвоживания. Индийцы вообще стремятся избежать убийства змеи, особенно кобры, за исключением ситуаций очевидной угрозы для жизни. Это – рудимент архаичного табу на убийство племенами своих тотемных животных, к коим нередко принадлежала и змея. Вид убитой змеи расценивается как недобрая примета; впрочем, нежелательно внезапно повстречать на пути и живую, если человек собрался совершить какое-то серьезное дело. Если в дом повадилась кобра, суеверные индийцы этому не препятствуют, полагая, что в ее обличье появляется кто-то из умерших родственников, и ставят в виде угощения плошку с молоком. Бытует в Индии и масса других предрассудков, имеющих отношение к кобре.

К примеру, считается, что эти рептилии живут парами; и если уничтожат одну половину супружеской четы, то другая неизбежно явится, чтобы отомстить. Действительно, часто так и бывает, подобные случаи нередко упоминаются в индийской прессе. Но этому факту

найден рациональное объяснение: подвергаясь физическому воздействию кобра непроизвольно выделяет пахучие вещества феромоны, которые привлекают других особей.

Главные персонажи змеиного пантеона известны под именами Ананта (Шеша), Васуки, Каркотака, Такшака. Богатое воображение людей наделило их недюжинной силой, мудростью, красотой и способностью принимать человеческое обличье. Во главе сонма змеиных духов стоит Шешнаг (он же Шеша, или Ананта), тысячеглавое мифическое существо, плавающее во вселенских водах. Оба имени – Шеша и Ананта – логически связаны. По преданию, в конце света, наступающем по окончании каждой из четырех юг (индуистских эр), огнем испепеляются все существа и в живых остается только Шеша-Ананта (шеша на санскрите – «остаток», ананта – «вечный», «не имеющий конца»). Не случайно индийский знак бесконечности – кобра, закусившая свой хвост. У этого мифического образа есть еще одно имя: Нагендра – повелитель кобр. Столь же часто в эпических произведениях упоминается Васуки. Его титул Сарпараджа – властелин змей (сарп на санскрите – «змея»). Васуки – правитель подземных миров.

Характерно, что не коварство, а мудрость, бессмертие, изящество и красота являются качествами, которыми чаще всего индийцы наделяют змеиные божества. Так, популярный у индийцев божок-пастушок Кришна выступает героем легенды, в которой рассказывается о его победе над змеем Калия, отравлявшим своим ядом воды реки Ямуны, на берегах которой Кришна вырос. В то же время, когда только что родившегося Кришну тайно переправляли ночью в бурю через ту же реку в надежное место, спасая от его злого дяди, раскрытый капюшон Шешнага прикрывал будущего народного героя от разбушевавшейся стихии. Положительные герои индийского эпоса – Баладева и Лакшман – считаются земными воплощениями Шешнага. Исключительно популярна в Индии легенда о пахтании Млечного океана богами и демонами с целью извлечь божественный нектар – амриту. В качестве веревки, приводившей в движение мутовку (гору Мандару), был использован великий змеиный бог Васуки. Не очень приметная роль, но, по меньшей мере, с пользой для сверхъестественного сообщества. Кстати, в процессе взбивания океана выделились не только искомый нектар, но еще и змеиный яд Васуки.

Чтобы спасти других, яд вызвался выпить бог Шива, отчего у него потемнела шея. Отсюда один из эпитетов Шивы – Нилкантх, то есть «с синей шеей».

В Индии немало храмов, посвященных змеиным божествам. Встречаются они в Кашмирской долине, в некоторых долинах горного штата Химачал-Прадеш. Есть мнение, что храмы на севере Индии посвящены не столько кобре, сколько древним правителям династий, которые вели свою родословную от нагов (первоначально тотемных символов) и имели равный с богами статус. До пришествия мусульман в Южную Азию династии нагов правили от Кашмира до Кабула. Все эти наги, которые изображены в храмах и которым поклоняются индусы, имеют человеческий облик, но с трехголовым капюшоном, несколько напоминающим трезубец – один из символов власти в Индии. Наги, в противоположность небесным полубогам индусского пантеона – асурам, воспринимались как подземные жители. Их считали хранителями сокровищ, ибо драгоценные камни находятся в недрах земли, причем в горных районах. Скорее всего, именно этим объясняется распространение их культа в прохладном Гималайском регионе, где змеи, и уж тем более кобры, встречаются нечасто.

В Индии и поныне есть поистине поразительные примеры почитания змей. Например, на юге страны, в штате Керала, получила развитие оригинальная практика привлечения кобр в храмы и даже в святилища в частных домовладениях. Во дворах многих домов, если позволяет место, выделяется специальный уголок с угощениями для пресмыкающихся. Эта, на первый взгляд, странная практика имеет практическую сторону. Змеи – главные истребители грызунов, уничтожающих съестные припасы. К тому же крупные, размером с ондатру, крысы-бандикуты делают подкопы под неглубокие фундаменты сельских построек, что опасно, особенно в сезон проливных дождей. Получается, что благосостояние семьи обратно пропорционально числу грызунов и напрямую связано с присутствием кобр.

Человек прошел долгий путь – от религиозного поклонения змее до фотографий в зоопарке с живым пресмыкающимся на шее – на память... А человеческое воображение двигалось своим путем – от мирового змея как символа вселенной, обвившего планету кольцом и

ждущего конца мира, чтобы поглотить ее, к заурядному «запечному змею», разновидности домового (был и такой у западных славян).

Но и сегодня людская фантазия не спешит отпускать змею восвояси.

Несчастливый «царек»

Василиска можно назвать блистательной неудачей фантазии. Строго говоря, это чудище ближе других знаменитых мифических существ к суеверию в чистом виде. Абсолютный вымысел – с самого начала он таил в себе роковую невозможность дальнейшего развития. Высокая поэзия отшатнулась от него, бросив на произвол бесталанного невежества... И все же история василиска по-своему необычайна, а уж как богата приключениями!

Начать с того, что василиск сегодня – не тот. Успехи естествознания изгнали из нашего сознания монстра, мало похожего на существо, рожденное человеческим воображением две тысячи лет

назад. «Сегодняшний» зверь, который уходит из нашей памяти на двух лапах, вполз в предание на брюхе: в античном мире василиск был всего лишь самой зловредной змейкой ливийской пустыни.

Картинно появлялся василиск у Плиния Старшего. По его рассказу, воин, имевший глупость пронзить смертоносную тварь длинным копьем, пал с коня мертвым – яд вошел в его тело через древко копья! Более сметливый ратник, описанный Луканом, в похожей ситуации спас себе жизнь страшным способом: разрубив мечом василиска, он немедленно отсек себе руку, державшую меч. Но смертоносный гад пустыни был известен и раньше. За два века до Плиния и Лукана его упоминал Элий Стилон – как всем хорошо известное существо: «Случается в Африке, что змеи собираются на пир возле издохшего мула. Вдруг они слышат жуткий вой василиска и поспешно уползают прочь, оставляя ему падаль. Василиск же, насытившись, снова издает страшный вой и уползает восвояси».

В отличие от, например, оборотня, морских дев, дракона, которых человеческое воображение рождало неизменно на всех континентах, причем независимо друг от друга, василиск – фантазия «локальная», творение умов европейцев и бытовавшая исключительно в Европе. В этом исчадии ливийской пустыни овеществился вполне конкретный страх древних римлян и греков перед непредсказуемыми опасностями песчаных просторов. Все страхи воинов и путников соединились в одну общую боязнь встречи с неким загадочным владыкой пустыни – «басилискосом», то есть «царьком» по-гречески. И хотя грозный гад не удостоился уважительного «басилевс» – «царь», ужас перед ним был неподдельным. Что касается римлян, то они изредка пользовались словом «регулюс» – калькой с греческого, сдабривая страх уловимой для римского уха насмешкой: империя, подмявшая под себя столько царств, многих грозных владык привычно звала царьками.

Ну а все-таки кто же был прототипом этого существа? Исходным материалом фантазии ученые называют то египетскую кобру, то рогатую гадюку, то шлемоносного хамелеона. К тому есть основания: кобра этого вида движется полувыпрямившись – с поднятой над землей головой и передней частью тела, а у рогатой гадюки и хамелеона наросты на голове похожи на корону. В таком случае на лбу изваянных или нарисованных египетских фараонов и богов мы видим,

возможно, не просто змейку с приподнятой головой – символ вечной жизни и могущества, а именно василиска.

Пустыня убивала человека многими способами. Неудивительно, что василиск возник как скопление смертоносных качеств: смертелен его взгляд (он истребляет все живое, выжигает травы, а камни обращает в пыль), его прикосновение, его дыхание, его вой. Разумеется, жить такому чудищу на роду написано лишь в пустыне – пустыня возникает вокруг него.

Обезопасить себя путешественник мог только двумя способами: иметь при себе ласку – единственное животное, которое не боится василиска и бесстрашно вступает с ним в бой, или петуха, ибо, по необъяснимой причине, пустынный царек не переносит петушиного крика.

Василиска-змею поминал Аристотель, ливийского гада живописал Гелиодор, а Клавдий Элиан (римский софист, писавший по-гречески) человека, который опасен даже на расстоянии, неизменно сравнивал с василиском. И все же ни один античный автор не воспламенился образом василиска и не удостоил его истинно подробного художественного описания. Зато в народных поверьях у василиска было свое прочное место: в древнеримских храмах кожа «царька» висела для отпугивания змей и скорпионов, и никто не сомневался, что достаточно протереть серебро пеплом правильно сожженного василиска, чтобы оно превратилось в золото. В будущем это отзовется опытами средневековых алхимиков, их пиететом к василиску и активным использованием его в алхимической эмблематике.

Трудно сказать, как бы сложилась судьба василиска в христианскую эпоху, если бы не «везение»: совершенно случайно он попал в Священное Писание. С легкой руки Иеронима Блаженного, автора Вульгаты (латинского перевода Библии), василиск был упомянут дважды в книге Исаяи. Иероним одно из древнееврейских названий змеи произвольно перевел как «василиск». В современных переводах недоразумение устранено, однако в средние века оспаривать существование василиска было богохульством.

Правда, на заре средневековья произошло и другое приметное для василиска событие – его временно... «потеряли»! Ливийский монстр не попал в «Физиолог» – энциклопедию живых существ, из которой черпали информацию все позднейшие средневековые бестиарии.

Забвение, однако, не стало роковым – оставаясь временно в тени, василиск сумел перестроиться и явиться в новом, более отвечающем потребности дня, облике. Миру фантастических существ вовсе не чужды дарвиновские законы: есть в нем и борьба за существование старинных выдумок, и естественный отбор, и изменение наследственных признаков. И даже межвидовая борьба.

В начале средневековья «филогенезу» (истории развития) василиска угрожала серьезная опасность. Падение Римской империи, безжалостная конфронтация христиан и мусульман на многие века отрезали Европу от Африки, и та все больше превращалась в неведомый континент, прибежище сказок и вымышленных тварей. Наш царственный гад рисковал стать всего лишь второстепенным персонажем для тех, кто никогда не попадет в африканские пустыни! А дальше – прозябание в ученых трактатах и одной-другой устной байке?.. Но тут – новый счастливый поворот в судьбе василиска: произошло его «одомашнивание».

Для успешной акклиматизации на европейской земле воображение скрестило его с петухом. В этом есть железная логика непоследовательности: извечные враги так тесно сплелись в схватке, что, наконец, срослись телами. Почему петух и василиск считались исконными врагами? Возможно, то была случайная прихоть фантазии. Но, во-первых, змею и птицу в одно тело воображение сращивало не раз. Во-вторых, еще в эллинистическом Египте верили, что ибисы питаются исключительно змеями и потому изредка из их яиц рождаются змееныши. Этим же птицам приписывали и некоторые физиологические странности: будто бы яйца они кладут из клюва. Такие рассказы – благодатная почва для последующей обработки. То, что мог далекий ибис, способен был совершить и соседский петух.

Достаточно частый и вполне объясненный современной биологией феномен перерождения петуха в курицу дал пищу для мрачной фантазии о василиске как «петушином отродье». Уже в эпоху Возрождения несколько петухов в разных европейских странах были подвергнуты пристрастному суду и, несмотря на все словесные ухищрения защитников, приговорены к котлу за злостное производство на свет василисков.

Начиная с XII в. василиск стал расселяться по городам и весям Европы. И, как ни странно, оставаясь все тем же смертоносным,

жутким чудовищем, зверь пугал все меньше и меньше: даже к самому отвратительному соседу со временем привыкают... Насчет «зверя» (а не «гада») – это не оговорка. Теперь василиск предстает в образе крылатого змея с головой петуха. Появляется он из яйца, снесенного петухом (об этом подробно рассказывает Пьер из Бовэ). У средневекового василиска хвост змеиный (реже драконий), крылья петушиные (реже лебединые); остальное, как правило, тоже от петуха: голова, гребень, две лапы со шпорами. По принципу экономии фантазии у василиска осталась лишь одна смертоносная способность – его убивающий взгляд.

Преобразование василиска в петуха вызвало и филологическое смятение: монстра стали все чаще называть «кокатрис». Слово это стало общим для всех романских языков. И хотя английское ухо явственно слышит в нем слово «кок» – петух, на самом деле «кокатрис» – результат фонетических приключений латинского слова «коркодилус», обозначавшего в средние века не только (и не столько) крокодила, но и вообще любое чудовище. Чосер в своих описаниях василиска пробовал применить гибрид – словечко «василикок», чтобы точнее определить природу чудовища и отмежеваться от разговорного значения слова «кокатрис», которое к тому времени приобрело иное значение. Это был специфический «термин», клеймящий гулящих женщин (ибо взгляды их убийственны для добродетели мужчин!).

Средневековые бестиарии рассказывали, что первый остроумный способ погубить василиска придумал Александр Македонский. Монстр убил взглядом немало его воинов, и тогда царь поднес к его морде зеркало – и тот погиб от собственного взгляда. Это напоминает нам гибель

Медузы Горгоны: согласно древнегреческому мифу, она окаменела, увидев свое отражение на зеркальной поверхности щита Персея. Кстати, в древности василиска (змея!) считали родившимся из капли крови Медузы Горгоны. Зеркало стало главным оружием в борьбе с василисками, которые в средние века бесчинствовали вокруг жилищ, отравляли своим присутствием колодцы и шахты. Ласки по-прежнему считались природными врагами василисков, но одолеть монстра они могли, только пожевав листьев руты. Изображения ласки с листочками во рту украшали колодцы, церковные скамьи. В церкви резные фигурки ласок имели символический смысл: для человека

Священное Писание было тем же, что листочки руты для ласки, – вкушение мудрости библейских текстов помогало одолеть василиска-дьявола.

Еще одной практической рекомендацией было глядеть на монстра из-под прозрачного стеклянного сосуда. Эти объяснения были на руку тем, кто в конце средневековья приспособился изготавливать чучела василисков – чаще всего их делали на основе морских скатов, и они были ходким товаром (последние экземпляры были проданы в США в 30-е годы XIX в.; поддельные чучела до сих пор хранятся в музеях Вероны и Венеции). Менее легковверные ученые и писатели удивлялись: если взгляд василиска детален – откуда столько свидетельств? Или свидетели видели другого зверя, или они попросту лгут!

На средневековых иллюстрациях часто изображали четыре ипостаси дьявола: аспид – грех, лев – Антихрист, дракон – дьявол и василиск – смерть. Лишь изредка василиска ассоциировали с Сатаной, хотя бестиарии охотно во всем мерзостном усматривали образ дьявола. За этой «странностью» скрывается коренной недостаток образа василиска: его герметичность.

Что известно о василиске сверх его внешнего вида? Лишь одно: смертельность взгляда. Дальше воображению не за что ухватиться. К василиску нельзя близко подойти, нельзя наблюдать за ним исподтишка. Своеобразное «целомудрие» средневековой фантазии не позволило ей домысливать недостающее. Раз василиска никто толком не изучил, не разглядел, то нельзя приписывать ему что попало. Фантазия способна выткать самые замысловатые узоры, но только на удобной основе. Но что можно выткать на обороте чугунной сковородки?

Такой же «чугунной сковородкой» мог стать феникс. Тоже существо с одним-единственным свойством: способностью воскресать из пепла (и все, никакой «биографии»!). Но, видимо, таинство воскресения столь неисчерпаемо в своей философской и житейской насыщенности, столь волнует и манит, что интерес к фениксу еще долго не остынет.

А главное и единственное свойство василиска – смертельность взгляда – до унылости однозначно. Смерть любопытна человеческому воображению, когда есть вероятность от нее ускользнуть, побороться с

ней, обмануть, одолеть. Чем мил страшный дракон? Тем, что его можно победить! Смерть же неминуемая, смерть-василиск – скучна. Ее ни обойти, ни объехать, ни герою, ни подлецу, ни ловкачу – где тут разыграть воображению?

Да и что скрывается за летальным взглядом василиска? Если это свойство организма, вроде окраски шерсти, то тут и пенять нечего. Если василиск убивает не по своей воле, а по своей физиологии, то грех его уподоблять дьяволу. Это не вина василиска, а беда. А вот способен ли он жалеть свои жертвы, мучает ли его самого роковая способность даже камни превращать в прах? И насколько он одинок в этой «взглядотворной» пустыне? Все это, увы, остается тайной.

Но без знания ответов на подобные вопросы монстр оказывается просто скучен для живого воображения. Остается только бояться его, что и делали многие-многие века.

Вот почему в межвидовой борьбе фантастических существ василиск остался неким ущербным драконом, которого победил дракон истинный, открытый для бесчисленного количества домыслов (характер, повадки, внешний вид). И вот уже некоторые авторы легкомысленно приписывают василиску четыре лапы – злостное смешение его с драконом, удачливым конкурентом в чашах фантазии. (У «настоящего» василиска только две лапы, на худой конец – восемь, лишь бы не столько же, сколько у дракона!) Ни один знаменитый художник не оставил полотна с изображением василиска: ведь живописцу нужно хоть минимальное проникновение в характер – даже зверя. А куда было проникать в данном случае? Зато орнаменталисты буквально упивались его изображением. Никто не мог сказать, что такое «канонический вид» василиска, и всякий мастер мог изошрять свое воображение, создавая ритмические композиции на стенах соборов, на фасадах домов, во внутреннем оформлении храмов. «Царек» змеиного мира по-настоящему царил лишь в геральдике – как символ грозного, могущества, царственности, свирепости (и занятий алхимией). Там, где нужен был лишь внешний вид монстра, где форма преобладала над содержанием – там василиск был ко двору.

Правда, поэты-романтики, в том числе Колридж, Ките, Шелли, предприняли было попытку возвеличить василиска. Одни поднимали его до уровня Сатаны – и змеиный царек представал едва ли не одиноким богборцем; другие находили ему место в утопических

видениях пророка Исаяи – в грядущей мировой идиллии ребенок будет безбоязненно ласкать василиска. Но эти образы не прижились в массовом сознании, василиск «не подпускал» к себе даже великих мастеров...

Так и вышло, что родился и вырос василиск на «поэтической» почве, на почве искусства и литературы, а свою долгую-долгую жизнь провел в изгнании – в глуши суеверий, откуда и был окончательно изгнан нашим веком. На сей раз в небытие, в пыльные углы памяти немногих эрудитов. Многие ли из нас точно представляют себе внешний облик василиска, его особенности?

«Как часто, – пишет один американский искусствовед, – мы скользим взглядом по изображению василиска на стенах европейских храмов или домов – и не только не падаем замертво, но даже не замечаем того, что только что заглянули в глаза – василиску».

Литература

- Андреев Ю. А.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. – СПб., 2002. – 348 с.
- Андрианов Б. В.* Земледелие наших предков. – М., 1978. – 198 с.
- Археология Украинской ССР. Т. 1.* – Киев, 1985. – 476 с.
- Бакстон Д.* Абиссинцы. – М., 2002. – 245 с.
- Бернхардт К.-Х.* Древний Ливан. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
- Бретон Ж. Ф.* Повседневная жизнь Аравии Счастливой во времена царицы Савской. – М., 2003. – 278 с.
- Буриан Я., Моухова Б.* Загадочные этруски. – М., 1970. – 298 с.
- Варга Д.* Древний Восток. – Будапешт: Корвина, 1985. —166 с.
- Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. – М., 1990. – 335 с.
- Вейнберг И. П.* Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. – М., 1986. – 208 с.
- Видейко М.* Первые города Европы // Древний мир. – 2001. – № 2.
- Вулли Л.* Забытое царство. – М., 1986. – 276 с.
- Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Худож. лит-ра, 1990. – 255 с.
- Галанопулос А. Г., Бэкон Э.* Атлантида. За легендой – истина. – М.: Наука, 1983. – 180 с.
- Голованов В.* Марш несокрушимых // Вокруг света. – 2003. – № 12.
- Гомер.* Илиада. – Л.: Наука, 1990. – 572 с.
- Грант М.* История древнего Израиля. – М., 1998. – 335 с.
- Греция: храмы, надгробия и сокровища // Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации».* – М.: Терра, 1997. – 168 с.
- Грин П.* Александр Македонский. Царь четырех сторон света. – М.: Центрполиграф, 2003. – 301 с.
- Гуляев В. И.* Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 191 с.
- Дженкинс Н.* Ладыя под пирамидой. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
- Древняя Индия: страна чудес. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации».* – М.: Терра, 1997. – 168 с.

Дубровский И. Спартанский эксперимент // Вокруг света. – 2006. – № 1.

Дьяконов И. М. Люди города Ура. – М., 1990 – 389 с.

История Древнего Востока: в 2 т. – М., 1983.

История Древнего Востока: ч. 1–2. – М.: Наука, 1988. – 623 с.

История Древнего мира, т. 1–3. – М., 1989.

История Древнего мира: в 3 т. – М., 1983.

История Европы. Т. 1. – М... 1988.

Кленгель-Брандт Э. Вавилонская башня. Легенда и история. – М.: Наука, 1991. – 158 с.

Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. – М., 1983. – 389 с.

Кондратов А. М. Атлантиды ищите на шельфе. – М.: Гидрометеиздат, 1986. – 223 с.

Кондратов А. М. Атлантиды моря Тетис. – М.: Гидрометеиздат, 1986. – 166 с.

Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Когда молчат письма. – М.: Наука, 1970. – 226 с.

Кондратов А. Этруски: загадка номер один. – М., 1977. – 325 с.

Кравчук А. Троянская война. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Кубеев М. 100 великих загадок истории. – М.: Издательский дом «Вече», 2009. – 256 с.

Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Г. А. Леонтьевой. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 368 с.

Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. – М., 1983. – 183 с.

Макнамара Э. Этруски. – М., 2006. – 192 с.

Малинова Р., Малинов Я. Прыжок в прошлое. – М.: Мысль, 1988. – 272 с.

Мифология древнего мира. – М.: Наука, 1977. – 454 с.

Можейко И. В. Тайны Древнего мира. – М.: Армада-пресс, 2002. – 183 с.

Молчанов А. А. Посланцы погибших цивилизаций. – М.: Наука, 1989. – 190 с.

Молчанов А. А. Таинственные письма первых европейцев. – М., 1980. – 190 с.

Немировский А., Краснова Е. Неабсолютная монархия хеттов // Вокруг света. – 2005. – № 6.

Низовский А. Сто великих археологических открытий. – М., 2004. – 354 с.

Оппенгейм Л. Древняя Месопотамия. – М., 1990. – 454 с.

Парандовский Я. Мифология. – М.: Дет. лит-ра. – 1971. – 272 с.

Пендлбери Дж. Археология Крита. – М., 1950. – 564 с.

Погребенные царства Китая // Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». – М.: Терра, 1998. – 168 с.

Русяева А. С., Супруненко А. Б. Исторические личности Эллиноскифской эпохи. – Киев; Комсомольск: Археология. – 2003. – 319 с.

Сетон Ллойд. Археология Месопотамии. – М., 1984. – 367 с.

Тейлор У. Микенцы. Подданные царя Миноса. – М.: Центрполиграф. – 2003 – 245 с.

Федорова Е. В. Люди императорского Рима. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1990. – 366 с.

Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 262 с.

Фрезер Дж. Ф. Фольклор в Ветхом Завете. – М.: Политиздат, 1990. – 542 с.

Церен Э. Библейские холмы. – М., 1986 – 345 с.

Шифман И. И. Александр Македонский. – Л.: Наука, 1988. – 206 с.

Штоль Г. Генрих Шлиман. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 431 с.

Шураки А. Повседневная жизнь людей Библии. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 279 с.